

В. П. Яйленко

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ БОСПОРСКИЙ РЕЙХ

ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА БОСПОРА

VI в. до н. э.— V в. н. э.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
некоммерческой организации «Фонд-Археология»*

Ответственный редактор:
д.и.н., проф. Масленников А.А.

Рецензенты:
д.и.н. Сапрыкин С.Ю.
к.и.н. Завойкина Н.В.

ЯЙЛЕНКО ВАЛЕРИЙ ПЕТРОВИЧ.

**Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в.
до н. э. – V в. н. э. М.: Гриф и К, 2010. — 740 с.**

Ряд очерков книги посвящен отдельным проблемам истории Боспора от VI века до н. э. по V в. н. э. Исследуется политическая история Боспорского царства, отдельные вопросы экономики, землеустройства, социальные институты, демография, административное устройство, религиозная и культурная жизнь. Большое внимание уделено текстологии боспорских лапидарных надписей. Книга рассчитана на специалистов по греко-римской античности, в особенности истории античного Северного Причерноморья.

ISBN 978-5-8125-1542

© Яйленко В.П., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ	7
Военная акция Дария I на Киммерийском Боспоре	7
Вотив Левкона I из Лабрита	12
Надписи времени Левкона I, Перисада I, Евмела	36
Титулатура первых Спартокидов	52
Боспорские проксении	55
Мнимые проксения Ольвии боспорскому Сатиру I и договор с Левконом I	80
Эпиграфические данные по экономике и демографии Боспора IV–II вв. до н. э.	94
Испражнение в храме как крайний способ материалистического отторжения религии	117
Превратное освещение боспорской антропонимии и эпиграфики	120
Вотив дочери Скилура	193
Надписи, относящиеся к Митридату Евпатору и Фарнаку	199
Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I	221
Титулатура боспорских царей I в. до н. э. — I в. н. э.	277
Агриппия, Кесария и другие автономные полисы римского времени	281
Рескрипты боспорских царей и fundamentum I–II вв. н. э.	296
Поход Савромата I против псеханов на азиатском Боспоре	310
Город Никея — Никополь на Тамани, основанный Савроматом I (КБН 44 и 1112)	328
Рельеф вотива фиасотов бога Танаиса КБН 1259.	331
Манумиссии и общие вопросы вольноотпущенничества на Боспоре	357
Аристопилиты царя Тираниса	403
«О бедном Устане замолвите слово...» (новая позднеантичная надпись из Киммерия на азиатском Боспоре).	409
Гунно-булгары II–V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропонимии	425
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. VADEMECUM ПО КОРПУСУ БОСПОРСКИХ НАДПИСЕЙ	477
Надписи V в. до н. э.	477
Надписи IV–I вв. до н. э.	485

Надписи времени Аспурга, Котиса I и Рескупорида II	491
Надписи времени Савромата I	497
Надписи времени от Котиса II (123–132) до Рескупорида III (210–226)	504
Эпиграфические источники о боспорско-херсонесских и боспоро- скифских отношениях при Савромате II и Рескупориде III.	511
Надписи II–III вв. н. э. о землеустройстве и экономике.	517
Почетные надписи в честь частных лиц.	528
Надписи фисов и списки имен	533
Эпитафии.	540
Строительные надписи	564
Надписи III–IV вв. н. э.	579
Надписи Танаиса и его окрестностей	586
Varia.	604
Надписи Горгиппии.	606

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. НОВЫЕ МЕЛКИЕ НАДПИСИ 657

Список литературы	678
-------------------	-----

Сокращения	722
------------	-----

Указатель надписей	727
--------------------	-----

Content	729
---------	-----

Светлой памяти дорогих родителей
Марии Спиридоновны и
Петра Константиновича Яйленко

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1965 г. издан «Корпус боспорских надписей», готовившийся в течение нескольких десятилетий большим коллективом ученых. Это крупное достижение отечественной античной эпиграфики. Призванный заменить изданные в 1890 и 1901 гг. II и IV тома IOSPE В. В. Латышева, КБН вообрал в себя также весь вновь найденный с тех пор материал. Собранные в КБН надписи обработаны на высоком научном уровне В. Ф. Гайдукевичем, А. И. Доватуром, Т. Н. Книпович, Д. П. Каллистовым, еще больший вклад внесла А. И. Болтунова, проведшая сверку с камнями. Однако основным автором Корпуса, как верно указала в рецензии Болтунова, остался Латышев, к концу жизни подготовивший свой боспорский корпус к переизданию, рукопись которого в полной мере использовали издатели КБН: из 1328 надписей КБН текстология ок. 1200 заимствована у него [Nadel, Oświecimski, s. 244]. Часть надписей КБН обработана хорошо, другая в недостаточной мере, но в целом КБН — незаменимая на ближайшее столетие публикация. За прошедшие 45 лет после выхода в свет КБН найден и опубликован существенный новый материал, появлялись и заметки к надписям КБН, в которых уточнялись их текстология и интерпретация. В 1970-х годах я обследовал подлинники всех доступных надписей в лапидариях Керчи, Анапы, Темрюка, Херсона, Одессы, Новороссийска, т. е. основную часть боспорского эпиграфического архива, также отдельные надписи в Эрмитаже и хранилищах Москвы, что, наряду с кабинетной работой, позволило во многих случаях уточнить текстологию надписей, как вошедших в КБН, так и изданных позднее. Ранее результаты изложены в статье «Материалы по боспорской эпиграфике» [Яйленко, 1987, с. 5–200], опубликованной в малотиражном сборнике Ин-та всеобщей истории АН СССР.

Теперь «Материалы по боспорской эпиграфике» коренным образом переработаны, расширены и составляют основное содержание второго раздела предлагаемой вниманию читателя книги — «Vademecum по Корпусу боспорских надписей»: в качестве гида приглашаю читателей на экскурсию по КБН, основная тематика — текстология надписей.

Первый раздел книги составляют статьи по лапидарной боспорской эпиграфике, это в основном публикации новых надписей или републикация старых, тут они рассмотрены как исторический источник. Часть статей написана для данной монографии. По жанру она не *Kleine Schriften*, т. е. сборник опубликованных статей, так как актуальность перепечатки уже изданных работ обусловлена различными причинами (большое число опечаток в греческом тексте, малотиражность сборников, соединение изданных порознь частей и пр.). Все статьи дополнены новыми материалами и существенно переработаны.

Появлением этой книги я и читатели обязаны дружескому содействию Александра Александровича Масленникова — из его идеи переиздать «Материалы по боспорской эпиграфике» выросла эта книга, он же в основном обеспечил финансирование проекта, за что приношу ему свою сердечную благодарность. Многих книг, изданных за 2 последних десятилетия в Крыму, Киеве и даже Питере, нет в библиотеках Москвы. Тот же А. А. Масленников, Н. В. и А. А. Завойкины любезно предоставляли мне их из личных библиотек, за что я весьма им признателен. Но не все оказалось доступным, сожалею, что ряд работ по затронутым сюжетам не получил отражения здесь (в этом есть и вина их авторов — надо посылать свои книги и сборники хотя бы в центральные библиотеки).

На этом я заканчиваю свою работу над лапидарной эпиграфикой Боспора, так как требуют завершения другие темы. *Quid potui feci*, идущим на смену исследователям желаю успеха на этом интересном поприще.

*Maintenant, va, mon Livre, où le hasard te mène.*¹

¹ Paul Verlaine. *Poèmes saturniens*. Prologue («Теперь ступай, моя Книга, куда тебя ведет Провидение» — Поль Верлен. Сатурнийские стихи. Пролог).

«История — предмет беспредельный, многосложный, доставляющий более хлопот, нежели приятности или истины».

Августин, О порядке, II, 12.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОЧЕРКИ ИСТОРИИ И ЭПИГРАФИКИ

ВОЕННАЯ АКЦИЯ ДАРИЯ I НА КИММЕРИЙСКОМ БОСПОРЕ¹

Ранняя политическая история Боспора Киммерийского нам практически неведома, и первое известие о ней — сообщение Диодора (XII, 31, 1) о приходе к власти Спартокидов в 438 г. после 42 лет правления Археонактидов, воцарившихся, стало быть, в 480 г. Подробный рассказ Геродота о походе Дария I на скифов, сведения о котором «отец истории» собирал в Ольвии, игнорирует Боспор, хотя ясно, что крупнейшее государство Сев. Причерноморья не могло остаться в стороне от этого важнейшего для местной истории события конца VI в. С другой стороны, на Боспоре еще в I в. н. э. определенно присутствуют ахеменидские традиции, ярко проявившиеся в политике Митридата VI, не побоявшегося выступить против непобедимого Рима. Величие, свойственное идеологии ахеменидских царей, явственно звучащее в их надписях, титулатуре и прочем, равным образом обнаруживает и разбитый римлянами Митридат VI: обращаясь к их союзнику, царю могущественных аорсов Евнону, он вверяет себя его представлениям о царской *dignitas* — «поступай, как хочешь, с потомком великого Ахемена — лишь этого не отняли у меня враги». И Евнон тронут его знатностью (*claritudo*), продолжает Тацит (An. XII 18–19), столь авторитетным оставалось ахеменидское происхождение даже в такие поздние времена. Распространителем ахеменидских традиций на Боспоре считается Митридат Евпатор, Ахеменид, неутомимый враг римлян и плохой полководец. Между тем, его непосредственное пребывание на Боспоре было недолгим, не более двух лет (64–63а), и ни правлением тут его сыновей Махара и Фарнака, ни

¹ Это тезисы доклада [Яйленко, 2004а], слегка дополненные. В Оксфорде я собрал все источники и литературу по этой теме, если позволит время, раскрою ее в должной мере.

выдачей им своих дочерей замуж за варварских царьков азиатского Боспора (Афр. Митт. 105, сф. 108) не объяснить столь долгую живучесть ахеменидских традиций тут и авторитет Ахеменидов. Видимо, это давние традиции, не поздние времен Спартокидов, которые, на наш взгляд, были отраслью царских скифов и их родовым доменом была Тамань [Яйленко, 1995, с. 240 сл.]; о зависимости их и Археанактидов от Персии см. ниже.

Подобного рода соображения давно побуждали исследователей к конкретизации ахеменидских традиций в Сев. Причерноморье — связи с Персией усматривали в найденных тут немногих вещах персидского происхождения, монетной эмблематике, топонимике, антропонимике и *нр.* Особенно в последнее время выявляются разные аспекты влияния Ахеменидской Персии на ранний Боспор [Кошеленко, Усачева, 1992; Fedoseev, 1997; Кошеленко, 1999; Яйленко, 2004а] (критика [Молев, 2006]). Например, в области политических отношений представляется перспективным заключение Г. А. Кошеленко [1999, с. 138], что выражение *κατὰ τῆν Ἀσίαν* у Диодора в сообщении о приходе к власти Спартокидов на Боспоре, которое сицилийский историк употреблял в том случае, когда писал о Персидской державе или зависимых от нее странах, означает, что до 438 г. «Боспор находился под контролем Ахеменидов». Ниже мы сопоставим ряд источников, известия которых, на наш взгляд, свидетельствуют о предпринятой Дарием I военной акции против боспорских скифов — он пленил и казнил их царя и поставил на его место своего ставленника. Основные источники: стк. 21–30 колонки V Бехистунской надписи Дария (далее DB), в которой он сообщает о своем походе на скифов, пленении их царя Скунхи и замене его своим ставленником; фр. 13 «Персидской истории» Ктесия с сообщением об отправке Дарием морской экспедиции во главе с сатрапом Каппадокии на скифов, пленении брата их царя и оскорбительном письме скифского царя Дарию, которое послужило поводом к вторжению персидской армии ок. 512 г. в Скифию.

В I–IV кол. DB Дарий говорит о первом годе своего правления, когда ему пришлось силой утвердиться на троне и подчинять отпавшие провинции. Затем была добавлена V кол., в которой он сообщил о событиях 2 и 3 годов своего правления — покорении вновь восставшего Элама и победном походе на скифов. К сожалению, интересующие нас стк. 21–28, в которых говорится о скифском походе, основательно разрушены, что породило различные дополнения текста исследователями и разное понимание существа похода. Все эти контroversии мы разберем в полной публикации данной работы, здесь ограничимся следующим выводом: поскольку состояние текста позволяет делать разные дополнения и, соответственно, различным образом трактовать события скифского похода, методически приемлемым для исторической интерпретации является лишь сохранившийся текст, дополненный только стандартными формулами. Иначе говоря, в качестве источника для исторических разысканий возможно привлечение лишь текста, данного Дж. Кэмероном по подлиннику, недоступному для прочтения без специальных приспособлений (его текст и дополнялся исследователями по-разному).

Учитывая разрушенное состояние данной части надписи, Кэмерон методически правильно ограничился лишь передачей разобранного им текста, дополнив одни бесспорные формульные его элементы и воздержавшись не только от реконструкции текста, но даже от перевода на английский язык. Наш перевод кол. V, стк. 21–30 персидского текста по чтению Кэмерона:¹ «Затем с войском я пошел на скифов. Затем - - острые носящие - - против, моря я достиг - - всей перешел - - разбил, часть взял в плен - - ко мне - - вождя, Скунха имя его, пленили и привели ко мне. Тогда я поставил другого вождя, как пожелал. После этого страна стала моей».

Ключевые слова сохранившегося текста дают представление об основных обстоятельствах похода: противник — скифы, носящие остроконечные шапки (*ta-i-ga-ra-a-ma: ba-ra-ta-i-ya*), обитающие за морем (*da-ra-ya*), часть их пленена, взят в плен и вождь их по имени [*sa-ku-n*]ха, на его место определен ставленник Дария. В списках персидских провинций времен Дария и Ксеркса фигурируют «заморские» скифы, т. е. обитатели Сев. Причерноморья, упоминаемые после Египта, Ионии, Лидии, а также «скифы, носящие остроконечные шапки», упоминаемые в числе центральноазиатских данников и владений Персии. В вопросе о конкретизации скифов, против которых был направлен поход Дария, мнения ученых разделились: одни сочли их «заморскими», т. е. причерноморскими скифами (Э. Херцфельд, А. Херманн, Дж. Бальцер, Дж. Кэмерон и *нр.*), другие среднеазиатскими (Х. Шнитцлер, В. Хинц, Я. Харматта, В. Нагель, А. Шахбази и *нр.*). На наш взгляд, этот вопрос решается параллельными рассказу Дария данными Ктесия, в «Персидской истории» которого сообщается о походе сатрапа Каппадокии Ариарамна на скифов (FGH 688 F 13 = *Photii Bibl.* 72, p. 37a): «Поскольку Дарий приказал сатрапу Каппадокии Ариарамну пойти на скифов и полонить мужчин и женщин, тот, выступив на 30 пентеконтерах, захватил пленных, причем был схвачен и брат скифского царя Марсагет, оказавшийся заключенным в оковы родным братом за злоупотребление. Разгневанный скифский царь Скифарб написал оскорбительное письмо Дарию и получил такое же в ответ»; далее говорится о сборе Дарием армии, переправе через Боспор и Истр, состязании скифского и персидского луков и отступлении Дария, ибо его лук проиграл.

Рассказы DB и Ктесия обнаруживают явный параллелизм в изложении событий скифского похода, которые группируются следующим образом.

¹ [Cameron, 1951, p. 53–54]: (стк. 21) *pa-[sa-a-va : ha-da]-a : ka-[a-ra-a : a]-da-ma : [a-ša]-i-ya-va-ma : a-ba-i-ya : sa-ka-O* (стк. 22) *a-ma : pa-sa-[a]-v[a : - ca 14 -] : ta-i-ga-ra-a-ma : ba-ra-ta-i* (стк. 23) *ya : i-[-- ca 15 --]-i-ša[...]-i-ya : a-ba-i-ya : Oda-ra-ya : a* (стк. 24) *va-a[-- ca 6 --]-ra-xa[...]-a[-- ca 11 --]-a : vi-i-sa-a : (стк. 25) ya-ma [-- ca 18 --]-a-ja-na-ma : a-[na]-i-ya-ma : a-ga* (стк. 26) *ra-ba-a-ya [ma : ha-u-va : ba- O]-sa-ta[-- ca 5 --] : a]-O ba-i-ya : ma-O-a-ma : u-ta-O* (стк. 27) *a[-- ca 12/13 --]-i-ša-t[a-ša-a-ma : sa-ku-u]-xa : na-a-O-ma : a-va-ma : a-ga* (стк. 28) *ra-ba-a[-- ca 7/8 --] : a-na-ya [: a-ba-i-ya : ma-a-ma : a]-va-da-a : a-na-O-iO-ya-ma : ma-θa* (стк. 29) *i-ša-O-t[a-ma] : a-ku-u-na-va-ma : [ya-θa-a :] ma-a-ma : [ka]-a-ma : a-ha : pa-O-sa-a-va : da* (стк. 30) *ha-ya-a-[u-ša : ma]-na-a : a-ba-va*.

1) DB: Дарий идет с армией на скифов; Ктесий: Дарий велит Ариарамну идти на скифов. 2) DB: Дарий пересекает море; Ктесий: сатрап пересекает море на 30 кораблях. 3) DB: Дарий берет в плен часть скифов; Ктесий: сатрап захватывает в плен скифов. 4) DB: к Дарию приводят плененного скифского вождя Шкунху; Ктесий: в числе пленников — брат скифского царя Марсагет. Очевидный параллелизм событий означает, что Ктесий писал о скифском походе Дария, предпринятом на 3 году его правления (520 или 519^a),¹ который явился прелюдией последующей грандиозной экспедиции Дария в Сев. Причерноморье в 513 или 512 г. Спорный вопрос о локализации скифов DB поясняется указанием Ктесия на отправку морской экспедиции из Каппадокии — ближайшие к этой южнопонтийской области скифы обитают на Боспоре. Таким образом, в V кол. DB Дарий сообщал о своем походе на боспорских скифов, где пленил местного царя Скунху, поставил на его место свою креатуру и та «страна стала его», т. е. Боспор вошел в орбиту Персидской империи.

Следует напомнить, что Ктесий провел 17 лет при дворе Артаксеркса II, был личным врачом царя и матери его Перисатиды, вернувшись на покой в родной Книд в 397 или 393 г., написал «Персидскую историю» в 23 книгах. Он отметил, что изучал персидские царские архивы; поскольку, по его словам, Дарий II и Перисатида считали его едва ли не братом сына своего Артаксеркса, можно думать, что Ктесию доводилось слушать их рассказы о предках. В литературе существуют разные оценки достоверности известий «Персидской истории» Ктесия, но его осведомленность о придворной истории Персии несомненна. Подлинность известия Ктесия о скифской акции сатрапа Каппадокии косвенно подтверждается тем, что ему хорошо известна география южного и юго-вост. Понта — в сочинении «Землеописание» он упоминал мыс Гиерон, Амарантские и Тибаренские горы в Колхиде, мо-синойков (Ft 56, 57). Перисатида, возможный источник его сведений, общалась со скифами (Ft 24).

Отметим и расхождения рассказов DB и Ктесия: в DB Дарий говорит о своем походе, Ктесий — о его распоряжении сатрапу Каппадокии выступить на скифов; имя скифского вождя у первого Скунха, у второго Марсагет (cod. M Masageta). Что до первого расхождения, то участие Дария в морской экспедиции — плавании на 50-весельном корабле через море — по определению исключено, так как он был таким же традиционно «сухопутным» полководцем, как и остальные владыки Ближнего и Среднего Востока; возможно, он лично отправился в поход, но не далее Каппадокии — уладив в первые два года правления дела на востоке и в Месопотамии, Дарий обратился на запад, через который лежал путь в Египет, где он был уже в 518 г. Объяснимо и различие имен скифского царя. В стк. 27 DB [- -]ха: па-а-та: а-ча-та «-ха имя того» обычно восстанавливали имя [Skun]ха на основании

приписки к рельефному изображению пленника у V кол. DB: iyam skunxa haia sakā «это сак Скунха». Однако недавно В. Нагель отметил, что последний пленник — не Скунха [Nagel, 1983, S. 172 f.], что способно поколебать точность восстановления этого имени в DB.

Наше заключение о военной акции Дария против боспорских скифов и вхождении Боспора в его империю поддерживается третьим, независимым источником — греческой хроникой, составленной в 15 г. н. э. и найденной в Риме, так называемой Tabula Capitolina (IG XIV, 1297). Согласно этой хронике, в том же 514 г., когда Гармодий и Аристогитон убили Гиппарха, «Дарий, наведя мост, перешел Киммерийский Боспор». Поскольку Дарий во время личного похода 513–512 г. в Сев. Причерноморье, согласно подробному описанию Геродота, на Боспоре не был, следует заключить, что в данной хронике его поход совмещен с акцией Ариарамна 519 г. против боспорских скифов. Таким образом, в 519 г. в результате экспедиции Ариарамна Боспор попадает в зависимость от Персии. Косвенное подтверждение этому можно усмотреть в списке провинций царя Нина у Ктесия (Pers. fr 1), которые идентичны провинциям Персидской державы (к идентичности ср. слова Ктесия о завоевании Нином «всей Азии между Танаисом и Нилом» со строками 3–10 персепольской надписи h: «Говорит царь Дарий: вот царство, которое есть у меня — от скифов, живущих за Согдианой, до Эфиопии, от Синда до Сард»). В этом списке присутствуют «Каппадокия и варварские народы, обитающие вдоль Понта до Танаиса», причем вновь, как и в рассказе об экспедиции Ариарамна, Каппадокия фигурирует в географической связи с Боспором. Так как первые 3 года Дарий занят восстановлением империи предков, подавляя отпавшие провинции, экспедиция Ариарамна на Боспор вписывается в этот же ряд, т. е. Боспор еще раньше был включен в империю, скорей всего Киром, интерес которого к скифским землям стоял ему в 548 г. головы.

¹ Здесь и далее латинская буква *a* после цифры обозначает *ante* = до н. э., буква *p* = *post*, т. е. нашей эры.

Т.В. Блаватская [1993, с. 34 сл.] опубликовала найденную на Семибратнем городище посвященную надпись Левкона I, сделанную на известняковом постаменте хорошим классическим письмом IV в. до н.э. (рис. 1):

- εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο ἀρχων]
 Φοίβωι Ἀπόλλωνι στήσε τῶι ἐν Λ[αβρύτῃ,]
 3 τῆς δὲ πόλεως μεδέοντι Λαβρύτῳ β[οηθῶν ἐπ']
 Θεοδοσίῃς τε μάχῃ καὶ κράτει ἐξεδ[ήλωσα?]
 5 Ὀκταμασάδε(ι)· ἄγῃ σε Ξίνδων παῖδε κ[αὶ λῦε]
 τοῦ Σίνδῳ βασιλέως θ[α]νατὸν οἰκεία· ἐχθρὸς μὲν ?]
 7 ἐγβάλλων ἀρχή[ν] εἰς τὴν ἐπολιγο[δρανίαν ?]

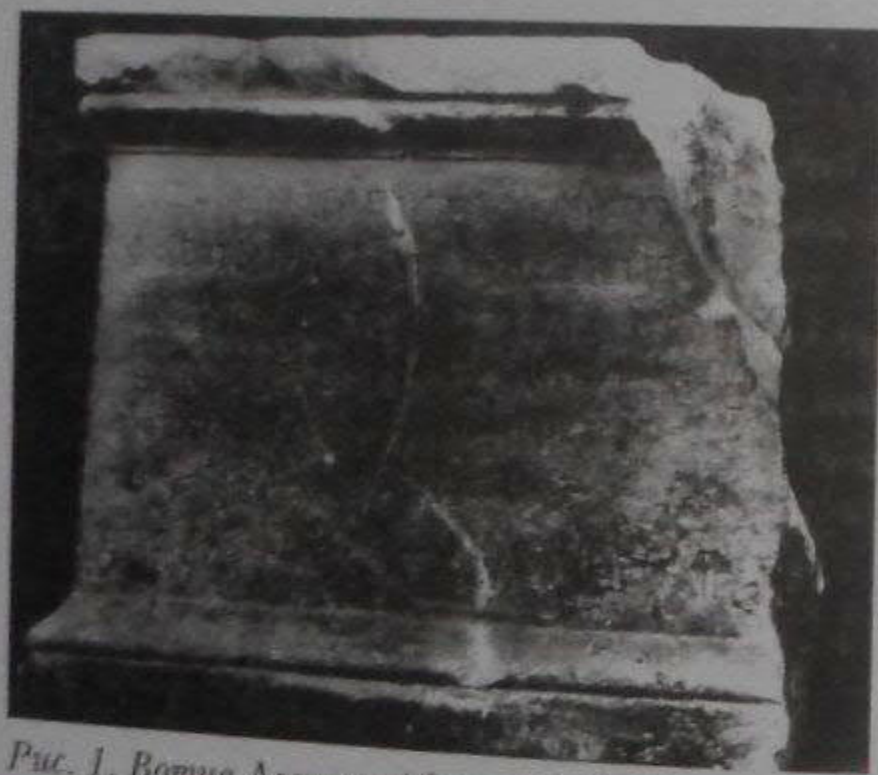

Рис. 1. Вотив Левкона (фото Н. В. Анфимова).²

«Принесший обет Левкон, сын Сатира, архонт. Фебу Аполлону поставил, тому, что в Лабрите. Владыке же города лабритян я, помогающий после сражения и победы над Феодосией, указал Октамасаду: «Уводи к себе от Синдов обоих сыновей и уничтожь смертоносную дружбу царя Синдов — ведь враждебен доводящий царство до тяжелейшего (поражения ?)». Стела слетка отбита справа, но незначительная утрата весьма затрудняет понимание ёмкого стихотворного текста. По этой причине и ввиду важности данного исторического документа неизбежно появление других работ о текстологии и интерпретации содержания памятника; это обычная эпиграфическая практика — другие исследователи корректируют первоиздание и уточняют текст. Вскоре поступили отклики Ю. Г. Виноградова и С. Р. Тохтасьева, которые улучшили чтение текста; вопреки их стараниям умалить значимость публикации Блаватской (о хамском отзыве Тохтасьева см. [Яйленко, 2008, с. 573/4]), заслуга ее как первоиздателя надписи бесспорна. Рассмотрим работы Виноградова и Тохтасьева. Первый [Vinogradov, 1996, p. 611, № 306] поместил в своей информационной заметке в Bull. ép. текст Блаватской и дал свой текст с рядом поправок (без перевода):

- εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο τὸδ' ἄγαλμα]
 Φοίβωι Ἀπόλλωνι στήσε τῶι ἐν λ[ογίμῳ ?]
 3 τῆςδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῳ, β[οσπόρο ἐχθροῖς]
 Θεοδοσίῃς τε μάχῃ καὶ κράτει ἐξελ[άσας].
 5 Ὀκταμασάδε, ἄγῃς ἐΞίνδων παῖδ' Ἐκ[αταίο]
 τοῦ Σίνδῳ βασιλέως, ὃς πατέρα οἰκ[ηίης]
 7 ἐγβάλλων ἀρχῆς εἰς τήνδε πόλιν κ[ατέκλεισεν?].

Как видно, Виноградов повторил чтение сохранившегося текста издательницей, им лишь предложены иные дополнения утраченных концов строк: в стк. 1 добавлено [τὸδ' ἄγαλμα], стк. 2 ἐν λ[ογίμῳ], стк. 3 β[οσπόρο ἐχθροῖς], стк. 4 ἐξελ[άσας], стк. 5 — παῖδ' Ἐκ[αταίο], стк. 6 ὃς πατέρα οἰκ[ηίης], стк. 7 τήνδε πόλιν κ[ατέκλεισεν?]. Его комментарий: «1) Нам становится известным название города на месте Семибратнего городища — Λάβρυς (не Λαβρύτης, как сочла Т. В. Блаватская. 2) Подтверждается, что завоевание Феодосии произошло в первые годы правления Левкона. 3) К имени царя синдов Гекатей ср. Polyaei VIII, 55 (в связи с Тиргатао). 4) Наконец, этот документ предоставляет нам ошеломляющую информацию: присоединение Синдики к Боспорскому царству не было таким мирным, как полагали. Неизвестный по имени сын царя синдов Гекатея отстранил отца от законной власти и укрепился в городе Лабрисе (который не был столицей Синдики). Несмотря на свои успехи, Левкон не преуспел в низложении узурпатора и вынужден был обратиться за поддержкой к скифскому царю (не к царю лабритян, как сочла Т. В. Блаватская) Октамасаду (имя представлено также на граффито V в. до н. э. из Гермонассы), брату царя Скила, что подтверждает связь между Скифией и Боспором. Этот важный документ заслуживает новой публикации». Виноградов успел подготовить только раздел о текстоло-

¹ Эта статья [Яйленко, 2004], перепечатывается ввиду важности темы. Здесь и далее годы правления спартокидских царей даны по разработанной нами хронологии [Яйленко, 1990, с. 299 сл., 304, 307]. Другие хронологии [Werner, 1955, S. 430; КБН, с. 832 (В. Ф. Гайдукевич); Rostowzew, 1993, S. 223 (схема Ю. Г. Виноградова); Мельников, 2009; Завойкин, 2011, прилож. 2].

² Даем фото разных авторов с указанием фамилии. Прорисы надписей выполнены мною с камней, авторство не указывается (заимствовано лишь несколько прорисей, фамилии их авторов названы).

гипописи, который опубликовал Шелов-Коведяев со своим комментарием (см. ниже).¹ Часть предложенных Виноградовым поправок удачна, часть безосновательна, что показал Тохтасьев [1998]. Он принял дополнения Виноградова в стк. 1, 4–6 и частично 7, остальные отверг. Нам же представляются правильными дополнения Виноградова в стк. 1, ибо к στήσε необходимо подлежащее, и в стк. 5 — свидетельство Полиена о царе синдов Гекатее служит хорошей основой для чтения тут его имени — παῖδ' Ἐ[καταίου]; соответствует подлиннику чтение ὅς πατέρα в стк. 6 и εἰς τήνδε πόλιν стк. 7. Предложенные им дополнения в стк. 2–4, 6–7, на наш взгляд, безосновательны (см. ниже). Тохтасьев дал свое чтение и пер. [1998; 2004] (приводим текст и пер. 2004 г., отличающийся от предыдущего мелкими деталями):

εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο τόδ' ἄγαλμα]
 φοῖβω Ἀπόλλωνι στήσε τῶν ἐν Λ[αβρί]
 τήσδε πόλεως μεδέοντι Λαβρυτῶν, Β[οσπόρο ἀρχῶν]
 Θεοδοσίηστε, μάχῃ καὶ κράτει ἐξελάσας]
 5 Ὀκταμασάδεα γῆς ἐξινδῶν, παῖδ' Ἐκ[αταίου]
 τοῦ Σινδῶν βασιλέως, ὅς πατέρα ο[- -]
 ἐγβάλλων ἀρχῇ[ς], εἰς τήνδε πόλιν κ[- -]

«Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [вот это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Λ[абрисе], — владыке сего города лабритян, — [архонт] Β[оспора] и Феодосии, изг[навши] битвой и (военною) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти, в сей город во[рвался]». По нашему мнению, наиболее удачно предложенное Тохтасьевым чтение в стк. 5 выражения Ὀκταμασάδεα γῆς ἐξινδῶν, так как вычитанное тут Блаватской и повторенное Виноградовым Ὀκταμασάδε, ἄγης невозможно ввиду того, что вокатив основ на -ης имеет флексию -ες, а не -ε (в аттической эпиграфике представлена нормативная флексия вокатива -ες, зафиксирован лишь один случай окончания -η [Threatte, 1996, p. 178]). По поводу асс. Ὀκταμασάδεα отметим: несмотря на то, что флексия аккузатива -α основ на -ης чрезвычай-

Текст Блаватской воспроизвел Е. А. Молев [1997, с. 106]. Г. Плекет поместил текст Блаватской [SEG. 1993, № 515], добавив в примечания вышеприведенные дополнения Виноградова, присланные ему per litteras. Надо сказать, что раздел об эпиграфике Северного Причерноморья в SEG долгое время хорошо вел Г. Михайлюк. Не зная ни северочерноморской эпиграфики, ни русского языка, Плекет с радостью ухватился за письма, регулярно поставляемые ему Виноградовым, и снабжал каждую надпись его чтениями, как правило, не подкрепленными аргументацией. В результате уравнивались статья какого-либо автора, в которой обосновывалось его понимание документа, и письмо Виноградова, в котором тот высказывал свое мнение, печатным образом не обоснованное. За всю историю SEG, отмеченную прекрасной работой редакторов, столь слабого северочерноморского раздела, как при Плекете, не было.

но редка,¹ она зафиксирована в боспорской стихотворной эпитафии КБН 120 (προσηνέα, *пот.* προσηνής), поэтому возможна и в нашей надписи. Напротив, неприемлемы дополнения Тохтасьева в стк. 2 и 3, о чем ниже.

В публикации 2002 г. Виноградов признал неуместность части прежних своих дополнений.² Он принял все соображения Тохтасьева, за исключением последней строки, где поместил новое дополнение κ[ατέθερεξεν ?] (восстановление в лакуне стк. 2 [Ἀσίη ?] принадлежит Ф. В. Шелову-Коведяеву). Виноградов перевел надпись так: «Принесши обет Левкон, сын Сатира, поставил (эту статую) Аполлону Фебу, владеющему в (Азии ?) этим городом лабритов. Правя Боспором и Феодосией, он, одолев в битве, изгнал из земли синдов Октамасада, сына синдского царя Гекатея, который, лишив отца (родовой) державы, (совершил набег ?) на сей город». Подготовивший статью Виноградова к публикации Шелов-Коведяев приложил к ней две страницы своего исторического комментария к надписи, смысл которого сводится к тому, что синдское государство существовало, но при Левконе стало частью его державы.

Подводя итоги рассмотрению историографии, отметим, что трудами Блаватской, Виноградова, Тохтасьева в науку введен новый значительный документ. Вместе с тем отдельные элементы текстологии и, главное, — его историческое содержание, все еще остаются недостаточно разъясненными. Начнем с текстологии, оговорившись, что основная работа уже проделана названными учеными, так что наши замечания лишь уточняют детали. Предварительно отметим, что надпись составлена элегическим дистихом, но, вопреки стандарту, имеет нечетное количество строк — три пентаметра завершаются «лишним» гекзаметром (Виноградов почему-то назвал последнюю строку усеченным пентаметром [2002, с. 6], видимо, он имел в виду усеченный дистих). Это редкое явление, в «Антологии греческой лирики» Э. Диля представлено всего несколько примеров — у аттических элегиков V — первой пол. IVa Дионисия Халка, Крития, Платона и у Кратиса из Фив (вторая пол. IVa) [Diehl, p. 89, 96, 107, 121]. Изредка гекзаметр завершает элегический дистих и в эпиграфических памятниках.³

¹ В аттической эпиграфике нормативны флексии асс. -η и -νι, лишь в одном случае -α: название корабля Εὐφύης дано в форме Εὐφιά [Threatte, 1996, p. 174]. Асс. типа Ἀρισταγόρεα у Геродота гиперонизм [Thumb, Scherer, S. 270], ср. неслитное ионийское μεδέοντι в вотиве Левкона.

² К сожалению, это касается не только данной надписи. Виноградов не оставил без своих дополнений ни одной сколько-нибудь значимой надписи Северного Причерноморья, и с тем же результатом — на несколько удачных решений приходится масса эпиграфического балласта, на сброс которого за борт другим специалистам (Б. Браво, А. В. Лебедеву, нам и другим) приходится тратить немало времени и сил.

³ Приведем несколько примеров V–IIIa: 1–2 дистиха завершаются одним-двумя гекзаметрами, при этом эпиграмма может также начинаться строкой гекзаметра [Kaibel, № 75, 90, 369, 750, 981; Friedländer, Hoffleit, p. 106, 130, 131]; эпиграмма IIIa в честь победителя в кулачном бою Клеоника из Милета начинается дистихом, за которым следуют 5 гекзаметров [Ebert, № 65].

Приступая к текстологии надписи, сначала выясним, сколько букв утрачено в каждой лакуне. Это определенно устанавливается по уверенному дополнению в стк. 5 патронима 'Εκ[αταίου] (об окончании ου или ὀ, см. ниже) — тут и в стк. 6 утрачено по 6 букв. Обратим также внимание на то, что слева старт всех строк отделен промежутком в одну букву от левого обреза камня. Поскольку надпись вырезана хорошо, аккуратно размещена по полю камня, такой же промежуток должен быть и справа, между последней буквой строки и краем камня. Это означает, что в принципе должен быть запас для 1 буквы, следовательно, в лакунах стк. 5–6 должно быть место для 6–7 букв. В стк. 7 скол проходит левее, поэтому тут пропало на букву больше, 7/8 букв. В стк. 1–3 скол проходит по косой слева направо с разницей примерно в одну букву в строке, поэтому в стк. 4 следует дополнять на одну букву больше, чем в стк. 5, т. е. 7/8 букв, далее 8/9 букв в стк. 3, в стк. 2 порядка 9/10 букв, наконец, 10/11 букв в стк. 1. Это максимальные цифры, указывающие предельное количество дополняемых в лакуне букв. Реально их могло быть и меньше, в частности, в четных строках, поскольку пентаметр короче гексаметра на 1 стопу, т. е. на 2 гласные (с согласными на 3 и более буквы). Уяснив эти важные обстоятельства, перейдем к построчной текстологии памятника.

В стк. 1 Блаватская дополнила при имени-отчестве Левкона его титул — Σατύρ[ο ἀρχων], а Тохтасьев вообще развернул в стк. 3 его титулатуру — Β[οσπόρο ἀρχων] Θεοδοσίηστε. Между тем боспорские посвятельные надписи времени Спартокидов не содержат указания на должность или титул посвященных, которые ограничиваются лишь своим именем-отчеством, иногда упоминая жречество (КБН 6 сл.) [Завойкин, 2001а, с. 169]. Так поступает и Левкон, сын Перисада, будущий царь Боспора (КБН 25). Даже в таких официальных документах, как проксении, боспорские цари не указывали свой титул, ограничиваясь формулировкой Λεύκων καὶ παῖδες [Syll.³ 212 — Митилена; Яйленко, 2001, с. 474 — Фанагория], Πατρισάδης καὶ παῖδες (КБН 1 и др.). Эта же формулировка, но с патронимиком, представлена и в новонайденной проксении Левкона из Пантикапея: [Λεύκων (ὁ)] Σατύρ[ο καὶ παῖδες] [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 69] (оговоримся, что это лишь возможное чтение, см. ниже, с. 79), что близко формулировке искомого вотива Левкона — Λεύκων υἱὸς Σατύρ[ο].

Как сказано, Виноградов с основанием отметил необходимость указания на объект посвящения и потому ввел в стк. 1 дополнение Σατύρ[ο τὸδ' ἄγαλμα]. Это хорошее дополнение, поскольку в вотивных надписях при глаголе ἱστάναι (у нас в стк. 2 στῆσε), часто фигурирует в качестве предмета посвящения (τὸδ' ἄγαλμα.¹ Так как буква Ρ отсутствует на камне, ее надо помещать в лакуну, в которой оказывается 11 букв, что соответствует предельному размеру ее, вмещающей 10/11 букв, однако, при условии, что

¹ [Lazzagini, № 679, 688, 709, 715, 718]. В качестве объекта посвящения выступают при этом глаголе также δεκάτη, εἰκὼν, βασιλεύς, ἀνδριάς, τρόπαιον, имена и др. [Ib., № 688, 853, 1000 и др. Syll.³ 282, 1011 etc.].

патронимик Левкона имеет окончание Σατύρ[ο], а не Σατύρ[ου], как ожидалось бы в соответствии с артиклем τοῦ стк. 6. Это важное обстоятельство для датировки надписи (см. ниже). Надпись с Семибратнего городища сделана на небольшом известняковом постаменте шириной 31, высотой 27 см. Постаменты со статуями и посвящениями времени Спартокидов больше по размерам, поэтому постамент Левкона предназначался, видимо, не для статуи, а какого-то изображения (ἄγαλμα имеет то и другое значение). Поскольку посвящение сделано за военную победу над Октамасадом, это изображение могло представлять собой трофей. В верхней плоскости постамента сделана прямоугольная выемка для вставки кронштейна скульптурного изображения.

По поводу конца стк. 2 Блаватская отметила, что там «ясно замечен нижний конец наклонной черты, возможно остаток альфы или ламбды», в соответствии с чем, а также этником Λαβρύτιον, дополнила тут название города ἐν Λ[αβρύτι].¹ Виноградов ввел тут дополнение ἐν λ[ογίμωι ?], безосновательность которого вполне показал Тохтасьев, который вернулся к дополнению Блаватской, но колебался в определении окончания названия города и дал сначала чтение ἐν Λ[αβρυ-?], в 2004 г. Λ[αβρυ]. В статье 2002 г. Виноградов не нашел определенного решения, поэтому публикатор его статьи Шелов-Коведяев инкорпировал свое дополнение ἐν ['Ασίη ?], которое неприемлемо не только ввиду странности культа Аполлона, «что, в Азии» (такого, разумеется, нет и быть не может), но и по причине несоответствия условиям метра, ибо *эпсилон* предлога ἐν должен быть долгим и потому следующее слово должно начинаться с согласной буквы, а не гласной. Поскольку это обстоятельство видел и сам Шелов-Коведяев, но оставил без последствий, обратим его внимание на то, что автор исследуемой эпиграммы употребил 10 имен собственных и все они аккуратно вписаны в требования метра. Это выдает в нем большого мастера версификации, поэтому всякие дополнения, не соответствующие требованиям метра, исключены.

Что касается дополнения в лакуне названия города лабритян, обращает на себя внимание почти последовательно выдержанное уподобление в надписи конечного Ν следующей глухой или губной — Λαβρύτιον [В-] (стк. 3), Σίνδωι βασιλέως (стк. 6), πόλυ κ[---] (стк. 7). Поэтому можно ожидать, что, если бы в лакуне стояло название города лабритян, предлог ἐν имел бы ассимилированный вид ἐλ перед его *ламбдой*. Однако, в стк. 5 дано неассимилированное ν перед губной (Ξίνδων, παῖδ'), что, вопреки Виноградову, позволяет все-таки восстанавливать в лакуне название города лабритян. Более того, об этом определенно свидетельствует стоящее в начале следующей строки выражение τῆςδε πόλεως «этого же города», прямо подразумевающее указание на город в предшествующем тексте. Что до формы названия этого города, то Блаватская сочла его равнозначным этнику стк. 3 Λαβρύτης, что практически невозможно, так как почти все имена собственные на -της ан-

¹ Чтение *ламбды* подтвердил видевший камень Тохтасьев [2004, с. 147].

тропонимы. На наш взгляд, форму названия угадал Виноградов — ΛΑΒΡΥΣ, не дав, впрочем, обоснования.¹ Мы можем указать по этому поводу наименование города в Лаконике Λῆγυς (название жителя Λῆγυτις — *Paus.* III, 2, 5; VIII, 27, 4), города в Египте Πῖναϋς (название жителя Πῖναϋτις — *St. Byz.*, s. n.) [РВ, 32, 1197]. Следовательно, историческое наименование Семибратнего городища > Λάβρυς, и в лакуне стк. 2 следует дополнить дат. падеж — ἐν [Λάβρυι].² Такое дополнение вполне соответствует метрическим условиям конечной части пентаметра: долгий по положению гласный предлога ἐν образует с двумя последующими краткими дактилическую стопу, а ι дает конечную краткую стопу. Поскольку во второй части пентаметра допустим только дактилический стих, альфа в Λάβρυι краткая по положению, ибо *mula cum liquida* не всегда образует позиционное удлинение гласной (напр. II, 1, 201: в πτερό|ευτα проσ|ήδα альфа первого слова краткая). Долгота ипсилона следует из этника Λαβρύτιωι стк. 3 (здесь οὐτὶ Λα|βρύτιωι составляет третью и четвертую стопы: — --| — —).³ Хотя в лакуне стк. 2 утрачено 9/10 букв, а в нашем дополнении их 6, выше мы отметили, что строки с пентаметром могут быть короче на 2 гласные, т. е., как минимум, на 3 буквы.

В лакуне стк. 3 Виноградов поначалу дополнял Β[οσπόρῳ ἐχθροῖς], заимствовав второе слово из дополнения Блаватской в стк. 6 (о своих заимствованиях из ее дополнений он по обыкновению умалчивал, поэтому мы отмечаем их точности ради). Тохтасьев справедливо отмел дополнение слова ἐχθροῖς как ничем не мотивированное, но название Боспор удержал и добавил к нему заимствованный и им у Блаватской потестарный термин ἄρχων (она восстановила его в стк. 1).⁴ В целом Тохтасьев читал в стк. 3–4 Β[οσπόρῳ ἄρχων] Θεοδοσίῃ τε «правитель Боспора и Феодосии». Это чтение принял в статье 2002 г. Виноградов, с той разницей, что дополнение ἄρχων он понимал в качестве причастия «правя». К уже сказанному выше, что в боспорских посвящениях времени Спартокидов отсутствуют указания на должность или титул посвящателя, добавим другие аргументы. Употребление потестарного термина в стихотворном тексте времени Спартокидов засвидетельствовано

¹ Напротив, неприемлемо его мнение о том, что название упомянутого Страбона (XI, 2, 10) города в Синдике близ Горгиии Аборака, более не упоминаемого, представляет собой искажение переписчиков — архетип ΛΑΒΡΥΣ > ΛΑΒΟΡΑΚΗ > ΑΒΟΡΑΚΗ > ΑΒΟΡΑΚΗ, так как название Аборака представляет собой вероятное индо-иранское название [Трубачев, 1999, с. 220].

² Такое чтение установлено одновременно Тохтасьевым и мною в статьях 2004 г. Ставлю ударение на первом слоге ввиду производства названия города от слова λάβρυς (о чем см. ниже) и по аналогии с указанными топонимами на -υς.

³ Вообще-то, судя по слову λαβύριδος, производному от λάβρυς, ипсилон в последнем краток. Однако, если составитель эпиграммы принял его за долгий в этнике стк. 3, таким он должен быть и в названии города.

⁴ Будем отмечать и далее подобного рода заимствования Виноградова и Тохтасьева у Т. В. Блаватской, без ссылки на нее, для выявления реального вклада трех исследователей в изучение вотива Левкона.

в боспорской эпиграфике эпитафией КБН 113 (Παρισάδεος ἀρχοντος), но там это не титул, а именно потестарный термин, выполняющий обычную функцию *gen. temporis*, т. е. указания на время гибели Анастасия, которому поставлен памятник «при архонте Перисаде» (эту роль играет и сокращенный титул Аспурга в метрической надписи КБН 958). Тохтасьев же дает в стихотворном тексте развернутый официальный титул царя — «архонт Боспора и Феодосии», что не подкреплено какими-либо аналогиями. Еще один недостаток чтения Тохтасьева в том, что он относит союз τε, стоящий после Θεοδοσίῃς, к названию этого города. Между тем в выражении стк. 4 Θεοδοσίῃς τε μάχηι καὶ κράτει представлена обычная конструкция τε-καί, связывающая два дат. падежа (так это и поняла Т. В. Блаватская, чтение которой тут вполне корректно). Иначе говоря, τε связано с последующим καί, т. е. при καί κράτει относится не к Θεοδοσίῃς, а к последующему μάχηι (например, в КБН 74 τε καί связывает два род. падежа: ἀπὸ τ' ἐμοῦ καὶ παντὸς κληρο[v]όμου, дат. и род. падежи в 1050). Тохтасьеву же приходится разбивать эту обычную конструкцию для увязывания между собой частей дополненного им царского титула. Но и без того крест на его дополнении Β[οσπόρῳ ἄρχων] ставит несоответствие количества букв размерам лакуны стк. 3, в которой, как установлено выше, может быть дополнено 7/8 букв. С учетом отсутствия буквы Β на камне реконструкция С. Р. Тохтасьева из 12 букв невозможна.¹

По указанию Блаватской, сохранившийся в конце стк. 3 после буквы Μ «остаток низа вертикальной черты с поворотом ее вправо позволяет ожидать здесь *бету* или *эпсилон*». Поскольку в стоящем перед лакуной этнике Λαβρύτιωι конечное *ню* ассимилировано в *мю*, следующее слово определенно начиналось *бетой*. К сожалению, нет никакой зацепки, чтобы более или менее точно уловить это слово, поэтому мы заполняем лакуну стк. 3 нейтральным по смыслу и не несущим исторических последствий причастием: [e. g. βὰς μὲν γὰρ ἐκ ?] Θεοδοσίῃς «ибо, двинувшись из Феодосии». К лексике ср. βασιλέος ἐλθόντος ἐς Ἐλεφαντίαν Ψαματίχῳ «когда царь Псамметих двинулся на Элефантину» (надпись из Абу-Симбеля, VI в. Syll.³ 1). Дополнение сделано исключительно в иллюстративных целях, оно соответствует тем немногим данным, которые известны нам о Левконе и которые связывают его с Феодосией (тут он построил порт, откуда вывозил хлеб в Аттику, — *Dem.* XX, 32; *Strabo*, VII, 4, 26). Полиен (V, 44; VI, 9, 3) упоминает его войну с гераклеяцами за Феодосию. В любом случае, независимо от предлагаемого дополнения, упоминание Феодосии в сохранившемся тексте нашей надписи указывает на временную и причинную связь переворота в Синдике с Феодосией, из-за которой Левкон вел войну с Гераклеей (см. ниже). Суть упоминания Феодосии в исследуемой надписи — та же, что в названной выше эпитафии КБН 113, где имена тавров и Кавказа служат указанием на значительность пределов царства Перисады, сына Левкона. Так и в нашей

¹ Тохтасьев так и не увидел этих противоречий, в статье 2004 г. он сосредоточил внимание на том, что титул отделен от имени царя.

надпись упоминание Феодосии и синдов указывает на обширность царства Левкона — он прошел от одного края до другого, чтобы наказать мятежно-го Октамааса. В лакуне стк. 3 может быть реконструировано 7/8 букв, чему отвечает наше дополнение [βὰς μὲν γὰρ ἐκ?]. Оно составляет две последние стопы гексаметра (- - | - -); гласный в γὰρ краткий, но в арсисе может быть и долгим, как в нашем случае.

Перевод Блаватской выражения Θεοδοσίης τε μάχη καὶ κράτει стк. 4 — «после сражения и победы над Феодосией» — показывает, что она поняла синтаксис фразы с Феодосией точнее своих критиков. Однако их понимание этого текста точнее в том отношении, что речь идет о сражении и победе не над Феодосией, а над узурпатором Октамаасом, имя которого стоит в начале следующей стк. 5. Между ним и выражением τε μάχη καὶ κράτει в лакуне стк. 4 Виноградов вычитал причастие ἐξελάσας], которое перевел в статье 2002 г. личной формой «изгнал». Это дополнение принял Тохтасьев, переведя данное аористное причастие еще хуже — причастием наст. времени «лишая». Но суть вопроса в другом: Блаватская видела на камне у скола не λямбду, усмотренную Виноградовым на фото (с камнями он работал мало, преимущественно с неизданными), а дельту, которую целиком показала на своей прорисовке. Это заставляет нас восстановить тут глагол ἐξεδ[ίωξ] в личной форме «изгнал», вполне вписывающийся в последние полторы стопы пентаметра (его конечный *эпсилон* элидирован перед начальной гласной следующего 'Октамааса). Ср. также ἐξεδ[ίωξ] «изгнал» (о смерти) эпитафии III в из Ларисы Фессалийской [Reek, 1955, № 965]. Таким образом, смысл стк. 4-5 состоит в том, что Левкон «с боем и с победой изгнал Октамааса из синдской земли».¹

Чтение Виноградовым в конце стк. 5 имени синдского царя Гекатея, упомянутого Полиеном, надежно. Дополненное им в стк. 6 ο[ικητής] он заимствовал у Блаватской, читавшей тут ο[ικεῖα]. Поскольку язык надписи чисто аттический и не содержит диалектизм, дополнение им ионийской формы ο[ικητής] не мотивировано. В конце стк. 7 Виноградов сначала предположительно дополнил κ[ατέκλεισεν?] «запер, блокировал», затем κ[ατέθρεξεν?] «совершил набег». Тохтасьев осторожно воздержался от заполнения этих лакун. На наш взгляд, Виноградов был ближе к адекватному пониманию конца надписи своим первоначальным дополнением κ[ατέκλεισεν?] «запер, блокировал». Это поясняется содержанием двух последних строк вотива, в которых ключевым является выражение ἐγβάλλων ἀρχῆς, *part. praes.* которого указывает, что Октамаас действует, «отстраняя от власти» отца. Следовательно, Гекатей не убит им, а подвергнут действию, смысл которого связан с выражением εἰς τήνδε πόλιν «в этот город». Аналогичная ситуация имела место, когда Гекатей, вопреки воле Сатира, не убил свою жену Тиргатао, а

«заключил ее в крепком сторожевом форте» (ἐς ὄχυρόν δὲ φρούριον καθεῖρξας, Polyaei VIII, 55). Здесь та же самая конструкция — предлог εἰς с вин. падежом обозначенного места заключения, что и εἰς τήνδε πόλιν исследуемой надписи, что дает основание думать о заключении Гекатея сыном в городе лабритян. Глагол καθεῖρξας рассказа Полиена не подходит по метру, но вполне соответствует требованиям метрики аналогичный по значению глагол κ[ατέλυσεν?], который мы иллюстративно дополняем в стк. 7.

Суммируем наше чтение (в переводе дополненный текст показан курсивом):

- εὐξάμενος Λεύκων υἱὸς Σατύ[ρο τόδ' ἄγαλμα]
Φοίβωι Ἀπόλλωνι στήσε τῷ ἐν [Λάβρῳι,]
3 τῆςδε πόλεως μεδέοντι λαβρύτωι, [e. g. βὰς μὲν γὰρ ἐκ]
Θεοδοσίης τε μάχη καὶ κράτει ἐξεδ[ίωξ]
5 'Οκταμασάδεα γῆς ἐξίνδων, παῖδ' 'Ε[καταίου]
τοῦ Σίνδωι βασιλέως, ὃς πατέρα ο[.....]
7 ἐγβάλλων ἀρχῆς εἰς τήνδε πόλιν κ[ατέλυσεν?]

«Левкон, сын Сатира, по обету поставил это изображение Фебу Аполлону, что в Лабрисе, владыке города лабритян, ибо, двинувшись из Феодосии, с боем и с победой изгнал из синдской земли Октамааса, сына Гекатея, царя синдов, который (Октамаас), лишая отца... власти, заточил (его) в этом городе».

Обратимся теперь к интерпретации исторического содержания надписи. Блаватская отнесла документ к 390–380-м годам, поскольку упоминание Феодосии позволяет «думать, что Левкон лишь недавно завершил войну с нею» (мы излагаем те ее соображения, которые сохраняют силу и после коррекции ее текста). Она сочла, что город лабритян был центром местного царства, что отношения Боспора с племенным миром низовьев Кубани были неустойчивыми. Но местная аристократия была заинтересована в контактах с Боспором и эта часть Синдики все более обособливалась от огромного массива меотских племен. Уже при Сатире, выдавшем свою дочь за Гекатея, в Синдике упрочилось боспорское влияние. Однако попытка убийства Тиргатао обернулась его ослаблением. Деятельность Левкона в городе лабритян отражает часть его политики по утверждению в Синдике. Также «Левкон создал новый центр, назвав его именем своего младшего брата Горгиппа». Блаватская подкрепила ряд своих положений археологическими данными. О взглядах Виноградова на содержание надписи можно судить лишь по его переводу в статье 2002 г., ибо то, что было сказано в комментарии 1996 г. (см. выше), почти целиком утратило значение после уточнения текста надписи Тохтасьевым. Сохраняют силу лишь заключение, что завоевание Феодосии имело место в первые годы правления Левкона (он повторяет мнение Блаватской) и что присоединение Синдики к Боспорскому царству не было таким мирным, как полагали Жебелев и его последователи. Из перевода надписи Виноградовым явствует, что он в основном присоединился к пониманию её Тохтасьевым. Если ранее он ошибочно счел Октамааса скифским

¹ Мы также вслед за Блаватской видим на фото дельту. Если все же окажется, что у скола сохранилась не она, а λямбда, можно восстановить глагол в личной форме ἐξέλασεν, с тем же значением «изгнал».

царем, братом царя Скила (их упоминал Геродот), к которому обратился за помощью Левкон в борьбе с не названным в нашей надписи по имени узурпатором, свергшим синдского царя Гекатея (комментарий 1996 г.), то теперь выяснилось, что Октамасад и есть тот самый узурпатор. Если в 1996 г. Виноградов полагал, что «Левкон не преуспел в низложении узурпатора», то в 2002 г. он говорит о том, что Левкон, «одолев в битве, изгнал из земли синдов Октамасада». Согласно переводу Виноградова, город лабритян атакован Октамасадом; следовательно, он полагал, что город входил в сферу влияния свергнутого Октамасада Гекатея.

По интерпретации Тохтасьева [1998], Левкон «в результате военных действий, развязанных под благовидным предлогом (узурпация (?) власти в Синдике сыном законного царя), приступил к её аннексии, которую благодаря... надписи, можно наблюдать как бы *in statu nascendi*. Основанием для вмешательства могли быть просьба со стороны Гекатея или личная инициатива Левкона, во всяком случае, связанная с тем, что сестра его, согласно Полину (VIII, 55), была выдана еще Сатиром за Гекатея. В ходе военных действий Левкон разбил войско мятежника, осаждавшее πόλις Λαβρυτιών, где, очевидно, закрепился Гекатей, но самого Октамасада упустил: ἐξελ[άσας] Οκτασάδεα — это, конечно, некий род эвфемизма». «Содержание надписи подразумевает, как будто, что Левкон вернул Гекатею власть, но уже вскоре появляются надписи, где Левкон носит титул «правителя (архонта) Боспора и Феодосии, царя синдов» и ряда других прикубанских варваров». В статье 2004 г. Тохтасьев вслед за О. Ю. Соколовой и Н. А. Павличенко [2002] полагает, что Синдика стала владением Боспора лишь с переходом ее под юрисдикцию Левкона, поначалу он управлял ею в качестве архонта (с. 176/8). Подобного рода трактовка исходит из ошибочного, на наш взгляд, представления о насильственном подчинении царями Боспора варварских племен и невозможного понимания выражения «архонта... всей Синдики» в посвящении Теопротида (см. ниже, с. 27–30, 40).

Ф. В. Шелов-Коведяев в комментарии к статье Виноградова 2002 г. усмотрел в надписи подтверждение своих прежних выводов [Шелов-Коведяев, 1985, с. 115 сл.], что синдское государство уже существовало в V в. и что подчинение Синдики Боспором не было мирным. Он полагает, что Гекатей дважды лишался трона — первый раз из-за истории с Тиргатао, во второй раз он был свергнут с трона сыном Октамасада, на что указывает исследуемая надпись. Из восстановленного в стк. 3–4 титула Левкона «правящий Боспором и Феодосией» Шелов-Коведяев сделал вывод об упразднении Левконом автономии синдских царей.

На основании изложенного сформулируем требующие решения вопросы: 1) время акции Октамасада, ее хронологическое и сущностное соотношение с войной Сатира и Левкона против Феодосии и Гераклеи; 2) характер отношений Спартокидов с синдами; 3) обстоятельства акции Левкона против Октамасада и место города лабритян в ней.

Поскольку Левкон правил долго, с 389 по 349 гг., важно выяснить время эпизода с Октамасадом — в начале его правления, как сочли Блаватская и за нею Виноградов, или это хронологически отдельное событие позднейшего времени, как счел Шелов-Коведяев. К сожалению, ничего определенного в этом отношении не дают известные нам события времени правления Левкона — ни война с Феодосией, ни упоминание синдов в его титулатуре, — они сами нуждаются в уточнении хронологии. На наш взгляд, для начала следует определить место, занимаемое надписью с Семибратнего городища в ряду прочих надписей времени Левкона, хронологическое соотношение которых определяется по упоминанию в его титулатуре подвластных территорий и народов. Важно, что все эти надписи принадлежат к одному жанру — посвящениям, т. е. сделаны по устоявшемуся единообразному местному формуляру документов этого рода. Последние по времени схемы последовательности надписей времени Левкона, предложенные А. А. Завойкиным [2001, с. 65], О. Ю. Соколовой и Н. А. Павличенко [2002, с. 120], совпали, что говорит об их точности в пределах избранной методики — по количественному наращиванию в титулатуре подчиненных областей и племен. Эти авторы восприняли высказывавшееся ранее мнение, что самые ранние надписи — КБН 1111 и гермонасский вотив, в которых Левкон назван «архонтом Боспора и Феодосии», без перечисления подвластных народов (Соколова и Павличенко присоединяют сюда и надпись с Семибратнего городища, приняв неосторожно восстановленную Тохтасьевым титулатуру Левкона Β[οσπόρῳ ἀρχῶν] Θεοδοσίῃσ τε). По словам Соколовой и Павличенко, «непосредственно за ними, вероятно», следует нимфейское посвящение, в котором Левкон выступает в роли архонта, «управляющего и греческими полисами, и варварскими племенами... Следующий вариант титулатуры представлен в КБН 6а, где Левкон назван архонтом Боспора, Феодосии и Синдики и царствующим над торетами, дандариями и псессами... В остальных надписях (КБН 6, 8, 1037, 1038) Левкон именуется архонтом Боспора и Феодосии и царствующим над синдами, дандариями и псессами».

На первый взгляд, вотив с Семибратнего городища не вписывается в указанную последовательность надписей ввиду отсутствия в нем титулатуры Левкона, что было показано нами выше. Однако есть еще один способ установить соотношение надписей времени Левкона друг с другом — по употреблению графем ο (= ου) и ου (= ὀ), прежде всего в окончании род. падежа. По этому показателю находит свое место в их ряду и лабрисский вотив с его артиклем τοῦ стк. 6. Надписи времени Левкона следуют нормам аттического языка IV в. — чисто аттический язык имеют посвящения из Гермонассы, Лабриса, КБН 8, 1038, в посвящениях КБН 6, 6а, 1037 ионизмом является лишь написание *εἰς* после *ιου*; на ионийском диалекте составлены только вотивы из Нимфея и КБН 1111. Отсюда следует, что в вопросах графики можно ориентироваться на хорошо документированную датированными надписями аттическую норму IV в.

Написание $\tau\omicron\upsilon$ в аттических декретах впервые появляется в 378 г., в документах иных жанров в одной из надписей 389 г., в которой этот член один раз имеет форму $\tau\omicron\upsilon$, а в остальных 9 случаях $\tau\delta$. То же в надписи 373 г. с соотношением 1 к 4. Равное употребление $\delta = \omicron\upsilon$ и $\omicron\upsilon = \delta$ представлено в надписи 370 г. Как полагает А. Тритт, тексты с одним лишь $\omicron\upsilon$, без δ , появляются с 368 г. [Threaze, 1980, p. 244–250]. Таким образом, графика аттических надписей указывает, что на Боспоре памятники с окончанием род. падежа $\omicron\delta$ (и дифтонга $\omicron\upsilon$ в целом), а не с более ранней графемой δ , следует относить ко времени после 368 г. Сведем воедино все данные об употреблении графем δ и $\omicron\upsilon$, а также форм $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$ и $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$ в надписях времени Левкона:

КБН 1037 — 2 раза δ , синды упомянуты в титулатуре, $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$,

КБН 6 — 2 раза δ , 3 раза $\omicron\upsilon$, синды, $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$,

КБН 1111 — 2 раза δ , 3 раза $\omicron\upsilon$, $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$, подвластные народы не упомянуты,¹

Семибратнее городище — 1 раз δ , 1 раз $\omicron\upsilon$, $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$,²

КБН 1038 — 1 раз δ , упоминание синдов и Феодосии пришлось на лакуну,

Нимфей [Соколова, Павличенко, 2002] — 1 раз δ , Синдика, $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$,

КБН 6а, 8 — по 1 разу $\omicron\upsilon$, синды, Феодосия упомянута, но начало не сохранилось,³

Гермонасса [Белова, 1967] — 2 раза $\omicron\upsilon$.

Сравнивая полученные данные о частотности употребления графем $\delta = \omicron\upsilon$ и $\omicron\upsilon = \delta$ с приведенной хронологией употребления их в датированных аттических надписях, предварительно можно заключить, что надпись КБН 1037 составлена между 389 г. (начало правления Левкона) и примерно 373 г., когда графема $\omicron\upsilon$ начинает употребляться в официальных документах. Примерно к этому же времени принадлежат также посвящение КБН 1038 и нимфейский вотив. Надписи КБН 6, 1111 и лабрисский вотив относятся ко времени ок. 370 г. и позднее, когда обе графемы сосуществуют. Наконец, после 368 г. сделаны посвящения КБН 6а, 8 и вотив из Гермонассы.

Понятно, что полученные результаты не обладают желательной точностью ввиду того, что надписи времени Левкона содержат немного указанных графем. Иначе говоря, набор привлеченных фактов не обладает необходимой репрезентативностью. Намеченные хронологические реперы да-

¹ В стк. 6 сохранилось Βοσπὸρ , но могло быть только Βοσπὸρδ , так как между ρ и правым краем плиты есть место лишь для одной буквы.

² О необходимости написания $\Sigma\alpha\tau\acute{\iota}\rho\delta$ в лакуне стк. 1 см. выше. В выражении конца стк. 5 — начала стк. 6 $\text{Ε[καταί--]} \tau\omicron\upsilon$ можно восстанавливать одинаково графемы δ и $\omicron\upsilon$, т. е. $\text{Ε[καταίδ]} \tau\omicron\upsilon$ и $\text{Ε[καταίϝ]} \tau\omicron\upsilon$, ср., к примеру, $\tau\omicron\upsilon \epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon \Delta\epsilon\iota\upsilon\omicron\sigma\tau\rho\acute{\alpha}\tau\delta$ в лабрисском вотиве за равное.

³ О посвящении КБН 6а см. ниже с. 36, о том, что в нимфейском вотиве по ошибке опущено слово Βοσπὸρδωνος см. с. 40–41.

ют примерную картину, поэтому мы можем ограничиться распределением надписей на первую половину правления Левкона, середину и вторую половину. Посвящения из Нимфея, КБН 1037 и 1038, в которых графема δ представлена 1–2 раза, но $\omicron\upsilon$ вообще отсутствует, относятся к первой половине его правления (390–370). При этом вотив 1037 сделан за уже замужнюю внучку Левкона Акию, так что он стоит ближе к середине правления царя, к 375–365 гг. К середине царствования Левкона принадлежат вотивы КБН 6 и 1111 с их употреблением обеих графем на паритетных началах. К этому же периоду относится и лабрисский вотив с его примерно равным узусом обеих графем. Ко второму периоду правления Левкона (ок. 368–351) принадлежат посвящения из Гермонассы, КБН 6а и 8, содержащие только графему $\omicron\upsilon$.¹

Верхнюю границу надписей с графемами δ и $\omicron\upsilon$ уточняет сравнение с данными надписей времени его сына Перисада (347–310): КБН 10 — 1 δ , 1 $\omicron\upsilon$, синды, $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$; КБН 9 — 1 δ , 2 $\omicron\upsilon$, синды, Феодосия упомянута, но начало в лакуне; КБН 971 — 1 δ , 4 $\omicron\upsilon$, синды, $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$; КБН 1039 — 2 $\omicron\upsilon$, синды, $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$; КБН 11, 972, 1014, 1015, 1040 — только $\omicron\upsilon$, синды, $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$; КБН 1 (проксения) — 3 $\omicron\upsilon$; КБН 113 (эпитафия) — 2 $\omicron\upsilon$. Как видно, только 3 вотива КБН 9, 10, 971 содержат графему δ , поэтому они наиболее ранние и относятся к началу правления Перисада, т. е. к 340-м годам, после которых эта графема на Боспоре более не употребляется. В остальных надписях представлена только графема $\omicron\upsilon$ и потому они датируются следующим временем его правления (340–310). Полученные данные — хороший эпиграфический индикатор для характеристики эволюции боспорского письма от второй четверти и почти до конца IV в., но это тема специальной работы.²

Изложенное показывает, что *terminus post quem* для лабрисского вотива с его $[\delta]$ и $\omicron\upsilon$, представленными примерно по 1 разу, в целом ограничивается серединой правления царя, т. е. временем ок. 375–365 гг. Это определяет время изложенных в лабрисской надписи событий: если Полиэнов эпизод с Тиргатао относится к концу правления Сатира и началу правления Левкона, то отпадение Октамасада и изгнание его из синдской земли происходили в середине правления Левкона. Из дат 375–365 предпочтительна первая, во-первых, ввиду того, что Гекатей был царем еще при Сатире, во-вторых, изложенные в лабрисском вотиве мероприятия по изгнанию Октамасада из Синдики хорошо поясняют появление в нимфейском вотиве Теопротида, относящемся еще к первой половине правления Левкона, уникального титула «[царствующий] над всей Синдикой» (см. с. 40).

Полученная хронология надписей времени Левкона показывает, как сказано, что Синдика и меотские племена торетов, дандариев и псессов были

¹ Надписи обоих периодов дают одинаково формы $\Theta\epsilon\omicron\delta\omicron\sigma\iota\eta$ и $\Theta\epsilon\upsilon\delta\omicron\sigma\iota\eta$, поэтому разность дифтонгов не дает хронологических показаний (ниже, с. 143). О вотиве из Гермонассы см. с. 42.

² Хронологическая последовательность надписей времени Левкона I и Перисада I будет ниже несколько уточнена посредством развития списка сожженных народов (с. 47 сл., 53).

присоединены в первой половине его правления, так как все относящиеся к этому периоду надписи — нимфейский вотив и КБН 1037, 1038 — упоминают всех их в титулатуре Левкона. Присоединение меотов не могло иметь места во время войны с Тиргатао, следовательно, это было сделано не в начале правления Левкона, хотя еще в первой половине его царствования. Следует внести ясность в форму такого присоединения, поскольку среди ученых распространено мнение, что наличие в титулатуре первых Спартокидов имен синдов и меотских народов означает, что они стали их царями. В указанных надписях первой половины правления Левкона царь фигурирует в качестве βασιλεύοντος Σινδων, между тем царь синдов Гекатей продолжал править еще достаточно долго, чтобы появиться в лабрисском вотиве, принадлежащем к середине правления Левкона. Это указывает, что титул βασιλεύοντος в титулатуре Спартокидов не тождествен титулу βασιλεύς, это обозначение верховной власти боспорского царя над поименованными племенами, у которых продолжали править свои цари [Анфимов, 1967, с. 130; Яйленко, 1990, с. 292] (об этом писал еще М. И. Ростовцев). В титулатуре Перисада I фигурируют фатеи (КБН 9, 972, 1015), но в рассказе Диодора (XX, 22) о войне, разгоревшейся сразу после его смерти, фигурирует царь фатеев Арифари. Верховенство сильнейшего правителя над менее крупными царями — обычный у причерноморских скифов тип потестарных отношений (к примеру, согласно Геродоту, царские скифы господствовали над прочими скифскими народами).

В лабрисской надписи каким-то образом фигурирует в связи с акцией Левкона против Октамааса Феодосия. Это явствует независимо от предложенного нами дополнения в стк. 3: Феодосия упомянута в сохранившемся тексте и из этого следует временная и причинная связь переворота в Синдике с Феодосией. Выше мы приравнивали суть упоминания Феодосии в исследуемой надписи к той же сути, что и в эпитафии КБН 113, где имена тавров и Кавказа служат указанием на обширность царства Перисада, сына Левкона: в лабрисском вотиве упоминание Феодосии и синдов дает представление об обширности державы Левкона — он прошел от одного края царства до другого, чтобы наказать взбунтовавшегося Октамааса (на отделение от Феодосии, движение от нее указывает *gen. Θεοδοσίης*). Однако это внешняя сторона явления, причина упоминания Феодосии может быть и более глубокой — акция Октамааса могла быть связана с войной Феодосии и Гераклеи против Спартокидов. К сожалению, известия об этой войне настолько отрывочны, что позволяют давать различные интерпретации (их суммировал С. Ю. Сапрыкин [1986, с. 70 сл.]; см. и [Завойкин, 2000, 2008; Шошов, 2002]). Если правы те, кто относит войну к первой пол. IV в., а это преобладающая точка зрения, упоминание Феодосии в лабрисском вотиве может подкрепить ее своей датой — ок. 375–365 гг. На наш взгляд, заслуживает внимания параллелизм между ходом феодосийско-боспорской войны и синдских событий. Согласно издавна существующей точке зрения, скорректированной в последнее время, феодосийско-боспорская война прошла

в два этапа — в начале IV в., при Сатире, и после 370 г. (вариант: между 370–354 гг. [Burstein, p. 415/6]), либо, что то же самое, «в конце первой половины 40-летнего правления Левкона I» [Сапрыкин, 1986, с. 73] и «перед 364 г.» [Завойкин, 2004б, с. 130]. Отметим, что оба этапа хронологически совпадают с двумя эпизодами в Синдике — войной Тиргатао с тем же Сатиром и переворотом Октамааса ок. 375–365 гг. Видимо, Октамаас все же счел удобным для своей акции то время, когда Левкон был отвлечен войной с Феодосией, где и находился.¹

Бросок Левкона к городу лабритян и изгнание силой Октамааса — второе известное нам военное предприятие Спартокидов против синдов, да и варварских народов азиатского Боспора в целом.² Означает ли это, что синды были подчинены ими силой, как считают некоторые исследователи (напр. [Устинова, 1966, с. 134 сл.; Шелов-Коведяев, 1985, с. 134; Gardiner-Garden, *passim*]). Заметим в связи с этим, что отдельные племена то появляются в титулатуре первых Спартокидов, то исчезают. В титулатуре Левкона значатся псессы, но у Перисада они отсутствуют (появляясь через три с половиной века в титуле Аспурга); Левкон был «царствующим» над всей Синдикой» (вотив из Нимфея), а Перисад утратил власть над частью синдов.³ Племя досхов только один раз появилось в титулатуре Перисада (КБН 972), затем исчезает из орбиты Боспорского царства, хотя оставалось на своем месте.⁴ Судя по сообщению Диодора (XX, 25), царь Евмел (309–304) «присоединил (или привлек на свою сторону — προσέκτησθαι) многих пограничных варваров», т. е. мог упоминать в своей титулатуре тех же синдов и меотов, что Левкон и отец его Перисад. Правившие за ним Спартокиды III в., начиная со Спартока IV (ок. 300–280), уже не имели власти ни над теми, ни над другими. Спарток IV еще удерживал в своей куцей титулатуре потестарное βασιλεύων (КБН 974, 1043), но перечня подвластных народов не присовокуплял за неимением таковых. Единственный раз при следующих Спартокидах такой перечень подвластных народов появляется у Перисада II (ок.

¹ Это обстоятельство мы избрали в качестве отправного пункта для своего восстановления в стк. 3–4 [*ε. g. βάς μὲν γὰρ ἐκ*] Θεοδοσίης «двинувшись из Феодосии, с боем и с победой изгнал из синдской земли Октамааса». Однако подчеркнем, что никаких исторических выводов из своего дополнения не делаем, а анализируем суть упоминания в лабрисском вотиве Феодосии.

² Известие Псевдо-Демосфена (XXXIV, 8) о войне Перисада незадолго до 328 г. со скифами, вероятно, относится к нижнеднепровским скифам, против которых шел Зопирион, см. с. 88.

³ На это указывает то, что в надписи КБН 9 часть титула Перисада Σινδων παύτων подверглась переделке: παύτων соскребли (см. с. 45). О пропуске титула «царствующий» в нимфейском вотиве см. с. 40.

⁴ Их упоминает Страбон (XI, 2, 11). В этом параграфе Страбон пользовался каким-то современным ему историческим сочинением по боспорской истории, поскольку упоминает гибель боспорского царя Полемона в войне с аспургианами, случившуюся при жизни Страбона.

280 — после 250), что вряд ли не соответствует действительности [Яйленко, 1990, с. 302] и показательно в интересующем нас отношении: нет оснований думать, что Перисад II силой подчинил туземные народы азиатского Боспора, ибо в этом не преуспели значительно более сильные предки его Левкон и Перисад I, так что следует счесть, что Перисад II преуспел в дипломатических сношениях с ними и убедил в необходимости союза. Используя близкое нам неизвестное сочинение по истории Боспора Страбон (XI, 2, 11) перелагает его следующим образом: «Из всех меотов, что в Азии, одни подчиняются тем, кто владеет торжищем при Танаисе, другие боспорцам, порой одни отпадают от других; часто некоторые из боспорских правителей владели племенами вплоть до Танаиса, в особенности последние — Фарнак, Асандр и Полемон» (понятно из вышеизложенного, что «некоторые из боспорских правителей» — упомянутые Спартокиды IV в.). Приведенных фактов достаточно для вывода, что меотские племена свободно принимали Спартокидов в качестве своих сюзеренов и так же свободно отказывались от их сюзеренитета.¹ Это опровергает распространенное в литературе мнение о подчинении синдов и меотов силой. Мы располагаем одним известием о попытке их подавления — рассказом Полиена о Тиргатао, и эта попытка оказалась катастрофической для боспорских царей.² Уместно напомнить и

¹ Надеемся, приведенные данные убедят А. А. Завойкина [2001, с. 65], что псессы не единственный «отпавший» народ, что «время от времени отдельные подчиненные Спартокидами племена то отпадали, то вновь были покорены» и что нужно «на этой почве строить исторические заключения», чему он не верит.

² Приведем для удобства читателя рассказ Полиена о Гекатее и Тиргатао (пер. В. М. Клембовского [SC, I, с. 567]): «Меотянка Тиргатао вышла замуж за Гекатея, царя синдов, которые живут немного выше Боспора. Этого Гекатея, низложенного с престола, снова посадил на царство боспорский тиран Сатир, причем выдал за него свою дочь и потребовал, чтобы он убил свою прежнюю жену. Гекатей, любя меотянку, не решился погубить ее, а заточил в сильной крепости и приказал жить под стражей; но Тиргатао успела бежать, обманув стражу. Приверженцы Гекатея и Сатира с большим рвением принялись искать ее, опасаясь, чтобы она не склонилась к войне меотов, но поиски были напрасны: меотянка, идя по пустынным и скалистым дорогам и днем скрываясь в лесах, а по ночам продолжая путь, пришла, наконец, к так называемым иксоматам, где были владения ее родственников. Не застав живых своего отца, она вступила в брак с его преемником и склонилась к иксоматов к войне. Приведя с собой многие из воинственных племен, живших вокруг Меотиды, она сильно опустошала набегами принадлежащую Гекатею Синдику, а также причиняла вред и царству Сатира, так что оба они принуждены были искать мира, посылать просьбы и дав в заложники Сатиру сына Метродора. Тиргатао согласилась примириться, но ее противники, примирившись, не сдержали клятвы. Именно Сатир уговорил двух своих друзей совершить покушение на Тиргатао, явившись к ней под видом просителей. Когда те бежали к ней и Сатир стал требовать их выдачи, то Тиргатао, чья право убежища, часто посылала к Сатиру письма, желая спасти людей, прибегнувших к ее защите. Но эти последние улучили случай напасть на нее: в то время, как один стал говорить с нею о важных как будто делах, другой обнажил

характеристику меотов, заимствованную комментатором «Периэгесы» Дионисия Евстафием (*ad v.* 163) у одного из эллинистических авторов: это «скифский народ, очень многочисленный и сильный, занимающийся земледелием и войной» (SC I, 193). Ввиду сказанного возможен лишь один вариант понимания формы взаимоотношений синдов и меотских народов с ранними Спартокидами — союзнические связи, в том числе оформленные официальными договорами. Их наглядно демонстрирует сохранившийся Диодором (XX, 22) рассказ боспорского исторического сочинения, составленного в правление Евмела [Яйленко, 1990, с. 299] о междоусобной войне сыновей Перисада. Выражение Диодора ὁ δ' Εὐμήλος φίλιαν συνθετεῖμενος πρὸς τινὰς τῶν πλησιοχώρων βαρβάρων находит соответствие в официальных договорах (напр. συνθεῖντο τῇ φίλιαν καὶ συμαχίαν — Евмен и критяне «заключили договор о дружбе и военном союзе», Syll.³ 627, 187 г. до н. э.), поэтому должно быть переведено не отвлеченным образом, как в SC («вступив в дружеские отношения»), а в соответствии с официальными международными актами: «Евмел же, заключив договор о дружбе с рядом соседних варварских народов...». Тут же Диодор пишет, что на стороне Сатира сражались союзные скифы (σύμμαχοι Σκύθαι), на стороне Евмела до конца воевал (συμμάχει) царь фатеев, и это тоже лексика тех же актов о дружбе и военном союзе. Заинтересованность в союзных отношениях проявляли не только боспорские цари, но и знать туземных племен азиатского Боспора — это давало ей возможность пользоваться благами греческой цивилизации. Материалы курганов варварской знати V-III вв. привели Ю. А. Виноградова [1999а; 2001а; 2005] к заключению о мирном характере ее взаимоотношений с греками.

Синдские и меотские царьки признавали верховенство Спартокидов тогда, когда им было выгодно иметь Боспорское царство своим союзником, прежде всего для военной помощи при конфликтах с их противниками. Вот почему наемник Левкона нафлагонец Дросанис «сражался в земле меотов» (КБН 180) — царь послал его туда не завоевывать меотов, как обычно полагают (напр. [Гайдукевич, 1949, с. 61]), но прислал на помощь союзным торетам, дандариям или псессам отряд своих солдат в исполнение союзнических обязательств (см. об этой надписи с. 545). Существо отношений Спартокидов с синдскими и меотскими царями составляли не только и не столько экономические выгоды, сколько безопасность границ Боспорского царства. Выстроенная ими в IV в. система сюзеренитета над полуоседлыми-полукучевыми синдами и меотскими племенами была нацелена на построение по периметру азиатских границ царства дружественного варварского

меч и совершил покушение, не удавшееся потому, что пояс Тиргатао отразил удар. Сбежавшиеся телохранители обоих подвергли пыткам; они сознались в замысле, посягнувшего на жизнь тирана. Тогда Тиргатао снова начала войну, умертвив заложника, посланного ей тираном. Когда Тиргатао снова начала войну, умертвив заложника, подвергла страну всем ужасам грабежа и резни, пока сам Сатир не умер от отчаяния; сын его Горгипп, наследовав престол, сам явился к Тиргатао с просьбами и богатейшими дарами и тем прекратил войну». Анализ рассказа [Gardiner-Garden, p. 194 f.].

анклава как передовой линии обороны от кочевников. Иначе говоря, синдаи, дандарии, тореты и прочие племена выполняли роль дальнего редута, охранявшего азиатские владения Спартокидов от посягательств кочевников. Насколько это было актуально, показывает все та же история с Тиргатао, кочевые иксаматы которой вконец измотали Сатира. Видимо, после набегов иксаматов Левкон и начал создавать эту систему союзных договоров с более лояльными к нему меотскими племенами. Синдам, торетам, псессам и прочим меотам сюзеренитет сильного Боспорского царства гарантировал помощь при нападении кочевников на их земли. Когда же в III в. Боспорское царство ослабело, союзников как ветром сдуло, так как ни синдам, ни меотам его сюзеренитет ничего не давал.

Таким образом, сюзеренитет Спартокидов над синдами и отдельными племенами меотов был формой реализации системы коллективной безопасности Боспорского царства и племен азиатского Боспора. Это продолжение того же процесса формирования системы коллективной безопасности, с которого началось в раннем V в. объединение греческих полисов в единое квазиполисное государство во главе с архонтом. Следовательно, упоминание в титулатуре ранних Спартокидов синдов и меотов не дает оснований для распространенного в литературе вывода об аннексии ими синдского и меотских царств.

В свете сказанного о свободной политической ориентации племен азиатского Боспора в отношениях со Спартокидами надо понимать и эпизод с Октамасадом, которого Левкон «с боем и с победой изгнал из синдской земли». Левкон не восстанавливал силой порядок на своей территории, он действовал во исполнение союзнических обязательств перед Гекатеем (по мнению Е. А. Молева [1997, с. 66], уже между Сатиром и Гекатеем заключен договор о взаимопомощи). По этой причине его военная акция была законна, а действия Октамасада, нарушившего права легитимного царя Гекатея, незаконны. Этим мы и объясняем успех Левкона по изгнанию Октамасада — сопредельные меоты признавали правомерными действия Гекатея, который обратился к сюзерену с просьбой о помощи. Отметим при этом, что Октамасад не убивает отца, а заключает его в городе лабритян, Левкон не убивает Октамасада, а изгоняет. Насколько эти меры дипломатичны в сравнении с кровожадностью Сатира, дважды пытавшегося лишить жизни дочь царя иксаматов. Отсюда и разный результат — Сатир потерпел фиаско, Левкон же достигает успеха в изгнании Октамасада. Вероятным исходом всей кампании было восстановление на синдском престоле союзника и родственника Левкона по сестре — Гекатея.

Нет возможности точно определить причину выступления Октамасада против Гекатея. Это могло быть вызвано какими-то субъективными обстоятельствами — например, характером отношений отца и сына. По разнице лет в 20 между бегством Тиргатао и выступлением Октамасада можно предположить, что последний был сыном Гекатея от меотки и мог унаследовать ее вражду к бывшему супругу. С другой стороны, в рядах синдской зна-

ти определенно была проспартокидская группировка во главе с Гекатеем, выступавшая за сближение с царями Боспора. Заключив жену свою Тиргатао в крепость и женившись на дочери Сатира, Гекатей тем самым отверг союз с иксаматами в пользу союза с Боспорским царством, за что, как известно, сильно пострадал. Возможно также предположение Блаватской [1959, с. 107], поддержанное другими исследователями [Устинова, 1966, с. 133; Gardiner-Garden, p. 225], о наличии в рядах синдской знати и антиспартокидской группировки; в таком случае Октамасад принадлежал бы к ней или даже возглавлял ее. Это предположение тем более вероятно, что Синдика состояла из двух частей [Крушкол, 1971, с. 96 сл.], и указание в нимфейском вотиве на то, что Левкон был «<царствующим> над всей Синдикой» подразумевает *vice versa* предшествующее положение, когда его полномочия распространялись не на всю Синдику. В свете сказанного о договорной сути отношений синдов и меотов с ранними Спартокидами это означает, что Гекатей правил в первые 2-3 десятилетия IV в. не всей Синдикой, но союз с Левконом помог ему овладеть ею целиком.

Каким-то этапом в этом процессе мог быть и эпизод с городом лабритян. Согласно переводу Виноградова, город был атакован Октамасадом; следовательно, он полагал, что город входил в сферу влияния свергнутого Октамасада Гекатея. Он по сути повторил вывод Тохтасьева, что «в ходе военных действий Левкон разбил войско мятежника, осаждавшее πόλις Λαβριτύων, где, очевидно, укрепился Гекатей, но самого Октамасада упустил». Напротив, на наш взгляд, город лабритян был частью Синдики, подвластной Октамасадом. Выше мы показали, что в выражении ἐυβάλλων ἀρχῆς форма причастия наст. времени указывает, что Октамасад действует, «отстраняя от власти» отца; следовательно, он не убил его, а подверг действию, смысл которого связан с выражением εἰς τῆδε πόλιν «в этот город». Виноградов подметил связь этого выражения со словами Полиена о том, что Гекатей «заключил ее (Тиргатао) в крепком сторожевом форту» (ἐς ὄχυρόν δὲ φρούριον καθεῖρξας), но должного вывода не сделал. Поскольку здесь представлена та же самая конструкция — предлог εἰς с вин. падежом обозначенного места заключения, что и εἰς τῆδε πόλιν лабрисского вотива, выше мы пришли к выводу, что Октамасад заточил своего отца в городе лабритян. Периферийное положение Семибратнего городища на границе с кочевниками Прикубанья скорее указывает на принадлежность его мятежному Октамасадом, а не Гекатею, столица которого, видимо, располагалась в приморской Синдике (Синдская гавань?). Во время выступления Октамасада периферийная восточная часть Синдики, где расположен город лабритян, отпала от Гекатея и поддержала Октамасада. Вытеснение мятежника из Лабриса означало восстановление власти Гекатея и Левкона и на эту окраину, т. е. на «всю Синдику» (напомним, что в нимфейском вотиве, относящемся к первой половине правления Левкона, упомянута «вся Синдика», т. е. Гекатей правил ею уже тогда). Видимо, сама постановка вотива в местном святилище Аполлона уже тогда). Видимо, сама постановка вотива в местном святилище Аполлона была частью действий Левкона по утверждению своего влияния здесь. Из-

готовление постаментов с надписью не из мрамора, а известняка, пожалуй, указывает на постановку его сразу после перехода города лабритян в руки Левкона и Гекатея.¹

Культовый греческого Феба Аполлона на Боспоре маргинален [Яйленко, 2006, с. 370], и поскольку исследования Семибратнего городища показали, что это по происхождению синдский, а не греческий город, резонно полагать, что это святилище местного божества, которого греки отождествили со своим Фебом Аполлоном.² Местный характер носит и название города Λάβρυς, эквивалент восточносредиземноморско-кавказского термина λάβρυς, обозначающего каменный топор, в особенности двойную секиру.³ Культ двойного топора распространен на Северном Кавказе с бронзового века по средневековые [Moshinsky, p. 71 f.]. В Карии от слова λάβρυς образовано имя местного божества Λάβρυαιος (также имя одного из куретов, RB, 758), причем название его святилища стало названием города [Zgusta, 1984, S. 319 f.]. Соответственным образом могло быть образовано и название города лабритян — через имя местного божества *Λάβρυς, в пользу чего можно привести также следующие соображения. Производное от λάβρυς слово λαβύρινθος понималось как «дом двойного топора» (подробней [Frisk, 1970, S. 67 f.; Chantraine, 1974, p. 610]). Двойная секира — символ власти, она связана в древних мифологиях с богами солнца и штормовых ветров (у греков с Зевсом, у индийцев с Агни) [Тресиддер, с. 371]. Как символ власти λάβρυς, ставшее названием синдского города, может указывать, что это город местного царька; отсюда можно заключить, что город лабритян был удельным центром владений Октамасада. Как олицетворение бога солнца и штормовых ветров *Λάβρυς может быть синдским эквивалентом Феба (т. е. сверкающего солнца — φοῖβος) Аполлона, если Аполлон города лабритян соответствует указанию Геродота (IV, 59), что скифы зовут Аполлона Οἰτόσυρος (так в рукописях; у Гесихия и Цельса Γοιτόσυρος). При учете замечания последнего издатели Геродота Х. Розена, что форма Γοιτόσυρος является формой с начальной *дигаммой* — *Γοιτόσυρος [Rosén, p. 384], мы получаем арийскую основу vāta-suga- «владыка ветер», где vāta — имя древнеиранского (или vāta — индоиранского) бога ветра [Яйленко, 2005, с. 505].

¹ Вотивы времени Левкона сделаны из мрамора (КБН 6, 6а, 1111), мраморовидного известняка (нимфейский вотив), сланца (КБН 1037) и известняка (КБН 8, 1038, посвящения из Гермонассы и Лабриса).

² И. А. Емец [2002, с. 29], А. С. Русяева [2003, с. 225/6] считают его греческим по происхождению. Поверхностны высказывания А. С. Русяевой [с. 226], что Левкон установил посвящение Аполлону Фебу в то время, когда он был еще архонтом (см. подробное рассмотрение этого вопроса на с. 40), что эпиклеза его Феб происходит от имени его бабки, титаниды Фебы [с. 229], — в действительности, это эпikleза со значением «чистый», она обусловлена очистительными функциями Аполлона [Chantraine, 1980, p. 1217].

³ По Плутарху (Mog. 302a), это лидийское слово «топор», но производный от него термин λαβύρινθος зафиксирован применительно к Криту, Египту, Италии, Греции [RB, S. 758], по связи с Λάβρυα — к Карии.

С наименованием города лабритян *Λάβρυς этимологически и по значению связано упоминаемое Аполлонием Родосским, который следовал за Тимонактом, название синдской равнины Λαύριον (Arg. IV, 321: οὐδ' οἱ περὶ Λαύριον ἤδη Σινδοὶ ἡρημαῖον πεδίον μέγα ναίετάοντες «синды, живущие в пределах большой необитаемой равнины»).¹ Х. Гюнтерт привлечен в качестве соответствий к λαβύρινθος- λάβρυς и λαύρα «улица, проход в лощине, ущелье», λαῦρον «штольня» (Гесихий), возведенные им к *lafas «камень». А. Деруа расширил эту группу другими сближениями и реконструировал средиземноморскую основу *lapa/lava «камень, каменный», производное от которой λάβρυς имеет значение «каменный топор», λαύρα — «каменистое ущелье» и пр. [Derooy, p. 174 f.]. Отсюда следует, что название Λαύριον πεδίον означает «Каменистую равнину», под которой подразумевается гористая восточная часть Синдики. Это находит подтверждение в упоминании Полиеном «пустынных и скалистых путей» (ἐρήμους καὶ τραχείας ὁδοὺς), по которым Тиргатао бежала из места заключения в Синдике на родину, к меотам-иксоматам.

В заключение отметим, что имена наших туземных героев, Октамасада и Тиргатао, иранские по происхождению, более того, они взяты из именника правителей царских скифов. Имя *Οκταμασάδης соответствует иранскому uhta-mazata «прославленный владыка», имя Τίργαταῶ неотделимо от имени первопрародка скифов Ταρυίταος и, вероятно, восходит к иран. tīgatawa- «имеющий силу стрелы». Употребление царствующими родами синдов и меотов-иксоматов имен господствующего рода царских скифов, обитавших в Нижнем Поднепровье, объясняется их взаимным родством. Родство бывает матримониальным и кровным. Известны брачные связи царствующего синдского рода с царским родом иксоматов и со Спартокидами (Гекатей женился на дочерях царя иксоматов и Сатира). Аналогичным образом синдский и меотские царские роды могли быть связаны взаимными браками и

¹ Scholia in Apoll. Rhod. Arg. IV, 321: Λαύριον πεδίον τῆς Σκυθίας κτλ. «Лаврион — равнина Скифии. 55 народов Скифии описал Тимонакт в первой (книге сочинения) «О скифах»; далее следует лагуна и выписки из Геродиана, Гиппонакта и Гелланика. На основании выписки из Гелланика: «Гелланик же в сочинении «О народах» говорит, что переплывающему Боспор (встретятся) синды, выше же их скифы-меоты» Ф. Якоби объединил оба упоминания о синдах в один фрагмент сочинения Гелланика (FGH 4, F 69), что небесспорно. По нашему мнению, упоминание о синдах и Лаврийской равнине в их стране Аполлоний заимствовал у Тимонакта [FGH 842], написавшего во второй пол. IV или начале III в. до н. э. сочинение «О скифах», о чем см. ниже на с. 35.

² [Güntert, 1932, S. 1 f.; Brandenstein, 1952, S. 72 f.]. Поначалу это сближение вызвало критику (прежде отрицали даже связь между λάβρυς и λαβύρινθος [Rouse, p. 268 f.]), но затем было поддержано (характерна в этом отношении позиция П. Кречмера, сначала отрицавшего мысль Х. Гюнтерта, но затем согласившегося с ней); см. лит. [Frisk, 1970, S. 67 f.; Chantraine, 1974, p. 610].

³ [Vasmer, S. 15, 17; Zgusta, 1955 § 533]. Объяснение О. Н. Трубачевым [1999, с. 199 сл.] имени Октамасада как индоиранского, по его признанию, затруднительно во второй части.

с владыками царских скифов. Если Спартокиды употребили ахеменидское имя Орхам (сын Горгиппа [Яйленко, 1990, с. 290] и ниже, с. 158), то это результат их матримониальных связей с последними Ахеменидами, ибо у нас нет никаких оснований думать об их генетических связях даже при том, что, по нашему мнению, Спартокиды — иранцы по происхождению и их родовой домен располагался на Тамани [Яйленко, 1995, с. 246/8]. Кстати, употребительное у Спартокидов имя Παρσισάδης структурно соответствует имени Ὀκτασισάδης и теониму Θαυσισάδης у царских скифов; у Спартокидов и владык царских скифов, похоже, близкие иранские языки.¹ Все это позволяет думать о родственных связях Спартокидов с правящим домом царских скифов.

Есть намеки и на генетические связи синдов с царскими скифами. Если предположить, что исходный домен царских скифов располагался в восточном Приазовье или на Северном Кавказе, то получают разъяснение некоторые обстоятельства, иначе труднообъяснимые. Мы имеем в виду присутствие синдов в Нижнем Подунавье, о чем определенно говорит Тимонакт (*Scholia in Apoll. Rhod. Arg. IV, 321/2*): «55 народов Скифии описал Тимонакт в первой (книге сочинения) «О скифах» «... У Синдской равнины Истр разделяется на рукава и одним впадает в Адриатику, другим в Черное море».² Наряду с син-

¹ Ср. ниже, с. 150 и [Яйленко, 1995, с. 247] об имени IVa с Тамани Καβαθαξης = Kavāta-xāya «Кавата-царь». Имена верховных правителей царских скифов Иданфирса, Савлия, Скила, Палака имеют хорошие иранские этимологии [Кулланда, 2006, с. 201/2]. Обоснованы также индоиранские параллели [Трубачев, с. 163, 196, 199, 258, 273 и др.]. В частности, имя Палак находит соответствие в имени царя Pālaka — персонажа драмы «Мриччхакатика» индийского раннесредневекового поэта Шудраки. Никто еще лучше П. Кречмера не разъяснил происхождение названий Синдика, синды — к др. инд. *sindhu* — «река, поток, море», в т. ч. как гидроним [Kretschmer, 1944, S. 35 f.; Трубачев, 1999, с. 275/6]. Согласно Плинию (IV, 84), Нижнее Поднепровье до Тафра (Перекопа) именуется Синдской Скифией, а ведь это эпицентр территории царских скифов. Это не ошибочная локализация — Плиний де спутал Гипанис-Буг с Гипанисом-Кубанью, ибо здесь же Аммиан Марцеллин (XXII, 8, 38) помещает «низких» синдов — потомство скифских женщин, прижитое от связей с рабами, т. е. с местным населением (*Herod. IV, 3* = тафрии Страбона, VII, 3, 19). Наряду с иранским названием Дона Танаис было индо-иранское его наименование *Sindhu* = Σιλς, *Silis*: по переходу -nt-, -nd- > вторичное d > l в скифском языке [Кулланда, 2006, с. 201/2] *sindhu* — закономерно превратилось в Σιλς (= Танаиса-Дона Танаис-Сыр Дарью; Плиний (VI, 49, заимствовано у полководца Ан-прияла его за Дон, т. е. уже Демодамант мог произвести ошибочную перестановку имени с Силиса-Танаиса-Дона на Танаис-Сыр. Второе i в Σιλς скорее всего результат обычного в греческом перехода u-i, т. е. из *Σιλυς.

² О принадлежности фрагмента Тимонакту см. прим. 1 на с. 33. Э. Ливрея допускает, что Аполлоний Родосский упоминал народы Нижнего Подунавья, в том числе синдов, следуя Тимонакту [Livrea, p. 106 f.].

дами Аполлоний Родосский называет других насельников Нижнего Подунавья — сигиннов, гравкенов и полукровов, помесь фракийцев и скифов. Эти полукровки образовались после прихода царских скифов Атея в Добруджу в сер. IV в. [Яйленко, 2007, с. 75], что и объясняет появление тут синдов и перенесенного из Синдики названия Лаврийская равнина.¹ Следовательно, царские скифы Атея звались синдами и они помнили крупные географические названия Синдики. Это объясняет и удивительное сходство чеканенных в Добрудже монет Атея с монетами Синдики. Эти данные позволяют предполагать, что царские скифы происходили из Восточного Приазовья и Северного Кавказа, что находит соответствие и в раннескифских археологических памятниках указанного региона. Вернувшиеся в середине VII в. из Передней Азии скифы осели тут и стремились к подчинению местного меотского населения, на что указывает двуэтничный облик Келермесских памятников; на рубеже VII–VI вв. эти скифы переместились в лесостепное Поднепровье [Галанина, с. 130 сл.]. Что это были именно царские скифы, следует из прямого указания Геродота (IV, 119) об их вторжении в Мидию. Также традиция, восходящая к Мегасфену [*apud Att. Ind. V, 4*], называет царем вторгшихся в Азию вплоть до Египта скифов Иданфирса, известного по Геродоту вождя царских скифов (об этом имени [Яйленко, 2009, с. 528]). На предшествующую связь царских скифов с Меотидой указывает свидетельство Плутарха (*Marcius, 11*) о том, что беглых киммерийцев, возглавляемых царем Лигдамидом, скифы вытеснили из Меотиды. Геродот (IV, 28) говорит о переходах скифов из-за рва (Перекопа) в землю синдов, в чем М. Ю. Вахтина и Ю. А. Виноградов справедливо усмотрели сезонные перекочевки скифов на зимник в плавни Кубани и отметили, что перекочевка устремлена в район древнейших скифских памятников Европы [Вахтина, Виноградов, 1980, с. 157/8; Вахтина, 1991, с. 7]. Поскольку к северу от Перекопа, т. е. в Нижнем Поднепровье и Сев. Приазовье, обитали царские скифы [Яйленко, 1983, с. 57, 59; 2007, с. 67/8, 81 сл.], именно они откочевывали на зимник на свой древний домен в Синдике. Разумеется, предложенная гипотеза о связях царских скифов с синдами нуждается в более обстоятельном обосновании, но это уже предмет другой работы.

¹ В Нижнем Подунавье равнина степная, не каменистая, поэтому название Лаврийская, т. е., как сказано выше, «Каменистая» равнина — не местного происхождения, а перенесено сюда вместе с именем синдов из Восточного Приазовья. Появление полукровов в результате переселения в Нижнее Подунавье скифов Атея в 380–370-х гг. [Яйленко, 2007, с. 75] датирует источник Аполлония Родосского серединой — второй пол. этого столетия или началом III в. Таким образом, сочинение жившего в V в. Гелланика не могло служить источником для Аполлония и он использовал книгу Тимонакта.

НАДПИСИ ВРЕМЕНИ ЛЕВКОНА I, ПЕРИСАДА I, ЕВМЕЛА

1. Посвящение КБН 6а

ἡ δέτινα Νυμφ(?)αίου τὸν βωμὸν	«такая-то, дочь Нимфея (?),
ἀνέθηκεν Ἀρτέμι Ἐφεσείῃ	посвятила алтарь Артемиде Эфесской, буду-
ἱερῶμένη, ἀρχόντος Λεύκωνος	чи жрицей, при Левконе — архонте Боспора,
[Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίης	Феодосии
[καὶ Σίνδων καὶ βασιλεύοντος	и синдов и царе
[Τορετέων, Δανδ]αρίων, Ψησσῶν	торетов, дандариев, псессов» (КБН).

Это восстановление В. В. Шкорпила [1917, с. 110]. Ввиду дополнения имени синдов в стк. 5 до титула βασιλεύοντος (это принял и Тохтасьев [2001, с. 157; 2004, с. 158]) вышло, что Левкон был архонтом не только Боспора и Феодосии, но также синдов, что неправомерно, так как над синдами архонта не было — как и прочие народы азиатского Боспора они управлялись собственными царями (см. выше, с. 27). Шкорпил сделал его потому, что в последней строке якобы не оставалось места для упоминания синдов; это неверно, ибо их имя можно восстановить вместо торетов. Казалось бы, новонайденный нимфейский вотив Теопротида, в котором Левкон назван «архонтом Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов» подтверждает чтение Шкорпила, однако, поскольку архонтов над варварскими племенами Прикубанья не могло быть (Спартокиды были архонтами греческих городов Пантикапея и Феодосии [Жебелев, с. 172]), очевидно, что резчик по ошибке пропустил слово βασιλεύοντος, которое должно стоять перед τῆς Σινδικῆς πάσης κтл., ибо конструкция с βασιλεύοντος представлена в титулатуре почти всех надписей ранних Спартокидов (см. ниже, с. 40 о вотиве Теопротида). По этой причине неприемлемо и предложенное Соколовой и Павличенко [2002, с. 114] дополнение в стк. 5 КБН 6а [καὶ Σινδικῆς], сделанное по связи со «всей Синдикой» Теопротида посвящения. Замечание Жебелева [1953, с. 172], что в посвящении КБН 6а синды поставлены перед словом βασιλεύοντος по небрежности резчика недоказуемо, как и об-
3-6 надписи КБН 6а Н. В. Смирновой: [-- ἀρχόντος Λεύκωνος | τοῦ Σατύρου Θεο]δοσίης | [καὶ Βοσπόρου καὶ βασιλεύοντος | Σίνδων, Δανδ]αρίων, Ψησσῶν «при

Левконе, сыне Сатира, архонте Феодосии и Боспора, и царствующем над синдами, дандариями, псессами» ставит на место синдов, но имеет недостатком нарушение обычной последовательности элементов Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης.

На наш взгляд, возможное решение проблемы дает дополнение [ἀρχ]όντος Λεύκωνος | [Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίης | [καὶ Σίνδης vel Σινδικῆς καὶ βασιλεύοντος | Σίνδων, Δανδ]αρίων, Ψησσῶν «при Левконе — архонте Боспора, Феодосии и (города) Синды (Синдики), а также царствующем над синдами, дандариями, псессами». На полис по имени Σίνδα в конце V — начале IV в. указывает монетная легенда Σινδῶν [Грач, 1972, с. 136-140; Шелов, 1981, с. 211/3; Аптекарев, 2004] (деревню Σίνδα упоминает Птолемей — Geogr. V, 8, 8). Форму названия города эллинистического (не исключено и классического) времени дает Страбон — Σινδική (очень вероятно и Геродот).¹ В связи с подавлением мятежа Октамасада власть синдского царя Гекатея была восстановлена над всей Синдикой (выше, с. 31), и можно предположить, что столичный греческий город Σίνδα / Σινδική получил архонта в лице Левкона. В целом читаем надпись так:

ἡ δέτινα Νυμφ(?)αίου τὸν βωμὸν	«такая-то, дочь Нимфея (?), посвятила
ἀνέθηκεν Ἀρτέμι Ἐφεσείῃ	алтарь Артемиде Эфесской, будучи
ἱερῶμένη, ἀρχόντος Λεύκωνος	жрицей, при Левконе — архонте
[Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίης	Боспора, Феодосии и (города) Синды
[καὶ Σίνδης / Σινδικῆς? καὶ βασιλεύοντος	(Синдики), а также царствующем над
[Σίνδων, Δανδ]αρίων, Ψησσῶν	синдами, дандариями, псессами».

Посвятительница женщина, как правильно счел Шкорпил (хотя посвящения Артемиде делали и женщины и мужчины — КБН 11, 12, 28): при 10 утраченных в стк. 2 буквах лакуну стк. 3 можно заполнить максимум 11 буквами, что дает ἱερῶμένη, тогда как с ἱερῶσάμενος получится 14 букв. Концы стк. 2, 4 не доходят до правой филенки плиты, поэтому здесь 22 и 20 букв, стк. 3, 5 написаны плотнее и во всю длину, тут 24 и 26 букв. Перечень союзных народов обычен для титулатуры Левкона — синды, тореты, дандарии, псессы (КБН 6, 1037, 1038, вотив Теопротида). Поскольку в стк. 6 можно дополнить лишь один этноним — синдов или торетов, предположительно удаляем последних как «слабое звено» — они еще лишь 2-3 раза мелькнут

¹ Strabo XI, 2, 14: ὁ Σινδικὸς ἔστι λιμὴν καὶ πόλις, т. е. λιμὴν Σινδικὸς, а πόλις Σινδική (так в «Страбоновской хрестоматии [SC I, р. 169]). Побережье азиатского Боспора Страбон описал по периплу Артемидора, на которого в этом же пассаже сослался. Тот писал ок. 100 г. до н. э. и использовал в качестве источников сочинения историков, материалы путешествий, перизгесы и периплы IV-II вв. — Эфора, Тимея, Эратосфена и др., роль которых в описании Сев. Причерноморья и Скифии заметна [Грацианская, с. 55, 64, 66 и др.]. Следовательно, πόλις Σινδική мог быть упомянут в каком-то источнике, начиная с IV в. Собственно, πόλις Σινδική скорее всего то же самое, что πόλις... Σινδικὸς λιμὴν в перипле второй пол. IV в. Скилака Карнидского (SC I, 85) и Σινδική Геродота (IV, 86) [Народы нашей страны, с. 327].

в титулатуре Левкона (вотив Теопротида) и Перисада I (КБН 1014). Тохтасьев [2001, с. 156] усмотрел на камне Г или Т перед сохранившимися буквами патронимика стк. 1 --αίου, что ошибочно (я видел камень в подвале Керченского музея). Он принял за остаток Г или Т случайную черточку, которая не может быть полойкой этих букв, ибо и расположена ниже верхней планки строки (ср. более высокое расположение перекадины Т следующего за патронимиком артикля τὸν), и не вполне горизонтальна. Шкорпил и комментаторы КБН точно усмотрели перед *альфой* патронимика остаток правой дужки Φ, так что чтение [? Νιϕ]αίου наиболее вероятно. Кругок буквы Φ хорошо виден на имеющейся у меня фотографии Археол. комиссии, на фото в КБН-альбоме его не видно.

2. Посвящение сына Левкона I КБН 7

Тохтасьев [2001, с. 157] уточнил текст посвящения сравнительно с текстом КБН:

[? Σπάρτοκος Λεύκωνος Ἀφ[ροδίτῃ Οὐρανίῃ Ἀπατοῦρου
μεθεοῦσῃ ἀν]έθηκε ἀρχ[οντος Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ
Θεοδοσίης καὶ] βασι[λεύοντος Σίνδων καὶ -- [--]

«(?) Спарток, сын Левкона, посвятил Афродите Урании, владычице Апатуры, при архонте Боспора и Феодосии Левконе, царствующем над синдами ...» (пер. наш). Учитывая контекст надписи, Латышев с полным основанием дополнил сохранившиеся на камне буквы κωνος в имя [Λεύκωνος, так как у других вариантов шансов намного меньше. Что до имени посвятителя, сына Левкона, то им мог быть любой из трех сыновей Левкона I (390–351). Они названы в афинском декрете 347 г. — Спарток III (351–347), Перисад I (347–310), Аполлоний. Если посвятителем был Спарток, эпонимная датировка содержит имя Левкона, если Перисад, эпонимная датировка дана по Левкону или Спартоку, если Аполлоний, эпонимная датировка содержит имя Левкона, Спартока или Перисада, так как на рельефе при афинском декрете 347 г. Аполлоний, младший из братьев, изображен зрелым бородатым мужем, т. е. он был совершеннолетним еще при жизни Левкона и Спартока. Латышев (IOSPE II, 12) счел, что по письму надпись может относиться равно ко времени Левкона и Перисада, имена которых он восстанавливал. Однако это не так — длительные правления Левкона и Перисада заняли почти весь IV в., на протяжении которого классический стиль письма претерпел ощутимые изменения, иначе говоря, письмо первой половины столетия, времени Левкона, не тождественно письму второй половины, времени Перисада. Обращая внимание на близость рассматриваемой надписи по характеру письма к письмам времени Левкона КБН 6, 8, 37, 1037, 1038 (см. КБН-альбом): письмо легкое, лишённое точности и выверенности расположения знаков в надписях времени Перисада, буквы не режутся по камню, а тонко гравированы на нем, они слегка теснятся в строке, миллиметровый наклон верха глас впереди порождает едва уловимое восхождение букв в строке и

самой строки по диагонали кверху, междустрочные интервалы одного и того же параметра относительно высоты строки, буквы близки по форме, их верхние уголки, концы диагональных линий и горизонталы легко, почти точно апещированы. Посвящения времени Перисада (памятников времени Спартока III у нас нет) строже по расположению строк по полю и букв в строке, декорация шрифта более выражена. Таким образом, рассматриваемая надпись относится ко времени Левкона и эпонимная датировка содержит его имя, а посвятителем мог быть любой из его сыновей, а также дочь, что и отметил С. Р. Тохтасьев. Поэтому в начале стк. 1 можно дополнить [Παρισάδης / Σπάρτοκος / Ἀπολλώνιος Λεύκωνος. Мы провели восстановление надписи еще до публикации Тохтасьева и обе реконструкции дословно совпали. Разумеется, реконструкция принадлежит Тохтасьеву, говорю о своих усилиях лишь для того, чтобы подтвердить ее точность. Ключ к дополнению КБН 7 дает формуляр вотива времени Левкона КБН 1111, не упомянутого Тохтасьевым.

3. Титулатура посвящения Креусы КБН 8

Κρέουσα Μήδοντος Δήμητ[ρι ἱερωμένη ἀνέθηκεν]
ἀρχοντος Λεύκωνος Β[οσπόρου καὶ Θεοδοσίης]
καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαίτων πάντων]

«Креуса, дочь Медонта, Деметре посвятила, будучи жрицей при Левконе — архонте Боспора и Феодосии и царе синдов и всех меотов» (КБН). Восстановление в стк. 3 Μαίτων πάντων не имеет оснований, поскольку в других надписях ни меоты, ни тем более «все меоты» не числятся в титулатуре Левкона I. Формула Μαίτων πάντων появляется в титулатуре Перисада I (КБН 10, 11 etc.) и это означает, что «все меоты» присоединены к Боспорскому царству при нем (см. ниже о КБН 9). Это обстоятельство предполагает восстановление здесь титулатуры Левкона по образцу посвящений его времени КБН 6, 6а, 8, 1037, 1038, плюс вотив Теопротида, где перечислены синды, тореты, дандарии, псессы, но, сообразуясь с размерами лакуны (длину строки примерно в 36–38 букв дают стк. 1–2), без Торетέων или Δανδαρίων, т. е. καὶ βασιλεύοντος Σίνδων, Δανδαρίων, Ψησσών] или Σίνδων, Торетέων, Ψησσών].¹ Обратим также внимание на неточность перевода комментаторами КБН выражения βασιλεύοντος Σίνδων κтл. — «при... царе синдов»: официальные боспорские надписи различают титулы βασιλεύς и βασιλεύων, причем последний употребляется в перечне союзных

¹ В. А. Анохин [1999, с. 55] предпочел реконструкцию КБН на том основании, что в нашем чтении [ΜΒΘ, с. 25] Σίνδων, Δανδαρίων, Ψησσών] стк. 3 на две буквы больше строки 2. Однако это не стойхедон, так что количество букв в строках варьируется. В стк. 1 вотива Креусы утрачено 18 букв, в нашем дополнении стк. 3 дополнено 16, что на те же 2 буквы меньше, чем в стк. 1. Не видим доказательности и в доводах Анохина о «всех меотах», так как в титулатуре Левкона таковые не числятся, они появляются лишь у Перисада.

Боспору племен. У каждого народа был свой царь (Гекатей, Октамасад у синдов, Арифари у фатеев и др.), тогда как боспорский царь получал по заключению союзного договора титул βασιλεύων «царствующий в настоящее время» (лат. *reges*) как сюзерен. Присутствие имен народов азиатского Боспора в титулатуре боспорских царей, обычно понимаемое как их подчинение, было результатом их союзнических отношений с боспорскими царями: по заключению договора о вхождении в состав Боспорского царства правящий Спартокид получал титул βασιλεύων «царствующий» над соответствующим народом (выше, с. 27).

4. Посвящение Теопротида из Нимфея

Θεοπρότιδος Μεγακλέος τὴν εἰσοδὸν ἀνέθηκεν Διονύσῳ ἀγωνοθετέων Λεόκωνος ἀρχοντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ τῆς Σινδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησῶν «Теопротид, сын Мегакла, будучи агонотетом, посвятил этот вход Дионису при Левконе архонте Боспора и Феодосии, и всей Синдики, и торетов, и дандариев, и псессов» [Соколова, Павличенко, с. 101]. Левкон назван тут «архонтом Боспора, Феодосии, всей Синдики, торетов, дандариев и псессов», что издали и некоторые исследователи [Завойкин, 2004а; Тохтасьев, 2004] поняли буквально. На наш взгляд, резчик по ошибке пропустил слово βασιλεύοντος, которое должно стоять перед τῆς Σινδικῆς πάσης κтл., ибо такая формула представлена в титулатуре всех надписей ранних Спартокидов. Эти же надписи показывают, что архонтов ни над «всей Синдикой», ни над «торетами, дандариями и псессами» никогда не было. Их и не могло быть, так как это полисный институт [Латышев, 1997, 1, с. 66/7]. Поэтому ἀρχοντες Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης в титулатуре Спартокидов может означать только то, что они архонты полисов Пантикапея и Феодосии [Жебелев, с. 179–180; Яйленко, 1990, с. 292, 302]. С. Р. Тохтасьев точно подметил в этой связи, что аркадяне называли Левкона «пантикапейцем» (КБН 37). Пропуск же слова — обычный *lapsus instrumenti* резчиков. Понятно, что титулатуру они выполняли тщательней, чем обычные тексты, и ошибки тут реже, но, вопреки В. Ф. Шелову-Коведяеву (комм. в статье [Виноградов, 2002]), также встречаются и никакого политического подтекста в этом нет. Приведем несколько попавших под руку случаев описок из декретов I–III вв. н. э. В надписи 112 г. из Литтоса на Крите пропущено указание на годы консульства Траяна, по мнению А. Бека, тут пропущена целая строка титулатуры императора [IGR 989]. В посвянительной надписи из Тарса за Александра Севера его имя исковеркано — СТОУТО вместо Σεούτρον, а в надписи из Филадельфии его имя поставлено в номинативе вместо род. падежа (OGIS 526, 578). В почетной надписи Теноса в честь квестора провинции Азия Публия Вара допущена описка в его имени — ΠΟΠΑΙΟΝ вместо Ποπλίον, в почетной надписи Помпейополя в честь консула Клавдия Севера описка в титуле повтífика <ι> (Pb. 463, 546). В боспорских надписях пропусков элементов титулатуры нет,

но другие ошибки есть. В посвящении времени Левкона КБН 1038 вместо gen. ἀρχοντος написано ἀρχοντον. В вотиве времени Перисада I 1014 вместо gen. βασιλεύοντος ошибочно вырезан *nom.* βασιλεύων. В надписи в честь Веспасиана 1047 к [βασιλ]έως ошибочно дописано ως. В надписи 1254 по ошибке повторен титул βασιλεύς (ниже, с. 595). В титулатуре Аспурга надписи КБН 40 ошибочно вставлен в стк. 1 титул φιλορώμαιον, снова поставленный в стк. 2 на должное место. В манумиссии 1124 с титулатурой Котиса I в слове [βασιλ]-ε(ύ)οντος пропущен *upsilon*.

Полагаем, примеров достаточно для заключения, что ошибочное опущение слова βασιλεύοντος в нимфейской надписи возможно. Поэтому вряд ли стоит делать из ошибки резчика далеко идущие выводы подобно Шелову-Коведяеву (комм. в [Виноградов, 2002]), который утверждал, что ἀρχων титулатуры Спартокидов — не должность архонта, а причастие «правлящий», или Тохтасьеву [2004, с. 164], полагающему, что заполучивший владения «царя синдов» Гекатея Левкон стал дополнительно титуловаться «архонтом всей Синдики», затем «архонтом синдов» или «Синдики», наконец, «царем синдов». ¹ Вотив Левкона из Лабриса повествует об его успешных военных действиях против отпавшего синдского царя Октамасада, пленившего (?) своего отца Гекатея, союзника Левкона; понятно, что под его рукой была часть Синдики (см. выше, с. 31). Поскольку Октамасад был разгромлен, вся Синдика оказалась под властью Гекатея, поэтому в титулатуре Левкона теопротидова посвящения появилось уникальное выражение <βασιλεύοντος> τῆς Σινδικῆς πάσης «<царствующий> над всей Синдикой». Сама неповторимость этого титула указывает, что Теопротид сделал свое посвящение в то самое время, когда завершилась кампания по разгрому Октамасада и подвластная тому часть Синдики отошла к Гекатею, вассалу Левкона, что

¹ Судя по наименованию Левкона «царем синдов», С. Р. Тохтасьев не видит разницы между титулами βασιλεύς и βασιλεύων (прямо об этом он пишет на с. 151: в причастии βασιλεύων заключено слово βασιλεύς). Ему следовало бы уяснить себе разницу между ними (ср. [Жебелев, с. 179–180; Яйленко, 1990, с. 292, 302]), а заодно поискать других царей ранга Спартокидов, которые были бы архонтами (в терминологическом смысле) над подвластными или союзными народами. Именно это могло бы подтвердить его точку зрения, а не длинное, не без банальностей и субъективизма, рассмотрение слова πᾶς или бесплодные рассуждения о значении титула архонт у Спартокидов. Толочь воду в ступе по поводу значения титула ἀρχων начал Ю. Г. Виноградов, продолжил Ф. В. Шелов-Коведяев, завершил С. Р. Тохтасьев [2004, с. 150/1]. Вдруг ставшая из ничего модной тема сбита с толку и иных трезвых ученых, как О. Ю. Соколову и Н. А. Павличенко [2002, с. 109–111]. Хамски оценив мнения Шелова-Коведяева и Яйленко, без рассмотрения их, Тохтасьев предпринял свое изучение вопроса и пришел к выводу, что это субстантивированное причастие, с чем можно поздравить неведомого изобретателя велосипеда. С VI в. до н. э. греки употребляли в своих декретах артикль при слове ἀρχοντες [Meiggs, Lewis, № 14 de.], а лексикографы нового времени включали ὁ ἀρχων в словари греческого языка, в том числе школьные [Вейсман, 1899, стб. 204], чтобы Виноградовы усвоили, что это субстантивированное причастие, а Тохтасьевы не делали из этого открытие.

последний и отразил в своей титулатуре. Со временем актуальность этого события исчезла и вместо «всей Синдикии» употреблялся обычный для перечня союзных Левкону народов этноним синдов подобно этнонимам тореты, дандарии, псессы.

5. Посвящение Фениппа из Гермонассы

Постамент (плита?), отбитый справа, с посвятительной надписью в издании Н. С. Беловой [1967, с. 64]: Φαίλιππος Ἀρ[τέμ]ωνος ἀνέθηκεν ἐξ ἐρησάμενος -- || ἀρχοντος Λ[ε]ύκωνος τοῦ Σατύρου Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας. Белова правильно высчитала, что с перечислением подвластных народов постамент оказался бы слишком широким, не менее 1,65 м, поэтому ограничилась восстановлением титулатуры Левкона I по образцу вотива КБН 1111 его времени, в котором содержится лишь титул «архонт Боспора и Феодосии».¹ Нам ранее казалось, что гермонасская надпись могла включать не только этот титул, но и перечисление союзных народов, в связи с чем предложили следующее добавление: Φαίλιππος Ἀρ[τέμ]ωνος ἀνέθηκεν ἐξ ἐρησάμενος ε.г. Ἀπόλλων Δελφίνω καὶ Ἀπόλλων Ἰητρῶν || ἀρχοντος Λ[ε]ύκωνος τοῦ Σατύρου Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίας καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαϊτῶν (πάντων) [Яйленко, 2004, с. 435]. Однако такое дополнение дает 70-76 букв в строке, что не находит соответствия в посвятительных надписях времени Спартокидов (самая длинная надпись — КБН 1015, посвящение жены Перисада I Комосарии, насчитывает 57 букв в стк. 2). Кроме того, в титулатуре Левкона I ни Μαῖτων, ни Μαῖτων πάντων не было, последнее появляется только в титулатуре Перисада I. Поэтому признаем восстановление Беловой правильным. По отсутствию графемы ὁ = ου надпись относится к концу правления Левкона, т. е. к 350-м гг.

6. Посвящение Фениппа КБН 9

Φαίλιππου ἀνάθημα ὑπὲρ τοῦ || ἀδελφοῦ Ἀρτε[μ]--τοῦ -- || χο ἀρχοντος Παιρισάδε[ρ]ς Θεοδο[σ]ίας καὶ βασιλεύοντος Σίνδων || καὶ Μαῖτων καὶ Θεάτων «посвятительный дар Фениппа за брата своего Артем..., сына такого-то, при Перисаде — архонте Феодосии и царе синдов, маитов (?) и фатеев» (КБН, в основном это чтение Латышева, IOSPE II, 8). Иной текст дала Белова [1968], по мнению которой, камень с надписью был переделан в базу антроподикулы с профилировкой, а на стороне с надписью сделали выступ, посредством которого база вделывалась в стену (рис. 2).² Так вследствие соответствующий надписям Перисада титул «архонт Феодосии», без упоминания Боспора. На утрату начала вотива, полагает она, указывает также род падеж имени Фениппа, с которого оно начинается в его нынешнем виде, тогда как все остальные вотивы начинаются с именит. падежа имени посвятителя. Ее текст и пер.: [Φαίδιμος] Φαίλιππου ἀνέθηκεν --¹²⁻¹¹-- || ὑπὲρ τοῦ ἀδελφοῦ Ἀρτε[μ]ωνος καὶ υἱοῦ αὐτοῦ ? | Ἀπολλωνίου ἀρχοντος Παιρισάδε[ρ]ς Βοσπόρου || καὶ Θεοδο[σ]ίας καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαῖτων πάντων || καὶ Θεάτων «Федим, сын Фениппа, посвятил [такому-то божееству] за брата Артемона [и сына его ? Аполлония ?] при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии, и царствующем над синдами, всеми маитами и фатееми».¹ В развитие версии Беловой Е. А. Молев [1997, с. 84, 112] отметил, что все боспорские постаменты в плане прямоугольны, без выступа, поэтому камень использовался вторично, так что надпись утрачена срезами слева и справа. Его текст: [ὁ δεῖνα] Φαίλιππου ἀνέθηκεν Ἀπόλλωνι | ὑπὲρ τοῦ ἀδελφοῦ Ἀρτε[μ]-- || -- πο ἀρχοντος Παιρισάδε[ρ]ς Βοσπόρου || καὶ Θεοδο[σ]ίας καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαῖτων || πάντων || καὶ Θεάτων.

В принципе решение Беловой может быть оспорено, как нам казалось ранее [МБЭ, с. 25 сл.]. И в нынешнем облике (см. фото общего вида [Белова, 1968, с. 46]) камень выглядит превосходным постаментом под статую, есть и образцы устройства выступов разного рода под надписью (напр. [Guarducci, 1970, р. 53, 63, 490; 1987, р. 165; IG Bulg. III, 1520]). Поскольку база имеет профилировку с четырех сторон, в том числе со стороны выступа, последний, вопреки Беловой, не может быть «зубом» для вставки в стену или ее то-

Рис. 2. КБН 9 (фото Археологической комиссии)

¹ Эта статья Беловой образцовая по тщательности работы с камнем — читатель получил исчерпывающую информацию о нем по ее описанию, трем чертежам, двум фото и коллажу. Ее реконструкцию надписи приняли Соколова, Павличенко [2002, с. 117], Левинская, Тохтасьев [2005, с. 187/8].

² Ср. и сокращенную до минимума титулатуру Спартока IV (ок. 300 — ок. 280) в посвящении КБН 1043 ἀρχοντος Σπαρτόκου τοῦ Εὐμήλου καὶ βασιλεύοντος. А. В. Буйских (у Анохина [1999, с. 62]) также сочла камень антом.

реп — база может быть только приставлена выступом к торцу стены. Чтение Беловой устраняет необычную формулу «архонт Феодосии», но затрудняет дополнение лакуны в стк. 1–2. В пользу варианта Латышева свидетельствует и то обстоятельство, что все строки надписи начинаются с полного имени или слова, либо с полного слога. Наконец, Белова напрасно отрицает соправительство у Спартокидов, ибо оно следует из одной только формулировки проксий, издававшихся от имени правящего царя и его сыновей, из одного только аттического декрета Syll.³ 206 (= Граков, № 3) от 346 г. в честь Спартока и Перисада [Латышев, 1909, с. 79]. В ее пользу, может быть, свидетельствует то, что Перисад как «архонт Феодосии», т. е. соправитель, вряд ли мог иметь титул βασιλεύων — царствующий над народами азиатского Боспора, это была скорее всего прерогатива «архонта Боспора». Но определенно высказаться об этом нельзя, так как мы не знаем распределения постельных полномочий в среде правящих Спартокидов.¹

В нынешних условиях текст Беловой предпочтителен только по одной причине — дает стандартную титулатуру Перисада. Поэтому условно принимаем его за основу для чтения надписи, с оговоркой, что в случае обнаружения еще одного документа с намеком на соправление царей автоматически должен быть возвращен традиционный текст. Также вариант Беловой требует небольших уточнений. Приемлемо дополнение Молева* Ἀπόλλωνι в стк. 1, так как боспорские вотивы IV–III вв., как правило, упоминают имя божества, которому сделано посвящение. Поскольку оно коротко, для заполнения лакуны добавляем артикль τῷ. С основанием Молев воздержался от дополнения имени посвяtitеля в начале надписи, а лакуну в конце стк. 2 — начале стк. 3 оставил без дополнения. Вряд ли тут могло быть [καὶ τοῦ αὐτοῦ? ('Απόλλων?)]² Беловой, так как боспорские посвящения времени Спартокидов сделаны за одного ближайшего родственника — сына, дочь, отца, жену, брата, а не за брата и его сына. В начале стк. 3, по словам комментаторов КБН, хр дано «в соответствии с камнем». На подлиннике, однако, в начале строки перед омикроном ясно различается не *хи*, а целиком сохранившаяся вертикальная гаста; Белова усмотрела даже две гасты (ее ['Απόλλων?']³). Полагаем, здесь возможно дополнение нередкого в по-

священиях времени Спартокидов указания на отбытие срока жречества — [ιε|ρησαμέ]νῳ. Оно не заполняет лакуну целиком, ему что-то предшествовало. Так как этих посвящений мало, всего десятков, лексика их и формулы весьма ограничены. Используя внешние параллели, рискуем дополнить тут καλῶς, т. е. «прекрасно исполнив жречество» (ср. то же в IOSPE I² 423: ἱερατεύσαντα καλῶς, Херсонес, IIр).¹ В начале стк. 5 на камне видны прямая гаста (левая стойка *пи* или *иота* связки καὶ ?) и далее часть *омеги*, что дает чтение [πάντ]-ων или [κα|ι Μαίτ]ων. Это слово намеренно уничтожено точечными сколами, кроме последней буквы (также слово в лакуне начала стк. 3, от которого сохранились две последние иссеченные буквы — *damnatio* жречества Фениппова сына?). Удаление слова πάντων из обычного Μαίτων πάντων или [Μαίτ]ων надписей времени Перисада объясняется тем, что меоты не фигурировали в титулатуре его отца Левкона I, они вошли в союз с Боспорским царством лишь при Перисаде и намеренное уничтожение слова πάντων или этнонима в этой надписи, вероятно, отражает перипетии отношений сторон — в титулатуре Перисада числятся все меоты (КБН 10, 11, 971, 1039, 1040), просто меоты (972), т. е. часть их вышла из союза, в посвящениях 1014 и 1042 они отсутствуют.² В целом титулатура Перисада содержит различные перечни племен (см. ниже), что указывает на нестабильность союзных отношений. В итоге возможен такой текст КБН 9:

[ὁ δεῖνα] Φαινίππου ἀνέθηκεν τῷ Ἀπόλλωνι
ὑπὲρ τοῦ ἀδελφοῦ Ἀρτέμῳνος ε. г. τοῦ καλῶς ἱε-
ρησαμέ]νῳ ἀρχοντος Παιρ[ι]σάδε[ρ]ς Βοσπόρου
καὶ Θεοδο]σίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδ[ων] καὶ
Μαίτων πάντων] καὶ Θατέων

«имярек, сын Фениппа, посвятил этому Аполлону за брата Артемона, е. г. прекрасно исполнившего жречество, при Перисаде, архонте Боспора и Феодосии, и царствующем над синдами, всеми меотами и фатейми». Наименьшую длину строки дает стк. 3, в которой 26 букв, с нею следует соотносить остальные дополнения. Имя Ἀρτέμων восстанавливается по Φαινίππος Ἀρ[τέμ]ωνος посвящения из Гермонассы и [-]ων Φαινίππο каталога имен из Гермонассы КБН 1056. I, I. В стк. I, 2 этого же каталога [-]ος Φαινίππο следует читать как [? Φαίδιμ]ος Φαινίππο по Φαίδιμος Φα[ιν]ίππο КБН 1038 времени Левкона I.

¹ Возможно, не исключены также варианты чтения с τὸν ἀνδρίαντα в стк. I и Ἀρτέ[μ]ιδι в стк. 2.

² Ср. рассказ Полиена (Strat. VIII, 55) о Тиргатае, лишившей Сатира I власти над меотами и синдами (см. выше прим. на с. 28).

³ Поскольку традиционное понимание текста надписи остается в силе, даем свой вариант и его чтения: Φαινίππου ἀνέθηκα ὑπὲρ τοῦ ἀδελφοῦ Ἀρτέμῳνος ἱε|ρησαμέ]νῳ ἀρχοντος Παιρ[ι]σάδε[ρ]ς Θεοδο]σίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδ[ων] κα|ι Μαίτων] καὶ Θατέων «посвяtitельный дар Фениппа за брата Артемона, исполнившего жречество, при Перисаде, архонте Феодосии и царствующем над синдами и меотами и фатейми». Возможно также чтение в стк. I патронимика Фениппа, с подразумеваемым ἀνέθηκα, т. е. но также чтение в стк. I Фениппа, сына Артемона, (дар) за брата...» Φαινίππου Ἀ[ρτέμ]ωνος ὑπὲρ τοῦ «Фениппа, сына Артемона, (дар) за брата...»

¹ Например, у соседних с Боспором гениохов было 4 царя во времена Митридата Евпатора (Strabo XI, 2, 13). Ранее мы вслед за Латышевым [1909], Брашинским [1965], Грач [1968] и др. обосновали мнение об институте соправления у Спартокидов [Яйленко, 1990, с. 286–292] (ср. теперь [Завойкин, 1999а, с. 177 сл.; Соколова, Павличенко, с. 116–120]), также об их иранском их происхождении [Яйленко, 1995, с. 238–253]; выше отметили глубинную связь Боспорского царства с ахеменидской Персией (с. 10), в связи с чем добавим, что соправление отца с сыном существовало также у Ахеменидов, Аршакидов, Сасанидов, от иранцев оно было заимствовано Селевкидами [Calmeyer, 1976; 1977]. Усомнился в этом применительно к Ахеменидам Р. Фрай — в их титулатуре это не отражено, но в парфянское и сасанидское время есть титул bidaxš, который может восходить к др. иран. *dvitiya-xšaya- «правлящий вторым» [Frue, 1984, p. 107].

Данная нами ранее стемма рода Фениппа [Яйленко, 1990, с. 296] нуждается в коррекции ввиду уточнения датировки ряда надписей (ниже, § 7).¹ Особенно важно, что по соотношению графем δ — $\sigma\upsilon$ список имен КБН 1056 из Гермонассы относится к началу второго десятилетия IV в. (на множество δ пришлось лишь одно $\sigma\upsilon$), поэтому основатель рода Фенипп действовал еще при Сатире и в первое десятилетие правления Левкона. Время его сыновей (как сказано, очень вероятные имена их Артемон и Федим) соответствует времени каталога имен, округленно второе десятилетие IV в. У Артемона Фениппова сын, по частому у греков правилу наречения имени, Фенипп Артемонов, он поставил изданный Беловой вотив во второй половине правления Левкона. На 340-е годы приходится деятельность безымянного сына Фениппа КБН 9, которого, вероятно, можно отождествить с Федимом КБН 1043 времени Спартока IV. Наконец, к этой линии принадлежит (через дочь Федима или, скорее, неизвестного по имени его брата или дяди) Фенипп КБН 26. Стемма:

Источник	Время	Царь	Члены рода
КБН 1056. I, 1	Конец V — ок. 380	Сатир	Фенипп
КБН 1056. I, 1-2.	Втор. декада IVa	Левкон	[? 'Αρτέμ]ων I Φαίιππος, [? Φαίδιμ]ος I Φαίιππος
КБН 1038	390–375	Левкон	↓ Φαίδιμος I Φαίιππος
[Белова, 1967]	370–351	Левкон	Φαίιππος II 'Αρ[τέμ]ωνος I ²
КБН 9	340-е гг.	Перисад	↓ [ὁ δέ]να Φαίιππου II = [? Φαίδιμος] II Φαίιππου
КБН 1043	ок. 300 — ок. 280	Спарток IV	↓ [ὁ δέ]να Φαίιππου II θυγάτηρ
КБН 26	сер. — третья четв. IIIa	Перисад II или Спарток V	↓ Φαίιππος III (= [ὁ / ἡ δέ]να Φαίιππου)
КБН 26	ок. 250 — ок. 225	Спарток V	↓ [ὁ / ἡ δέ]να Φαίιππου III. ³

7. Хронологическая последовательность списка народов в титулатуре Левкона I и Перисада I

В целом надписи с титулатурой Левкона I и Перисада I дают следующую картину установления ими союзных отношений (обычно пишут о подчинении) с племенами азиатского Боспора (см. также [Латышев, 1909, с. 82; Жебелев, с. 170 сл.; Гайдукевич, 1949, с. 59 сл.; Каллистов, 1949, с. 218 сл.; Завойкин, 2001, с. 65; Соколова, Павличенко, 2002, с. 120]). В соответствии с выявленной хронологической последовательностью надписей времени Левкона (выше, с. 24) первый этап, 389–373 гг., составляют вотивы КБН 1037, 1038 с титулатурой «архонт Боспора и Феодосии и царствующий над синдами, торетами, дандариями, псессами», причем по замужней дочери Левкона Акии 1037 стоит ближе к середине его правления (375–365). Сюда принадлежит и теопропидов вотив с той же титулатурой, только вместо синдов упомянута «вся Синдики», что уместно связать с аннексией октамасадовой части Синдики; поскольку повествующий о победе над Октамасадом вотив из Лабриса принадлежит ко второму этапу, 370–351 гг., теопропидов и лабрисский вотивы следует сблизить, отнеся их ко времени ок. 375–368 гг. Отметим, что и по соотношению графем δ — $\sigma\upsilon$ КБН 1037, теопропидов и лабрисский вотивы могут быть объединены в одну группу. Ко второму этапу по узусу этих графем принадлежат надписи 6, 6а, 8, 1111 и гермонасский вотив Беловой.¹ Из их числа ближе к 375–368 гг. относится вотив КБН 6а по столь же неординарной титулатуре «архонт Боспора, Феодосии [и (города) Синда (?)], царствующий над [синдами], дандариями, псессами»; тореты выбыли, если правильно наше дополнение надписи (вариант: Левкон был «архонтом Боспора, Феодосии [и Синдики?], царствующим над [торетами], дандариями, псессами»). В посвящении КБН 8 титулатура краткая — «царствующий над синдами [и всеми меотами]», отпали псессы.² Лишь в надписи КБН 6 представлен традиционный для титулатуры Левкона список народов: синды, тореты, дандарии, псессы; хронологическое положение этого вотива определяется характером титулатуры первого десятилетия правления Перисада. Посвящения КБН 9, 10, 971 и Фениппа из Гермонассы с графемой δ = $\sigma\upsilon$ и титулатурой Перисада «царствующий над синдами и всеми меотами» относятся к 340-м гг. (выше, с. 25) и продолжают краткую титулатуру позднего Левкона в КБН 8. Это означает, что КБН 6 (две графемы δ , три $\sigma\upsilon$) замыкает типичную для первой половины правления Левкона титулатуру и потому может быть отнесено ко времени ок. 375 г. Стертое $\pi\alpha\iota\tau\omega\iota$ КБН 9 может указывать, что в какой-то момент царствования Перисада I часть меотов вышла из союзных отношений. Позже них составлены надписи времени Перисада без графемы δ . В титулатуре вотива КБН 1014 упоминаются

¹ Две последние в счет не идут, так как составлены по краткой редакции, без упоминания союзных народов.

² Они не меоты, так как, будучи абхазо-адыгами (см. с. 323), обитали не при Меотиде, а к югу от Синдики.

¹ Первым реконструировал в общих чертах род Фениппа Ю. Ю. Марти [1935, с. 60], ему следовала Н. С. Белова [1967, с. 66], затем снявшая часть своей стеммы [1968, с. 50], ей В. А. Анохин [1999, с. 227/8].

² Предположение Беловой [1967, с. 67; Анохин, 1999, с. 227], что сыном этого Артемона I был и [Κτέ]ατος 'Αρτέμειος списка имен КБН 1056. I, 12 не исключено, но маловероятно ввиду наличия в списке еще двух Артемонов (сын Гермагора и сын Анаксилеса), не связанных по патронимике с именником рода Фениппа.

³ Сомнение В. А. Анохина [1999, с. 91] в дополнении тут имени Фениппа справедливо, поэтому привлекаем КБН 26 к стемме его рода условно. Сам Анохин, связав это посвящение с гермонасскими каллатийцами, дал интересное дополнение в стк. 4 [ὁ δέ]να Μερίππου Κη[λ]λατιανός].

только синды, тореты и дандарии; по Страбону (XI, 2, 10), тореты и дандарии — часть меотов, что предполагает (хотя и не обязательно) хронологический приоритет этого вотива перед надписями (без графемы δ) со «всеми меотами». В КБН 1015 наряду со «всеми синдами и меотами» фигурируют фатен, позже сделан вотив КБН 972, упоминающий также досхов.

На основе изложенного вырисовывается следующая последовательность титулатуры в надписях времени Левкона I и Перисада I.

Титулатура Левкона I

390-375	КБН 1038	[ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης] καὶ βασιλεύων [Σίνδων καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησσῶν].
375-365	КБН 6, 1037	ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησσῶν.

КБН 6а [ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης [καὶ Σίνδης / Σινδικῆς? κ] καὶ βασιλεύων [Σίνδων, Δανδαρίων, Ψησσῶν].

Вотив Теопронида ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ <βασιλεύων> τῆς Σινδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ Ψησσῶν.

Вотив из Лабриса титулатуры нет

365-361	КБН 8	ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Μαίτων πάντων. ¹
---------	-------	---

Титулатура Перисада I

347-340	КБН 10	ἀρχων Βοσπόρου [καὶ] Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων [Σίνδων καὶ Μαίτων πάντων].
---------	--------	--

КБН 971 ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Μαίτων πάντων.

Вотив Фениппа из Гермонассы ἀρχων Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Μαίτων ἡπάντων καὶ Θатέων

КБН 9 ἀρχων [Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Μαίτων ἡπάντων καὶ Θатέων].

340-310	КБН 11, 972, 1014, 1015, 1039, 1040, 1042. ²	
---------	---	--

По титулатуре вотивы 340-310 гг. делятся на 3 группы. В КБН 11, 1039, 1040 упоминаются синды и все меоты, сюда принадлежит и 1015, добавляю-

¹ Фр. проксения Левкона с Σατύρ[ο] [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 69] настолько мал, что нет возможности уточнить его датировку.

² Ни одна проксения времени Перисада не содержит графему δ , но это не означает, что какие-то из них не принадлежат первому десятилетию его правления.

щая фатеев; это продолжение титулатуры 347-340 гг. Условно ко второму периоду правления Перисада, т. е. ок. 330-310 гг., можно отнести титулатуру вотивов 1014 и 1042 с синдами, торетами, дандариями;¹ сюда прилагается и 972 с синдами, меотами, фатееми, досхами. Следует принимать также во внимание, что в почетной надписи в честь Перисада II (ок. 280 — после 250), по вероятному дополнению Беловой [1984, с. 80], упоминаются синды, (все?) меоты, фатен (?) — состав титулатуры 1015. Это означает, что на протяжении 340-310 (и даже до 250-х гг.) состав союзных Боспору племен менялся, поэтому у нас нет хороших оснований для более точной периодизации его при Перисаде I.

8. Посвящение КБН 821

Текст КБН: ΟΧΟΥ | ΥΣΜΙ | .ΝΟΣ. Это 3 первые строки надписи второй пол. IVa (сохранились верхняя и правая грани), которая органично для эпиграфики своего времени восстанавливается в качестве посвящательной: [ὁ δεῖνα τοῦ --]όχου | [ἀνέθηκεν Διονύσῳ | [epitheton (?)] ἐρησάμε]νος [[ἀρχοντος Παρισάδους (?) | κτλ.] «имярек, сын —оха, посвятил Дионису (эпитет), отбыв жречество (?), при архонте Перисаде (?)», далее следовал титул. Реконструкция выполнена по посвящениям КБН 10, 25, 974, 1044. В стк. 3 возможно также восстановление причастия [εὐξάμε]νος, как в КБН 1015, 1043. По письму надпись близка проксениям КБН 1, 2 Перисада I, что дает основание восстанавливать его имя и титул в эпонимной датировке. О культе Диониса на Боспоре в IV в. см. КБН 15 [Шауб, 1999; Емец, 2002, с. 44 сл.; Соколова, 2006; Яйленко, 2006, с. 380/1]. От Υ его имени сохранилась опущенная за нижнюю линейку строки ножка, перед Ν стк. 3 видно окончание верхней горизонтали Ε.

9. Заметки к КБН

КБН 37. Декрет Аркадского союза в честь Левкона I отнесен в разряд «Почетные надписи». Это не совсем точная классификация — Латышев справедливо зачислил его в разряд «Декреты других полисов, некогда выставленные в Пантикапее» (IOSPE II, р. 3). Туда же нужно причислить надписи КБН 46, 54, 55.

820: ΔΕ | ΛΕΑΝ (без комментария). Это превосходный по качеству эпиграфический памятник — и плита с профилированным бордюром и письмо позднего IVa, четкое, торжественное. Очевидные достоинства этого обломка надписи дают основание думать о его возможной принадлежности к па-

¹ В КБН 1042 дополнено имя синдов, имя торетов сохранилось, но есть место для упоминания и дандариев.

мятникам Спартокидов и читать [-- (?) βασι]λεαυ «царство, царский, царская власть, царский дворец» (ε = ει, как в КБН I, 115). В стк. 1 слева от ΔΕ стоит прямая гаста, также справа, читай ΙΔΕΙ.

973. Посвящение Агия Гераклу: Ἀγίας Σ-- [Ἡρακλ[ε] (КБН). Показанные сохранными буквы Ἡρακλ[ε] дали основание считать надпись эпитафией гераклеота [Левинская, Тохтасьев, с. 185, *лит.*]. Однако в стк. 2 у скола справа на камне отчетливо видна *iota*, т. е. бесспорно читается Ἡρακλεῖ, что убеждает в посвятельном характере надписи.

1015. См. об этом посвящении Комосарии [Тохтасьев, 1994а].

1037. Мы ошибочно сочли имя Ερμῖνος туземным [Яйленко, 1990, с. 295], оно греческое [РВ, 375].

1040. Посвящение Артемиде из Гермонассы, стк. 1 по КБН: Αρ[τέμιδι Ἐφεσείῃ]. Дополнение здесь эпиклеса оправдано: хотя на Боспоре Артемиды почитались в разных ипостасях, преимущественно она чтилась как Ἐφεσείη [Тохтасьев, 2001, с. 156; Яйленко, 2006, с. 371].

1041. Посвящение Акии, дочери Перисада I Афродите. Издавший надпись Латышев сообщил немаловажные подробности, опущенные в КБН. Судя по расположению углублений для ног статуи, отмечает он, ширина стороны постамента 0,75 м, так что сохранившаяся ширина обломка 0,35 м составляет примерно половину. Этим обусловлена длина его дополнения стк. 1. Снизу обломок сколот, продолжает он, так что могло быть 3 строки и более (в КБН надпись показана как двухстрочная).

1056. Список имен из Гермонассы. По многократно преобладающей графеме ὀ = ου (ου написано лишь раз) надпись относится к первому-второму десятилетиям IV в. (ср. с. 24). О роде Фениппа см. выше. Имена Παοσίμαχος, Εὐφάνης переведены в КБН как Паосимах, Эофан, что не вполне правильно, поскольку они содержат распространенную преимущественно в IV-III вв. графическую передачу дифтонгов αυ, ευ через αο, εο (см. с. 545), так что обычная форма этих имен Павсимах, Евфан. К хорошей статье Берзина [1961] об этой надписи добавь содержательную заметку Анохина [1999, с. 225/7].

1111. Посвящение Демарха Афродите Урании с эпонимной датировкой ἀρχοντος | Λεύκιμος Βοσπόρ[ῳ] καὶ Θεοδοσίῃς «при Левконе, архонте Боспора и Феодосии». Требуется разъяснения краткость титула Левкона. Надпись сделана на кронштейне гермы, который вставлялся в углубление пьедестала. Высота этого кронштейна ок. 30 см и семистрочная надпись занимает большую часть его по высоте. Поскольку нижняя часть кронштейна вставлялась в пьедестал, мы полагаем, не осталось места для перечисления подвластных Левкону народов и резчик ограничился упоминанием в титуле Левкона его должности архонта. Это исключает предположение Латышева [1909, с. 76; Артамонов, 1949, с. 36], что надпись относится к периоду управления Левкона и Горгиппа, когда первый оставался лишь архонтом Боспора и Феодосии, а также мнение В. А. Устиновой [1966, с. 129], что вар-

варские народы азиатского Боспора еще не входили в Боспорское царство. За время, прошедшее после обнаружения гермы (1871 г.), текст претерпел утраты. На наш взгляд, авторы КБН правильно дали текст по IOSPE II, 343, тогда как авторы АС, давшие его по современному состоянию, методически не вполне правы — следовало поместить первоначальный текст издания и указать утраты.

Исследователи, занимавшиеся титулатурой первых Спартокидов, обычно исходили из методической посылки, что последовательность перечней народов развивалась по нарастающей, по этапам подчинения их боспорскими царями. Первый такой набросок сделал В. В. Латышев [1909, с. 82], далее ее подробно обрисовали С. А. Жебелев [1953, с. 170 сл.], В. Ф. Гайдукевич [1949, с. 59 сл.], Д. П. Каллистов [1949, с. 218 сл.], наиболее тщательно разработали А. А. Завойкин [2001б, с. 65; 2004, с. 65 сл.], О. Ю. Соколова и Н. А. Павличенко [2002, с. 120].¹ У трех последних последовательность перечней в целом совпала, что свидетельствует об их точности в пределах избранной методики — по количественному наращиванию в титулатуре подчиненных областей и племен. Они восприняли высказывавшееся ранее мнение о том, что самые ранние надписи — КБН 1111 и гермонасский вотив, в которых Левкон назван «архонтом Боспора и Феодосии», без перечисления подвластных народов. Далее, по А. А. Завойкину, Левкон приступил к аннексии Синдики, о чем свидетельствует надпись из Лабриса. По мнению же О. Ю. Соколовой и Н. А. Павличенко, непосредственно за КБН 1111 и гермонасским вотивом [Белова, 1967, с. 63], вероятно, следует нимфейское посвящение Теопронида, в котором Левкон выступает в роли архонта, «управляющего и греческими полисами, и варварскими племенами... Следующий вариант титулатуры представлен в КБН 6а, где Левкон назван архонтом Боспора, Феодосии и Синдики и царствующим над торетами, дандариями и псессами... В остальных надписях (КБН 6, 8, 1037, 1038) Левкон именуется архонтом Боспора и Феодосии и царствующим над синдами, дандариями и псессами». На наш взгляд, эта схема нуждается в коррективах, поскольку, перечни народов в титулатуре ряда надписей лакунарны и потому требуется уточнение текстологии, кроме того, можно уточнить датировку этих надписей по употреблению графем \bar{o} (= ou) и ou в первой пол. — сер. IV в. По частотности узуса этой графической особенности мы получили примерное хронологическое распределение надписей времени Левкона I

и Перисада I (выше, с. 24–25). К первой половине правления Левкона, т. е. 390–370 гг., относятся посвящения КБН 1037, 1038, вотив Теопронида из Нимфея и, ближе к середине, но до 370 г. — вотив Левкона из Лабриса; к середине его правления относятся посвящения КБН 6, 1111; ко второй половине правления (370–351) — вотив из Гермонассы [Белова, 1967], КБН 6а, 8. Расположив надписи в указанном порядке, уточним перечни народов (во всех этих надписях Левкон именуется архонтом Боспора и Феодосии, в гермонасском вотиве Беловой и КБН 1111 перечни народов отсутствуют): КБН 1037, 1038 — синды, тореты, дандарии, псессы; вотив Теопронида — вся Синдика, тореты, дандарии, псессы; КБН 6 — синды, тореты, дандарии, псессы; 6а — [синды], дандарии, псессы; 8 — синды [--?].¹

Отсюда следует, что в первой половине правления Левкону подвластны союзные синды, из меотов тореты, дандарии, псессы (по Страбону (XI, 2, 10), тореты и дандарии составляют часть меотов). По изгнании Октамасада из Синдики Левкон становится «[царствующим] над всей Синдикой, торетами, дандариями, псессами». Титулатура второй половины правления Левкона включает упоминание [синдов], дандариев, псессов, тореты же исчезли (КБН 6а), в посвящении КБН 8 упомянуты синды, далее следует лакуна, которую предположительно можно дополнить не более чем двумя этнонимами — по образцу КБН 6а, именами дандариев и псессов, либо, в соответствии с КБН 6, именами дандариев и торетов. В конце правления Левкона или начале царствования Перисада I псессы отпали, так как в титулатуре Перисада I они не фигурируют и появляются лишь три с половиной столетия спустя в титулатуре Аспурга. Также дандарии и тореты лишь раз мелькнут в титулатуре Перисада I (КБН 1014).

В надписях времени Перисада I (347–310) только 3 вотива КБН 9, 10, 971 содержат графему \bar{o} , поэтому они наиболее ранние и относятся к началу его правления, т. е. к 340-м годам, после которых эта графема на Боспоре более не употребляется. В остальных надписях (посвящения КБН 11, 972, 1014, 1015, 1039, 1040, проксения КБН 1 и эпитафия КБН 113) представлена только графема ou и потому они датируются последующим временем его правления, т. е. 340–310 гг. Перечни народов 340-х гг.: КБН 9 — все синды и фатеи (ниже, с. 54); КБН 10, 971 — все синды и меоты. В посвящениях 340–310 гг.:

¹ Надпись КБН 1111 сделана на кронштейне гермы, который вставлялся в углубление пьедестала, поэтому не осталось места для перечисления подвластных Левкону народов и резчик ограничился упоминанием в титуле Левкона его должности архонта (выше, с. 50). В двухстрочном гермонасском посвящении Фениппа правая часть камня отбита, поэтому вопрос о наличии перечня народов открыт (с. 42). Вотив Левкона из Лабриса повествует о его успешных военных действиях против отложившегося синдского царя Октамасада, пленившего (?) своего отца Гекатея, союзника Левкона. Поскольку Октамасад был разгромлен, вся Синдика оказалась под властью Гекатея, в результате чего в титулатуре посвящения Теопронида появилось уникальное, более не повторявшееся выражение «[царствующий] над всей Синдикой» (с. 40 сл.).

¹ Соотношение титулов $\bar{\alpha}\rho\chi\omega\nu$, $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega\nu$ ($\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\varsigma$) и $\bar{\alpha}\rho\chi\omega\nu$ καὶ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\acute{\upsilon}\omega\nu$ проследил Ф. В. Шелов-Коведяев [1990]: двойной титул употребляется до рубежа IV–III вв., с начала второй пол. III в. до конца династии превалирует царский титул.

КБН 11, 1039, 1040 — все синды и меоты; 972 — синды, меоты, фатеи, доски; 1014 — синды, тореты, дандарии; 1015 — все синды и меоты, также фатеи. Уяснив из надписей 972 и 1015, что фатеи и доски не относятся ни к синдам, ни к меотам, выведем из указанных перечней картину взаимоотношений Перисада с народами азиатского Боспора. В надписях 340-х гг. КБН 10, 971 фигурируют все синды и меоты, они же представлены в посвящениях 340-310 гг. КБН 11, 1039, 1040, а в 1015 еще и вместе с фатеями, следовательно, 4 последние надписи по времени близки 340 году и могут относиться к 330-м гг. Особняком в группе 340-х годов стоит посвящение КБН 9, в котором названы все синды и фатеи, меотов же вообще нет. Следовательно, она самая ранняя в этой группе, однако слово πάντων при этнониме синдов стерто (выше, с. 45) и это означает, что из союза с Перисадом часть синдов вышла. Памятуя, что последние надписи времени Левкона упоминали синдов (без πάντων), а из меотов дандариев и, возможно, псессов (тореты отпали), по посвящению КБН 9 можно заключить, что в первые годы правления Перисада отпали меотские племена, зато в орбиту Боспорского царства вошли все синды и впервые появились сильные, судя по событиям конца века, фатеи. Некоторое время спустя часть синдов отложилась от Боспора (стертое πάντων той же надписи), однако к концу 340-х годов Перисад преуспел в вовлечении в орбиту своего царства всех синдов и меотов (КБН 10, 971). Из 6 перечней 340-310-х годов четыре, как сказано, упоминают всех синдов и меотов (КБН 11, 1039, 1040, плюс фатеи в 1015), остальные два утрачивают слово πάντων при этнонимах: в посвящении 972 значатся синды, меоты, фатеи, доски, 1014 — синды, тореты, дандарии. Посвящения 972 и 1014 близки по времени — их поставили брат и сестра, дети Посия, хронологическое же соотношение друг с другом и остальными надписями 340-310 гг. может быть истолковано двояко: они отражают ослабление Боспорского царства либо в конце правления Перисада, т. е. в 310-х гг. (и тогда надпись 972 предшествует вотиву 1014), либо в 320-х гг., вслед за чем в 310-х гг. восстановлен прежний уровень союзных отношений со всеми синдами и меотами (в таком случае надпись 1014 предшествует посвящению 972). Разгоревшаяся сразу после смерти Перисада междоусобица дает ключ к решению дилеммы — законный наследник Сатир опирался на греческих и фракийских наемников, а также скифских воинов, тогда как узурпатор Евмел заключил союзные договоры с рядом варварских племен азиатского Боспора, т. е. с частью синдов и меотов, в особенности же с фатеями (Diod. XX, 22-24). Необходимость для Евмела заключения договоров с местными племенами Прикубанья, пожалуй, указывает на то, что в 310-х гг. их союзнические связи с Боспорским царством ослабли, следовательно, надписи 972 и 1014 относятся к этому десятилетию, тогда как посвящения 11, 1015, 1039, 1040 относятся к 330-320-м годам. Присутствие фатеев в начале правления Перисада (КБН 9) и позднее (1015) указывает на эпизодическое вхождение их в союз с Перисадом, что находит подтверждение в их союзнических отношениях с Евмелом (Diod. XX, 22, ф. КБН 25).

БОСПОРСКИЕ ПРОКСЕНИИ

1. Первая фанагорийская проксения

Правый край беломрам. плиты, остальные стороны обломаны, оборотная сторона слегка заглажена, выс. 12,5, шир. 23,7, толщ. 4,4 см. Найден в 1976 г. учеником 10 класса школы № 8 поселка Сенной В. Дьяченко в ложине с ю-в стороны центрального холма с раскопом «Верхний город» (к югу от Центрального раскопа); там же им найден фр. списка имен (ниже, с. 666). Хранится в ИА РАН (Москва), любезно передан нам В. С. Долгоруковым. Сохранились 4 строки средней части декрета, выс. букв 1,6 см, омикрон 1 см (рис. 3). Наш текст ([1984, с. 219/22], с поправкой в стк. 5):

[? Παρισάδης καὶ παῖδες τῷ δεῖνι τοῦ δεῖνος
ethnismos καὶ ἐκγόνοις ἔδοσαν ἀτέλειαν
πάντων χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρῳ
ᾧ ἂν εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ, καὶ προξένους
5 [αὐτοὺς καὶ εὐεργέτας] ἐποίησαντο,
[καὶ γῆς καὶ οἰκίας] ἐγκτήσιον ἔδοσαν | [--]

Рис. 3. Первая фанагорийская проксения (фото автора)

«(?) Перисад и сыновья¹ такому-то, сыну такого-то, уроженцу города N, и сыновьям предоставили беспошлинность всех товаров на всем Боспоре, какие овезет

¹ Если проксения дана не Перисадом, а его ближайшим преемником Евмелом, Селевком II, Спартоком IV, то вместо выражения «и сыновья» могло стоять имя соправителя, как в нашей реконструкции стк. 1 горгинопольской проксении (ниже, с. 69).

или вывезет, и сделал проксенами их и благодетелями, а также предоставил право приобретения земли и жилища...» По характеру письма документ близок проксениям КБН 1–5, из которых лишь КБН 1 сохранила имя Перисада I (347–310), но все они близки по письму и принадлежат ко второй пол. IV в., т. е. преимущественно изданы от его имени (датировки издатель КБН).¹ По письму к этой группе близки посвящения КБН 6–9 времени Левкона I (390–351) и Перисада I, причем надписи КБН 6 и 8 с именем Левкона по дифтонгу -ou- датируются 360/350-ми гг. (с. 24). Фанагорийской проксении свойственны черты палеографии позднеклассического и раннеэллинистического времени, т. е. Перисада I и его ближайших преемников, которая при сохранении основных особенностей позднеклассического стиля (с. 39–39) характеризуется определенной декоративизацией форм букв и письма в целом. В нашей надписи нарушена строгая горизонтальность строк, формам букв придана некоторая декоративность: правая наклонная линия *дельты* продолжается после пересечения с левой линией, верхний усик *сигмы* уплощен и длиннее нижнего усика, наклонные линии *альфы*, *ламбды*, *дельты* слегка прогнуты вовнутрь, с верхней горизонтали Е «свисает» декоративный штрих. Развитие письма боспорских эпиграфических памятников IV в. в целом сходно с развитием аттической палеографии данного времени (это не случайное обстоятельство, а одно из последствий тесных боспорско-аттических связей). В частности, в датированных аттических надписях легкая прогнутость наклонных линий *альфы*, *дельты*, *ламбды* появляется во второй четв. IV в. (например, в проксении 363 г.), но правая гаста продолжается за пересечением с левой в документе 343 г. [Kirchner, 54, 60]. Из числа боспорских надписей наиболее близка по письму фанагорийскому акту проксения КБН 1 Перисада I: обе содержат одинаковой формы *пи*, *сигму*, *эпсилон*, *каппу*, *ню*, *ро*, *ипсилон* и другие буквы, *омикрон* и *омега* меньших размеров; буквы размещены свободно, но с экономией места.² Все сказанное означает, что фанагорийская проксения относится к середине — второй

¹ В этом очерке все даты — до новой эры.

² Фото КБН 1 и упоминаемых далее надписей см. в КБН-альбоме. По мнению А. А. Завойкина [2004а, с. 156], шрифт фанагорийской проксении «нельзя признать полностью идентичным шрифту декрета КБН 1», к примеру, «правая гаста строки». Но ведь в КБН 1 именно такое N! Что до апецированности и легкой прогнутости букв, Завойкин правильно отметил их присутствие в посвящении Креусы КБН 8 времени Левкона. Только речь идет о другом — в вотиве Креусы эти черты свойственны отдельным буквам (например, Δ в слове μέδοιτος с прямыми линиями, в Διφύτ[α] с прогнутыми), т. е. декоративность только начинает входить в моду, укорененное, что даже вертикальные гасты прогнуты. Употребление в посвящении Креусы графемы ou, не ô, свидетельствует, что оно сделано в поздний период правления Левкона (выше, с. 24–25).

пол. IV в. и могла быть издана от имени Спартока III (351–347), Перисада I, Евмела, по длительности правления наиболее вероятен Перисад.¹

Разъясним реконструкцию текста. Из 12 боспорских проксений удовлетворительно сохранились лишь две времени Перисада — КБН 1 и проксения кромнита [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 59], они и КБН 2, 5 начинаются с формулы Πατριάρχης καὶ παῖδες (поскольку Левкон I правил с сыновьями, она ожидается и в его проксениях). Отсюда также фанагорийскую проксению следует начинать с формулы *ποτὴν regis καὶ παῖδες*, причем, поскольку почти все проксении датируются второй половиной столетия, они изданы от имени Перисада и его детей. Далее по формуляру КБН 1 и иных проксений следуют имя-отчество проксена, этникон и статьи о предоставлении привилегий (с глаголом). Перечисление основных привилегий в боспорских проксениях включает указание на статус проксена (προξενίαν ἔδοσαν или ἔδωκαν), указания на предоставление ателии и политии не имеют фиксированной последовательности.² Так, декретом КБН 1 даны проксения и ателия, кромниту предоставлены проксения, полития и ателия, в проксении из ГИМ'а [Ib., с. 61] перечислены полития, проксения, ателия. Начальную привилегию в фанагорийской проксении определяет формула [ἐν π]αντὶ βοσπόρῳ[ι], представленная в проксениях КБН 1 и кромнита при ателии, а в горгиппийском акте после [проксении, ателии] и права энктеси-са — «что надлежит и чем располагают другие проксены на всем Боспоре» (ниже, с. 74). Так как в фанагорийском акте формула «на всем Боспоре» стоит в начале перечня привилегий, она соотносится с ателией, которая, стало быть, стояла первой: [ἔδοσαν ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ἐν π]αντὶ βοσπόρῳ[ι].

¹ Ю. Г. Виноградов без аргументации отнес надпись ко времени Левкона I [SEG 34. 1984, 774; Vinogradov, 1990, 597], что голословно воспринял Ф. В. Шелов-Коведяев [1985, с. 59, прим. 18], обещавший изложить «ряд соображений» «в другом месте», каковых поныне нет. Я мог бы проигнорировать эту датировку, коль она ничем не аргументирована, но для методической ясности коснусь ее. Дело в том, что на Боспоре рано, уже в надписях Левкона I, проявилась декоративизация письма — буквы с апексами, едва заметной прогнутостью «усов» *сигмы*, некоторым уменьшением *омикрона* и *омеги* [Белова, 1967, с. 65; Соколова, Павличенко, с. 102/3] (перечень этих надписей и распределение их по времени см. выше, с. 24–25). Декоративизация письма свойственна и фанагорийской проксении, но здесь она зашла дальше относительно времени Левкона — *омикрон* вовсе мелкий сравнительно с прямыми буквами, верхняя горизонталь Е слегка приподнята кверху, особенно показательны *альфа* и *дельта* слова ἔδοσαν: по пропорциям они узки и подвышены, правая наклонная черта существенно прогнута, причем у *дельты* она возвышается над пересечением с левой гастой. Если мелкое *о* представлено в посвящении КБН 8 времени Левкона I (в остальных надписях с его именем *омикрон* крупнее), то Δ и Α описанной формы отсутствуют в надписях времени Левкона I, но представлены в посвящении времени Перисада КБН 972 из Фанагории же, с той только разницей, что здесь левая гаста прогнута и продлена выше пересечения с правой.

² Привилегии влиять и выплывать в мирное время и военное без воспрещения и заключения договора назовем заключительными.

Далее фанагорийским актом предоставлены статус проксена и право приобретения земли и строений; последнее еще раз упомянуто лишь в гор-
типинийской проксении — [προξένιαν, ἀτέλειαν.] γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτησιν]. Не-
зависимо от точности нашего дополнения [προξένιαν, ἀτέλειαν] в проксениях
метрополии формула о приобретении земли и строений никогда не стоит
на первом месте, она обычно замыкает перечисление основных привилегий
[Michel, 97, 112 etc.; Pečirca, p. 12, 18, 19 etc.] или занимает второе место по-
сле предоставления проксении [Michel, 184, 186, 212 etc.]. В фанагорийском
декрете она завершает перечень основных привилегий, следовательно, да-
лее в утраченном тексте следовали заключительные привилегии. Если стк.
1, 4 сохранившегося текста ясны по содержанию, то понимание контекста
стк. 2/3: [---] καὶ προξένους [---] ας ἐποίησαντο составляют основную проблему
реконструкции надписи. Что до букв [---] ηι, то по обычной формуле проксе-
ний ὧν ἂν εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ мы восстановили тут [ἔδοσαν ἀτέλειαν | πάντων
χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρῳ | ὧν ἂν εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ] «предоставили бес-
пошлинность всего имущества на всем Боспоре, какое ввезет или вывезет». Фор-
мула ἀτέλειαν πάντων χρημάτων ὧν ἂν εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ нередка в проксениях
[Michel, 344, 446, 492, 521, 535; IOSPE I² 20, 23+HO 9; HO 5-7], например,
IOSPE I² 23+HO 9: πολιτ[είαν, ἀτέλειαν] πάντ[ων χρημά]των, ὧν ἂν αὐτὸς
εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ ἢ παῖδες «предоставили политику, беспошлинность всего иму-
щества, какое сам ввезет или вывезет, либо дети».¹ Буквы [---] ας в выражении
фанагорийского декрета καὶ προξένους [---] ας

¹ В попытке преодолеть диссонанс между sg. [ἐξάγῃ] ηι и pl. προξένους мы предло-
жили иной вариант дополнения [Яйленко, 2001, с. 482/3] на следующем основа-
нии. В ряде проксений и декретов о даровании проксенических привилегий статье
об энкtesis предшествует (а в других следует за нею) статья о неприкосновен-
ности проксена (факультативно и его имущества) во время войны и мира: ἀσυλίαν
(ἀσφάλειαν) καὶ πολέμου (ἐν πολέμῳ) καὶ εἰρήνης (εἰρήνῃ) [Syll.³ 258a, b, 348, 355; DGE,
92, 397, 404, 425, 449, 459a-c, 460a, b, 461, 486, 487, 501, 503, 514, 525, 527, 546, 667;
Michel, 463, 465, 481, 491, 492 etc.]. Стоящее в стк. 1 сохранившегося текста пер-
вой фанагорийской проксении выражение [ἐν παντὶ Βοσπόρῳ], согласно проксении
КБН 1, относится к ателии, т. е. беспошлинность товаров проксена распростра-
няется на всю территорию Боспора (во второй фанагорийской проксении статья об
ателии последняя из основных привилегий, см. ниже). Вместе с тем в ряде проксе-
нических актов ателия увязана с асилией [Syll.³ 258a, b; DGE, 92, 404, 667]; приведем
показательный текст проксении 248 г. из Argos [DGE, 92]: ἦμεν δὲ σὺν ἀτέλειαν
καὶ ἀσυλίαν καὶ [ἀσφάλειαν αὐτοῖς καὶ] χρήμασι καὶ ἐν πολέμῳ καὶ ἐν εἰρήνῃ (далее
следует статья об энкtesis) «быть у них ателии, неприкосновенности и безопасно-
сти — им самим и достоянию, в военное время и мирное». На этом основании на-
чальная часть первой фанагорийской проксении может быть реконструирована так:
[ἔδοσαν ἀτέλειαν καὶ ἀσυλίαν αὐτοῖς καὶ χρήμασιν ἐν παντὶ Βοσπόρῳ | ἐν πολέμῳ καὶ
ἐν εἰρήνῃ] «предоставили беспошлинность и неприкосновенность им самим и достоянию
на всем Боспоре, в военное время и мирное». На Боспоре, однако, формула об асии
стабильно представлена в заключительных привилегиях, что делает этот вариант
проблематичным.

ἐποίησαντο находят соответствие в формуле проксений πρόξενον εἶναι καὶ
εὐεργέτην [Michel, 171, 188, 189 etc.], употребляющейся иногда во множ. чис-
ле: προξένους εἶναι καὶ εὐεργέτας [Ib. 203, 210, 392, 393 etc.]. На этом основа-
нии дополняем: καὶ προξένους | [αὐτοὺς καὶ εὐεργέτ]ας ἐποίησαντο «и проксе-
нами сделали их и благодетелями».¹

Наш текст не удовлетворил Ю. Г. Виноградова, который дал свое чтение
и датировку надписи.² Его текст: [Λεύκων καὶ παῖδες ἔδοσαν | τῷ δεῖνι (καὶ
τῷ δεῖνι) | τοῦ δεῖνος ethnicum καὶ | ἐκγόνοις ἀτέλειαν πάντων | χρημάτων ἐν
παντὶ Βοσπόρῳ | [καὶ ἐν Σινδικ]ῃ καὶ προξένους | [καὶ πολίτ]ας ἐποίησαντο |
[καὶ γῆς ἐ]γκτησιν ἔδοσαν | [καὶ οἰκίας καὶ πολ]έμου | [καὶ εἰρήνης ἀσυλεί καὶ |
ἀσπουδεί]. О невозможности предложенной Виноградовым датировки над-
писи временем Левкона I и, соответственно, дополнения его имени в стк. 1
сказано выше. В несохранившейся начальной части надписи мы восстанови-
ли имя одного проксена, Виноградов одного — двух. Поскольку в стк. 2 сто-
ит мн. число προξένους, можно думать, что проксения дана не одному лицу, а
двум.³ Однако свое восстановление стк. 1–2 [τῷ δεῖνι... καὶ ἐκγόνοις] при мн.
числе προξένους стк. 4 могу обосновать рядом примеров IV–Па с формулой
(εἶναι) αὐτὸν καὶ ἐκγόνους προξένους [Michel, 167, 168, 210, 392, 393, 535–III].
Хотя при мн. числе προξένους обычно употребляется местоимение мн. числа
αὐτούς, вопрос решается дополнением букв ΗΙ той же стк. 2. Мы дополнили
их формульным выражением [ὧν ἂν εἰσάγῃ ἢ ἐξάγῃ] ηι — с глаголом ед. числа.⁴
Вместо этого формульного выражения, многократно документированного
(см. выше), Виноградов предложил не известное при формуле [ἐν παντὶ
Βοσπόρῳ] выражение [καὶ ἐν Σινδικ]ῃ.⁵ В связи с этим напомним, что выра-

¹ Ранее мы читали в стк. 4–5: καὶ προξένους | [αὐτὸν καὶ τοὺς (?) παῖδ]ας ἐποίησαντο,
основываясь на формуле проксений αὐτὸν καὶ παῖδας [Syll.³ 105, 132 etc.; Michel, 84,
341 etc.], отметив, что дополнение [παῖδ]ας предположительно, так как самая обы-
чная формула — αὐτὸν καὶ ἐκγόνους.

² Его реконструкция инкорпорируется в статью Ф. В. Шелова-Коведяева [1985,
с. 59, прим. 18 сл. = SEG 34, 1984, 774]. Детальную критику текста Виноградова см.
[Яйленко, 2001, с. 479/82].

³ Вряд ли больше, так как предоставление проксенических привилегий сразу
трем или более лицам одним декретом редко, ограничусь ссылкой на два примера
[Michel, 228, 527].

⁴ Поясним: если восстанавливать формулу во мн. числе, т. е. προξένους [αὐτοὺς
καὶ εὐεργέτ]ας ἐποίησαντο, иначе говоря, если проксенов было двое или более, вос-
становление указанного формульного выражения с глаголом ед. числа невозможно
ввиду несоответствия букв ΗΙ флексии мн. числа -ας.

⁵ Шелов-Коведяев [1985a, с. 62] дал вариацию на эту же тему [καὶ Θεοδοσί]η, ко-
торую принял Виноградов [Vinogradov, 1990, 597]. В связи с выражением в Тео-
пропидовом вотиве «вся Синдика» (см. с. 41–42) А. А. Завойкин [2004a, с. 155/6] со-
блазнился дополнением Виноградова / Шелова-Коведяева как средством решения
вопроса о «двух Синдиках». Независимо от того, кто прав в дополнении букв ΗΙ
фанагорийской проксении — названные авторы или я, прибегать к дополнению
этих букв как аргументу в исследовании исторической проблемы нельзя. Это во-

жение ἐν πατρί Βοσπόρῳ, разумеется, свойственное только местным проксениям, засвидетельствовано помимо первой фанагорийской проксении еще пантикапейской надписью КБН 1, в целиком сохранившемся тексте которой при нем отсутствует какое-либо дополнение, что определенно указывает на произвольность реконструкции оппонентами «довеска» к указанному формульному выражению.¹

Наше чтение стк. 2-3 καὶ προξένους | [αὐτοὺς καὶ εὐεργέτας] εἰποιήσαντο «и сделали проксенами их и благодетелями» представляет собой самую обычную в проксениях формулировку αὐτοὺς (αὐτὸν) καὶ ἐγγόνους προξένους (εἶναι), Виноградов же дал чтение καὶ προξένους | [καὶ πολίτας] εἰποιήσαντο. В греческих проксениях эта формулировка чрезвычайно редка.² Однако в боспор-

ских проксениях исключительно текстологический, для решения исторических вопросов никакое дополнение этих двух букв методически неприемлемо.

¹ После формулы προξένον εἶναι αὐτὸν καὶ ἐγγόνους, содержащей ед. число местоимения и мн. число «потомки», в проксениях безразлично употребляется ед. или мн. число местоимения. К примеру (их много), в идентичных по тексту проксениях Оропа [Michel, 213, 214] читаем: προξένον εἶναι — αὐτὸν καὶ ἐγγόνους, καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἐκτήσιν «быть проксеном (города оропян) ему и сыновьям и быть у них праву приобретения земли и жилища» в № 213, и напротив, в таком же выражении № 214: προξένον εἶναι — αὐτὸν καὶ ἐγγόνους, καὶ εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἐκτήσιν «быть проксеном (города оропян) ему и сыновьям и быть у него праву приобретения земли и жилища». Отсюда происходит и употребление после той же формулы как ед., так и мн. числа глагола — ἐξάγῃ «ввезет» или ἐξάγουσιν «ввезут», см. упомянутые примеры [Michel, 344, 446, 492, 521, 535; IOSPE I² 20, 23+HO 9; HO 5-7]. См. также критику дополнения Виноградова В. А. Анохиным [1999, с. 186/7] и С. Р. Тохтасьевым [2004, с. 169-170], там же их соображения о формуле ἐν πατρί Βοσπόρῳ.

² В проксениях в целом право энктесиса фигурирует часто, это самая обычная статья привилегий, однако оно не сопровождается предоставлением гражданства: такую картину дают 99 % проксений. Например, во всех 60 аттических декретах, предоставивших право энктесиса и прочие привилегии, ни разу не фигурирует πολίταιа или πολίτης [Reigsa, 1966, p. 152 f. — восьмая колонка сводной таблицы]. Та же картина и в декретах других полисов: они часто наделяли проксенов правом энктесиса, но без права гражданства [Syll.³ 258a, b, 282, 348, 355, 381, 501 etc.; DGE, 22, 48, 92, 136, 138, 153, 155, 163, 397, 404, 415, 425, 449, 458, 460, 461, 486, 487, 501, 503, 514, 525, 527, 546, 667; Michel, 184, 191, 202, 206, 217, 218, 221, 229 etc.] (есть редкие случаи предоставления энктесиса вместе с исополитией, например, [Michel, 204, 207 etc.], но это не то же, что полития и πολίτης). И такая ситуация вполне понятна — проксены наделялись правом энктесиса для того, чтобы их капиталы вкладывались в экономику полиса, давшего проксению и право энктесиса, но не право гражданства, наделение которым в IV в. оставалось крайне редким. Из этого всеобщего правила есть ряд исключений, в основном относящихся к III-II векам, когда полисное гражданство утрачивало свою ценность [Michel, 292, 295/7, 300, 383; DGE, 191, 373]. Ряд случаев раннеэллинистического времени обусловлен конкретными обстоятельствами, прежде всего известностью и высоким положением проксена. Это декрет приенцев 334 г., предоставивший заместнику Фригии Антигону

ских проксениях предоставление политии засвидетельствовано проксениями кромниту, проксенией из ГИМ'а, фрагментом пантикапейской проксении [Шелов-Коведяев, 1985, с. 69, фр. № 2].¹ Может показаться, что дополнение Виноградова [πολίτας] имеет в сем обоснование, но это не так: πολίταιа и πολίτης не одно и то же. Общегреческая практика IV в. такова: проксену предоставляется потенциальное право гражданства (πολίταιа), если же его делают гражданином (πολίτης), он не проксен. К примеру, коль по постановлению аттического декрета благодетель-инополит вводится в число афинских граждан (εἶναι Ἀθηναῖον) с записью в филу и фратрию, то проксенические привилегии у него отсутствуют, за исключением энктесиса [Michel, 111, 118, 121, 133].² Таким образом, сохранившееся προξένους исключает дополнение Виноградова [πολίτας] — в IV в. рядовой инополит не может одновременно быть гражданином полиса и его ксеном.³ Виноградовскую лабуду, пожалуй, можно спасти дополнением [ισοπολίτας], но при этом надо еще доказать, что население монархического Боспора составляли граждане, а не подданные, ибо в боспорских надписях спартокидского времени термин πολίτης отсутствует.⁴ Тем более термину πολίτης не место в документе, изданном от имени правящего царя IV в., каковым является фанагорийская проксения.

Под последним словом стк. 4 сохранившегося текста видны неясные вершки букв стк. 5, которые Виноградов прочел как слово [πολ]έμου, что весьма маловероятно и в отношении определения вершков букв и текстуально: в проксениях различных центров после формулы о предоставлении права энктесиса обычно следует перечисление прочих привилегий и обстоятельств их действительности («ежели пожелает жить в...», «и все остальное,

Одноглазому гражданство и энктесис [Syll.³ 278]; проксения г. Ламии конца IV в. с теми же привилегиями, данными сразу трем фессалийцам, что можно объяснить заинтересованностью претерпевшего ущерб в Ламийской войне полиса в новых гражданах [Michel, 294]; Ороп тогда же предоставил эти привилегии двум македонцам, что тоже понятно — македонцы были в это время хозяевами положения [Ib. 203]; декрет Илиона первой половины III в. наделяет данными привилегиями врача Антиоха I [Ib. 526]. Происхождении права энктесиса [Сизов, 1998].

¹ Отсюда явствует, что боспорские цари IV в. проявляли явную заинтересованность в инополитах, активно сотрудничавших с ними в экономике.

² Виноградов безосновательно усмотрел предоставление политии также в стк. 4-5 горгиппийской проксении: ἔδωκαν αὐ[τοῖς καὶ ἐκ] γόνους π[ῶς] τοῖς τοῦτ[ων] πολί[ταιαν] [Vinogradov, 1990, 600], для чего нет оснований, см. ниже, с. 73.

³ Это возможно для VIP-инополитов — например, ольвиополиты сделали своим гражданином гераклеийского тирана Сатира и предоставили ему проксенические привилегии (ниже, с. 85). Это не пустая риторика, так как Сатир активно действовал в экономической сфере и посредством предоставленных ему прав мог получать дополнительные дивиденды в Ольвии (см. с. 85-86).

⁴ Он есть в эпиграфии КБН 120, но, во-первых, это стихотворная эпиграмма, в каковых его нельзя принять за *terminus technicus*, во-вторых, дата ее суммарна — II-I в. до н. э.

как и другим проксенам...» и мн. др.). Так обстоит дело во всех проксениях, вошедших в сборник П. Кауэра — Э. Швицера, упоминающих право энктесиса земли и домов [DGE, 22, 48, 92, 136, 138, 153, 155, 163, 397, 404, 415, 425, 449, 458, 460, 461, 486, 487, 501, 503, 514, 525, 527, 546, 667], то же в аналогичных проксениях и декретах с проксеническими привилегиями сборника В. Диттенбергера, по III в. включительно [Syll.³ 258, 282, 348, 355, 381, 501 эк.]. Следовательно, усмотренное Виноградовым в верхушках букв слово [πολ]έμου не может следовать сразу вслед за статьей об энктесисе, особенно при принятой им длине строки в 19 букв. Такое дополнение тем более невозможно в конце надписи, что в такой позиции формуле «в военное время и мирное» предшествует формула «вливать и выплывать», из которой она, собственно, и следует (т. е. «вливать и выплывать в военное время и мирное»). Между тем для дополнения формулы «вливать и выплывать» перед [πολ]έμου места нет — в предшествующей строке сохранного текста речь идет о предоставлении права энктесиса.

Как видим, все предложенные Ю. Г. Виноградовым дополнения текста первой фанагорийской проксении противоречат формуляру и текстологии проксенических актов. Причина заключается в том, что свою реконструкцию текста он не аргументировал формуляром греческих проксений, последовательностью формул, структурой документа, его дополнения сделаны по принципу «авось пройдет». Я пересмотрел сотни проксений в поисках аргументированного восстановления фанагорийской проксении, Виноградов же, движимый более стремлением во что бы то ни стало дезавуировать мой текст, нежели интересами дела, одним махом сочинил свою «реконструкцию», не удосужившись ни единым доказательством. Это обычная для его «реконструкций» безответственность.

2. Вторая фанагорийская проксения¹

Камень найден в 1978 г. жителем поселка Сенной после вспашки на территории городища Фанагории к северу от Центрального раскопа, тогда же был передан им мне как участнику археологической экспедиции ИА АН СССР. Я подарил его Минералогическому музею Московского гос. горного университета, где я работал в 1990-х гг. Это массивный прямоугольный блок мелкозернистого желтовато-серого мрамора, сколотый справа. Левая боковая грань сильно повреждена и сохранилась частично, верхняя и нижняя грани целы; нижняя обколота по лицевому полю, в результате чего полностью утрачена последняя строка надписи. Выс. плиты 23 см, наибольшая шир. 31,5, по лицевому полю шир. 26, наибольшая толщ. 12 см. Обратная сторона суммарно обработана. Лицевая поверхность существенно повреждена сколами и потерями, так что сохранились незначительные остатки

¹ Это исправленный текст основной части статьи [Яйленко, 2001].

8 строк надписи. Выс. прямых букв 1,3 см, круглых 1 см (рис. 4; 4а). Текст, пер.:

[(?) Λεύκων] καὶ παῖ[δες ἔδωσαν.....]

...Σ...ΙΝΟΝ --- 14/16 ---

.....Λ.ΩΣ..ΤΕΣ --- 12/14 ---

--- 26/28 ---

5 -- 7/8 -- Ο. [καὶ προξενίαν αὐτοῖς
καὶ ἐκγόννοι[ς] καὶ ἀτέλειαν πάντων
χρημάτων ἐν παντὶ Βοσπόρῳ καὶ
εἰσπλοῦν καὶ ἐκπλοῦν καὶ πολέμου
καὶ εἰρήνης ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]

«Левкон и сыновья предоставили
таким-то, сыновьям таких-то,
уроженцам города N, и потомкам

проксению им и потомкам, а так-
же беспошлинность всех товаров
на всем Боспоре и право вливать
и выплывать в военное время и
мирное, без ущерба и заключения до-
говора».

Последние сохранившиеся 3 строки надписи, содержащие стандартный текст и потому безусловно восстанавливаемые, дают длину строки в 26–28 букв. Поскольку левая грань лицевого поля несколько обколота, существенно отметить, что в слове [χρ]ημάτων стк. 7 у левого скола хорошо видна дужка Ρ, и это указывает, что буквы ΧΡ располагались в самом начале этой строки (перенос χρ-ημάτων невозможен). Следовательно, старт этой, как и остальных строк, начинался примерно через 1–1,5 см от левой боковой грани. Это важное обстоятельство для восстановления текста надписи и прежде всего стк. 1, где сохранившиеся посередине буквы ΚΑΙΠΑΙ определенно указывают на присутствие здесь стандартного начала боспорских проксений IV в. [nomen regis] καὶ παῖ[δες ἔδωσαν], как в боспорских декретах КБН 1 и Syll.³ 212. Глагол может иметь также форму ἔδωκαν и располагаться в одной из ближайших строк после имен и этника проксенов. Утраченное имя царя определяется с учетом числа букв в именах боспорских владык и количества букв, утраченных в лакуне. Размер лакуны таков, что позволяет

Рис. 4. Вторая фанагорийская проксения (фото автора)

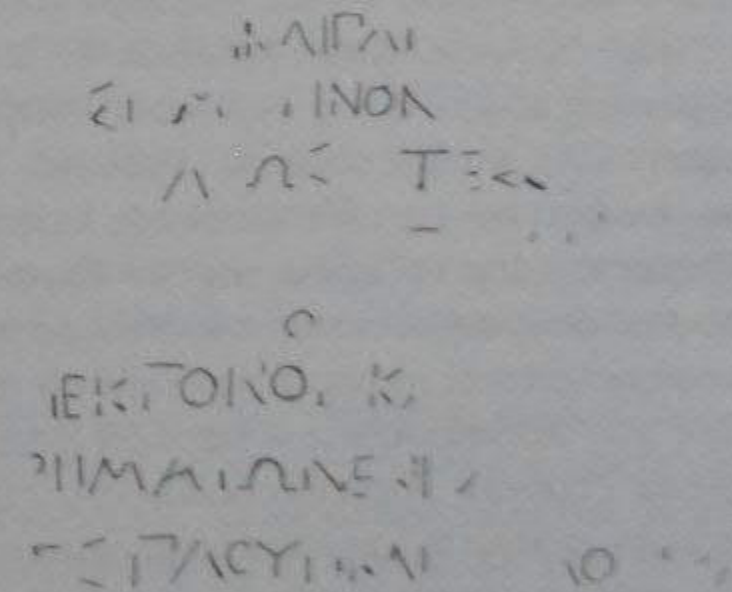

Рис. 4а. Вторая фанагорийская проксения, профиль

восстановить между левой гранью плиты (отступя от нее 1–1,5 см) и словом *καὶ* вряд ли более 6 букв. Из имен Спартокидов столько букв насчитывает только имя Левкон (в именах Евмел и Сатир 7 букв, так что дополнение их не исключено, в остальных больше).

Ответ на этот вопрос дает палеография надписи — ее стиль позднеклассический, представленный в актах времени Левкона I (390–351) — КБН 6а, 8, 1037, 1038 (см. КБН-альбом); в посвящении Фениппа (фото [Белова, 1967, с. 60]) и самого Левкона из Лабриса, а также в надписях времени Перисада I (347–310) — КБН 9, 1015. Основные особенности этого позднеклассического письма представлены и в публикуемой надписи: буквы крупные, гармоничных пропорций, следуют друг за другом в строке свободно, не теснясь, но с разумной экономией места; расстояние между строками составляет примерно 2/3 высоты прямых букв; строки строго горизонтальны. Формы букв этого стиля в целом и в публикуемой надписи в частности: правая гаста *π* представляет собой короткий штрих, «свисающий» с перекладкины; «ползучее», т. е. с наклонными гастами, *μ*ю на архаичный манер «скособо́чено» — правая часть меньше левой, которую она как бы поддерживает; перекладка *α*льфы не горизонтальна, но по-архаически наклонна; *σ*игма имеет умеренно наклонные усики, слегка удлиненные; *ο*микрон и *ω*мега имеют от 2/3 до 3/4 высоты прямых букв, они достаточно крупных размеров; *ω*мега составляет трехчетвертную окружность, посаженную на горизонтальные (как в нашей надписи) или наклонные «лапки». Лишь в стк. 8 нашей проксении *ο*микрон имеет уменьшенные размеры, а равновеликие вертикали *Ν* касаются верхней и нижней планок строки, что более характерно уже для раннеэллинистического письма. Эти обстоятельства, как и близость вышеуказанным надписям времени Перисада I, свидетельствуют о принадлежности публикуемой проксении к стыку позднеклассического и раннеэллинистического письма, т. е. ко второй — третьей четв. IVa, иначе говоря, ко второй половине правления Левкона I или к началу правления Перисада I. Для наглядности можно сравнить письмо данной фанагорийской проксении с несколько более ранним письмом декрета аркадян в честь Левкона I (Syll.³ 209, см. фото [ЗАОО. 1. 1960, с. 105]): тот же позднеклассический характер письма, но *Ν* имеет укороченную и приподнятую вверх правую гасту. С другой стороны, отметим более поздние черты палеографии раннеэллинистических надписей, относящихся ко второй половине правления Перисада I и ко времени его ближайших преемников, которая при сохранении основных особенностей позднеклассического стиля характеризуется определенной декоративизацией письма в целом и форм букв в частности. Все это проявляется в первой фанагорийской проксении, в которой нарушена строгая горизонтальность строк, а формам букв придана некоторая декоративность: правая наклонная линия *δ*ельты продолжается после пересечения с левой линией, верхний усик *σ*игмы уплощен и длиннее нижнего усика, наклонные линии *α*льфы, *λ*амбды, *δ*ельты слегка прогнуты вовнутрь, с верхней горизонтали *Ε* «свисает» декоративный штрих (рис. 3). Письмо

же публикуемой второй фанагорийской проксении лишено каких-либо признаков декоративности, что определенно указывает на ее принадлежность к позднеклассическому стилю.

Таким образом, с точки зрения датировки письма наша надпись, как сказано, принадлежит ко второй половине правления Левкона I или к началу царствования Перисада I. Подчеркнем, что правление обоих царей составило длительный период с 390 по 310 гг., а наш документ не может быть датирован временем ни до 390 г., ни после 310, т. е. мы действительно стоим перед альтернативой отнести проксению либо к одному, либо к другому монарху, но ни к какому иному Спартокиду. Размер лакуны в начале стк. 1, как отмечено выше, позволяет дополнить навряд ли более 6 букв, что препятствует восстановлению в ней 9 букв имени правившего между Левконом и Перисадом царя Спартока III (351–347), а также определенно свидетельствует, что из альтернативных имен Левкон и Перисад должно быть восстановлено первое — [Λεύκων]. В реконструкции дальнейшего текста следует опираться на формулы и составные элементы боспорских проксений, только две из которых сохранили более или менее цельный текст — КБН 1 времени Перисада I и горгиппийская времени Селевка II (304 — ок. 300 гг., КБН, Add. 4, с. 937 сл.). Для большей наглядности производимой далее реконструкции публикуемой надписи приведем текст КБН 1 (горгиппийскую проксению см. ниже): [- -]ωι Διον[υσίου] Πειρα[εῖ] Παιρισάδης καὶ παῖδε[ς - -]ωι|| Διονυσίου Πειραεῖ καὶ [πασι]ν|| ἔδοσαν προξενίαν καὶ ἀτέλει|| αὐ πάντων χρημάτων ἐν παν|| τὶ Βοσπόρῳ αὐτοῖς καὶ θεράπου[σι]ν τοῖς τοῦτων καὶ ἐ[ἰσπλοῦν] καὶ ἔ[κπλοῦν] καὶ πολέ[μου] καὶ ἐ[ἰ]ρήνης ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ (см. ниже, с. 76).

Как видно, начальная часть боспорских проксений, как и документов этого рода в целом, стандартна и включает имя и патронимик проксена (проксенов), этникон (с членом или без него), к которым обычно присовокупляется упоминание о распространении привилегий также на сыновей проксена (проксенов). Этот типовой текст и содержался в начальных 3–4 строках публикуемой надписи; сама пространность этого текста указывает, что проксенов было не менее трех. Сохранившиеся буквы стк. 2 — остатки имени-отчества первого проксена, в остатках стк. 3 (Λ.ΩΣ. ΤΕΣ[Σ]-) три первые сохранившиеся буквы резонно трактовать в качестве окончания патронимика второго проксена (-)λ[ε?]ως, а следующий за лакуной на две буквы текст ΤΕΣ[Σ] не укладывается в долженствующий быть тут этникон, следовательно, это остаток имени третьего проксена.¹ Его патронимик поме-

¹ Буква *Λ* может быть *λ*амбдой или *α*льфой с утраченной перекладной. *Ω*мега и *σ*игма плохо различимы на фото, но хорошо видны на камне: первая сохранилась целиком, у второй целы нижний и верхний «усики». Далее следует лакуна на две буквы, целое *Τ*, все три горизонтали *Ε* и нижняя половина *σ*игмы. За этой *σ*игмой следовала еще одна *σ*игма — сохранился ее нижний «усик», расположенный в точности в пандан к нижнему «усику» предшествующей *σ*игмы. Буквы ΤΕΣ[Σ], укладываемые в слово τεσσ[α]ρακοστήν — пошла в 1/40, если ориентироваться на декрет

шался в начале стк. 4, затем следовал этникон проксенов и за ним — выражение καὶ τοῖς ἐκυβόκοις.¹ Далее в стк. 5–7 следовало перечисление основных проксенических привилегий. В боспорских проксениях порядок перечисления привилегий имеет локальные варианты. Пантикапейские проксения предоставляют проксению и ателию (КБН 1, 2, 5), изредка и политию — проксения кромниту, проксения из ГИМ'а, пантикапейский фрагмент [Шелов-Коведяев, 1985, с. 69, фр. № 2]; горгиппийский акт предоставляет проксению, ателию, энктесис земли и домов; первая фанагорийская проксения — ателию, титул проксена, энктесис земли и домов (см. выше). Неплохо сохранившаяся левая часть стк. 6–8 публикуемой надписи дает твердые основания для восстановления ателии. Буквы стк. 7 ΗΜΑ[Τ]ΩΝΕ определены указывают на статью о «беспошлинности всех товаров на всем Боспоре»: κ[αὶ ἀτέλειαν πάντων | χρ]ημά[τ]ων ἐ[ν] παντὶ Βοσπόρῳ]. Сохранившийся в стк. 8 текст принадлежит к заключительным статьям проксенического акта. Какие иные привилегии из числа перечисленных содержались в стк. 5–6, в точности неизвестно. Определенно тут присутствовала статья о предоставлении проксения, представленная во всех проксениях Боспора; поэтому мы восстанавливаем ее, но место расположения дано условно. В стк. 5–6 остается еще примерно полторы строки для размещения остальных привилегий.

Таково в целом содержание второй фанагорийской проксения.

Всего нам известно 16 боспорских проксений и 1 ателия: 13 проксений и ателия происходят из Пантикапея (список дан ниже, с. 76–79), 2 из Фанагории, 1 из Горгиппии, всего 17 проксенических актов.² По времени все они укладываются примерно в столетие между началом правления Левкона (390) и правлением Спартока IV (ок. 300 — ок. 280). Три наиболее ранние проксения даны Левконом I (проксения кромниту, изданный Ф. В. Шеловым-Коведяевым пантикапейский фрагмент, вторая фанагорийская), три наиболее поздние по времени — горгиппийская, первая фанагорийская и проксения из ГИМ'а, относятся к концу IV — началу III в.³ Остальные 10 проксе-

Левкона I о хлебной пошлине митиленианам в 1/60 и даже 1/90 (Syll.³ 212 = Граков, 1939, № 32): ἔδοσαν τελεῖν πορῶν ἐξήκοστήν ἀπλῆν καὶ [ἐνενηκοσ]τὴν ἀρχεῖον. Такой реконструкции противоречит жанровая разница документов: Syll.³ 212 — это ателия, фанагорийский памятник — проксенический декрет, формуляр их разный (пример текста ателии см. на с. 77), в частности, в ателиях нет статьи о праве влиять и выплачивать, представленной в фанагорийском акте.

¹ Не исключено, что этникон предшествовал именам проксенов — такое его положение засвидетельствовано проксенией КБН 2.

² Не учитывая как не опубликованный фрагмент «по-видимому проксенического» декрета Сатира I и сыновей [Сапрыкин, Федосеев, Куликов, с. 230].

³ Первая фанагорийская проксения по своему письму, охарактеризованному выше, идентична проксении Перисада I КБН 1, ввиду чего причисление ее Виноградовым к актам Левкона I (у Шелова-Коведяева [1985, с. 70], без аргументации) безосновательно прежде всего по причине хорошо выраженной декоративности оформления ряда букв и вовсе не свойственной официальным актам времени Лев-

ний, все пантикапейские, датированы издателями второй пол. IV в., т. е. в целом относятся ко времени Перисада I, хотя он назван по имени только в проксении КБН 1 и проксении кромниту (у прочих надписей начало утрачено). Хронологическое распределение проксений — 3 Левкона I, 10 Перисада I и 3 его ближайших преемников — вполне рисует нам динамику развития внешнеторговой активности Боспора: начало ей положено Левконом I (впрочем, Демосфен ссылается уже на Сатира I), расцвет достигнут при Перисаде I, явный упадок наступил с конца IV в.¹ Понятно, что междоусобная война сыновей Перисада 310–309 гг. не только политически дестабилизировала царство, но и повлекла за собой сокращение внешнеторговых связей. Каким бы деятельным ни был Евмел — он оказывал благодеяния представителям разных городов Причерноморья и очистил море от пиратов — его правление было слишком коротким для восстановления экономики страны и внешних связей до прежнего уровня. Окончательно экономическое могущество Боспора, как и других северочерноморских центров, подорвано ок. 280–270 гг. развалом *rex Scythica* и всеобщей дестабилизацией греческого и варварского миров Сев. Причерноморья.

Отмеченные обстоятельства определили ослабление проксенической деятельности в конце IV — начале III в. и последующее полное исчезновение проксенических декретов. Иначе говоря, если на рубеже IV–III вв. еще действовали отдельные крупные проксены, заслужившие своей активной деятельностью индивидуальные поощрения боспорских владык, то в последующем таковых уже не осталось.² Судя по афинскому декрету 289 г. в честь Спартока IV (Syll.³ 370), боспорско-аттическая торговля еще осуществлялась силами афинских и боспорских купцов, но размах их деятельности существенно уступал прежнему уровню обмена. Показателен в этом отношении даже внешний вид обеих фанагорийских проксений: акт времени Левкона I представляет собой массивную тяжелую плиту, тогда как акт конца правления Перисада I или его ближайших преемников — тонкая маленькая плитка к тому же со скошенными строками надписи.

кона I скошенности строк. О дате горгиппийской проксении и акта из ГИМ'а см. ниже, с. 75, 79.

¹ Недавно опубликованная ольвийская проксения Сатиру [Виноградов, Крапивина, 1995, с. 71], на наш взгляд, ошибочно приписана издателями боспорскому царю Сатиру I, см. с. 84.

² Судя по пантикапейским эпитафиям, некоторое число проксенов все же проживало здесь. От конца IV — начала III вв. сохранились посвятельная надпись византийца Тисия и надгробие некоего инополита [КБН 17, 117]. К первой пол. III в. относятся почетная надпись родосцев в честь Перисада II (КБН 20), эпитафии скончавшихся в Пантикапее херсонесита, колофонца, гераклеотки, амисенца и его жены (КБН 243, 246, 248, 249, возможно, 250). Во второй пол. III в. инополиты практически не представлены в эпиграфике Боспора. О боспорцах, проживавших в этом столетии в других центрах греческого мира, см. ниже, с. 109–110, и [Vinogradov, 1997, S. 47].

Фанагория с двумя своими известными ныне проксениями выходит на второе место после Пантикапея, что, несмотря на карликовое соотношение с 13 пантикапейскими проксениями и 1 ателией, служит материальным подтверждением ее ведущей роли в торговом обмене азиатского Боспора с Грецией. Находка второй проксении показывает, что эту роль она стала играть уже со времени Левкона I. Сам город, не в последнюю очередь благодаря внешнеторговой деятельности, в IV столетии находился в состоянии расцвета [Кобылина, 1956, с. 24 сл.; 1989, с. 59 сл.]. К сожалению, ни одна, ни другая проксения не сохранили этника чествующих проксенов. В Фанагории найдены два надгробия аркадян — тегеата и мегалополита, которые скорее всего были купцами [Яйленко, 1986, с. 224 сл.]. Тот и другой пребывали в Фанагории во времена Левкона I. Возможно, через Фанагорию прибыл в Западное Прикубанье хиосец Ангелипп; скончавшийся вдали от городских центров азиатского Боспора, он был скорее наемником, нежели купцом (КБН, 1233, первая пол. IV в.; эпитафия найдена в районе Копыла, у реки Кубань, связанной тогда с Фанагорией одним из своих рукавов).

Круг полисов, выходцы из которых пребывали в Пантикапее IV в., и самый контингент этих людей значительно обширней (выборка относящихся сюда надписей [Vinogradov, 1997, S. 31/2]). Это, во-первых, проксен из Халкедона и другой из Амиса / Перея (КБН 1-2, вторая пол. IV в.). Во-вторых, в эпитафиях из Пантикапея фигурируют херсонеситы (КБН 173, 195, первая пол. IV в.; 194 — вторая пол. IV в.), одессит (КБН 237, вторая пол. IV или начало III в.), синопеец (КБН 208, IV в.), гераклеот и гераклеотка (КБН 923, 925, Нимфей, обе IV в.), хиотка (КБН 155, IV в.), сиракузянин (КБН 203, первая пол. IV в.), киприот (КБН 236, IV или начало III в.), пафлагонец (КБН 180, время Левкона I).¹ Если учесть, что трое последних были скорее всего наемниками,² то внешние связи Пантикапея были ориентированы, судя по приведенным данным, на Херсонес, Одесс, Синопу, Гераклею и Амис в Понте, Хиос и Афины в Эгееде.

¹ К V в. относится лишь надгробие ахейца из Гелики, найденное в Горгииппии [Болтунова, 1986, с. 60]; издатель сочла этого ахейца торговцем, но скорее он наемник (см. с. 97).

² [Яйленко, 1990, с. 293]. Пафлагонец определенно был наемником; сиракузянина и киприота Виноградов считал торговцами [Vinogradov, 1997, S. 32, 124]. Нам представляется, что круг купцов — контрагентов Боспора не выходил за пределы Эгеиды; трудно представить себе, что могло интересоваться тут в IV в. торговцев с Кипра и Сицилии, во всяком случае не хлеб, основная статья боспорского экспорта. Напротив, предположение о киприоте и сиракузянине как наемниках органично, поскольку в IV в. Кипр и Сицилия поставляли наемников в разные области греческого мира. В частности, в Египте воевала тысяча пельтастов — киприотов, сиракузянских наемники были даже в армии Кира [Маринович, 1975, с. 31, 115]. Особенно много наемников происходило из Аркадии, поэтому наше заключение о тегеате и мегалополите в Фанагории как купцах остается на правах предположения.

Вне Пантикапея в IV в. известны лишь 2 инополита в Нимфее и 3 в Горгииппии, тогда как в Фанагории ок. 6.¹ Как видно, внешние связи Боспора осуществлялись в это время главным образом через его столичный город. Но это обуславливалось скорее всего не тем, что производство экспортных товаров концентрировалось в Пантикапее (главной статьёй экспорта был зерновой хлеб), а тем, что тут располагался двор правящего Спартокида. Согласно свидетельствам митиленского и афинских декретов (Syll.³ 206, 212, 370), а также известиям Демосфена, Исократа и других авторов, внешняя торговля зерновыми была монополией Спартокидов. Именно по этой причине боспорские проксении давались от имени правящего царя и его детей-соправителей.² Обнаружение 3 проксений также в Фанагории и Горгииппии обусловлено пребыванием в этих городах сыновей-соправителей верховного монарха, которые были областеначальниками и держали тут свои дворы [Яйленко, 1990, с. 288 сл.]. Фанагория по числу известных ныне связанных с нею инополитов в IV в. сильно уступает Пантикапею, но раза в 3 превосходит Нимфей и Горгииппию. Поэтому можно предвидеть будущие находки проксенических декретов главным образом в Пантикапее и отчасти в Фанагории.³

3. Горгииппийская проксения Селевка II

А. И. Болтунова [1964, с. 136 сл.] опубликовала найденную в Гогиппии проксению (рис. 5): --υκος Εὐμήλο[υ καὶ -- | --]ράττι⁴ Χαίριππ[ου --] | -]ἔδωκαν αὐ[τῶι καὶ ἐκγόνοις | καὶ π]ᾶσι τοῖς τοῦτ[ου προξενίαν, ἀτέ||λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτησιν, ὅσα | ὑπάρ]χει καὶ ὧν οἱ ἄ[λλοι πρόξενοι | κατὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλαττ[αν μετέχουσιν, | καὶ εἰσαγωγῇ]ν καὶ ἐξαγωγῇν [πάντων | χρημάτων καὶ εἰσπολιν [καὶ ἔκ | ¹⁹πλουν κα]ὶ πολέμου καὶ εἰρή[νης, | ἀσυλ]εὶ καὶ ἀσπονδεῖ,

¹ В Фанагории это мегалополит, тегеат, первая фанагорийская проксения чествует 1 проксена, вторая, вероятно, трех. В Горгииппии одного инополита упоминает местная проксения, а гераклеотку — надгробие КБН 1193; возможно, элеату поставлено надгробие КБН 1194.

² Кстати, этим определяется лексическая особенность части боспорских проксений IV в. — они даны от имени царя и соправителей, поэтому глагол употребляется в личной форме — ἔδωκαν, ἔδωκαν, ἐποιήσαντο.

³ Не обошел вниманием вторую фанагорийскую проксению и Ю. Г. Виноградов, разумеется, тут же настроивший свою «реконструкцию», которую ничтоже сумняшеся объявил «окончательной» [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 72]. Как и в случае с первой фанагорийской проксенией (см. выше), развернутой аргументацией он себя не затруднил. Вопреки своему обыкновению приводить текст надписи в его исполнении для обстоятельной критики или апробации, я эту откровенную лабуду, игнорирующую реальные остатки букв в стк. 2-5, воспроизводить тут не стану.

⁴ Болтунова предположительно дополнила в стк 1-2: [Σέλε | υκος Εὐμήλο [καὶ Σατύρος Σπαρτό | κο Εὐκ]ράττι.

Рис. 5. Горгиптийская проксения (КБН-альбом)

ее пер.: «...сын Евмела и ... рату сыну Хайриппа... дали, ему самому [и потомкам], и всем его (домочадцам) [проксению, ателию], [право приобретения] земли и домов, [что] положено и в чем другие [проксены имеют долю на земле] и на море, [право ввоза] и вывоза [всех товаров], входа в (гавань) [и выхода], и во время войны, и во время мира, без [опасности ограбления] и без договоров». По мнению издателя, начальные буквы надписи —*ρ*κος указывают, что проксения издана от имени Селевка I, чему может соответствовать палеография, характерная скорее для первой половины IV в. Болтунова сочла, что этот Селевк был соправителем Сатира в 433-389 гг. Сосредоточившись в основном на вопросах исторического характера, она не уделила должного внимания текстологии надписи; в результате, в частности, не увидела, что между верхним фрагментом и нижним была еще одна строка (между ее стк. 6 и 7).¹

Гайдукевич дал в КБН (Add. 4, с. 937/9) текст первоиздания, исключая стк. 1, где на фото не увидел *ι*ψιλονα, вследствие чего отверг чтение имени Селевка, по его мнению, фигуры неисторичной. Он правильно указал, что палеография надписи более поздняя, нежели предложенные Болтуновой

Плита разбита надвое горизонтальным сколом, и Болтунова дала фото каждого фрагмента по отдельности.

433-389 гг., но исключил и конец IV в., когда правил сын Евмела Спарток III. Гайдукевич справедливо отменил неоправданное мнение Болтуновой, что анапский камень — *ἀντίγραφο*, т. е. второй экземпляр проксении, подлинник которого был выставлен в Пантикапее. Напротив, ввиду позднейшей датировки документа (см. ниже) не оправдано заключение Гайдукевича, что анапская проксения «скорее всего отражает тот период истории Горгиппии — Синдской Гавани IV в. до н. э., когда этот город еще сохранял автономию и не входил в состав владений Боспора». По осмотре камня летом 1977 г. я уточнил текст надписи, в числе прочего отметил пропуск Болтуновой уничтоженной сколом строки 7, но подтвердил, вопреки скепсису Гайдукевича, ее чтение —*ρ*κος в стк. 1 (сохранились ножка и правый усик *Υ*) и тем самым имени царя Селевка, сына Евмела. В соответствии с патронимиком «сын Евмела» я передатировал надпись, отнеся ее ко времени, следующему за правлением Евмела (310-304): проксению издал Селевк II, правивший в 304 — ок. 300 гг.¹ Позднее я опубликовал свое чтение проксении и подробно обосновал его [Яйленко, 1985б, с. 153/7]. Тогда же Ф. В. Шелов-Коведяев [1985] опубликовал в виде разрозненных строк виноградовские дополнения текста, наконец, сам Ю. Г. Виноградов изложил свою реконструкцию проксении в полном виде [Vinogradov, 1990, p. 557, № 600, cf. SEG 40, 1990, 623]. Даю текст в своем чтении 1985 г.²

¹ Я изложил это на заседании сектора истории древнего мира Ин-та всеобщей истории АН СССР 7 октября 1977 г., отчитываясь о летней командировке в Анапу. На заседании присутствовал и Ю. Г. Виноградов, который после этого оперативно съездил в Анапу и, удостоверившись в правильности моих наблюдений, поспешил доложить об этом как о своих «открытиях» на конференции 1978 г.: «Предпринятая автором ревизия камня обнаружила ряд моментов, не отмеченных в первоиздании (пропуск уничтоженной стк. 7...), и позволила по-новому распределить слова в строках. Первой буквой надписи, вопреки скепсису (Гайдукевич), действительно оказался *ι*ψιλον...» [Виноградов, 1978а, с. 22]. Позднее я письменно изложил эту некрасивую историю [Яйленко, 1985б, с. 158/9], Виноградов, изворачиваясь, представил дело так, будто я обвинил его в заимствовании чтения первой буквы надписи (*ι*ψιλονα), которая на самом деле прочтена Болтуновой ([Vinogradov, 1990, p. 557]: «Aux p. 158-159, on m'adresse le reproche de m'être approprié, dans un de mes rapports, la lecture correcte, prise chez Jajlenko tout en étant la propriété de Boltunova, de ... la première letter de l'inscription!>). Тут он, с одной стороны, признал, что уничтоженную сколом стк. 7 надписи, которую Болтунова пропустила, заметил Яйленко, а с другой прикинулся простаком, заявив, что это заметно на фото Болтуновой: суть вопроса не в том, что именно видно на фото, а кто первым обнаружил пропуск строки.

² С поправкой в начале стк. 4 в соответствии с эмендацией Виноградова *αἰ[τ]οῖς καὶ ἐκ[τ] ὅμοις πᾶσι*, но с иным переносом слова: *ἐκ[τ] ὅμοις*, так как в лакуне начала стк. 4 перед *σιγмой* может быть дополнено 6 букв, а не 8, как у него (о других его дополнениях и датировке надписи см. ниже).

[Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ καὶ Σπάρτοκος?
 ε. g. Ἐπικ]ράτῃ Χαίριπ[που.....
] ἔδωκαν αὐ[τῶν καὶ ἐκγόν-
 5 οῖς π]ᾶσι τοῖς τοῦτ[ου προ]ξενίαν, ἀτέ-
 λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτη]σιν, ὅσα
 ὑπάρχει καὶ ὧν οἱ ἄλλοι πρόξενοι
 μετέχουσιν ἐν παντί Βοσπόρων κατὰ
 γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, καὶ εἰσαγω-
 γῆν καὶ ἐξαγωγῆν π[άντων χρη-
 10 μά]των καὶ εἰσπλουν [καὶ ἐκπλο-
 υν καὶ] πολέμου καὶ εἰρή[νης,
 ἀσυλ]εὶ καὶ ἀσπονδεῖ

«Селевк, сын Евмела, и Спарток (?) предоставили е. g. Эпикрату Хайриппову (этникон), самому и всем потомкам его проксению, ателию, право приобретения земли и домов, что надлежит и чем располагают прочие проксены на всем Боспоре, на земле и на море, а также право ввоза и вывоза всякого достояния, и право вплывать и выплывать, в военное время и мирное, беспрепятственно и без заключения договора».

Плита обломана слева и справа, однако формульный характер текста проксений позволяет точно восстановить документ. В стк. 3 перед ἔδωκαν я расчистил *поту* — остаток дат. падежа этникона проксена, который начинался в конце стк. 2. Этникон насчитывал ок. 11 букв, Виноградов резонно заметил, что аттическая форма θάλατταν свидетельствует о происхождении проксена из Аттики. От его имени сохранились буквы --ράτῃ, судя по утрате в расположенном сверху имени [Σέλε]υκος 4 букв, в имени проксена утрачено столько же. Имен на -ράτῃς много [Hansen, 1958, S. 170/1], поэтому даю е. g. [Ἐπικ]ράτῃ. Далее в тексте надписи у Болтуновой допущены две ошибки. После стк. 6 идет горизонтальный скол, по которому плита переломилась на две части, верхнюю и нижнюю. Однако с тыльной стороны плиты края облома сохранены, так что обломки складываются в контакте (после 1964 г. сотрудники музея склеили их). С лицевой стороны по нижнему краю верхнего обломка и верхнему краю нижнего фрагмента проходит широкая борозда, которая и стала причиной облома плиты надвое. Она появилась уже на плите с надписью, так как ею слегка повреждены нижние части букв стк. 6. Из одного этого следует, что бороздой уничтожена стк. 7 надписи, но это явствует и из формульного текста: Болтунова не заметила утраты строки, поэтому ей пришлось втиснуть в стк. 7 слишком много формульного текста, отчего она оказалась длиннее других строк. При этом первая *каппа* на первой строке нижнего обломка соответствует по вертикали *лямбде* имени [Σέλε]υκος стк. 1 и это показывает, что в лакуне первой строки нижнего обломка утрачены 2-3 буквы, Болтунова же дополнила тут 7 букв, что исключено. Прежде, чем дать заполнение стк. 7, напомним последовательность привилегий в боспорских проксениях: на первом месте всегда упоминается проксения, на втором месте ателия (пантикапейские акты КБН 1, 2, 5 и обе фанагорийские проксении, см. выше), реже полития (проксения кромниту, проксения из ГИМ'а, пантикапейский фрагмент [Шелов-Коведяев, 1985, с. 69, фр. № 2]). Первая фанагорийская проксения содержит на первом месте ателию, на втором титул проксена, далее следует энктесис земли и до-

мов (см. выше). В горгиппийском акте упоминается в стк. 5 энктесис земли и домов (энктесис на Боспоре упоминается только в этих двух надписях), следовательно, в стк. 4 (после обычной формулы ἔδωκαν αὐ[τῶν καὶ ἐκγόνους π]ᾶσι τοῖς τοῦτ[ου]) должна идти речь о предоставлении проксении и ателии (менее вероятна полития): ἔδωκαν αὐ[τῶν καὶ ἐκγόνους | π]ᾶσι τοῖς τοῦτ[ου] προξενίαν, ἀτέ[λειαν], γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτη]σιν «предоставили ему и всем потомкам его проксению, ателию, право приобретения земли и домов». ¹ Текст

¹ Чтение проксении Виноградовым: [Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ καὶ παῖδες | κ]ράτῃ, Χαίριπ[πω]ι.... | ἔδωκαν αὐ[τοῖς καὶ ἐκ]γόνους π]ᾶσι τοῖς τοῦτ[ων πολ]ι[τε]ῖαν, γῆς καὶ οἰκίας ἐ[γκτη]σιν | ὅσα ὑπάρχει καὶ ὧν οἱ ἄλλοι πολ[ίται] μετέχουσιν, ἀτέλειαν κα[τὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλατταν, εἰσαγωγῆν καὶ ἐξαγωγῆν π[άντων | ¹⁰ χρημά]των καὶ εἰσπλουν κα[ὶ ἐκ]πλουν κα[ὶ] πολέμου καὶ εἰρή[νης, ἀσυλ]εὶ καὶ ἀσπονδεῖ [Vinoogradov, 1990, p. 557], без перевода. Его чтение стк. 4–5 невозможно потому, что из его реконструкции проксении вообще выпало само слово προξενίαν, обязательное при ἔδωκαν. Как сказано, второй привилегией в боспорских проксениях чаще выступает ателия, нежели полития. По Виноградову, предоставлены лишь полития и энктесис, что не имеет прецедентов ни в боспорских, ни в греческих проксениях в целом. Нет оснований и для его τοῦτ[ων]. По его словам [l. c.], я игнорирую его наблюдение, что имя Хайриппа написано по стертому тексту (разуре), т. е. добавлено, так что проксенов двое; отсюда его τοῦτ[ων]. Ни на камне, ни на фото, ни Болтунова, ни я не увидели каких-либо следов стертого текста или стертой поверхности на месте букв ΧΑΙΡΙΠΠ, поэтому мнение Виноградова о разуре осталось особенностью его зрения, а не реальным свойством поверхности камня, и чтение Болтуновой τοῖς τοῦτ[ου] прочно. Еще одно саркастическое замечание Виноградова: по реконструкции Яйленко получается, что право приобретения земли и домов предоставляется «на земле... и на море!» Это свидетельствует лишь о том, что он не смотрел проксении — в них предоставление разных привилегий, в том числе право приобретения земли и домов предоставляется именно «на земле и на море». В одном только сборнике надписей III. Мишеля множество примеров, приведу наиболее общую формулу: εἶναι αὐτοῖς γῆς καὶ οἰκίας ἐγκτησιν καὶ ἰσοτέλειαν καὶ ἀσυλίαν καὶ ἀσφάλειαν καὶ πολέμου καὶ εἰρήνης καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν «быть у них праву приобретения земли и домов, исотелии, неприкосновенности и безопасности в военное время и мирное, на земле и на море» [Michel, 203, 204, 207–220, 222–228, 231, 237, 294–297, 535 III] (Ороп, Беотия, Фтиотида, Кизик, эллинистич. время). Если следовать вместе с Виноградовым механическому перечислению привилегий, то действительно получится, что тут «на земле и на море» в военное время и мирное предоставляются право приобретения земли и домов, исотелия, неприкосновенность и безопасность. Однако здравомыслящему читателю понятно, что «на земле и на море» гарантируются лишь неприкосновенность и безопасность. Так и в анапском декрете в чтении и Болтуновой и моем: ксену дают «проксению, ателию, право приобретения земли и домов», тогда как «на земле и на море» предоставляется все остальное — «что надлежит и чем располагают прочие проксены на всем Боспоре». В перечисленных надписях (и множестве других) формула о гарантиях «в военное время и мирное» обычно предшествует формуле «на земле и на море», но нередко ставится и после нее; в анапском декрете формула «в военное время и мирное» вынесена в конец в соответствии с принятой на Боспоре последовательностью формул. О других его дополнениях далее.

стк. 6 показывает, что далее следовала проксеническая формула, на Боспоре до того не представленная: [ῥσα | ὑπά]ρχει καὶ ὧν οἱ ἄλλοι πρόξενοι | κατὰ γῆν] καὶ κατὰ θάλατταν [αὐ] μετέχουσιν в чтении Болтуновой. Однако она втиснула слишком большой текст в стк. 7, поэтому его следует скорректировать с учетом полной утраты этой строки (стк. 8 в нашем чтении соответствует стк. 7 Болтуновой): [ῥσα | ὑπά]ρχει καὶ ὧν οἱ ἄλλοι πρόξενοι | μετέχουσιν ἐν παντί Βοσπόρων κατὰ | γῆν] καὶ κατὰ θάλατταν [αὐ] «что надлежит и чем располагают прочие проксены на всем Боспоре, на земле и на море». Дополняем в стк. 7 формулу ἐν παντί Βοσπόρων на основании КБН I и проксении кромниту.¹ Глагол μετέχουσιν обычно следует в формуле, представленной в анапском акте в стк. 6, за словом πρόξενοι, т. е. они стоят рядом, а не расчленены другими словами, как в чтении Болтуновой.²

Бесспорное чтение в стк. 1 имени-отчества [Σέλε]υκος Εὐμήλο[υ] ставит вопрос о личности этого неизвестного доселе царя Боспора, времени его правления и, тем самым, датировке надписи. Болтунова сосредоточила свое внимание на выяснении личности Селевка, но не обратила должного внимания на его патронимик, обмолвившись лишь замечанием, что по данному Евмелу как по предку, вероятно, получил имя один из сыновей

¹ Там она относится к формуле ἀτέλειαν πάντων χρημάτων, которая в анапском акте отсутствует — в нем ателния упоминалась в стк. 4/5 после предоставления проксении (как мы приняли в соответствии с узусом КБН 1, 2, 5 и обеих фанагорийских проксений) и без дополнения πάντων χρημάτων, которое соотносено в стк. 9 с правом ввоза и вывоза. По своему географическому смыслу формула ἐν παντί Βοσπόρων хорошо сочетается с сохранившейся формулой κατὰ | γῆν] καὶ κατὰ θάλατταν [αὐ].

² Нет оснований и для восстановления Виноградова в стк. 6–7: ὧν οἱ ἄλλοι πολῖται μετέχουσιν], так как уравнивание прав проксена с правами граждан редко и упоминается не в проксениях, а почетных декретах (к примеру, [Michel, 385, 421 etc.]). Самая обычная формулировка проксений — ῥσα τοῖς ἄλλοις πρόξενοις ὑπάρχει (γέγραπται, διδοται etc. [Michel, 184, 197, 204, 212, 286, 292 etc.], часто без глагола), многим реже встречается номинативная форма с (με)τέχειν [Michel, 512], которую, тем не менее, резонно восстановила Болтунова, поскольку на это указывает именит. падеж члена: ὧν οἱ ἄλλοι πρόξενοι μετέχουσιν] стк. 6/7. В анапской проксении соединены формулы с ὑπάρχειν и μετέχειν, как, например, в почетном декрете баргилитян в честь теоса Терона [Michel, 457 = Syll.³ 426. 23/7, ок. 267a]: εἶναι δὲ αὐτὸν καὶ πρόξενον καὶ εἰρηγέτην τῆς πόλεως, δεδούσθαι δὲ αὐτῷ καὶ πολ[ιτεί]αν καὶ μετουσίαν πάντων ὧν καὶ Βαργιλῆται μετέχουσιν..., τὰ [δὲ αὐτὰ] ὑπάρχειν καὶ τοῖς ἐγγόνοις αὐτοῦ «быть ему и проксеном и эвергетом города, предоставить ему также гражданские права и участие во всем, в чем участвуют баргилиты ..., тем же располагать и его потомкам». С стк. 8 чтение Болтуновой бесспорно, так как далее следуют обычные формулы боспорских проксений. Вношу лишь мелкие поправки. В стк. 9 после N видна левая гаста Π, слева перед καὶ я расчистил из-под известки правую гасту Ν; в стк. 10 перед ωμωμω видна часть полочки Т; ввиду сказанного читаю [γῆ]ν и π[άντων] χρη[μά]των. В лакуне начала стк. 11 перед *той* слова καὶ, сохранившейся у скола, помещается 4–5 букв, что влечет за собой неправильный перенос ἐκπλο|υν или ἐκπλ|ουν. Примеры подобного переноса имеются в надписях, например, Syll.³ 171: αὐτο|ί etc.

Перисада I [1964, с. 140].¹ Однако упоминаемому в стк. 1 Евмелу соответствует из числа правителей Боспора лишь соименный сын Перисада I, правивший в 310–304 гг., так что декрет издан от имени правившего после него Селевка, который до сих пор оставался нам неизвестным.² Поскольку по идентифицируемым историческим лицам надпись может быть датирована 433–393 гг. (правление Селевка, по Диодору) или временем после 304 г., когда умер Евмел, вопрос об издавшем горгиппийский декрет Селевке, сыне Евмела, решается палеографией документа. Как сказано, В. Ф. Гайдукевич правильно подметил, что характер письма документа не соответствует концу V — началу IV в., как датировала его Болтунова. Действительно, письмо его — это развитый стиль второй пол. IV в., которому свойственны декоративная апексация букв, удлиненность верхнего уголка Α, Δ, Λ, уменьшенные размеры круглых букв, уплощенность усиков сигмы и т. д. Особенно существенна для палеографической датировки форма и размещение в строке *омеги*: по высоте она в половину меньше прямых букв и размещается в верхней или средней части строки. Впервые эта особенность проявилась на Боспоре в надписи Левкона I КБН 8 (ср. также 1038), где уменьшенных размеров *омега* размещена в нижней части строки. Поскольку остальные надписи времени Левкона I содержат более крупную классическую *омегу* (КБН 6а, 1111 и др.), то ясно, что посвящение КБН 8 относится к концу правления этого царя, т. е. к сер. IV в. (см. также с. 24–25). В надписях Перисада I (351–310) как стиль в целом, называемый уже раннеэллинистическим, так и отмеченные особенности *омеги* проявляются чаще (например, КБН 9, 1015, также 1042, относящаяся ко времени Левкона или Перисада). Но ближайшую аналогию письму горгиппийской проксении составляет посвящение КБН 18 временем упоминаемого в нем Спартока, сына Евмела (304–284). Если обратиться к датированным аттическим надписям, то ближайшую аналогию по характеру письма составляют документы, относящиеся к последней четв.

¹ Виноградов отнес надпись к первой четв. III в. (см. [Шелов-Коведлев, 1985, с. 70]), но без аргументации, что делает излишним обсуждение его датировки. В. А. Анохин [1999, с. 46, 183, 185] датировал надпись 400–390 гг. со странной мотивировкой: право приобретения земли появляется в аттических проксениях в начале IV в. Это влияет на нижнюю границу датировки остальных проксений, но вовсе не на верхнюю — энктесис фигурирует в документах всего IV в., III в. и позднее. Существенно, однако, другое — в надписи нет ни одной графемы ὀ, при том, что есть 3 графемы ου, это бесспорное свидетельство датировки надписи после 340-х годов, см. с. 24–25. Поэтому невозможно дополнение Анохиным [1999, с. 48] в стк. 1 имени Сатира I как соправителя Селевка Евмелова; невозможно и его дополнение о предоставлении привилегий безымянному брату ([?Επικ]ράτης Χαίριππου καὶ τῶν ἀδελφῶν): мало того, что проксении братьям вообще редки, в таких случаях их обязательно называют по имени [Michel, 265, 294, 299 etc.]; более того, мегаряне в IV в. предоставили двум братьям проксенические привилегии, но издали по декрету в честь каждого [Ib. 167, 168].

² Изложение нижеследующих соображений [Яйленко, 1985, с. 155 сл.; 1990, с. 299 сл.].

IV в. [Kirchner, 65, 68]. Таким образом, палеография горгиппийского декрета находит ближайшие параллели в надписях последней четв. IV — начала III в., что заставляет нас видеть в Евмеле проксении соименного царя.¹ Следовательно, в 304 г. Евмела сменил на престоле сын Селевк II, имея в качестве соправителя брата Спартока IV. Поскольку этот Селевк известен нам лишь из горгиппийской проксении и остался неизвестным Диодору (XX, 100, 7: в 304-284 гг. правил Спарток), следует полагать, что его правление было недолгим — примерно около 300 г. на престоле остался один Спарток (см. дальнейшие соображения о Селевке II и Спартоке III [Завойкин, 2006, с. 230 сл.]).

Мн. число ἐδόξαν, как заметила А. И. Болтунова, указывает, что декрет издан от имени Селевка и еще одного лица, что вполне соответствует боспорской практике соправления отца и детей (проксении и Syll.³ 212) или братьев-соправителей (Спарток и Перисад в аттическом декрете 347 г. Syll.³ 206). Прочим проксениям известна лишь формула *ποτεν regis καὶ παῖδες*, ожидаемая и тут (так сочли Ю. Г. Виноградов, А. А. Завойкин и др.). В таком случае придется подобрать длинное имя проксена на -κράτης. Однако краткость правления Селевка II и переход власти после Спартока III к его сыну Перисаду II Спартокову, а не к сыну Селевка II, заставляет нас усомниться в наличии детей у последнего и предполагать, что документ издан от имени братьев-соправителей.

4. Проксении КБН.

КБН 1: [---] καὶ Διονυσίου Πειρα[εῖ] | Παιρισάδης καὶ παῖδες [---] | Διονυσίου Πειραεῖ καὶ [παῖσιν] | ἔδοσαν προξενίαν κ[αὶ ἀτέλει] | [αν πάντων χρημάτων ἐν παν] | τί Βοσπόρων αὐτοῖς καὶ θεράπου[σι]ν τοῖς τούτων καὶ ἐ[ἰσπλοῦν] καὶ ἐκπλοῦν καὶ πολέ[μου] καὶ εἰ[ρήνης] ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ. Принятое в предшествующих изданиях дополнение в стк. 3 [ἐκγόνοις] дает излишне большое количество букв в строке — 27 при среднем числе 24 в остальных строках (приведем количество букв, начиная с стк. 4: 24, 21, 26, 24, 25, 22), вследствие чего заменяем его на [παῖσιν]; по этой же причине удаляем из стк. 1 [προξενία]. См. о надписи [Гайдукевич, 1966, с. 48; Брашинский, 1970, с. 41/7].

КБН 4, стк. 3: [---ἀσπον]δε(ι). Дополнение *иоты* излишне, так как написание ἀσπονδέ имеет устойчивый характер и встречается в ряде других проксений IV-III в. (IOSPE I² 20, 22; HO 18: ἀσπλε καὶ ἀσπονδέ), что обусловлено передачей дифтонга ει через ε [Buck, 1968, p. 31; Thumb, Scherer, S. 291]. Есть она и в КБН 115 (ниже, с. 540), но в «Кратком очерке грамматики бо-

¹ Такая датировка указывает на невозможность принятого Болтуновой написания Εὐμῆλο, Χαρίτη[δ], с δ = ου, о чем свидетельствует также написание τούτ[ου], εἰσπλοῦν, πολέμου стк. 4, 10/11. Отсутствие в надписи графемы δ = ου исключает, вопреки Н. С. Беловой [1967, с. 66] и В. А. Анохину [1999, с. 185] возможность датировки надписи временем Левкона I.

спорских надписей» А. И. Доватуром не отмечено. Ср. и ἀσπλε καὶ ἀσπονδεῖ, с передачей дифтонга ει через ι в других проксениях (Syll.³ 187 etc.).

КБН 5. Текст и пер. КБН: [Παιρισάδης κ]αὶ παῖδες | [---]λεως | [---]δωκαν | [προξενίαν] καὶ χρή[ματων πάντων ἀτέ]λειαν [---] «Перисад и сыновья... дали проксению и освобождение от пошлин на все товары...» При таком восстановлении нарушена обычная для проксений последовательность формул: χρημάτων πάντων должно располагаться после слова ἀτέλειαν, как в КБН 1, IOSPE I² 21, 23, HO 5-7 и др. Это указывает, что рассматриваемая проксения имела иную формульную структуру:

[Παιρισάδης κ]αὶ παῖδες
[ethnicum ε]δωκαν
[τῷ δεῖνι τοῦ---]λεως
[αὐτῷ καὶ παισὶ?] καὶ χρή-
[μασιν ἀτέλειαν κтл.]

«Перисад и сыновья
этникон, такому-то, сыну -лея,
предоставили
ему самому и детям (?) и иму-
ществу беспощинность ---».

Иначе говоря, тут употреблен оборот не с род. падежом, а с dat., ср. ἐδόξαν Σοταίρῳ τῷ Κορινθίῳ καὶ τοῖς καὶ γένει καὶ φοικιάταις καὶ χρέμασιν ἀσπλε καὶ ἀσπονδεῖ «предоставили коринфянину Сотеру и его детям, роду, домохозяевам и имуществу беспрепятственность и беспощинность» (Syll.³ 55). Оборот с дат. падежом восстановлен и в проксении HO 2, но, на наш взгляд, безосновательно [Яйленко, 1984, с. 216/7].

КБН 817. Чтение В. В. Шкорпила [Εὐμη]λος Π[αιρισά]δεος | --ατα ὑπῆρξεν вразумительней маюскул КБН. Надпись хорошо иллюстрирована в КБН-альбоме. Это 4 фрагмента мраморной плиты; толщина двух фрагментов 20 и 25 см, притом сколотых сзади, указывает, что это постамент. Сохранились верхняя и правая грани; хотя низ обломан, надпись определенно трехстрочная, так как на фр. D под стк. 3 бланковое поле. От стк. 2 сохранилась лишь прямая гаста последней буквы (над N слова ὑπῆρξεν стк. 3). В соответствии с формуляром надписей Спартокидов IV-III вв. в стк. 1 при имени царя необходим титул βασιλεύς, что дает длину строки примерно в 27 букв. Типология надписи определяется тем, что она сделана на постаменте, и потому может быть посвятельной или почетной. Глагол ὑπάρχειν не свойствен посвящениям, но употребителен в почетно-проксенических декретах. Отсюда возможно следующее чтение: [βασιλεύς Εὐμη]λος Π[αιρισά]δεος | [τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος ethnicum | ἀτελὴ εἶναι καὶ χρήμ]ατα ὑπῆρξεν «царь Евмел, сын Перисада, предоставил такому-то и имуществу право быть свободным от пошлин». По типу это ателния, предоставляющая проксену только пошлинный иммунитет (напротив, проксенические декреты содержат широкий спектр привилегий). Так, в последней трети V в. в Ольвии изданы 3-4 ателнии, гарантирующие поименованным в них инополитам беспощинность пребывания в Ольвии — их самих и товаров. К примеру, ателния гераклеоту HO 2A содержит лишь конструкцию ass. + inf. [ἀτελὴ τὸν δεῖνα ---]δωρὸ Ἦρα [[κλεώτην εἶναι αὐτὸν κ]αὶ χρήμ[α] «такую-то, сыну -дора, гераклеоту, быть свободным

от пошлин — самому и имуществу», затем привилегии расширены и распространены на родственников — на той же плите написана проксения 2В: [-ἀτελεῖς] ἐσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν καὶ χρήματα «... быть беспошлинными, вливать и выливать, самим и имуществу». Пример конструкции *acc. + inf.* дает договор Милета и Ольвии ок. 334 г. об исполитии, в котором подтверждаются старые проксенические права сторон: εἶναι δὲ [ἀ]τελεῖς πάντας Μιλήσιους κτλ «быть (в Ольвии) свободными от пошлин всем милетянам» (Syll.³ 286. 18). В надписи КБН 817 этот оборот *acc. + inf.* ἀτελεῖ εἶναι κтл. обрамлен санкцией, составленной по конструкции боспорских проксений: «царь такой-то дал», но вместо обычного ἔδωκεν употреблен глагол ὑπηρέειν с тем же значением «дать, предоставить право». По упоминанию Евмела ателиа датируется 309–304 гг.

КБН 819. Обломок правого нижнего угла мрам. плиты. Текст IOSPE Π, 338 = КБН: ΗΣ | ΙΝ | ΥΝ | ΜΟΥ. На наш взгляд, это фр. проксенического декрета:

[Παιρισάδης καὶ παῖδες ἔδω-	«Перисад и сыновья
καὶ τῶν δέων τοῦ δέονος	дали такому-то, сыну такого-то, (этникон), и по-
εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν	томкам проксению и право беспошлинности всего
προξενίαν καὶ ἀτελείαν	имущества, приобретения земли и домов,
1 πάντων χρημάτων, γῆς	вливать и выливать в мирное время и военное,
[καὶ οἰκίας ἐκκτησθ]ιν,	беспрепятственно и без заключения договора».
[καὶ εἰσπλεῖν καὶ ἐκπλεῖν]	
[καὶ εἰρήνης καὶ πολέ]μου,	
5 [ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ]	

Для примера приведем проксению Перисада I КБН 1: «Перисад и сыновья такому-то, сыну Дионисия, пирейцу, и потомкам дали проксению и беспошлинность всех товаров на всем Боспоре, им самим и их слугам, вливать и выливать в военное время и мирное, беспрепятственно и без заключения договора». Как видно, реконструированная нами надпись соответствует своим стк. 1–5 и 7–9 проксении КБН 1; наглядности ради приведем заключительные строки КБН 1, соответствующие сохранившемуся тексту КБН 819: καὶ εἰσπλεῖν | καὶ ἐκπλεῖν καὶ πολέ[μου καὶ εἰρήνης] ἀσυλεῖ καὶ ἀσπονδεῖ (жирным показаны соответствующие буквы обеих надписей). По характеру письма фр. КБН 819 и проксения КБН 4 с утраченным началом близки той же проксении КБН 1 и потому изданы от имени Перисада I и сыновей. Единственное существенное отличие реконструированной нами проксении от КБН 1 заключается в формуле [γῆς [καὶ οἰκίας ἐκκτησθ]ιν, присутствующей в горгиппийской и первой фанагорийской проксениях (с. 55, 72).

¹ Обосновываем это чтение в подготавливаемой к печати монографии «Очерки истории и эпиграфики Ольвии и Херсонеса».

5. Новые пантикапейские проксении

В дополнение к 5 проксениям КБН 1–5 из Пантикапея после 1965 г. изданы фрагменты еще 6 проксенических актов.

6–7. Незначительные фрагменты двух актов [Шелов-Коведяев, 1985, с. 57 сл.].

8. Фр. проксении сыну Боспориха; сообразуясь с письмом, издатели дали приемлемое чтение разрушенной преамбулы: [ὁ δέων Λεύκων] καὶ παῖδες[ς--] [Толстиков, Виноградов, 1999, с. 292 сл.].

9–11. Три проксении издали Ю. Г. Виноградов, В. П. Толстиков, Ф. В. Шелов-Коведяев [2002]. Девятая проксения дана Перисадом I и сыновьями кромниту, сохранность хорошая. Десятая происходит из собрания Уварова, по мысли издателей, дана Евмелом и сыновьями [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 61]: [Εὐμηλος καὶ παῖ]δες. Принимая во внимание, что стк. 1 короче следующих строк на 2–3 буквы, издатели дополнили тут имя Евмела, полагая, что имя царя может насчитывать только 7 букв в строке, из соответствующих имен Сатир и Евмел они предпочли последнее. Однако принятое ими число букв для утраченного имени высчитано не вполне точно, их могло быть от 5 до 8.¹ Поэтому в стк. 1 может быть помещено имя правивших во второй пол. IV — начале III в. Сатира II, Евмела, Селевка II. По этой причине А. А. Завойкин [2006, с. 241/2] с основанием предпочел видеть тут имя Сатира II. Итак, тут следует читать [ὁ δέων καὶ παῖ]δες. По письму документ близок не только горгиппийской проксении Селевка II, как сочли издатели, но также проксениям Перисада I КБН 1 и кромниту. Одиннадцатую проксению, от которой сохранился правый край, названные издатели приписали Левкону I, сыну Сатира I: [Λεύκων (ὁ)] Σατίρ[ῳ] (стк. 1), что приемлемо.²

Вместе с фр. КБН 819 мы располагаем 13 пантикапейскими проксениями и одной ателией КБН 817 (см. выше). Добавив 2 фанагорийские и 1 горгиппийскую проксении, получим достаточно представительное число проксенических актов Боспора — 17.

¹ Количество букв в их же реконструкции текста, которая приемлема, неодинаково: 20 букв в стк. 4 и 17 в стк. 5. Первая строка короче их на 3 буквы, вычтя которые, получим соответственно 17 и 14. Из этих чисел надо отнять 9 букв, приходящихся на выражение [νοτεν regis καὶ παῖ]δες, так что имя царя насчитывало от 5 до 8 букв.

² Отметим лишь невозможность чтения Σατίρ[ῳ]: так как Ρ примыкает к правой филенке плиты, [ῳ] пришлось бы на филенку. Поэтому окончание [ῳ] (равным образом в надписях Левкона I может быть [ον], см. с. 24) следует перенести на следующую строку.

МНИМЫЕ ПРОКСЕНИЯ ОЛЬВИИ БОСПОРСКОМУ САТИРУ I И ДОГОВОР С ЛЕВКОНОМ I

Ю. Г. Виноградов и В. В. Крапивина опубликовали интересный эпиграфический памятник — найденную в Ольвии в 1991 г. мраморную стелу, которая отбита справа и снизу, но сохранила основной текст надписи (рис. 6).¹ Их текст и пер.:

Ὀλβιοπολίται Σάτιρο[ν Σπαρτόκο]
πολίτην ποοῦνται κ[αὶ αὐτὸν καὶ]
ἐγγόνους καὶ εὐερ[γέτην καὶ ἀτέ-]
λειαν διδοῦσι πάντ[ων χρημάτων]
5 καὶ αὐτῷ καὶ ἐγγόν[οις καὶ ἐσπλεῖν]
καὶ ἐκπλεῖν καὶ πολ[έμου καὶ εἰ-]
ρήνης ἀσυλῆ καὶ ἀσπονδῆ· *vacat*
Τύχη ἀγαθῇ. Ὁ[μολογία Ὀλβιο-]
πολίταις καὶ Λεύκωνι Σατύρο.]
10 φίλους εἶναι ἀ[λλήλοις, ἐάν τις]
[ἢ Ἑ]λλην ἐ[ὼν ἢ βάρβαρος ἦ] ἐπὶ
[τὴν χώραν τὴν Ὀλβιοπολιτέων,
βοηθεῖν Λεύκωνα πάντι σθένει κτλ.]

«Ольвиополиты Сатира (сына Спартока) делают своим гражданином, и (его самого и) потомков, и благодетелем и даруют ему самому и потомкам беспоплиность на все (товары) и право (входа) и выхода из гавани и в военное и в мирное время без права захвата и без необходимости заключения особого договора».

По мысли Виноградова, надпись представляет собой досье из двух документов — проксении ольвиополитов боспорскому царю Сатиру I и их договора с его сыном Левконом. Его восстановление проксении точно — это стандартный текст (исключая дополнение лакуны стк. 1), правильно определен и характер второго документа. Затем Виноградов выясняет, какие причины могли вызвать предоставление ольвиополитами проксении боспорскому царю Сатиру I, каковы цели соглашения между Ольвией и Левконом о союзе и взаимопомощи. Предложенные объяснения названы им «рабочей

¹ [Виноградов, Крапивина, 1995, с. 69–78]. Позднее Виноградов издал перевод этой статьи только под своей фамилией [Vinogradov, 1997, с. 515/25]. Это ольвийский сюжет, однако кое-кто из исследователей Боспора уже клюнул на эту удочку [Анохин, 1999, с. 59 сл.; Золотарев, 2001, с. 66], что и вынуждает нас дать здесь этот очерк.

МНИМЫЕ ПРОКСЕНИЯ ОЛЬВИИ БОСПОРСКОМУ САТИРУ I ...

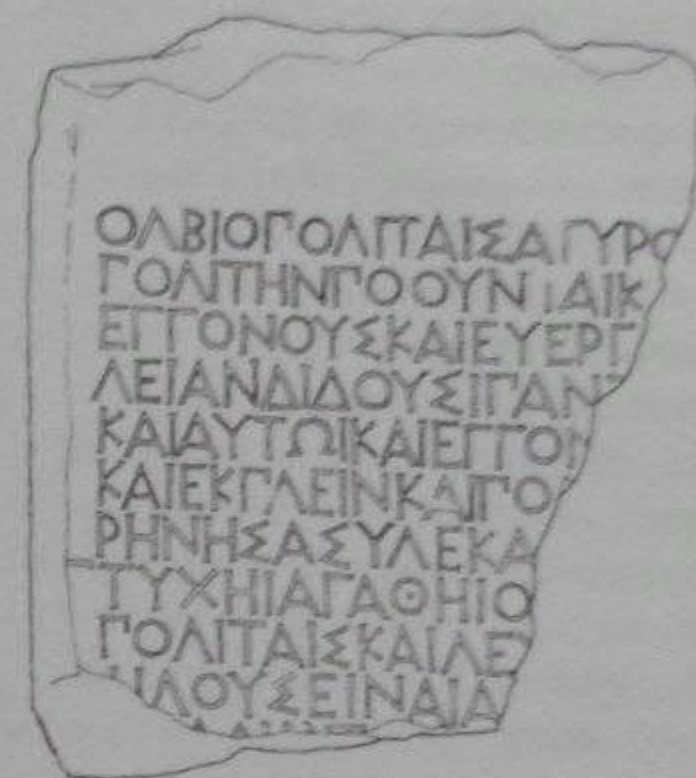

Рис. 6. Ольвийская проксения Сатиру (фото и пропись Ю. Г. Виноградова)

гипотезой». Он отмечает, что Сатир вел тяжелую войну с Феодосией, а Ольвия с начала IV в. существенно расширила свою хору, она и Боспор были экспортёрами хлеба в Грецию, отсюда и могла происходить их симмахия. В это время Ольвия еще находилась под властью некоего тирана и пребывала под скифским протекторатом. Сатир был в дружеских отношениях со скифскими царями; в войне с Феодосией, которой помогала Гераклея Понтийская, он нуждался в союзниках и потому оказал помощь Ольвии в освобождении от тирана и скифского протектората. В свою очередь Ольвия через ионийскую колонию Керкинитида могла противодействовать Гераклею и ее высылку Херсонесу.

Нет смысла излагать далее эту «рабочую гипотезу», поскольку все ее слабые — ничем не доказуемые домыслы, некоторые из которых противоречат известным фактам. В частности, Сатир не мог содействовать Ольвии в избавлении от скифского протектората по той причине, что во время войны с Феодосией и Гераклеей находился в дружественных отношениях со скифами — в его войске против гераклейцев сражались скифы (Polyaeni VI, 4). Сама необходимость прибегать к бездоказательным гипотезам в поисках оправдания союза между Ольвией и Боспором заставляет усомниться в точности каких-то элементов его чтения и понимания текста надписи. Равным образом его интерпретация вызывает сомнения исторического и эпиграфического плана. Во-первых, крайне удивительна выявленная Виноградовым связь Ольвии с Боспором, поскольку какие-либо данные об этом применительно к доримской эпохе практически отсутствуют, да и относительно римского времени мы располагаем несколькими случайными фактами.¹ Та-

¹ [Сапрыкин, 1985б, с. 72 сл.; Яйленко, 1987, с. 84/9; Уженцев, 1999, лж.]. Единственное свидетельство связей Боспора и Ольвии доримского времени — 3 десятка

кое молчание источников вряд ли случайно. Обратим внимание, что связи Боспора идут явно в обход Сев.-Зап. Черноморья: в IV в. он связан и с Херсонесом (КБН 173, 194, 195) и с городами Зап. Понта (КБН 237; беру лишь эпиграфические свидетельства, в целом же источников больше), но не с Ольвией. В свою очередь Ольвия связана и с Зап. Понтом (НО 7. IPE I, 20) и с тем же Херсонесом (НО 3 + 12), но восточнее ее интересы не простирались. Если учесть, что экономика и Боспора и Ольвии равным образом зиждилась на экспорте зерновых и что их торговые интересы были направлены на одних и тех же контрагентов — на города Юж. и Зап. Понта, Афины и Эгиду, то отмеченные обстоятельства наводят не столько на догадку о возможной их конкуренции на одних и тех же путях хлебной торговли, сколько на заключение об однотипности экономик обоих государств: оба были по преимуществу экспортерами хлеба и им просто нечего было предложить друг другу. В таких условиях заключение союза Боспором и Ольвией тем более проблематично.

Виноградов представляет вопрос об умолчании источников так: до сих пор эти источники удивительным образом отсутствовали, но вот найдено первое эпиграфическое свидетельство. Однако такая постановка очевидным образом некорректна — вопрос о связях (точнее, об отсутствии таковых) неправомерно сужен до эпиграфической проблемы, т. е. игнорируется умолчание также остальных многообразных видов источников. Но если и основываться лишь на надписях, то при очевидном факте, что эпиграфика Боспора и Ольвии достаточно богата и предоставляет данные об их широких внешних связях, вплоть до Крита, Аркадии и Сиракуз, отсутствие хотя бы одного известия о связях обоих центров друг с другом, да еще расположенных в одном географическом регионе, не случайность, а следствие малоизвестных

боспорских монет, найденных в Ольвии, и несколько ольвийских монет, обнаруженных на Боспоре. Собравший этот материал П. О. Карышковский [1964, с. 144] сделал странный вывод о «довольно тесных связях между этими государствами». Это явное преувеличение: в его распоряжении были 23 найденные в Ольвии медные монеты, из которых два десятка «принадлежат Пантикапею и укладываются в тесные хронологические рамки — они чеканены между 330 и 250 гг. до н. э., причем большинство их относится еще к IV в. до н. э.» [Ib., с. 142]. Отсюда явствует, что в последней трети IV в. имело место какое-то незначительное поступление пантикапейской меди в Ольвию, случайное или однократное, возможно, в связи с одномоментным вывозом товара. Именно с таким выводом согласуются данные о боспорских амфорах в Ольвии: «Встречено всего несколько фрагментов амфор, которые могут быть отнесены к боспорским типам» [Лейпунская, 1981, с. 79]. Несколько случайных черепков на бесконечное множество фрагментов тары из самых различных центров, — вот самое красноречивое свидетельство об отсутствии сколько-нибудь существенных контактов между Ольвией и Боспором. Разумеется, о тесных связях можно говорить тогда, когда имеются массовый импорт керамической тары, репрезентативная нумизматика и свидетельства нарративных источников, либо, на худой конец, одной из этих групп источников. Ничего этого, повторим, ни в Ольвии, ни на Боспоре нет.

нам факторов. Этому соответствует молчание литературных источников, как и отсутствие массового керамического и нумизматического материала одного центра в другом. На таком фоне полного игнорирования Боспором и Ольвией друг друга представляются весьма сомнительными открытые Виноградовым их союзнические отношения, настолько тесные, что Сатир даже обрел по проксеническому декрету гражданские права в Ольвии.

Во-вторых, язык надписи аттический (см. ниже), и если в ней упоминается Сатир I (433–389), как счел Ю. Г. Виноградов, она содержала бы только графему θ . Но в надписи 4 раза представлена графема ϕ , ни разу θ , и это бесспорное свидетельство датировки документа временем не ранее сер. IV в. (выше, с. 24–25). Одно это обстоятельство целиком снимает чтение текста и его интерпретацию издателем.

В-третьих, довольно необычна представленная у Виноградова структура, как он выразился, «досье из двух государственно-правовых актов». Что за странное сочетание двух разноадресных документов на одной небольшой стеле с текстом примерно в 15 строк — проксения ольвиополитов, данная Сатиру I, и договор тех же ольвиополитов, но уже с Левконом? В этом плане отметим, что точную структурную параллель ольвийской надписи дает стела начала IIIa из Месембрии, включающая проксению месембриян, данную окрестному фракийскому царьку Садаласу, и нижеследующий договор тех же сторон [IGBulg. I, 307 = Staatsverträge, 1969, № 556].¹ Так должна пониматься структура и ольвийского досье — если проксения дана Сатиру, то и договор заключен с ним же.

Тут мы и подходим к корню странностей текста надписи в чтении и интерпретации Виноградова — к прочтенным им в стк. 9 «трем буквам ΛΕΥ», в которых он усмотрел имя Λεύ[κωι]. На самом деле весьма качественное фото надписи в его публикации 1997 г. показывает нечто иное. Дело не в том, что вычитывание *инсилона* неоднозначно (видимый на краешке скола остаток вершка левой наклонной линии может принадлежать и букве X), дело в предшествующем тексте: вместо увиденных им букв ΚΑΙΛΕ достаточно хорошо читаются буквы ΚΑΤΑΕ. После букв ΚΑ следует не *iota*, а Γ с целиком сохранившейся правой половинкой горизонтали (левая уничтожена выщерблиной, повредившей также середину предшествующей *альфы*); такую форму имеет Γ и стк. 1 — в имени Сатир. Далее следует не *лямбда*, но *альфа* с целиком сохранившейся горизонталью.² Все это в корне меняет

¹ Известны также случаи, когда принимавшие участие в заключении договора послы награждаются проксеническими привилегиями: например, декрет Гистиеи с послы награждаются проксеническими привилегиями с Синопой заключается статьей о предоставлении проксении синопским послам [Staatsverträge, 1969, № 563, сер. IIIa].

² В ответ на эти мои замечания в частной беседе Виноградов сказал мне: если бы я видел подлинник, то убедился, что горизонтали и *тау* и *альфы* — случайные сколы. Однако, даже не обращаясь к камню, могу отметить, что двойное совпадение линий и сколов вряд ли возможно, особенно при учете положения горизонтали в *альфе*: в этой надписи она расположена ниже обычного в других надписях — не на

чтение стк. 9 (соответственно и восстановление лакуны в стк. 1), а с ним и интерпретацию надписи в целом: имя Левкон в действительности отсутствует, вследствие чего и Сатир стк. 1 не обязательно должен быть боспорским царем. Такой вывод снимает отмеченные выше странности чтения и интерпретации надписи Виноградова: нет структурного противоречия между проксенией одному лицу и договором с другим — этого другого лица, Левкона, просто нет, так что в лакуне договора должно быть восстановлено имя того же Сатира стк. 1. Коль нет никаких свидетельств о связях Боспора и Ольвии, то и данная надпись их не предполагает — Сатир не только может, но и должен быть не боспорским царем, а другим лицом.

Поиск этого Сатира, с которым ольвиополиты заключили договор о союзе, предварительно наделив проксеническими и гражданскими правами, следует вести с учетом трех условий: он глава страны, народа или полиса; его государство должно иметь документированные источниками тесные связи с Ольвией; время его деятельности приходится на IV в. — такова эпиграфическая дата исследуемого документа по характеру письма. При таких условиях обретение искомого Сатира будет недолгим: из числа известных нам носителей имени (большинство их составляют представители творческой интеллигенции [RE. Hlbd. II, 3. 1921. Sp. 224 f.]) в IV в. лишь трое были правителями — боспорские цари Сатир I и II, да гераклеянский тиран, но лишь кандидатура последнего соответствует условию о тесных экономических связях: Гераклея была важнейшим торговым партнером Ольвии. Сатир правил в 352-345 гг., унаследовав власть от своего брата, убитого заговорщиками тирана Клеарха, в качестве опекунов его детей. Он был правитель крутой и богатый, проявил себя и в области внешних сношений.¹ Богатство Клеарха, Сатира и сменившего его Тимофея было обязано не только экспроприации имущества аристократов и нуворишей, но и деятельному участию в экспортной торговле Гераклеи вином и маслом, материально за-свидетельствованной обильной гераклеянской керамической тарой во всех черноморских центрах, главным образом северных.² В этом плане представляется вполне обоснованным мнение П. Балабанова [1985, с. 20 сл.] о начале клеймения тары гераклеяскими эпонимными магистратами с приходом к власти Клеарха и об общей связи клеймения с властными структурами местной тирании. Влияние Гераклеи в Сев. Причерноморье было настоль-

середине высоты буквы, а ближе к ее основанию. Одна эта особенность начертания *alpha* делает невероятным случайное происхождение перекладки в ней.

¹ О Сатире см. [Berve, 1967. Bd. I. S. 319; Bd. 2. S. 681; Burstein, 1976, p. 65 f.]. О его предполагаемых дружеских связях со Спартой [Burstein, 1976, p. 134, n. 137]. О богатстве Клеарха и Сатира: *Just.* XVI, 4, 9; *Memn.* Fr. 3, 1 *Jac.* Богатство Тимофея следует из того обстоятельства, что многие гераклеоты были его должниками, см. [Asheri, 1969, p. 35 (XV)]. Понятно, что Тимофей не вдруг разбогател, а унаследовал состояние от отца и дяди-регента.

² Обзор гераклеяской торговли в Сев. Причерноморье [Сапрыкин, 1986, с. 85 сл.].

ко сильным, что в ряде центров ее импорт был наиболее интенсивным, как на Елизаветовском эмпорие [Брашинский, 1980, с. 25 сл.]. Аналогичным образом и в Ольвии гераклеяские амфоры — наиболее распространенный тип тары [Лейпунская, 1981, с. 63 сл.]. Ее импорт начался еще в конце V в., но пришелся главным образом на следующее столетие, свидетельствуя, что торговые связи обоих центров «становятся достаточно прочными и устойчивыми и сохраняются на более или менее высоком стабильном уровне по крайней мере до третьей его четверти» [Ib., с. 76]. Теснейшие связи обоих центров документированы ольвийской эпиграфикой: наибольшее число проксенических декретов ольвиополиты издали в честь гераклеоты: НО 2 (конец Va), 6 (последняя четв. IVa), декрет в честь Теопрота сотоварищи.¹ Исследуемая надпись, таким образом, уже четвертое эпиграфическое свидетельство связей Гераклеи и Ольвии. Такая концентрация декретов в честь представителей одного полиса не имеет аналогов в Причерноморье и сама по себе указывает на уникальность отношений Ольвии и Гераклеи.

Отмеченные сомнения и вопросы, встающие в связи с идентификацией Сатира обсуждаемой надписи с боспорским царем Сатиром I, отпадают при отождествлении его с соименным гераклеяским тираном. Если в первом случае мы наталкиваемся на полное молчание источников всех видов о каких-либо связях Боспора и Ольвии, то во втором случае фоном служит стабильный и крупномасштабный торговый обмен между Гераклеей и Ольвией, нашедший свое выражение в мощном импорте керамической тары и ряде надписей. Понятно, что столь активные экономические связи породили и политическое союз обоих центров. Поскольку торговая деятельность Гераклеи ориентирована главным образом на Сев. Причерноморье, она вела здесь активную политическую деятельность, нашедшую наиболее яркое выражение в основании своего выселка в Ю.-З. Крыму — Херсонеса и поддержке Феодосии в ее борьбе с боспорскими царями. Свидетельством ее активного воздействия на греческие города и туземные государства Сев. Причерноморья является чеканка монеты Фанагорией, Феодосией, Тирой, Херсонесом, государствами синдов и Атеевых скифов по гераклеяским образцам.² В таких условиях вполне логичен политический союз Гераклеи со своим крупным торговым партнером Ольвией.

Обычно договоры торговых партнеров о дружбе закрепляют экономические и прочие связи договаривающихся сторон политическими обязательствами по взаимному оказанию помощи при внешней угрозе. В качестве примера можно привести афинский декрет 285а в честь боспорского царя Спартока, согласно которому в обмен на поставки хлеба афиняне обязались, как это они делали и ранее, «в случае чьего-либо посягательства на власть

¹ Проксения Теопрота и НО 2, обе последней четв. V в., подтверждают мнение о начале импорта гераклеяской тары в Ольвию с этого времени [Брашинский, 1963, с. 195 сл. ; Лейпунская, 1981, с. 64].

² Подробнее см. [Сапрыкин, 1986, с. 85 сл.].

его (Спартока) предков или самого Спартока помогать всеми силами на суше и на воде» (Syll.³ 370. 17–20). Свидетельством того, что политический союз Ольвии и Гераклеи был следствием их экономических связей, является структура рассматриваемой надписи: сначала следует декрет о проксении, затем следует договор о дружеских привилегиях торговому партнеру, затем следует договор о дружеском политическом союзе с ним. Из наделения Сатира ольвиополитам наряду с проксеническими привилегиями также титулом *еввергет* (стк. 3), следует заключить, что он уже оказал им некие существенные услуги. Этот титул включен в стандартную проксеническую надпись, что уравнивает его семантику с содержанием этого титула в аттических проксенических декретах V–IV вв., где он следует в паре с титулом проксен.¹ Согласно этим декретам, проксены обычно удостаивались титула *еввергет* за содействие афинянам в экономической сфере, прежде всего финансовой, и их деятельность простиралась также на политическую сферу, тем более в условиях военного времени.² В нашем случае само соединение в одном досье договора и проксенического декрета говорит о пролонгировании экономических связей партнеров на политику. Иными словами, обязательства договаривавшихся сторон простирались далее сохранившегося в последней уцелевшей строке надписи пункта о дружбе, т. е. касались вопросов взаимной помощи при угрозе одной из сторон. Какой характер носили такие обязательства, видно из разразившейся всего через несколько лет после заключения рассматриваемого договора войны Филиппа II с Византием, которому во исполнение союзнических обязательств пришли на помощь Афины, Родос, Хиос, Кос (Dem. VIII, 14 sq.; Diod. XVI, 77, 2; Plut. Dem. 17, Phoc. 14), кровно заинтересованные в свободном плавании своих купцов через Боспор и Геллеспонт, что гарантировал им Византий и на что посягнул Филипп, успевший за время осады ограбить 180 кораблей (Just. IX, 1, 6) [Невская, с. 114 сл.; Брашинский, 1963, с. 115 сл.].

Конкретные формы помощи Гераклеи и Ольвии друг другу в общих чертах ясны. Ольвия в IV в. была крупным экспортером зерновых и в таком качестве полезна Сатиру, который продолжил ориентацию Клеарха на поддержку народных масс Гераклеи; ясно, что в обмен на вино и масло отсюда Ольвия поставляла хлеб, чем по существу способствовала прочности власти тирана.³ В военной помощи Ольвии Сатир вряд ли нуждался, ибо наличие мощного флота у него и такие акции Гераклеи предшествующего времени,

¹ См. об этих титулах [Henig, 1983, p. 116 f.; Lambrechts, 1958, S. 66 f., 143].

² Сошлюсь на первый попавшийся под руку проксенический декрет 217 г. в честь кидониата Евмарида, осуществлявшего финансовое и политическое содействие афинянам в условиях войны между критскими городами, которые вовлекли в нее балканских греков — кносские этоллы, а полиррениане Филиппа и ахейцев (Syll.³ 535).

³ Производство зерновых в Ольвии IV в. было рассчитано на экспорт, на что указывают соответствующие расчеты [Яйленко, 1998, с. 117]. О демократической ориентации Клеарха [Леви, с. 90 сл.].

как основание Херсонеса и военная помощь Феодосии наглядно демонстрируют ее силу. Как раз военное присутствие Гераклеи в Сев. Причерноморье в случае с Феодосией подсказывает, что заключение Ольвией договора с Сатиром могло определяться ее заинтересованностью в его военном потенциале. В 352–345 гг., когда заключен договор, угрозу Ольвии могло представлять передвижение скифов Атея из Нижнего Поднепровья в Добруджу, поскольку город и его хора лежали на пути этого переселения.¹ Если верна наша точка зрения, что эта миграция произошла в начале столетия, угроза Ольвии могла исходить от оставшихся в Нижнем Поднепровье скифов. В начале IV в. в Причерноморье от Истрии до Керченского полуострова прослеживаются следы нестабильной обстановки — пожары, обстройка ряда городов оборонительными сооружениями или их подновление [Яйленко, 2007, с. 79–80].

Конечно, еще одной гранью союзных отношений Гераклеи и Ольвии были связи последней с Херсонесом. Уже в начале IV в. Ольвия была в добрых отношениях с этой колонией Гераклеи (НО 3+12: проксения этого времени херсонеситу), что объясняется следованием гераклейских товаров в Ольвию через Херсонес. Союз с Гераклеей закреплял деловые связи Ольвии и с Херсонесом. В результате археологических исследований последнего времени выявились два существенных обстоятельства, очевидно связанных друг с другом: в сер. IV в. Керкинитиды обстроились новыми оборонительными стенами, а поселение Панское I погибло в пожаре.² Какую-то роль в связанных с этим событиях сыграла и Гераклея, судя по последнему выпуску керкинитидских монет, скопированных с гераклейского архетипа [Кутайсов, 1990, с. 154, лит.]. Поскольку наиболее вероятная причина гибели Панского I — нападение скифов (именно так с полным основанием считал А. Н. Щеглов [1978, с. 119 сл.] до совместной с Виноградовым статьи 1990 г., не будет большой натяжкой предположение, что те же самые нижнеднепровские скифы могли угрожать тогда и Ольвии.

¹ В литературе распространено мнение, что переход основной массы скифов на Нижний Дунай имел место после 350-х гг. и мог быть связан с походами Филиппа 350-х и 340-х гг. во Фракию [Блаватская, 1952, с. 80, cf. Андрух, 1991, с. 20 сл.], на наш взгляд, это произошло в начале IV в. [Яйленко, 2007, с. 73/7].

² [Кутайсов, 1990, с. 51, 153 сл.]. Правда, по заключению В. А. Кутайсова, фортификационные особенности указывают, что оборонительные стены предназначались против греческой осадной техники, в связи с чем он связал укрепление обороны Керкинитиды с угрозой со стороны Херсонеса, но это, во-первых, спорно [Павленков, с. 127, лит.], во-вторых, не означает, что эти стены не предназначались одновременно и для защиты от скифской угрозы. Напротив, бездоказательны домыслы Виноградова и Щеглова [1990, с. 323], что в первой пол. IV в. поселение Панское I было ольвийским форпостом, который погиб в середине столетия в результате войны Херсонеса с Ольвией [Яйленко, 2001a]. Против связи Панского I с ольвиополитами свидетельствует хотя бы отсутствие подобных фортов на ольвийской хоре (напомним, что сама Ольвия в середине века имела лишь сырцовые стены, тогда как форт представляет собой искусное сооружение из камня).

В связи со сказанным обратим внимание, что примерно в это же время обстроилась оборонительными стенами и Ольвия. Согласно отчету раскопщиков, вскрытая в районе Западных ворот города сырцовая оборонительная стена датируется «по наиболее поздним материалам первой половины — серединой IV в. до н. э.» (чернолаковая керамика, фасосские лейпунская и гераклеийские I и II группы, по И. Б. Брашинскому) [Крыжицкий, Лейпунская, 1988, с. 17 сл.].¹ Как видно, установленные раскопщиками даты позволяют синхронизировать с временем договора Ольвии и Гераклея, т. е. с серединой IV в., возведение оборонительных сооружений Ольвии. Конечно, это неотделимо от соответствующих мероприятий в других греческих центрах региона — обустройства крепостными стенами около сер. IV в. не только Керкинитида, но и городища Чайка, Калос Лимена в Западном Крыму, также Тира обзавелась тогда оборонительными сооруже-

¹ Комплекс сырцовых стен погиб в пожаре, который «возник не ранее второй половины IV в. до н. э. и не позднее третьей четверти — последней трети IV в. до н. э.» [Иб., с. 21]. Раскопками 2003/5 гг. открыты остатки этой оборонительной сырцовой стены на северо-востоке, у берегового обрыва, они также погибли в пожаре; сопровождающий материал датируется главным образом последними десятилетиями IV в., в значительно меньшей мере началом III в. Разрушения на обоих участках стены раскопщики связали с осадой Ольвии Зопирионом [Лейпунская, 2006, с. 201]. По нашему мнению, никакой осады Ольвии Зопирионом не было, ибо все античные авторы единодушно свидетельствуют, что его поход был направлен против скифов, так что сообщение Макробия об осаде им города борисфенитов относится не к Ольвии, а к одному из укрепленных нижнеднепровских скифских городищ вроде Каменского [Яйленко, 1990, с. 249 сл.; 2007, с. 93 сл.] (характеристика двух таких городищ [Гаврилюк, 2008, с. 79–80]). Упомянутый пожар я рискнул связать с осадой Ольвии скифами [Яйленко, 1990, с. 262, *ср.* с. 258]: возможно, Ольвия и Боспор подержали Зопириона, ибо известно, что в это же время Перисад I воевал со скифами (*Дет.* XXXIV, 8). Если учесть, что около третьей четв. IV в. гибнет Никоний, можно связать воедино оба эти обстоятельства с нападением скифов. См. и критику моих построений [Гаврилюк, Черненко, 1991; Гаврилюк, 2007, с. 119–123], мой ответ критикам [2007, с. 108/9; 2008, с. 604/9]. Е. А. Молев [1997, с. 87] предпочел локализовать войну Перисада со скифами на Нижнем Дону, хотя сам отметил отсутствие разрушений времени Перисада I на Елизаветовском городище, вследствие чего счел акцию царя «недолгой и несильной». Такое заключение не соответствует масштабу характеру следов войны в пределах всего Сев. Причерноморья. В. Н. Зинько [2008, с. 107/8] локализовал войну Перисада со скифами на Керченском полуострове в связи с тем, что сельские поселения вокруг Нимфея прекратили существование на рубеже 3–4 четвертей века. Однако нельзя отрывать судьбу нимфейской хоры от общих свидетельств о нестабильности Сев. Причерноморья в целом от Истрии до Керченского полуострова (см. предыдущее прим.). Коллапс хоры Нимфея — одно из звеньев обширной цепи. Зинько прав, что нимфейские поселения погибли в результате набега скифов, но показательно, что военные действия не сказались на приазовских сельских поселениях Керченского полуострова, которые существовали на протяжении второй четв. IV — третьей четв. III в. без перерыва [Масленников, 2007а, с. 194/6].

ниями [Карышковский, Клейман, с. 46; Виноградов, Щеглов, с. 322]. Что эти мероприятия были вызваны реальной угрозой, свидетельствует форт Панское I, погибший тогда же в пожаре. Большая или меньшая синхронность этих мероприятий и событий, которые затронули все С.-З. Причерноморье, Крым и даже азиатский Боспор (гибель в пожарах 350–340-х гг. западных комплексов Мирмекия [Чистов, 2005, с. 350]), позволяет связать их воедино в качестве звеньев одного исторического периода около сер. IV в., причем глобальная протяженность региона указывает на скифскую угрозу как единственно возможный фактор принятия защитных мер местными греческими центрами. Вероятно, причиной всех этих событий послужил переход части нижнеднепровских скифов Атея в Добруджу, наряду с той малоизвестной нам причиной, которая вынудила их к этому переселению — скорее всего давлением кочевников Задонья.

Как бы в действительности ни обстояли дела, очевидно, что для заключения Ольвией договора с Гераклеей в сер. IV в. были достаточные основания, выявляемые археологическими и историческими данными, реальность которых несопоставима с теми домыслами, которые вынужден был сконструировать Ю. Г. Виноградов в поисках причин заключения договора между Ольвией и Боспором. Изложенными соображениями о Сатире ольвийской надписи как гераклеийском тиране обусловлено наше прочтение ее стк. 1, 8–10: 'Ολβιοπολίται Σάτιρο[ν πρόξενον καὶ] πολίτην ποιοῦνται «Ольвиополиты делают Сатира проксеном и гражданином»; стк. 8–10: τύχη ἀγαθῇ δ[ι]μολογεῖ τοῖς 'Ολβιο[ι] πολίταις κατὰ ἐ[ὐ]νοίαν? Σάτιρος[?] φίλους εἶναι ἀ[λλήλοισι?] «В добрый час. Заключает договор с ольвиополитами по благосклонности Сатир: быть друзьями обеим сторонам (?)». Обоснуем предложенное чтение договора и начала проксении, напомним, что длину строки в 25–29 букв дают стк. 5–6 надписи, со стандартными формулировками проксений. Конструкция *пот.* (у нас Σάτιρος) + *dat.* (τοῖς 'Ολβιοπολίταις) при личной форме глагола (διμολογεῖ) обычна в договорах.¹ Ед. число личной формы глагола употребляется в том случае, когда одной из договаривающихся сторон выступает важное лицо, например: βασιλεὺς Εὐμένης ὁμολόγησεν [Syll.³ 627, 11; Staataverträge, II, 152, 165, 277, 303, 308 *etc.* III, 481, 493 *etc.*]. Глагол διμολογεῖν обычно употребляется в аористе или перфекте, изредка в наст. времени — чаще в причастной форме [Иб. II, 180 *etc.*], редко в личной [Иб. 260]. Дополнение личной формы наст. времени в ольвийском договоре диктуется настоящим же временем глаголов предшествующих стк. 2, 4: ποιοῦνται, διδοῦσι «делают..., дают»; соответствующим образом «Сатир заключает договор с ольвиополитами». При этниконε'Ολβιοπολίταις необходим член τοῖς, отсутствующий в реконструкции

¹ 'Ινσοῦβροι ὁμολόγησαν αὐτοῖς [Staataverträge, II, 102, 165, 277, 308 *etc.* III, 509], также Syll.³ 955. 23 *etc.*

² В абсолютном большинстве проксений употребляется инфинитивная форма глагола (в конструкции *acc.* + *inf.*). Представленные в проксении Сатира личные формы глагола редки в таких документах, они перешли в чистые проксении из почетно-проксенических декретов (*ср.* Michel, 112, 369, 377. 14).

издателя. В качестве второй договаривающейся стороны выступает Сатир: приведенная выше точная структурная параллель нашей надписи — месембрийская стела с проксенией царю Садаласу и нижеследующим договором месембрия с ним же — непременно заставляет видеть в договоре с ольвиополитами в качестве партнера того самого Сатира, которому предоставлена предшествующая договору проксения. Высоким положением Сатира как руководителя крупного полиса, экономически и политически мощной в IV в. Гераклеи, объясняется дополняемое нами в договоре *exempli gratia* выражение *κατὰ εὐνοίαν* «по благосклонности». В декретах полисов и в договорах владык с ними *εὐνοία* — проявление личной благорасположенности правителя к партнерам.¹ Также *εὐνοία* в договорах — элемент дружественного союза, приязнь на государственном уровне, как, например, в договоре между Филиппом V и Ганнибалом: *τὸν ὅρκον τοῦτον θέσθαι περὶ φιλίας καὶ εὐνοίας καλῆς, φίλους κτλ.* «дать эту клятву в дружбе и благой приязни, дружьями (быть)» и т. д. [Staataverträge, III, 528 = Polyb. VII, 9, 4]. К сочетанию этого слова с предлогом *κατὰ* *cf.* *κατὰ τὴν λοιπὴν εὐνοίαν* «по прочей благосклонности» в почетном декрете Теоса (Syll.³ 620. 5, 188 г.). Обратим внимание, что в нашем договоре выражение *φίλους εἶναι* следует за словом *εὐνοία*, как и в упомянутом договоре Филиппа и Ганнибала.² Оборót *φίλους εἶναι* обычен в договорах и порой сопровождается дат. падежом как указанием на договаривающуюся сторону (к примеру, Staataverträge, III, 500 = App. Шут. VII, 21: *φίλον εἶναι Ῥωμαίοις*). В таком качестве в договорах употребляется и слово *ἄλλήλοις*, восстановление которого Виноградовым приемлемо. Напротив, неприемлема его реконструкция дальнейшего текста стк. 10–11, практически утраченного. Хотя смысл содержащегося тут текста уловлен правильно (*cf.* Staataverträge, III, 561 и мн. др.), текстуально он выражался по-разному, вследствие чего несколько вершков букв стк. 11 не дают почвы для реконструкции точной лексики.

Теперь о восстановлении лакуны в стк. 1, в которой Ю. Г. Виноградов поместил патронимик боспорского царя Сатира I, в результате чего возникла ситуация, удивившая и самого ее создателя: «сразу же обращает на себя внимание отсутствие проксении» или, добавим от себя, титула *проксен*. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы отвести его восстановление патронимика Сатира, ибо проксений без патронимика проксена предостаточно, тогда как без титула *проксен* или термина *проксения* примеры единичны (мне

¹ *τὴν εὐνοίαν τοῦ βασιλέως τῶν δῆμων* (Syll.³ 352. 12, декрет эфесян ок. 320 г. в честь Деметрия Полиоркета); *τὴν εὐνοίαν τοῦ [βασιλέως] πρὸς τὴν τ[ῆς] πόλεως αὐτῆς* (Ib. 762. 28, декрет Дионисополя ок. 481 г.); *τὴν εὐνοίαν... διέτελει βασιλεὺς Ἀντίοχος πρὸς Λιττίους* (Staataverträge, III, 486, договор Антиоха II с критянами из Литтоса, 250 г.).

² Напомним, что видимый после E на краю скола апекс наклонной галсы может принадлежать и букве X, так что возможно дополнение слова на *εχ-*, например, выражения *κατὰ ἐχθρίαν* — «заключает договор с ольвиополитами против врагов (?) Сатир».

известен один пример: Michel, 492 — ок. 300 г. эфесяне наделили проксеническими правами родосца Никагора, который предстательствовал за греческие города перед Деметрием и Селевком, но титул *проксен* при этом не употребляли). Следовательно, в лакуне стк. 1 должен быть помещен титул *проксен*: *Ὀλβιopolίται Σάτιρον [v] πρόξενον καὶ] πολίτην ποιοῦνται -- καὶ εὐεργέτην*, дословно: «ольвиополиты делают Сатира проксеном... и евергетом». Связка *πρόξενον καὶ εὐεργέτην* — самая обычная в проксениях (ограничимся ссылкой на аттические примеры [Henry, p. 116 f.; Lambrechts, S. 66 f.]). Редко употребляются связки *πρόξενον καὶ πολίτην* (Michel, 489, 501, 508. 25; DGE, 191. 29–31; все IV и IIa) и *πρόξενον καὶ πολίτην καὶ εὐεργέτην*.¹ Понятно, что редкость этих связок обусловлена редкостью предоставления звания *πολίτης* в проксениях, тогда как титул *εὐεργέτης* фигурирует едва ли не в половине проксений, а титул *πρόξενος* обязателен, чем и обусловлено восстановление его нами в лакуне стк. 1.

Таким образом, Сатир упоминается в проксении лишь по имени, без патронимика и этникона, что хоть и не совсем обычно, но имеет достаточно прецедентов и объясняется тем, что речь идет о значительном, известном лице.² В частности, нам интересны аттические декреты в честь сиракузского тирана Дионисия Старшего: в начальной части он дважды назван лишь по имени и только в постановляющей части упомянут его официальный титул «архонт Сицилии» (Syll.³ 128, 159, в 163 он назван по имени и с титулом). Как видно, хотя полисные канцелярии и выработали для проксений преобладающее обозначение проксена по имени-отчеству и этнику, отсутствие этих элементов нередко, изредка встречается и полное опущение их, что апробирует наше прочтение стк. 1 ольвийской проксении, тем более, что она весьма краткий документ сравнительно с упомянутыми надписями и потому лаконична в формулировках.

Напротив, в языке официальных договоров упоминание правителей только по имени, без патронимика, этникона и официальной должности чаще, что обусловлено их всеобщей известностью. Примеры: договор афинян с Аминтой (Staataverträge, II, 264); договор афинян от 356 г. с фракийским царем Кетрипоридом, пеонийским царем Липейем и иллирийским царем Грабом: первый, как наиболее известный, назван только по имени, тогда как к менее известным второму и третьему добавлены их этнонимы пеониец и иллиринец (Ib. 309); в договоре 349 г. с афинянами сатрап Мизии Оронт на-

¹ Michel, 501, декрет Эрифр ок. 357 г. в честь Мавсола; также аттический декрет 394 г. [Osborne, № 8].

² К примеру, в проксении 394 г. из Эрифр проксен Конон назван только по имени (Michel, 500). Аттический декрет в честь Евмариды (Syll.³ 535) называет чествуемого лишь по имени; только в конце постановляющей части, где излагается формула всенародного провозглашения почестей, указаны его патронимик и этникон. В списке проксенов критских кидонян одни упоминаются по имени-отчеству и этнику, другие названы только по имени и этнику, а 4 проксена названы лишь по именам (Syll.³ 940, IIIa).

зывается только по имени; адриатические иссейцы в договоре III в. с местным иллирийским царьком Пиллом и его сыном Дазом называют их лишь по именам (Ib. III, 451). Так и в договоре ольвиополитов с Сатиром, в нашей реконструкции, последний назван только по имени. Вообще должна быть отмечена исключительная немногословность как проксении, так и договора — текст обоих документов уместился в небольшой надписи из примерно 15 строк, по 25–29 букв в каждой.

Коротко о характере письма документа в связи с установленной по историческим показаниям его датой. По мнению Виноградова, она вышла из той же эпиграфической мастерской, в которой был сделан ряд других надписей, относимых им к раннему IV в. — IOSPE I² 160, 166, 178; HO, 4 и др. По его словам, новый памятник своей палеографией и упоминанием боспорских царей Сатира I и Левкона I убедительно опровергает мнение А. Грейема и мое [Graham, 1983, p. 462; Яйленко, 1990, с. 262/6] о принадлежности упомянутого комплекса надписей к раннеэллинистическому времени. Надпись, однако, принадлежит к 352–345 г., так что Виноградов поторопился поставить точку в споре о датировке упомянутого комплекса ольвийских документов. К сожалению, время нашей надписи не решает важного вопроса о дате этой группы надписей, за которым стоят различные концепции истории Ольвии в IV — раннем III вв. [Виноградов, 1989, гл. III, IV. Яйленко, 1990, с. 260–266]. Формы букв рассматриваемой ольвийской надписи, безусловно, принадлежат к позднеклассическому стилю и характерны для палеографии IV в. в целом, в том числе и отмеченная (см. 83, прим.) специфическая *альфа* с низко посаженной перекадиной (она представлена также в надписях HO 2-4, 11, IOSPE I² 178, т. е. с конца V по конец IV в.). Но характер письма, отличающийся чрезвычайной теснотой и букв и строк, буквально прижатых друг к другу, мало свойствен памятникам первой половины столетия, в особенности важно отметить, чужд ольвийским проксениям IV в., за исключением HO 13 и 114. Проксения HO 13 чрезвычайно близка по письму проксении Сатиру, это единственный ольвийский памятник, который вышел из одной мастерской с ним. Имеет ряд общих черт и фрагмент декрета HO 114.

Другая особенность проксении Сатира — аттическое написание *ποοῦνται* (без *iota*) — в Ольвии еще раз представлена лишь в сигнатуре аттического скульптора Стратонида последней четв. IV в. (HO 65). Подобное написание свойственно памятникам аттического, дорийского и эолийского диалектов, но не ионийского, принятого в Ольвии IV в. [Thumb, Kieckers, S. 230; Thumb, Scherger, S. 26, 29, 291; Buck, 1968, p. 32]. Агтицизм проксении Сатира продолжает череду агтицизмов в ольвийской эпиграфике: HO 11, сигнатура Стратонида HO 65, проксения двум афинянам HO 5 последней четв. IV в. и Каллиников декрет первой трети III в. IOSPE I² 25+31. Итак, ныне ольвийская эпиграфика располагает тремя датированными надписями IV в.: сигнатура Праксителя IOSPE I² 271 от второй трети столетия, сигнатура Стратонида, проксения и договор с Сатиром от середины века.

В заключение даем текст и перевод надписи в своей интерпретации:

<p>Ὀλβιοπολίται Σάτιρον [ν] πρόξενον καὶ πολίτην ποοῦνται καὶ αὐτὸν καὶ ἐγγόνους καὶ εὐερ[γέτην καὶ ἀτέ]- λειαν διδοῦσι πάντ[ων χρημάτων] 5 καὶ αὐτῷ καὶ ἐγγόν[οις καὶ ἐσπλεῖν] καὶ ἐκπλεῖν καὶ πολ[έμου καὶ εἰ]- ρήνης ἀσυλὲ καὶ ἀσπονδέ. vac.] τύχη ἀγαθῇ· ὁ[μολογεῖ τοῖς Ὀλβιο]- πολίταις κατὰ εἴ[ρηνοισιν (?) Σάτιρος·] 10 φίλους εἶναι ἀλλήλοις κτλ.]</p>	<p>«Ольвиополиты делают Сатира проксеном и гражданином, его само- го и детей, а также благодетелем, и даруют ему самому и детям беспро- шлиность всего достоинства, и право влиять и выплывать в военное время и мирное без ущер- ба и заключения договора. В добрый час, заключает договор с ольвиополи- тами по благосклонности (?) Сатир: быть друзьями обеим сторонам (?)».</p>
---	---

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ЭКОНОМИКЕ И ДЕМОГРАФИИ БОСПОРА IV–II вв. до н. э.

1. Заметки об экономике эллинистического Боспора¹

Базис экономики Боспора IV–III вв. составляло товарное производство зерновых, ориентированное на экспорт, основным внешним потребителем были Афины [Жебелев, с. 129 сл.; Брашинский, 1953; Кузнецов, 2000, лит.].² Обычный завоз зерна в Аттику при Левконе 1 400 000 медимнов (ок. 16 700 тонн), но были и экстраординарные поставки в 2 100 000 мед. (Dem. XX, 32, 355 г.; Strabo, VII, 4, 6). Из этой же речи Демосфена известно, что на Боспоре взималась пошлина за вывоз хлеба в 1/30, согласно митиленской копии декрета Левкона — 1/60 и даже 1/90 (Syll.³ 212 = Граков, № 32). Обычно пошлина с урожая составляла в Греции IV в. 1/10 или 1/20 (Ps.-Arist. Oec. II, 25a, 34a [Papyrus revenue laws, II, 24]; другие примеры [Блаватская, 1965a, с. 32]), откуда следует, что меньшая вывозная пошлина на Боспоре в 1/30 преследовала конкурентную выгоду — привлечение покупателей на Боспор (символическая пошлина для поставок Митилене обусловлена какой-то особой причиной). С афинян пошлина вообще не взималась, что, по словам Демосфена (I. с.), было равносильно ежегодному подарку в 13 000 мед. зерна. Декреты в честь Спартока III, Перисада I и Спартока IV (Syll.³ 206, 370 = Граков, № 3, 4) свидетельствуют, что с 350 по 280 гг. Афины получали хлеб беспошлинно [Брашинский, 1958, с. 130]. Упомянем также известие сказанной в 324 г. речи Динарха против Демосфена (§ 43) о выплачиваемой по-

¹ Вслед за М. И. Ростовцевым и В. Д. Блаватским мы полагаем [Яйленко, 1990, с. 308/9], что черты эллинизма проявились на Боспоре с конца V в., поэтому весь IV в. относим к эллинистической эпохе местной истории. Иная точка зрения исходит из представления о тиранической природе власти Спартокидов [Шелов-Коведяев, 1985б; Завойкин, 2001а], см. также об общих проблемах эллинизма [Маринович, 1985; Лордкипанидзе, 1985]. Верхняя граница для нас — конец II в., когда Боспор вошел в состав Понтийской державы Митридата Евпатора; по характеру это тоже эллинистическое государство, но ввиду «римского фактора» по сути исторических обстоятельств Боспор I в. до н. э. отличается от государства Спартокидов.

² По мысли Т. Н. Смекаловой [2005, с. 249], торговля Боспора с Афинами и другими греческими городами шла уже в V в. и была причиной возникновения местной монеты.

следнему боспорскими царями ежегодной мзде в 1 000 мед. хлеба, говоря современным языком, за лоббирование их интересов. Эти данные 350–280 гг. показывают, что боспорские цари в соперничестве с другими поставщиками зерна прибегали к демпингу и что в крупных полисах-покупателях у них было свое лобби (о нем [Кошеленко, 2002]). Крупнейший в Греции аттический рынок регулировался соотношением спроса и предложения и был привлекательной сферой вложений местного и зарубежного капитала [Rosivach, p. 31 f.], поэтому можно думать, что боспорские цари, державшие хлебный экспорт в своих руках, вкладывали капитал в аттический рынок (по подсчетам В. Д. Блаватского [1953, с. 8], с Боспора ежегодно вывозилось хлеба на 333–400 талантов). В результате, по словам Демосфена, Аттика получала с Боспора половину ввозимого хлеба. Благодаря регулярным поставкам отсюда обычная рыночная цена медимна пшеницы в Аттике IV в. была умеренной, 5–6 драхм за медимн (ячмень вдвое дешевле).¹ На самом Боспоре, по предположению Блаватского [1953, с. 201], пшеница стоила на треть или четверть меньше, т. е. 4–4,5 драхмы. Однако цена не была постоянной и колебалась в зависимости от климатических, политических и прочих обстоятельств. Это подтверждает фанагорийское граффито второй — третьей четв. IVa (рис. 7), по нашей интерпретации которого медимн пшеницы шел тут в это время за 6 драхм.² Наше чтение: παῖ Διός, | vac. ἄγε | μεδίμνον [?] λωῖο] | να τρι

¹ В Аттике IV в. медимн пшеницы стоил в целом 5–6 драхм: в начале века 3 и 6 драхм (Аристофан), в 340–330 гг. 9 др., ок. 330 г. 5 др., в 329 г. 6 др., в 330–324 г. 5 и 16 драхм (надписи, Пс.-Демосфен) [Spaventa-de Novellis, p. 49; Pritchett, p. 197/8].

² Издавший его Ю. Г. Виноградов [1971] безосновательно счел надпись оракулом, завысил датировку до первой пол. V в. и пришел к излишне высокой местной цене медимна пшеницы в 9,25 драхм. Его текст и пересказ содержания: παῖ Διός [‘Ерп’] | ἄγε [πράξω (?)] | μεδίμνον λωῖο] | να τριμῖε[κτον] «надпись представляет собой оракул Гермесу неизвестного фанагорийца-торговца с вопросом ... , сможет ли он выручить за медимн хлеба больше, чем тригемигект». Ввиду нашей критики, высказанной ему устно, он [ВДИ. 1974. 4, с. 58, прим. 13] поспешил, без ссылки на критику, отказаться от излишне восстановленного πράξω и несогласованного по числу и падежу дополнения λωῖο] | να при τριμῖε[κτον] (первое слово — acc. sg. fem./masc. или pl. neutr. прилагательного, второе — acc. sg. neutr.; кроме того, заметим, слова τριμῖε[κτον] в источниках нет). Это не помешало ему заявить, что несмотря на поправки все его цифровые выкладки о цене на хлеб остаются в силе. В нашей критике положений Ю. Г. Виноградова [Яйленко, 1996, с. 176/9] отмечалось также напрасное дополнение имени Гермес, так как его называли и просто παῖ Διός [Bruchmann, p. 108; Jeffery, p. 413, № 23]. Добавим, что и определение надписи в качестве оракула маловероятно — хотя можно читать [(?) λωῖο] | να τρι ἡμῖε[κτα] «три «хорошие» гемигекты», в оракулах употребляется устойчивый фразеологизм из двух членов λωῖον καὶ ἄριμον [Fontenrose, p. 179, 182 f., 202, 203 etc.; Guarducci, 1978, p. 88]. Вместе с тем, полагаем, Виноградов напрасно отказался от дополнения [(?) λωῖο] | να — надо было просто согласовать с ним последующую цифру, так что слегка исправляем стк. 3–4: [(?) λωῖο] | να τρι ἡμῖε[κτα] «три «хорошие» гемигекты» (дословно «лучшие три гемигекты»), т. е. фанагорийский торговец просил бога о «хорошей»

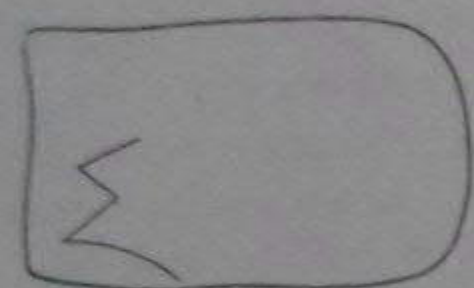
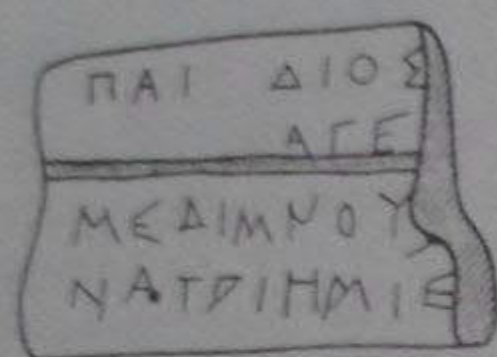

Рис. 7. Фанагорийское граффито
(прорис Ю. Г. Виноградова)

ήμιε[κτα] «Зевсов сын, дай выручить за медимн три полугекты». Надпись обращена к покровителю торговли Гермесу, отчего и подразумевается глагол «выручить, продать». Расчет в гектах свойствен широко обращающейся на Боспоре кизикской монете (гекта — 1/6 кизикского статера), обычно 1 кизикину соответствовали 24 драхмы [Зограф, с. 41; Казамадова, с. 140], так что 1 полугекта кизикина = 2 драхмам, 3 полугекты = 6 драхмам.¹ Расчет в гектах не означает, что наш фанагориец был мелочным торговцем, ибо и крупные поставки зерновых оценивались в

этих мелких фракциях.¹ Итак, при том, что обычная цена медимна пшеницы на Боспоре была 4–4,5 драхм, фанагорийский продавец молится за «хорошую» цену в 6 драхм. Это означает, что в какой-то год второй или третьей четв. IV в. цена поднялась до 5–6 драхм. Подобного рода колебания на зерновой хлеб в IV–II вв. известны. Захват Александром Македонским сокровищницы персидских царей и вброс его обильной монеты в греческую экономику повлекли за собой денежную инфляцию и рост цен вплоть до конца первой четв. III в., позднее цены понизились. Так, зерновой хлеб в Афинах, 7 месяцев державшийся на уровне 6 драхм 5 оболов в 282 г., к середине столетия понизился до 4 драхм, но в начале II в. цена подскочила до 8–10 драхм; на Делосе в 282 г. медимн шел за 6–7 др., один раз за 10 др.; подобное движение совершали и цены на ячмень.² Некоторый подъем хлебной цены на Боспоре во 2 или 3 четв. IV в. можно связать с нестабильностью Сев. Причерноморья в третьей четв. века (выше, с. 89).

Эпиграфические данные свидетельствуют о связях Боспора в IV — первой четв. или трети III в., т. е. до кризиса 280/70-х гг., с рядом греческих центров. Ко времени Левкона I (390–351) относятся 3 надписи из Фанагории, свидетельствующие о торговых связях с демократическим Аркадским союзом — почетная надпись союза в его честь, надгробия мантинейца и тегеата.³ С середины IV в. основным торговым партнером стали Афины.

¹ [Блаватская, Розов, с. 135; Масленников, 1985; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 132/5]. В этих статьях проанализировано интересное граффито из Зенонова Херсонеса под Пантикапеем с перечнем полагающихся с ряда лиц первинок урожая зерна; расчет дан в гектах, полугектах и других подразделениях медимна.

² [Spraventa-de Novellis, p. 49; Day, p. 7; Карышковский, 1960а, с. 119]. Изображение колоса на монетах синдов последней трети V в. и Левкона I символизировало хлебную торговлю как основу боспорского хозяйства; в первой пол. III в. колос исчезает с монет, свидетельствуя о кризисе сельского хозяйства, и снова появляется на монетах Левкона II [Абрамзон, 1997, с. 79–81].

³ КБН 37, 991 и [Яйленко, 1986, с. 223]. О КБН 991 как эпитафии см. с. 542; Ю. Г. Виноградов счел тегеата наемником по отсутствию патронимика [Vinogradov, 1990, № 596]. Это можно бы подтвердить ссылкой на КБН 180, 236 — эпитафии пафлагонца и киприота без патронимиков (они определенно наемники; в первой надписи это явствует из содержания, ко второму надгробию ср. 691, 726 — эпитафии солдат Кипрской когорты). Однако ср. 203, 1194: надгробия сиракузянина и элейца с патронимиками, — вопреки Виноградову [Vinogradov, 1997, S. 31/2], они не менее вероятные наемники ввиду отсутствия торговых связей Боспора с этими отдаленными центрами. По этой же причине считаем наемником Филоксена, сына Келона, из Гелики в Ахайе, ибо, вопреки Болтуновой [1986, с. 61] и Виноградову [Vinogradov, 1997, S. 31], трудно представить себе торговые интересы этого мелкого пелопоннесского городка на Боспоре, да еще в V в., когда внешние торговые контрагенты Боспора еще не проявились в источниках. Неуместно начинать внешние торговые связи Боспора с городка в отдаленном Коринфском заливе — чтобы попасть туда, надо обогнуть всю Грецию, так что скорее ожидалось бы торговые контрагенты из ближних мест, что и засвидетельствовано в IV в. — из Византии, Халкедона.

цене на хлеб в 3 полугекты. Полученная Виноградовым цена медимна пшеницы в 9,25 драхм (медимн — мера зерновых [LS], s. v.]) очень высока, что стало следствием завышения им даты надписи до первой пол. V в. (он искусственно подтянул ее к изданному в той же статье березанскому граффито конца VI в., упоминающему ἄρτος «выпечной хлеб, булки», что по неведению принял за зерновой хлеб (подробности этой забавной истории [Яйленко, 1996, с. 175/6]), так что все выкладки этой статьи Виноградова о ценах на хлеб в Сев. Причерноморье в VI–V вв. — фикция. Граффито из Фанагории на обломке амфорной ручки, во-первых, не может быть древнее 370/40 гг. по фонетическому признаку — окончанию -ου в слове μεδῖμνου (выше, с. 24), во-вторых, по шрифту: Π со стойками одинаковой высоты, сигма с горизонтальным нижним «усиком», мелкий кружок омикрона в окончании -ου при крупном относительно него Υ, мелкая дельта, — это все признаки письма второй пол. IV–III вв. (см. их в граффити IV в., датированных по керамическим и палеографическим показаниям [Толстой, 1953, № 4, 50, 63, 147]). Наглядна в этом отношении характерная для IV в. сигма оборотной стороны амфорной ручки с длинным и слегка изогнутым нижним «усиком», немного наклоненным вниз (ср. [Ib. 7, 50, 183]). Однако ρο с треугольной головкой и короткой ножкой [Ib. 63, 216], а также такие распространенные формы, не нуждающиеся в ссылаках на примеры, как буква Ν с приподнятой и наклонной правой гаской, Ε с разбросом «усиков» вверх и вниз, Μ с наклонными боковинами, частые в граффити V–IV вв., исключают датировку фанагорийской надписи III в. Вместе с тем расчет по кизикской монете позволяет исключить и последнюю четв. IV в., так как в это время обильный чекан Александра и первых диадохов вытеснил кизикскую монету. Следовательно, по сумме признаков фанагорийское граффито датируется третьей четв. IV в.

В 320-х гг. 1 кизикин шел на Боспоре за 28 аттических драхм (Dem. XXXIV, 23), т. е. 1 полугекта = 2,33 драхмы, 3 полугекты = 7 драхмам. Однако фанагорийское граффито более раннее, предшествующей четверти столетия, поэтому исходим из обычного соотношения кизикина и аттической драхмы.

Афинский декрет 347 г. (Syll.³ 206 = Граков, № 3) особо отмечает боспорцев Сосия и Феодосия, послов Спартока II и Перисада I, «за заботу о прибывающих из Афин на Боспор» (стк. 49/51), т. е. они были проксенами афинян. Других боспорских проксенов афинян чествует афинский декрет 323 г.¹ Спарток IV (ок. 300-280) по восшествии на престол дважды почтил афинян золотым венком [Граков, № 1] и афиняне издали декрет в честь него [Syll.³ 370 = Граков, 4].

Ряд связанных с инополитами боспорских надписей второй пол. IV — первой трети III в. продолжает сложившуюся при Левконе I ориентацию на связи с полисами — членами II Афинского морского союза: Византием, Кизиком, Митиленой, Халкедоном, Хиосом.² Еще несколько проксений даны лицам, этниконы которых не сохранились.³ Данные проксену привилегии включали право проксении ему и сыновьям, беспошлинного ввоза и вывоза товаров самим проксеном или сыновьями (в одном случае и служащими их торговых фирм — $\theta\epsilon\rho\alpha\pi\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$ КБН 1), право въезда и выезда в мирное и военное время безотносительно к наличию у города проксена договора с Боспором об асилнии ($\acute{\alpha}\sigma\upsilon\lambda\epsilon\iota$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\alpha}\sigma\pi\omega\nu\delta\epsilon\iota$). Проксенам, пожелавшим осесть

Афин и др. Сознавая это, Ю. Г. Виноградов апеллировал к изложенной Демосфеном (XXXV, 10) истории с выдачей в Афинах ссуды двум фаселитам для торговой поездки на Боспор или в Зап. Причерноморье до Ольвии — подобно фаселитам упомянутые киприот, сиракузянин, житель Гелики были де торговыми агентами, обслуживавшими поставки зерна в Аттику. Однако оппонент не дочитал указанный параграф демосфеновской речи до конца, ибо фаселиты, согласно договору, должны вернуться по выполнении операции в Афины для расчета с займодавцами, т. е. на Боспоре они не оседали. Между тем постановка надгробий инополитам на Боспоре предполагает, что они были резидентами — осевшими тут деловыми людьми или погибшими наемниками.

¹ SEG 21. 1965, 298. 7/11: они содействовали «по возможности [общественным] и частным образом [прибывающим на] Боспор, [вследствие чего похвалить *имярека*] и Астим[едонта (?), сыновей такого-то, *имярека*, сына] Полисфена...»

² Проксения халкедонцам и, возможно, хиосцу (ср. КБН 155 — эпитафия хиотки), посвящение византийца (КБН 2, 3, 17). Проксения КБН 1 предоставлена амисенцу или жителю аттического Пирея. Декрет Митилен в честь Левкона I датируется по характеру письма, свойственному стойхедону середины века, концом его правления [Syll.³ 212 = Граков, № 32; Heisserer, S. 122]. Почетный декрет Кизика сер. IV в. в честь пантикапейца [Guarducci, 1970, p. 599–600], профильное изображение головы которого в медальоне над надписью показывает гривну на шее, т. е. это декрет в честь Левкона I, Спартока III или Перисада I; дата декрета не позволяет принять предположение А. А. Завойкина [2008а, с. 208], что это Сатир. Проксения Перисада I кромниту [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 59] указывает, что Кромны на северном берегу Азовского моря не были при этом царе в составе Боспорского царства.

³ КБН 4–5. Другие 4 из Пантикапея [Шелов-Коведяев, 1985а, с. 58; Виноградов, Толстиков, с. 292; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 69], еще 2 происходят из Фанагории и 1 из Горгиппии (всего сохранилось 13 проксений из Пантикапея и одна ателая, выше, с. 79).

на постоянное жительство на азиатской части царства, предоставлялось экстраординарное право приобретения земельного участка и дома ($\gamma\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\omicron\iota\kappa\iota\alpha\varsigma$ $\epsilon\gamma\chi\tau\eta\sigma\iota\nu$) горгиппийской проксении, ($\gamma\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\omicron\iota\kappa\iota\alpha\varsigma$ $\epsilon\gamma\chi\tau\eta\sigma\iota\nu$ первой фанагорийской проксении, с. 55, 72). Со времени Перисада I в проксениях появляется статья о распространении данных привилегий на всю территорию царства — $\epsilon\nu$ $\pi\alpha\nu\tau\acute{\iota}$ $\beta\omicron\sigma\pi\omicron\rho\omega\iota$, причем не случайно все 3 документа с этой формулой даны от имени царя и его детей или царей-соправителей.¹ *Vice versa* это обстоятельство, может быть, предполагает, что данные от имени одного царя проксении действительны лишь в царском домене и не имели силы в доменах соправителей.

Помимо упомянутых проксенов в пантикапейских надписях сер. IV — первой трети III в. фигурирует ряд инополитов, которых вполне можно считать деловыми людьми, ибо происходят они из тех городов Причерноморья и Эгеиды, у которых были традиционные экономические связи с Боспором — херсонесит, одессит, феодосиец, приазовский кромнит, византиец, колофонец; в Нимфее — гераклеот.² Как видно, торговые связи Боспора ориентированы и на ближайшие причерноморские центры Херсонес, Гераклею, Одесс, Амис, и на города Эгеиды — с учетом проксений это Византий, Халкедон, Кизик, Афины, Хиос, Колофон, Митилена.³ Естественно присут-

¹ Формула $\Pi\alpha\tau\epsilon\rho\acute{\alpha}\delta\eta\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$ КБН 1, проксения кромниту. Соправители в горгиппийской проксении: [$\Sigma\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\gamma\kappa\omicron\varsigma$ $\epsilon\upsilon\mu\eta\lambda\omicron[u]$ $\kappa\alpha\iota$ $\Sigma\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\kappa\omicron\varsigma$?], с. 72. Независимо от реконструкции субъекта *pl.* $\epsilon\delta\omega\kappa\alpha\nu$, $\epsilon\delta\omicron\sigma\alpha\nu$ указывает на 2 или более лиц, предоставляющих проксению. Это означает, что в таких проксениях следует дополнять формулу $\epsilon\nu$ $\pi\alpha\nu\tau\acute{\iota}$ $\beta\omicron\sigma\pi\omicron\rho\omega\iota$. Соправление известно уже при Левконе I, отсюда формула $\Lambda\epsilon\upsilon\kappa\omega\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$ (митиленская копия боспорского декрета Syll.³ 212 = Граков, № 32) и, возможно, [$\Lambda\epsilon\upsilon\kappa\omega\nu$] $\Sigma\alpha\tau\acute{\upsilon}\rho$ [$\kappa\alpha\iota$ $\pi\alpha\iota\delta\epsilon\varsigma$] [Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, с. 69], с нашей поправкой выше, на с. 79.

² Посвящение византийца КБН 17, эпитафии 188, 194, 199, 231, 237, 248, 923. Инополитом был Гекатей эпитафии КБН 117, но этникон не указан. Женщины-инополитки хиотка и гераклеянка (эпитафии 155, 246) были женами резидентов — деловых людей, что тоже может указывать на торговых партнеров боспорцев (ввиду крайне ограниченных имущественных прав женщины не могли вести самостоятельных торговых дел). Видимо, такую пару супругов-инополитов представляет нам стихотворная эпитафия *Ip* КБН 144: молодой тарсиец из Вифинии оплакивает скончавшуюся тут красавицу-жену Клеопатру; она может быть и боспорянкой (ср. КБН 886), но Клеопатрой зовут и скончавшуюся в Пантикапее вифинку из Амиса (КБН 124). К вероятному торговому профилю деятельности тарсийца этой эпитафии *I-Pr* ср. указание посвящения КБН 1237 от 193 г. за Савромата II, что он очистил побережья Понта и Вифинии от пиратов и ниже, с. 515/6 о торговой деятельности прусийцев на Боспоре при этом царе.

³ Интересную попытку сопоставления инополисных этниконов в боспорских проксениях и эпитафиях предпринял М. А. Колесников [2000, с. 54]: оказалось, что «все почетные декреты понтийских государств, посвященные гражданам иных полисов, не пересекаются (за двумя всего исключениями) с этниконами граждан этих же полисов в надгробиях, обнаруженных на некрополях этих государств»; эта

ствие в Пантикапее выходцев из городов Боспорского царства — Феодосии, Кеп, во внешнеэкономическую деятельность вовлечены также Нимфей, Фанагория, Горгиппия, но даже взятые вместе они далеко уступают Пантикапее, что вызвано сосредоточением хлебного экспорта в руках Спартокидов. Примечательно отсутствие в числе боспорских контрагентов метрополии Пантикапея Милета; по какой-то причине милетяне предпочитали торговать с Ольвией и через нее со Скифией (Syll.³ 286).

Уже в 285 г. замаячили признаки надвигавшегося кризиса: Спарток IV поставил Афинам 15 000 мед. зерна (Syll.³ 370 = Граков, № 4) и обещал поставки в будущем, но с новой для боспорских царей оговоркой — [καθότι] ἀνδρίηται «насколько он сможет». После повсеместного в Сев. Причерноморье кризиса 280/70 гг., вызванного развалом *rex Scythica*, произошла переориентация экономических связей Боспора — его прежние торговые партнеры из Эгеиды в основном переключились на египетский хлебный рынок, но Афины и Родос остались.¹ На Боспоре действовали выходцы из Херсонеса, Гераклеи, Каллатиса, Амиса, Спарты.² Сами боспорцы активней действуют ок. 270–200 гг. в Эгеиде — в Афинах, на Делосе, в Египте.³ Налицо умаление

асимметрия не может объясняться ни удаленностью «полисов друг от друга, ни изменениями политической конъюнктуры, но скорее какими-то традициями региональной психологии, имеющими, возможно, геополитическую основу». По нашему мнению, свет на отмеченную асимметрию проливает амфорная тара, которая по существу предоставляет несравненно больше материала для решения вопроса о межполисных связях, нежели проксении и эпитафии, которых ничтожно мало. Мы не располагаем декретами Херсонеса, Гераклеи, Синопы о проксенических привилегиях боспорцам или эпитафиями боспорцам V–I вв. в этих городах, но их тара масштабно присутствует на Боспоре и наглядно свидетельствует о тесных торговых связях. Это дает экономическое обоснование присутствию херсонеситов, гераклеяцев, синоплян, как и их эпитафий, на Боспоре. Есть тут масштабный хиосский, аттический, родосский импорт (где его нет?), в Афинах, на Хиосе, Родосе есть эпиграфические свидетельства присутствия боспорян в IV–II вв. [IG II/III, pt. 3, f. 2, 1940, № 8424, 8426, 8427, 8429–8431; Vanseveren, p. 325; Morelli, p. 150].

¹ КБН 10 — почетная надпись в честь Перисада II (ок. 280 — после 250), поставленная родосцами; IG II/III — эпитафии пантикапейцев из Афин — см. ниже.

² КБН 22 — посвящение спартиата, видимо, торговца [Гайдукевич, 1960, с. 111]. КБН 243, 246, 249, 252 — эпитафии херсонесита, гераклеотки, амисенца, каллатийца. Ранее мы [Яйленко, 1996, с. 301] и Виноградов [Vinogradov, 1997, S. 47] напрасно причисляли сюда эпитафию КБН 250, так как этникон тут практически не читается. Почетная надпись дельфийцев в честь Перисада и Камасарии относится не к Перисаду II или III (см. комм. Syll.³ 439; SEG 17. 1960, 234), а, как установил Буске, к Перисаду IV [BSH. 1960. T. 90, p. 442; SEG, 23, 1968, 314; Виноградов, 1987, с. 62; Яйленко, 1990, с. 306]. В не опубликованном еще заклятии из Пантикапея упоминается Пафлагония и ряд имен [Сапрыкин, Федосеев, Куликов, с. 228].

³ Граков, 1939, с. 255: почетный декрет Делоса в честь пантикапейца Койрана, который наряду с почестями местному храму Аполлона «оказывал содействие тем делосцам, которые бывали у него». Связи с Египтом в III в. [Грач, 1984, с. 88 сл.; Молев, 1994, с. 98 сл.; Яйленко, 1995, с. 270 сл.].

числа купцов из Эгеиды и усиление активности там боспорских торговцев; первое связано с существенным уменьшением производства зерновых на экспорт, второе с потребностью боспорян в привозном вине. Среди инополитов преобладали представители причерноморских городов, и они скорее осуществляли импорт зерна и вина из них на Боспор, нежели вывозили его отсюда, поскольку сельская инфраструктура восстановилась тут лишь в конце III в. [Масленников, 1998, с. 89 сл.; 1999, с. 185; Паромов, 1994, с. 13]. В связи с этим в III в. развивается собственное товарное производство вина — возникают крупные винодельни в Тиритаке, Мирмекии и др. центрах [Гайдукевич, 1958; Винокуров, 2007]. Сведения о виноторговле дают и памятники малой эпиграфики. Найденный в Пантикапее фр. фасосской амфоры III в. с дипинто γλυ(κύς) говорит о ввозе сладкого вина [Блаватский, 1957], ср. аналогичные записи на амфорах с афинской Агоры [Lang, 1976, p. 80, № 30, 33, 34]. Граффито IV в. ιβ' χοῦς «12 за хой» на фрагменте чернолаковой чаши из Керченского музея (КМГ 185) — это запись о цене 1 хоя вина в 12 оболов (=2 драхмы); обычно хой хорошего вина шел в Греции за 2 драхмы [Lang, 1956, p. 13; 1976, p. 59, № 5], так что на Боспоре стоимость хорошего привозного вина вроде хиосского сопоставима с общегреческой.¹ Граффито на фасосской амфоре IV–III в., найденной на Митридате, ἐλαῖαι — свидетельство ввоза оливок из метрополии на Боспор, где они не росли [ОАК. 1862 (1863), с. 28, № 7; Крушкел, 1940, с. 192]; ср. граффито ἐλαί(--) на амфоре с афинской Агоры [Lang, 1976, p. 75, № 18] (важнейшим экспортером оливок и масла была и поныне остается Атика). Велико значение рыболовства на Боспоре [Гайдукевич, 1949, с. 109 сл.; ААСП, с. 43 сл.]; засоленная рыба вывозилась в метрополию и была настолько известна, что писатель IV в. Архестрат написал о ней сочинение (*Athen.* VII, 21 = SC, I, p. 625). В найденном на Митридате наговоре IV–III в. на свинцовой табличке упоминается παλιήτης, приносимая в жертву богам местная рыба [Яйленко, 2005, с. 475]; название она получила от Меотидского моря и была настолько известна, что так же называли похожую нильскую рыбу (*Archippi* fr. 26 = SC, I, p. 625/6; *Aelian* Nat. an. X, 19).

Интересные данные по экономической жизни Боспора предоставляют граффиты с цифровыми записями, сделанными преимущественно на черепках чернолаковой столовой посуды эллинистического времени.² Эти цифровые записи дают нам представление о денежных суммах, которыми опери-

¹ Мера жидкости метрет включает 12 хоев, но цифру 12 в граффито ιβ' χοῦς нельзя относить к хою (т. е. 12 хоев) ввиду того, что χοῦς — *gen. sg.* Разумеется, цены колебались в зависимости от сорта вина. Так, во времена Сократа дорогое хиосское вино шло по сотне драхм за метрет (*Plut.* Mor. 470f), см. сводки цен [Spraventa-de Novellis, p. 55; Pritchett, p. 201/3].

² Ограничиваемся надписями Большой Керчи, т. е. Пантикапея и округи; они толком не изданы, поэтому ссылаемся на инв. номера музеев. Прорисей граффиты тут не даем, так как этот раздел войдет в подготавливаемый нами к печати сборник граффиты Сев. Причерноморья. Ср. цифровые записи Нимфея [Намойлик, с. 303/9].

ровали их авторы. I. Граффити второй пол. V-IV в. 1) αι' σ' 1) 1 «12 статеров, 1 1/4 обол» (КМГ 78). 2) ε' σ' «5 статеров» (КМГ 121). 3) Π с прочерком-дифференциалом сверху = 80 (КМГ 104, 265). II. Граффити IV в. 4) μνδς ιγ' «13 мин» (Толстой, 1953, 153). 5) κα' ι' α' σ' «21 1/4 обол, статер».² 6) ΠΕΠΠΟΦ = «80 к 10 задолженным (? драхмам, оболам ?)», *ср.* п' επ' ι' οφ(ειλομένοι ?) «80 к 10 задолженным (? драхмам, оболам ?)», *ср.* ниже. № 26; ниже написано Λ с двумя прочерками на одной гаше и тремя на другой, что отражает последовательную запись цифры 30 с прибавлением 2 и 3, в целом 35 (драхм, обол, ? ОАМ 21460). 7) ΔΔ = 20 (КМГ 179). 8) ΔΔΔΔ = 3, в целом 35 (драхм, обол, ? ОАМ 21460). 9) ΔΔΔΠ = 35, сверху Ρ = 100 (? КМГ 233). 10) ТПЕ (в лигатуре), ниже ΔΠ — акрофоническая цифирь: τ(εταρτημόριον) πέντε «пять с четвертью», δ(εκα) πέντε = 15; так как Т означает четверть обол, речь идет о 5 1/4 обол и 15 обол (КМГ 257). 11) ТПЕ (в лигатуре) = 5 1/4 обол (КМГ 266). 12) † = 1 драхма, выше написано ΔΦ, ХФ и Н = 500 драхм, 500 хоев, 8 (КМГ 161).³ 13) εἰκοσι κα[ι]--ωνες «двадцать и — (?)» (Эрм. П. 1867/68. 27). 14) Δακοῦ ν' «? Дака 50».⁴ 15) Ο ΕΥ = 70 и начало имени Ев-, *ср.* предыду-

¹ Горизонталь над буквой означает, что это цифра [Reinach, 1885, p. 223/4], *см.* и ниже № 14, 15. К этой группе надписей добавь две записи V в.: † и вау = 6 драхм (КМГ 136); Π ο Ι Ι = 5 обол, 2 халка (КМГ 160).

² Чтение И. И. Толстым [1953, 182] граффито на донце блюда — «[Аполлону] и Ас[клению]» неточно, так как третья буква не имеет ничего общего с *иотой*, это обычный в аттической системе цифровых записей знак 1/4 обол, т. е. знак *сигма* же обозначает статер, *ср.* [Lang, 1956, p. 14; ML, p. XIV-XV, 162, 209 *etc.*]. Есть две системы записи чисел — цифровая (каждая буква алфавита представляет собой цифру) и акрофоническая, при которой цифры обозначались первой буквой числительного, например, Π = πέντε = 5.

³ Бесспорное обозначение драхмы † заставляет усматривать цифровую запись и в знаках ΔΦ, ХФ, Н. В таком случае Φ = 500 и это означает, что цифры записи порядковые (алфавитные), не акрофонические. Поэтому Δ и Х при Φ не цифры, а обычные сокращения слов *драхма* и *хой* (это подтверждается тем, что в записи ХФ оба члена не могут быть цифрами, ибо первое = 600, второе = 500; не может быть Х и словом χίλοι «тысяча» ввиду несовместимости порядковых и акрофонических чисел). Подобно цифре Φ за цифру же должно принять Н = 8, а не за акрофоническое аттическое *некатон* «сто». Цифры 500 драхм и 500 хоев вполне совместимы как обозначение недорогого сорта вина ценой в 1 драхму за хой. Ввоз дешевого косского вина на Боспор ок. 351 г. удостоверен Пс.-Демосфеном (XXXV, 32, 34); тут же (§ 10) указано, что 3000 драхм ссужено под залог 3000 менейских амфор с вином, что при объеме менейской амфоры третьей четверти IV в. 2,75 хоя [Lang, 1976, p. 60, № 10] дает, с учетом неперемного занижения заимодавцами стоимости залога, ок. полудрахмы (= 3 обол) за хой. Эту цифру следует расширить: поскольку в IV в. объем менейской амфоры варьировался от 3 до 6 аттических хоев [Монахов, 2003, с. 95], вино стоило от полудрахмы до драхмы. При продаже имущества гермокопидов хой аттического вина шел за 4 обол [ML, p. 242, l. 60 *sq.*; Lang, 1956, p. 14].

⁴ [Толстой, 1953, 147]. ΛΙ Δακος, Δάξ эпиграфически засвидетельствовано с Πα [Detschew, S. 111/3], в уменьшительной форме Δάκιος с Πα [LGPN IV, 85], этноним Δακος, *pl.* Δακοί, Δάκες упоминают Страбон, Дионисий Периегет и др. [РВ, 265]. Если такое понимание боспорского граффито правильно, это самое раннее упоминание

щее граффито и № 33 (КМГ 267). 16) Ι Λ Ο Μ' (под цифрой Μ вертикальный штрих) = 1 драхма, 30 обол, 40 драхм (КМГ 117). 17) Ο Μ (над Μ маленький кружок, под нею точка) = обол, 40, в целом 41 обол (КМГ 321). III. Граффити IV-III в. 18) α' () = 1 драхма, 1/2 и 1/4 обол, здесь *альфа* при фракциях обол обозначает драхму, как и в № 28 (КМГ 141). 19) Μ с кружком ниже и штрихом справа вверх = 40 обол (КМГ 15). 20) Μ (с кружком ниже) и Ε в лигатуре = 45 обол (КМГ 231 [Шкорпил, 1902, с. 164, № 13]). 21) Ν Ι Ι Ο Ο = «50, 1, 1, обол, обол», в целом 54 обол (ОАМ 21464); прочерк и Π со вписанной *дельтой* = 51, ниже Η = η(μισ) «половина» (ОАМ 21973). 22) τέταρ(τον) «четверть», Α и Ρ в лигатуре (КМГ 324). Граффити III в. 23) ακ' ο с «21 обол, статер» (КМГ 174 [Шкорпил, 1902, с. 164, № 14]). 24) Μ с надписанным уголком — знаком драхмы = 40 драхм (КМГ 326). 25) прочерк, μ(ναι) πέντε δέ(κα) в лигатуре, прочерк = 15 мин.¹ 26) ΠΠΟΦ = π' Π οφ(ειλομένοι ?) «82 задолженные (? драхмы, оболы ?)», *ср.* выше, № 6 (КМГ 296). 27) Η (Τ = 8 1/2 τ(εταρτημόριον) = 8 и 1/4 обол (ОАМ 21483). 28) цифра Π, в углах которой снаружи приписаны слева *альфа* и справа *сигма* = 5 драхм, статер; *альфа* как обозначение драхмы представлена также в № 18 (КМГ 304). 29) Π со вписанной *дельтой* = 50 и *лямбда* — видимо, инициал (*ср.* № 15, 33), ниже Ν с двумя прочерками = 52 (КМГ 280). 30) βλ' ν' ν' = 32, 50, 50 (КМГ 291). 31) οβ, в пандан еще раз οβ — дважды написанное слово οβ(ολός) «обол». IV. Граффити III-II в. 32) ο λ' = 30 обол (КМГ 84). 33) ΔΔ = 20 и перпендикулярно ΠΥ с прочерком — видимо, сокращение имени, как в № 15 (КМГ 90).

Число приведенных записей достаточно для того, чтобы выяснить движение их во времени. Записей от второй пол. V до первой четв. III в. в 2 раза больше, нежели от III — первой пол. II в., соответственно 22 и 11, причем в первой группе большинство принадлежит записям IV — первой четв. III вв.: 18 из 22. Это в целом соответствует нашим представлениям о расцвете боспорской экономики в IV — первой четв. III вв. и упадке ее в III в. Почти 2/3 приведенных цифр — деньги, что говорит о степени состоятельности авторов записей. По количеству денег надписи распределяются на 3 группы — большие, средние, мелкие суммы. Крупных сумм всего три: № 25 — 15 мин, № 4 — 13 мин, № 12 — 500 драхм (в аттической мине 100 драхм); две последние записи относятся к IV в., первая к III в. Запись № 12 связана с виноторговлей (в IV в. местное производство вина было слабо развито). Средние суммы в драхмах: 46 (№ 16), 40 (№ 24), 24 (№ 1), 10 (№ 2); записи № 1, 2 оперируют статерами, которые на Боспоре IV в. были тяжелой золотой монетой и приравнивались к аттическим дидрахмам [Анохин, 1986,

этнонима; возможно и чтение имени Δακοῦ, *см.* ниже. Граффито 'Ηραῖος β' «Герей, сын Герей» Толстой [1953, 149] неточно прочел и понял как пометку гончара: 'Ηραῖος βι' «Герей заказал 12 таких ваз» (прочерк над *бетой* — детерминатив цифр, как в нижеследующих № 16, 19).

¹ ОАМ 21459. Μ как сокращение слова *мина* [Avi-Yonah, p. 82; Lang, 1976, p. 76/1].

с. 37]. Общее число таких записей тоже невелико — 4 из 22, по времени две относятся ко второй пол. V-IV в. (№ 1, 2), по одной к IV в. (№ 16) и III в. (№ 24). Больше всего записей с мелкими суммами — 15 из 22, авторы оперируют в основном оболлами, реже одной — несколькими драхмами (в драхме 6 оболлов): 54 оболла = 9 драхм (№ 21); 45 об. = 7,5 др. (№ 20); 5 драхм, статер = 7 драхм (№ 28); 41 об. = 6 др. 5 об. (№ 17); 40 об. = 6 др. 4 об. (№ 19); статер, 21 об. = 5,5 драхм (№ 23); 30 об. = 5 др. (№ 32); в сумме 20 1/4 об. = 3 драхмы, 2 1/4 об. (№ 10); статер = 2 драхмы (№ 5); 8 3/4 об. = 1 др. 2 3/4 об. (№ 27); 1 др. 3/4 об. (№ 18); 5 1/4 об. (№ 11); 2 об. (№ 31). Распределение этих записей по времени: по 4 записи в IV в. (№ 5, 10, 11, 17), по 4 в IV-III в. (№ 18-21) и III в. (№ 23, 27, 28, 31), одна в III-II в. (№ 32).

Авторы приведенных записей в основном малосостоятельны, так как существенно преобладают мелкие суммы, это рядовые жители Пантикапея и округи. Крупных сумм всего 3, что понятно — толстосумы вели финансовые дела через тамнейон, царскую сокровищницу, банк того времени (с. 519). Полезно сравнить полученную картину с аналогичными записями на черепках столовой посуды V-IV в. с афинской Агоры. Их меньше — 11 [Lang, 1956, р. 16, № 68-69; 1976, р. 22/3, № E 3, 4, 7, 9, 11-14, 16].¹ Граффити V в. E 3: Эсхей сын Никанор, П со вписанной сигмой = 5 статеров. E 4: [-]α | | | | I C T = 4 драхмы 1 1/4 оболла; | ≡ , т. е. 1 др. 3 об. E 7: ΔΔ | | | = 23 др. E 9: [δραχ]ιδν | | | | | = «6 драхм»; П | | | = 8 др.; ΔΔΔП | = 36 др. Граффити IV в. E 11: Νικ ΗΝΔ = 210 и сокращение имени. E 12: Μη ΔΔ = 20 и сокращение имени. E 13: П со вписанной дельтой и Δ = 60, ниже | = 1 др. E 14: ΔП | | | = 18 др. E 16: δραχμαί ΔΔΔΔΔ = «50 драхм». [Lang, 1956, № 68]: П со вписанной дельтой и Δ = 60, ниже | = 1 др., скорее всего в сумме 61 др. [Ib. № 69]: Δ:ΔΠΠ = 10 сосудов за 13 оболлов (?) Распределение надписей V в. по суммам: 50 драхм (E 9, в сумме), 23 др. (E 7), 10 др. (E 3), 5 др. 4 1/4 об. (E 4, в сумме); IV в.: 210 др. (E 11), 61 др. (E 13, в сумме), 61 др. (№ 68, в сумме), 50 др. (E 16), 20 (E 12), 18 др. (E 14), 13 об. (? № 69).

Как видно, афинские денежные суммы от 61 до 10 драхм вполне соответствуют второй группе пантикапейских сумм от 46 до 10 драхм, сопоставимо и число таких записей — 7 в Афинах, 4 в Пантикапее. Трех пантикапейским записям с крупными суммами от 15 мин (1500 драхм) до 500 драхм

¹ Из публикации М. Лэнг 1976 г. опускаем ряд записей, которые могут быть денежными суммами, но уверенности в этом нет. E 1: П со вписанным х, XXXX = 5400; П со вписанным η, ΗΗΗΗ = 900; П со вписанной дельтой, ΔΔΠ = 75. E 8: ΔΔΠΠ = 23. E 10: П со вписанной дельтой = 50. E 15: указан вес в драхмах. E 2, 6: памятные записи с последовательностью цифр: μ(ύριοι), χ(ίλιοι), η(εκατόν) «10 тысяч, тысяча, сто» и П | I C T «пять, драхма, обол, 1/2 оболла, 1/4 оболла». E 5: количество сосудов или черепиц. Граффито E 3: стк. 1 — Αισχέα П со вписанной сигмой, стк. 2: Νικανор. Второе имя написано под первым и если придерживаться падежей, то следует читать «Эсхей сын Никанор», т. е. Никанор, сын Эсхея, и сумма — 5 статеров. Это граффито указывает, что в надписях с именем или его сокращением и цифрой последняя означает денежную сумму — таковы пантикапейские граффити № 14, 15, 33 и афинские E 11, 12.

скорее всего соответствует одно афинское граффито (E 1), но цифры его внушительны — в целом 6375. Разительное же отличие состоит в решительном преобладании мелких сумм в Пантикапее — 15 при 2 на Агоре (E 4 и № 69). Таким образом, и с этой стороны подтверждается мнение о значительности афинского рынка [Rosivach, p. 31 f.], ожидаем и другой результат — преобладание мелочной экономики на Боспоре, денег тут было значительно меньше. Это явствует также из редкого чекана боспорского золота IV-III вв., выпуска мелких фракций серебра (тетробол, диобол, триобол) и мельчайших фракций меди (обол, тетрахалк, дихалк, халк).

2. Заметки о демографии эллинистического Пантикапея

Демографические аспекты развития эллинистического Боспора просматриваются на материалах пантикапейского некрополя и эпиграфики. Некрополь Пантикапея IV-III вв. занимал большую территорию и включал много погребений, содержавших разнообразный инвентарь, в чем отразилось увеличение населения и его достаточно высокий жизненный стандарт [Цветаева, 1951, с. 72]. Господствуют два основных типа захоронений — богатые подкурганные склепы и более обычные грунтовые плитовые могилы. По характеристике М. И. Ростовцева [1925, с. 191], подкурганные захоронения Пантикапея весьма близки обряду героического греческого, специально ионийского погребения. Рост населения Пантикапея, по мнению В. Д. Блаватского [1958, с. 97 сл.; 1964, с. 108 сл.] и А. А. Масленникова [1981, с. 47 сл.], был результатом оседания в столице Боспора окрестных туземных обитателей, а также переселенцев из малоазийских и причерноморских центров. При этом археологические данные свидетельствуют о незначительном числе негреческих элементов в составе пантикапейского населения; в грунтовом и курганном некрополях Пантикапея IV — начала III вв. число варварских захоронений невелико и они трудно определимы — так, из 250 исследованных грунтовых могил лишь около десятка можно приписать негреческому населению.¹ Вместе с тем в окрестностях Пантикапея найден ряд богатых курганных захоронений представителей скифской знати Тавриды (Куль-оба, Патиниотти, Юз-оба, Ак-бурун и др.), свидетельствующие о сильной ее эллинизации.²

¹ [Цветаева, 1951, с. 68 сл.; Кастанаян, 1959; Масленников, 1981, с. 51 сл.; Сударев, 2005, 2005а, лит.]. По данным А. А. Масленникова, на некрополях азиатского Боспора присутствие туземных элементов более ощутимо — ему может быть приписано ок. 15% погребений.

² Также на азиатском Боспоре, в Синдике и у меотов, курганные захоронения местной знати в значительной мере эллинизированы [Ростовцев, 1925, с. 320 сл., 351 сл., 376 сл.]. Некрополи основных греческих городов Тамани — Фанагории и Гермонассы — показывают определенное влияние погребальных обычаев синдо-меотского населения [Ростовцев, 1925, с. 270 сл., 287 сл.; Кобылина, 1956, с. 37 сл.].

Один из важнейших индикаторов этнического состава населения — антропонимика. Проанализируем состав греческой антропонимии, а также ее соотношение с негреческими именами в пантикапейской мемориальной, почитательной, производственной, бытовой и владельческой эпиграфике — лапидарных надписях и граффити. Материалы такого рода наиболее многочисленны в эпиграфике не только Пантикапея, но и остальных городов Боспора, однако пантикапейские данные, как увидим, рисуют нетипичную для остальных городских центров страны картину. Сначала отметим, что от IV в. дошло наибольшее число эпиграфных надгробий Пантикапея — ок. 90, примерно столько же, сколько от III—I вв. вместе взятых. Это означает, что IV в. был наиболее полным в демографическом отношении периодом истории боспорской столицы, тогда как в последующие времена жизнь городского населения была недостаточно стабильна (на это указывают и граффити экономического содержания, см. выше). При этом переход от одного периода к другому произошел, как теперь известно, в 280–270-х гг. в связи с разрушением *rex Scythica*.

Антропонимика боспорских надписей выказывает, с одной стороны, социальный состав общества, с другой — этническую принадлежность их носителей.¹ Рассмотрим сперва социальную характеристику личных имен (далее ЛИ). Эпитафии из Пантикапея составляют самый многочисленный класс боспорских надписей, их настолько много, что они дают полное представление о социальном и этническом облике населения столицы царства. Греческий антропонимикон пантикапейских надгробий IV — первой трети III вв. включает 35 аристократических имен,² 46 теонимических и сакральных,³

¹ Эта тематика заслуживает специального исследования (надеюсь, кто-нибудь в будущем разработает ее), мы же здесь пытаемся установить общие тенденции, не вдаваясь в дискуссионные вопросы трактовки ряда не вполне ясных по этимологии и видовой принадлежности имен.

² КБН 116 Νικόπολις, 156' Αλκίφρων, 157' Αναξίστρατος, 160' Αγλῶν, 165' Αρισταγόρης, 166' Αριστοφάνης, 167' Αριστώ, 169' Νικη[φόρ]ος (?), 169' Αρτινοίη, 172 Βάττας, 174 Αύτοκλής, Γήρος (при аристократическом патронимике имя Гер аристократическое же как гипокористик от Γηρόστρατος (?), либо туземное), 177 Δημοφῶν, 190' Ιπποκράτης, 192' Επιχάρης, Φωκρίτη, Λέοντις, 192, 217, 218 Παρμένων, 196 Κλεώ, 198 Κράττης, Στράτων, 201 Καλλίας, 209 Νικόμαχος, 212 Νικάνδρος, Πολυχάρης, 214 Ξενώ, Ξενοπέτης, 215' Εὐδῆμος, 220 Εὐδῆμος, 221 Πρόμηθος, Протаγόρης, 238 Νικασώ, Δάμων, 241' Αριστοφῶν. Также Νικαίνα [Яйленко, 1995, с. 217].

³ КБН 116 Ζήνων, 116, 160' Απατούριος, 117' Εκαταῖος, 157, 191, 192, 218 Ιστιάιος, 158 Θεόδοτος, 159' Απατούρη, 161' Απολλοφάνης, 162' Απὸλλων, 161, 163, 191' Απολλώνιος, 163, 210, 211 Νεομήτιος (также в эпитафии Никены [Яйленко, 1995, с. 217]), 164' Αθηναῖος, 165' Νυμφαγόρης, 166' Ηραῖος, 168, 176 Δημητρία, 168' Αρτεμιδώρη, 172, 220 Ποσειδεώνιος, 176 [Π]οσειδωνίης, 177 Διονύσιος, 178 Διοσκορίδης, Δίων, Θεομνήστη, 182 Διδύμαρχος, 190' Ηρακλείδης, 192 Δημήτριος, 201 Μαῖα, 202, 205 Μητρόβιος, 204 Μητροβία, 206 Μητροδώρα, 207 Μητρόδωρος, Απολλόδορος (также Метродор у Полиена, VIII, 55), 210 Μολπᾶς, 213 Νυμφόδορος, Ερμιόκратης, 223 Σελινώ.

5 легендарно-исторических,⁴ 24 бытовых.⁵ В лапидарных посвячительных надписях Пантикапея этого времени представлено 13 аристократических имен,⁶ 5 теонимических и сакральных,⁷ 1 мифологическо-легендарное,⁸ ни одного бытового. Аттические ораторы и надписи IV в.⁹ упоминают 4 боспоритов с аристократическими именами,¹⁰ 3 с теофорными,¹¹ 6 с бытовыми.¹² В числе владельческих, посвячительных, магических и *пр.* граффити IV в. представлено 18 аристократических имен,¹³ 24 теофорных и сакральных,¹⁴

¹ КБН 167 Αμφίλοχος, 168, 184 Γόρδις, 156 Κόνων, 169 Χαβ[ρίας?] (оба имени бытовые [PB, 1658; Bechtel, 1917, S. 492], но сочетаются с аристократическими ЛИ и потому они скорее исторические, данные по выдающимся афинским полководцам; см. также ниже имя Φορμίων КБН 241).

² КБН 170' Αν<ο>θης (? см. ниже, с. 128), 181 Δάριον, 182' Εντρέχης, 183 [Σ]πίνθων, 185 Δαμέας, Βλάστος, 193' Ιτή, Αύασιος, Βόλᾶς (см. с. 546), Σίμος, 197 Κονίων, Μίτος (?), 205 Βουλίας, 206 Αίσχρίων, Λίβυς, 216 Καριδεύς, 217' Αγρων, Ζωγένης, 219 Πατροφίλη, 224 Σωσίκα, 'Ανάξιος, 230 Φιλόκομος, 232 Φορμίων Βροτάχου.

³ КБН 6 Δεινόστρατος, Στρατοκλής, 8 Μέδων, 9 Φαίμππος, 11 Κόιβανος, 13' Αριστίων, 'Αριστοφῶν, 14' Αριστονίκη, Ξενοκритος, 18 (-)σθένης.

⁴ КБН 9 Αρτε[μ-], 10 Σατυρίων, 14 Δημητρία, 16 Μᾶνις, 18, 19 Μοιρόδωρος, Μολπαγόρας,

⁵ КБН 8 Κρέουσα.

⁶ [Казакевич, с. 19; Скржинская, 1997, с. 118; 2005, с. 243]. Источники именуют их боспоритами, условно принимаем их за жителей Пантикапея и близлежащих малых городов, во-первых, по причине большой активности столичного населения, во-вторых, для учета другими исследователями этих аттических данных.

⁷ 'Αστύμ-, Πολυσθένης (декрет 323 г. [SEG 21. 1965, p. 82, № 298]), Καλλίλεως Θρασυμήδους (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8429, после сер. IVa).

⁸ Δίων (Dem. XXXIV, 5, 10), Θεοδόσιος (декрет 347 г. Syll.³ 206. 50 = Граков, № 3), [Υ]γεινέρος (Athenian Agora, 1974, p. 98, № 440).

⁹ Σῶσις (декрет 347 г. Syll.³ 206. 50 = Граков, № 3). Σωπαῖος (Isocr. XVII, 3), Λάμπις, Φορμίων (Dem. XXXIV, 8, 23), Εὐπορία 'Ανδρικοῦ (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8426, конец IVa = Граков, № 61, 62).

¹⁰ Прωτίων [ОАК. 1877, с. 275; Jordan, 1978, p. 159], 'Ιππόνα(ξ), Λεωμε(-), Ξενο(-), Λεωφάνης или Λεωφάντης, Λεωφάντος, Στрато(-), Μένων, Πολυα(-), Ξενοκ(-), Φανόμαχος (Толстой, 1953, 190, 208, 211, 213, 222, 225, 227, 230, 232), [Α]λκιδέων [Блаватский, 1985, с. 22], Πολυμέ(-) (КМГ 330 [Емец, 1999, с. 69]), Νικ bis (КМГ 112, 125), 'Αρισταρχ(-) [Яйленко, 1980в, с. 75] (рх дополняем по остаткам), 'Επιχαρίδης, Εὐπολις, Εὐχαρίδης, Χάρης [Яйленко, 2005, с. 479].

¹¹ Εἰρη(-) (ОАМ 20921), Νυμ(φ-), 'Εκαταῖος, 'Ιστιά(ων), Διογνή(του), Μητρο(-), Γρῆς, 'Ηρότιμος, Σατυρίων, [Δι]ομήδης [Толстой, 1953, 154, 179, 187, 204, 207, 216, 219, 239, 240], Παρθένιος [SEG 3, 1927/9, 596], Θεογ(-), 'Απολλώνιος, 'Αθημῆπος [Сапрыкин, Зинько, 2003, с. 266], Ερμαῖος [Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 202], 'Αφροδίτη [Блаватский, 1985, с. 24], 'Ιεροκλής, Ηραγόρης, Νύμφιος [Яйленко, 2005, с. 479; 2006, с. 361, 395], 'Ηρακλείδης, Θεο(-), Διονύσι[ος] (КМГ 40, 81, 327). Граффити на доньях двух чернолаз. сосудов [Толстой, 1953, 148, 150] содержат ЛИ [Δικ]αιρέτα, ибо по восклицательной формуле Δημόνασσα Αθηναῖο εὐαί «Демонасса, дочь Ленея, радуйся!» [Розанова, 1968, с. 248], граффито 150 читается: [Δικ]αιρέτα | [ε]υαί, граффито 148: [Δικ]αιρέτα [εὐαί] «Дикайрета, радуйся!» (судя по сводке Б. Хансена [Hansen, 1958, S. 44], единственно возможное дополнение букв имени ΑΙΡΕΤΑ — ЛИ Δικαιρέτα (из-

3 легендарно-исторических,¹ 14 бытовых;² в граффити IV — раннего III в. 10 аристократических,³ 3 теофорных и сакральных,⁴ 1 мифологическое.⁵ На клейменной черепице IV — первой трети III в.⁶ из Пантикапея, производст-

вестно и в Фивах Фтиотидских [Bechtel, 1917, S. 135]). Граффито Артерис на дне чернолака сосуда — сокращение имени владельца, а не посвящение, как считал Толстой [1953, 176], поскольку из пантикапейских граффити на доньях сосудов лишь одно представляет собой бесспорный вотив.

¹ Παρις (КМГ 255), Χαβρίας [Яйленко, 2005, с. 479] (см. выше), Γύγης (? Γυγιντής ?) [Блаватский, 1964, с. 93], см. ниже, с. 153.

² Μάρης [Сапрыкин, Зинько, 2003, с. 266] (об имени см. ниже, с. 138), Κισσός (имя греческое [Bechtel, 1917, S. 593]), Ἰάς, Φιλία, Ἀκίς, Ψῆνις (КМГ 42, 115, 169, 305, 307), Μικ (КМГ 150, ср. граффито Va КМГ 167 Μικίων), Μικ (КМГ 227 [Шкорпил, 1902, с. 164, № 10]), Γρηῖς, Κωμᾶς, Νανᾶς (gen. Νανᾶτος, Νανᾶδος) [Толстой, 1953, 187, 210, 221, 224] (ниже, с. 136), Κέρδων, Σωσίβιος [Яйленко, 2005, с. 482], Φειδολεῦς [Яйленко, 1980в, с. 74].

³ Ἀρίσταρχος, Δήμαρχος, Μαχέων, Χαρίξεινος, Ξενομένης, Στράτιος [Яйленко, 2005, с. 470, 473; 2006, с. 397], Στρα [Толстой, 1953, 229], Νίκο (КМГ 50). Надпись на золотом кольце из погребения в Керчи ΠΑΡΜΕΝΩΝΒΑΣΙΛΕΙ понималась по-разному (лит. [SEG 46, 1996, 942; Dubois, 1996, p. 12; Vinogradov, 1997, S. 625]), принимаем чтение М. Гвардуччи Παρμένων Βασίλει «Парменон Басилею» [Guarducci, 1975, p. 524/5], считая надпись подарочной. ЛИ Βασίλεις по смыслу царское, употреблялось с эллинистического времени [РВ, 200].

⁴ Νευτήμιος, Μοτρίκων [Яйленко, 2005, с. 473, 479], Μητρίχη (Эрм. 195h = Б. 5268, куплено в Керчи в 1889 г., см. рукописный *Catalogue des antiquités du Bosphore Cimmérien, tome II: Vases. Lampes. Marbres*, хранящийся в античном отделе Эрмитажа; читаем по его маюскулам подарочное граффито на дне чернолака. килика со штам. пальметками: Μητρίχη Κρε(ού)στη «Метриха подарила Креусе»).

⁵ Κρε(ού)στη, см. предыдущее примеч. (по ионийскому окончанию граффито не позднее III в.).

⁶ Имена на клейменной черепице даем по каталогу В. А. Анохина [1999, с. 205/9], его номера указываем после имени в скобках. Датировка клейм В. Ф. Гайдукевичем [1934, с. 260 сл.], Э. О. Берзиным [1959, с. 53-60], В. А. Анохиным [1999, с. 188 сл.] не во всем убедительна [Завойкин, 2006, с. 243-250], хотя многое ими установлено точно. Изъяны археологической датировки Гайдукевича показали Берзин и Анохин, Берзин без достаточных оснований удревил массу клейм, за ним Анохин. Например, круглое клеймо 24 с именем Горгиппа Анохин приписал Горгиппу, сыну Сатирра, чему противоречит палеография документа, типичная для III в. (усомнившийся в датировке Анохина А. А. Завойкин [2006, с. 226/7, 245] справедливо отделил этого Горгиппа от Горгиппа-старшего). Для разработки вопросов датировки черепичных клейм требуется комбинаторная методика, включающая все параметры — форму черепицы, тип клейма (форма, расположение букв и знаков, полное имя и его сокращения), таблицы особенностей букв по отдельным именам (по удачному выражению В. А. Анохина, «горизонтальные ряды»), археологический комплекс, эпиграфическая дата. Такая работа еще ждет своего исследователя. Сообразуясь с прорисовками клейм у Анохина [1999, с. 190-200], мы поделили клейма по характеру письма на две хронологические группы — IV в. и III-II вв., с оговоркой, что это оценочная датировка, в будущем ее уточнят разработкой по «горизонтальным ря-

во которой сосредоточено в руках членов царского рода и аристократической верхушки царства, зафиксированы в основном «высокие» имена — 13 аристократических,¹ 11 теофорно-сакральных,² 1 легендарное,³ 5 бытовых.⁴

После коллапса 280/270-х годов число имен уменьшается.⁵ Эпитафии III-II вв. из Пантикапея дают 10 лиц с аристократическими ЛИ,⁶ 12 с теонимическо-сакральными,⁷ 2 с легендарным,⁸ 8 с бытовыми именами.⁹ В лапидарных посвячительных надписях Пантикапея этого времени представлено 6 аристократических имен¹⁰ и 2 теофорных.¹¹ У боспорцев, зафиксированных лапидарными надписями III-II вв. других центров 8 с аристократическим

дам».

¹ Ἀλκιμ(ος, 6-8), Ἀριστα (17), Ἀστυδά(μας, 19-21), Δημ (109), Ἰπποκρά(της, 53-54), Καλλιφ(άνης, 60), Κοί(ρανος, 61-63), Κράτιπ(πος, 67), Λεω (72-74), Μέδων (81-82), Πρύτα(ις, 100), Τιμο (112-116), Φανόμα(χος, 120).

² Ἀθη(ν-, 3-4), Ἀπόλλ(ω -, 16), Ἑρμοκρ(άτης, 30), Ἡροφά(νης, 35), Θεομ (40), Θεοδ (=Θεοδ-, 44), Ἰστ(ιαῖος, 57), Νυμφο (95), Πυθο (102-104). Клеймо с сокращениями Σα и Ἰπ (49-50) по форме *ни* и при имени IV в. Ἰπποκρά(της, 53-54) может быть царским именем Σάτυρος (Σατυ 105-106 можно связать с ним, но и с Σατυρίων 135, которое относится к III-II в., имея такое же написание первых 4 букв). Сокращение Ἰη (45-46) ввиду преобладания «высоких» имен и по причине связи Спартокидов с культом Иетра [Яйленко, 2006, с. 366] раскрываем в Ἰη(τρο-).

³ Σόλων (110).

⁴ Λεύκων (68), Λύκω(ν, 75-77), Μαν (7, 9), Μενοί(τ-, 83), Μηστο(ς, 84-87).

⁵ Интересный и перспективный взгляд на боспорские надгробия как источник по семейным отношениям предложили Н. В. Молева и Н. В. Скакалкина [2006]: количество погребенных мужчин 118, женщин 60, детей 40; пик смертности пришелся на вторую треть III в., первую пол. II и рубеж II-I вв. Показатели смертности женщин и детей иные. Эти явления связаны с состоянием дел в государстве. Для демографии Боспора важны работы Н. В. Молевой [2005; 2009] и Н. И. Сударева [2005а].

⁶ КБН 241 Ἀριστοφῶν, 245 Λύσιππος, 251 Καλλιγένης, 254 Νίκανδρος, Ἰπποστράτος, 256 Πολύγυντος bis, 257 (--)γένης, 259 Τιμοκράτης, 262 Αρχέλαος.

⁷ КБН 247 Νουμήνιος, 253, 258 Διόφαντος, Διότιμος, 254 Μητροδώρος, 255 Υμέναιος, 256, 261 Ἀπολλώνιος, 256 [Βοηδ]ρόμιος, 257 Ἀρης, 259 Μοῦσα, 261 Δημήτριος.

⁸ КБН 260 Γλαυκίας, 241 Φορμίων (это имя сочетается с аристократическим и потому, видимо, историческое — по выдающемуся афинскому полководцу, подобно именам Κόνων и Χαβ[ρίας?] КБН 156, 169, см. выше).

⁹ КБН 118 Σμῆκρος, 244 Ἰωνίη, Ἀγαθῶν, Εὐπορία, 254 Μύρων, 255 Μοσχίων, 258 Ἀστράγαλος, 260 Στάφυλος.

¹⁰ КБН 21 Μηνόδαρος, 23 Λεώστратος, 24 Ἀγλαός, 26 Μαίανδρος, Φαίλιππος, 27 Πλουσία.

¹¹ КБН 21 Ἐστίαία, 24 Ἡρακλείδης (также Гераклид вотива дочери Скилура, см. ниже, с. 194-195).

именами.¹ 4 с теофорно-сакральными,² 5 с бытовыми.³ Граффити III–II вв. из Пантикапея⁴ дают 7 аристократических имен,⁵ 6 теофорно-сакральных,⁶ 2 мифологических,⁷ 6 бытовых имен.⁸ Дипинти рыбозаводчиков на кадушцах второй пол. II — I в. до н. э. дают 1 теофорное имя — Διονυ, и 1 бытовое — 'Ονησίφορος [Rostowzew, 1931, S. 192/4; Яйленко, 1991в, с. 39–40]. Боспорская клейменная черепица III–II вв. содержит 7 аристократических,⁹ 11 теофорно-сакральных,¹⁰ 5 бытовых имен.¹¹

Среди негреческих имен IV–II вв. следует различать туземные боспорские и небоспорские, привнесенные извне. Наряду с греками на Боспоре проживало обширное местное население, полиэтнический субстрат — скифы, меоты, киммерийцы, фракийцы, синды и др., в языке которых, как и у других народов, была лексика, породившая свою национальную систему ЛИ. Из числа местных антропонимических систем вычленяются иранская, фракийская, индоарийская (у синдов), а также неизвестные по языковой принадлежности. Последние были свойственны скифам, меотам, синдам; это об-

щие этнические обозначения народов, различных по языковой принадлежности. Мы знаем их этнонимы — псессы, тореты, фатеи и др., но языки неизвестны. Подобным образом тоже неоднородны лучше известные нам иранские ЛИ — в их числе представлены частично опознаваемые авестийские, персидские, восточноиранские, часть ближе неопределима. Из негреческих ЛИ небоспорского происхождения применительно к эллинистическому времени выделяются малоазийские и македонские; первые привнесены на Боспор мигрантами, вторые внедрялись с конца IV в. в разные областные и национальные антропонимические системы, в том числе Боспора, Ольвии, Херсонеса [Touloumakos, 1996]. Из числа небоспорских имен в лапидарных эпитафиях и граффити IV — первой трети / пол. III в. засвидетельствованы ок. 20 лиц с малоазийскими именами,¹ 3 с македонскими,² 2 с финикийским по происхождению, но греческим по узусу ЛИ.³ Поскольку носители македонских, фракийских и финикийского ЛИ — боспорские греки и туземцы, в целом группу эмигрантов составляют лишь ок. 20 малоазийцев.

Местные боспорские имена IV — первой трети / пол. III в. (назовем их туземными) составляют 5 групп: Kindernamen, иранские, фракийские, неизвестного происхождения и поливариантные. Так называемые «детские» имена на Боспоре могут быть порождены в местной греческой и негреческой средах (ниже, с. 121 сл.), в Пантикапее их 7.⁴ Иранских имен в Пантикапее IV — первой трети / пол. III вв. ок. 19,⁵ фракийских ЛИ 4 (на Боспоре в целом их больше).⁶ Наконец, группа имен IV — первой трети / пол. III вв.,

¹ Εὐπόλεμος (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8427, Πα), [Γ]συλος Χρυσολάου, Ἰσυλλος Σωκράτους, Νικίας, Νίκων, Κοίρανος [Граков, № 11, 12, 14, 21, 57], Εὐμηλ[ί]δης (патронимик пантикапейца Герофана, проксена на Хиосе, ок. 268–260а [Vanseveren, p. 325]).

² Ἀπατοῦριος, Ἡρακλείδης [Граков, № 12, 14], Ἡροφάνης (пантикапеец, проксен на Хиосе, ок. 268–260а [Vanseveren, p. 325]), Μο[λ]παγό[ρ]ας [Bilabel, 1927, 6831].

³ Ἀγάθων (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8424, Πα = Граков, № 61), Ἡδεῖα (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8427, Πα), Κεφάλων [Morelli, p. 150], Νέων Σαρμάτης Βοσπορανός (IG II/III, p. 3, f. 2 (1940), 8430, Πα), Φιλώνυχος [Foraboschi, p. 333].

⁴ Не учитываем заклание из Пантикапея [Сапрыкин, Федосеев, 2008] ввиду проблематичности чтения имен.

⁵ Μενέδωρος, Преп(--) [Толстой, 1953, 156, 196], Ἀγῆνωρ, Καλλόνικος [Яйленко, 1980в, с. 74; 2006, с. 392], Στρα(--) , Λυσι(--) , Πρόμη[θος] (КМГ 46, 156, 279).

⁶ Ἡραῖος [Толстой, 1953, 149], Διονύσιος, Ἡροδο(--) (КМГ 20, 33), Ἡρακλίδης (КМГ 40), Διονύσιος [Яйленко, 2005, с. 480/1], Δῶς (Эрм. 98 [Stephani, 1869, 2187 и табл. X]).

⁷ Πύλων [Ростовцев, 1914а, табл. XLV, 7], Σκίρ(--) (КМГ 223; из 2–3 соответствующих ЛИ [РВ, 1409/10] наиболее вероятно сопоставление с легендарным Σκίρων).

⁸ Μοσχίων, Γῆρυς (КМГ 38, 128), Παρο(--) (КМГ 33, ср. прозвища гетер Πάροινο, Παρόραма [РВ, 1140/41]), Μιλησία, Ζευγένης [Яйленко, 1985в, с. 75; 2005, с. 476], Κυρία [Толстиков, Виноградов, с. 290].

⁹ Ἐπικράτης (150), Εὐθεσίων (155), Λυσι(78), Νεοκλῆς, Πάνθηρος (130/1), Νίκων (93–94), Εὐμηλος клейма 123, судя по шрифту, действовал позднее соименного царя (ср. [Завойкин, 2006, с. 245/6]).

¹⁰ Ἀφρο (145), Γόργιος (129), Γόργιππος (24), Διότιμος (141), Μητρο (88–89), Νουμή(ιος, 154), Σαυρίων (135), Τυγαίων (142/3). Клеймо 23 в виде сердечка с сокращениями Βακ и Δι по сторонам от канфара, безусловно, раскрываются в имя-патронимик дионисийского происхождения, зафиксированные и в КБН — Βάκχιος и Διονύσιος. Новое имя фабриканта Ποσειδώνιος [Федосеев, 2009, с. 454].

¹¹ Λίσχιλος (127), Ἀκυλος (139), Βατα (153, но может быть и сокращением царского им. ниже, с. 666) имени Βάττας, Λεύκων (68), Οὐλλιος (98 ?) (последнее имя скорее всего представлено и на клейме 84 с Μη и Ου).

¹ КБН 162 Κυλιανς, 168 Αρμαδης, Γόρδης, 180 Δροσαις (пафлагонец), 189 Θῦς, Ἀτωτης, 222 Νά, Μάνης, 225 Νάνα, Τιβης, Τιβειος, 227, 228 Τυαίης, 228 Τεττειος, Μίδας; граффити: Τυγα(--) [Толстой, 1953, 215], Αλιβ(ων) (КМГ 186, ср. [Zgusta, 1964 § 48]), Θῦς, Τιβειος (КМГ 220, 312), Τιβης, Ιτης [Яйленко, 2006, с. 387]. Подробнее о них ниже, с. 121 сл.

² КБН 183 Ζώιλος, 217 Ζώπυρος, царское имя Σέλευκος (Diod. XII, 36, 1 и ниже, с. 489).

³ Πάτακος (у Геродота Παταϊκός) [КБН 10; Блаватский, 1964, с. 93]; см. ниже, с. 153 и [РВ, 1145; Bechtel, 1917, S. 568; Zgusta, 1955 § 939b; Тохтасьев, 2007, с. 191].

⁴ КБН 158, 209 Ἀνιη (см. ниже, с. 132), 164 Ἀπφη, 170 Ἀτότης (ниже, с. 000), 209 Νάνα, Ἀττης, Τάτυς (ниже, с. 132). Также Νανᾶς [Толстой, 1953, 210, 224], см. ниже, с. 128.

⁵ КБН 184 Ηδικα (см. с. 151), 196 Μαζους, 200 Μαζις, 202 Μαχορδίκη, 215 Ὀλγασυς Σαγάριος (ниже, с. 130, 134), 219 Ταπερεσαιος (см. с. 148), 226 [?] Τιγράνης Γοτῶ (см. с. 156), 229 Φ(λ?)ατακος Αλδιος, 1015 Κομοσαρη. Граффити: Ἀσαιη (см. с. 148), Ζωβι (КМГ 208, ср. Ζοβας КБН 351 [Zgusta, 1955 § 160]). На клейменной черепице: Παρισάδης, Σκίθας [Анохин, 1999, № 22, 30, 107]. Персидские ЛИ: КБН 211 Ἀσπαμθαρης, на золотом футлярчике из кургана близ Керчи Орхарос, первая пол. IV в. (ниже, с. 158 сл. и [Яйленко, 1990, с. 289]).

⁶ КБН 159 Θυνος (фрако-вифинское этнонимическое ЛИ), 181 Δαλας (ср. 586, 587 Δαλαζελμς) [Detschew, S. 113/4, 211; Крыкин, 1987, с. 42/4, 46/8]. Черепичные клейма: Σπάρτοκος [Анохин, 1999, № 111; Zgusta, 1955 § 576]. Граффито Δακων v' [Толстой, 1953, 147] (см. выше — цифровая запись № 15), если принять интересное чтение Б. И. Наделя [1955, с. 192] Δακων, может представлять собой сокращенный

не имеющих соответствий или объяснений и потому принадлежащих туземному боспорскому населению, состоит из 17 ЛИ.¹ Всего местных боспорских ЛИ 47. В надписях III–II вв. представлены из негреческих заимствованных 1 македонское имя,² а из боспорских 10 иранских, включая 4 персидских,³ также 8 туземных,⁴ 2 фракийских.⁵ В целом 20 имен. В сумме греческих имен в Пантикапее IV–II вв. 342, местных, не привнесенных извне негреческих

род. падеж *Δακού(ος)* к *ποτ.* *Δακούς* (ср. [Доватур, 1965, с. 815, § 7, 3]), возможно, связанное с этнонимом *Δακοί, Δάκες* [Detschew, S. 111/3]. В числе поливариантных, т. е. имеющих разные объяснения, антропонимов Пантикапея фракийскими могут быть имена КБН 171 Βαστακας Σμυρδός. Имя Βαστακας имеет реальным антропонимическим соответствием фракийское ЛИ Βαστας [LGPN IV, 73, сф. 67], соединительным звеном служит имя Βαστας КБН 437. М. Фасмер счел имя Βαστας иранским [Vasmer, 1923, S. 35], однако соответствующего иранского ЛИ нет; А. Згуста указал на греческие параллели — прозвище некоего Демокрита у комика *Va* Евполида и ЛИ хиосца у Лукиана [РВ, 201; Zgusta, 1955 § 83]; по Д. Дечеву, В. Георгиеву, Г. Михайлову, имя фракийское [Detschew, S. 45; Георгиев, 1977, с. 67; Vlahov, S. 239; Крыкин, 1987, с. 28–30]. ЛИ Σμυρδός и композиты хорошо представлены во Фракии с *Va*, сф. также имена на Σμυρδ- [LGPN IV, 313/4; Крыкин, 1987, с. 115], но есть и иранские параллели.

¹ КБН 178, 186 Θαγυς (сф. в нимфейском списке имен IIIa КБН 912. II, 13: Θαβυττιων Θαγυς — имя и патронимик туземные); 179 Δροβο/ουλος, 185 Θαγυς, Ματερινας, 200, 230 Κολχος, Χολκος, 216 Παρμα Καριδεως, 218 Παρмата, 222 [?] Σαρια, 227 Ιξίς, Ακρωθίς. Дипинто на ситуте Καρβυς [Марти, 1937, с. 51]. Граффити: Κοσους, Τριον (?), Ταριους (Ταρισιος ?) (КМГ 25, 99, 158). Σομ (КМГ 98) — скорее всего сокращение туземного ЛИ, ибо соответствующий греческий именник [РВ, 1424] крайне беден. Боспорскому ЛИ Ματερινας (также Ματεριη КБН 876, Мирмекий, IIIa) хорошо соответствует распространенное в Македонии с эллинистического времени *fem.* *Ματερώ* [LGPN IV, 224]. А. Згуста отнес имена Παρμα, Παρмата к греческому гнезду Παρμήν, Παρμώ *etc.* [Zgusta, 1955 § 1117a], но это сокращенные формы имен с исходом на -ν- (Пармёнов *etc.*), сф. [LGPN IV, 273]. ЛИ Δροβο/ουλος фракийское [Крыкин, 1987, с. 26]. Граффито IV в. ΠΑΡΜΟΠ на дне чаши [Толстой, 1953, 214] считаем владельческим: Τιαρμό Π «(чаша) Тиарма Π» (Π — инициал патронимика).

² Δέρδ[ος] (КМГ 31, см. [LGPN IV, 89]).

³ Иранские: КБН 75 Καμασαριη, Αργυτος, 179 Δαδαιος («детское», см. с. 138), 247 Σπαροφотος, также КБН 75 и на черепичных клеймах Παρισαδης [Анохин, 1999, № 151]. Персидские: КБН 242 'Ασπαμ[ιθαρης], 245 Μιτραβάτης, 'Αναίη (см. ниже, с. 131, 154); в граффити: Μιτραδάτης (КМГ 44), на черепичных клеймах 'Ορχακος [Анохин, 1999, № 146].

⁴ КБН 244 Κολαις, 262 Θαινος. Граффити: Ακτι(γ)αιος [Толстой, 1953, 156] (исправляем ΑΚΤΙΑΙΟΣ на известное в Ольвии ЛИ Ακτιγαιος), Βακαиос, Σταиф (КМГ 44, 196), Βιτταλος, Βακιων [Яйленко, 2005, с. 476] (последнее может быть и упрощенным греческим ЛИ Βακ(χ)иων); на черепичных клеймах, возможно, Τυμ [Анохин, 1999, № 119], если это не карийское Τύμης.

⁵ *Fem.* Βέζις (сф. Βένις эпитафии КБН 663 (Пант. IIp), Βένις и подобные во Фракии и Македонии [Яйленко, 1980в, с. 75; LGPN IV, 67/8]). Черепичные клейма: Σπάρτοκος [Анохин, 1999, № 124/6] и, видимо, граффито ΟΑМ 21507 Σπαρ, которое может быть и иранским.

ЛИ 67, но отсюда не следует вывод о решительном преобладании греческого населения над негреческим ввиду часто фиксируемого перехода туземного населения на греческую антропонимику.¹

Рассмотрим теперь количественное соотношение имен разных видов и социальную сочетаемость их друг с другом. Сведем полученные данные о греческих именах в таблицу.

IV — первая треть / пол. III в.

Источник	Вид имени:			
	Аристократич.	Теоф.-сакр.	Легенд.	Бытовые
Лапидарные эпитафии	35	46	5	24
Лапидарные вотивы	10	6	1	
Внебоспорские надписи	4	3		6
Граффити IV в.	18	24	3	14
Граффити IV — первой пол. III вв.	10	3	1	
Клейменная черепица	13	11	1	5
Итого	=90	=90	=11	=49
Всего греческих имен	241			

III–II вв.

Лапидарные эпитафии	10	12	2	8
Лапидарные вотивы	6	2		
Внебоспорские надписи	8	4		5
Граффити	7	6	2	6
Дипинти на кадосах		1		1
Клейменная черепица	7	11		5
Итого	=38	=34	=4	=25
Всего греческих имен	101			
В целом греческих имен в IV–II вв.	=128	=124	=15	=74
Totus	342			

¹ КБН 211 Невмений, сын Аспамитара, 219 Патрофила, дочь Тапересая, 230 Филоком, сын Колха, 245 Лисипп, сын Митрабата, 247 Нумений, сын Спарофота. Показательна в этом отношении эпитафия 244: носитель туземного ЛИ Коланс дал своему сыну греческое имя Агафон; тот, женившись на обладательнице греческого имени Юния (из него вовсе не следует, что она гречанка, см. ниже, с. 152), в свою очередь назвал дочь Евпорией, а не туземным именем. Есть в Пантикапее и два обратных примера: КБН 184 Эдика, дочь Гордия, 202 Махордика, дочь Метробия, но нет уверенности, что Гордий и Метробий этнические греки, а не туземные боспоряне с греческими именами. Еще один путь эллинизации туземцев — женитьба грека на варварке: КБН 164 Апфа, жена Афиней, 218 Пармата, жена Парменонта. В двух случаях жены варваров носят греческие имена (196 Клео, жена Мазота; 168 Деметрия, жена Армада, это семья малоазиатских иммигрантов), но они не обязательно гречанки, скорее дочери эллинизированных отцов: тот же Армад назвал дочь Артемидорой (см. ниже, с. 152). В двух случаях отцы с греческими именами дали дочерям туземные ЛИ: КБН 158 Анне, дочь Теодота, Махордика, дочь Метробия.

Полученные цифры дают представление о характере и тенденциях развития греческого антропонимикона Пантикапея IV-II вв. В IV — первой пол. III в. вдвое преобладают «высокие» имена (аристократические, теофорно-сакральные, легендарные) — 191 против 49 бытовых и 47 негреческих. Однако по сравнению с Ольвией III в. в Пантикапее велик процент бытовых имен: в Ольвии на 177 «высоких» имен приходится всего 25 бытовых, т. е. 1/6.¹ Это свидетельство примерно трехкратно превосходящего демократизма столицы Боспорского царства по сравнению с олигархическим полисом Ольвией. На это же указывает и соотношение имен прочих видов: в ольвийском каталоге в один год зафиксировано 135 аристократических имен и 42 теофорно-сакральных против 128 и 124 в Пантикапее за три столетия. Создается впечатление, что по теофорно-сакральным именам Боспор лидирует, однако, условно разделив поровну на каждое из 3 столетий 124 имени, т. е. 124 : 3, получим паритет: 41 в Пантикапее при 42 ольвийских.

Тенденции социального развития пантикапейского населения показывает картина сочетаемости имен разных видов друг с другом. В ольвийском каталоге 50 лиц имеют аристократические имя-отчество, в Пантикапее за 3 века лишь 17: в IV в. 13 (КБН 6, 8, 13, 14, 156, 192 (Фокрита, дочь Леонтия), 198, 212, 214 bis, 221, 238, IG II/III, 8429), в III-II вв. 4 [КБН 257, 262; Граков, 11; Vanseveren, p. 325]. Аристократия и религия в древней Греции — близнецы-братья: религия в лице жречества предоставляла идеологическую опору знати (отсюда та же картина в Византии, на Руси, где церковноначалие обслуживало царскую власть, ныне — олигархическую). Этим объясняется хорошая сочетаемость аристократических и теофорно-сакральных имен: 14 лиц в IV в. и 5 в III-II вв.² В IV в. нет сочетаний аристократических имен с бытовыми, в III-II вв. появляются 3 примера, из них 2 в одной семье (КБН 254 bis; IG II/III, 8427), с I в. до н. э. их больше (КБН 263, 264 etc.). Вполне согласуются аристократические имена и с легендарно-историческими — 3 случая в IV в. (КБН 167, 169 bis) и 1 в III-II вв. (КБН 241). В меньшей степени легендарно-исторические имена связываются с бытовыми — 1 пример от III-II вв. (КБН 260), и туземными — тоже 1 случай от IV в. (КБН 184).

Теофорно-сакральные имя-патронимик у 8 лиц в IV в. (КБН 117, 161, 163, 178, 191, 192, 210, 213), всего у двух в III-II вв. (КБН 253, 261) (в ольвий-

ском каталоге имен III в. 4 таких лица). Существенное уменьшение таких примеров следует поставить в связь с тем, что с III-II вв. у пантикапейцев полисный по существу культ олимпийских богов заменяется частным по характеру, но извечным культом хтонических божеств; иначе говоря, человек интересуется не столько общественным религиозным культом, сколько частным, связанным с его личной жизнью [Яйленко, 2006, с. 398]. Разумеется, это отражение политической истории Боспорского царства — в сильном государстве преобладают общественные интересы, в слабом — частные (показателен пример СССР / России последних 2–3 десятилетий). Крупные религиозные корпорации всех времен и народов стремятся к расширению своего культа, что получило вполне точное объяснение, к примеру, у русского народа в пословице «Чем больше приход, тем больше доход» (яркие примеры — масштабные финансовые операции дельфийского жречества, Ватикана, мормонов, РПЦ). Отсюда стремление жреческих корпораций к распространению религии в разных слоях населения, соответственно, с этим связана сочетаемость теофорно-сакральных имен не только с «высоким» антропонимиком, но и «низким» — с бытовыми именами: 6 примеров в IV в. (КБН 182, 187, 192 bis, 207, 218), 4 в III-II вв. (КБН 255, 256 bis, 258).³ В каждом из этих двух периодов есть 1–2 примера сочетания теофорного греческого имени с туземным.⁴

Всяк сверчок знает свой шесток — как и положено в социально структурированном обществе, бытовые ЛИ сочетаются главным образом с бытовыми же⁵ и туземными,⁴ а туземные друг с другом.⁵ В IV в. есть и 2 случая

¹ В ольвийском каталоге имен III в. 25 лиц с бытовыми именами, 12 из них сочетаются с теофорно-сакральными ЛИ, в чем просматривается тенденция к самооблагораживанию плебса посредством теофорного имени.

² IV в.: КБН 211 Нумений, сын Аспамитара, III в.: 247 Нумений, сын Спарофота, возможно, это поколения одной семьи; КМГ 33 Паро 'Нробо.

³ IV в.: КБН 185 Бласт, сын Дамея, 193 Ития, жена Авасия и мать Сима, Булас, сын Авасия, 197 Клео, жена Мазота, 205 Метробий, сын Булия, 206 Метродора, дочь Эсхриона, жена Либия, 214 Ксено, Ксенопит, дочь и сын Ксенодема, 217 Парменонт, Агрон, сыновья Зоппира, 224 Сосика, дочь Анаксиона, 232 Формион, сын Бротаха. Здесь принимаем имя Формион за бытовое ввиду патронимика Лягушка (ионийское Βρόταχος = Βάτραχος), тогда как в эпитафии 241 Аристофонт, сын Формиона, сочли патронимик историческим именем по причине аристократического ЛИ Аристофонт. III-II вв.: 244 Иония, жена Агафона, Евпория, дочь Агафона, IG II² 8426 Евпория, дочь Андрика.

⁴ IV в.: КБН 202 Махордика, дочь Метробия, 218 Пармата, жена Парменонта, 219 Патрофила, дочь Тапересая, 230 Филоком, сын Колха. III в.: 244 Агафон, сын Колаиса.

⁵ КБН 171 Бастак, сын Сморта, 179 Дробул, сын Дадая, 185 Таг, сын Материна, 189 Тюс, сын Атота, 200 Мазис, сын Холка, 209 Татюс, сын Агта, Анне, жена Агта, 215 Олгасис, сын Сагария, 216 Парма, дочь Каридея, 226 (?) Тигран, сын Гота, 227 Тисей и Акротис, сыновья Иксия, 229 Фиатак, сын Алдия. III в.: 244 Агафон, Анайя, сын и дочь Митрабата.

¹ Подразумеваем ольвийский каталог имен IOSPE I² 201 последней трети III в., сохранивший половину имен списочного состава граждан города. Уцелело всего 150 имен и патронимиков, и это репрезентативное число для характеристики антропонимикона граждан Ольвии. Представлено 135 аристократических имен, 42 теофорно-сакральных, 25 бытовых, что наглядно характеризует Ольвию как олигархический полис [Яйленко, 1990, с. 281 сл.].

² IV в.: КБН 19, 116 bis, 157, 160, 165, 166, 172, 176, 177, 190, 201, 220; подарочное граффито «Метриха Креусе» (см. прим. 4 на с. 108). III-II вв.: КБН 21, 24, 259, Граков, № 12, 14. В ольвийском каталоге при 50 лицах с аристократическим именем-патронимиком 15 персон имеют аристократическо-теофорное имя-отчество; всего у 5 лиц чистый теофорно-сакральный именник.

сочетания малоазийского ЛИ с туземным боспорским, это имена одного социального уровня.¹ Для наглядности сведем в таблицу и цифры по негреческим именам.

		Негреческие имена							
		Иранские	Персидские	Туземные +	«Детские»	Малоаз.	Фрак.	Македон.	Всего
IV-первая треть /		17	2	17	7	20	4	3	70
пол. III в.									
III-II вв.		6	4	8			2	1	21
В целом IV-II вв.		23	6	25	7	20	6	4	91
Totus		91							

Помимо резкого падения числа негреческих имен в III-II вв. (70 : 21), обратим внимание на количественное преобладание туземных, иранских и малоазийских ЛИ перед остальными негреческими именами. В первом периоде много малоазийских имен, во втором их вообще нет, это типичная для гастарбайтеров картина — они там, где есть деньги. Так как III-II вв. кризисные для Боспора, здесь нет малоазийцев, с Митридата Евпатора страна начнет подниматься и эмигранты из Анатолии появляются вновь. Отсутствие «детских» имен в III-II вв., пожалуй, свидетельствует о сокращении рождаемости в кризисное время (картина, знакомая по современной России).

Интересно сравнение пантикапейских данных с нимфейским списком граждан IIIa КБН 912 (см. о нем с. 487). Из 60 читаемых в нем имен-отчеств 36 аристократических, 12 теофорно-сакральных, 1 легендарное, 7 бытовых, 4 негреческих.² Такое соотношение имен отличается от пантикапейского сильным преобладанием аристократических имен, их существенно больше, чем остальных, вместе взятых (36 : 24). Такая избранность именника, во-первых, подтверждает атрибуцию этого каталога имен как списка граждан, во-вторых, указывает на олигархическое устройства полиса: в Нимфее «высокие» имена (49) почти пятикратно преобладают над «низкими» (11; в Ольвии шестикратное преобладание), тогда как в Пантикапее обе группы имен дают соотношение 2 : 1. Таким образом, сравнение пантикапейского и нимфейского именника подчеркивает демократизм столичного града — здесь проживал трудовой греческий люд и оседало варварское население царства, в основном, видимо, в качестве чернорабочих.

¹ КБН 222 Сария, жена Манеса, 227 Тией, сын Иксия (см. ниже, с. 141, 149).

² Теофорно-сакральные: стлб. 1 [Εστ]αῖος, 'Απατούριος bis, Σάτυρος, Διονύσιος, [Ἀπ]ολλῶς, стлб. 2 [Θεό]φιλος, 'Ηρακλείδης, Διόδωρος, Νουμήριος, 'Απολλώνιος, стлб. 3 'Ολυμπιόφιλος]. Мифологическое: стлб. 2 Πάραλος. Бытовые: стлб. 1 [Μοσ]χίων, стлб. 2 Μοσχίων, Τάττιον, Σωσίβιος, Χαλκιδεύς, 'Απίντας Γύλλου. Негреческие: стлб. 1 'Ακκας Θαβινος, стлб. 2 Θαβυτίων Θαυνος (см. ниже, с. 131, прим. 1, 139-140). Остальные имена аристократические.

ИСПРАЖНЕНИЕ В ХРАМЕ КАК КРАЙНИЙ СПОСОБ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТТОРЖЕНИЯ РЕЛИГИИ

Уникальная по содержанию надпись Va из святилища кабиров в Нимфее призывает не испражняться в храме (КБН 939, к лит. добавь [Худяк, 1955, с. 44/5; 1958, с. 88-93; Древний город Нимфей, с. 90]). Мы затронем два аспекта ее изучения — текстологию и культурологическое содержание. Чтение Худяка принято в КБН: μή χέσες ἱερόν «не испражняйся в святилище», однако оно грамматически сомнительно, ибо и *gen. loci* редок (кажется, он есть в манумиссии КБН 74, см. с. 395), и неточно утверждение комментатора, будто «написание флексии конъюнктива через ε (μή χέσες = μή χέσης) для V в. до н. э. закономерно», так как написание η через εἰ стало закономерным с IV в., причем εἰ не сокращалось [Buck, 1969, p. 36]. Камень показал нам, что вследствие плохой сохранности лицевого поля (известия!) оба текстологически сомнительных места должны быть прочитаны иначе. В глагольной флексии стояла эта, а не эпсилон, т. е. при μή читается закономерная конъюнктивная форма χέσης (о сокращении η в η в восточноионийском с VI в. [Buck, p. 35]). В последнем слове надписи на конце читается не ипсилон, дающий чтение редкого *gen. loci*, а ожидаемое N флексии аккузатива, т. е. ἱερόν (остаток буквы имеет форму «птички», т. е. V, с пологой правой черточкой), так что это не эпсилон, а N, по-архаически наклонная, левая гаста которой уничтожена выбоинной). Отсюда чтение надписи: μή χέσης ἱερόν «не загадь святилище» (χέζειν требует вин. падежа — Aristoph. Thesm. 570: τοῦτον χέσειν, Eccl. 372: οὐ τί που χέζεις и др.).

Параллели этой надписи указывают, что χέσης употреблено в прямом, а не переносном смысле, т. е. речь идет не том, что вообще нельзя загаживать святилище (как в предписании с родосской Перей: нельзя наносить вред теменосу, не жечь ничего [Frazier, Bean, p. 39-40]), а о том, что нельзя в нем испражняться. Так, на расписном коринфском арибалле раннего VI в. из Камира в виде сидящего силена процарапана надпись на лопатках его спины: χέζει ὄφου νάμα ἔχεται «испражняйся там, где есть текущая вода». На стене

¹ Это чтение Л. Джеффри [Jeffery, p. 349]. Первоиздатель Дж. Якопи ошибочно принял букву ψ родосского алфавита за ψи, поэтому его чтение и понимание надписи [Jacopi, p. 90] устарело. Последний исследователь надписи Р. Вахтер дал чтение χεῖ τεῖ ὄφου νάμα ἔχεται «мочись там, где есть текущая вода» [Wachter, p. 90/3]. Содерж-

коридора общественного туалета на агоре Эфеса некий поэт-эпик IV в. н. э. начертал 4 дактилических гекзаметра на темы гомеровских глосс: «Просеменя ногами, намахавшись руками, выругавшись от души и содрогнувшись всем телом, с детских лет обдываясь (χέζων), услаждай душу, брюхо же никогда пусть не беспокоит тебя, пришедшего под мою кровлю» (речь ведется от имени крытого сортира [Kokkinia, 2001, S. 179 f.]). Приведенные родосский и эфесский примеры имеют бытовой и шуточный контекст, в нимфейской же надписи все серьезно — некоторые посетители местного святилища испражнялись в нем, к ним и обращен призыв не делать это.

Испражнение в храме настолько необычно, что его нельзя объяснить на бытовой почве. Решение вопроса предоставляет уникальный пассаж из «Плутоса» Аристофана (стт. 1182/4) с той же ситуацией, что в Нимфее: жрец жалуется, что «нынче никто жертву вообще не приносит (в храм), никто, никто не приходит (εἰσερχεται), а вот чтоб испражниться (ἀποπατήσμενοι) — ходят даже больше, чем тысячи».¹ Пьеса поставлена в 388 г., а уже в сказанной в 399 г. речи против святотатца Андокида, участника низвержения герм в 415 г., Лисий (VI, 17) говорит о кощунствующих над отеческими святилищами во множественном числе. Процитированным текстом консервативный Аристофан порицает современные нравы: афиняне оставили духовное, божеское, они нынче материалисты (причину указывает название пьесы — «Богатство») и храм для них лишь место для испражнения. Последнее — не перифрастика, не описательное обозначение материализма афинян, так как εἰσερχεται с *part. fut. med.* ἀποπατήσμενοι выражает цель [Нидерле, с. 228]: «те, кто собирается извергать из желудка фекалии». Аристофан показал материализм афинян в его зримой физиологической форме, в его конкретности. Но почему «более чем тысячи» афинян избрали именно храмы для испражнения, если это можно сделать в любом другом месте? Полагаем, это была крайняя форма выражения продвинутыми современниками аттического комедиографа своего атеизма, демонстрация их отношения к реакционной роли религии в социально-политической жизни Афин второй пол. V-IV вв. В условиях Пелопоннесской войны и последовавшего за поражением в ней упадка демократического строя здесь шла упорная борьба за власть между несколькими крайними и умеренными группировками демократов и олигархов, причем одним из средств этой борьбы было обвинение в нечестии (ἀσέβεια), т. е. в преступлении против отеческих обычаев и верований. В целях борьбы против Перикла и его друзей был принят закон Диопифа: «привлекать к суду не почитающих божеские установления и рассуждающих о небесных явлениях» (Plut. Per. 32). Сам Перикл отплатил недругам той же

монетой, предложив употреблять против безбожников не только писанные законы, но и неписанные (Lys. VI, 10). Обвинения в святотатстве выдвигались против Фидия (Plut. Per. 31), Анаксагора (Ib. 32), Протагора (Diog. Laert. IX, 52), Сократа (Xen. Memor. I, 1, 1), Алкивиада (Thuc. VI, 28, 60, 61), Диагора Мелосского (Aristoph. Aves, 1072/4) и других продвинутых деятелей политической и культурной жизни Афин. Наказание за религиозное нечестие было крайним — казнь, в лучшем случае изгнание (источники [Виц-Маргулес, с. 34 сл.; Кессиди, с. 173 сл.; Рожанский, с. 228]). Когда некоторые афиняне хотели казнить без суда некоего мегарца за религиозное преступление, дед оратора Лисия предложил провести показательный процесс в качестве устрашения других (Lys. VI, 54).

Мировоззрение «новых» афинян формировала философия, породившая и вместившая все рациональное научное знание, они руководствовались реальными жизненными интересами, а не религиозными бреднями. Для них выступление против религиозных предрассудков было не фрондой, а жесткой борьбой за свободомыслие, ибо обвиненные в безбожии философы изгоняются из Афин или уезжают сами во избежание судебного преследования (за голову бежавшего Диагора назначили талант золотом), гермокопидов казнят. Жестокие меры консерваторов как раз и породили аристофановские тысячи испражнявшихся в храмах — это был резкий ответ на крайние меры преследования свободомыслящих людей, атеистов. Редкость посвятительных граффити в Афинах и на Боспоре показала преувеличенность наших представлений о религиозности древних греков [Яйленко, 2006, с. 399]. Поскольку свидетельства нимфейской надписи и Аристофана содержательно близки, одинаковы и породившие их причины. Стало быть, и в Нимфее V в. не только существовал атеизм, но и проявлялся он в такой же крайней форме, как в Афинах. Нелишне вспомнить в связи с этим об аттическом происхождении части нимфейцев [Ростовцев, 1918, с. 35 сл.; Жебелев, с. 180 сл.; Брашинский, 1963; Зинько, 1998, с. 28].

жание надписи, вероятно, связано с бытом владельцев арибалла, находившегося в помещении или во дворе, где кто-то из домочадцев мочился в неположенном месте.
¹ Согласно схолиям, значение глагола ἀποπατήν то же, что χέζειν и μύρειν равнозначны πολλοί, а εἰσερχεται подразумевает «входить в храм» [Beckius, p. 657; Dindorf, p. 385; Blaydes, 1886, p. 382; Holzinger, S. 320/1].

ПРЕВРАТНОЕ ОСВЕЩЕНИЕ БОСПОРСКОЙ АНТРОПОНИМИИ И ЭПИГРАФИКИ

Работы С. Р. Тохтасьева по антропонимике и эпиграфике Боспора ставят передо мною как читателем ряд вопросов: 1) степень надежности его анализа имен и выводов исторического плана отсюда, 2) адекватность понимания им боспорских личных имен и надписей, 3) виноваты ли резчики надписей и античные писатели в приписанных им ошибках, 4) приемлем ли *modus* его отношения к работам коллег. Необходимость ответа на эти вопросы назрела давно.¹

1. Малоазийские «Мертвые души» на Боспоре

Попытка Ю. Г. Виноградова и А. Н. Щеглова [1990, с. 313 сл., 322 сл.] поселить ольвиополитов в Зап. Крыму (критика [Яйленко, 2001a]) выглядит мелкой шалостью сравнительно с масштабными переселениями народов Боспора С. Р. Тохтасевым. На основании своей интерпретации антропонимии питейский Тиглатпаласар выселил с Боспора киммерийцев и фракийцев, заселив его малоазийцами да иудеями. Рассмотрим обоснованность этих манипуляций этносами на примере работы о малоазийских именах и малоазийцах V — первой пол. III в. до н. э. на Боспоре [Тохтасев, 2007].² На первый взгляд, статья производит внушительное впечатление тща-

ной отработкой каждого имени, однако при внимательном рассмотрении в ней выявляется больше спорного, неточного и ошибочного, нежели приемлемого. Из лапидарных надписей и граффити указанного времени он выделил 48 малоазийских личных имен (далее ЛИ); на основании полученного материала сделал ряд выводов исторического плана, прежде всего о значительной роли малоазийцев на Боспоре. Обратимся к его каталогу имен. На мой взгляд, число твердо малоазийских имен существенно меньше ввиду необходимого исключения: 1) Lallnamen интернационального, а отнюдь не малоазийского происхождения, 2) малодоказуемой анатолийской принадлежности имен ввиду наличия иных объяснений, 3) царских и персидских имен. Его методическая ошибка состоит в привлечении к числу малоазийских имен Lallnamen (имена, производные от детских слов типа наших *папа, мама, баба и пр.*). Он начинает статью с упрека Л. Згусте, что тот отделил их от малоазийских имен, в результате чего последних оказалось на Боспоре немного, и взялся исправить эту ошибку следующими средствами: «Как мы увидим, многие такие имена [Lallnamen — В. Я.] определяются как малоазийские не столько простым сопоставлением с соответствующими свидетельствами из Малой Азии, сколько контекстом надписей — сочетанием их с бесспорно малоазийскими именами ближайших родственников и/или концентрацией Lallnamen в одной надписи (особенно в семейных надгробиях)». Однако, на поверку оказывается, что из 44 надписей (№ 1-39 + 5 дополнительных с литерой *a* его каталога) «семейный» малоазийский контекст имеют всего 8 документов (№ 3, 5, 11, 13, 14, 18, 24 каталога), в остальных Lallnamen или твердо малоазийские имена употреблены вместе с греческими, иранскими или туземными боспорскими антропонимами (№ 2, 4, 6-8, 10, 12, 15, 16, 20-23, 25, 28, 31, 32, 35-39), либо это имена без контекста, изолированные.¹ Стало быть, основное его оружие — все то же «простое сопоставление с соответствующими свидетельствами из Малой Азии», он оперирует в основном Lallnamen при наличии их равно в Малой Азии и на Боспоре, в отличие от осторожного Згусте, который учитывал их интернациональный характер и приводил для сравнения не только анатолийский, но также греческий, иранский и прочий антропонимический материал. Это логичная позиция, не в пример беспочвенному убеждению С. Р. Тохтасьева, что концентрация Lallnamen служит указанием на их малоазийское происхождение. У разных народов различен узус детских имен — у греков как носителей высокоразвитой цивилизации их мало, у сравнительно малоразвитых анатолийцев их много; это показывает отсутствие детских имен в европейских странах нового времени (хотя дети по-прежнему произносят лепетные слова, см., к примеру [Иванова, 1992, с. 166 сл.]), но сохранение их в азиатских регионах. Города Боспора принадлежат к кругу греческой цивилизации, поэтому тут их меньше, чем в Анатолии, и это дезавуирует исходную позицию С. Р. Тох-

¹ Граффити в одно-два имя и разрушенные надписи № 1, 8, 9, 15a, 17, 17a, 19, 24a, 29, 33. Спорен или неясен контекст надписей № 26, 27, 30, 34.

¹ Разделы 1-4 данной статьи опубликованы [Яйленко, 2008, 2009], здесь дополнены и впервые публикуются вместе, но без раздела 4, так как нет нужды повторять его.

² Статья С. Р. Тохтасьева опубликована в ВДИ в разделе «Дискуссии и обсуждения» и мой отклик на нее предназначался для ВДИ с целью начать заявленную его редколлегией дискуссию. Однако ставший ныне главным редактором журнала А. И. Иванчик ради своих приятельских отношений с С. Р. Тохтасевым всячески препятствовал ее опубликованию, ввиду чего я передал ее в «Древности Боспора». Вместе с И. А. Левинской и тем же С. Р. Тохтасевым А. И. Иванчик препятствовал опубликованию крайне необходимого специалистам КБН-альбома посредством рассылки писем причастным к делу зарубежным центрам, в которых очернял его авторов [Гаврилов, Павличенко, Кейер, с. 163, 165] (при том, что никакого отношения к фотоальбому не имел). Ниже упоминаю в 3 случаях мнение В. А. Лившица по конкретным иранским фактам моей статьи из его отзыва на нее для ВДИ.

(*Ata*, **Attas*, **Atēs*, **Attēs*, **Atis*, **Atais*, **Attis*, **Attios*, **Attia*, **Atias*, **Atāeis*, **Ataios*, **Attivās*, **Atōūs*, **Attēos* и мн. *dp.*) с V–IV в., но в основном в римское время, в большом количестве представлены не только в М. Азии [Zgusta, 1964 § 119], но на Боспоре [Zgusta, 1955 § 596], в Греции [LGPN I, 94; II, 78/9], Египте [Preisigke, Sp. 63/5], Македонии, Фракии [Detschew, S. 8; LGPN IV, 57/9], Иллирии, Италии, европейских провинциях римской империи [Russu, 1969, p. 170/1; Holder, I, 250, 257 f.]. Примечательно, что в этих областях засвидетельствовано употребление и «детского» слова **at(t)-* «отец» *etc.*¹ Также в Сев. Причерноморье: ввиду того, что осетинский язык

ряд языков, участвуя в антропонимии — к примеру, восточнорусское *ата*, *атай* «отец, дядя», откуда др. рус. ЛИ Атай [Фасмер, I, с. 95; Веселовский, с. 16], араб. *âtâ*, ставшее ЛИ *Atâ* [СИМ, с. 293; Гафуров, 1987, с. 127]. Финно-угорские языки: фин. *ata* «отец», диал. *aita*, удмурт. *ата*, *атай* «отец», *адай*, *адей* «брат», морд. *атя*, *ате*, *атяй* «отец, дед, старик», хант. *ата*, венг. *atya* «отец», давшие ЛИ Адай, Адей, Атерь, Отяж, Ате-мас и др. [Абаев, 1958, с. 103; Надькин, с. 111; Бушмакин, с. 267; Цыганкин, с. 56]. Общетуंगусо-маньчжурское *ати* «старуха» [ТМС, с. 58]. Кавказские языки: чечен., ингуш. *да*, даргин. *ада*, кайтаг. диал. *атта*, адыг., кабард. *атэ*, *адэ*, адыг. *ты*, убых. *ты* — все «отец», «дед», кабард. *адэ*, *дышь*, адыг. *атэ*, *атышь* «родня замужней женщины или вдовы», авар. *ада* «бабушка» [Абаев, 1958, с. 103; Джаукян, с. 111, 161, 167; Шагиров, 1977, с. 56/7, 157/8]. Палеоазиатские языки: эскимос. *ата* «отец» с ЛИ Ата, Атата, нивх. *ытыка* «отец» [СИМ, с. 239, 351; Меновщиков, с. 53]. В древневосточных языках: *âteu* в Киликии (см. сл. прим.), хуррит., элам. *atta*, шумер. *ad* (< **ada*) «отец» [Дьяконов, 1967, с. 52, 97, 133; Севортян, 1974, с. 201]. Также баск. *aita* «отец», бирман. *ta* «сын» [СИМ, с. 79, 351; Pokorny, S. 71].

Широчайший ареал распространения лепетной основы *at(t)- и ее антропонимическая продуктивность снимают не только сомнение С. Р. Тохтасьева [с. 179] в принадлежности к ней имени 'Атоус (о морфологии которого см. ниже), но и его предположение о возможной связи его с анатолийскими ЛИ Tu, Өṽs / Tṽs. Во-первых, нет смысла звать, подобно Тохтасьеву, к случаям наставки протетического a-, если имени 'Атоус есть очевидные соответствия 'Ато *etc.*, во-вторых, предположения надо хоть как-то обосновывать. Например, t анатолийских языков передавалось в греческом не только через τ, δ, θ, но и через σ [Шеворошкин, 1965, с. 148], так что принадлежность имени 'Атоус к группе Tu, Өṽs / Tṽs подтверждалась бы формой 'Аоус *etc.*, причем и на Боспоре тоже. Присутствие таковой было бы хорошим аргументом в пользу мнения Тохтасьева, но ее нет, что указывает на бесполезность этого.

Малая Азия: хетт. *attaš* «отец»; ἄτειν (*acc. sg.* [LSJ, Suppl., s. *u.*, надпись из Киликии]) то ли анатолийского происхождения, то ли отражение хурритского *at-tai-* «отец». Греция: гомер. и общегреч. ἄττα «бабушка» (*Etym. magn.*, s. *u.* et alii). Греческий и фрако-фригийский ареал (*Strabo*, X, 15, 16): дионисийские обряды у греков сходны с фригийскими и поскольку фригийцы выселились из Фракии, очень возможно, что эти обряды перенесены из Фракии): возглас ὤης ἄττης вакхических шествий в Афинах в честь фрако-фригийского Диониса-Сабазия [Георгиев, 1960, с. 84], заимствованный из Фракии или Фригии (*Dem.* XVIII, 260), понимаемый также в качестве его прозвища — Ὑψ. Ἄττης (напр. [Westermann, Rosenberg, S. 164, *comm.*; LSJ, s. *u.*]). Иллирия, Италия: алб. *at* «отец», лат. *atta* у Фест. Германия: гот. *atta*

представляет собой продолжение одного из наречий скифского языка [Абаев, 1979, с. 275], преимущественно прилежащего к Боспору,¹ следует заключить, что осет. æda «батя, дедушка» было продолжением местного лепетного слова *at(t)-; боспорская локализация этого лепетного слова явствует и из того обстоятельства, что в Сев. Причерноморье абсолютное большинство ЛИ на At(t)- концентрируется на Боспоре, тогда как в Ольвии и Херсонесе единичные случаи.² Поскольку именно здесь было употребительно данное лепетное слово, боспорские ЛИ на At(t)- следует считать местными по происхождению.

2) Основную массу населения боспорских городов VI-V вв. составляли греки, в IV-III вв. к ним добавился также варварский слой [Масленников, 1981, с. 40, 46 сл.]. В Греции же представлены как «детское» слово *at(t)-, так и производные ЛИ: гомер. и общегреч. ἄττα, аттич. ἄττα «бабушка» (Eiym. magn.), ЛИ ἄττος, ἄττᾱς, ἄττινᾱς, ἄττος, ἄττω; есть оно уже в табличках микенского времени: a-ta = ἄττα, ἄττας [Scherer, S. 262]. Это означает, что часть «детских» ЛИ в боспорских городах с его эллинским в основном населением (абсолютное большинство этих ЛИ происходит именно из городов) имеет греческое происхождение. Далее, показательны сопутствующие

«отец» etc. Кельтские области (Галлия, Белгика, Реция, Паннония и др.): др. ирл. *athir* «отец», *aite* «воспитатель» [Delbrück, S. 449; Holder, I, Sp. 272].

¹ См. свидетельства об аланах [Vasmer, 1923, S. 27 f.].

2 [КБН, с. 856; Zgusta, 1955 § 596]. В осетинском озвончение иран. *t* в *d* после гласных в основном завершилось в позднеантичную эпоху, хотя глухой частично сохранялся [Абаев, 1979, с. 330/1], отсюда осет. *æda* «батьа, дедушка» (в ЛГ *Λδας* КБН 373, 650, 688, 744, I-IV вв. н. э. [Vasmer, S. 30]) при исходном лепетном слове **at(t)a* (осет. *æ* происходит из др. иран. *a* перед единичной согласной; преобладание ЛГ *Λδ(t)-* в ранне- и позднеантичное время — *Ατίας*, *Ἀτοῦς*, *Ἀττας*, *Ἀττης* — КБН, с. 856, показывает, что в скифских и сарматских наречиях Боспора иран. *-t-* в основном сохранялось). Поскольку изложенное показывает органичность связи осет. *æda* с позднебоспорским ЛГ *Λδας*, предпочтительно сближение М. Фасмера, а не мнение о заимствовании осетинского слова из тюркского *ata* [Абаев, 1958, с. 103], тем более, что в таком случае ожидалось бы сохраненное *t* источника, ср. нартовское имя *Batradz* < тюрко-монг. *batyr* «богатырь» [Абаев, 1990, с. 149]. ЛГ *Λδας*, *Λδα* имеют разное происхождение — анатолийское, иранское, фракийское [Zgusta, 1955 § 592; LGPN IV, р. 6–7]; на конкретно иранское происхождение имени *Λδας* указывает его представительность в боспорских надписях I-IV вв. н. э. (КБН 373, 650, 688, 744), когда резко возрос удельный вес иранских ЛГ (Л. Згуста включил ЛГ *Λδας*, *Λδα* в число не вполне достоверных иранских имен). Неясно происхождение ЛГ *Λδας* в граффито III в. до н. э. из нимфейского святилища, где оно числится среди династических спартокидских имен [Яйленко, 1995, с. 231], так как наличие *d* в иранском лепетном слове этого времени маловероятно (см. с. 355). Династические имена Спартокидов (список их [Завойкин, 2006, с. 259]) включают греческие ЛГ, иранские (Перисад, Камасария, Орхам), фракийское (Спарток), македонское (Селевк); скорее всего этот *Адас* не принадлежит к Спартокидам.

четырем Аттесам № 8-11 имена: все они греческие.¹ Наконец, мы обязаны исходить из того, что основной по численности слой имен в боспорских надписях V — первой пол. III вв. греческий (сотни против 48 малоазийских у С. Р. Тохтасьева, на самом деле дюжины), в силу чего при наличии параллелей боспорским именам в Анатолии и Греции намного предпочтительней греческое происхождение рассматриваемых «детских» ЛИ Боспора.

Приведенные обстоятельства указывают на местное греческое и иранское, а не малоазийское, происхождение не только имен 7, 7а, 8-11, но в силу общего характера нашей аргументации также остальных боспорских ЛИ, производных от лепетных слов. Одно лишь присутствие указанных имен в Анатолии, чем С. Р. Тохтасев пытается обосновать атрибуцию боспорских ЛИ 7, 7а, 8-11 как малоазийских, в свете изложенных обстоятельств ни о чем не говорит. Воспользуемся приемом из логики *reductio ad absurdum* — переведем в греческую графику ряд вышеупомянутых иноязычных ЛИ и сравним их с боспорскими: тюркские Ата, Атай, Атата, Ати, Атей, Атакай получат вид 'Ατάς (ср. 'Αττας КБН 77 и мн. др.), 'Αταῖος (ср. имя скифского царя 'Αταῖας, см. ниже), 'Ατατάς (ср. 'Ατοτής, 'Ατωτής КБН 170, 401), 'Ατίς, 'Ατεῖς (ср. 'Ατίας, 'Αττίας КБН 1179, 1286), 'Ατακάς (ср. 'Ατακής КБН 914), финно-угорские Адай, Адей, Атемас станут 'Αδαῖος, 'Αδειος (ср. 'Αδα, 'Αδας КБН 650, 744), 'Ατεмас (ср. 'Αταμας КБН 1143), эскимосские ЛИ Ата, Атата получат вид 'Ατάς (ср. 'Αττας, 'Αττασις КБН 77, 1099 и мн. др.), 'Ατάτας (ср. 'Ατοτής, 'Ατωτής КБН 170, 401) и т. д. Ввиду формального подобия боспорским ЛИ они ничем не уступают малоазийским параллелям в качестве возможного источника именам с Боспора, если подобно С. Р. Тохтасеву прибегать лишь к внешнему сходству.

Поскольку недостаточность данного основного его инструмента для установления анатолийского происхождения боспорских ЛИ очевидна, отметим, что для этого действенны такие приемы, как выявление в малоазийских и боспорских ЛИ суффиксации, свойственной именно анатолийским языкам и ЛИ (см. ниже), концентрация малоазийских ЛИ в пределах одной боспорской эпитафии (т. е. семейный именной), но обязательно с достоверно анатолийским именем. Так, имя Аттеса боспорской надписи 11 по соседству с анатолийским именем Κυ(λ)ιαῖς малоазийского происхождения; также в эпитафии 12 патроним Κυ(λ)ιαῖς хоть и стоит при греческом имени покойного, малоазийский, ибо в греческом антропонимиконе таковой не значится. Напротив, дифтонг -ου- в имени 'Ατοῦς — результат слияния -ο- исхода основы и окончания -ος, т. е. *'Ατο-ος > 'Ατοῦς.² По этой греческой фонети-

¹ В 9 окончание [-]ω также греческое, так как в этом списке имен все греческие, за исключением имени иранского аристократа Кабатакса, о котором см. ниже.

² Подчеркнем, что в малоазийском именнике ЛИ 'Ατοῦς твердо не зафиксировано, ибо приведенный С. Р. Тохтасевым единственный пример (клеймо из Синопы) вполне может быть греческим. Основу ατο- показывает и граффито 7а Ατο, которое Тохтасев счел «возможным сокращением имен Ατοῦς или Ατοτής», что исключено: гр. -ου имен на -ους появляется на Боспоре только в I в. [Доватур, с. 815/6], gen.

ческой черте имя 'Ατοῦς греческое, либо, принимая во внимание негреческий патронимик, туземное боспорское по происхождению, оформленное по-гречески, что органично для греко-варварского Боспора.¹

от 'Ατοτής, разумеется, Ατοτου, а не 'Ατο(υ). Ввиду того, что это граффито владельческое (написано на донце сосуда) и имена владельцев ставятся в gen. poss., это gen. 'Ατοῦ к nom. 'Ατοῦς (из *'Ατο-ος, как в распространенных боспорских именах типа Αγαθοῦς, gen. Αγαθοῦ). Основа at(t)- известна и с e-наращением: 'Αττής, 'Ατῆς, 'Ατῆς < 'Αττε-ας [LGPN IV, 57/9], gen. 'Αττεω (КБН 1056. I, 9; IVa). В связи с этой основой 'Ατε-можно поставить имя скифского царя 'Ατέας. Известны варианты этого царского имени и с основой Αα(i)-: монетная легенда 'Αταῖας и, кажется, надпись ΑΑΤΑΑ на серебряном кубке из Чертомлыка, в которой усматривают имя Атея и которая позволяет считать курган его могилой [Болтрик, Фиалко, с. 3 сл., ср. Алексеев, 2003, с. 268]. Первое Α формы ΑΑΤΑΑ — числовой дифферент перед именем владельца в gen. possessus = α ' 'Ατάα «1 (или одна), Атея» (nom. 'Ατάας). См. подробнее [Яйленко, 2007, с. 81]. Имя 'Ατέας связывают с иран. *hatya- (авест. haīua-, др. перс. haīua-) «истинный, правдивый» [Vasmer, S. 13; Абаев, 1979, с. 291], что также вероятно. Сказанное относится и к имени 'Αταῖς в ольвийском заклятии III в. [Dubois, p. 172], в основе которого С. Р. Тохтасев [1999, с. 192] усмотрел предположительно иран. *hāta-, но ничто не препятствует связи его с лепетной основой ата, как угадал Ю. Г. Виноградов [Vinogradov, 1997, S. 158].

¹ Суждения С. Р. Тохтасьева поверхностны не только в отношении боспорских ЛИ на At(t)-, но и имен на Ath- из Фракии, которым он тоже приписал малоазийское происхождение (адекватное изложение этого вопроса см. у К. Влахова [1976, с. 88–92]). Основанием ему [Тохтасев, 2007, с. 180, прим. 69] послужило то, что в римское время (замечу, не в V–III вв., как следовало бы) «даже в ее глубинных районах появляется много носителей малоазийских имен, см. Michailov [1978, p. 68–80]. Тацева-Нитова [1978, p. 81–93]». Однако названные статьи Г. Михайлова и М. Тачевой, по их признанию, представляли собой лишь пробный шар, постановку вопроса о малоазийских именах во Фракии. На самом деле в числе рассмотренных Михайловым ЛИ и именных гнезд анатолийскими являются лишь 2 (Ασω, Θεαδω), остальные «детские» (Ама, Апфа, Дида, Нана, Папос, Тата), вифинские ЛИ, которые стоят намного ближе к фракийским, нежели к анатолийским (Διλλης, Δοιδαλσος), семитское ЛИ Μαλχος, антропонимы разной этнолингвистической принадлежности (Δαρως, Κω/οτος, Σαλας, Σουσα). Такую статистику подтверждает и приведенный Михайловым список лиц с этниконами в надписях с территории Болгарии: 8 вифинцев, 6 сиро-финикийцев и всего 4 анатолийца! Поэтому утверждение С. Р. Тохтасьева о множестве малоазийцев во фракийском хинтерланде скорее почерпнуто из статьи М. Тачевой-Хитовой, и тоже напрасно. Я с глубоким уважением отношусь к ней и ее трудам, но данную работу к удачным не отнесу. Тут она [Тацева-Нитова, p. 81] и ее трудам, но данную работу к удачным не отнесу. Тут она [Тацева-Нитова, p. 81] написала о 300 именах малоазийских переселенцев в Нижней Мезии, но списка не дала, упомянув лишь 3 десятка ЛИ, куда зачислила «людей с греческими или римскими именами, распространенными в провинциях Малой Азии» (sic!), с «детскими» ЛИ Апфа, Ама, Мама, Аттас, Анни, Дала, Тата, Папа и подобными [p. 83/4], которые известны в самых разных регионах античного мира (разбор части их см. ниже). Словом, состав малоазийцев неправомерно расширен ею посредством сомнительных отождествлений; не без таковых и статья Михайлова (так, ЛИ Ιακταριανης он отнес к малоазийским потому, что в Анатолии есть имена, начинающиеся с Ια-!). Ввиду

Продолжим рассмотрение *Lallnamen*, образованных от других разновидностей основы *at(t)-. Оба имени пантикапейской эпитафии IV в. $\Theta\upsilon\varsigma$ Ατῶτες (5 = КБН 189) В. В. Латышев (и за ним С. Р. Тохтасьев) справедливо причислил к малоазийским, однако в отношении патронима Ατῶτης заметим, что он малоазийский не сам по себе, а по сочетанию с вифинско-пафлагонским ЛН $\Theta\upsilon\varsigma$. К имени 6 Ατῶτης пантикапейской эпитафии IV в. КБН 170 Тохтасьев привел соответствия из Ольвии (IOSPE I² 685) и М. Азии [Zgusta, 1964 § 123] в виде Ατῶτας , Ατῶτας . Однако Л. Згуста с основанием ввел боспорское имя Ατῶτης в число производных от *Kinder*-основы *at(t)- [Zgusta, 1955, S. 298]. По существу это удвоенное *ata*, т. е. *ata-ata,¹ срединное -aa- которого могло по слиянию дать в случае своей иранской природы -a- или -ā-,² одинаково передававшиеся в греческом письме через *омегу* и *омикрон* [Ib. § 142, 150, 347–350]. Такое объяснение вскрывает иранское происхождение ЛН Ατῶτης , * Ατῶτης , так что колебание ω-ο обязано тут скорее не фонетике греческого языка, как счел С. Р. Тохтасьев, а передаче иранских звуков в греческом. «Детский» характер имени *Атот* указывает на местное происхождение его как в М. Азии, так и на Боспоре; также в Ольвии — у сына ольвийского *Атота* туземное имя $\Theta\alpha\beta\upsilon\varsigma$.³ ЛН *Атот* есть и в мессапско-иллирийском антропонимиконе (Αρτος Ατῶτιος [Scherer, S. 261]), в Греции (* $\text{Ατῶτος ἐπὶ Φεῖῃ Ἀργείος}$).⁴ Анатолийскому характеру этого ЛН противоречит и патронимик боспорского *Атота* 6 (= КБН 170). В КБН эпитафия дана по Латышеву: Ατῶτης Ἀνοβριῶς , я после осмотра камня вычитал патронимик * Αν<ο>θῆν[ο]ς , Тохтасьев — 6 Ανοβῆν[ο]ς , *nom.* * Ανοβῆτης , и счел это имя «по-видимому, тоже малоазийским». Основанием для его предположения послужили ни много, ни мало анатолийские имена с окончанием -αῖτης (Καν-αῖτης и подобные, *sic!*),

изложенного апелляция С. Р. Тохтасьева к данным статьям Михайлова и Тачевой напрасна вследствие некритичного подхода к их материалам.

¹ Редупликация — важнейший источник образования лепетных слов [Иванова, 1992, с. 171]. Таковы ЛН *Nana*, *Baba*, *Mama* и *ph.*, с начальным А- те же имена *Anna*, *Abab*, *Amma* и т. д.

² Как, например, в парф. *abārig* «другой» из иран. **upa-ardaka* [Расторгуева, Молчанова, с. 162].

³ Оно близко боспорским именам $\Theta\alpha\beta\epsilon\iota\varsigma$, $\Theta\alpha\beta\omega\nu$, $\Theta\alpha\beta\upsilon\tau\tau\iota\omega\nu$ КБН 678, 812, которые с рядом других ЛН на $\Theta\alpha$ - образуют группу необъясненных имен [Zgusta, 1955 § 642–650], следовательно, туземных, что подчеркивает туземное же происхождение имен боспорского и ольвийского *Атота* (комм. к КБН 678: Крюгер сопоставил жен. ЛН $\Theta\alpha\beta\epsilon\iota\varsigma$ с $\Theta\alpha\beta\eta\varsigma$, $\Theta\alpha\beta\eta\varsigma$ из Египта; Тохтасьев [20076, с. 104] поддержал это, однако ввиду указанного гнезда боспорских имен на $\Theta\alpha\beta$ - это мнение малообоснованно). Наличие имени Ατῶτης и в Херсонесе (IOSPE I² 712, IV–III в.) также подсказывает местную природу имени.

⁴ DGE, 80/3, V в. А. Шерер, по инерции считая имя *Атот* малоазийским, увидел в этом аргосце малоазийского переселенца, приведя в доказательство аттическую надпись IV в. $\text{Ατῶτας μεταλλεύς Παφλαγών}$ [Scherer, S. 261] (это повторил Тохтасьев). Данный аргумент мало состоятелен ввиду широкого ареала распространения имени *Атот*.

что воспринимается только в качестве шутки (чего сам Тохтасьев не осознает, так как подобный прием у него нередок). Ввиду отсутствия соответствий считать имя * Ανοβῆτης (в моем чтении * Ανθῆτης) малоазийским вовсе нет оснований, это греческое имя, если принять мою конъектуру (ниже, с. 545), либо туземное боспорское ввиду его уникальности.

Итак, Ατῶτης КБН 170 не малоазийское, а местное *Lallname*. Имя-патронимик этой надписи * $\text{Ατῶτης Ἀν<ο>θῆν[ο]ς}$, если счесть патроним тоже туземным, соответственны эпитафии КБН 1061 * Ατοῦς Ἀταχαιῶ , имя которой, как мы только что выяснили, принадлежит к местной *at(t)- основе, а отчество содержит ее же в сочетании с туземной основой $\chi\alpha\iota\text{-}\omega\varsigma$.¹ На такое разделение патронима указывает распространенный в антропонимике разных народов прошлого и нового времени обычай употребления одной и той же основы или оформления ее в имени — отчестве или в двойном-тройном имени (так называемое рифмование, например, в тюркской антропонимике [Шакуров, 1980; Шатинова, 1980; Петров, 1984, с. 63/4]), который хорошо представлен и на Боспоре.² Соответственно, имя и патроним * Ατοῦς Ἀταχαιῶ содержат общий элемент *ата*-, т. е. оба включают данную *Lall*-основу. Поскольку выше мы выяснили, что лепетное слово *at(t)a- употреблялось в языке иранцев Боспора, основу $\chi\alpha\iota\text{-}\omega\varsigma$ также можно счесть иранской.³

¹ Здесь окончание -ω — эолийский *gen.* имен на -ο-, но присутствие его в эпитафии КБН 1061 обязано не выходу из малоазийской Эолии, а давнему участию эолийцев вместе с ионийцами в основании Гермонассы (Απ. Βιθ. 62), так что *Ατῶς*, сын *Атахая*, гермонасит, может быть, потомок эолийских колонистов (см. с. 186). С. Р. Тохтасьев [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 39–40] полагал, что это может быть и ионийский род. падеж, *cf.* [Thumb, Scherer, S. 255]. Однако, во-первых, требуемая для этого форма номинатива * Ἀταχαιῆς вовсе не единственно возможная (могут быть * Ἀταχαιός и *др.*), во-вторых, нет оснований считать боспорское иранское ЛН * Ἀταχαιῆς склоняющимся не по обычному типу имен на -ς-, а по их редкому варианту — по типу *masc.* имен на -α-. Отсюда заключаем, что * Ἀταχαιῶ — эолийский *gen.* имен на -ο-.

² Существо рифмования заключается в том, что ребенку подбирается имя, созвучное именам родителей или излюбленным родовым именам, либо созвучные особо почитаемому в семье божеству. На Боспоре рифмование широко представлено равно в греческих и местных ЛН: $\text{Ξενῶ, Ξενοπέιθης, Ξενοδῆμος}$ семейной эпитафии КБН 214, * $\text{Ἀντίδωρος Ἠροδῶρον}$ (общий элемент -δωρος, КБН 1137), * $\text{Ἀπολλοφάνης Ἀπολλωνίου}$ (базовый элемент * Ἀπολλο- , КБН 161), $\text{Φαρνάκης Φαρνακίωνος}$ (и наоборот, КБН 294, 1179), $\text{Ρευσίναλος Παρισάδου, Παρισαλοῦς Ταρουλοῦ}$ (созвучие -αλο-, КБН 481, 482) и *мн. др.*

³ Тохтасьев резонно привел в качестве соответствий второй части имени * Ἀταχαιῶς иранские ЛН *Arta-xaya*, *Baga-xaya* [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 39]. Принимая первую основу за *ата*- «отец» (ввиду переключки основ *ато*- / *ата*- в имени-патронимике * Ατοῦς Ἀταχαιῶ), ЛН * Ἀταχαιῶς можно понимать и как **Атахая* «Отцова мудрость», подобно *др. иран.* ЛН *Bagaxaya* «Господня мудрость» [Hinz, S. 56] (В. А. Лившиц считает мнение В. Хинца ошибочным и сближает это ЛН с осет. *хъ* «часть, доля; отрезок, кусок», согд. *ху-/хау-* «отделяться, покидать, уходить»).

Имя 15 Tatus (текст надписи на с. 133 в прим.) Тохтасев счел малоазийским ввиду многих имен на Tat- в Анатолии [Zgusta, 1964 § 1517], причем полного соответствия нет. Между тем немало подобных имен есть и у других народов, они происходят от широко распространенной Lall-основы *ta(t)- «отец» etc. (это удвоенная разновидность рассмотренной основы *at(t)-, именно *(a)ta-).¹ В греческом языке это тэтта (Гомер), *тата (voc. тата, Anth. Pal. VI, 67), tati — фамильярное обращение раба к хозяйке (у грамматика Пр Геродиана: V, 69), от них образованы ЛИ, известные с IV в. — fem. Tāta, Tāti(v), Tātiov, Tātia, Tātāriov, masc. Tātias, Tātianōs и др. [Bechtel, 1902, S. 66; Zgusta, 1955, S. 305; LGPN I, 428; II, 423]. В Иллирии, Италии и обширных кельтских областях от Галлии до Балкан широко распространены такие ЛИ: вождь сабинян Tātius, его дочь Tātia, fem. Tatta, Tata, Tat(ta)ia, masc. Tato, Tatio; в Македонии и Фракии I–IV вв. н. э. masc. Tātas, Tātēs, Tātos, Tātavōs, Tato, Tatouporis, fem. Tātia, Tātis, Tātēis, Tātīvia, Tātianē; в Египте с I в. н. э. известны имена Tātia, Tātios [Preisigke, Sp. 420; Detschew, S. 494; Holder, II, 1751/3; Russu, 1969, p. 252/3; LGPN IV, 328; Syll.³ 899]. Эти много-

¹ Индоевропейские языки, основа *tata-, *teta- «отец» etc.: др. инд. tata «отец», tāta — обращение отца к сыну (Ригведа; ЛИ Tata, Tāta), алб. tatë, лат. tata «отец» (в детском языке), валлийск. tad, корн. tat «отец», бретон. tat, tad, др. прус. thetis «дед», лит. tėtis «отец», tetà «тетя», иллирийское ЛИ Tato; германские языки: tat «отец», норв. taate «соска»; сюда относятся также германские основы с i, u: швед. titta «пожилая женщина», др. в. нем. tut(t)a «сосок груди» etc., ЛИ masc. Totila = Attila, Tatto, Tato, Tado, Datto, Dattus, Taato, Tati, Tata etc., fem. Teta, Teda, Deda, Tetta, Tette etc., хет. tata, лув. tati «отец» [Förstemann, Sp. 131, 1143/7; Macdonell, Keith, I, 298, 306; Buck, 1949, p. 94; Pokorny, S. 1056; Holder, II, 1751; Vlahov, S. 43; Kaufmann, S. 340]. Общеиран. *tata- «отец», ЛИ *Tāta- [Грантовский, с. 217, ср. Hinz, S. 235; Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 278]. Общеславянское *tata, в том числе др. рус. та-та, тятя, фамилия Тятин, 1610 г. [Трубачев, 1959, с. 23/4; Фасмер, IV, с. 26, 141; Веселовский, с. 330]; точное фонетическое подобие боспорскому имени Tatus дает украинское тату. В славянских, иранских, тюркских, кавказских и др. языках распространен также звонкий вариант: общеиндоевропейское *dhē-, редуплицированное *dhē-dh(ē)-: гр. θεῖος «дядя», θεία «тетя», τήθη «бабушка», итал. венет. deda «тетя» (?), гр. τήης «тетя» (сюда теоним Θεῖς), иллир. deda «кормилица», лит. dėdė «дядя», др. н. нем. deite, teite, швейц. dāddi «отец»; праславянское *dada (в том числе др. русск. дядя, также ЛИ Дядя и прозвище Дядин, с XIII в. [Тупиков, с. 142; Pokorny, S. 235; Трубачев, 1959, с. 21; Веселовский, с. 106; ЭССЯ, 1977, с. 181/2]); общетюркская основа *dā-de. *дидей «отец, дед, дядя» и др. (тур. dede «дед», татар. тәти, тәтәй «старшая сестра», уйгур. диал. dāda «дед» при тәтәй «тетя» и мн. др.), в том числе общетюркские ЛИ Дада, Дадабай, узбек. Дадахан, чуваш. Тетей, Тетий, Теткай, Теткей, при чуваш. диал. тете «старший брат» [Магницкий, с. 81; Егоров, 1964, с. 243; Севортян, 1980, с. 212/3; Гафуров, 1987, с. 142]; кавказские языки: авар. dada «тетя», агул. dad, вайнах. dad, dada, кабард. dadā, убых., абхаз. dad «дедушка» etc.; со значением «мать» в картвельских языках: *deda- (груз. deda), абхазо-адыгских (абх. вокатив di!, dia!), нахско-дагестанских (лак. дада, лезг. диде, хинал. дедде) [Абаев, 1958, с. 341; Климов, с. 71/2; Джаукян, с. 104; ЭССЯ, 1977, с. 181/2]. Глухой и звонкий варианты в урартских ЛИ Tata, Tātia, Dada. Об иранских ЛИ см. ниже.

численные параллели не дают преимущества малоазийскому источнику для боспорских имен Tātia, Tātīov, Tatus (КБН 209, 290, 912). Ввиду наличия их в греческом ономастиконе и по причине преобладания греческого населения в боспорских городах они греческие. На это указывает также греческое отчество Татии эпитафии I в. КБН 290 (Tātia Nikiou) и чисто греческое окружение ЛИ Tattīov в нимфейском списке имен III в. (15a = КБН 912, стб. 2. 5: [--]κράτης Tattīovos).¹ Исход -us имени Tatus свойствен как греческим ЛИ — Hδύς, Σταχύς etc., так и варварским — Βάβυς, Γόρδύς etc. [Hansen, 1958, S. 298/9, 306, 309-310]. На образование формы Tatus могло повлиять созвучное греческое ЛИ *Atus, известное в Афинах с V в. [LGPN II, 79]. Имена на Tat- редки на Боспоре, их всего 3 (при 3 носителях) от IV–I вв. Это связано с тем, что у здешних иранцев ЛИ от основы *ta(t)- известны в озвонченном виде, в том числе в скифо-сарматских, т. е. dad- (Lall-основа *ta(t)- распространена и в иранских языках).² На Боспоре она представлена популярным в первых веках н. э. ЛИ Dādas, также Dādos, Dadoys (КБН, с. 861), звонкость согласного указывает на их аланскую принадлежность.³

Продолжим рассмотрение Lallnamen. С. Р. Тохтасев отнес к числу малоазийских ЛИ Λιιη 15, 20 и Λιαη 21.⁴ Обоснование все то же — малоазий-

¹ Нимфейский список граждан КБН 912 отличается полной чистотой греческого ономастикона — при 60 именах и патронимиках негреческое имя-отчество, наряду с Аккасом Табоновым, еще лишь одно — Θαβιττίων Θαυνος (стб. 2. 13).

² Перс. dādū «дядька», dāde «дедушка», «нянька», dado «старая служанка, няня», тадж. dada, dodo «отец», талыш. dādæ «мать», осет. dada, dādæ «дедушка, батя», памирские языки: шугн. dād, dōd «отец», язгул. ded «отец», вахан. tat, мунджан. tōt «тетя», отсюда ЛИ тадж. Dadāgān «душа дедушки», Dadāxān «дедушка хан» и др. [Абаев, 1958, с. 341; Козырева, с. 233; Гафуров, 1987, с. 162; Расторгуева, Эдельман, 2003, с. 278]. Их звонкий согласный развился из первоначального глухого, на что указывает др. инд. tatā «отец, сын» (таково в целом отражение иран. *t > *d при гласной в восточноиранских языках, в том числе скифо-сарматских, тогда как ир. *d в основном перешло в *δ и далее [Эдельман, с. 162/6, 168-171]). Производные иранские ЛИ: Dadi — владыка Хубушкин, области в долине реки Бохтан, в надписи Салманасара II; Dādāktēs — персидский военачальник в Саламинской битве (Aesch. Persae, 304); Dadoūchos — перс (Xen. Cyr. VI, 3, 29) [Justi, S. 75]. С Dādāktēs сопоставлялись скифо-сарматские ЛИ из Ольвии Дадакос, Дадаγос, осет. Dadāg (лит. и иные трактовки [Zgusta, 1955 § 99; Schmitt, 1978, S. 37]). ЛИ voc. Dadoūche: рукописи хА, G — dādoūche, рук. yV, H — dāoūche [Gemoll, 1912, l. c.; Delebecque, p. 34]. Единственно возможное понимание цитированного места «Киропедии» — как ЛИ, поскольку по контексту отдаются распоряжения начальникам, а параграфы 29 и 30 начинаются одинаковым обращением к ним: Σὺ δ', ὦ dāoūche / dādoūche (29), Σὺ δ', ὦ Καρδοῦche (30). Ср. также урартское ЛИ Dada.

³ ЛИ Dāda, Dādas, Dādov, Dādavos в Греции [Zgusta, 1955, S. 302; LGPN I, 112; II, 98], фракийские — masc. Dādas, Dada, Dades, fem. Dāda, Dada [Detschew, S. 110].

⁴ Надпись 15 см. на с. 133. 20^a Λιιη Θεοδότο — КБН 158, Пант., согласно Тохтасеву, «ок. середины IV в.»; датировка издателей КБН («не позже IV в.») слишком общая, так как по графеме ο = ου (см. с. 24) это эпитафия первой пол. IV в. 21 Λύσιππος Μιθραβатов, Λιαη Μιθραβатов — КБН 245, Пант., издатели КБН датиро-

ские параллели [Zgusta, 1964 § 62 и др.], что выказывает лишь скудость его аргументационной базы, ибо Л. Згуста дал исчерпывающую справку по этому вопросу: *Anna — греческая форма еврейского ЛИ Hannāh, примеры из Малой Азии подразумевают либо его же, либо принадлежат к группе местных Kindernamen, что относится и к *Αννη КБН 158, 209, Ανελη КБН 892; сходство имен с Боспора и из М. Азии примечательно, однако нет оснований выводить боспорские имена из Анатолии ввиду их принадлежности к «детскому» антропонимикону [Zgusta, 1955 § 594]. Действительно, лепетная основа *an(a)-, ее расширенный вариант *ann(a)- и удвоенный *nana- имеют повсеместное распространение с древности поныне.¹ В греческом основа

вали надпись первой пол. III в., Тохтасьев второй пол. IV в. (без аргументации). В целом эта эпитафия близка по письму надписям КБН 14, 17, которые датированы издателями корпуса соответственно второй пол. IV в. и концом IV — началом III в. Для письма эпитафии КБН 245 особенно характерны крошечные *омикрон*, головка Р, петельки В, которые не касаются друг друга, что является элементом сильной декоративизации, уходящей в эллинизм и римское время и что заставляет меня поддержать датировку издателей КБН. С. Р. Тохтасьев плохо различает надписи IV и III веков: *defixio* с минускульным письмом он отнес к концу IV в. [Тохтасьев, 2007а, с. 48/9], тогда как памятники такого рода следует соотносить с датированными папирусами. Сравнение показывает близость письма *defixio* к документу Зенонова архива 241 г. [Seider, S. 241] — формы всех букв те же, они лишь теснее прижаты друг к другу (ср. иное по характеру письмо папируса конца IV в. [Ib. S. 142]).

¹ Индоевропейская основа *an-, обозначение мужских и женских предков: арм. han «бабушка», иллир. ЛИ *Ana, *Aniāla, Annaeus, Anna, Annaea, Annea, Annia, Annus, Annula, Annula, мессап., иллир. ана = *pōtia* «госпожа», лат. анна «приемная мать», *anus* «старуха», имя итальянской богини Анна Perenna, сюда также часть ЛИ, связываемых В. Шульце с этрусским *aneī* неизвестного значения — Annaeus, Anneus, Anneius, Annaus, Annao, Anna, Annenus [Schulze, S. 345/6, 478]; др. в. нем. *ano* «дед», *ana* «бабушка», ЛИ с VIII в. *masc.* Anna, Anno, *fem.* Anna, Ana, Annice, Annalo, Anila *etc.*, древнеисл. ЛИ Ali (< *anilo), англосакс. Anela, др. в. нем. Anelo; прусск. *ane* «старая мать», литов. *anūta* «теща, свекровь», общеслав. *an-*, *anna-*, хет. *annaš* «мать», *hannaš* «бабушка», лик. *χίπα* «бабушка», лув. *anpi*, арм. *aner* «отец жены»; параллельное индоевропейское «детское» слово *am(m)a, *amī* «мать» *etc.* (см. ниже) [Förstemann, Sp. 81/3; Pokorny, S. 36/7; Трубачев, 1959, с. 33, 68; Russu, 1969, p. 166/7; Kaufmann, S. 33; Гамкрелидзе, Иванов, с. 766]. Общеиран. *anā «бабушка», мама: осет. *æna*, *пашто* *anā*, язг. *pān*, тадж. *ана*, тадж. ЛИ Ана, Кумриана [Абаев, 1958, с. 148; Гафуров, 1970, с. 281; 1987, с. 125; Расторгуева, Эдельман, 2000, с. 164] (по В. А. Лившицу, это заимствования из тюркского). Общетюркское *ана «мать», уже в древнетюркском, часто с удвоением в отдельных языках, как в чув. *anne* «мать», татар. *ānnā*, тур. *anne*, а также с развитием значений — теща, свекровь, тетя, бабушка, женщина и *пр.* [Покровская, с. 22 сл.; Егоров, 1964, с. 28; Севортян, 1974, с. 278-281; СИГТЯ, 2006, с. 541], отсюда ЛИ, к примеру, общетюрк. Ана, чуваш. Аника, Аниха, Аниша, Анкей, татар. *Ониэ* при *ониэ* «бабушка по отцу», Ани при *ани* «мать», азерб. Анакыыз (= «мать-дочка») [Магницкий, с. 28; Саттаров, с. 55-56; Садыхов, с. 229; Гафуров, 1987, с. 125]. Финно-угорские языки: венг. *ануа* «мать», хант., манси *ана* «мать», удмурт *анай* «мать». Кавказские языки: кабард. *анэ*, абхг. *ны* «мать», черкес. *анне*, даргин.

*an(n)a- представлена лишь глоссой Гесихия: *ἀνίς* «мать матери или отца». Производные от этого слова греческие ЛИ — *Anna, *Αννίχη, *Ανναῖος — известны с IV в., в основном употреблялись в римское время [LGPN I, 42; II, 33]. Во Фракии производные имена встречаются с рубежа эр — *Αννη, *Αννιον, *Αννώ, *Ανναιός [LGPN IV, 27] и скорее всего занесены мигрантами в пределах римской империи. Напротив, на Боспоре основа *an(a)- хорошо представлена с IV в. и в чистом виде (*Αναη КБН 245, см. ниже), и в своих разновидностях: в расширенном варианте *ann(a)- (*Αννα, *Αννιον, *Αννισσ, *Αννελι, *Ανελι КБН 158, 209, 340, 575, 891, 892) и в удвоенном варианте *nana- (Νάνα, Νάνεις КБН 209, 225, 285, 380).² Такая продуктивность основы *an(a)- и длительность ее развития не может объясняться экспортом из-за рубежа — это местное антропонимическое гнездо.

С. Р. Тохтасьев отнес к числу малоазийских ЛИ Νάνα, Νά (№ 14-18), основывая все то же — наличие их в Малой Азии.³ Между тем Kinder-основа *nana и производные ЛИ имеются в различных языках древности и нового

анна, чечен. *на*; хуррит. *амта* «мать» [Абаев, 1958, с. 148; Дьяконов, с. 133; Шагиров, 1977, с. 61]. Тунгусо-маньчжурские языки: тунг. *ене*, ульч. *ене* «мать». Др. корейск. *ана* «жена», тибет. *а-пе* «сестра отца, жена, женщина», араб. *āna* «мать» (в композициях), тоба-батакский язык на Суматре *наи* «мать», в индонезийских языках *попа* «барышня», *пуопуа* «госпожа», коряк. *нав*, *изв*, в композитах *-на*, *-из* «женщина», эским. *наик* «сестра» [СИМ, с. 132, 181, 351]. Детские основы *ata и *apa (*ama) составляют парные сочетания, обозначая соответственно отца и мать, родственников мужского и женского пола: прусск. Thetis Ane, хетт. *attuš annuš*, нивх. *ытыка ымыка*, все «отец» — «мать», удмурт. *атай анай* «родители, отец с матерью», др. тюрк. *ата* — *ана* «родители, отец с матерью», чуваш. *атте ание* «отцы» — «матери».

¹ Реликтовый характер этого «детского» слова можно объяснить вытеснением его другой, близкой по происхождению и смыслу основой *amm(a), которая вполне отразилась в греческой антропонимике: *Αμαία* — прозвище Деметры, *Αμμάς* — прозвище Артемиды, Деметры, Кибелы *etc.* [PB, 69, 75]. Подобное произошло, к примеру, в чувашском языке — употребительная в прошлом основа *ама* «мать, самка» в новое время вытеснена другим лепетным словом *ана* «мать» [Егоров, 1964, с. 25].

² Генетическая связь основ *nana- и *an(n)a- вполне выявляется в двух именах одного малоазийского божества — Nannakos и Annakos [Gruppe, S. 444, 1548].

³ 14 Τιβης ὁ υἱός, Νάνα Τιβείο γυνή (КБН 225, Пант. IVa). 15 Νάνα : Νικοράχου γυνή : Τάτος : "Αττεω, *Αννη Τάτος γυνή — КБН 209, Пант. ; датируется надписью не первой пол. IV в., как счел Тохтасьев, а второй половиной века, как правильно датировали издатели КБН, на что указывают, во-первых, флексия *gen.* -ου (см. с. 25) в Νικοράχου, во-вторых, сходство письма с посвящением КБН 14 (формы *сигмы*, *ню*, *каппы* и других букв, в особенности мелкий *омикрон*); в стк. 3 читаю по камню Τάτος : γυνή. 16 Νάνα, какά 'Ονήσω ΐε (= ΐει) (наговор с мыса Зюк, IV в. [Масленников, 1987, с. 50, № 33; Яйленко, 2005, с. 483; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 128]. 17, 17a *gen.* Νανᾶτος и Νανᾶδος — владельческие граффити на чернолаковых сосудах IV в. из Пантикапея [Толстой, 1953, 210, 224]. 18 Σ(?)αρια Μάν[ε]ω γυνή, Νά Μάνεω (Θ)νυάτη[ρ] (КБН 222, Пант. IVa). Бесспорно малоазийские имена Μάνης 18 (КБН 222) и Μανίς 19 (Μανίς 'Ηρακλεί ΚБН 16, Пант. IVa).

временн.¹ В греческом языке основа представлена множеством разновидностей: *πάνα* «тетя по материнской или отцовской линии», *πάνας* «дядя по матери или отцу», *πάνη* «тетя по матери», *πένιος* «брат матери или отца», «дядя», «отец матери», *πάνη* «бабушка», *πένιος* «отец» и ряд других глосс.² Отсюда разнообразие производных форм в греческой антропонимике — *Νάνα*, *Νάνιον*, *Ναννάριον*, *Ναννίω*, *Ναννίον* и пр., известны они с VII в. — у Алкмана (fr. 23, 70) была подруга по имени *Ναννίω*, также у Мимнерма (fr. 1 Diehl), созвездие гетер с этими именами обреталось в VI-IV вв. в Аттике, Лариссе и других городах Греции (Athen. XIII, 558c, 568f, 576c, 587a, d, e, 597c) [Hirzel, S. 71, 74, 77/8; Bechtel, 1902, S. 66, 116; Dubois, p. 179-180, с лит.]. Херсонесские надписи содержат целый букет подобных имен и все они, по мнению С. Р. Тохтасьева [1997, с. 386], привнесены из М. Азии. Однако он напрасно не заинтересовался антропонимическим контекстом херсонесских надписей — имена *Νάνω* и *Νάνα* сопровождаются исключительно греческими ЛИ,

¹ Образование формы *папа* в результате удвоения основы *апа* хорошо просматривается на примере тюркских языков, в которых чуваш. *anne*, татар. *ännä*, турецк. *anne* «мать» происходят от общетюрк. *апа* «мать» [СИГТЯ, 2006, с. 541]. Индоевропейские языки, основа **папа*, **пеп*: др. инд. *panā* «мать», алб. *panë*, *pene* «мать», позднелат. *popnus*, *popna* «монах, монашка, опекун ребенка», но ЛИ античного времени — *Nannius*, *Nannius* (имя с отчеством), также *Ninnius*, *Naneus*, *Nanneius* — указывают на обычные значения «мать» etc.; валлийск. *pain* (< **pani*) «бабушка»; германские языки: *panne* «отец» etc., ЛИ с VIII в. *fem. Nanna*, *Nannicha* etc.; общеславянское *папа* «мать», *пап* «отец»: рус. *няня*, в диалектах также «старшая сестра», болг. *нана* «мать, тетя, старший брат», *нени* «старики», *неня* «сестра матери», сербо-хорв. *нана* «мать»; в иранских языках: осет. *папа* «бабушка, матушка», новоперс. *папа* «мать», белудж. *папа* «дедушка», *пап* «бабушка», шугн. *пап*, вахан., язгул. *pāp* «мать»; отсюда ЛИ *Nan(n)a* в кельтском и иранском ареалах, включая кушанский теоним *Нано*, илл. *Nanea* [Forstemann, Sp. 949; Delbrück, S. 451; Justi, S. 220; Schulze, S. 424, 426; Macdonell, Keith, I, 434; Писарчик, с. 182; Тревер, 1958, с. 137; Трубаев, 1959, с. 28, 33; Pokorny, S. 754; Holder, II, 682; Russu, 1969, p. 227; Абаев, 1973, с. 155; Козырева, с. 233; Иванова, 1992, с. 166/7; Расторгуева, Эдельман, 2000, с. 164; Фасмер, III, с. 94; ЭССЯ, 1995, с. 196/8]. Кавказские языки: лак. *pīpu*, рутул. *pīp*, чечен. *папа*, абх. *пап* «мать»; общекартвел. **папа* «мама»: груз. *папа* «колыбельная песня», *пеп*, *пепе*, метрел. *чан*, *папа* [Климов, с. 146; Абаев, 1973, с. 155], с ЛИ *Nana*, *Nani*, *Nina*, *Nino* общекавказского узуса. Финно-угорские: фин., карел. *pāni*, *pānā* «сосок груди», венг. *pēni* «старушка, тетя», саам. *pāno* «женщина» и др. Тюркские языки: чуваш. *anne*, татар. *ännä*, турецк. *anne* «мать», пример ЛИ — татар. *Нәнэй* от *нәнэй* «мать» (ср. ЛИ *Нюня*, *Нюню*, образованные от *нюня*, *нюню* «старший брат») [Бушмакин, с. 267]. У атрусков был герой *Nanos* (*Nanas*), родственник пеласгам и отождествлявшийся с Одиссеем (Dion Hal. AR, I, 28) [Grippe, S. 362].

² LSJ, s. 10. Слова эти из народной лексики, а не литературного языка, поэтому зафиксированы со II в. н. э. лексикографом Поллуксом и эпиграфикой (также Геси-хис, Евстафис, надписями), однако производные от них ЛИ идут с VII-VI вв. до

что оставляет его мнение без каких-либо шансов.¹ Целая россыпь имен и их носителей — *Ναεῖς*, *Ναῖς*, *Ναῖος*, *Νάνα*, *Νάνη*, *Νανᾶς*, *Νανῶς*, *Νανοῖς*, *Νάνων*, *Ναννίς*, *Ναννίχος*, *Ναννίων*, *Νάνος* представлена с IV в. в Македонии, Фракии, Ольвии [LGPN IV, 245/6]. Если, следуя Тохтасьеву (который отнес имена надписей 16, 17, 17a без малоазийского контекста к числу анатолийских), они тоже малоазийские переселенцы, то Анатолия основательно обезлюдела вследствие его стараний. А если руководствоваться не предвзятой идеей, а здравым смыслом, конечно же, это греческие и местные ЛИ. В боспорских надписях имена *Νάνα*, *Νά* сопряжены равно с малоазийскими именами (14 *Τιβῆς*, *Τίβειος*, 18 *Μάνης*) и греческими (15 жена Никомаха, 16 Нана — прозвище Артемиды/Текаты).² Мужские и женские ЛИ этого корня представлены на Боспоре и в надписях позднейшего времени в сопровождении греческих и туземных имен, что не оставляет сомнений в их местном греко-варварском происхождении: *Νάνα* — мать Менодора (КБН 285, I в.), *Νανείς* поставил надгробие сыну с типично боспорским именем *Γάστεῖς* (КБН 380, конец I в., о происхождении имени и дате надписи см. ниже, с. 178, 549). Дипинто *Νανᾶ* на амфоре первой пол. III в. из Танаиса.³ Наконец, в манумиссии КБН 1125 из Горгии упоминается германское имя *Νανοβαλάμυρος*, первая основа которого *Nano*.⁴ Представительность имен данного корня на Боспоре позволяет счесть ЛИ *Νάνα* 15 и теоним *Νάνα* 16 греческими, тогда

¹ Нанон, сын Каллистрата [НЭПХ, 112. 20]; Нана, дочь Герее и жена Аполлония [Ib. 168]; если правильно восстановление имени *Νά[να]* в эпитафии [Ib. 175], она жена Евкрита; Нана, дочь Дамокла, жена Филиппа (IOSPE I² 713).

² Имена *Τιβῆς*, *Τίβειος* малоазийские (13 *Τιβῆς* διὰ Πατ[ρ]ῶς καὶ Ἰτῆς, граффи-то IV-III в. из Пантикапея [Pharmakowsky, Sp. 139; Яйленко, 2006, с. 387]). Хотя Л. Згуста привел этим именам с Боспора соответствия в Греции (*Τίβειος* в Афинах, Эретрии, на Фасосе и даже имя евнуха Камбисы у Ктесия *Τίβεθς* [Zgusta, 1955 § 228, 1156]), наличие в надписи 13 наряду с *Τιβῆς* имени *Ἰτῆς*, параллели которому засвидетельствованы в Анатолии (*Ιτε*, *Ιτεῖ*, *Ιττεύς* [Zgusta, 1964 § 493-1, 2, 3]), указывает на малоазийское происхождение имен *Ἰτῆς*, *Τιβῆς*, *Τίβειος*.

³ Это, разумеется, не женское имя Нана, как счел Д. Б. Шелов [1978a, с. 51], а *gen. poss.* муж. ЛИ *Νανᾶς*.

⁴ По догадке Ф. Грефе и А. Бёка, оно включает германское ЛИ *Balamirus* (комментарий Бёка цитирован в IOSPE II, p. 210; см. также [Zgusta, 1955 § 682]). Имя Нановамир неизвестно другим источникам, но обе основы существуют в древнегерманском антропонимиконе — *Nanna*, *Nanno*, *Nannen-stōl*, *Valamirus*, *Valamerus*, *Balamirus*; значение имени *Valamirus* (*Priscus*, 28 и другие источники) — «избранный, возлюбленный» [Schönfeld, S. 170, 251]. Германское племя боранов явилось на Боспор в сер. III в. (Zosimi Hist. I, 31). Ввиду германского характера имени Нановамир и с учетом появления германцев на Боспоре во второй четверти III в. н. э. манумиссию, датированную по царствованию Савромата, следует отнести ко времени Савромата II, как думал Р. Канья, или даже Савромата III, а не Савромата I, как счел Латышев. Лунарное письмо манумиссии почти одинаково во II и III вв. (с. 579), что не дает возможности уточнить датировку. О германцах III в. на Боспоре [Казанский, 1999; Юрочкин, 2000] (см. также с. 166, 180).

как ЛН *Nā, Nāva* надписей 14, 18 по малоазийскому контексту имен анатолийские. Имена 17, 17a *Navātos* и *Navādos* (*gen.* к *Navās*) имеют не только малоазийские соответствия, но также греческие — *Navās* ольвийского наговора [Dubois, p. 179], мифологический царь пеласгов, сын Тевтамида *Nāvas*, при котором греки вытеснили их на Апеннины (Гелланик у *Dion. Hal.* I, 28), имя которого иллирийское или греческое.¹ Имя *Navās* вполне сопоставимо с греческим словом *πάππας* «дядя», которое народноэтимологически могло рассматриваться как основа на зубную, откуда следует греческое происхождение боспорских Нанасов 17, 17a (*gen.* *Navātos, Navādos*).²

Для вопроса о малоазийцах на Боспоре интересна концентрацией «детских» имен эпитафия КБН 209 второй пол. IV в. из Пантикапея: *Nāva : Νικοπαύου γυνή : Tatus : Ἀττεω, Ἀνιη Τάττος γυνή* (15, текстологию см. в прим. на с. 133). Тут, по мнению С. Р. Тохтасьева [с. 184], «все варварские имена являются малоазийскими *Lallnamen*», в доказательство чего он, как обычно, ссылается всего лишь на наличие их в Анатолии [Zgusta, 1964 § 62, 1013, 1517 и др.]. Он привел мнение Л. Робера, что эти имена как *Lallnamen* могут принадлежать самым разным языкам, но не усвоил его, процитировал Л. Згусту, который указал, что часть имен *Nav-* греческого происхождения [Zgusta, 1964 § 1013–45; Тохтасьев, 1997, с. 386, прим. 54], известны ему и параллели именам на *Nav(v)*-из греческих городов, приведенные Л. Дюбуа [Dubois, p. 179–180], но от всего этого отмахнулся. Напрасно, ибо и проведенный разбор имен показал их боспорское, греческое или иранское, происхождение. Приписывание анатолийского происхождения боспорским именам всего лишь на основании параллелей из М. Азии означает игнорирование остальных разнообразных данных о широком комплексе рассмотренных *Kindernamen*.

По лепетному характеру и смыслу к ЛН *Nāva etc.* близко имя 23 *Māns* из пантикапейского заклатья второй пол. IV в. [Сапрыкин, Зинько, с. 266; Яйленко, 2005, с. 481]. По параллелям в М. Азии Тохтасьев причислил его к малоазийским ЛН. Между тем и оно восходит к *Lall*-основе повсеместного распространения **(a)ma-*, с удвоением **mata, *amma* «мать» *etc.*³ Имя рас-

¹ Иллирийские ЛН *Teutomus, Teutana, Teuta, Teuda*, макед. ЛН *Teutamos, Teutames* [Russu, 1969, p. 254/5]. Ввиду иллирийских женских ЛН *Nanea, Ninia* [Ib., p. 227, 229] имя мифологического Нанаса можно признать иллирийским же.

² О. Д. Чевелев любезно сообщил мне о граффито *NANATOC* на костяной обкладке железного ножа, датированного не позднее IV в. до н. э., найденном в 2009 г. на поселении «Волна-4». Это, разумеется, имя владельца ножа — *gen. poss.* *Navātos*, по лунарной сгеме граффито относится к концу IV в.

³ Индоевропейская основа **am(m)a*, **amī*: алб. *amē* «тетя, мать»; др. исл. *amma* «бабушка», др. в. нем. *amma*, *amme* «мать, кормилица», германские ЛН с XI в. *Matto, Matia*; оскский теоним *dat. Ammai*, **Ammae* «Матери»; от **amī* образованы лат. *amicus* «друг», *amita* «сестра отца», ср. литов. *anūta* «теща, свекровь», латинские ЛН *Mam(m)us, Māmus, Mammillus, Mammeius, Mammius, Ammaus, fem. Mamulla, Amtesa*; литов. *mata, mota*; общеславянское *мама*, в том числе прозвище Мамин

пространено не только в М. Азии — основа и производные имена известны античному миру в целом.¹ Представительна и греческая лексика: дорическое, эолийское, поэтическое *mā* «мать», с *i*-расширением *maia* «добрая мать» (обращение к пожилой женщине у Гомера и др.), *maia* «мать» ([Michel, 1395, Па] *etc.*), женские имена *Mā, Mās, Maia etc.* Широко имена этого типа представлены на Боспоре, особенно в римское время, подобно остальному античному миру: *Ἀμν, Ἀμνιον, Ἀμνι, Mā, Maia, Maia, Māmos*.² Это эпитафии с

[Förstemann, Sp. 901; Schulze, S. 345, 360, 420, 424, 426, 448/9, 462/3, 516; Туников, с. 637; Pokorny, S. 36; Трубачев, 1959, с. 33; ЭССЯ, 1990, с. 183/5]; др. инд. *ambā* «мать», *Ambā* — имя супруги Шивы, *Ambikā* — эпитет Парвати и ЛН матери Дхритараштры, *Ambātikā* — имя матери Панду; иранские языки: общеиран. **mat(m)-a-*, **amma-* «мама, бабушка»: хотанско-сак. *amaī* «старая женщина?», тадж. *амак* «дядя» (тюркизм или арабизм), новоперс. *мата* «жена, женщина», *мат* «мама» и ЛН *Матау, Māmūyeh* «Мамочка», *Māmak*, дословно «Маленькая мама» (заимствовано арабским), талыш. *мата* «мать»; возможно, иранским заимствованием является тохар. В *voc.* *ammakki* «мать!» (из *amma+akki*, ср. др. инд. *ambā* и *akkā*) [Delbrück, S. 451; Justi, S. 189; Расторгуева, Эдельман, 2000, с. 164; Гафуров, 1987, с. 162; СИМ, с. 293]. Общеалтайское **эм* «мать, женщина» и пр., к *эм* «сосать мать»: маньчж. *эм* «мать», монг. *эм* «женщина, жена, самка», тюрк. *эм(э)* «сосать грудь», корейское *эм* «сосать грудь» [Цинциус, с. 137]. Общетюркское **та, *та:та* со значениями мать, бабушка, старуха и др. [СИГТЯ, 2001, с. 655/6; Севортян, 2003, с. 25/8], ЛН — *fem.* чувашская прародительница мира Ама, кирг. Мама-и Хава (библейская Ева), Мама-бике, *masc.* туркм. Мама-аке, татарские композиты с *умми* «мать» и *пф.* [Бартольд, 1963, с. 295, 594; Денисов, с. 41/2; СИГТЯ, 2001, с. 655/6]. Араб. *умм* «мать» — обязательный элемент куньи, той части ЛН, которая образуется по сыну, например. Умм Кулсум; *амма* «тетка по отцу», *амм(ун)* «дядя по отцу» [СИМ, с. 44]. Кавказские языки: общекартв. **тата* «отец», авар. *эмен* (**эмен*), лак. *мяма* «отец» [Климов, с. 126; Джаукян, с. 149], продуктивно в антропонимии. Другие основы, принимающие участие в антропономинии: монг. *эмэ* «бабушка», бирман. *эме* «мать», *ома, гма* «старшая сестра», тоба-батакский *ама* «отец», язык индонезийской группы эде *ама* «отец», *амии* «мать», монг. *эме* «бабушка», тунгусо-маньчж. *амā* «отец», нивх. *ымыка* «мать (при *ытыка* «отец», это симметричная фонологическая оппозиция для лиц мужского и женского пола, как в маньчж. *ама* «отец» — *эмэ* «мать» и др.) [СИМ, с. 79, 214, 239, 293, 347; ТМС, с. 34; Цинциус, с. 130; Никулина, с. 131; Менгес, с. 153]. Другие примеры ЛН: кетское Бол'даам «Мать толстяка», при *'ама* «мать», селькуп. Емра «Старая мать» при *эми* «мать» [Дульзон, 1980, с. 6; Малиновская, с. 158]. Древние языки: шумер. *ама* «мать»; хуррит. *амма* «мать(?)», *амматі* «дед, предок, старейшина».

¹ В Греции, к примеру, Аттика: *Ματρία, Ματρίαριον, Ματταριον* [Bechtel, 1902, S. 66]. Во Фракии и Македонии со II–I в. ЛН *Ἀμα, Ἀμνι, Ἀμνιδις, Ἀμοια, Μάμα, Μαρία* и композиты с *Ma-*, *Mη-*, *Mat-* *etc.*: *Μαρουζηνη, Μαροτρα etc.* [Detschew, S. 15; Георгиев, 1977, с. 86; LGPN IV, 219]; в кельтском ареале (Франция, Швейцария, Италия, Бельгия, Германия) *Amma, Ammia, Ammius*, при валлийском *mat* «мать» ЛН *Mamma* [Holder, I, 128; II, 400]; иллирийское *Amma* [Russu, 1969, p. 164]; в Египте *Ματ(μ)ας, Ματτιν, Μαρό* [Preisigke, Sp. 204].

² КБН 132, 135, 201, 265, 266, 280, 281, 300, 337, 338, 427, 460, 525, 619, 622, 692, 796, 797 и др.

продуктивный именник: лат. *Assa* (*Argentia*) — имя полевой богини не без возможных финно-угорских связей [Яйленко, 1992, с. 260/1], во Фракии III в. ЛН *Асса*, в Македонии III в. *Ἀκκῆς*, прямая параллель боспорскому *Ἀκκας*, далее *Ἀκῆ* (Πρ), нелишне упомянуть и *Ἀκῆς* колхидских монет III–IIa, наконец, *Ἀκῆς*, *Ἀκκῆς*, *Ἀκκῆος* в Египте II–III вв. [LGPN IV, 12/3; Preisigke, Sp. 14/5]. Продуктивна основа и в греческом: слово *ἄκκω* обозначает детское пугало мифологической природы,¹ а также, согласно собирателю пословиц II в. н. э. Зенобию (I, 53), имеет значение «ветренная женщина», на Самосе же стало proverbialным личным женским именем *Ἀκκῶ* — персонификацией плодovitости. От основы **ak(k)-* произведены греческие имена *fem. Ἀκίς*, *μας. Ἀκίς* (есть и другие этимологии [Bechtel, 1902, S. 123]). С. Р. Тохтасьев в поисках хоть каких-то аргументов счел, что и эолийское ЛН *Ἀκκῶ* может быть малоазийского происхождения, но приведенные параллели из Фракии и Македонии *Ἀκκα* и *Ἀκῆ* указывают, что имяобразование от основы **ak(k)-* проходило повсеместно в областях с греческим населением, хотя частью может быть и туземного происхождения.² В аттической и дорической комедии V–IV вв. *Акко* была персонажем демонологии низшего уровня наряду с сатирами, Эмпусой, Ламией; в комедии Гермиппа она выступала антагонистом Афины, у комика Амфида была комедия *Ἀκκῶ*. Все это осталось неизвестным С. Р. Тохтасьеву, и все это свидетельствует против его предположения о малоазийской природе эолийского ЛН *Ἀκκῶ*. Этимологически имя ее давно сближали с др. инд. *akkā* — «мать»; по Баунаку, сюда принадлежит известное из эпиграфики ЛН *Μυλακκῶ* [Crusius, Sp. 1171/3]. Именной контекст четырех боспорских Аккасов дает определенное решение вопроса: отцы Аккасов надписей КБН 871 и 912 носят туземные по происхождению имена *Ἀθαφοῖος*, *Θαβῆς* (они туземные потому, что не имеют параллелей в других антропонимических системах); у сыновей Аккасов КБН 347, 608 греческие имена. У брата Аккаса КБН 347 иранское имя Перисал. Изложенное показывает, что

ваш. *акка* «старшая сестра, сестра отца или матери», татар. *ака* «брат», киргиз. *эке* «отец», *агай* «старший брат», башк. *агай* «дядя» и *пр.*, ЛН: древнетатар. *Ака*, азерб. *Акикиши* (дословно *дядя + мужчина*); монгольские: монг. *аха* (< **akā*) «старший брат», бурят. *аха* «брат»; из тюрко-монгольского заимствовано в арабский, где употреблялось также в качестве ЛН: *Āga* «Господин»; финно-угорский: саам. *Madder akka* «Мать земля», *ække* «брат», удм. *агай* «старший брат» (тюркизм), древнеудмурт. ЛН *Ага*, *Агай*; общетунгусо-маньчжурское *акā* «брат» [СИМ, с. 24, 73, 155, 300; ТМС, с. 24; Покровская, с. 33/5; Егоров, 1964, с. 23; Саттаров, с. 56; Бушмакин, с. 267; Гафуров, 1970, с. 281; 1987, с. 121; Севортян, 1974, с. 70/1, 121/3; Мамедов, с. 280; СИГТЯ, 2006, с. 545]. Также бирм. *ако* «старший брат», тибет. *'akū* «брат отца».

¹ *Plut. Mor.* 1046b. Такого же рода чувашское детское слово *нана* «лошадка» (игрушка).

² В боспорских надписях помимо *Ἀκκας* есть имена *Ἀκίς*, *Ἀκάσας*, первое греческое (при любой этимологии), второе вероятного иранского происхождения [Vahnet, S. 31]: *[-]ας Ἀκάσα*, *Γοσητλεις Ἀκάσα* КБН 1142, Горгиппия, Πρ. По Згусте, *Ἀκκας* — гипокористик от *Ἀκάσας* [Zgusta, 1955 § 46].

имя этих Аккасов почерпнуто из местного боспорского именника. Наряду с греками на Боспоре проживало обширное местное нетреческое население, полиэтнический субстрат (скифы, синды, меоты, киммерийцы, фракийцы), в языке которых, несомненно, как и у других народов, были и *Kindertwörter* и произведенные от них ЛН. В таком контексте нет оснований выводить боспорское имя *Ἀκκας* из М. Азии. Так же обстоит дело с эпитафией 4 *Τυαῖης* [κ]αὶ *Ἀκρωδῆς* *Ἰξίος* «Тией и Акрот, сыновья Иксия» (КБН 227, Паит. IVa) — первое имя бесспорно малоазийское, у двух других хороших соответствий нет и потому, на мой взгляд, они принадлежат местной боспорской среде, не исключено, греческой.¹ Естественно, что коренной боспорец Иксий дал одному сыну туземное (греческое?) имя *Ἀκρωδῆς*, наименование же другого сына по-малоазийски, *Τυαῖης*, могло быть обусловлено деловыми или дружескими связями с анатолийцем.

Таким образом, вопреки С. Р. Тохтасьеву, лишь небольшая часть боспорских ЛН, образованных от «детских» слов, относится к числу малоазийских (у него из 48 имен 18 «детских», т. е. более трети). Ошибочность его отождествлений обусловлена непродуманностью методики опознания именно малоазийского характера привлеченных им ЛН — одних голых параллелей и нескольких случаев «семейного» контекста имен в надписях недостаточно. Суффиксация существительных и прилагательных в анатолийских языках, от которых образованы ЛН, хорошо известна, поэтому нужно было выявить специфические морфологические и лексические элементы, свойственные именно малоазийским антропонимам, тогда присутствие их в боспорских ЛН стало бы надежным маркером анатолийского их происхождения. К примеру, производные от «детских» слов тюркские ЛН *Атай*, *Атакай*, *Атабек*, *Атаман* содержат уменьшительно-ласкательные форманты *-й*, *-кай* и употребительные в антропонимике лексические компоненты *бек*, *ман*, которые служат прочными маркерами именно тюркского происхождения этих имен. Разумеется, с эллинистического времени проходила грецизация малоазийских ЛН, особенно в их исходе, однако она не была тотальной — многочисленны и не эллинизованные формы. Суффиксация и исход малоазийских ЛН имеют собственный облик, отличающийся от греческого. Это показывают хотя бы хеттские, лидийские, лидийские и прочие фиксации, приведенные С. Р. Тохтасьевым — все эти *Teōōi-weibi*, *Tuwa*, *Tutus*, *Tete* и *пр.* Пока не будет проведена работа по установлению морфемной общности ЛН Боспора и М. Азии, поиски малоазийцев на Боспоре, во Фракии и где бы то ни было обречены на скептически воспринимаемый результат. Малоазийский именник необычайно обширен и своеобразен именно в силу своеобразия лексики и суффиксации анатолийских языков. Нет числа именам, засвидетельство-

¹ *Ἀκρωδῆς* предположительно можно соотнести с *ἄκρος* и *ἀδελφά* — так сказать, «Донельзя безбожный» *Ἰξίος* (пот. *Ἰξίς*) сопоставимо с мифологическим ЛН *Ἰξίον*. Б. Надаль [1956, с. 72] удачно связал ЛН *Ἰξίος* со скифским племенным названием *Ἰξίβάται* у Гекатея (fr. 166).

важным только в М. Азии (все эти лидийские *Tivdaś*, *Kumliś*, *Timleś* и т. д. и т. п.), но их нет на Боспоре, всего за несколькими исключениями (см. выше: *Θυς*, *Kydaia*, *Tetteuos*, *Ιτης*, *Tuaia* и ниже: *Γόρδης*, *Midas*, *Tιβης*, *Tιβειος*). Без *Kindernamen*, распространенных у самых разных народов древности, список С. Р. Тохтасьева становится скудным, и это обстоятельство вколачивает последний гвоздь в гроб для его мертворожденной идеи о широком (48) представительстве малоазийских ЛИ на Боспоре в V — первой пол. III в.

Завершив группу *Lallnamen*, продолжим разбор боспорских имен, причисленных С. Р. Тохтасевым к твердо малоазийским, но, на мой взгляд, безосновательно или с малыми основаниями ввиду наличия иных вариантов их объяснения. Легенду *I ΣΑΜΜΑ*, *ΣΑΜ*, *ΣΑ* на нимфейских серебряных монетах V в. он считал малоазийским ЛИ ввиду анатолийских антропонимических соответствий. Однако у ЛИ *Σαμ(μ)*- широкий ареал распространения: Греция (*Σάμος*, *Σαμᾶς*, *Σάμων*, *Σάμιχος*, *Σαμο-φάιης* и др.), Македония, Фракия с V-IV в. (*Σάμος*, *Σαμας*, *Sammus*, *Σαμυλος*), Италия (лат. *Sam(m)ius* у Тацита), Норик, Паннония, Галлия римского времени (кельтские ЛИ *Sammus*, *Sammo*, *Sammos*, *Sammulla*, *Samo-rix*).¹ Есть они и в иранском, но без удвоения: в частности, *Sāma*, основатель великого рода потомков первочеловека Иимы, композиты с *-sama* [Justi, S. 280, 509; Bartholomae, Sp. 1571] (при *sāma* «черный»). Отсюда гипотезы о легенде на монетах Нимфея как имени тирана или скифского вождя (см. ниже, с. 480). При столь широком распространении ЛИ с основой *Sam-* решающую роль играет гемминация — где она представлена, оттуда имя и происходит.² В Малой Азии нет такой формы, и Тохтасев признает, что она порождена скорее на греческой почве, однако настаивает на малоазийстве боспорского ЛИ! Но в Греции [Столба, 2002, с. 17], Италии и Фракии они есть (*Σάμμο[s]* / *Σάμμο[ι]* в позднеархаической Беотии, *Sammus*, *Sammius*; кельтские *Sammo*, *Sammos* в счет не идут), что показывает безосновательность мнения С. Р. Тохтасьева о легенде *ΣΑΜΜΑ* как малоазийском ЛИ, тем более, что в легенде можно усматривать не только антропоним, но и этникон с теонимом (ниже, с. 482/4).³

¹ [Schulze, S. 424, 449; Detschew, S. 417; Holder, II, 1339/42; Гиндин, 1967, с. 90; Столба, 2002, с. 16/7; LGPN I, 401, II, 394; IV, 303]. Эти ЛИ топонимического образования — от догреческого **samo-* «возвышенность» (*Strabo* VIII, 3, 19; X, 2, 17), Detschew, S. 416/20; Merlingen, S. 13; Гиндин, 1967, с. 90/1; Откупщиков, 1988, с. 90, 94, 167/8].

² По этой причине невозможно предложенное В. А. Лившицем как вероятное сопоставление с др. иран. **samH-* «становиться спокойным, терпеть(ся)» [Cheung, p. 330].

³ В прим. 19 к тексту о *ΣΑΜΜΑ* С. Р. Тохтасев пишет о синопских клеймах: «на мой взгляд, начало магистратского клеймения, по-видимому, следует несколько удревнить — до 360-х годов ... , если не раньше, принимая во внимание диалектную ионийскую форму *δοτιμολογείτο* на клеймах астинома Диофанта ... , хотя имя самого астинома имеет уже форму ген. на *-ου*. На Боспоре в о-основах *-ου* вместо

ЛИ отца и сына пантикапейской эпитафии КБН 168 *Γόρδης* *Αρμάδο* (24, текст см. на с. 151) малоазийские, но лишь потому, что одно подкрепляет другое. Взятые же по отдельности, они не обязательно анатолийские. Об ЛИ *Γόρδης* речь пойдет далее, а в связи с *Αρμάδο* процитируем Тохтасьева [с. 188/9]: «имя, несомненно, образовано от хетто-лувийского теонима *Αρμα* «Луна»: **Armada-*, очевидно, сокращение имени вроде лик. *Αρμα-δα-πιμῆς* (< **Arma-ta-piyami*) или таких имен, как лик. *Ερμα-δ-ατῆς* (хетто-лув. *Αρμα-datta*), *Ερμαδαίνας*. Прямое соответствие является лик. *Ερμαδου* (ген., *Zgusta*. KPN. § 355-18) с неэтимологическим *-π-* перед дентальным». Аргументация сомнительна. Во-первых, малоазийские ЛИ содержат анатолийское обозначение месяца, луны **arṃa-* (хетт., лув. *arṃa-*, лик. *arṃa-*, егма-), а вовсе не *arṃad-*, необходимое для столь категорического утверждения о малоазийском происхождении боспорского ЛИ *Αρμάδο*, поскольку и в греческом антропонимиконе есть имена на *Αρματ-*. Вопреки уверению Тохтасьева [с. 190], что сюда «из греческих имен могло бы подойти, кажется, только *Αρματίδας* (*Herod.* VII, 227) из Феспий», таких ЛИ больше: *Αρματεύς* (*Dem.* XLV, 8), *Αρμάτιος* (Свида), *Αρμάτις* [Preisigke, 50], *fem.* *Αρμάτιον* [Bechtel, 1917,

древнего -ο или наряду с таким написанием встречается уже в надписях раннего периода правления Левкона I, т. е. не позже 370-х — 360-х годов». Это некорректная аргументация. Я провел анализ всех надписей Левкона I и Перисада I с точки зрения распределения графем *-δ* и *-ου*, основываясь на датированном аттическом материале, который показал, что на Боспоре памятники с окончанием род. падежа *οῦ* (и дифтонга *ου* в целом), а не с более ранней графемой *δ*, следует относить ко времени после 368 г. Применительно к боспорским надписям это означает, что графема *-ου* появляется в надписях середины правления Левкона I (389-349), т. е. ок. 375-365 гг. В этом датировка Тохтасьева правильна, однако он не учел, что параллельное употребление *-δ* и *-ου* доходит до 340-х годов включительно, так как встречается в надписях времени Перисада (344-311) — в посвящениях КБН 9, 10, 971, относящихся, стало быть, к началу его правления — 340-м гг. Эти же votives КБН 10 и 979 содержат ионийскую графему *-ευ-* вместо *-εο-* (*Θεοδοσίη*), как и посвящения КБН 11, 972, 1014, 1015, 1040, которые содержат только графему *-ου*, т. е. датируются временем после 340-х годов. Такая хронология написания *-ευ-* вместо *-εο-* в боспорских надписях вполне соответствует общей картине ионийского ареала — оно идет на протяжении всего IV в. и позднее (к примеру, [Thumb, Scherer, S. 258]; DGE, 709.7 — *ἐξαρεύμενα*, Эфес, ок. 290/80); в боспорских надписях ионийское стяженное *-εο-* в *-ευ-* более всего употребляется в IV в., но есть и в III, II, I вв. [Доватур, 1965, с. 804]. Таким образом, начало синопского магистратского клеймения с точки зрения аттического употребления графем *-δ* и *-ου* может быть отнесено ко времени не ранее 360-х годов, но с точки зрения боспорских данных не ранее 360-340-х годов. Синопская такая же провинция, как Боспор, поэтому хронология узуса *-δ* и *-ου* там соответствует скорее боспорской картине, а не продвинутой аттической. Однако суть дела даже не в этом: поскольку окончание род. падежа *-ου* стало с 340-х годов единственным написанием, оно вообще не может служить критерием для определения начала магистратского клеймения. Так же неправомерно привлечение Тохтасевым графемы *-ευ-* для решения вопроса о начале клеймения ввиду ее употребления и после IV в.

S. 537, 603]. Во-вторых, поскольку двухосновному хетто-лувийскому имени *Arma-datta* соответствует ликийское *Ερμαδάτης*, то и оно членится на две основы: *Ερμα-δάτης* [Houvinck ten Kate, p. 133; Laroche, p. 40, 290], а не *Ερμα-δ-άτης*, как хочется Тохтасьеву для получения форманта *-d-*. Кстати, вторая основа имени *-datta*, возможно, персидская (ср. [Zgusta, 1964 § 97-11]; в анатолийской антропонимике употребительны формы от **riya-* «давать»: *Ma-na-riya* = «Бог-дан» и др.), что при персидском ЛИ *Арма-μίθρης* (*Herod.* VII, 88 и восточные источники [Justi, S. 127]) вообще может увести *Ερμα-δάτης* в число персидских ЛИ, заимствованных хеттским и ликийским.¹ В-третьих, усмотренное Тохтасьевым в ликийском ЛИ *gen. Ερμανδου* «неэтимологическое -n- перед дентальным» призрачно: Хоуинк тен Кате потому не упомянул его в числе ЛИ с формантом *-da-*,² что здесь его нет, это скорее обычный суффикс *-nd-*, так что вероятней членение имени *Ερμα-νδ-ου*. В результате из числа приведенных Тохтасьевым примеров с адъективным суффиксом *-t-* единственным соответствием боспорскому *Армадо* остается лик. *Арμα-δα-τις*, при 4 греческих параллелях.³ Такое соотношение явно не в пользу анатолийского источника для боспорского имени, тем более, что для этого требуется также условие, что боспорское *Армадо* — краткая форма к полному анатолийскому ЛИ вроде лик. *Арμα-δα-τις*.⁴ Вопреки С. Р. Тохтасьеву, привлечение сюда имени 24a *Арма* из эпитафии КБН 911 предположительно, а в связи с моим ее чтением вообще излишне (ниже, с. 479). Не вполне точна и его датировка эпитафии КБН 168 («ок. середины IV в., судя по шрифту и орфографии»): как раз орфография, именно превалирование графемы *ο*

¹ Геродотовское ЛИ *Ἀρμαμίθρης* понимается по-разному: Шмит сопоставил его с гр. *άρμα* «колесница», иранское происхождение отстаивал Айлерс, сочтя его идентичным имени *arbatīθra*, известному в аккадской передаче; Хинц предположительно считал его индийским: *arbatīθra* — «рука Митры» (?) [Hinz, S. 37]. По поводу ЛИ [Арма]дота Згуста [I. с.] заметил, что альтернатива *Ар-* / *Ερ-* местная, несмотря на близость иранской именной основы *-дата*. Однако это *-дата* вполне указывает на заимствование из персидского, каковых немало в анатолийских языках, а альтернатива *Ар-* / *Ερ-*, естественно, местная, ибо заимствованное имя [Арма]дота / *Ερμαδάτης* употреблялось далее в соответствии с местными правилами антропонимии.

² Собственно, в его «списке» ЛИ *Arma + da* числится лишь одно имя *Армаδοτις* в 4 вариациях греческой транскрипции [Houvinck ten Kate, p. 134].

³ Будто специально для Тохтасьева Згуста отметил, что на анатолийской почве ЛИ *Армадо* нет [Zgusta, 1964, S. 92, Anm. 328]. Судя по его сводке, от **arma-*, **er-* образовано много имен, но с суф. *-t-* единицы, причем они женские — *Армата*, *Арматис*. У Хоуинка и Лароша фигурирует только последнее [Houvinck ten Kate, p. 183; Laroche, p. 290]. Видимо, этимологическим соответствием анатолийскому **ar-* в числе прочего является греч. *άρμός* «связь, скрепление» [Иванов, 1981, с. 131], от которого образовано много ЛИ [Bechtel, 1917, S. 75; LGPN I, 80/1].

⁴ Тохтасьев нередко злоупотребляет предположениями о гипокористиках (т. е. кратких формах имен), образованных от предполагаемых им, но не засвидетельствованных, полных форм ЛИ. См. прим. 3 на с. 170.

(2 раза) над графемой *-ou* (1 раз), показывает, что надпись относится к 370–360-м гг. (см. с. 24).

Не все ладно с именами эпитафии 26 *Ὀλγαστος Σαγάριος* (КБН 215, Пант. IVa), по мнению С. Р. Тохтасьева, бесспорно малоазийскими: «оба имени метонимически образованные от топонимов, характерны для Пафлагонии». Ввиду хороших анатолийских параллелей их можно считать таковыми, однако столь же вероятно и иранское их происхождение. ЛИ *Ὀλγαστος* имеет точное соответствие сасанидского времени *Valogaesus etc.* [Justi, S. 346; Zgusta, 1955 § 162]. Сообщение Страбона (XII, 3, 25), что это пафлагонское имя, надо понимать исключительно в том смысле, что оно распространено в Пафлагонии, ибо в приведенном им списке пафлагонских имен числятся также безусловно иранские ЛИ *Βάγας*, *Ζαρδώνης* [Грантовский, с. 253]. Еще шире возможности понимания ЛИ *Σάγαρις*. А. Згуста с основанием отметил, что мифологические сказания о Сагарисе и его отце, фригийском царе Мигдоне (вариант Мидасе), распространены у греков, поэтому малоазийское по происхождению имя могло быть адаптировано у них, в том числе у боспорца Сагариса [Zgusta, 1955 § 741]. Думаю, оснований для мнения о немалоазийском характере ЛИ Сагарис больше. Вопреки скепсису А. Згусты, его можно сопоставить со скифским названием некоего обоюдоострого оружия *σάγαρις* у персов, массагетов и других народов (*Herod.* I, 215 и др.), ибо название оружия входит в состав иранских имен.¹ Не исключено и топонимическое образование имени боспорского Сагариса на северочерноморской почве: если пафлагонское ЛИ *Σάγαρις* произошло от названия местного городка или реки, то в Северо-Западном Причерноморье тоже была одноименная река *Σάγαρις*.² С. Р. Тохтасьев безапелляционно отвергает мнение А. Згусты и

¹ Например, с композитом *aršti* «стрела, копье» [Justi, S. 485; Абаев, 1979, с. 280; Исаева, с. 171], **taxša-* «стрела» (в имени скифского царя *Τάξακας* = **taxša-*, при новоперс. **taxš* [Куланда, Раевский, с. 94]), *spara-* «щит» [Vasmer, S. 53; Zgusta, 1953 § 220; Mayrhofer, 1973, S. 294].

² Плутарх, Овидий и др. [РВ, 1324], по географической номенклатуре Плиния (N. h. IV, 82), упоминающего *sinus Saggaricus*, обычно определяется, что это Березанский или Тилигульский лиман. Греческие ЛИ, образованные от названий рек, нередки [Bechtel, 1917, S. 555/6], в Ольвии встречаются с рубежа V–IV вв.: *Υπαίχχος*, *Υπαίχος*, *Υπαίς* [Яйленко, 1980б, с. 87]. Ф. Бехтель (I. с.) сопоставил ЛИ *Σάγαρις* с малоазийской рекой *Σάγαρις* перечня причерноморских рек у Овидия (*Ex Ponto*, IV, 10, 47 sq.), однако одноименная река была и в С.-З. Причерноморье (Плиний, Плутарх и др. — РВ, 1324), так что боспорское ЛИ равным образом может быть связано и с нею. Для ее идентификации обычно ссылаются на П. Беккера, который усматривал в ней Березанский лиман [Vasmer, 1923, S. 64; Подосинов, 1985, с. 86, 134, 233], но перечень рек у Плиния (N. h. IV, 82) между Тирасом и Борисфеном (Асиак, Рода, Саггарийский залив; пропущен Гипанис) при наложении на большие реки региона (М. Куяльник, Б. Куяльник, Тилигул) позволяет отождествить Сагарий скорее с Тилигулом, который вместе с лиманом составляет крупный гидрографический объект длиной ок. 250 км.

В. Н. Абаева — «неприемлемы скифские толкования». Поскольку он по своему обыкновению не разъяснил, почему они неприемлемы, иранская интерпретация имен остается, так что малоазийское происхождение боспорских имен Ὀλύσις и Σαυάριος — не более, чем один из возможных вариантов.

Имена надписей 28-39 С. Р. Тохтасьев счел предположительно малоазийскими. В эпитафии 28 $\text{Χαρσενάκη τῷ υἱῷ Μάτατ <τ>ος}$ «памятник Харсенака, сына Матата» (чтение Шкорпила, КБН 1104, Корокондама, V в.) азиатский он счел патронимиком.¹ Шкорпил [1912, с. 14] удалил последнее Т патронимика (Μάτατ <τ>ος), полагая, что его следует производить от *nom.* Ματαῖς , как Μίδατος от Μίδας и *др.* Его догадка о способе образования *gen.* возможна, однако имени Ματαῖς нет, кроме того, желательно сохранить подлинное написание. С. Р. Тохтасьев [1994, с. 158] правильно счел *gen.* Ματαττος произведенным от номинативной формы *Ματαττης , реконструированной им по малоазийскому имени Ματαταῖς (о последнем [Zgusta, 1964 § 882-7]), однако он не объяснил появление двойного *t* на месте одиночного в предполагаемом малоазийском источнике. Полагаю, по происхождению это не малоазийское имя, а иранское, так как ему соответствует персидское ЛИ Μαδάτας (*Xen. Cyr.* V, 3, 41) ввиду альтернации *δ-т* в ряде азиатских языков, например, в хеттском, ликийском, лидийском. Такая этимология имени позволяет объяснить двойное Т боспорского имени Ματαττος (*gen.*), которому нет соответствий в антропонимике и которое не объяснено ни одним из перечисленных толкований. Как показано выше, ликийскому Ερμαδατης соответствует хетто-лувийское Arma-datta , где *-datta* скорее всего отражает перс. dāt(a) «данный». Следовательно, источником боспорского ЛИ *Ματαττης могла быть хетто-лувийская форма *Mad/tatta персидского имени *Māha-dāta «данный богом Луны». Однако форма *Ματαττης могла возникнуть и на Боспоре, так как здесь тоже имеются случаи как альтернации *d/t* (в рассмотренных выше пантикапейских владельческих граффити Ναῦατος и Ναῦαδος , оба — *gen.* к Ναῦας), так и эмфатического удвоения *TT* (в паре Ἠλίτας — Ἠλίττας).² Это означает, что на греко-иранском Боспоре персидское имя *Māha-dāta прошло аккомодацию на почве греческого языка, которому свойственны оба фонетических явления. Сказанное позволяет реконструировать исходный *nom.* имени *Ματαττης , как у Тохтасьева, однако род. падеж этого имени не Ματαττος , а Ματάττος , т. е. Ματάττους . Иранское происхождение

¹ По фото в публикации Шкорпила Б. Браво предложил читать патронимик как Ματαττος (номинатив Ματατῖς) [Bravo, p. 155], что не подтверждается подлинником, на котором четко видны две буквы *T* [Виноградов, 1981, с. 141], подтверждено по обследованию подлинника Яйленко, Тохтасьевым.

² См. об эмфатическом удвоении [Masson, 1986, p. 217 s.]. Имя Ἠλίτας происходит от топонима Ἠλῆς , основа Ἠλδ- . Также Ἰητρῶν — Ἰηττρῶν в ранних граффити с Березани [Яйленко, 2006, с. 364], Ζαζους — Ζαζζους в боспорском имени иранского происхождения (к осет. *Zaz* [Zgusta, 1955 § 289, 1011]) и *др.* См. об альтернации *d/t* в иранском ниже, с. 355.

ние этого патронимика подчеркивается иранским же именем покойного Харсенака.¹

Вообще, С. Р. Тохтасьев вопреки своему заявлению на с. 170 (см. цитату выше, в начале статьи) недостаточно уделяет внимание антропонимическому контексту надписи. Еще один пример «подсказки» патронимиком происхождения имени дает надпись 21 Αναίη Μιτραβάτου .² Соединив имя с *Lall*-основой *an(a) - (см. о ней выше), он счел ЛИ Αναίη малоазийским, так как оно де представлено в малоазийских именах Ἀνιη , Αιης , Αια . Если в Малой Азии нет ЛИ Αναίη , а есть только некие подобия, вовсе нет оснований говорить об азиатском происхождении боспорского имени, тем более, что есть точное соответствие. Из комментария в КБН следует, что имя Ἀναίη может быть связано с карийским городком Ἀναία или с персидской богиней любви Анаитой. Полагаю, правильно второе — боспорское ЛИ соответствует имени иранской богини Анахиты (Анаит) Αναία (ее святилище в Верхней Месопотамии близ Арбел, — *Strabo* XVI, 1, 4). Обычная греческая передача имени Анаит — Ἀναίτις ,³ его сокращенная форма Ἀναία — точный аналог имени Ἀναίη эпитафии КБН 245, так что при персидском патронимике Μιτραβάτου оно безусловно персидское по происхождению. Издатели КБН датировали эту надпись первой пол. III в., С. Р. Тохтасьев в одном месте статьи отнес ее ко второй пол. IV в., в другом к концу IV — первой пол. III в. [2007, с. 186, 193]. Колебания ученого в датировании естественны, но в пределах одной статьи надпись желательно привести к единой дате. Такую же непоследовательность он проявляет и в постановке диакритик. Каждый специалист сам выбирает, ставить их или нет при именах, засвидетельствованных только эпиграфически, однако нередко принадлежность к антропонимическому гнезду или этимология имени не только позволяет, но и требует постановки диакритик. С. Р. Тохтасьев же в таких случаях то ставит их, то не ставит. Например, ясно, что по принадлежности к основе *at(t) - следует обозначать тонкое придыхание при всех производных *Lall*namen, но он ставит его при одних (5, 6, 8-11 Ἀτότης , Ἀτότης , Ἀττης) и не ставит при других (7, 7a Ἀτους , Ἀτο); то же с именами 15, 20 — Ἀνιη , однако зачисленное в одну

¹ Обычно эпитафию относили к V в., без уточнений (В. В. Шкорпил; Н. П. Сорокина [1957, с. 16]; издатели КБН; С. Р. Тохтасьев). Ю. Г. Виноградов (l. c.) отнес ее к раннему V в., что безосновательно, так как *омикрон* тут вдвое меньше прочих букв. В датированных лапидарных аттических надписях (на Боспоре датированных надписей V в. нет) вдвое меньший *омикрон* появляется лишь с середины столетия [Kirchner, № 33 f.], соответственно эпитафия Харсенака относится к сер. — второй пол. V в.

² КБН 245, Пант., первая пол. III в.: $\text{Λύσιππος Μιτραβάτου, Ἀναίη Μιτραβάτου}$.

³ Начиная с вавилонского историка IV-III в. Бероса [PB, 82; Gruppe, S. 1594]. Значение имени Anāhita — «Беспорочная», буквально — «не имеющая пятна» [Bartholomae, Sp. 125]; по В. Бранденштейну, однако, это народноэтимологическое «выравнивание» заимствованного имени эламской богини $\text{Nanhunte} > \text{Nahiti}$ [Brandenstein, Mayrhofer, 1964, S. 103; cf. Дандамаев, 1963, с. 110].

группу с ними 21 $\Lambda\alpha\iota\eta$ без диакритик. Хотя последнее причислено к группе ЛН $\Lambda\alpha\iota\eta$ etc. с оговоркой «по всей видимости», оно отнесено к группе твердо малоазийских, — тоже непоследовательность.

По структуре имени $\Lambda\alpha\iota\eta$ соответствует ЛН 29 $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ [Толстой, 1953, 218, Пант. IVa]. С. Р. Тохтасьев полагает, что этот «gen. fem. или nom. masc.» сближается с именами $\Lambda\sigma\eta$ и $\Lambda\sigma\eta$ из Ликии и Киликии. Однако по форме этому имени ближе греческие и иранские соответствия. Ср. $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ (греческий герой, II, XI, 301; к возможному топонимическому источнику антропонима $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ ср. $\Lambda\sigma\alpha\iota$ — название поселков в Коринфской области и Фракии [PB, 155]); $\Lambda\sigma\alpha\iota$ — ЛН эллинистического времени на Крите [LGN I, 90]. Сестру Шапура II звали Asa, Asay [Justi, S. 42]. Поскольку абсолютное большинство имен на доньях сосудов обозначают принадлежность ее владельцу, данное граффито на донце тоже владельческое и потому $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ — это fem. gen. pass. Имя в точности соответствует этнониму сарматов Нижнего Поволжья $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ (Ptol. Geogr. V, 9, 16 [Надаль, 1955, с. 192]) — женщина из этого племени зовется * $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$, gen. $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$. Казалось бы, велик разрыв во времени между IV в., к которому относится граффито, и временем Птолемея, но справедливо и то, что Нижнее Поволжье — давний сарматский ареал. По основе $\alpha\sigma$ -племенное имя $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ может принадлежать к комплексу этнических и родовых наименований Центральной Азии II-I вв.: Asiani, цари тохар (писатель конца II — первой пол. I в. до н. э. Аполлодор Артемитский у Помпея Troga, Hist. prol. lib. 41), $\Lambda\sigma\alpha\iota$ Страбона (XI, 8, 2), наименование правящего рода тюрков *ашина* в китайских источниках, наименование алан (осетин) Asy (Asi, Assi [Абаев, 1958, с. 79–80]), родовое имя царей Второго болгарского царства Ашнь [Яйленко, 1995а, с. 61/6; ср. Абаев, 1958, с. 79–80]. К этнонимическому происхождению ЛН $\Lambda\sigma\alpha\iota\eta$ ср. осетинское женское имя Аси и мужское Ацы-рухс, образованные от этнонима алан Asy [Козырева, с. 231].

И другие имена этого раздела предположительно малоазийских неравноценны в плане возможной принадлежности к таковым. В эпитафии 30 $\Delta\alpha\beta\alpha\iota\eta$ (КБН 179, Пант. IVa) имя покойного скорее всего фракийского происхождения, патронимик же как Lallname может быть греческого, иранского, малоазийского, наконец, местного боспорского происхождения (см. выше об иранских Lallnamen $\Delta\alpha\beta\alpha$ - и ср. [Zgusta, 1955 § 598]). Вполне вероятно малоазийская природа имени 33 $\tau\upsilon\rho\alpha$ [-] [Толстой, 1953, 215] ввиду имени $\tau\upsilon\rho\alpha\iota\eta$ на синопских клеймах, менее ясен патронимик пантикапейца 34 [...] $\eta\mu\iota\delta\iota\eta$ из делосской проксении III в. [Граков, 1939, № 21. 9] по причине своей неполноты. С. Р. Тохтасьев оперирует вероятным дополнением Л. Робера [$\lambda\alpha\zeta$] $\eta\mu\iota\delta\iota\eta$, и тут самое время воспользоваться его словами по адресу Д. Дечева, но теперь уже применительно к нему самому: «Изолированное и вдобавок неполное совпадение, конечно, ничего не доказывает» [Тохтасьев, 1992, с. 198].

Патронимик надписи 32 $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$ (КБН 219, Пант. IVa) С. Р. Тохтасьев соотнес с хетто-лувийским $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$ «правитель», указав, что остальное не поддается объяснению; привлек и др. иран. * $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$ «топор»

+ * $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$ (от * $\tau\alpha$ - «защищать») или авест. $\tau\alpha\iota\alpha\eta$ «вооруженный». Обращу внимание, что вторая основа имени $\tau\alpha\iota\eta$ в точности соответствует иранскому $\chi\acute{s}a\gamma\alpha$ «владелец, царь» etc., что склоняет к объяснению первой основы на иранской почве, может быть, к новоперс. $\tau\alpha\beta\bar{a}r$ «происхождение, семья, племя, род». Значение имени $\tau\alpha\beta\bar{a}r$ в таком случае «принадлежащий к царскому роду». Возможность объяснения на иранском материале всего имени, а не только первой основы, как на анатолийском, в том числе и у самого С. Р. Тохтасьева, отдает предпочтение иранскому его происхождению. Иранскую природу скорее имеет также имя $\tau\alpha\rho\alpha$ надгробия КБН 222, поставленного Манесом своей жене Сарии и дочери На (18 $\tau\alpha\rho\alpha$ $\mu\acute{\alpha}\nu\epsilon\omega$ $\chi\upsilon\mu\eta$, $\chi\upsilon\mu\eta$ $\mu\acute{\alpha}\nu\epsilon\omega$ (0) $\chi\upsilon\mu\eta$ [р], Пант. IV-IIIa). При малоазийском характере имен $\mu\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ и $\chi\upsilon\mu\eta$ (последнее в регионе LGPN, IV более не засвидетельствовано) имя жены Сарии не обязательно анатолийское, ибо в М. Азии оно не представлено (название острова $\tau\alpha\rho\alpha$ у карийского побережья — слабый аргумент С. Р. Тохтасьева). Зато $\tau\alpha\rho\alpha$ имеет хорошую параллель в ЛН $\tau\alpha\rho\alpha\iota\eta$ из Фракии, в том числе имя скифского царя II в. [LGN IV, 304], в имени IX в. $\alpha\acute{s}a\tau\alpha\gamma\alpha$ «единый с Артой», ЛН сына Тиграна I Sariatster (Val. Max. IX, 11) [Justi, S. 288/9; Грантовский, с. 185], нелишне упомянуть и латинское ЛН

¹ Вообще-то * $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$ «топор» вряд ли исконно иранское слово, тем более, что известна только среднеперсидская форма $\tau\alpha\beta\bar{a}k$, остальные новоиранские, это скорее бродячий культурный термин [Трубачев, 1967, с. 24], не случайно в индоевропейском ареале он представлен лишь в иранских и славянских языках, из которых заимствован в финноугорские и тюркские языки. О том же говорят и индоевропейские обозначения топора * peleku- , * sekūr- , заимствованные из семитского [Гамкрелидзе, Иванов, с. 716, 874].

² Говоря о др. перс. ЛН * $\tau\alpha\rho\alpha\gamma\alpha$, В. Хинц отметил, что эламское написание da-ba-ra указывает на \bar{a} во втором слоге, так что имя следует читать, возможно, как * $\tau\alpha\rho\bar{a}\gamma\alpha$, к новоперс. $\tau\alpha\beta\bar{a}r$ [Hinz, S. 234]. Хет. tabar- «править» > ЛН и титул Tabarna > Labarna неясно по происхождению [Laroche, p. 337].

³ Для интерпретации этого боспорского имени следует иметь в виду и популярное илирийское ЛН Tabaga , мессап. Tabaga «жрец» [Russu, 1969, p. 251; Нерознак, с. 167]. Об илирийцах в Нижнем Побужье и лесостепи от верхнего Днестра до среднего Днепра [Трубачев, 1968, с. 278 сл.; Яйленко, 1980б, с. 85/6].

⁴ Ссылка С. Р. Тохтасьева на с. 186: «Ср. также $\tau\alpha\rho\text{-}\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$ из Синоп (Zgusta, KPN. § 1375-2: $\mu\alpha\eta\varsigma$ Σ .)» неточна: там [Zgusta, 1964 § 1375] нет χ -огласовки, есть $\tau\alpha\rho\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$ и $\tau\alpha\rho\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$. Не вполне правильно его членение имени $\tau\alpha\rho\text{-}\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$: оно содержит суффикс $-\chi\alpha\iota$ (с предшествующей гласной), распространенный в топо- и антропонимике балканско-эгейско-анатолийского региона: ср., к примеру, малоазийские ЛН fem. $\Delta\eta\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$ при masc. $\Delta\eta\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$; $\text{Ar}\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$, $\text{Tar}\chi\alpha\iota\delta\iota\eta$ и др. [Zgusta, 1964 § 97, 280]. Употребление суффикса $-\chi\alpha\iota$ в ЛН — лишь часть его обширного узуса в именах собственных, именно топонимике. По заключению Л. А. Гиндина [1967, с. 50], основная масса названий с этим суффиксом располагается в юго-западной части М. Азии; у него есть корреляты $-\chi\alpha\iota$ и «топонимия Эгейских островов как бы связывает ареалы $-\chi\alpha\iota$ и $-\chi\alpha\iota$ в единое топонимическое пространство». Иначе говоря, это суффикс балканско-эгейско-малоазийского ареала, так что анатолийским ЛН с $-\chi\alpha\iota$ соответствуют балканско-эгейские ЛН с $-\chi\alpha\iota$.

Sartius [Schulze, S. 224]. В свете гипотезы П. Кречмера — О. Н. Трубачева об индоарийском происхождении синдов и других племен Боспора и Таврики, которую я разделяю, имя *Sarta* находит полное соответствие в древнеиндийском ЛН *Sarya, Saryā* «Стрела» [Keith, Macdonell, II, 363], неплохо объясняется также из др. инд. *sarī* «девушка, женщина» [Трубачев, 1999, с. 33, 270]. Как видно, иранская, скифская, фракийская и прочая антропонимика предлагает достаточно точные соответствия боспорскому имени *Sarta*, в отличие от М. Азии, где его нет. В свете указанных параллелей из Сев. Причерноморья можно заключить, что *Sarta* — местное боспорское (?) имя, так что малоазиатский переселенец Манес женился на Боспоре на местной женщине.

Совсем нет шансов на малоазиатскую родину у имени 31 *nos*. *Κτηθουρη* *Καβαθαξην* (КБН 1113, Кизилташский лиман, IVa) — и потому, что никакого анатолийского соответствия ему нет, и потому, что патронимик, по моей интерпретации, иранский — это аристократическое имя с авестийской аллюзией *Kavataxšaia-* «Кавата-царь».¹ Иранский характер патронимика *Καβαθαξην* несомненен: *Καβαθα-* как распространенное ЛИ полностью соответствует авест. *kavau-* (царский титул владык, враждебных зороастрийской традиции, первоначально обозначение жрецов, откуда *Kavau-*, *Kāvuua-* как ЛИ правоверного зороастрийца, — Яшт XIII, 114, 123), среднеиран. *ka-*, в том числе как ЛИ [Bartholomae, Sp. 442/3; Justi, S. 159-160; Гамкрелидзе, Иванов, с. 836]. Форма *Kavāta* < *Kavau-āta* (об адъективном аффиксе *-āta* см. [Maurohofer, 1977, S. 18]); Кавата — основатель легендарной династии Кайанидов (среднеиран. *Kay Kobad*). Вторая основа *ξη-* = авест. *xšaia-* «владыка, царь».² Итак, *Καβαθαξην* = *Kavāta-xšaia* «Кавата-царь». Иранский, причем

¹ [Яйленко, 1995, с. 247]. Моя попытка объяснить имя *Κτηθουρη* из ир. **hurītar* неудачна, так как не полностью отвечает греко-иранским звуковым соответствиям. Возможно сопоставление второй части имени *-ουρη* с авестийским ЛИ *Tūga-* (= *Dutak-ka*, к др. перс. **tūra-*, авест. *sūga-* «герой, сильный» [Maurohofer, 1973, S. 151, 8. 392] или к иран. **tuga-* «быстрый»: перс., курд. *tūg* «ярый», гидроним *Tūras* [Vasmer, S. 61; Абаев, 1979, с. 306; 1979a, с. 319]). К передаче иран. *v* через гр. *β* в *Καβαθα-/Kavāta-* в IV в. *cf.* разделяемое всеми иранистами соответствие иран. *vouru-stāna* — гр. *Βουροστένης* [Vasmer, 1923, S. 65] и др.; у нас, впрочем, иное мнение о происхождении гидронима [Яйленко, 19916]); такая передача возможна ввиду ранней спирантизации *b* в греческом — в дорийском, эолийском (беотийском), памфилийском диалектах [Thumb, Kieckers, S. 158; Thumb, Scherer, S. 30, 185; Buck, 1968, p. 47, 58]. Каватаке надписи КБН 1113 проживал в Гермонассе (КБН 1056. I. 20), в которой в IV в. наряду с ионийцами проживали эолийцы (с. 129), в языке которых, как и у беотий, могла проявиться ранняя спирантизация *b*. С рубежа н. э., когда эта спирантизация стала нормой, иран. *v* часто передается через гр. *β* в надписях Сев. Причерноморья [Zgusta, 1955 § 427]. Также в аккадских текстах иран. *v* передавалось через *b* [Грантовский, с. 92].

² Как авест. *xšaia-* «владыка, царь» или *xša(y)-* «мочь, владеть, властвовать» в та-наиском ЛИ КБН 1288 *Ξη-γούβης* [Vasmer, S. 45; Zgusta, 1955 § 158] и имени иберийского царя II в. *Ξη Φαριουγος* [Абаев, 1979, с. 340; Huyse, S. 174]. Передача группы

сугубо авестийский, характер патронимика — прочный залог иранской же принадлежности имени *Κτηθουρη*.¹

Царских имен в каталоге С. Р. Тохтасьева три — *Midas*, *Gordis*, *Gyges*, первое он счел бесспорно малоазиатским, два других предположительно таковыми.² Полагаю, соотношение имен несколько иное. Эпитафия 24, как замечено выше, поставлена членам одной семьи, малоазиатское происхождение главы которой удостоверяется именем Армад, более на Боспоре не

**aya* через гр. *η* соответствует сокращению ее в среднеперсидском до *ē* [Расторгуева, с. 48]. Среднеиранское состояние начинается примерно с IV в. до н. э.

¹ Мои изыскания об имени *Καβαθαξην* игнорируются С. Р. Тохтасьевым (ссылки на мою статью 1995 г. у него есть). *Et mea culpa*: при определении падежа имен в надписях на амулетниках из Тиритаки *Οχαζανος υαρ[ι]της (?)* «(?) фарн Охазана» и *Φοριβανος ψυχῆ* «душа Форивана» [Яйленко, 2005, с. 502/3] я не сослался на работу Тохтасьева [2001, с. 163], в которой он высказал мнение, что это род. падеж имен. Также ему принадлежит догадка, что в первой надписи, вероятно, упоминался фарн как эквивалент *ψυχῆ* (я увидел сборник *ANAXAPΣIΣ*, отсутствующий в библиотеках Москвы, только в 2007 г. благодаря любезности С. Ю. Сапрыкина, поэтому спешу отметить приоритет Тохтасьева в указанном). Что до существа вопроса о падеже имен на амулетниках, то типология апотропеических надписей *имя + ψυχῆ* предусматривает, что имя обязательно ставится в род. падеже. Полагая соответствием имени *Ατανος* (надпись III в. н. э. на кольце из Пантикапея *Ατανος ψυχῆ*) персидское имя *Отатис* и плохо обосновав вероятность передачи перс. *hu-* через греч. *a* (теперь снимаю это сопоставление, *cf.* [Грантовский, с. 124, 132]: иранская основа *at* «отец» + суффикс личных имен *-(ā)na*), я предположил, что *Ατανος* — номинативная форма и употреблена вместо необходимого род. падежа вследствие утраты категории склонения рядом языков среднеиранского состояния (сарматский язык боспорского Атана среднеиранский). С. Р. Тохтасев привел в качестве соответствия форме *Ατανος* лидийское имя *Atas*, от которого, по его мнению, образован *gen. Ατανος*. Это было бы хорошим решением вопроса, однако, во-первых, лидийский *gen. Atadoj* имени *Atas* не побуждает к суффиксации *gen.* имени в греческой передаче через *-ιος*, во-вторых, имеющаяся танаиская параллель к форме *Φοριβανος* имени из Тиритаки — *Φοριβανος* КБН 1279. 16 — не дает требуемого гипотезой Тохтасьева окончания номинатива *-ας*, наконец, реально существуют номинативные формы *Ατάνης* (тебтунисский папирус II в. н. э. [Preisigke, Sp. 63]), *Ατάνιος*, *Athanius* — имена римлян (*Dio Cass. LIX, 8, 3; Schulze. S. 347*). В число этих номинативов органично вписывается и форма иранского по происхождению имени *Ατανος*.

² 2 *Midas* *tō adriakeos* (КБН 154, Панти. Va). 27 *ικη Γύγης καὶ Πάτακου ἔπος* — графито на чернолаковой солонке IV в. Панти. [Блаватский, 1964, с. 93]. 24 *Αρμαδης, Δη[μ]ήτρ[ια] Αρμα(δ)ου γυνῆ, Γορδης Αρμαδο, Ἀρτεμιδίου Αρμα(δ)ου* (КБН 168, Панти. По Латышеву, не позднее первой пол. IVa, согласно Тохтасеву, «ок. середины IV в.», я по соотношению графем *δ* и *ου* как 2 : 1 (см. с. 24) отношу эпитафию ко второй четверти века). 25 *Ηδika Γορδίου θυγάτηρ* (КБН 184, Панти., вторая пол. IVa). С. Р. Тохтасев вслед за Л. Згустой отнес женское имя *Ηδika* к числу неизвестных, на мой взгляд, это вариант популярного боспорского имени *Ηδία* (*Hēdia*) с суфф. *-κα* (как *Mika* от *με-ῶ* «уменьшать», *Παντί-κα* при *masc. Παντί-ας* и *np.*). Если от той же основы *ηδ-* образованы имена *Ηδους*, *Ηζους* (КБН 328, 928 *etc.*), имеющие вероятную иранскую этимологию [Zgusta, 1955 § 291], *Ηδika* — ирано-боспорское имя.

представленном. Дав сыну имя Гордис, Армад подчеркнул свою анатолийскую этническую самоидентификацию, т. е. имя Гордис в данном случае бесспорно малоазиатского происхождения.¹ Любопытно в плане антропонимии, да и бытовой истории пантикапейцев, что жена и дочь Армада имеют греческие имена. Жена Деметрия могла происходить из анатолийской, греческой или туземной боспорской семьи, но имя родители дали ей греческое, так как девушка — товар на выданье, и поскольку в городах Боспора господствовала греческая цивилизация, все должно быть *comme il faut*, по-гречески. По этой же причине Армад дает своей дочери греческое имя Артемидора, тогда как сын — другое дело, он продолжатель рода.² Подобным образом твердо хранит свою малоазиатскую этническую самоидентификацию и семья Тииса пантикапейской эпитафии КБН 228, подчеркнувшей, что он не только сын Теттева, но и внук Мидаса.³ А вот Мидас пантикапейской эпитафии 2 Μιδάτος τῷ ἀδριακεῶς не имеет отношения к малоазиатской традиции ввиду своего неанатолийского патронимика (С. Р. Тохтасьев предполагает, что оно иранское).⁴ А. Згуста прав в том, что нельзя порой отличить малоазиатскую антропонимическую традицию от собственно греческой ввиду распространения преданий о фригийском царе Мидасе и в греческой среде [Zgusta, 1955 § 1081]. Добавлю, что при наличии в надписи этнически выраженного антропонимического контекста можно уточнить это, как в случае с упомянутыми эпитафиями КБН 154, 228.

Мало шансов на малоазиатское происхождение у имени *gen.* Γυῦντος из пантикапейского граффито 27 ἰκτὴ Γυῦντος καὶ Παταίκου ἔπος, так как неиз-

¹ Необычные флексии *nom.* Γόρδης КБН 168 и *gen.* Γόρδιος КБН 184 не должны смущать ввиду разных вариантов на малоазиатской почве — *nom.* Γόρδης у Геродота (по *gen.* Γόρδιω), *nom.* Γόρδιος, *gen.* Γόρδιου литературных источников и малоазиатских надписей [Zgusta, 1964 § 230], *nom.* Γόρδιас монет.

² Разумеется, семья могла сложиться на Боспоре, либо переселиться сюда из Анатолии; в первом случае речь может идти о сохранении этнической самоидентификации на новом месте обитания, во втором о естественном наименовании детей по анатолийскому узусу.

³ 3 Τησις Τηττεῶ τοῦ Μίδαο. Издатели КБН осторожно отметили, что надпись «не позднее IV в.». С. Р. Тохтасьев дает точную дату — «начало IV в.», не разъяснив, почему, и напрасно, так как надписи с соотношением графем -δ и -ου как 2 : 1 не могут быть ранее 370-х гг. (см. с. 24-25).

⁴ Издатели по-разному читали патронимик: [Γ]αδαάκεος — Латышев, Γαδαάκεος КБН 154, Γαδαάκεος — Болтунова (комм. в КБН). Тохтасьев дал чтение ἀδριακεῶς и считал его возможно иранским [1994, с. 165], затем [2002, с. 84] вслед за Шкорпилом Χ(Γ)αδριακεῶς, а в 2007 г. вернулся к прежнему чтению. Я усмотрел на камне Γαδριακεῶς — вертикальная черта перед первой αλфой, которую предшественники принимали за иоту, опущена ниже остальных букв и производит впечатление глубокой чужеродной прорези [МБЭ, с. 63]. Ввиду порчи поверхности камня нельзя настаивать на правильности какого-либо чтения, тем более на определении языковой принадлежности имени.

вестно, имеет ли оно вообще отношение к анатолийскому имени Γύυης — в литературных памятниках *gen.* только Γύου (также в надписи V в. из Галикарнасса [Zgusta, 1964 § 239]), здесь *gen.* Γυῦντος или даже Γυῦντος, при котором номинатив может быть Γύυης и Γυῦντης. В разделе об этих ЛИ Тохтасьев рассуждает о параллелизме форм Γύυης и Γυуос, но умалчивает о существе — греческое это имя или малоазиатское.¹ Также интерпретация им содержания надписи ἰκτὴ Γυῦντος καὶ Παταίκου ἔπος: Гигент «победитель в рапсодическом агоне», Патек, возможно, был сыном Гигента (или наоборот) — неточна, на что указывает ее композиция. Граффито содержит пару бинарных структур *существительное + gen. личного имени*, соединенных союзом καὶ — 1) «победа Гигента», 2) «стихотворное произведение Патека», т. е. Гигент победил в каком-то состязании, а Патек воспел его победу в стихотворном произведении. Это самая обычная ситуация — поэт воспевае победителя агона.² Далее, вопреки С. Р. Тохтасьеву, никакого указания на родство Гигента и Патека из текста граффито не следует, зато другие надписи — КБН 10, одно посвятельное и 4 владельческих граффити на посуде — позволили установить состав аристократической семьи Патека [Яйленко, 2005, с. 468]. Тохтасьев отнес граффито с именами Гигента и Патека общо к IV в., но графика посвящения КБН 10, сделанного сыном Патека Сатирионом при Перисаде I, позволяет уточнить дату и вотива и граффито:

¹ Существуют три объяснения ЛИ Γύυης галикарнасской надписи: оно анатолийское, имеет в основе хет. hūhha- «дед, предок»; 2) имя греческое, к названию водяной птицы γύυης, и заимствовано из догреческого антропонимикона ([Neumann, S. 69-71; Zgusta, 1964 § 239], *лит.*; из отечественных авторов первое мнение поддержали В. В. Шеворошкин [1965а, с. 237], А. А. Гиндин [1967а, с. 225], второе А. И. Иванчик [2005, с. 65]). 3) Первое объяснение не предполагает обязательно хеттского происхождения имени, так как hūhha- (ему родственны арм. haw «дед», лат. avus «дед» *etc.*) было заимствовано в греческий — это глосса Гесихия γυυαί παπποι «деды, предки» [Frisk, 1955, S. 331; Chantraine, 1968, p. 239], через которую давно объясняли ЛИ Γύυης [РВ, 261], что может вводить его в число греческих Lallnamen. К этому гнезду относится и македонское женское ЛИ Γυυαίη (Herod. VIII, 136 — дочь македонского царя Аминты). Еще одно антропонимическое отражение слова γυυαί — ЛИ Γαυууос на Кипре и в Галикарнассе V в. [Syll.³ 46 A. 48; Zgusta, 1964 § 451-4; Шеворошкин, 1965а, с. 237, 255]), в котором первую основу составило эгейско-балканское обозначение поросших лесом гор ἰδη, что также выводит это ЛИ за пределы М. Азии, тем более ввиду присутствия его на Кипре.

² К примеру, так Пиндар писал оды в честь победителей олимпийских, пифийских и прочих спортивных состязаний. Есть и эпиграфические записи подобного рода: к примеру, ἰκτὴ Ἀρεταίου, εὐ, εὐ, εὐ «победа Аретей, ура, ура, ура!» в гимнасии на Иасе [Guarducci, 1975, p. 370]. Выигрыш на разного рода соревнованиях подразумевает победными граффити на стенах и колоннах святилища в Дидимах, к примеру: ἰκτὴ Γλαύκου «победа Главка!» [Rehm, № 509 f.]. Подобную структуру имеет и эрмитажное граффито V в. на фрагменте чернолакового сосуда (П. 1867.68.39): ἰκτὴ | [-]ἰδ «победа имярека». Поскольку запись о победе Патека тоже сделана на столовом сосуде, он победил скорее всего в застольном состязании.

графема б в КБН 10 указывает на первые годы правления Перисада, т. е. ок. 344–340 гг. (см. с. 25). Соответственно отец Сатириона Патек действовал во второй четв. — сер. IV в., к этому времени и относится граффито с именами Гигента и Патека. Не замечая опубликованные данные, С. Р. Тохтасьев делает устаревшим свой материал.

Станным образом в число малоазийских имен он поместил 5 персидских ЛИ (35–39), считая, что их принесли на Боспор выходцы из Понта и Пафлагонии. Аргументация забавная: Νεοσιτύριος 'Аспамидареос' и 'Аспамидареос' КБН 211, 242 потому малоазийцы, что есть синопское амфорное клеймо гончара 'Ασπιδάρεω; даже такого немогущего аргумента лишены Митрабат и Сатрабат эпитафий КБН 245, 1066 — они малоазийцы потому, что имена их персидские! С таким же успехом можно счесть носителя тюркской фамилии Тохтасьева этрусском ввиду этрусского имени Сергей, носителя тюркской же фамилии Яйленко римлянином вследствие латинского имени Валерий. Поскольку известно, что уже Дарий I осуществлял протекторат над Боспором через сатрапию Понт (точнее, 18/19-ю сатрапию, *Herod.* III, 94) (выше, с. 10), носители персидских имен на Боспоре были натуральными персами, а не малоазийцами с персидскими именами. Более того, по причине выявляемого в последнее время влияния Ахеменидской Персии на ранний Боспор ([Кошеленко, Усачева, 1992; Fedoseev, 1997; Кошеленко, 1999; Яйленко, 2004a], критика [Молев, 2006]; сам Тохтасьев усмотрел влияние ахеменидской титулатуры на титул Спартокидов) носители персидских имен IV в. Митрабат, оба Аспамитара и Сатрабат Спитамович (КБН 211, 242, 245, 1066) вполне могут быть боспорцами с персидскими именами подобно множеству боспорцев с персидскими именами эллинистического и римского времени — всем этим Ариарамнам, Ариаратам, Оронтам, Ахеменам, Фарнакам и прочим.¹ По этой причине, да и ввиду отсутствия сколько-нибудь вменяемых доказательств, привлечение С. Р. Тохтасьевым персидских имен к рассматриваемой им теме беспочвенно.

По его мнению, имя [Τ]ιράντης эпитафии первой половины IV в. из Пантикапея КБН 226 «пришло из Малой Азии». Его чтение эпитафии: 39 [Τ]ιράντης Γότο υἱός воспроизводит текст Латышева (IOSPE IV, 345: [Τ]ιράντης Γότο(υ) υἱός), который невозможен по ряду причин. Камень хранился в Керченском музее, нынешнее местонахождение неизвестно, однако, благодаря КБН-альбому,

¹ Конечно, позднее на распространенность персидских имен на Боспоре повлияло включение его в царство Митридата Евпатора (на это указал еще В. Ф. Миллер), однако и в предшествующее время персидские имена у боспорцев популярны — у пятерых в IV в., в III в. только в Пантикапее у четверых — КБН 242 'Ασπιδάρεω, 245 Μιτράβαττς, 'Ασπίδης, граффито КМГ 44 Митрадат (выше, с. 112). Отмечу неточность ссылки С. Р. Тохтасьева в прим. 172: «См... Zgusta. Pers. § 33, 554 (S. 49)» — эта S. 49 не имеет ничего общего с трактуемой темой. Сказанное относится и к прим. 196: «Zgusta, 1955, § 74» — в § 74 нет речи об имени Γοδοσαυός.

мы располагаем не только прорисью Латышева, но и фото. По фото непременно видно, что в начале имени покойного утрачены 2 буквы перед *иотой*, а не одна, что делает прочтение Латышева с одним Т неприемлемым. Сознавая это, С. Р. Тохтасьев предположительно усмотрел перед *иотой* остатки Ε, что дало бы две искомые буквы, но форма Τειραντης представлена на Боспоре лишь в надписи III в. н. э. КБН 36, тогда как для IV в. до н. э. передача древнеиран. *t* через *ei* не засвидетельствована (боспорские имена КБН 36, 85, 638, 781, также [Матковская, Тохтасьев, № 8] Τιραντης, Τιραντος, Τειραντης восходят к иранскому теониму Tīra- [Justi, S. 325/6; Zgusta, 1955 § 230]). Тем не менее конечный результат у Тохтасьева — всего лишь вопрос при чтении Латышева [Τ]ιραντης, очередной пример непоследовательности. Видел необходимость еще одной буквы между Т и Ι также Ю. Г. Виноградов — он усмотрел перед *иотой* омикрон и предложил чтение [Κ]οίραντης, показав, по своему обыкновению, разрушенные буквы целыми [Vinogradov, 1997, S. 115, Anm. 92]. Однако Тохтасьев правильно заметил, что известная форма имени — Κοίρανος, так что форму *Κοίραντης можно только предполагать. Со своей стороны отмечу, что для чтения первой буквы имени как Т основание есть — прямо у левого края плиты видна полочка (линеек не было). Вторая буква целиком испорчена, так что желающий может прочесть тут и круглую букву и прямую. Предположительно усматриваю в третьей букве не Ι, а Γ (тонкая горизонталь сверху, кажется, просматривается на фото), и это дает не оставляющее вопросов популярное персидское ЛИ [Τ]ιραντης (имя одного из Ахеменидов, также военачальник персов при Микале и др.: *Herod.* VII, 62; IX, 96; *Xen. Hell.* IV, 8, 21 [Justi, S. 324]).

Патронимик Готō С. Р. Тохтасьев сопоставил с первой основой сарматского имени Γοδοσαυός из Танаиса (КБН 1287. 29), которую счел причастной отглагольной формой: «вероятно, *guta- от *gau-, ср. др. инд. *gav- «кричать», «восхвалять» в jōguve «кричит, восхваляет», jōgū- «громко поющий, восхваляющий», ср. γοάω. Готос может быть гипокористиком от имени вроде *Guta-sava(h)-» ([2007, с. 196], со ссылкой на индийские факты из этимологического словаря древнеиндийского языка М. Майрхофера). Цитированный пассаж выказывает неведение его автора в области иранских фактов. Иранская основа *gau- (также *gū-) «звать, кричать, взывать» восстанавливается отнюдь не на базе др. инд. jōguve, jōgū-, как кажется Тохтасьеву, а на базе позднеавестийского прилагательного gav- «кричащий, вызывающий», согд. ywd'r- (основа перфекта глагола «говорить, сказать»), хорезм. yw- «хвалить, восхвалять» [Bartholomae, Sp. 504; Расторгуева, Эдельман, 2007, с. 231]. Далее, боспорский именник предоставляет в качестве соответствия имени Готос не только ЛИ Γοδοσαυός, но еще одно, упущенное Тохтасьевым из виду: Ξη-γούδης (КБН 1288. 14). Объяснение основы γοδ- в обоих танаисских именах однозначно у Ф. Юсти, М. Фасмера, Л. Згусты: к авест. gaoīdu- «оберегающий / имеющий крупный рогатый скот» [Justi, S. 495; Vasmer, S. 37; Zgusta, 1955 § 95, 158]. Ринувшийся в санскритскую лексику С. Р. Тохтасьев ни сло-

вом не обмолвился и о нем, а оно своей прочностью практически не оставляет шансов его объяснению патронимика Готō.¹

В целом читаю эпитафию КБН 226 так: [?] Τῆς ράτης Γότō υἱός «(?) Тигран, сын Гота». Не настаиваю на своем прочтении имени покойного, но и без него изложенное показывает невозможность данного С. Р. Тохтасьевым объяснения ее имен, так что его операции на с. 194-196 с древнеиранской да древнеиндийской лексикой и именами, да 17 примечаний на двух с половиной страницах с сотней отсылок к литературе и источникам порождают всего лишь кажущуюся солидность текста. Для читателя, не владеющего лингвистическими приемами, тут и повсюду в статье С. Р. Тохтасьева бездна учености, а по факту мыльные пузыри вроде иранского *guta-, сооруженного на основе др. инд. jóguve, jógū- для объяснения боспорского ЛИ Γότος.²

Завершает С. Р. Тохтасьев статью о малоазийских именах выводами исторического плана. Его исходная позиция состоит в том, что собранный им антропонимический «материал достаточно велик и репрезентативен (48 имен при 62 носителях), чтобы сделать немаловажные исторические заключения, даже отвлекаясь от сомнительных и проблематичных случаев. Число известных на Боспоре V-IV вв. малоазийских имен (вместе с персидскими) и их носителей уступает только греческим» [с. 196]. Однако наш анализ состава имен, проведенный выше, показывает, что «отвлекаясь от сомнительных и проблематичных случаев», мы располагаем всего 16 твердо малоазийскими именами.³ С. Р. Тохтасьев тоже признает «бесспорно малоазийски-

¹ Осталась ему неизвестной и этимология Б. Надэля [1958а, с. 155]: разъяснив ЛИ Ερῶδης из иран. xšay- «царственный, блестящий» + скиф. *guta- «мысль» (при осет. хуыды) = «обладающий блистательными способностями», Надэль связал с *guta- также ЛИ Готос, Σαυόδας.

² Древнеиндийские факты Тохтасьев позаимствовал из справки Хр. Бартоломея ([Bartholomae, Sp. 504]: gāv-, ср. др. инд. jóguve), но без ссылки на него.

³ 3 Τῆς ράτης, Τεττεῦος, Μιδας, 5 Θῦς, Ατω/οτης. 11, 12 Κυλιαίς, Αττης. 13, 14 Τίβης, Τίβειος, Ιττης. 14, 18 Νάα, 18, 19 Νά, Μανης. 24 Αρμαδης, Γόρδης, также Δρο/υσαίς эпитафии пафлагонца КБН 180. С. Р. Тохтасьев приложил к своей статье список имен, но не выделил сочтенные им твердо малоазийскими ЛИ, что затрудняет пользование. Однако на с. 203-204 он признает «бесспорно малоазийскими» 16 имен: Αρμαδ/λ-, Ατους, Γόρδης, Γύτης, Θῦς, Κυλιαίς, Μιδας, Μιδαος, Νά, Νανās, *Ολγαςος, Σάγαρης, Τάτης, Τεττεῦος, Τίβης, Τίβειος. Его список численно равен моему, но состав имен несколько разнится: нет у него имени 3 Τῆς ράτης (при том, что он сын Тетева, внук Мидаса!), 11 Αττης (при том, что он отец Килианиса!), 33 Τυρ- (при том, что соответствие есть лишь в М. Азии), Δρο/υσαίς (он пафлагонец). В моем списке нет из списка 16 имен С. Р. Тохтасьева Ατους, Γύτης, Μιδας, Τάτης, Σάγαρης, *Ολγαςος. По моим выкладкам (см. выше, с. 111), включая два неопубликованных граффити из Керченского музея, в IV — первой пол. III в. на Боспоре обреталось ок. 20 малоазийцев. В частности, к их числу следует добавить женское ЛИ Μαίρα из эпитафии амисенской семьи первой пол. III в. КБН 249. Рискованно считать его греческим, так как μαίρα сначала «сумасшествие, безумие», а потом «вдохновение». Б. Надэль [1956, с. 75] удачно облизал его с фригийской глоссой у Афиней (578а): μαίρα· καλή «красивая,

ми» 16 имен, но оперирует цифрой 48 для выкладок исторического плана, т. е., вопреки изложенным уверениям, все-таки с учетом «сомнительных и проблематичных» имен. Как следствие, нетрудно подсчитать, соотнеся его цифры 16 и 48, что основательность его «немаловажных исторических заключений» уменьшается на 2/3 ($16 : 48 = 1 : 3$); попросту говоря, из «немаловажных» исчезает *нв*. По существу ошибочно и его утверждение, что число малоазийских имен уступает только греческим: боспорские надписи V — первой пол. III в. содержат несколько сот греческих имен, так что сопоставление с ними полусотни, а на проверку десятка с половиной малоазийских имен, неправомерно, это сродни сравнению москвы со слоном.

Есть еще один аспект в построениях С. Р. Тохтасьева, молчаливо обойденный им: существенное число малоазийских ЛИ, которые он счел источником боспорских имен, по времени первой фиксации позднее боспорских. В принципе, если речь идет, скажем, о «детских» именах какого-либо региона, это неважно, но если ставится вопрос о миграции ЛИ из региона в регион, это важное обстоятельство, и понятно, что направление миграции шло оттуда, где они засвидетельствованы раньше. В таком аспекте построения С. Р. Тохтасьева правомочны только в отношении нескольких ЛИ, которые по времени предшествуют боспорским.

Ввиду сказанного нет смысла судить о выводах С. Р. Тохтасьева исторического плана — они недостоверны, так как покоятся на неоправданно расширенном толковании боспорских ЛИ как малоазийских.⁴ Насколько

славная».

⁴ И здесь не без противоречий: утверждая, что первые Спартокиды ввиду расширения своих земельных владений в первой пол. IV в. проводили политику привлечения трудовых мигрантов из М. Азии, он упустил из виду сказанное им ранее: экономическая сфера занятости малоазийцев — ремесло и торговля. Гастарбайтеры обычно привлекаются в качестве неквалифицированной рабочей силы (это хорошо видно сейчас и в Москве и в Питере), и если Спартокиды нуждались в них в связи с расширением своих земельных владений, как счел С. Р. Тохтасьев, они привлекались бы для сельскохозяйственных работ, а не ремесла и торговли. Какое место в действительности занимали тут малоазийцы, показывают несложные расчеты. 250 лет взятой С. Р. Тохтасьевым эпохи V — первая пол. III в. составляют (по счету греков 30 лет на поколение) 8 поколений. Разделив 16 твердо малоазийских имен на 8, получим, что в каждом поколении боспорцев было по 2 малоазийца. Пойдем навстречу С. Р. Тохтасьеву и примем 48 малоазийских имен у 62 носителей — в этом случае ($62 : 8$) в каждом поколении боспорцев было по 8 малоазийцев; с учетом заключения Тохтасьева, что большая часть имен приходится на первую пол. IV в. [с. 204], окажется, что в это время на Боспоре было до 35-40 малоазийцев, тогда как другие поколения 250-летней эпохи практически обходились без них. А эти 35-40 малоазийцев, если руководствоваться его выводами о сферах занятости выходцев из Анатолии на Боспоре [с. 200-203], были ремесленниками, торговцами, наемниками, флейтистами, гетерами, невестами, женихами. Поделите 40 на пяток профессий и получите картину малозаметного участия малоазийцев в жизни Боспора. Конечно, реальные цифры были больше, но дошедшие до нас боспорские надписи отражают

утратились, о чем свидетельствуют глоссы Гесипия ὄρχαμος βασιλεύς, ἡγεμῶν, также эпиграмматист VI в. н. э. Паллад [Anth. Pal. XI, 284; Boisacq, p. 720]. Все поэтические апеллативы, от которых образованы 37 личных имен свода Ф. Бехтеля [Bechtel, 1917, S. 562/4], употреблялись в качестве самостоятельных слов, за исключением как раз слова ὄρχαμος. Несколько сужает возможность производства имени ὄρχαμος от гомеровского слова ὄρχαμος и то обстоятельство, что последнее употреблялось исключительно в *Kunstsprache* гомеровских поэм: в Илиаде и Одиссее 25 раз [Autenrieth, S. 231], у Гесиода (fr. 96. 12) и Эсхила (Persae, 129) по разу, что определенно указывает на заимствование термина Эсхилом из гомеровского языка.¹ Таким образом, слово ὄρχαμος самостоятельно не употреблялось в живой речи, что сводит к минимуму производство от него ЛИ ὄρχαμος в Горгиипии и Эфесе. Тем не менее, полное совпадение по форме указывает на их этимологическую близость.

На происхождение имени ὄρχαμος указал Овидий — оно персидское, в связи с чем обратим внимание на иран. a(h)uṛga- «владыка, правитель» [Bartholomae, Sp. 293; Расторгуева, Эдельман, 2000, с. 101], которое с IV в. до н. э. передавалось греческим Ὀρο-, Ὄρο-: Ahurafarnah- = Ὀροφάρνης (брат Ариарата Каппадокийского, 353 г.), Ὄροβάτης и др., авест. Ahuramazdāh, пехл. Ōhrmazd = Ὀρομάζης, Ὀρομάσδης (у ученика Аристотеля Евдема Родосского, Теопомпа и др. [Justi, S. 7, 234, 483; Грантовский, с. 329]).² Такого рода передачи были возможны уже в VI и V вв. — слабый h и монофтонгизация дифтонга au > ō в a(h)uṛga- нашли отражение в эламских и аккадских передачах: аккад. Ura-mazda, эламское заимствование Oṛamašta, эламская передача персидского имени Uṛga, им соответствует имя брата мага Гаутамы Oṛopastes у Юстина (I, 4).³ Наряду с обычной формой a(h)uṛga- в персидских ЛИ употреблялся вариант a(h)uṛgi-: ассир. Aurigarnu-, вавил. Urimizda-, с меной a-i (см. о ней [Грантовский, с. 72/3, 76, 210, 257, 329]), что отодвигает указанные фонетические явления к VIII–VII вв.⁴ Среди древнеперсид-

¹ Язык Гесиода в основе тот же эпический *Kunstsprache*, но с большим компонентом древнеэолийского диалекта и дельфийского говора [Fick, 1887, S. 60/7]. Для представления об одном авторе произведений гесиодовского корпуса существенно наблюдение Дж. Эдвардса, что в языке Трудов и дней и Теогонии содержатся одни и те же негомеровские элементы [Edwards, p. 175].

² Также в персидской глоссе ὄροσάγγαι «телохранители царя» (Herod. VIII, 85; Soph. fr. 183), к *ahurasanḡha- [Грантовский, с. 230]. Форма Гесипия ὄροσάγγης отражает то же опущение второго a в a(h)uṛga-, которое представлено в греческих передачах имени Ахурамазды (среднеперс. Ōhrmazd etc.) — Ὄρμισδης и др.

³ [Brandenstein, Mayrhofer, S. 29; Hinz, S. 24; Justi, S. 238; Грантовский, с. 329]. Есть и сомнения в указанной монофтонгизации дифтонга [Грантовский, с. 80 сл.; ОИЯД, с. 243], тем не менее, по заключению Грантовского [с. 84], ω, о греческих передач могут соответствовать va(h)u, vah(a)u, ava(h)u, по крайней мере авд реаль-ного персидского произношения VI–V вв.

⁴ О мене a-i в ассирийских и вавилонских передачах древнеиранских ЛИ см. [Грантовский, с. 72/3, 76, 210, 257, 329]. В греческих передачах она представлена с VI–V вв. в имени Митридат, во втором слог которого употреблялось a (Μιθραδάτης —

ских имен VI–V вв. есть интересующее нас Ahurikāma- (в эламской передаче Urikama) «Желание владыки». Ему в точности соответствует греческая передача ὄρχαμος: иран. (авест.) ḡ передаётся через гр. ρ, иран. (авест.) k через гр. κ, χ.² Передача перс. a(h)uṛga- в ЛИ через Ὀро- в греческом, как сказано, появляется с середины IV в., что соответствует времени фиксации имени ὄρχαμος в Горгиипии.³

Посмотрим, каким образом можно совместить по смыслу имя Ahurikāma- «желание владыки» с гомеровским ὄρχαμος ἀνδρῶν etc. Иран. a(h)uṛga- «владыка, правитель» образовано от ahū- того же значения, и Хр. Бартоломэ заметил, что в военном контексте ahū- соответствует греческому бацилею, обязанность которого в числе прочего вершить суд [Bartholomae, Sp. 282]. В таком аспекте иранскому *kāma- «желание, требование» (Verlangen, Wunsch [Ib. Sp. 463]; Begehren [Brandenstein, Mayrhofer, S. 128]) более подходит оттенок значения этого слова в пехлевийском, персидском и др. «воля» [Абаев, 1958, с. 599], в целом смысл имени Ahurikāma- «Воля владыки» как судебное решение, вердикт царя воинам, людям.⁴ Отсюда обязательные в гомеровском языке при ὄρχαμος компоненты ἀνδρῶν, λαῶν, у Эсхила στρατῶ (ср. II. 7, 234: κοίρανος λαῶν «предводитель войска»). В гомеровском языке должна быть форма *ὠρόκαμος, а не ὄρχαμος, начальный краткий o которого указывает на заимствование не напрямую из персидского, что и исторически невозможно, а из анатолийского языка-посредника, соседнего с Ионией и Эолидой. Источником для этого языка-посредника мог быть также иранский язык обретавшихся с последней четв. VIII — первой пол. VII в. в М. Азии киммерийцев, скифов, либо иного иранского народа. Образец заимствования греками здесь в раннее время иноязычного потестарного термина дает слово πάλις «царь» (Гиппонакт, fr. 3, 4 etc. Diehl): оно почерпнуто у лидийцев, у которых πρίν πάλις βασιλεὺς ὁ σύμπας ἐκαλεῖτο «раньше царь в общем именовался

Herod. I, 10), но преимущественно i (Μιθραδάτης — казначей Кира Старшего, Ios. Phil. Ant. Jud. XI, 1, 3 и др. примеры, см. сводку [Justi, S. 309 f.]).

¹ [Hinz, S. 24, cf. Mayrhofer, 1973, S. 248, № 8. 1761]. К первой части ср. имена Ahuṛga- «владыка», Ahurapāta- «защищаемый владыкой», ко второму композиту kāma- ср. имя Bagamkāma- [Hinz, S. 24, 57], Μασκάμης (Herod. VII, 105) = иран. Mas(a)kāma; эламское Baradkāma, вероятно, передает иранское ЛИ Bṛdakāma [Грантовский, с. 195, 239]. К значению ЛИ Ahurikāma- «Желание владыки» ср. иранское ЛИ в ассирийской передаче Satorēšu = иран. *Xšaθraisa «Стремящийся к власти» [Грантовский, с. 316/7, 322].

² [Zgusta, 1955 § 377, 378, 435]. Примеры передачи авест. ḡ через греч. ρ в ЛИ Сев. Причерноморья: Παρσπακαός, Φαλδαρανός, Φαρζήνος, с авест. pairi- = пар [Миллер, с. 88; Zgusta, 1955 § 180, 435; Абаев, 1979, с. 298]. О передаче иран. k через греч. χ см. ниже.

³ Второе o греческих фиксаций с Ὀро- передает второе a перс. a(h)uṛga-, у нас же основа a(h)uṛgi-, что и влечет передачу через ὄр-.

⁴ Также в древнеперсидском, к примеру, в конце надписи Дария I о строительстве Суэцкого канала (C 12): корабли пошли по каналу, yaθā mān kāma āha «так как была моя воля» (пер. В. И. Абаева [Хрестоматия, 1963, с. 366]).

пальмюсом» (Tietz. *Chil.* V, 455; из лид. *qalm(λ)u-* «царь» [Шеворошкин, 1967, с. 56]), и тоже стало антропонимом (II. 13, 792: Πάλμυς), а также эпитетом Зевса (*Isophr.* 691).

Как сказано, нет необходимости напрямую связывать появление в греческом древнеперсидского ЛИ *Orchamus* и гомеровского титула ὄρχαμος — персидское ЛИ появляется в Горгииппии в IV в., тогда как гомеровское слово в VIII–VI вв. (крайние даты создания Илиады и Одиссеи, имеющиеся в литературе). На раздельное появление в греческом персидского ЛИ и титула указывает отражение иран. *k* через греч. *χ*, *a(h)ura-* через *ωρο-*, *ορο-*, *a(h)urī-* через *ωρ-*, *ορ-*. Отражение *a(h)urī-* через *ορ-* засвидетельствовано с IV в. до н. э. (см. выше), передача иран. *k* через греч. *χ* с VI–V в.¹

¹ Передача иран. *k* через греч. *χ* может быть объяснена трояко: 1) как следствие перехода *k* в *x* в иранском, 2) как результат разных возможностей греческой графики для передачи иран. *k*, 3) как следствие преобразования иран. *k* в *x* в языке-посреднике между иранским и греческим. Поясним эти возможности. 1) В иранских и особенно восточноиранских языках спорадически варьировались *k*–*x*: др. иран. **kap-* / **xap-* «копать», **xar-* < **kar-* «лопать, жрать» и пр., отсюда развитие *x* из иран. *k* в осетинском и памирских языках [Эдельман, с. 130, 132, 137, 139, 153]; напротив, скифы-стражи в Афинах V–IV вв. произносят греч. *vaίχι* как *vaίki* [Aristoph. *Thesm.* 1183, 1218]. Хотя древнейшие образцы развития *x* из иран. *k* дают танаисские ЛИ лишь III в. н. э. 'Αφαχος, Μίδαχος и др. [Zgusta, 1955 § 378; Huyse, S. 182 f.], вне Сев. Причерноморья есть и более ранние примеры: др. иран. **xaw-* из арийского **kaf-* «падать»; др. иран. личное местоимение I л. *gen. pl.* **ahmākam* (> авест. *ahmakam*) в древнеперсидском по ассимиляции *k* аспирировано в *x*: *amāxam*, *cf.* младоавест. *ahmākam* [Brandenstein, 1956, S. 52/3; Brandenstein, Mayrhofer, S. 47; Huyse, S. 167/8, Anm. 2]. Развитие др. иран. **ahmākam* в др. перс. *amāxam* позволяет предполагать аналогичное развитие др. перс. *ahurikāma* в **aurixāma* = гр. ὄρχαμος. Однако отнести эту передачу к гомеровскому времени (VIII–VI вв.) нельзя ввиду передачи в то время иран. *au* через греч. *ω*, а не *ο*. Кроме того, имеющиеся фиксации иранских ЛИ с *kāma-* (прим. с. 161) показывают сохраненное *k*. 2) Персидское ЛИ Ἀρχάμος у Эсхила (*Persae*, 995) отражает иран. **ankuraka* «винодел» или «много / охотно пьющий вино» [Грантовский, с. 203, 264], либо *(h)ang-karau- [Schmitt, 1978, S. 50], так что уже в VI–V вв. иран. *k* передавалось через греч. *χ*. Можно счесть, что это обязано уподоблению греческим именам на -χάρης, однако этому противоречит передача того же, но мидийского, ЛИ как 'Αρχάρις (певец при дворе Астиага, упоминаемый историком IVa Дионом, — *apud Athen.* XIV, 633d [Schmitt, I. c.]), в котором иран. *k* передано через *γ*, т. е. без уподобления греческим именам на -χάρης. Также аккадские фиксации иранских ЛИ передают иран. *k* через *k*, *g* и *x* [Грантовский, с. 87]. Эти данные указывают на беспрепятственную возможность заимствования персидского ЛИ *Ahurikāma-* в греческий в виде ὄρχαμος в VI–IV вв. Отражение же иранского апеллятива **ahurikāma-* как ὄρχαμος в гомеровском языке VIII–VI вв., как сказано, невозможно (если только не отнести появление его там к VI в.). 3) Всякие проблемы с гомеровским ὄρχαμος снимает предположение о малоазийском языке-посреднике между иранским источником и языком гомеровских поэм. Так, в ликийском языке определенно не просматриваются различия между *k*–*x*, на что указывают, к примеру, жен. ЛИ *χixune*, муж. ЛИ *Kukkunnis* [Нойман, с. 336].

Резюмируем: непосредственные контакты греков и персов с VI в. позволяют говорить об имени ὄρχαμος как прямом заимствовании персидского ЛИ *Ahurikāma-* в греческий антропонимикон, тогда как гомеровское ὄρχαμος вместо ожидаемого отражения иранского источника *ὄρκαμος, как сказано, заставляет предполагать наличие языка-посредника. Независимо от решения вопроса о происхождении гомеровского слова ὄρχαμος, указание Овидия на персидский характер ЛИ ὄρχαμος правильно, так как ему имеется точное соответствие в имени VI–V в. из Персеполя *Ahurikāma-*.¹

Завершив тему малоазийских мертвых душ, поселенных Чичиковым от антропонимики на Боспоре, обратимся к другим его статьям, трактовка ЛИ в которых также вызывает сомнения. Сначала о публикации нескольких боспорских эпитафий I–III в. н. э. [Матковская, Тохтасьев, 2006].² Эпитафию Φοδῆραυος | καὶ υἱὸς Μαστ|οῦς καὶ θυγά[τ]ῃ Τριφέρα | χαίρειν «Фодераг, (его) сын Мастус и дочь Трифера, прощайте» издал А. Твардецкий [Twardecki, 2002; 2004], С. Р. Тохтасьев по существу добавил лишь необходимую *сигму* к его Φοδῆραυο, тем не менее это мелкое исправление послужило ему поводом объявить публикацию издателя неудовлетворительной.³ Комментарий

На возможность заимствования греками ликийского потестарного термина указывает то обстоятельство, что греческим лексикографам (Гесихий, Кирилл) известно было ликийское слово λαίλας «владыка» (*cf.* хетт. *lahhijala-* «герой войны» [Шеворошкин, 1967, с. 56]).

¹ Ἀργήρος о золотом цилиндре с надписью Ὁρχάμο τοῦ Γοργίππο, найденном в гробнице вместе с клейменной черепицей βασιλική. Это Орхам, сын Горгииппа-старшего, и я предположил, что это его гробница [Яйленко, 2005, с. 504]. А. А. Завойкин [2006, с. 220, 259] справедливо указал, что такая черепица идет с начала III в., однако его предположение, что это Орхам [Анохин, 1999, с. 200, 208, № 146], возможный сын Горгииппа-младшего, ошибочно, так как две графемы ὀ = ou и одна ou бесспорно указывают, что это надпись второй четв. IV в., см. с. 24. Поскольку нет оснований сомневаться в наличии черепицы βασιλική в гробнице, следует заключить, что цилиндр скорее всего — дедово наследство у погребенного (либо результат дарения, купли-продажи, наконец, воровства).

² Судя по всему, антропонимическая и эпиграфическая часть принадлежит С. Р. Тохтасьеву, так что наши критические замечания не адресованы Т. А. Матковской — ее описания стел отличаются точностью и полнотой информации.

³ [Матковская, Тохтасьев, с. 181]: «В обеих работах Твардецкого иллюстрации отсутствуют, греческие тексты большей частью превратились в абракадабру, в чтении первого имени исследователь допустил грубую ошибку, комментарий также представляется нам неудовлетворительным». В другой статье Тохтасьев [2007б, с. 88] уже хамски отзывается о работе Твардецкого (это обычный модус его отношения к коллегам [Яйленко, 2008, с. 573/8]): «греческие тексты в этой публикации, автор которой имеет самое приблизительное представление не только о греческой эпиграфике, но и о самом греческом языке, в полном согласии с ее дилетантским характером превратились в бессмысленные символы». Если прибегать для диффамации предшественника к аргументам полиграфического свойства (отсутствие картинок и компьютерное искажение греческого шрифта), то это можно вменить в вину и самому Тохтасьеву (иллюстрации в его статье неудовлетворительны), до чего, конечно,

самого Тохтасьева [с. 181/8] по объему больше обеих заметок Твардецкого, основное внимание в нем уделено имени Φοδραγος [с. 181/6], а результат практически нулевой — по его же заключению, «истолкование имени остается проблематичным» [с. 186]. Иными словами, предложенная им этимология изначально мертворожденная, на что указывает одно полученное им значение имени [с. 183]: «Семантика *Fudēr-ag может быть такой: «нападение (натиск) которого — зло/беда (для врагов)». Свой *Fudēr- Тохтасьев сочинил из основ *Rūta-īra- и коль он усмотрел в них конструкцию *dvandva*, дословно она означает «зло/беда — нападение/натиск», а вовсе не «нападение (натиск) которого — зло/беда (для врагов)»: дополненное им «для врагов» никак не вытекает из *rūta- и īra- (суффикс -ag здесь служит простым определителем личного имени, ср. [Абаев, 1979, с. 343]). Подтверждение своим построениям Тохтасьев узрел в выстроенной им подобным же образом этимологии танаисского имени Ουροαστιρος — к сарматскому *Urvas/št-īra-, по его переводу, «тот, для кого нападение — радость». Наверно, «натиск» — это «радость» для своих и «беда» для врагов, но в лексике имен это никак не отражено, это домысливание компонентов имен создателем данных «этимологий». Насколько бессмысленно привлечение Тохтасьевым к объяснению имен иранской основы *rūta- «гнилой, дряблый» etc. (осет. fyd «дурной, зло, беда»), показывает употребление ее им для объяснения ЛИ Σπαρα-φωτος ([с. 183], у него неряшливо Σπαρα-φωτος, КБН 247), в котором первая основа скорее всего иран. *spara- «щит».¹ Сам он стыдливо воздержался от передачи на русский язык полученного им значения имени, а мы озвучим его — «гнилой (дряблый, расстроенный etc.) щит» или, если применить усмотренное им *dvandva*, «щит — зло/беда». В иранской антропонимике *spara- «щит» употребительно и всегда, разумеется, в положительном смысле [Vasmer, S. 53; Zgusta, 1953 § 220, 225; Mayrhofer, 1973, S. 294], что делает его понимание имени Σπαρα-φωτος ущербным. Ощущая бесплодность своих усилий, Тохтасьев [с. 185] пробует еще один путь — вычленив в имени Фодераг «конглютинат гипокористического суффикса *-(a)ra- + *-(a)ka-», но вовремя тормозит, ибо получает, с учетом предшествующего -īya-, «конглютинат» из 3 суффиксов

никто другой не додумается. Что до знания Твардецким греческого языка, то, во-первых, судить об этом не Тохтасьеву, не раз уличенному в грамматических ляпах [Яйленко, 2004, с. 430; 2008, с. 558, 567, 572, 578], во-вторых, он не привел доказательств этого. Если он считает аргументом отсутствие мужских греческих слов на -ο, вследствие чего чтение Твардецким формы Φοδραγος, по его мнению, безграмотно [с. 182], то демонстрирует этим лишь свое плохое знание языка: например, в аттической эпиграфике случаев опущения конечной сигмы много и встречаются они уже с V-IV вв. до н. э., как в словах муж. рода, так и ЛИ: Παρθέοντο(ς), φουτέοντο(ς) etc. [Титеаде, 1980, р. 639/40]). Поскольку Фодераг негреческое имя, сошлемся, к примеру, на фракийскую ономастику, в которой немало имен собственных на -ο, в том числе ЛИ [Vlahov, S. 24, 26, 28, 123, 341 etc.].

¹ [Vasmer, S. 53; Zgusta, 1955 § 220]. По В. И. Абаеву [1979, с. 304], к *spara- «наступать».

подряд, — очередной пример употребления декораций из лингвистических терминов (конглютинат, *dvandva* и под.) для наукообразного украшения своей этимологической лабуды.

Резюмируем: указанные имена получили в трактовке С. Р. Тохтасьева не свойственный иранской антропонимии смысл, так что его комментарий к имени Фодераг — напрасная трата своих усилий и времени читателя, именно к его этимологическим экзерсисам приложимы его же претензии к Твардецкому: «его этимологические опыты, с точки зрения ираниста, являются всего лишь курьезом» [с. 182].¹ У Твардецкого есть то, чего не оказалось у Тохтасьева — чувство языка, отсюда обоснованность поиска им разных путей объяснения темного имени Фодераг: в качестве греческой передачи римского имени Foederatus, либо германского или иранского антропонима [Twardecki, 2004, р. 437, 440/1], так как, если имеешь дело с уникальным именем, следует рассмотреть разные способы его объяснения. Отсюда же неудача попыток Тохтасьева объяснить имя Φοδραγος только на иранском материале. Обратим внимание и на то, что остальные имена членов семьи Фодерага (Μαστοῦς, Τρυφέρα) не иранские, а греческие, что тоже понижает шансы иранского происхождения ЛИ Фодераг.² Хотя в греческом есть суффикс -ag,

¹ Негоже самоучке в иранистике объявлять себя иранистом, особенно, если сразу вслед за этим высажена развесистая этимологическая клюква. Резко отрицательная оценка Тохтасьевым работ Твардецкого об этой эпитафии обусловлена, как и в ряде подобных случаев (о них [Яйленко, 2008, с. 542, 576]), малопочтенным стремлением приписать себе ввод ее в научный обиход. Упрекнув недавно Ф. В. Шелова-Коведяева в неуместности отстаивания своего приоритета [Тохтасьев, 2004, с. 144], теперь он [с. 180] уже настаивает на своем первенстве перед Твардецким — упомянул де первым эпитафию в 2000 г. (ссылка: [Тохтасьев, 2000а, с. 142, прим. 80]). Там (в 2000 г.) надписи уделены всего 6 строк примечания, но тут (в 2006 г.) на с. 181 (прим. 6) Тохтасьев выговаривает Твардецкому за публикацию эпитафии в тезисном виде: «Издавать новые надписи в малотиражных тезисах докладов и без последующей полноценной публикации вообще представляется нам порочной практикой». Выходит, Тохтасьеву можно, Твардецкому нельзя. Разумеется, впервые текст надписи опубликовал Тохтасьев, но ввел ее в науку Твардецкий. Для утверждения своего приоритета не обязательно шельмовать обработавшего надпись раньше коллегу, тем более, что с его стороны спора о первенстве нет. Некорректно по отношению к коллегам слово «малоизвестные» в заголовке статьи Матковской — Тохтасьева «Малоизвестные и неизданные стелы Керченского лапидария»: оно относится к надписям № 1, 2, опубликованным Твардецким и Винокуровым (остальные «неизданные»); выходит, что опубликовано не Тохтасьевым, то «малоизвестно». Это и фактически неточно: стандартные эпитафии с 2-3 именами и словами публикуются, как правило, один раз до включения в своды, тогда как эпитафия Фодерага уже трижды публиковалась до статьи Матковской — Тохтасьева.

² Утомительно длинное разъяснение Тохтасьевым [2000а, с. 140–154] чрезвычайно распространенных на Боспоре [LGPN IV, 224] имен на Μαστ- завершилось повторением мнения Юсти, Фасмера, Згусты об иранском их происхождении, но с вариациями: в Малой Азии они персидского происхождения, на Боспоре сарматского

греческая антропонимика приемлемых соответствий не дает. В неудачном опыте Тохтасьева есть и положительный результат — стало ясно, что имя Фодераг не иранское. Из трех предложенных Твардецким версий понимания этого ЛН наиболее вероятным мне представляется вариант с германским его происхождением, ибо древнегерманская антропонимика представляет ряд соответствий.¹ Так, источником для Φοδῆραγος могло быть имя вождя ругиев VI в. Ferderuchus, с исчезновением г основы ferd- под диссимлятивным воздействием г основы ruchus.² Падение г предполагается и в ЛН *Fadr-iko-, возможной праформе германского имени Fed-iko [Kaufmann, S. 111], и это *Fadr-iko- также может быть соответствием к Φοδῆραγος (аль-

[с. 154]. Мотивировка для персидского источника: «как известно, в Малой Азии персидские имена появляются уже вскоре после завоевания ее Киром, причем в изобилии». Разумеется, это не основание — Тохтасьев должен был показать, в чем конкретно проявляется разница между персидскими и сарматскими именами на Маот-. Но суть дела даже не в этом — перелопатив уйму зарубежной литературы, он прошел мимо общеизвестных работ отечественных лингвистов, которые дружно сочли имена на Маот- анатолийскими [Шеворошкин, 1965, с. 230; Гиндин, 1967, с. 124/5; Откупщиков, 1988, с. 81]. В целом в Сев. Причерноморье эти имена почти исключительно боспорские (вне его пределов представлено только Μάστωρ в эпитафии VIa с Березани [Яйленко, 1982, с. 262] (есть они и во Фракии [Detschew, 297/8; LGPN IV, 224]). Несколько десятков боспорских имен этого корня относятся к I-II вв. н. э. [КБН, с. 882; LGPN IV, 224], два к I в. до н. э. (КБН 276, 282) и такое временное и географическое распределение со всей безусловностью указывает, что эти имена на Боспоре исключительно местные по узусу. Что до их происхождения, то, с одной стороны, учитывая распространенность их в Греции [Bechtel, 1917, S. 295, 606; Peek, 1960, № 115; LGPN I, 299; IV, 224] (также в греко-римском Египте [Preisigke, 208/9]), они могут быть здесь греческими. С другой стороны, принимая во внимание сарматское время их популярности на Боспоре, можно полагать, что часть ЛН Μάστας, Μάστωρ образована в среде местного сарматского населения — от сарм. *masta- / *mæsta- «ярый, пьяный» (авест. masta-, осет. mæsti) [Vasmer, S. 44; Абаев, 1979, с. 295]. См. изложение разных точек зрения [Zgusta, 1955 § 146].

¹ В связи с возможным германским происхождением ЛН Фодераг напомним датировку его эпитафии: II — первая пол. III в. [Яйленко, 2009, с. 526]. Появление германской дружины на Боспоре А. А. Васильев [2005, с. 347] отнес к 160-190-м гг. (критика [Казанский, Мастыкова, с. 172/3]). Если присутствие готов засвидетельствовано во II в. н. э. двумя надписями в Индии [Топоров, с. 230], то тем более это вероятно для Сев. Причерноморья, которое с 230-х годов стало зоной германского господства.

² ЛН Ferderuchus включает германские основы ferdu- «русло, фарватер» и rucus (< rucus, к гот. hrucus «связанное с вороной, нечто воронье»), значение имени «вороний фарватер» [Schönfeld, S. 86]. К подвижности первого г в Ferderuchus cf. его метатезу в известной с X в. форме этого имени Fredericus. Cf. к выпадению г в группе VRC (гласная + R + согласная) также древнесакс. gestinas < gerstinas [Gallée, S. 34]. Это г могло алидироваться и на греческой почве — к примеру, в папирусах ф(ρ)ατρία, θε(ρ)σίλοχος и др. [Mayser, S. 186/7; Threatte, 1980, p. 480/3].

тернация a — i обычна в древнегерманском). Еще одним источником мог быть гипокористик от д. в. нем. ЛН Vadar-ik-in, основа которого в древнегерманском имени Fādar «отец» [Ib.]. Поскольку в германском есть суффикс -ag, есть возможность получить соответствием к Φοδῆραγος имена, к примеру, производные от терминов родства типа гот. fadar «отец», д. в. н. fatiggo «брат отца», продуктивных в антропонимике. В случае германского происхождения имя Φοδῆραγος добавляется к известным доселе ранним германским антропонимом на Боспоре III в. Нановаламир КБН 1125, о котором см. с. 135, и Кимвр КБН 1250, 1279, 1280, см. также с. 180.

Не разделяя высокомерной позиции С. Р. Тохтасьева («Позволим себе оставить без рассмотрения дальнейшие рассуждения Твардецкого», — пишет он на с. 182), обратимся и к другим высказываниям неудачливого критика в связи с рассматриваемой надписью — об инфинитиве χαίρειν в эпитафиях и именах на Συβλ-. Инфинитивная форма χαίρειν стоит в боспорских эпитафиях при nom. и voc. личного имени покойного (КБН 605, 635 etc.), дважды при dat. — КБН 262: Ἀρχέλαος καὶ Φαῖνος [Ἀρχελάω πατρί, χαίρειν «Архелай и Фавн отцу Архелаю шлют привет»¹ (второй случай приведен ниже, с. 562). Перевод С. Р. Тохтасьева «Архелай и Фавн (своему) отцу Архелаю (желают) χαίρειν» неловок и излишними вставками (своему), (желают), и главным образом тем, что оставляет без содержания ключевой глагол χαίρειν [Матковская, Тохтасьев, с. 187]. По его мнению, конструкция боспорских надгробий с χαίρειν частью восходит к выражению τοῖς παράγουσι χαίρειν (КБН 691 и пр.), частью к эпитафии КБН 262. Это не так (последнее вообще курьез — достаточно представить себе, как сочинители эпитафий бродят по пантикапейскому некрополю в поисках надгробия КБН 262 для вдохновения!). Данная конструкция имеет два источника. Во-первых, появление χαίρειν на месте обычного χαῖρε обусловлено грамматической причиной — начиная с гомеровского языка, инфинитив употреблялся в повелительном значении [Нидерле, с. 209]. Во-вторых, формула χαίρειν с ном. перенесена на надгробия из эпистолографии — в приветственной формуле начала писем подразумевался глагол λέγει (классический пример — Κύρος Κναξάρη χαίρειν, sc. λέγει «Кир говорит Кнаксару: будь здоров», Хеп. Суг. IV, 5, 27; LSJ, с. 21 χαίρω, III, 1c). В эпиграфике — Syll.³ 344. 109 (письмо Антигона теосцам от 303 г.) и пр., на Боспоре — рескрипт Аспурга горгинийским официалам: [βασιλεὺς Ἀσπούργος φιλορώμαιος Παν[ταλήοντι καὶ Θεανγέλωι χαίρειν «царь Аспург, друг римлян, Панталеону и Феангелу желает здравствовать» (ниже, с. 296). Поэтому в эпитафиях с номинативом (типа КБН 605: Ζώσιμος ὁ πατήρ καὶ ὁ υἱὸς Ζώσιμος, χαίρειν, также 664, 723 и пр., IIp) опущен глагол λέγω «говорю» — от имени подразумеваемого постановщика надгробия или «говорящей стелы». Так как χαίρειν требует, в числе прочего, дат. падежа, имеется разновидность этой формулы с дательным дополнением, представленная в

¹ С моими мелкими поправками de visu; КБН: πατ[ρ]ι, χαίρειν.

эпитафии II-1a КБН 262 (см. также с. 562). Разновидностью номинативного архетипа является и формула со звательным падежом типа КБН 635 *etc.* (I-IIp): Στρατόνικε ἱε̃ Νηίου, χαίριν (sc. λέγω σοί) «Стратоник, сын Гелия, говорю тебе прощай».

Тохтасьев с основанием сгруппировал несколько разрушенных имен из Горгиппии [Матковская, Тохтасьев, с. 183]. Начало этому положила А. И. Болтунова [1971, с. 14], которая реконструировала в поврежденном списке имен горгиппийской надписи фиаса КБН 1134 (фр. E, стк. 1: --ϝ (?) ΥΒΛΕ--, текст КБН) имя Συβλε[αγους] по *nom.* Συβλαγους в другом горгиппийском списке имен, изданном И. Т. Кругликовой [1967, с. 194]. Тохтасьев привлек сюда также Συβλη[αγο--] КБН 1209 (его дополнение) и Συβλ[--] 1181, которые, считает он, могут быть поняты также иначе, по [--]ΥΒΛΗΤΛΕΙ[--] неизданного фрагмента из Анапского музея, содержащем *gen.* [Σ]υβλη и *nom.* Τλε[ς?]. Эти формы, по его мнению, отражают сарматское имя *Subl(i)yag- (из *Subliyaka-), образованное на основе др. иран. *subra- «светлый, яркий».¹ Такая группировка имен кажется привлекательной, но колебание гласной ι-η-ε/ει после λямбды в этих именах IIp делает ее сомнительной, ибо получается, что один и тот же звук иранского имени передан в греческом в одном месте примерно в одно и то же время тремя разными способами.² Собственно, для объяснения этой альтернативы С. Р. Тохтасьев и ввел суффиксальное ιу и ē (<ιу) в исходное имя *Subl(i)yag-. Однако его предположение, что в данной группе имен «эта, по-видимому, чередуется с иотой, а также с эпсилоном или еи», ошибочно в отношении *эты*.³ Таким образом, чтение Тохта-

сьевым Συβλη[αγο--] в КБН 1209 маловероятно. На основании нынешнего материала следует удовлетвориться чтением тут *nom.* Συβλη[ς--] (< *Subliya-) или, как в анапском неизданном фрагменте [--]ΥΒΛΗΤΛΕΙ[--], род. падежа [Σ]υβλη (по типу склонения Εριής, *gen.* Εριῆς КБН 1179, 54 и *np.*). Отметим еще один возможный вариант чтения [--]ΥΒΛΗΤΛΕΙ[--] анапского фрагмента — с привлечением имени Υβλης [Preisigke, Sp. 451], т. е. Υβλη — род. падеж, так что читаем тут [--]ὁ δὲῖνα Σ[υ]βλη (u. l. --"Υβλη) Τλε[ς--].¹

Т. А. Матковская и С. Р. Тохтасьев дали републикацию изданной Н. И. Винокуровым [2002] эпитафии Ip из Артезиана, чтение и перевод Тохтасьева: Σωσ{τ}ιβι Διονυσίου | καὶ οἱ Δισακος | καὶ Παδαφ(ο) υ. ὦ | χαίρετε «Сосибий, сын Дионисия, и сыновья Дисак и Падафус, прощайте». Критик и здесь верен своей обычной неприязни к резчикам надписей (см. ниже, с. 187): «Неряшливость резчика проявилась и в том, что четыре слова из восьми высечены с ошибками» [с. 189]. Из 4 указанных им ошибок (лишнее Т в Σωσ{τ}ιβι, *omega* в Διονυσίου, С вместо О в Παδαф(ο)υ, им. падеж Δισακος вместо звательного) бесспорна лишь последняя.² Поскольку надпись цели-

его мнению). Во-вторых, если принять нужную Тохтасьеву этимологию ΛΙ Αρση-ουαχος (его сопоставляют с авестийским ΛΙ Aršya-, при авест. aršya- [Zgusta, 1955 § 61]), оно содержит не древнеиранский суф. -ija (например, др. перс. -iya), постулируемый Тохтасьевым для имен первых веков н. э., а среднеиранский его вариант типа (поздне)авест. -ya. Поэтому исходная форма для имени Συβλαγους *Subliyaka-, а не *Subliyaka-.

¹ Последнее имя Тохтасьев предположительно дополнил как Τλε[ς?] с отсылкой к горгиппийским ΛΙ Γοση-τλε[ς], Θχη-τλε[ς], Τλγo-. Может быть, это и так, но в двух именах -τλε[ς] составляет вторую основу, а наличие ее в Τλγo- проблематично: сам он отмечает, что оно может быть гипокористиком от какого-либо двухосновного имени вроде *Θri-pāta- «трижды защищенный»; словом, он объясняет одно неизвестное через другое неизвестное. Полагаем, следует обратить внимание на патронимики Γοση-τλε[ς] и Τχη-τλε[ς]: у первого он, возможно, иранский — Ακασα (КБН 1142, 13), у второго местный, боспорский — Νιχεκου (КБН 1231, B 8, *cf.* 11) [Zgusta, 1955 § 46, 654], что заставляет считать ΛΙ Γοση-τλε[ς] и Θχη-τλε[ς] местными иранскими, вероятно, адыгскими (ниже, с. 179).

² *Omega* в написании Διονυσίου — обычный узус, *cf.* Διωνύσιος, Ἀπυλῖος, Θεώτερος в боспорских эпитафиях уже I в. н. э. ([Доватур, 1965, с. 801, § 4, 7], примеры и от последующих веков). Причина замены его *омикрона* состоит не в «гиперкорректном написании», как учнейше высказался Тохтасьев [с. 191], а в «утрате греческими гласными количественных различий», как просто выразился в цитированном параграфе А. И. Доватур. Тохтасьев неточно понял и суть употребленного термина, ибо гиперкорректность, как известно — ошибочное исправление на основе превратно понимаемой этимологии слова или личного имени [Ахманова, с. 99]. Подозревать кладбищенского резчика надгробий в склонности к лингвистическим разысканиям в области этимологии ΛΙ может лишь гипертрофированное воображение, а вот о том, что резчики эпитафий писали имена покойников так, как слышали из уст заказчиков, свидетельствует множество примеров замены ими долгих гласных краткими и наоборот [Доватур, 1965, с. 800, § 2, 11-13; с. 801, § 4, 7, 10; с. 802, § 6, 1, 2; с. 804, § 8, 4-7]. Что до С вместо О в Παδαф(ο)υ, то точность графического исполнения над-

¹ Откуда Тохтасьев взял др. иран. *subra- «светлый, яркий», он не указал, до сих пор было известно, что др. инд. śubhrá- «красивый, светлый» иранского соответствия не имеет (напр. [Трубачев, 1999, с. 79]). Хотя в --ϝ (?) ΥΒΛΕ-- КБН 1134 вместо *сигмы* можно читать и Ε, ибо сохранился только верхний уголок буквы, ввиду указанных аналогий и отсутствия имени на Εύβλε- чтение Συβλε- представляется точным.

² К примеру, ΛΙ Αρσηουαχος несколько раз засвидетельствовано в Ольвии II в. н. э. [Zgusta, 1955 § 61] и интересующий Тохтасьева суф. -ija (должен быть -ya) последовательно передан через η.

³ Рассуждение Тохтасьева, что «в боспорских надписях римского времени η крайне редко стоит вместо ι (следует ссылка на А. И. Доватура — В. Я.), а для сарматских и прочих варварских имен надежным примером служит, кажется, одно Φηδακος из Танаиса III в. н. э.», заимствовано у Абасева [1979, с. 324], но без ссылки на него и, главное, без учета его убедительного вывода, что передача скифского ι через греч. η вовсе не очевидна, даже в аттических надписях смещение *эты* и *иоты*, появившееся во II в. н. э., широко распространилось в более позднее время; игнорирует Тохтасьев и другую этимологию имени Φηδακος, предложенную Абасевым [1979, с. 288] (не из иран. pītag, а осет. fēdæpæg). Годом позже Тохтасьев [20076, с. 109] привел в качестве примера передачи иран. -iya через гр. η ольвийское имя Αρσηουαχος (< др. ир. *rīya-, при авест. aršīia-), *эта* которого «кажется, указывает на контракцию *iya > *e». Пример слабый, так как ΛΙ Αρσηουαχος, во-первых, имеет и другую этимологию [Абасев, 1979, с. 279] (как обычно, Тохтасьев игнорирует то, что не соответствует

ком сохранна, разночтений быть не может; разумеется, суть дела состоит не в апологии резчика мною, а в ошибочной интерпретации имен Тохтасевым. Показательно, что не мудрствовавший лукаво в области антропоники надписи Н. И. Винокуров [2002, с. 77] принял чтение подлинника $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$. Исправление Тохтасевым имени на $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$ кажется оправданным лишь на первый взгляд, на самом деле преобладающее большинство ошибочных написаний имеет свою логику, определенную причинную базу. Просмотр под этим углом зрения нескольких сот пантикапейских эпитафий (КБН 152-815) не дал почти ни одной немотивированной описки (их вообще немного). Основная причина появления описок контекстуальная, наличие таких же или подобных по написанию и произношению букв (звуков). Ошибочное написание буквы Т представлено, если я ничего не упустил, лишь 2 раза — $\chi\rho\upsilon\sigma\tau\omicron\omicron\omicron$ вместо $\chi\rho\upsilon\sigma\iota\omicron\omicron\omicron$ (эпитафия $\Gamma\rho$ КБН 417), и оно вполне обусловлено наличием Т в следующем слове $\chi\alpha\iota\rho\epsilon\tau\epsilon$, уже домысливаемом резчиком.¹ В случае же с $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$ $\Delta\iota\omega\upsilon\upsilon\sigma\iota\omicron\upsilon$ ничто не могло спровоцировать написание излишнего Т, да и надпись в целом вырезана аккуратно (я бы сказал, эпически величаво — см. хорошо взятый ракурс надписи на фото Винокурова [2002, с. 85]), поэтому удаление его не оправдано. Полагаю, дело состоит в производстве этого уника не от обычного для имен такого рода прилагательного $\sigma\omega\varsigma$ «невредимый, сохраненный» [РВ, 1473 *etc.*], а от $\sigma\omega\sigma\tau\epsilon\omicron\varsigma$ «должный быть спасенным», т. е. $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$ < $*\Sigma\omega\sigma\tau\epsilon\beta\iota\omicron\varsigma$ (с первым i из e под ассимилирующим влиянием i следующего слога). Если $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$ означает «сохранное имущество» (ср. РВ, 1474), то $\Sigma\omega\sigma\tau\{\tau\}\beta\iota\omicron\varsigma$ — «должное быть сохраненным имущество».²

Не засвидетельствованное имя $\Delta\iota\sigma\alpha\kappa\omicron\varsigma$, согласно утверждению С. Р. Тохтасева, «по внешнему облику — иранское (сарматское) имя (гипокористик с продуктивным суффиксом $-(a)ka$), но прямые параллели в иранском ономастиконе нам неизвестны» [с. 191].³ Он пытается усмотреть в основе имени

писи заставляет думать, что правая дужка О уничтожена выщерблиной, образовавшейся при написании этой части буквы, что с известняковой поверхностью обычно и бывает.

¹ В слове $\omicron\iota\kappa\omicron\beta\epsilon\sigma\tau\omicron\tau\{\tau\}\eta\upsilon$ эпитафии КБН 144 Т опущено перед Γ ввиду подобия букв. Хороший пример такого упреждающего домысливания дают случаи написания А вместо Λ под влиянием следующей *альфы*. Так, в эпитафии КБН 332 написание $\Theta\epsilon\omicron\Phi\iota\Lambda\epsilon$ вместо $\Theta\epsilon\omicron\Phi\iota\epsilon$ объясняется влиянием А уже мыслимого резчиком следующего слова $\kappa\alpha\iota$.

² Ср. подобные ЛИ $\beta\omicron\tau\epsilon\omicron\varsigma$, $\iota\sigma\tau\epsilon\omicron\varsigma$, $\phi\iota\lambda\omicron\tau\epsilon\omicron\varsigma$, $\mu\epsilon\upsilon\epsilon\tau\epsilon\alpha$ ([Preisigke, 77, 154; Hansen, 1958, S. 221; LGPN I, 308]; $\beta\omicron\tau\epsilon\omicron\varsigma$, $\phi\iota\lambda\omicron\tau\epsilon\omicron\varsigma$), которые могут быть поняты, в числе прочего, как отлагательные прилагательные: «должный наслаждаться», «долженствующий знать», «должный быть возлюбленным», «должная быть незыблемой».

³ Отметим, наконец, что Тохтасев злоупотребляет предположениями о гипокористиках (т. е. кратких формах имен), образованных от предполагаемых им, но не засвидетельствованных, полных форм ЛИ. К каким результатам приводит подобная антропонимическая отсебятина, показал на примере статьи слависта С. Ро-

праиран. $*dai\varsigma-$, $*di\varsigma-$ «говорить, указывать», с апелляцией к дренеперсидским ЛИ эламских табличек из Персеполя $*Daisaka-$, $*Dai\theta aka-$. Последние действительно образованы от основы $*dai\varsigma-$ (на это указывает ae в авест. $da\epsilon\varsigma aya-$ «показывать», $da\epsilon\varsigma a-$ «знак»), однако иран. ai , ae не передаются в греческом через i ,¹ поэтому ни основа $*dai\varsigma-$, ни указанные ЛИ из Персеполя не имеют отношения к имени $\Delta\iota\sigma\alpha\kappa\omicron\varsigma$. Суждение С. Р. Тохтасева об иранском облике имени не более, чем вкусовщина, поскольку $-(a)k-$ не только иранский, но и греческий продуктивный суффикс, стало быть имя вполне может быть греческим. Полагаем, оно то же самое, что и греческое мифологическое имя $\Delta\iota\psi\alpha\kappa\omicron\varsigma$ (властитель в Вифинии, *Apoll. Rhod.* II, 653 и схоллии), с заменой psi на $sigma$, известной греческому от архаического до позднеантичного времени.² Основа ЛИ $\Delta\iota\psi\alpha\kappa\omicron\varsigma$ — существительное $\delta\iota\psi\alpha$ «жажда», оформленное суффиксом прилагательных $-ko-$, выражающем свойство; значение имени $\Delta\iota\psi\alpha\kappa\omicron\varsigma$ = $\Delta\iota\sigma\alpha\kappa\omicron\varsigma$ — «жаждущий, томимый жаждой», ср. «говорящее» прозвище парасита у эпистолографа II в. н. э. Алкифрона (III, 31) $\Delta\iota\psi\alpha\tau\alpha\upsilon\sigma\iota\lambda\upsilon\tau\omicron\varsigma$ «весьма томимый жаждой». Тохтасев не смутило, что носитель греческого имени и патронимика Состибий Дионисиев назвал обоих сыновей негреческими именами («очевидно, эллинизация этого семейства была довольно поверхностной», поясняет он); теперь мы видим, что и $\Delta\iota\sigma\alpha\kappa\omicron\varsigma$ греческое имя, так что это была греческая или вполне эллинизированная варварская семья. Единственное негреческое ЛИ в эпитафии — $\Pi\alpha\delta\alpha\phi\omicron\upsilon\varsigma$. Тохтасев усмотрел и в нем сарматское имя, хотя объяснению на иранском материале, по его признанию, поддается лишь половина его ($*pad-$ «нога»). Его «одноногая» этимология, разумеется, ничего не объясняет, так что предпочитаем видеть в $\Pi\alpha\delta\alpha\phi\omicron\upsilon\varsigma$ ввиду уникальности местное неиранское ЛИ.³

В эпитафии $\Gamma\rho$ $\kappa\alpha\lambda\omicron\upsilon$ $\kappa\alpha\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$ | $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$ «Калус, сын Каллуса, прощай» интересен патронимик $\kappa\alpha\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$, однако разработка вопроса издателем неудовлетворительна. Его комментарий: «орфография $\omicron = \omicron\upsilon$ в греческих словах и в подобной позиции встречается в боспорских надписях римского времени впервые» [с. 194]. С. Р. Тохтасев апеллировал к написанию ЛИ $gen. \kappa\alpha\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$

спонда О. Н. Трубачев [1968а, с. 14]: по Роспонду, ЛИ Волось — гипокористическое производное-де от Володимирь, Володислав и подобных.

¹ Передаются через ai , η , ϵ , $\epsilon\iota$ [Zgusta, 1955, § 348а — 353; Абаев, 1979, с. 329].

² Аттич. $\Sigma\alpha\tau\phi\omega$ = $\Psi\alpha\tau\phi\omega$, $\tau\epsilon\rho\sigma\iota\chi\omicron\mu\epsilon$ = $\tau\epsilon\rho\phi\iota\chi\omicron\mu\eta$, $\epsilon\mu\beta\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\upsilon\tau\alpha\varsigma$ $\epsilon\mu\beta\lambda\epsilon\upsilon\phi\alpha\upsilon\tau\alpha\varsigma$ *etc.* [Mayer, S. 115, 167; Thumb, Scherer, 1959, S. 309; Threatte, 1980, p. 555/6], $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi[ad\iota\omicron\varsigma]$ = $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi\alpha\delta\iota\omicron\varsigma$ КБН 65, 66, боспорский царь IV в. По Л. Згусте, призвук p в паре $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi\alpha\delta\iota\omicron\varsigma$ / $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi\alpha\delta\iota\omicron\varsigma$ — вставной между m и s как свойство фонетики местного иранского языка [Zgusta, 1955 § 189, 450], но этот пример единичный, а несколько фиксаций ЛИ $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi\omega\upsilon$ / $\Pi\alpha\delta\alpha\mu\phi\omega\upsilon$ в Ольвии [Ib. § 190] не дают такой вставки, так что это неточный вывод.

³ Можно привести созвучные египетские имена $\Pi\rho$ $\Pi\alpha\tau\epsilon\phi\alpha\upsilon\varsigma$, $\Pi\epsilon\tau\epsilon\phi\alpha\upsilon\varsigma$ [Preisigke, 287, 317], но они по понятной причине не объясняют происхождение имени боспорского $\Pi\alpha\delta\alpha\phi\omicron\upsilon\varsigma$ (если не фантазировать вместе с Ю. Г. Виноградовым на тему египетского имени $\Sigma\epsilon\mu\alpha\mu\omicron\tau\omicron\varsigma$ у скифской принцессы, см. с. 195).

в надписи из Антиохии на Оронте (не указав ее время), чем счел вопрос исчерпанным. Однако это уникальное явление и издатель обязан показать читателю, что стоит за ним, какова его природа — фонетическая или графическая, либо это просто ошибка писца. Если б это была надпись не позднее середины IV в., ничего пояснять не надо — это графема $\delta = ou$ (см. с. 24), однако эпиграфия Калута относится к римскому времени, значит, природа явления своя. Понятно и то, что данный случай написания О вместо ОУ, если он не обязан описке, представляет собой частный случай более общего явления римского времени — смешения на письме кратких и долгих гласных в результате утраты ими количественных различий в произношении; частный случай этой тенденции — монофтонгизация дифтонгов. Сначала припомним, что уже в доримское время письмо отражало фонетические изменения подобного рода. Так, написание с графемой $\delta = ou$ до середины IV в. было следствием монофтонгизации природного дифтонга ou сначала до \bar{o} , потом до \bar{u} , в ряде слов ou графически обозначалось одной \bar{u} [Buck, 1968, p. 33]. Подобного рода процессы происходили в языке также эллинистического и римского времени: именно монофтонгизацией дифтонга обычно объясняется написание его через О и У; так, в папирусах эллинистического времени представлены формы $\beta\omicron\lambda\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon$, $\delta\omicron\lambda\omicron\upsilon\delta\iota\tau\alpha$, $\Nu\chi\acute{o}\tau\eta$ вместо $\Nu\chi\acute{o}\upsilon\tau\eta\varsigma$, также вместо ОУ пишется У, есть и обратное написание ОУ вместо О [Mayser, S. 116/8]. Написание О и У вместо ОУ свойственно всей истории аттической эпиграфики, в том числе римского времени [Threagte, 1980, p. 218, 258, 266/7]. Не был исключением и Боспор римского времени — тут также есть несколько примеров нетрадиционного написания о вместо ou в окончании род. падежа (КБН 84, 91, 95, 406, 562, 743, 791) и у вместо ОУ (881, 1028) [Доватур, с. 802, § 5, 2].¹ Однако в случае с Καλῶτος суть вопроса не в конечном ou , а срединном. На фонетическую причину этого явления на Боспоре могло бы указывать обычное тут написание лат. \bar{u} имени Pūblius через *омикрон* — Πόπλιος (КБН, с. 894, полтора десятка примеров). Однако в греческом языке в целом обычна передача лат. u и через О и через ОУ (напр. Πούπλιος [Threagte, 1980, p. 220/3; Preisigke, 342]). Поскольку помимо Πόπλιος на Боспоре есть лишь один пример написания О вместо ОУ в середине имени — Καλῶτος , то и природа у него другая, так как это не латинское имя. По существу это единичный здесь случай написания О вместо ОУ в середине слова или имени, что ничтожно сравнительно с нормальным узусом ОУ, поэтому закономерно сомнение в фонетической природе этого явления на Боспоре — скорее это описка резчика. Если написание резчиком Πόπλιος с О вместо ОУ обязано сложившейся здесь традиции в передаче этого латинского имени, то единственный казус с Καλῶτος скорее обязан ошибочному опущению У. В вопросе о мене ОУ на О и У полной ясности нет и не может быть, скорее следует выявлять локальные традиции в этом

¹ В КБН 376, вопреки издателям, на камне читается не ΑΓΛΑΘΥ , но ΑΓΛΑΘΟΥ , см. с. 549.

отношении. Так, Л. Тритт, рассматривая это явление в богатой аттической эпиграфике, говорит в основном о смешении (*confusion*), но и об ошибочном написании [Threagte, 1980, p. 259, 266 *etc.*]. По этой причине одной ссылки Тохтасьева на патронимик антиохийца Ναυῶτος недостаточно, он должен был выяснить вопрос об замене ОУ на О в местной эпиграфике в целом. На мой взгляд, ошибочное опущение У в дифтонге ОУ объясняется тем, что в обоих патронимиках Καλῶτος и Ναυῶτος резчиком упреждающе мыслилась следующая гласная О. Что суть вопроса с боспорскими примерами состоит именно в ошибке резчика, показывает любопытная закономерность написания О или У вместо ОУ на конце слов и имен — во всех этих случаях после О или У следует буква Х слова $\chi\alpha\iota\rho\epsilon$, чашечка которой по констатированному выше «упреждающему домысливанию» могла спровоцировать опущение О или У предшествующего окончания род. падежа ОУ.¹ Таким образом, вопреки Тохтасьеву, вопрос о написании Καλῶτος не однозначен, ввиду изложенного предпочтительней исправление Καλο(ῶ)τος . Еще одно возможное решение — *nom.* имени покойного не Καλούς , а его выравненная под имя Καλός форма Καλος , род. падеж которой Καλotos сохранил признаки обоих имен: -т- основу ЛИ Καλῶτος и -о- формы Καλός .

Разбор С. Р. Тохтасьевым [с. 200] имени « Μαίφαρινος из Ольвии (IOSPE I² 148, II в. н. э.)» полон ошибок. Вопреки Миллеру, Юсти, Фасмеру, Абаеву, которые сочли его сарматским, он объявил имя персидским. Он не указал, что Μαίφαρινος — вин. падеж, номинатив же будет Μαίφαρινος и никакой другой, а как раз это и устраняет его догадку о персидском характере имени. Ему известна истина, что сарматские имена I–III в. н. э. утратили тематический гласный, о чем свидетельствует окончание -ος более чем 200 из 300 скифских и сарматских ЛИ списка Абаева [1979, с. 311/5, 337].² Но если окончание -ος имеет абсолютное большинство сарматских имен, Μαίφαρινος как раз сарматское имя, тогда как в случае его персидского происхождения, по Тохтасьеву, «скорее ожидалось бы <acc.> Μαίφαρινη », ср. Τ(ε)κρατης . И тут тоже ошибка: отпадение тематического гласного характерно для языков среднеиранского состояния в целом, в том числе и для среднеперсидского [Расторгуева, с. 52], так что окончание -ης вовсе не является для II в. н. э. маркером персидских слов и имен. В упомянутом списке В. И. Абаева есть два десятка сарматских имен на -ης, т. е. с сохранным тематическим гласным, поэтому данное окончание в ЛИ Τ(ε)κρατης , вопреки Тохтасьеву, не служит аргументом в пользу его персидского происхождения. Если исходить из преобладающего в древне- и среднеперсидском языках словообразовательного типа

¹ Х следует после О или У вместо окончания ОУ в КБН 406, 562, 791, 881, 1028; в КБН 95 Х стоит перед О; в КБН 84, 91 после О или У следует буква К, тоже с «чашечкой». Единственный немотивированный подобным образом случай — эпиграфия КБН 743 IV в., оканчивающаяся патронимиком ΣΕΒΕΡΟ , в котором У могло быть просто не дописано.

² Окончанием -ος передается тематический *a* древнеиранских имен, например, древнеперсидских у Эсхила.

ταριγυσα, исходной формой будет *māh(a)-farnah- (а не *māhi-farnah- Тохтасьева), которая не может быть передана через форму Μαίφαριος с ее *i*, на что указывает ср. перс. ЛИ Māhfarn-beg, без искомого им *i*. Станным образом Тохтасев упоминает это ЛИ и арамейское Μαφεριεύς (gen. к * Māhfarn-), тоже без необходимого ему *i*, в числе форм, показывающих происхождение *i* в ольвийском Μαίφαριος от перс. *i*, а не осет. *j* в mæj(æ) «луна»! Не имеют предложенного Тохтасевым *i* давно обсуждаемая учеными скифская глосса Гесихия μέσπλη «луна» и аланское μέσφιλι «господин», включающие иран. *māh(a)- (индоевр. *mēs-). Наконец, Тохтасев ни словом не обмолвился о производстве Миллером имени Μαίφαριος от компонента типа авест. māyā-, которое дает органичное значение ЛИ «радостный фарн», ср. ольвийское же имя Μαίακος «радостный» [Zgusta, 1955 § 139, 141].¹ Переводы Тохтасьева всегда узнаются по своей неуклюжей буквальности, как и в данном случае: Μαίφαριος у него «фарн которого — от луны», ср. естественный перевод Абаева [1979, с. 294]: «носитель лунного farn'a».

Неудовлетворительно его понимание и эпитафии II в. н. э.: «Ζυδας | καὶ ἱεὺς Διόδωρε | χαῖρε... Злида и его сын Диодор, прощай. Имя Ζυδας неизвестно; неясна даже его этнолингвистическая принадлежность. Необычность сочетания Ζλ- (в собственно греческой лексике вообще невозможная) заставляет допустить чтение Ζυδας; следов поперечной гасты во второй букве различить de visu не удалось, но, кажется, она проявилась на фотографии, сделанной при удачной контрастной подсветке. Неизвестно и неясно, однако, и Ζαυδας» [Матковская, Тохтасев, с. 202]. На приложенном фото ничего не видно, так что читатель вынужден оперировать чтением издателя.² Экзотичность группы Ζλ- заставляет меня отдать предпочтение

¹ В. Ф. Миллер, Л. Згуста связали Μαίφαριος с компонентом типа авест. māyā- «радостный, блаженный», Ф. Юсти, В. И. Абаев — с иран. *māh(a)- «месяц, луна», М. Фасмер счел приемлемыми обе точки зрения.

² Опытный эпиграфист, работая в лапидарии, имеет при себе фонарь, чтобы прояснить подобные случаи по камню, а не по фото, которое порой обманчиво. К примеру, сигма имени Χρῆστος в эпитафии КБН 548 на фото Ю. Ю. Марти [1935, с. 85] и в КБН-альбоме имеет форму Z, тогда как на камне хорошо читается Σ. Я уже отмечал невысокий уровень эпиграфической культуры Тохтасьева: к своей статье с дискуссионным прочтением нимфейских граффити (с высокомерным заявлением, что он отказывается обсуждать мое безграмотное их прочтение) он не удосужился присовокупить ни фото, ни даже прориси надписей, которые подтвердили бы его прочтение [Яйленко, 2008, с. 567]. Приложенные к рассматриваемой тут статье Матковской — Тохтасьева фотографии надписей плохи, не дают читателю возможности работать с воспроизведениями текста в целом, но в случае его неповрежденности это полбеды. А вот проблемы с чтением поврежденных текстов неизбежны, поэтому мало-мальски опытный издатель прилагает в таких случаях прорись неясных букв, слов, строк, которая показывает авторское видение текста. Однако филологу Тохтасеву возиться с прорисями недосуг (при этом он пеняет издателям КБН-альбома, что те не дали своих прорисей трудночитаемых надписей! [Левинская, Тохтасев, 2005, с. 183]), поэтому в случае с неудачными фото надежность его прочтения над-

форме Ζαυδας, которая, вероятно, является сарматской формой имени скифского царя Ζαύλιος (Herod. IV, 76) = иран. *saudya- «фитуально чистый» ввиду перехода *d* в *l* в скифском языке и сохранности *d* в сарматском [Витчак, с. 52; Кулланда, с. 202].¹ Иран. *s* регулярно передается через гр. σ, но редко и через ζ после гласной (КБН 1280, 1284: Δαναρασ/ζμακος < dana-rasman-, IOSPE I² 39 etc.) и между гласными (Καρζοαζος при авест. ЛИ Kərəsavazdah-, сюда не исключено, и Καρσας КБН 1179. 43) [Vasmer, S. 38; Zgusta, 1955 § 100, 446; Абаев, 1979, с. 329]. Последнее предполагает возможность передачи *s* через ζ и в начальной позиции перед гласной (ср. возможную пару имен Ζαυαυας (с. 428) — Ζαβαυος КБН 944). Если это так, Ζαυδας < иран. *sauda-.²

Кратко останавлиюсь и на статье С. Р. Тохтасьева [20076] о морфологии ЛИ Сев. Причерноморья — только на боспорских материалах. Такая статья нужна: по 1960-е годы крупные филологи — А. С. Коцевалов, Л. Згуста, Б. И. Надэль, А. И. Доватур, Б. Б. Ходорковская и др. — публиковали работы по грамматике надписей Сев. Причерноморья, с 1970-х тема заглохла. Тохтасеву с его формальным типом мышления и карты в руки, в его статье есть положительные стороны — обычные для него полнота подбора имен, формальная чистота фонетических операций. К сожалению, немало также недостатков и ошибок. Одна из основных тем рассматриваемой статьи — происхождение суффикса ЛИ -εις. По его мнению, он сформировался в IV в. до н. э. «в греческом языке Малой Азии в качестве гипокористического суффикса варварских имен, а в других припонтийских регионах появился под малоазийским влиянием» [с. 113]. Поскольку тут нас интересует боспорская антропонимика, рассмотрим правомочность этого вывода в отношении боспорских ЛИ на -εις. Их полтора — два десятка римского времени, в основном они местного происхождения (Γαστεῖς, Γοσητῆς, Θρητῆς, Λωβῆς, Ιχῆς, они более нигде не встречаются, этимология неясна), часть их 1-2 раза встречается в других областях — Δαζῆς (видимо, от него не от-

писей остается читателю сомнительной. Таково его прочтение эпитафии на с. 199 Διογνύσι[α] γυνή | Γκαδῖονος χαῖρε, так как он не дал не только прориси, но даже не описал сохранившиеся остатки букв стк. 1. Между тем на его фото после Δι следует вертикальная гаста, чего издатель не мог не видеть, неясна степень сохранности Γ слова γυνή. Дельта имени Дионисии начинается сразу у левого обреза плиты, а старт стк. 2 сдвинут направо так, что тут могут поместиться еще две буквы; издатель не разъясняет это читателю, что порождает сомнение в точности его прочтения антропонимика — может быть, [Τρ]ι(α)καδῖονος [PB, 1549]?

¹ У Плиния (XXVIII, 52) в этой же мифологеме о победе над Сесострисом фигурирует имя колхидского царя Ζαυλάκης.

² Альтернатива σ — ζ могла произойти и на греческой почве, ибо греческому она известна [Schwyzer, 1939, 366; Threatte, 1980, p. 549], напр. Syll.³ 1073, Смирна, ок. 117p: Ζαύρια, Ζεβατοί. Вопрос может решаться иначе и проще, если окажется, что вместо Δ в Ζαυδας Тохтасьева читается Λ, так как надпись прочерчена по линейкам. На Крите есть ЛИ Ζαύλος (Элефтерна, рубеж эр [LGPN I, 193]), и в таком случае читается греческое имя Ζαύλας.

делимо $\Delta\alpha\sigma\iota\sigma\epsilon\iota\varsigma$), Κολλεῖς , Ναυεῖς . Часть их иранского, но тоже боспорского происхождения ($\Gamma\alpha\delta\epsilon\iota\varsigma$, Χαρδεῖς), из их числа Πατεῖς и $\Sigma\epsilon\epsilon\iota\varsigma$ известны в других областях.¹ Самое важное заключается в том, что все они упоминаются 1–2 раза, исключение составляют $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$ и Πατεῖς , из которых первое упоминается 25 раз, второе 9 [LGPN IV, 78, 275].² Одним этим соотношением снимается суждение С. Р. Тохтасьева о малоазийском влиянии — если суффикс привнесенный, он должен более или менее равномерно распределяться по разным именам. Тут время посмотреть, каким путем малоазийские ЛИ могли повлиять своим суффиксом $-\epsilon\iota\varsigma$ на суффиксацию упомянутых боспорских ЛИ. Если речь идет о смежных регионах, то подобного рода воздействие возможно в пограничных областях, либо при активной инфильтрации населения одного региона в другой. В случае с удаленными друг от друга Малой Азией и Боспором речь идет о втором варианте. Как мы видели, по мнению Тохтасьева, уже в V–III вв. на Боспоре было много анатолийских мигрантов, но выше показана неосновательность этого мнения. Предположим, однако, что в I–II вв. н. э. анатолийских ЛИ на Боспоре больше, ибо для влияния на боспорский именник требуются хорошо представленные здесь малоазийские ЛИ с суффиксом $-\epsilon\iota\varsigma$. Посмотрим, что предлагает в этом отношении С. Р. Тохтасев.

Приведенную выше цитату он продолжает так: «базой для его [суффикса — В. Я.] внедрения в локальные традиции послужило подходящее суффиксальное оформление местных варварских имен. Правда, в надписях Северного Причерноморья известно только два надежно малоазийских имени на $-\epsilon\iota\varsigma$ — Κολλεῖς , Ναυεῖς ..., а во Фракии их, кажется, вообще нет» [с. 113].³ Поскольку с Фракией получается полный абсурд — малоазиатских имен там нет, а они оказывают влияние на появление суф. $-\epsilon\iota\varsigma$ у фракийских имен, наш хирург от антропонимики, признавая, что такое влияние оказывается «не само по себе, а посредством значительного количества лексем», далее вынужден изворачиваться: речь-де идет не о словообразовательной, а графической инновации — «о способе отображения на письме неизвестного в греческих мужских именах исхода на $[-e\iota]$, $[i\epsilon]$, $[i]$ и под. Таким образом, скорее следует говорить о реализовавшейся в графике идее, для иррадиации которой импортирования значительной серии самих имен на $-\epsilon\iota\varsigma$ совершенно не требовалось». Эта цитата — убедительное свидетельство схоластического способа работы ее автора с материалом, прокрустовой подгонки его под предвзятую идею. Если якобы малоазийским суффиксом $-\epsilon\iota\varsigma$ передан исход $[-e\iota]$, $[i\epsilon]$ местных ЛИ, то это не «графическая инновация», а фонетическая, словообразовательная, оформление сходно звучащего суффикса мест-

¹ По С. Р. Тохтасеву, возможно, греческого происхождения ЛИ Ἀυορεῖς , Βοτεῖς , Κολλεῖς [с. 102/3].

² По счету С. Р. Тохтасьева, Γαστέις встречается 21 раз, еще 4 он потерял.

³ Еще раз обращает на себя внимание небрежная грамматика русского языка у филолога Тохтасьева: должно быть «известны только два», а не «известно» (см. также [Яйленко, 2008, с. 556]).

ного ЛИ.¹ Тем не менее, еще раз допустим вместе с Тохтасевым, что это не реальная фонетика, а «реализовавшаяся в графике идея». Тогда резонно поинтересоваться, откуда она взялась — ведь во Фракии нет малоазийских имен для «иррадиации» сюда этого суффикса. Так что, если не гнать схоластическую лабуду, то малоазийские ЛИ не имеют отношения к появлению во Фракии имен на $-\epsilon\iota\varsigma$.

Может быть, с Сев. Причерноморьем ситуация благоприятней для Тохтасьева: хотя тут ему «известно только два надежно малоазийских имени на $-\epsilon\iota\varsigma$ — Κολλεῖς , Ναυεῖς », они хоть как-то могли породить «графическую идею». Поскольку надежность его малоазийских атрибуций боспорских имен, как мы видели, сомнительна, в том числе имен с «детской» основой Nav- (с. 133/6), проверим ее также в отношении ЛИ Κολλεῖς и Ναυεῖς . Так вот, согласно своду Л. Згусты, ЛИ Κολλεῖς в Малой Азии нет, один раз представлен *gen.* Κολλεῖ (но без удвоения), по которому В. Рамсей восстановил *nom.* Κολλεῖς , а Л. Робер Κολλεῖς [Zgusta, 1964, S. 687]. В то же время на Боспоре с III в. до н. э. известно ЛИ Κολλῖς (КБН 244, о таком чтении имени вместо Κολλῖος КБН и дате см. с. 546), из которого закономерно (ср. [Доватур, 1965, с. 804, § 8. 3, 7]) образован вариант I в. н. э. Κολλεῖς КБН 460 и еще одной эпитафии (ниже, с. 662). Та же картина и с «надежно малоазийским», по Тохтасеву, ЛИ Ναυεῖς — в Малой Азии такой формы нет, есть *nom.* с удвоением Ναυεῖς , он восстановлен по *acc.* женского ЛИ Ναυεῖν [Zgusta, 1964 § 1013-18]. Однако это восстановление непрочное, ибо есть *nom.* женского ЛИ Ναυεῖν [Ib. § 1013-21].² Итак, оба «надежных» для Сев. Причерноморья малоазийских, по Тохтасеву, имени на самом деле проблематичны для самой Малой Азии, так что его утверждение об их воздействии на боспорские ЛИ с формантом $-\epsilon\iota\varsigma$ фиктивно во всех отношениях.³ Напротив, местное происхождение имени боспорца Ναυεῖς акцентируется тем, что он поставил надгробие сыну с типично боспорским именем Γαστέις (КБН 380, конец I в.), тем более, что тут очевидно рифмование (о нем см. выше, с. 129), в которое вовлекаются гомогенные ЛИ. Раньше Тохтасев [1997, с. 385] пенял херсонеситам за бледность и безвкусицу их антропонимики (не понимая, что это рифмование [Яйленко, 2008, с. 572/3]), теперь [Тохтасев, 2007б, с. 116] их вкус хорош: у них почти нет имен с варварским, по его мнению, суффиксом $-\epsilon\iota\varsigma$ и

¹ На с. 109 Тохтасев сам пытается выяснить, «какая фонетическая реальность скрывается за $-\epsilon\iota\varsigma < *-i\epsilon\alpha$, — $*-i$ или $*-i\epsilon$ ».

² Л. Згуста колебался в восстановлении номинативов: по поводу § 1013-18 он писал, что к *acc. fem.* Ναυεῖν лучше *nom.* Ναυεῖς , хотя он не засвидетельствован, а об *acc. fem.* Ναυεῖν § 1013-21 заметил, что *nom.* может быть и Ναυεῖς , но предпочел Ναυεῖν [Zgusta, 1964, S. 91, Fussn. 321; S. 351, Fussn. 55].

³ В список боспорских имен на $-\epsilon\iota\varsigma$ Тохтасев включил также «те имена на $-\epsilon\iota\varsigma$, в которых это написание наверняка или предположительно является лишь графическим вариантом $-\epsilon\iota\varsigma$ » [с. 102], однако ЛИ Κολλῖς там нет. Громадный антропонимический материал, привлекаемый Тохтасевым, имеет оборотную сторону — он зачастую неряшлив, примеров чего немало приведено выше.

это объясняется тем, что Херсонес — «наименее варваризированное из всех государств Северного Причерноморья». Подобные пируэты с надежными, по его мнению, фактами, а на поверку недостоверными, обесценивают рассматриваемую статью.

Однако развенчать мнение оппонента — лишь часть дела, критик и сам должен предложить объяснение трактуемого вопроса. На мой взгляд, решающую роль в выяснении природы суф. $-\epsilon\iota\varsigma$ у боспорских ЛИ играет упомянутое выше их частотное распределение: $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$ и $\Pi\alpha\tau\epsilon\iota\varsigma$ засвидетельствованы соответственно 25 и 9 раз, остальные по 1-2 раза. Отсюда можно заключить, что эти два имени как раз и повлияли на появление данного форманта у последних. При этом природа имен $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$ и $\Pi\alpha\tau\epsilon\iota\varsigma$ различна — первое местное, боспорское (более нигде его нет), этимология неизвестна, второе тоже местное, но иранское, уже из этимологии Фасмера (к авест. $patau-$ «владыка» [Vasmer, S. 48; Zgusta, 1955 § 181]) явствует, что его $-\epsilon\iota\varsigma$ (точнее, $-\epsilon\iota\varsigma$) отражает иран. $-au-$.¹ Этнолингвистическая принадлежность ЛИ $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$, полагая, поясняется его географической дистрибуцией. Оно 11 раз представлено в Пантикапее, 9 в Горгииппии, по разу в Мирмекии и Танаисе, дважды на Тузле [LGPN IV, 78]. Если бы имена концентрировались только в Пантикапее, у нас не было бы шансов прояснить природу имени — в столице представлены имена на все вкусы. Однако хорошее их присутствие и в Горгииппии спасает положение — это горгииппийское по происхождению ЛИ.² К югу от Горгииппии простирается адыгский ареал — и сейчас (Су-Псех, тюркско-адыгская калька «вода» — «вода») и в древности (псеханы, река Псатис и пр., см. выше, с. 323).³ В адыгской антропонимике средневековья и нового времени можно подобрать соответствия для греческой фиксации $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$, однако в адыгских языках до 80 согласных, что непомерно расширяет подобного рода возможности. Поэтому обратим внимание на грамматические особенности. Во-первых, залогом адыгского происхождения ЛИ $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$ может служить своеобразная парадигма его склонения: известные нам косвенные падежи (*gen.* $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota$, *voc.* $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota$) показывают, что по существу оно несклоняемое (в *nom.* $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$ сизма добавлена для со-

¹ По Л. Згусте, форма $\Pi\alpha\tau\iota\alpha\varsigma$ — расширение к $\Pi\alpha\tau\epsilon\iota\varsigma$, М. Фасмер сомневался в их близости.

² Как москвич, ежедневно встречающий на улицах столицы толпы прибывших отовсюду в поисках лучшей доли людей (они отличаются своим внешним видом от уже аккомодировавшихся приезжих), смею утверждать, что все Гастейсы Пантикапея — вчерашние или позавчерашние горгииппийцы.

³ Наряду с мнением об иранском или индо-иранском этносе синдов, основанном на ономастическом материале (П. Кречмер, О. Н. Трубаев), существует предположение об их северокавказском происхождении, покоящееся на археологических данных (напр. [Крушквал, 1967, с. 161]). Конечно, нет научной базы под попытками [Исмагил, 2004] усмотреть в адыгах и карачаево-балкарцах наследников киммерийцев, в имени их вождя Тугдамме услышать тюркско-монгольское (не адыгское по происхождению!) имя Тохтамыш и под.

ответствия греческой графике), и это отвечает двухпадежной системе адыгских языков, в которых есть номинатив и эргатив, причем последний не соответствует греческим косвенным падежам (он выражается присоединением к слову показателя $-m$) [Гишев, 1985], что и отразилось в несклоняемом по существу характере имени $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$. Во-вторых, набор гласных в адыгских языках ограничен — лишь a , ε , \bar{a} , что также представлено в $\Gamma\alpha\sigma\tau\epsilon\iota\varsigma$, так что его $\epsilon\iota$ может быть попыткой передачи адыг. ε или \bar{a} .¹ Другой возможный источник форманта $-\epsilon\iota\varsigma$ боспорских ЛИ — притяжательный суффикс $-\epsilon\iota$, распространенный как в собственно адыгских ЛИ ($\text{K}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\tau\bar{\iota}\epsilon\iota$, $\text{D}\bar{\iota}\bar{\kappa}\bar{\varsigma}\bar{\upsilon}\bar{\epsilon}\bar{\jmath}\bar{\epsilon}\bar{\iota}$ etc.), так и «приклеиваемый» к заимствованным (Мухьэмабей, Нэгьэуей etc.) [Коков, 2001, с. 205/6]. И раньше усматривали адыгские ЛИ в именах античного Сев. Причерноморья (Л. Г. Лопатинский, И. Кноблох, Ш. Инал-Ипа и др.), но для чистоты эксперимента следует начинать только с горгииппийских имен. Вероятно, таковыми можно считать горгииппийские ЛИ с $\text{T}\bar{\iota}\bar{\iota}$, $-\text{t}\bar{\iota}$ ($\Theta\chi\eta\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$, $\Gamma\alpha\sigma\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$, $\text{T}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{o}$ [-], $\text{T}\bar{\iota}\bar{\epsilon}$ [-]?)² немало адыгских имен содержит древний глухой латеральный звук $\text{л}^{\text{л}}$ [Кумахов, с. 213], который в русской транскрипции дается через тл (например, имена нартов и героев глубокой древности $\text{Л}^{\text{л}}\bar{\epsilon}\bar{\pi}\bar{\varsigma}$ = $\text{T}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\bar{\pi}\bar{\varsigma}$, $\text{Л}^{\text{л}}\bar{\epsilon}\bar{\beta}\bar{\iota}\bar{\varsigma}$ = $\text{T}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\bar{\beta}\bar{\iota}\bar{\varsigma}$) [Коков, 2001, с. 61/2, 129, 130, 178, 292, 361/2, 454], соответственно, в греч. тл можно усматривать такого же рода передачу. Необычное для греческой и иранской антропонимии Боспора сочетание $\theta\chi$ в горгииппийском ЛИ $\Theta\chi\eta\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ ³ соответствует именно адыгской фонетике, переполненной аффрикатами, абруптивами, преруптивами и другими фонемами, а наличие в нем группы тл лишь подтверждает адыгскую диагностику имени. Адыгским же может быть и патронимик $\text{T}\bar{\chi}\bar{\epsilon}\bar{\tau}\bar{\iota}\bar{\epsilon}\bar{\iota}$ $\text{N}\bar{\iota}\bar{\chi}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\upsilon}$ (КБН 1231. Б 8, *ср.* 11).⁴ В горгииппийском списке имен КБН 1179 представлен ряд негреческих и неиранских имен, которые по структуре и звуковому строю могут быть причислены к адыгским — $\text{Z}\bar{\alpha}\bar{\lambda}\bar{\zeta}\bar{o}\bar{\varsigma}$, $\text{F}\bar{\alpha}\bar{\upsilon}\bar{\delta}\bar{\alpha}\bar{\rho}\bar{\alpha}\bar{\zeta}\bar{o}\bar{\varsigma}$, $\text{K}\bar{\epsilon}\bar{\phi}\bar{o}\bar{\varsigma}$, $\text{S}\bar{\alpha}\bar{\phi}\bar{\alpha}\bar{\tau}\bar{\alpha}\bar{\varsigma}$, $\text{X}\bar{\alpha}\bar{\chi}\bar{\alpha}\bar{\varsigma}$, $\text{L}\bar{o}\bar{\beta}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\varsigma}$, $\text{I}\bar{\chi}\bar{\epsilon}\bar{\iota}\bar{\varsigma}$, $\Theta\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{\alpha}\bar{\varsigma}$.

Других ошибочных суждений тоже немало в статье Тохтасьева. Как обычно, тут выборочно игнорируется имеющаяся литература,⁵ заменяемая

¹ В связи с этим предположим, не более, что второй основой в двухосновном адыгском имени могло быть $\text{тх}^{\text{л}}$ «бог», фонетическая группа $\text{х}^{\text{л}}$ которого передана через $\epsilon\iota$. Это слово входит составной частью и в древние адыгские теонимы и в ЛИ нового времени [Шагиров, 1977а, с. 79-80; Коков, 2001, с. 203, 470/1]. По крайней мере в средние века в адыгских языках было ы (i), см. с. 323.

² КБН 1142, 1231 (последняя перемещена из Горгииппии): $\Theta\chi\eta\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$, $\Gamma\alpha\sigma\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ [Болтунова, 1986, с. 55]; $\text{T}\bar{\iota}\bar{\iota}\bar{\upsilon}\bar{o}$ [-], [Матковская, Тохтасьев, с. 183]; $\text{T}\bar{\iota}\bar{\epsilon}$ [-]?

³ КБН 1231 Б, 8, 11, о происхождении надписи из Горгииппии см. с. 628.

⁴ Так думал уже Л. Г. Лопатинский [1897, с. 70-71], усмотревший в имени $\Theta\chi\eta\tau\bar{\iota}\epsilon\iota\varsigma$ адыгский корень тх (в глаголе тхен «писать») и $\text{тл}^{\text{л}}$ «человек» = писарь; $\text{N}\bar{\iota}\bar{\chi}\bar{\epsilon}\bar{\kappa}\bar{o}\bar{\upsilon}$ от корня $\text{нех}^{\text{л}}$ «ясный, светлый» + ко «сын».

⁵ Зная, что имена на $-\text{т}^{\text{л}}\text{ц}^{\text{л}}$ и $-\epsilon\iota\varsigma$ гермонасской надписи КБН 1099 получили уточненное прочтение и интерпретацию [Яйленко, 2002, с. 314, 316], но не желая ссылаться на эту работу, Тохтасьев [2007б, с. 118] апеллирует к своей «коллекции в

непомерно обильными ссылками на собственные труды,¹ порой своеобразное использование литературы, особенно работ Л. Згусты ([Zgusta, 1955; 1956] и др.) и В. И. Абаева ([1979] и др.), из которых без ссылки извлекаются иранские материалы (см. выше примеры).² Статьи Тохтасьева — это диалог его с самим собой, их читателю редко удастся составить представление об аргументации авторов имеющих по трактуемому вопросу работ. Даже в тех редких случаях, когда он посвящает абзац предшествующей литературе, аргументация упоминаемого автора обычно отсутствует. Примером служит статья Д. Вебера о ранних германских ЛИ в Сев. Причерноморье, стоит посмотреть, как он расправился с ней.³ Вебер счел германским ряд ЛИ надписей Боспора — Βουδεῖς, Γαδεῖς, Γαδικίος, Γαστεῖς, Γαστήρ, Χαρδεῖς, также Σαζεῖς, Χαφхеῖς из Ольвии; по его мнению, их занесли сюда бастарны, с конца III — начала II в. до н. э. осевшие в Южном Прикарпатье — Нижнем Подунавье.⁴ Не отрицая такой возможности, Тохтасьев заявляет: «Но и доказать это никак нельзя» [2007б, с. 104], потому что только для Βουδεῖς Вебер нашел исходное германское имя, для остальных предложил лишь соответствующие апеллативы. Этот аргумент и неточен, так как Вебер к каждому имени приводит соответствующие антропонимические гнезда, и абсур-

Керченском музее в 1993 г. ». Разумеется, дело не в том, что он сам видел камень, а в том, что эти факты уже опубликованы, так что умалчивая об этом, он лишает читателя необходимой полноты информации ради обычного для себя выпячивания собственной персоны (другие примеры этого [Яйленко, 2008, с. 576]).

¹ Понятно, что каждый исследователь придерживается своей концептуальной линии и потому вынужден чаще ссылаться на свои публикации, но у Тохтасьева это выходит далеко за рамки необходимого, он превзошел даже бывшего чемпиона по самоцитированию Ю. Г. Виноградова.

² Не обошелся Тохтасьев и без обычных для себя хамских высказываний по адресу коллег (примеры такого рода я уже приводил [Яйленко, 2008, с. 573/8]). В приложении к своей статье о морфологии на отдельном листе «Уведомлении» он требует: «Вычеркнуть нелепейшие примечания И(рины) Т(ункиной) в прим. 1». Ущербна не только стилистика текста у филолога Тохтасьева (его «примечание к примечанию» сродни пресловутому «масляному маслу»), но и отношение к заслуженно почитаемой ученым сообществом Ирине Тункиной. Цитирую ее примечание полностью: «Для удобства читателей, учитывая большой объем статьи, приводится ее структура». Мне как читателю эта рубрикация статьи по разделам была полезна тем, что позволила быстро ориентироваться в обычном для Тохтасьева нагромождении ЛИ, примечаний, ссылок, переходе без видимой логики от одной темы к другой.

³ По ссылке Тохтасьева ([с. 104]: «Weber D. Die ersten Germanen am Nordufer des Schwarzen Meeres // KZ. 1988. 101 Bd. Hf. S. 141 ff. ») читатель вряд ли найдет статью Вебера. KZ — это *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, но с Bd. 101 он издается под названием *Historische Sprachforschung*; вместо неуместного Hf. следует читать Hft. 1.

⁴ Верно замечание Тохтасьева, что ольвийского ЛИ Χαφхеῖς нет; Вебер следовал чтению Латышева (IOSPE I² 262), но издатели HO 95 исправили на [--]χαφхеῖς (у Тохтасьева источно HO 97).

ден, ибо в таком случае, к примеру, от обширного корпуса иранских ЛИ Сев. Причерноморья осталась бы горстка имен, имеющих соответствия в иранском именнике. Все остальные ЛИ этимологизируются из иранской лексики, и сам Тохтасьев занимается этим же, так что Вебер следует обычной практике. Можно согласиться с критиком лишь в том, что популярность имен на Гаот- на Боспоре уже в I в. н. э. препятствует германской их трактовке (в германском именнике популярна основа *gasti- «гость» [Schönfeld, S. 300]), хотя в поддержку Вебера можно отметить, что в варианте Γασθεῖς КБН 1106 не исключен элемент так наз. германского передвижения согласных (t > þ).¹ Вопреки критике, работа Вебера не только полезна, но и актуальна, поскольку и в археологии ныне делаются попытки удревить присутствие германцев в Сев. Причерноморье, в том числе на Боспоре (так, по А. А. Васильеву, уже в 160-190 гг. тут была германская дружина, см. с. 166).

Как всегда, и эта статья Тохтасьева украшена, как сейчас говорят, «прибамбасами», извлеченной из терминологического словаря по лингвистике мудреностью: метаплазма, конглоутинат, аллегро-форма и под. Всему этому грош цена только потому, что простейший термин *генитив* он последовательно пишет малограмотно, через е — *генетив* [2007б, с. 92 сл.]. Это позволено историку, но непростительно филологу.

В заключение, дабы завершить антропонимическую тему, рассмотрим суждение Тохтасьева в другой его статье об иранском ЛИ Va из Ольвии Γυδαπταῖς, которое, по устному сообщению В. И. Абаева мне, означает «хранитель закона»: из иран. ayda «закон, обычай» и rā(y)- «защищать, хранить» [Яйленко, 1980б, с. 77]. Тохтасьев [1999, с. 188] в соответствии со своим обычным фельдфебельским политесом (примеры многочисленны [Яйленко, 2008, с. 547, 566, 569-578]) высказал сомнение в том, что я правильно изложил мнение Абаева и счел его толкование первой части неприемлемым ввиду того, что в скифском языке V в. ayda (вероятно, из др. иран. *haxta-) навряд ли «могло быть передано как Γυδα...», как объяснить начальное I-? Не будучи иранистом, объясняя считающему себя иранистом критику: причиной может быть слабое звучание начального h- в восточноиранских языках, причем, «лексемы, имевшие в анлауте ир. *h-, отражаются часто с начальной гласной, либо получают сонорную протезу w, y» [Эдельман, с. 99]. Слабое звучание h представлено также в скифском: Ом-расмакос (из hama-, gasman-) и др. [Zgusta, 1955 § 457], а к протезе *ср.*, к примеру, развитие ир. *hādyā- (<*had-) «гнездо» с протетическим y- в тех же восточноиранских языках (шугн. yēθ, бартанг. yōθ, язгул. yaθ [Эдельман, с. 100]). Вследствие озвончения инлаутного -xt- иран. *haxta- произносилось в сарматском как *agda- (так в танаисском ЛИ Αρδ-αυδακος [Абаев, 1979, с. 277]), а в скифском при указанной природе сужения начального a- передано как igda- в Γυδαπταῖς.

¹ Иначе Тохтасьев [2000а, с. 142]: тут «речь идет, очевидно, о гиперкорректном написании в эпоху, когда сочетания σθ, σφ, σχ переходили соответственно в στ, σπ, σκ».

Такую картину дают и аккадские передачи иранские ЛН — в них «в начале слова перед двумя согласными иран. а- воспринималось, как протетический гласный и вместо него могли писать i- (ср. ассир. Išrabāra и Išrabāra рядом с Ašrabāra)» [Грантовский, с. 73, 76]. Ср. также вавилонские передачи иранских ЛН ахеменидского времени: Miṭi- < Miθta- в Miθraḍāta, Bagī- < Baga- в Bagadāta (см. выше прим. 160). Вместе с тем заметим, что в греческом лексиконе нет слов с аналутной группой ахт-, іхт-, есть лишь одно слово на аүд- (αῦδν), но несколько на іүд- (см. LSJ), так что не исключена и греческая природа мены а-і в передаче скифского *agda- через іүда. Ауслаутное в осетинском ægdaw «обычай, адат» происходит из суффикса -k- / -g- (так в танаисском ЛН Ард-аүдакос [Абаев, 1958, с. 122; 1979, с. 277]). В ряде восточноиранских языков прошла лабиализация k, g [Эдельман, с. 154/5], а в нашем случае перед губным p она и без того закономерна, так что скифским источником имени Ἰυδαῖπαις могла быть форма *Agdāk-pāya- «Защита закона».¹ К значению имени ср. Ард-аүдакос «Следующий закону, обычаю», также имя сына Артаксеркса II Вауа-παῖος, включающее авест. pāyu- «хранитель, защитник» [Грантовский, с. 259].²

De profundis ejus lapsuum satis — подведем итог рассмотрению трех статей С. Р. Тохтасьева одного 2007 г. Как видно, количество не перешло в качество, даже напротив. Его статьям по антропонимике свойственны богатство привлеченного материала, формальная чистота фонетических и морфологических операций, но, к сожалению, им часто свойственно малоадекватное понимание исследуемого материала. Не стану уподобляться ему в охаивании коллеги (эта особенность его творчества разобрана в другом месте [Яйленко, 2008, с. 573/8]), достаточно воспользоваться кратким отзывом В. И. Абаева [1967, с. 295] о другом, но подобного качества, труде по иранской антропонимике: «Статья поражает диспропорцией между расточительным обилием привлеченного материала и скудостью и ненадежностью полученных результатов».

¹ Возможен и более сложный путь образования имени Ἰγδαμπαιης - из *Agdāk-pāuya- «Хранитель закона», дословно «Законохранитель», где *pāuya- < *pāyāuya-, со стяжением āv- в суффиксе -āuya-.

Отметим также мнение Ю. В. Откупщикова [1988а, с. 36], что ЛИ *Ἰυδαῖα* может включать глоссу Гесихия *Ἰυδῆν ἄρσιν* «муж» и греч. *-παῖος* «бьющий, поражающий»; отсутствие имени в греческом, полагает он, может свидетельствовать о его палеобалканском происхождении. Слабость этого объяснения состоит в реликтовом характере глоссы *Ἰυδῆν* и отсутствии соответствий в греческой и прочей балканской антропонимике, но отвергать его нельзя, поскольку Откупщиков вскрывает и другие палеобалканские реликты в ономастике Сев. Причерноморья, достаточно убедительные ([2002; 2004] и др.).

2. Проблематичное освещение боспорской эпиграфики

У С. Р. Тохтасьева несколько публикаций небольших, в 1-4 слова или имени надписей; наиболее обширны две статьи — о боспорских эпитафиях (мы рассмотрели ее выше) и о посвяtitельных граффити из Мирмексия [Ю. А. Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 22-46]. Рассмотрим теперь мирмексийские надписи. Интересно граффито на фрагменте венчика чернолакового килика [Ἀπολλῶνις ἱερῶι]. Тохтасьев перебрал разные варианты объяснения необычного окончания *iat*. [Ἀπολλῶνις — красис, элизия, уподобление, вплоть до «преодоления двойного гласа [-i + i-] и не без влияния [ē] получившийся в сандох гласный [i] уподобился [ē] в написании -ei» (с. 27) и тому подобной ученой лабуды. Результат же скуден — необычное написание вызвано не фонетическими причинами, а опiskeй резчика, она из числа «так называемых ошибок внутреннего диктанта. Скорее всего, -ε в Ἀπολλῶνις подхватило окончание стоявшего перед именем божества слова ἀιέθρκε», — заключил Тохтасьев [с. 28]. Его не смущает отсутствие в надписи глагола ἀιέθρκε, тем более, что посвяtitельные граффиты обычно обходятся без него: к примеру, из 356 посвящений в навкратийский храм Аполлона его содержит лишь 1/8 часть, ок. 43 экз. [Gardner, 1886, p. 60/2]. Но если бы глагол и был, в его исходе ожидалось бы иῶ ἐφέλκυτῖκον, т. е. ἀιέθρκεν, поскольку оба читаемые в надписи слова начинаются с гласной, так что условий для предполагаемого провоцирования со стороны конечной гласной нет. Осознавая это, С. Р. Тохтасьев воздвигает на этом предположении еще одно — между глаголом и именем Аполлон стоял де артикль τῶι, что дало бы форму ἀιέθρκε. Поскольку в ионийском иῶ ἐφέλκυτῖκον могло ставиться и перед согласной [Thumb, Scherer, S. 267], это не аргумент, тем более для лестницы из предположений. Вся ученость, выложенная С. Р. Тохтасьевым на с. 26-29 в виде возможных интерпретаций надписи, оказалась бесплодной, ибо свелась к банальному выводу об ошибке резчика.

На мой взгляд, иписание [Аπόλλω] имеет фонетическую природу и соответствует известному в эпиграфических и литературных источниках и греческих историков и географов с место краткого [а́] (как у Аполлона) [ср.: *Επιγραφαὶ ἀπὸ τῆς ἑλλάδος*, 1970, № 1, стр. 18; *Περὶ τοῦ κόσμου περιήγησις*, 1968, S. 1335; Klem., S. 65; Thurn., Schaefer, S. 20, 38; Tchernia, 1980, p. 137 f.]. В аттических и боийских примерах оно действительно встречается в начале, тогда как в мирмекийском граффито за конце слова. Однако большинство примеров дает написание ε вместе краткого ι в позиции перед гласным, что представлено и в мирмекийской надписи, в которой за ε идет ι следующего имени. Теоним Απόλλωι 'Ιντρος — устойчивое сочетание, возможно, воспринявшееся

Стильстика и содержание показывают, что автор эпиграфического текста С. Р. Тохтасьев, поэтому моя критика не относится к Ю. А. Виноградову; лишь потому, что изложение в их статье ведется от имени обоих авторов («мы»), употребляю порой слово «издатели».

автором надписи в качестве единого теонима, что и могло спровоцировать написание *эпсилона* в [* Απολλωνειητρ[ωι] перед следующей *иотой*.¹

Граффито V в. IEPHPA на обломке дна чернолакового скифоса С. Р. Тохтасьев прочел как $\epsilon\epsilon\rho\eta < \text{'H}>\rho\alpha[\kappa\lambda\epsilon\omicron\varsigma]$, полагая, что «резчик допустил гаплографию». На мой взгляд, текст может быть прочитан без исправления, как храмовая маркировка: $\epsilon\epsilon\rho\eta \rho\alpha[\beta\delta\omega\tau\eta\] (?)$ «священная рабдота (?)», где $\rho\alpha\beta\delta\omega\tau\eta$ — название реберчатого или рифленого сосуда (в данном случае $\kappa\omicron\tau\iota\lambda\eta$), либо имеющего полосатую декорацию [LS], s. v. $\rho\alpha\beta\delta\omega\tau\omicron\varsigma$, II; *Polemo*, fr. 60 = *Athen.* XI, 484; Johnston, p. 32, 233; Hackl, S. 75]. Основанием для обозначения мирмекийской чаши как $\rho\alpha\beta\delta\omega\tau\eta$ мог послужить ее кольцевой поддон выпуклого профиля, либо полосатая орнаментация, если таковая была.

Граффито Ерм[εω] «Гермеса» или Ерм[ηι] «Гермесу» на фрагменте венчика чернолаковой чаши; на венчике другой чаши посвящение Гестии: Ε(σ)τήης, с ошибочно пропущенной *сигмой* (фото [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 22; Гайдукевич, 1987, с. 53, рис. 30. I, 2]). Давший это чтение Тохтасьев предполагал и другие варианты понимания надписей, однако отмечаю, что по месту расположения на венчике это определено вотивы. По археологическим показаниям Виноградов и Тохтасьев отнесли эти надписи к первой пол. Va, чему, на мой взгляд, противоречит их позднейшая графика, так что более прав В. Ф. Гайдукевич [1987, с. 29], датировавший чашу с посвящением Гермесу концом V–IV в.

Двухстрочное граффито V в. на остраконе из амфорной стенки прочтено так — $\epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\alpha\iota \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\mu\mu\iota$. Хотя С. Р. Тохтасьев убеждает, что «с прочтением, очевидно, все благополучно» [с. 41], с переводом у него проблемы: надпись «можно перевести приблизительно так: «Хвалы / прославления (также) и нам» или: «(некто или нечто является) славой / гордостью и для нас». Сама приблизительность перевода надписи Тохтасьевым и удивительное признание — «наш текст, по большому счету, лишен смысла» — указывают на неладу с прочтением греческого текста. Тут, как обычно у него, масса ученой бутафории — эпический эолизм, природная краткость последнего гласного, красис, диэреза, Аристарх, Кюнер с Блассом и т. д. и т. п., а результат нулевой: «наш текст лишен смысла». Полагаю, причина в усмотренном им лесбосском диалектном местоимении *dat. pl.* $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ «нам», которое создает

¹ Поскольку interpunkцией греки пользовались редко, предпочитая писать слова подряд, нет возможности уловить нераздельные выражения типа предполагаемого нами [* Απολλωνειητρ[ωι]. О таком *scriptio continua* см. [Gardthausen, 1913, S. 395 f.], в частности, с примером из Аристотеля (*Rhet.* 3, 5), который сетует, что не легко расставлять знаки препинания в сочинениях Гераклита. Любопытный образец такого рода дала новгородская берестяная грамота № 973 ΓΕΟΝΕΓΟΝΕ (огонь теснины, пламя ада; никакого другого текста не было). «Γεονέγον» — это своего рода сращение двух слов. Перед нами не простой текст, а некое «волшебное слово», род малого «заговора», заклятия... Нестандартный способ написания (в данном случае «сращенная» запись двух слов) мог быть в таких случаях одним из приемов, увеличивающим магическую силу написанного» [Зализняк, с. 63].

сложности не только с переводом, но даже с определением типологии надписи, которую С. Р. Тохтасьев счел версификацией зарубежного эолийского стихотворца, «цитатой из повсеместно известного произведения». Отсутствие такового как раз и ставит крест на этом прочтении, поскольку другие граффити-цитаты из стихотворных произведений имеют точный источник — таковы, в частности, цитаты из гомеровского эпоса в ольвийских граффити, на которые он сослался в качестве параллели [Виноградов, 1969, с. 142; Яйленко, 1980б, с. 88, № 89]. Прочтению в граффито эолийского местоимения $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ препятствует и написание *омеги* в слове $\epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\alpha\iota$, — в ранних эолийских надписях ее не было; если она встречается в эпиграфике VI–V вв., это результат влияния алфавита соседней Ионии (см. ниже). На это существенное для интерпретации мирмекийской надписи обстоятельство С. Р. Тохтасьев не обратил внимания. На самом деле ничего эолийского в этом мирмекийском граффито нет: $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ — это $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$, краткая форма датива к имени Великой богини $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$, cf. *Etym. magnum*, 84. 24: $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$ — ласкательное обозначение кормилицы и матери, и Рея так зовется; употребляются также формы $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha\varsigma$ и $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$. Разъяснение Гесихия (s. n. $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha\varsigma$): «кормилица Артемиды, также Матерь, Рея, Деметра», cf. его же $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$ — «мать, кормилица» [Gruppe, S. 1536]. Древнейший вотив ее — граффито VII в. на ойнохое с Питекусс: $\acute{\alpha}\mu\mu\iota \epsilon\mu\iota$ «я (ойнохоя) принадлежу Матери» [Arena, 1994, p. 22]. Ввиду сказанного читаю мирмекийское граффито так: $\epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\alpha\iota \kappa\alpha\iota \acute{\alpha}\mu\mu\iota$: «мольбы и к Матери». Надпись сделана на черепке вторичного использования, это амулет, обращенный к Великой богине. От группы указанных слов образованы женские имена, употребительные на Боспоре — $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$, $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$, $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\omega\upsilon$, причем, на Боспоре и в Анатолии римского времени имеются их стяженные формы $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$, $\acute{\alpha}\mu\mu\epsilon\iota$, $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ [КБН, с. 849; Zgusta, 1964 § 57-8, 19]. Так и в мирмекийском граффито употреблена стяженная форма *dat.* $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ (полная форма $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha\iota$), подобно имени $\acute{\alpha}\mu\mu\iota$ от $\acute{\alpha}\mu\mu\iota\alpha$, для раннего времени $\Phi\omega\kappa\alpha\iota = \Phi\omega\kappa\alpha\iota\alpha\iota$ [Buck, 1969, p. 32]. Ср. подобного рода употребительные сокращенные формы теонимов: $\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\mu\iota$, $\Delta\iota$, в надписи VI в. из Метапонта $\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\mu\iota\omega\varsigma$ Лук $\epsilon\mu\iota$ [Jeffery, p. 410, Pl. 50. 14]. Сразу несколько стяженных форм дат. падежа употреблено в ольвийском посвятельном граффито V в.: $\acute{\alpha}\rho\tau\epsilon\mu\iota$, $\Delta\epsilon\lambda\phi\iota\omega\iota$, $\iota\alpha\tau\rho\omega\iota$, $\Theta\alpha\rho\upsilon\epsilon\lambda\iota$, Лук $\epsilon\mu\iota$ $\acute{\alpha}\nu\delta\omicron\kappa\iota\delta\omicron\varsigma$ «Аполл(ону) Дельфини(ю), Иетру, Таргели(ю), Лике(ю) от Андокида» [Виноградов, Русяева, с. 25].¹ Слово $\epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\eta$ «молитва, мольба» и *пр.* употребительно в посвятельных граффити в наречном значении в форме вин. падежа.² В мирмекийском граффито употреблена номинативная форма, что обусловлено иной его типологией — судя по тексту, это амулет с мольбой к Великой богине.

¹ С поправками [Яйленко, 1996, с. 183 сл.]. Принимаю теперь мнение Ю. Г. Виноградова и А. С. Русяевой, что $\Theta\alpha\rho\upsilon\epsilon\lambda\iota$ — незасвидетельствованная ранее эпikleза Аполлона.

² [Lazzarini, p. 98 и № 732, 741/3, 792; Gardner, 1888, p. 65, № 776/7]. К примеру, в навкратийском граффито VI в. $\chi\alpha\iota\rho\eta\varsigma \mu\epsilon \acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta\kappa\epsilon \tau\eta\phi\rho\omicron\delta\iota\tau\eta \epsilon\upsilon\chi\omega\lambda\eta$ «Хармент по-святил меня этой Афродите по обету».

Еще один такой же амулет из Мирмеккиа, упущенный из виду С. Р. Тохтасьевым — обломок донышка чернолакового сосуда с написанным посередине граффито IXOAN [Емец, 2002, с. 22, № 128, рис. на с. 48], которое следует читать как $(\epsilon)\chi\omega\lambda\eta$ «мольба». По сочетанию иксилон характерной для VI–V вв. формы в виде палочки (т. е. V), с формами остальных букв V в., граффито датируется V в. Для надписи этого времени тут примечательно сочетание δ с этой , указывающее на происхождение ее автора скорее всего из пограничного эолийско-ионийского ареала.¹

Как видно, публикация С. Р. Тохтасьевым коротких, в несколько слов или имен, надписей, как и его понимание уже изданных текстов таковы, что оставляют широкое поле для критики его чтений и интерпретации.

Надписи VI–V в. из малоазийской Ионии дают $\epsilon\chi\omega\lambda\eta$ (DGE, 699, Эрифры, *ср.* 748, Навкратис), так и в граффито Виноградова — Тохтасьева. В граффито Емца вместо $\epsilon\chi\omega\lambda\eta$ написано δ , что требует разъяснения. В первоиздании эпиграфической части этой статьи [Яценко, 2008] далее я разобрал вопрос о смещанном ионийско-эолийском языке надписи середины — третьей четв. VI в. с Березани на ионийском кубинчике $\text{Idavb} \epsilon\chi\eta \tau\delta\phi\delta\lambda\eta \alpha\rho\iota\sigma\tau\iota\chi\omega\varsigma$ «я флакончик Идана, этого Трахальщика». Ранее ионийские черты в эолийских памятниках считались результатом ионийского влияния и наоборот [Hoffmann, 1898, S. 428, 445, 582; Schwyzer, 1939, S. 86], сейчас сложилось иное представление о характере этого явления. Суть его состоит в том, что на севере малоазийской Ионии издавна проходил в ионийском диалекте процесс развития, сходный по ряду явлений с тем, что было в эолийском, поэтому надо вести речь не об эолизмах в ионийском и не об ионизмах в эолийском, а о параллелизме фонетических явлений в обоих диалектах на пограничной территории [López Eire, 1987, p. 161 s.; Hualde Pascual, p. 256; Santiago Alvarez, p. 233 sg.; Moralejo Alvarez, p. 275 sg.]. Отсюда березанское граффито не столько надпись эолийца, оказавшегося в ионийской среде, сколько памятник, содержащий черты микшированного субдиалекта ионийско-эолийского пограничья на северо-западе Малой Азии. Иначе говоря, в числе переселенцев, колонизовавших в VI в. Сев. Причерноморье, были и поселенцы малоазийского ионийско-эолийского пограничья, и их потомки сохранили некоторые особенности тамошнего субдиалекта. Эолийские следы обнаруживаются в надписях VI–IV вв. на Боспоре, Березани, в Тире, плюс традиция обожествления Гермонасы эолийцами [Жебелев, с. 65 сл.; Яценко, 1982, с. 270 сл.; 1987, с. 101; Жебелев-Ковалев, 1991, с. 271 сл.; Коваленко, Кузнецов, p. 239–60; Виноградов, Тохтасьев, 1996, с. 38 сл.]. Теперь можно констатировать, что это не столько эолизмы, сколько следы указанного субдиалекта (исключая Гермонасту, где вродились потоки эолийских колонистов). Ему субдиалекту обязано также написание $\epsilon\chi\omega\lambda\eta$ вместо нормативного $(\epsilon)\chi\omega\lambda\eta$ в вышеупомянутом граффито из Мирмеккиа, в котором употреблено δ при наличии этой . Формально написание $(\epsilon)\chi\omega\lambda\eta$ может быть обязано и происхождению автора граффито с Кикладских островов (Наксос, Аморгос, Андрокс, Кеос), где также употребляются δ и эта как местная графическая особенность, эксилон обозначалось природное ϵ , этой и отчасти эксилон принадлежат α (как и ион. $\epsilon\chi\omega\lambda\eta$), вторичное δ обозначалось α (как в $\epsilon\chi\omega\lambda\eta$ из Мирмеккиа) [Jeffery, p. 291, 411/2, Pl. 55, 56, № 2, 4, 11, 12, 17, 20; Buck, 1968, p. 19, 190, 191]. Однако связи Боспора с Кикладскими островами не зафиксированы ни письменными памятниками VI–IV вв., ни археологическими (тара происходит с Фасоса, Хиоса, Родоса, Лесбоса и *др.* центров [Зеест, 1960, с. 69 сл.], но не с Киклад.

В заключение рассмотрим выпад нашего героя против резчиков надписей и древних писателей. Дав свое чтение эпитафии КБН 875 — $\text{ΠΑΣΑΦΙΛΙΚΑΤΟΣ} \alpha\upsilon\lambda\eta\tau\rho\iota\varsigma$, Тохтасьев [2007, с. 202] высказался по адресу исполнителя надписи с обычным для себя фельдфебельским политезмом: «имя этой мирмекийской флейтистки безнадежно искажено безграмотным резчиком». Между тем, будто предвидя подобные эскапады, издатель надписи Латышев [1907, с. 44/5] предостерег от догадок о грубых ошибках резчика; его предположительные варианты чтения: $\text{Πασαφιλικάτος} \mid \alpha\upsilon\lambda\eta\tau\rho\iota\varsigma$ «Пасафиликата флейтистка», Πάσα Φιλικάτος , $\text{Πασ(ι)φίλ(η) Κάτο(υ)}$. Действительно, надпись вырезана профессионально, красивым шрифтом IV в. (лишь строки чуть съезжают с линейки), так что выпад С. Р. Тохтасьева несостоятелен — суть вопроса заключается в редкости антропонимии и задача исследователя постараться понять ее, а не хулить резчика. Думаю, в ΠΑΣΑΦΙΛΙΚΑΤΟΣ вполне вычлениются слова πάσα и φιλικά , по жен. роду соответствующие слову $\alpha\upsilon\lambda\eta\tau\rho\iota\varsigma$, однако «повисают» буквы ΤΟΣ .¹ Поскольку есть имя Κᾱς , *gen.* Κᾱτος ,² оставшиеся буквы ΠΑΣΑΦΙΛΙ будут искомым прозвищем флейтистки, именно Πασαφίλι , но с двумя особенностями вместо нормативного Πασίφιλη (Πασίφιλα).³ Первая: так как Пасафили гетера (флейтистка!), ее прозвище ориентировано на имя воспетой Архилохом (*fr.* 15 Diehl) гетеры Πασίφιλη ,⁴ значение которого «Любезная всем / Всеми любимая» переиграно на телесные прелести пантикапейской гетеры — «Вся (πάσα) любимая (φίλα)», *ср.* женские имена с πάσα — Πασαγάθη «Вся хорошая», Πασαρίστη «Вся достойная», Πασάνδρα «Вся мужняя» [PB, 1142; LGPN, I, 363], Πασώ «Вся здоровая».⁵

¹ Их можно бы принять за патронимик Tōs , *gen.* имени * Tῆς , но мелкий α микрон не позволяет отнести надпись ко второй четв. или середине IV в., когда еще употреблялась графема δ (= ou), эпитафия определенно датируется второй половиной века, как правильно отметили комментаторы КБН.

² [Preisigke, Sp. 166], III в. н. э. Возможна связь имени с глоссой Гесихия κᾱς «кожа» (нормативное κατῆς «седло, кожаная попона»). *Ср.* к образованию пафлагонское имя * Bās (при вифинском Bas), *gen.* Bātos [Thumb, Kieckers, S. 189; Zgusta, 1964 § 131].

³ В числе вариантов чтения Латышев указывал $\text{Πασ(ι)φίλ(η) Κάτο(υ)}$, но ввиду необходимых исправлений такой текст казался ему рискованным. На наш взгляд, его исправления излишни, что и обосновываем далее.

⁴ Гетеры нередко получали помимо своего имени прозвища: прекрасную фокянку по имени Мильто, любовницу Кира-младшего, называли Аспазией, тоже пример подражания знаменитым жрицам любви; настоящее имя подруги Праксителя Фрины — Мнесарета (*Athen.* XIII. 576d, 591e).

⁵ Ф. Бехтель причислил имя Πασώ (Дельфы, II в.) к гнезду производных от πάς , πάσα , также муж. Πάσω и подобные [Bechtel, 1917, S. 362]. Однако, на мой взгляд, имя Πασώ не может быть одноосновным («Вся!»), это композит, включающий второй частью, вероятно, основу, представленную глоссой Гесихия $\alpha\omega$ $\iota\upsilon\epsilon\iota\alpha$ (*dat.*), т. е. Πασώ из $\text{πάσα} + \alpha + \text{o} =$ «Всездравая». Есть и мужские имена с πάς , πᾶ — Πασκλῆς , Πανδᾱρος [Schmeja, S. 113 f.].

Имена со словом φίλη, -а «любимая» популярно у гетер.¹ Придумывание имен, в том числе шуточных, было элементом общения мужчин с гетерами, которые тоже не оставались в долгу.² Так, подруга афинского деятеля и философа конца IV в. Деметрия Фалерского, самиянка Λαττίτω, называла его своим именем (Λαττίτω означает «Лучезарная»), оттеняя идентичностью имен их любовную слитность; именовала она его и Χαρίτοβλέφαρος «Прекрасноглазый» (Athen. XIII, 593 e-f; Diog. Laert. V, 76). Вторая особенность имени Пасаφίλη — замена на конце имени *эты* на *иоту* — может быть понята как следствие сужения *ε* в *ι*, хотя в IV в. оно редко.³ В целом читаю эпитафию:

¹ [РВ. 1615/6]. Имена гетер V–IV вв.: Φίλα (Athen. XIII, 557c, 577c, 587e, 590d — наложница оратора Гиперида в Элевсине; наложница Филиппа II; дочь Деметрия Полиоркета от гетеры Ламии; еще одна гетера); Παμφίλα (Athen. XIII, 591e); Φιλίνα (Athen. XIII, 578a, еще одна наложница Филиппа II).

² Об именах гетер см. [Hirzel, S. 70–80]. Большую подборку их содержит речь грамматика Мирсила о гетерах у Афиней (XIII, 567 sq.).

³ В северо-западном дорическом диалекте архаического времени, позднее в кипрском, памфилийском, с конца III в. в эолийском [Thumb, Kieckers, S. 315; Thumb, Scherer, S. 22, 157, 182]. В аттических граффити и лапидарных надписях V–IV вв. несколько примеров (Αθηνᾶ. Ἀρις, демотикон Ἰφιστιάδης, Νουμνίαι, τῇ φυλῇ Ἀραφίλοι, в. φυλῇ Ἀραφίλοι, θαίει в. θαίει, Μισιφῶν, Ἡρίν [Threatte, 1980, p. 165, 167/8], и хотя Л. Тритт полагает, что это описки и ошибки, они достаточно репрезентативны, чтобы видеть в них тот же процесс, что в других перечисленных диалектах. В боспорских надписях эта мена представлена в I–II вв. н. э. [Доватур, 1965, с. 800, § 2.9].

Можно также предположить, что в имени Πασίφιλα для получения игривой формы «Вся (πάσα) любимая (φίλα)» и прилагательного πασι и конечное α имени представлены местами, так что гетера стала Πασαφίλη. Спровоцировать на такой исход имени, вероятно, могли женское имя Φιλίς (есть у Гиппократа), Kurznamen типа Τεύφι (Τεύφι Ἀρσείου εἰς τελευτήσε κτλ., номинатив, полная форма Θεόφιλος, эпитафия эл. или рим. времени из Гизы в Египте, ныне в Эрмитаже [Bilabel, 1931, S. 9, № 7310]) или полного женского имени Μέλι «Мед» (Египет, II в. [Preisigke, 211]), также Вофи [Толстой, 1953, 96]. Последнее — владельческое граффито на дне чернолак. сосуда (Пант. III в.). Форма Вофи (или Вōфи, вряд ли стоит читать Во фи, так как слишком мало текста) может включать древний падеж на -φι, употреблявшийся в том числе в именах собственных, подобно глоссе Гесихия: Ἰδηφιν Ἰδης Βοιωτοί. Согласно А. Морпурго-Дэвис, это комитативный и(ли) инструментальный падеж [Morpurgo-Davis, p. 53/4], но усмотреть его в приведенной глоссе Гесихия вряд ли можно — там род. падеж (= «Иды», горы в М. Азии). Еще одна беотийская глосса Гесихия: πασσαλόφιν τοῦ πασσαλῶν (πάσσαλος «вешалка, ручка»), как будто, намекает на сферу генитива, которая просматривается и в слове *πατρόφι (πατρόφιον декрета III в. из Танагры [DGE, 462 A. 28], предписывающего перечислить имена с отчествами — πατρόφια) «по отчеству» — этому комитативу / инструменталису семантически соответствовал бы также gen. instrumentalis — «посредством отчества», поскольку именно род. падеж представлен в глоссе Ἰδηφιν Ἰδης. В пределах род. падежа применительно к антропону верооятен сдвиг в сторону gen. possessivus по общей типологии владельческих надписей на сосудах, т. е. Вофи, похоже, gen. краткого или

Πασαφίλη Κᾰτος αὐλητρίς «Пасафили, дочь (?) Ката, флейтистка». Не исключено, что Κᾰτος не патронимик, а род. падеж имени хозяина гетеры: «Пасафили, флейтистка Ката». Как видно, пути разъяснения антропонимии данной эпитафии имеются.

Склонность Тохтасьева обвинять резчиков надписей в ошибках и «исправлять» их происходит от недостаточного понимания текстов. В строительной надписи времени царя Радамсадия (308–322) КБН 65 патронимик имеет на камне форму ΠΑΤΙΕΙ, что Тохтасьев [2001, с. 158] прочел как Пат <ι>εи, объяснив удаление *иоты* тем, что она результат скорее всего простой перестановки букв резчиком. Однако исключение *иоты* не оправдано, так как она принадлежит к основе Πατι- в качестве наращения, так же, как в Πατί-ας КБН 612, т. е. номинативная форма этого имени *Πατι-εις, gen. Πατιει (эпентетический характер *ι* тут давно разъяснил Л. Згуста [Zgusta, 1955 § 360, 518]). Иначе говоря, это иранское по происхождению имя (к авест. patay- «правитель» [Id. § 181]) претерпело в греческой среде не только переоформление суффикса (-εις < -ις < -ιος) [Zgusta, 1956, S. 283], но и основы — по типу греческих этниконов Ὀμφαλῆις (при топониме Ὀμφαλός) и под. На это указывает и voc. Γάστιει эпитафии Ιρ КБН 376, где первая *иота* не паразитическая, а наращение к основе Γασт-, т. е. nom. Γαστι-εις.¹

Граффито с Березани на тулове чернолакового аска IV в. Ἀθηναῖος Ἀθ(ηναίη?), многократно зачеркнутое [Яйленко, 1980а, с. 90, № 19; Dubois, p. 119], подвигло С. Р. Тохтасьева [1999, с. 186] на саркастическую реплику: «Судя по всему, резчик, несомненно, очень нетрезвый, оказался не в состоянии дописать начатое; может быть, он хотел обозначить свое (?) отчество, скорее всего, какое-то имя на Ἀθτο-». Видимо, само имя Ленея, пахнущее вином (ср. КБН 117: [Ἀ]θηναίου [π]νείοντα «дышащего вином», дословно «дышащего Ленеем») в сочетании со своими склонностями побудило С. Р. Тохтасьева к обвинению резчика в пьянстве, иных причин нет. С таким же успехом можно обвинить в пьянстве и других носителей этого популярного имени. Имя-патронимик владельца обычно писалось на доньях сосудов [Яйленко, 1980а, с. 76], так что усматривать в буквах ΑΘ на тулове патронимик особых оснований нет. Обычно сильно зачеркиваются магические надписи [Яйленко, 1982, с. 227], и если учесть, что этот фрагмент аска найден в могиле, в нем можно видеть черную магию — имя проклинаемого зачерчено и зарыто в могилу (рекомендации магического папируса по такому использованию черепка [Preisendanz, p. 169 etc.]).

даже полного имени владельца. Оно местное, боспорское, потому что не имеет соответствий в антропонимике. Его возможный nom. Βοφίς, к форме ср. имя Κᾰφίς, dat. Κᾰφί эпитафии из Феспий [DGE, 479/2; Thumb, Scherer, S. 36].

¹ Позднее Тохтасьев [2007б, с. 108], кажется, пересмотрел свое мнение, с большим основанием увидев в ΛΗ Πατεῖς «сарматское продолжение др. иран. *iyaz-, по следний представлен в Πατίας КБН 612 и Add. 2. При этом безосновательно его мнение, что этот суффикс стоит за -εις таких ΛΗ, как Θη/αλλεις, Ψευδῶν, Θαλαμῶν ввиду их местного иранского происхождения см. выше, с. 179.

Наряду с резчиками надписей велика вина и иных древних писателей, судя по изысканиям нашего героя. Страбон (XI, 2, 6)¹ упоминает «поселок Мирмекский: он вблизи Гераклиона, и Парфений», что вызвало нареkania С. Р. Тохтасьева [Виноградов, Тохтасьев, 1998, с. 35]: «Не исключено, что текст искажен — действительно, почему Гераклий упоминается после Мирмеккия и в парентезе? — но, скорее всего, Страбон, препарируя свой источник, выразился — что вообще нередко — невразумительно; во всяком случае, нет никакой необходимости вместе с Ф. Лассерром (... , с дополнительными фантазиями в «Notes complémentaires», р. 135, 4) говорить о «святилище Геракла», хотя бы потому, что Ἡράκλειον явно в качестве населенного пункта упоминает Птолемей *Geogr.* III. 6, 4». Данный текст Страбона действительно искажен, на что с основанием обратили внимание Ф. Ласер и за ним Д. Браунд [Lasserre, 1975, р. 135; Braund, 2009, р. 107/8], однако у Тохтасьева нет оснований обвинять Страбона в «невразумительном препарировании», так как Гераклион упоминается еще лишь раз Птолемеем и потому действительное положение его нам неизвестно. Вопрос не так прост: к примеру, в противоположность Тохтасьеву Л. А. Ельницкий счел данные Страбона правильными, а Птолема неточными [ВДИ. 1948. 2, с. 241, прим. 2]. Оба географа дают одинаковую последовательность пунктов — Мирмекский, Парфений, Гераклион.² Гераклион отождествляли с поселением Генеральское Восточное (А. А. Масленников, О. Д. Чевелев, В. Г. Зубарев), с мысом Зюк (Ю. А. Кулаковский, В. В. Латышев), с мысом Еникале (Н. Ф. Федосеев) [Зубарев, Масленников, с. 47; Зубарев, 2005, с. 262; Масленников, 2007, с. 67, 339; Maslennikov, 2007, р. 859]. Безосновательна и уверенность Тохтасьева в том, что Гераклион — населенный пункт, ибо кроме названия нам ничего о нем неизвестно, а суффикс -ιον формирует равным образом названия святилищ и населенных пунктов. Обвиненный в фантазии Ф. Ласер, в отличие от своего критика, руководствовался текстом Страбона, который в этом же кратком параграфе в 30–40 слов говорит о селении Ахиллий и находящемся в нем святилище Ахилла, так что логично считать, что теофорный же Гераклион тоже святилище или поселение со святилищем, что подтверждается материалами Д. Браунда о культе Геракла на проливе [Braund, 2009, р. 107/8; 2009a, р. 121, 124; Федосеев, 2009, с. 165/6]. Соседний Парфений — тоже святилище или поселение со святилищем [Maslennikov, 2007, р. 858; Braund, 2009, р. 102/7]. Археологические исследования и граффити показывают культ Геракла и Митры-Геракла на ряде святилищ азовского побережья — на поселении Бакланья Скала (в 10 км западнее мыса Зюк), на поселении Поляна (в 6 км западнее мыса Зюк), Генеральское Западное

¹ У С. Р. Тохтасьева не вполне точное указание XI, 2, 5.

² После Парфения Птолемей вставляет еще Зенонов Херсонес, и если счесть это вставкой, Гераклион можно было бы отождествить с мысом Еникале, как предложил Н. Ф. Федосеев.

[Масленников, 2006; Масленников, 2007, с. 11, 17 сл., 23 сл., 61; Сапрыкин, Масленников, 2007, с. 68, 90]. Поэтому одно из указанных поселений со святилищем можно счесть Гераклионом.

Что там Страбон — С. Р. Тохтасьев берет планку и повыше [Виноградов, Тохтасьев, с. 26]: у него и Еврипид оказывается выдумщиком разных слов, в частности *παρθένωπος*. Правда, согласно LSJ, оно есть и у Дионисия Галикарнасского, но критик бодро преодолевает препятствие — попало-де к историку через словари. Вся эта отсебятина затеяна для сохранения С. Р. Тохтасьевым своего чтения граффито из Порфмия ([*e. g.* *παρθένω*] Парθένω[ι]) от поправок Ю. Г. Виноградова. Последние действительно беспочвенны, но ничем не лучше домыслы Тохтасьева о придумывании слов Еврипидом и о словарях, через которые выдумка трагика достигла-де Дионисия Галикарнасского. Злокозненный Овидий придумал имя предка Ахеменидов *Ὀρχαίος* (Met. IV, 212): оно «всею лишь его собственная выдумка, во всяком случае — продукт позднеантичной *Kunstmythologie*» [Тохтасьев, 2007, с. 194]; выше показано, что действительно существует персидское имя, которое в греческой передаче будет таким, так что высказывание Тохтасьева — «всею лишь его собственная выдумка» — относится к нему самому. Суров его филологический вкус: он пеняет херсонеситам — у них де слабовата фантазия по части образования имен: «Примеры вроде *Διονύσιος Ἀθανοδ[ώρου]*... редки и выглядят на общегреческом фоне бледно. Сочетание *Σκύθας Σωπόλιος*... — уж и вовсе безвкусица. Не менее удручающее впечатление производят — тем более, своей многочисленностью — сочетания вроде *Ἀπολλώνιος Ἀπολλωνίου*» [Тохтасьев, 1997, с. 385]. Весь этот негатив направлен на замечательную особенность антропонимии народов прошлого времени и настоящего — так называемое рифмование, при котором ребенку подбиралось имя, созвучное именам родителей или излюбленным родовым именам, либо созвучные особо почитаемому в семье божееству (например, в тюркской антропонимике [Шакуров, 1980; Шатинова, 1980]), который представлен и на Боспоре (выше, с. 129).

Касаясь названия поселка на Тамани Киммерий, именно форм с начальным придыхательным,¹ С. Р. Тохтасьев [1984, с. 148, прим. 13] утверждал, что подобные формы указанных источников — «или ученая реминисценция чтения Протея Зевгматита в Od., XI, 14 — *Χεῖμαρίων* (Etym. Magn., 513, 49), или уже собственная аналогичная находка какого-то писателя, которого занимала проблема гомеровского «народа и полиса мужей киммерийских»». Замечу в связи с этим, что название *Chimerion* Плиния, Равенната, Певтингеровых таблиц недавно нашло подтверждение в форме *Χιμίρις* таманской

¹ *Plinii* N. h. VI, 18 (Mayhoff): *Cimmerium*, quod antea *Chimerion* vocabatur «Киммерий, ранее называвшийся Химерием». В латинизированной форме сē приводит и Равеннский географ — *Chimerium* (Rav. Cosmogr. IV, 3, 6; 10, 16), представлена она и на Певтингеровой таблице (segm. IX, 2).

надписи Устана (ниже, с. 414), так что со своей «ученой реминисценцией» Тохтасьев в очередной раз сел в лужу. Его мнение, что Страбон спутал Киммерик европейского Боспора с Киммерием таманским, во-первых, давно сказано [Гайдукевич, 1949, с. 186], во-вторых, безосновательно [Завойкин, 1997, с. 131 сл.].

Как видно, деятельности С. Р. Тохтасьева не только на ниве антропоники и эпиграфики, но и филологии, в значительной мере свойственно превратное понимание исследуемого материала.¹

ВОТИВ ДОЧЕРИ СКИЛУРА

Посвятительная надпись на обресе столешницы мраморного жертвенного стола из Пантикапея в чтении и пер. Ю. Г. Виноградова [1987, с. 58; Vinogradov, 1997, S. 528]: Ὑπὲρ [τοῦ] βασιλέως [τρί]ς [Πα]ρισάδου [τοῦ] vel [υἱοῦ] βασιλέως [Βοσπόρου ?] Παρισάδου Σεναμωτίς Ἡρακλείδου γυνή, βασιλέως δὲ Σκिलούρ[ο]υ θυγάτηρ καὶ ἀνέθηκεν τὴν τράπεζαν καὶ Διθαγοίαι «За царя трижды Перисада, сына царя [Боспора] Перисада, Сенамотис, жена Гераклида и дочь Скилура, посвятила этот жертвенный стол Дитагойе» (в русском переводе издателя выпал царский титул Скилура).

Надпись интересна упоминанием в стк. 2 царя Скилура и посвящением его дочерью стола в пантикапейское святилище некой туземной богини. Если стк. 2 посвящения сохранилась в сносном состоянии, исключая довольно разрушенное начало, то от стк. 1 сохранились жалкие остатки. По уверению издателя, «тем не менее тщательное копирование остатков букв с учетом формульного построения текста позволяет восстановить стк. 1 со степенью достоверности, приближающейся к максимальной» [с. 55]. К сожалению, оптимизм издателя разделить трудно, и не в последнюю очередь потому, что он лишил читателя возможности проверить надежность его чтения, опубликовав только общий вид этой довольно длинной надписи (рис. 8), но не дав двух-трех детальных ее снимков, чем поставил читателя перед необходимостью верить на слово. Между тем, предложенное им чтение стк. 1 содержит ряд эпиграфических несообразностей, основательно элиминирующих его текст. Прежде всего это чтение слова [τρί]ς означающее, что «чествуемый надписью царь был «трижды» Перисадом, т. е. имел омонимичного отца и деда... Такое необычное для царских имен сокращение омонимичности» Виноградов предположительно объясняет тем, «что резчик боялся не вместить в заранее заданное, ограниченное шрифтовое поле весь текст, а потому предпочел не повторять три раза τοῦ βασιλέως Παρισάδου, а ограничился кратким τρίς. Этому не противоречит следующее за именем сына [τοῦ] vel [υἱοῦ] βασιλέως ... Παρισάδου, которое должно было подчеркнуть, что дан-

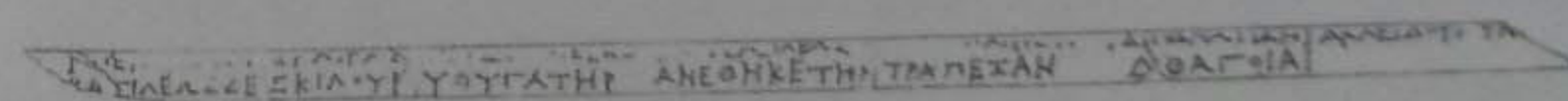

Рис. 8. Вотив дочери Скилура (прорись Ю. Г. Виноградова)

¹ Опускаем здесь раздел 4 статьи [Яйленко, 2008, с. 573/8] об отношении С. Р. Тохтасьева к коллегам и их работам — незачем еще раз тиражировать его хамские высказывания, в том числе по моему адресу. Характерная особенность их состоит в том, что отрицательная оценка какой-либо статьи или содержащихся в ней идей никогда не сопровождается аргументацией (исключая рецензии) — все его негативные отзывы голословны, это ругань критика, страдающего импотенцией по части доказательств.

ный царь был не просто Перисадовичем, но принял власть из рук законного боспорского царя Перисада» [с. 57]. Такая аргументация чтения слова [τρί]ς невозможна ввиду следующих обстоятельств.

1. В титулатуре монархов сокращенное обозначение омонимичности не принято, это свойство надписей частных лиц. См., к примеру, обозначение омонимичных предков Птолемеем III: βασιλεὺς μέγας Πτολεμαῖος, υἱὸς βασιλέως Πτολεμαίου καὶ βασιλίσσης Ἀρσινόης θεῶν Ἀδελφῶν, τῶν βασιλέως Πτολεμαίου κτλ (OGIS 54). Один этот факт должен был бы удержать Виноградова от восстановления слова [τρί]ς, тем более, что его объяснение этого боязнью резчика не уместить текст надписи, во-первых, несостоятельно хотя бы ввиду того, что резчик только начал вырезать текст на грани стола длиной в полтора метра, и во-вторых, неверно по существу — указание на омонимичность отца все-таки присутствует сразу вслед за [τρί]ς [Πα]ρισάδου — в чтении издателя это [το]ῦ vel [υἱ]οῦ βασιλέως [Βοσπόρου ?] Παρισάδου, а в-третьих, противоречиво — боясь не уместить текст, резчик прибегает к сокращенному обозначению омонимичности отца и деда, но тут же вырезает и имя и титул отца. Ссылка Виноградова на некую необходимость подчеркнуть этим обстоятельством принятие власти наследником из рук законного царя — не аргумент, а предположение, само нуждающееся в доказательстве, ибо мы вправе поинтересоваться, для чего нужно было подчеркнуть это?

2. Чтение слова [τρί]ς невозможно также ввиду хронологии подобного обозначения омонимии. Ю. Г. Виноградов датирует надпись 140–111 гг. [с. 59] и отмечает, со ссылкой на работу Р. Кёрнера, изучившего вопрос о сокращенных обозначениях омонимичности в греческой эпиграфике, возникновение данного приема во II в. до н. э. Однако он не обратил внимания на существенные оговорки Кёрнера, следующие сразу за указанным заключением. Констатируя появление этого приема во II в. до н. э., Кёрнер отметил самостоятельность его возникновения в это время в нескольких областях Греции — Арголиде, Мегариде, Ликии и Калимне, причем акцентировал его крайнюю редкость во II в. и распространенность лишь с I в. до н. э. [Körner, S. 25, 38 f.; Kokkinia, 1996, S. 133/4]. Если принять чтение Виноградовым [τρί]ς в рассматриваемой надписи II в. до н. э., то придется заключить, что прием сокращенного обозначения омонимичности возник самостоятельно на Боспоре во II в. до н. э. Между тем других указаний на новаторство боспорских эпиграфических мастерских этого времени нет, а что до сокращения омонимичности, то таковое известно здесь, согласно сводке Кернера [S. 98/9], в I–III вв. н. э. в простейшем цифровом типе вроде Μενέστρατος β' «Менестрат, сын Менестрата». Изложенное показывает, что для восстановления слова [τρί]ς нет оснований — ни текстуальных, ни хронологических, тем более что в ареал возникновения приемов омонимичности Боспор не входил, по крайней мере, неизвестен тут в II–I вв. до н. э.

Дальнейшие сомнения связаны с вычитываемыми издателем в стк. 1 четырьмя именами. Из них лишь Ἡρακλείδου читается определенно, если основываться на прориси (на фото, повторяем, что-либо разобрать в стк. 1

невозможно). Имя Гераклид популярно на Боспоре, особенно в первые века н. э. Ясно, что скифскую царевну мог получить в жены знатный человек, видимо, он принадлежал к Спартокидам, на чем настаивает издатель. В качестве имени дочери Скилура Ю. Г. Виноградов вычитал экзотическое имя Ξενάσιωτις, разумеется, нигде не засвидетельствованное. Приведя в качестве параллели египетские имена Ξενάσιωτις, Ξενάσιωτις, он уверяет читателя в том, «что появление египетского имени в скифском царствующем доме не должно казаться таким уж необъяснимым сюрпризом», ибо у Боспора с III в. были налажены связи с Египтом, скифы же были союзниками Боспора [с. 60]. Египетские имена у скифов до Виноградова еще никто не находил, и, увы, его вклад в скифскую антропонимику излишен, так как египетская антропонимика чрезвычайно разнообразна и всякий, подобно Виноградову изобретший какое-либо имя, может найти полные или близкие параллели в ней вплоть до великого кормчего Мао и английской фамилии Монтьери (дальнейшие примеры подобного рода [Откупщиков, 1988, с. 17]). Если учесть, что ранее издатель читал имя царевны как Δημόσις [с. 57, пр. 4], то ясно, что вычитывание экзотических имен — следствие безнадежно разрушенного состояния текста и стремления издателя во что бы то ни стало прочесть его.

Дважды издатель вычитывает в стк. 1 имя Перисад — сначала [Πα]ρισάδου, затем Παρισάδου. Точками тут, как обычно, обозначены фрагментарно сохранившиеся буквы, однако читатель напрасно будет выискивать на прориси не только их, но и переданные Виноградовым как сохранившиеся полностью буквы имени Παρισάδου — их там нет, есть остатки, которые могут быть прочитаны по-разному. Судя по прориси, в стк. 1 дважды упоминалось слово βασιλέως как элемент эпонимной датировки или в качестве указания ранга лица, за которого сделано посвящение, но имя-патронимик этого царя остаются трудно определяемыми. Так как надпись датируется сер. — второй пол. II в. по упоминанию Скилура, а в указанное время, как считается на основании недатированной тетрадрахмы с легендой βασιλέως [Πα]ρισάδου, а также широко датированных надписей КБН 75 и IOSPE I² 352, правили три Перисада, сменявшие друг друга на троне, издатель, может быть и прав, вычитывая имена двух Перисадов, но надо объективно обрисовать читателю состояние текста, а не подавать ему в качестве почти полностью сохранившихся имена, вразумительно не документированные даже его прорисью. Изложенные обстоятельства показывают, что издателю скорее всего не удалось уловить правильную формульную структуру стк. 1, следствием чего и явились указанные выше несообразности его чтения. Вероятно, консилум эпиграфистов смог бы установить более адекватное прочтение подлинника, однако, к сожалению, коллегиальность рассмотрения трудных случаев не в практике работы наших эпиграфистов. Подводя итог рассмотрению текста стк. 1 надписи, отметим, что в ее левой части определенно читается титул βασιλεὺς (дважды), в правой части — омега, сигма и Ἡρακλείδου υἱός. Стк. 2 вполне читаема.

Теперь о хронологии надписи. Палеографически она принадлежит к позднему эллинистическому стилю и аналогична ей можно подобрать в числе датированных аттических надписей от сер. III в. до начала I в. до н. э. [Kirchner, 88 — декрет 250 г.; 111 — декрет 95–94а). Виноградов отметил, что шрифт новой надписи более развит сравнительно с гермонасским посвящением КБН 1044 за Перисада IV и на этом основании отнес посвящение дочери Скилура к Перисаду V. Однако он не указал, в чем конкретно выражается эта большая развитость и ограничился характеристикой шрифта гермонасской надписи. Это не случайно, поскольку данная им характеристика последней — прогнутость косых линий меньшая, отсутствуют варианты начертаний одних и тех же букв, крупные размеры круглых букв, горизонтальность усиков *сигмы* [с. 59] — встречается и в позднейших памятниках позднеэллинистического стиля: из числа датированных аттических параллелей укажем [Kirchner, 104 (153а), 107 (131а), 109 (111а)]. У этого письма был вариант, к числу памятников которого принадлежит и новонайденная надпись, характеризующийся при тех же особенностях позднеэллинистического стиля меньшими размерами круглых букв в строке и известной нерегулярностью форм прямых букв, *ср.* [Kirchner, 100 (185а), 101 (175а), 110 (106а), 111 (95–94а)]. Есть и памятники, в которых сосуществовали крупные и мелкие по размерам буквы и другие особенности обоих вариантов [Ib. 104 (153а)]. Все эти примеры показывают, что оба варианта письма сосуществовали на протяжении II в. до н. э. и что, следовательно, нет оснований для датировки посвящения скифской царевны более поздним временем сравнительно с гермонасской надписью КБН 1044 по палеографическим данным, как это сделал Ю. Г. Виноградов, ограничившийся кругом трех боспорских аналогий — КБН 27, 75, 1044, из которых лишь вторая имеет более или менее определенную дату.

Поскольку его вывод, что новонайденная надпись по письму является более развитой сравнительно с вотивом КБН 1044 за Перисада IV и потому поставлена при Перисаде V, палеографически остался бездоказательным, рассмотрим внешние данные — о времени жизни Скилура. Из сообщения Страбона (VII, 4, 3; 7) известно, что у него было 50 или 80 сыновей и что он сражался с полководцами Митридата Евпатора, т. е. ок. 110-х гг. (см. ниже), когда, вероятно, и умер, так как в дальнейшем во главе скифов стоял его сын Палак. Виноградов отнес рождение Скилура к 170-м гг. и заключил отсюда, что дочь его могла достичь брачного возраста в 130-х, вследствие чего датировал ее вотив ок. 140–111 г. [с. 59]. Принятые им рамки возможных хронологических прикидок кажутся, однако, несколько зауженными в отношении возраста Скилура, которому издатель выделил ок. 60 лет жизни, ибо наличие 50–80 сыновей, пожалуй, свидетельствует о его более длительной биографии. К примеру, по данным Плутарха (Артах. 30) и Юстина (X, 1, 1), Артаксеркс прожил 94 года, из коих правил 62 и имел от наложниц 115 сыновей, причем лишь трое были от жен. По мнению А. К. Гаврилова, Скилур умер задолго до вмешательства Митридата в боспорские дела или непосред-

ственно перед этим [Gavrilov, S. 167]. Сама разноречивость мнений по вопросу о времени жизни Скилура не мешает думать о 70 или 80 годах жизни царя таврических скифов, так что дочь его могла выйти замуж еще в середине столетия. Тем самым ее посвятельная надпись может быть отнесена и к середине и ко второй половине II в., вследствие чего остается только гадать, который из Перисадов — III, IV или V — упоминается в посвящении (если там вообще фигурировало это имя). Ю. Г. Виноградов хочет видеть тут Перисада V, последнего Спартокида, за родственником которого, думает он, была замужем дочь Скилура, в чем усматривает аргумент в поддержку своей гипотезы о скифско-боспорском договорном союзе [с. 72]. Гипотеза эта, несомненно, интересна, но ее аргументационная база наполнена более категоричностью суждений, нежели действительными доказательствами. К примеру, вотив дочери Скилура отнюдь не доказывает существование договора между скифским царством и Боспором: она необязательно должна быть замужем за членом боспорского царского дома (в конце концов имя Гераклид у Спартокидов другим источником не засвидетельствовано), а ее посвящение, как мы видели, могло быть сделано и до правления Перисада V.¹ Еще более уязвимы другие аргументы издателя в пользу своей гипотезы о скифо-боспорской унии. Так, если говорить о его трактовке событий, связанных с переворотом Савмака [с. 75 сл.], то такие аргументы, как предположение, что Савмак мог быть братом дочери Скилура или женатым на дочери Перисада (!), навряд ли всерьез доказывают его точку зрения. Нет смысла дискутировать далее по такому поводу, тем более, что вопрос о Савмаке обстоятельно разобрал А. К. Гаврилов [1992, с. 67 сл.].²

В заключение коснемся интересного вопроса об имени божества, которому царевна посвятила жертвенный стол. Виноградов читает его в качестве имени богини — *Διθαυοιαι* (*dat.*), которое поставило его в тупик своей уникальностью [с. 60]. Опубликовавший материалы из пантикапейского святилища, в котором найдена надпись, В. П. Толстикова атрибутировал святилище божеству круга Артемиды-Гекаты, присовокупив к ней имя Дитагойи [1987, с. 107 сл.]. Поскольку никакой Дитагойи источники не знают, вопрос, на

¹ Посвятительные надписи за царя эпохи Спартокидов делали в основном мужчины, но также женщины [Яйленко, 1995, с. 228]. Три женщины принадлежали к Спартокидскому дому (КБН 1015, 1041, плюс надпись из Гермонассы [Яйленко, 1995, с. 226]), но большинство женщин (или их мужья) происходят из других знатных семей (КБН 8, 14, 18, 21, 27, 972, 1040, 1043). При Спартокидах было принято, чтобы знать делала посвящения за правящего царя, правила «хорошего тона» предписывали это и женам знатных сановников.

² По мнению Е. А. Молева [1995, с. 27 сл.], разгром скифов Диофантом привел к прекращению поддержки ими Боспора, в результате чего Перисад V был вынужден передать царство Митридату. На наш взгляд, Савмак был командиром наемного скифского отряда в войске последнего Перисада, который и стал жертвой дворцового переворота, учиненного «преторианцем» скифского происхождения, но это отдельный сюжет.

наш взгляд, решается иначе. В числе пантикапейских граффити Керченского музея имеется фрагмент плечиков небольшой узкогорлой амфоры, между ручками которой сделаны две надписи — с одной стороны Θρασιμήδου, а с другой ἱερῶν Θαύοτα [Яйленко, 2006, с. 389/92]. Первая надпись сделана небрежно, это автограф посвятившего, вторая сделана профессиональным резчиком до обжига сосуда, это храмовая маркировка «священная (собственность святилища божества) Тагота». Стало быть, в Пантикапее имелось святилище божества по имени Θαύοτας. В Διθαύοιαι посвящения дочери Скилура, кстати, близкого по письму, полагаем, и следует вычитывать имя того же божества: резчик забыл вырезать горизонталь над ножкой Т, с учетом чего и следует читать Δι Θαυό(τ)αι «Зевсу Таготу». Судя по эпиклезе Тагот, это было туземное боспорское божество круга Зевса (подробности — в указанной нашей статье).

НАДПИСИ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К МИТРИДАТУ ЕВПАТОРУ И ФАРНАКУ

1. Почетный декрет в честь Митридата Евпатора из Нимфея

Мрам. постамент, обломан справа, с почетной надписью в честь Митридата (рис. 9), опубликовал Е. А. Молев [1980, с. 43]: [Β]ασιλέα τας βασιλέων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπάτορα Διόνυσον, τὸν Ν[υμφαίων τοῦ δήμου εὐ]εργέτην κρατήσαν[τα τῶν ἐν πάσῃ Ταυρικῇ | π]ραγμάτων καὶ ὑπ[ο--]. Дополнение издателем стк. 2-4 не учитывало лексику почетных надписей, в том числе боспорских, поэтому в соответствии с оборотом почетных надписей τὸν ἑαυτὸν (ἴδιον или этникон) σωτήρα καὶ εὐεργέτην в стк. 2 мною было дополнено необходимое [--σωτήρα καὶ εὐ]εργέτην и в целом дан следующий текст [Яйленко, 1982а, с. 111; 1985а, с. 618, 657, cf. SEG 37, 1987, 668; Bellesteros Pastor, 1995]:

[Β]ασιλέα τας βασιλέων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπάτορα Διόνυσον τὸν Ν[υμφαίων (?) σωτήρα καὶ εὐ]εργέτην, κρατήσαν[τα Σκυθῶν (?), ὑπὲρ τῶν αὐτοῦ π]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[ὲρ e. g. εὐνοίας πρὸς Νυμφαίτας]

Однако с стк. 3-4 остались неясности. Мое чтение стк. 3-4 κρατήσαν[τα Σκυθῶν, ὑπὲρ τῶν αὐτοῦ | π]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[ὲρ εὐνοίας πρὸς Νυμφαίτας] Ю. Г. Виноградов отверг на том основании, что конструкция с ὑπὲρ + gen. свойственна посвятивительным, а не почетным надписям [Vinogradov, 1990, p. 554, № 589]. Основание не вполне точное — эта конструкция известна и

Рис. 9. Декрет из Нимфея в честь Митридата (фото Керченского музея)

почетным надписям (Syll.³ 673, 805), но редко, поэтому поищем ей альтернативу. Сам Виноградов прочел в стк. 3 кратήσαν[τα τῶν ἐν παντὶ Βοσπόρου π]ραγμάτων, на что я заметил в дискуссии на III Всесоюзном симпозиуме по древней истории Причерноморья 1982 г., что формула ἐν παντὶ Βοσπόρου принадлежит иному виду надписей — проксениям; уместней параллель с близким по времени выражением βασιλείων παντὸς Βοσπόρου надписей в честь Аспурга КБН 39, 40, хотя и оно непригодно для дополнения, так как βασιλείων не является смысловым эквивалентом выражения кратήσαντα — πραγμάτων [ПЭЭ, с. 657/8]. Несмотря на отмеченный недостаток этого варианта, Виноградов в дальнейшем воспринял его, разумеется, без ссылки на источник информации: в стк. 3 он дополнил кратήσαν[τα παντὸς Βοσπόρου π]ραγμάτων «ставшего хозяином положения на всем Боспоре», а в стк. 4 ὑπ[οτάξαντα τοὺς βαρβάρους?] «подчинившего своей власти варваров», со ссылкой на «подобное сочетание» βασιλείων παντὸς Βοσπόρου — ὑποτάξας Σκύθας καὶ Ταύρους аспурговых надписей КБН 39, 40 [ПЭЭ, с. 595, 599–600]. Позднее он скорректировал часть своих дополнений и дал такое чтение декрета [Vinogradov, 1990, p. 554, № 589]:

[Β]ασιλέα *vac.* βασιλέων *vac.* Μιθραδάτην Εὐπά]-
тора Διόνυσον τὸν ἐ[αυτοῦ/-της/-των σωτήρα καὶ εὐ]-
εργέτην кратήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ *vel* τοῦ Βοσπόρου π]-
ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα τοὺς βαρβάρους ?]

Е. А. Молев [1999, с. 86/7] согласился с дополнением стк. 3, но оставил свое чтение двух первых строк; в стк. 4 вместо безымянных варваров резонно поместил названия племен:

[Β]ασιλέα *vac.* βασιλέων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-
тора Διόνυσον, τὸν Ν[υμφαίτων τοῦ δήμου εὐ]-
εργέτην кратήσαν[τα τῶν ἐν Βοσπόρῳ
π]ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα Σκύθας καὶ...]

Отметим спорные моменты чтения Виноградова (перевода он не дал). В лакуне стк. 1 Молев (и за ним я) дополнил к титулу βασιλεὺς βασιλέων вполне очевидное μέγας, ибо таков обычный узус этого титула (ниже, с. 205). Виноградов же оставил место пустым (его *vacat*), сославшись, что μέγας не всегда употреблялся в титулатуре Митридата. Однако, обратившись к боспорской эпиграфике, выясняем, что боспорские цари Ia–III в обладали титулом βασιλεὺς μέγας, а трое — Фарнак, Савромат I и сын его Котис II — титулом «царь царей», который в надписях по преимуществу сопровождался элементом μέγας (КБН 28, 44, 980 1048, 1122, 1254), в 3 надписях КБН 33, 45, 979 титул дан без μέγας. В конце стк. 2 Молев и я видели на камне остаток Ν, Виноградову же тут «ясно виден остаток *эпсилона*». Не настаивая на различаемой букве — в конце концов каждый видит то, что видит (все мы работали с камнем) — отмечу, что по смыслу текста его дополнение неприемлемо, ибо упоминание надписи о деяниях Евпатора (кратήσαν[τα π]ραγμάτων), т. е. о событиях общественной значимости, указывает, что почетный памятник поставлен от имени коллектива, а не частного лица, что,

естественно, предполагает восстановление этника нимфейцев. Если же почетная надпись ставится от имени частного лица, оно всегда названо по имени, с указанием должности (КБН 38 — «царица Динамия» и т. д.), на камне же из Нимфея места для этого нет. Таким образом, против дополнения Ю. Г. Виноградова свидетельствует отсутствие упоминания о постановщике статуи, тогда как его наличие обязательно (это может быть частное лицо, полис, профессиональное сообщество, койнония и пр.). Чтение Ю. Г. Виноградовым в стк. 4 ὑπ[οτάξαντα τοὺς βαρβάρους ?] неуместно для официальных боспорских эпиграфических документов, в которых никогда не говорится о «варварах» вообще, а всегда употребляются конкретные варварские этнонимы (Е. А. Молев).¹ К примеру, в почетной надписи в честь Аспурга и в votивной надписи ему же КБН 39, 40, которые с моей подачи послужили Ю. Г. Виноградову основанием для указанного дополнения, мотивировочная часть включает указание на подчинение царем скифов и тавров, но не варваров вообще, да и титулатура царя, как положено, включает этнонимы синдов, меотов и других конкретных, а не безымянных варваров. Ввиду изложенного вариант Виноградова неприемлем во всех своих слагаемых, может быть, за исключением формульного τὸν ἐ[αυτῶν] при [σωτήρα καὶ εὐ]εργέτην, с учетом которого даем свое обновленное чтение декрета:

[Β]ασιλέα *vac.* βασιλέων μέγαν Μιθραδάτην Εὐπά]-
тора Διόνυσον, τὸν ἐ[αυτῶν (?) σωτήρα καὶ εὐ]-
εργέτην, кратήσαν[τα *e. g.* Σκυθῶν διὰ μεγάλων π]-
ραγμ(ά)των καὶ ὑπ[οτάξαντα Ταύρους, Νυμφαίται ?]

«великого царя царей Митридата Евпатора Диониса (его статуя), своего спасителя и благодетеля, *e. g.* победившего скифов чрез великие деяния и покорившего тавров (?), (поставили) нимфейцы (?)». Наше дополнение стк. 3–4 исходит из лексики херсонесского декрета в честь Диофанта (IOSPE I² 352). Его успешные военные действия на Боспоре обозначены как πολλὰ καὶ μεγάλα πράξεις и τὰ πράγματα (стк. 11, 43), отсюда наше дополнение *e. g.* Σκυθῶν διὰ μεγάλων π]ραγμ(ά)των (в стк. 4 мотивировка выработки Диофантова декрета и постановки статуи выражена через предлог [διὰ]). Как положено, победы полководцев приписывались царям [Яйленко, 2007, с. 91, 98]: успехи Диофанта увенчались постановкой победного трофея Митридата над скифами (стк. 8–9), действия Диофанта на Боспоре были «прекрасными и полезными для царя Митридата Евпатора» (стк. 32/3). Все это позволяет ввести в декрет нимфейцев соответствующую лексику херсонесского декрета: кратήσαν[τα *e. g.* Σκυθῶν διὰ μεγάλων π]ραγμ(ά)των. К кратήσαν[τα] стк. 3 *ср.* ἐκράτησεν эфесского декрета 87 г. о Митридате [Reinach, 1890, p. 463]. К πραγμάτων применительно к Митридату *ср.* посвящение: Διὶ Οὐρίῳ ὑπὲρ βα[σιλέως] Μιθραδάτου Εὐπάτορος καὶ τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ Μιθραδάτου Χρηστοῦ καὶ τῶν πραγμάτων αὐτῶν «Зевсу Споспешествующему за царя Митридата Евпатора и его брата

¹ Слово *βάρβαρος* лишь раз употреблено в частной стихотворной эпитафии КБН 119 — «копьё варвара». Как исключение — Syll.³ 402.6.

Митридата Хреста и за их деяния».¹ Поставив в результате победы над скифами трофей, Диофант «подчинил ему и живущих окрест тавров» (стк. 9–10); скифы и тавры следуют в связке также в почетной надписи в честь Аспурга (КБН 40: ἵπποτάδας Σκιδας καὶ Ταύρους) и в посвящении за Савромата II (КБН 1237: «поехав сирахов и скифов и присоединив Таврику по договору»). Исходя из этого, относим кратήσαν[та] к скифам, а ὑπ[οτάξαντα] к таврам. Это можно подтвердить и тем, что из дальнейшего текста Диофантова декрета следует, что после летних поражений скифы были не подчинены, а, вероятно, принуждены к заключению договора о союзе, на что может намекать выражение σφεδὸν πάντας ὑπακόουσας συνέβη «почти всех (скифов) привел к повиновению» (все-таки не всех!) и скорое отложение их от царя (стк. 13/6: τοῦ μὲν βασιλέως ἀποστάτων).² Напротив, тавров Диофант определенно «подчинил царю» (ὑφ' ἐαυτὸν ποταμίειος, стк. 10). Подчинив тавров, Диофант отправился на Боспор, где совершил «многие и великие деяния» (стк. 11), в результате которых царство досталось Митридату. К этой цепи событий относится и сообщение Страбона (VII, 3, 18) о двойной победе другого митридатовского полководца, Неоптолема, над варварами в Керченском проливе. Действия обоих полководцев на Боспоре непосредственно затрагивали также интересы Нимфея, что и было реализовано данной почетной надписью в честь Митридата: в числе «деяний» ([π]ραγμάτων) Митридата на Боспоре в целом и касательно Нимфея в частности, могло быть восстановление формальной независимости Нимфея как полиса, ибо не случайно засвидетельствованный единственный раз этникон Νυμφαίτης фигурирует именно в надписи времени включения Боспора в державу Митридата (Syll.³ 1126, ок. 100 г.). Как сказано, в почетных надписях непременно именуется лицо или коллектив, от имени которых они сделаны, причем постановщик упоминается в начале или конце надписи. В нашей надписи место ему только в конце, так что дополняем в лакуне стк. 4 Νυμφαίται (?). Обычно постановщиком статуи выступает полис или демос, редко употребляется этникон (Syll.³ 750: Κυριαῖοι, в конце надписи).³ Глагол со значением «ставить, по-

¹ [OGIS, 368; Michel, 1160], Делос. Ср. πράγματα Аттала III в отношении элейцев (их почетный декрет в честь царя [Michel, 515, 25], также τιμήν τοῦ πράγματος и τῶν πραγμάτων декрета пергамлян ок. 166 г. в честь жрицы [Ib. 517]); письмо Антиоха III магнетянам [Welles, p. 141, № 31, 25/8], наконец, письмо самого Митридата Евпатора губернатору Леониппу: τὰ ἡμέτερα πράγματα [Ib., p. 295, № 73, 4].

² Небольшой фрагмент неряшливо сделанной на известняковой плите надписи из района Кара-Тобе Ю. Г. Виноградов интерпретировал в качестве трофея, поставленного солдатами Диофанта [Vinogradov, 1997, S. 493], что является плодом гипертрифизации [Яценко, 1999].

³ Например, ὁ πόλις τῶν Δελφῶν, ὁ δῆμος τῶν Ἀθηναίων (Syll.³ 777, 829 В и мн. др.). Часто статую ставит просто ὁ δῆμος, без этникона (к примеру, Syll.³ 757/9, 787, 788), что по количеству букв подошло бы к нимфейской надписи, однако в таком случае ὁ δῆμος ставится в начале документа.

свящать» (ἀνέστησεν, καθιέρωσεν — КБН 41, 47 и др.) в почетных надписях упоминается редко, обычно он подразумевается.

Упомянутые выше события происходили до первого отпадения Боспора от Митридата в 83–80 г., т. е. нимфейский памятник поставлен в конце II или начале I в.¹ Нет оснований датировать его временем непосредственного пребывания Митридата на Боспоре в 65–63 гг., поскольку, по сообщению Аппиана (Mithr. 108) и Орозия (VI, 5, 2), Нимфей последовал за Фанагорией, Херсонесом и Феодосией в попытке отпасть от царя. Ю. Г. Виноградов, Е. А. Молев, В. П. Толстиков [1982, с. 10; 1985, с. 597/8; Vinogradov, 1990, p. 555] поставили вопрос о дате надписи в связи с титулом Митридата «царь царей»: «наделение титулом «царь царей»... санкционировалось в первой половине I в. до н. э. Римом» и Митридат мог обладать им «только в коротком промежутке между 89/88 и 85 гг.». Напомню в связи с этим кратко уже отмеченные мною в дискуссии на упомянутой конференции обстоятельства [ПЭЭ, с. 658/9]. Нельзя вместе с К. В. Голенко и П. О. Карышковским [Golenko, Karyszowski, p. 31/2], к которым они апеллировали, понимать титул «царь царей» в качестве «вещи», существующей в единственном экземпляре и кочующей из рук в руки среди парфянских, армянских и боспорских царей. Так, в III в. им обладали в одно и то же время парфянские Сасаниды и пальмирские цари. В начале IV в. этот титул носили одновременно те же Сасаниды и аксумский «царь царей» Эзана [Тураев, с. 249; Вольпе, с. 16]. Ок. 70-х гг. до н. э. одновременно с Тиграном Великим титул «царь царей» носил индосакский правитель Мауэс, который, по замечанию В. Тарна, подражал этим Митридату II парфянскому и претендовал тем самым на родство индосаков с парфянами [Tarn, p. 322], кстати, вполне вероятное. Эти примеры показывают, что всякий царственный владыка мог присваивать себе титул «царя царей» в случае реального обладания властью над другими царями. Так, пальмирский Оденат стал именовать себя «царем царей» после победы над носителем этого титула Шапуром I, а Эзана перечисляет в своих надписях покоренных им царей сопредельных Аксуму стран. Именно реальной властью над царями многочисленных племен Боспора объяснял наличие титула «царь царей» у боспорских владык еще П. Сэндс [Sands, p. 73]. Добавим, что легитимность этого акта оправдывалась принадлежностью боспорских царей к потомкам Ахеменидского дома: царь Митридат, сын Аспурга, называл себя ахеменидом (Tac. An. XII, 18); он был братом Котиса I,

¹ По мнению С. Ю. Сапрыкина [1996, с. 150], нельзя связывать постановку нимфейской надписи с победами над скифами, поскольку они были лояльны к Митридату; ему импонирует наблюдение Ю. Г. Виноградова, Е. А. Молева, В. П. Толстикова, что в Диофантовом декрете Митридат не назван ни Дионисом, ни «царем царей». Возразим: во-первых, для нимфейцев победы над крымскими скифами, их ближайшими соседями, как раз были актуальны, во-вторых, титул «Дионис» впервые зашифрован у Митридата делосской надписью 102 г. [Смекалова, 1999, с. 338; Молев, 1999, с. 88], так что если принимать вывод трех названных авторов, то поход Диофанта состоялся прежде.

дела Савромата I, а последний, как и его сын Котис II, носил титул «царя царей». Ту же почву имело и присвоение себе титула Митридатом Евпатором — вместе с установлением его реальной власти над многими царями и царьками причерноморских стран (ср. Посидоний Апаmeeц у *Athen.* V, 213d), а также по принадлежности к Ахеменидам.¹ Произошло это после побед над скифами, одержанных его полководцами Диофантом и Неоптолемом. Точная дата их походов не известна, наиболее вероятное время конец II — начало I в.²

Ошибочно и утверждение Ю. Г. Виноградова о санкционировании титула «царь царей» Римом. К примеру, пальмирский владыка Оденат, бывший врага римлян Шапура, получил от них титул «восстановителя всего Востока», а титул «царь царей» Оденат сам перенял у его носителя Шапура по праву победителя, не будучи Сасанидом; санкция Рима ему для этого не потребовалась. Сын Одената унаследовал этот титул отца [Шифман, 1977, с. 288/93]. Сказанное не позволяет согласиться с выводом Виноградова, Молева и Толстикова, что Митридат обладал титулом «царь царей» только в 89–85 гг., каковым временем они датировали и нимфейский декрет. Установление широкой власти Митридата над различными народами и царями Кавказа, Причерноморья, Приазовья, М. Азии имело место до начала первой войны с Римом, т. е. до 89 г. (ср. *App. Mithr.* 15), когда, стало быть, и сложились условия для принятия Евпатором титула «царь царей».³

¹ Об этом — *App. Mithr.* 112, и К. Навотка с основанием заключил, что Митридат заимствовал титул у Ахеменидов, к которым причислял себя [Nawotka, p. 327]. Вероятна догадка Е. А. Молева [1999, с. 89], что титул «царь царей» Митридат мог получить (присвоить себе, уточним мы) после побед своих полководцев над скифами, считавшимися до того непобедимыми.

² [T. Reinach, 1890, p. 54 s.; Жебелев, с. 93/4; Молев, 1974, с. 68, 72; 1976, с. 29 сл., 43/6; 1994, с. 131; 1995а, с. 37, 43, 48; 1999, с. 89; Ю. Г. Виноградов, 1987, с. 70; Gavgolov, 1996; Ю. А. Виноградов, 1999в, с. 17; 2001, с. 65; 2004, с. 143/8; Мельников, 2004, с. 257]. По Ю. А. Виноградову [2004, с. 148], Диофант воевал со скифами ок. 107 г., Неоптолем же мог действовать на Боспоре скорее в конце II в., но и после неудач Митридата в первой войне с римлянами. Е. А. Молев [1999, с. 87] с основанием заметил, что после первой войны с римлянами Митридат воевал не с варварами, а с отпавшими греческими городами Боспора. Крайние даты предложил С. Ю. Сапрыкин [1996, с. 134/5, 148/9]: Диофант действовал в 113–111 г., Неоптолем между 94–85 гг.

³ Мнение о переходе титула «царь царей» из рук в руки неосновательно. Так, Р. Е. Варданян [1999, с. 14/7] выдвинул посыл, что титул «ц. ц.» надо либо завоевать своими силами, либо добиться признания со стороны союзника помощнее. Что до союзника, то римляне никому не присваивали титул «ц. ц.» (см. ниже). У Варданяна же получилось, что Тигран II Армянский, парфянские цари Митридат II и III, Ород II подбирали то, что плохо лежит. Отметив, что в 55–51 гг. титул одновременно помещали на своих монетах Ород II и Фарнак Боспорский, Варданян нелогично заключил: начиная с Орода II, титул «ц. ц.» переходит из рук в руки. Если учесть, что в 50–49 и 39–38 гг. титулом владел Артавазд II Армянский, то чей титул он пере-

2. Посвятительная надпись Митридата КБН 29

Текст и пер. этой трехстрочной надписи по КБН: [Φαρνάκης? μέγας βασιλεὺς βασιλέων | [ἄρχων? Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην | [ἀνέθηκεν?] Διὶ Γενάρχηι «Фарнак (?), великий царь царей, правящий (?) европейским Боспором, посвятил (?) Зевсу Генарху». Из комм. КБН: дополнение стк. 1–2 принадлежит Латышеву (Архив), в стк. 2 он дал «два варианта восстановления: ἄρχων и βασιλεύων». Отметим сначала погрешности такого восстановления титулатуры: ее элемент μέγας стоит не перед титулом [βασιλεὺς βασιλέων, а после (КБН 28, 44, 1048, 1122, 1254);¹ кроме того, сочетание титулов «великий царь царей» и ἄρχων (независимо от понимания его как «архонт» или «правлящий») мало вероятно — сошлемся не только на отсутствие аналогий, но и на практику Асандра, бывшего первые 4 года правления монеты с титулом ἄρχοντος Βοσπόρου, каковой исчез, как только Асандр стал царем. Напротив, дополнение [κατὰ τὴν Εὐρώπην] очень вероятно, ср. выражение κατὰ τὴν Εὐρώπην у Зосимы (I, 27, 1); аналогичным выражением Страбон (XI, 2, 1) определяет азиатский Боспор: τοῦ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν. В стк. 2 перед ТА на фото (IOSPE IV, 200) видна правая наклонная галга предшествующей альфы, позволяющая читать [κ]ατά (сейчас эти буквы АТА утрачены). В I в. до н. э. (такова палеографическая дата надписи) титул «великий царь царей» носили два правителя Боспора — Митридат Евпатор и Фарнак (в надписи Асандра КБН 30 нельзя восстановить этот титул, см. с. 226). Комментаторы КБН под вопросом связали надпись с Фарнаком, полагая, что, возможно, власть его «не распространялась в какой-то период на азиатскую часть Боспора. Это соответствует свидетельству Аппиана (Mithr. 113), что Помпей

хватил — Орода или Фарнака? Есть ли смысл порождать подобного рода патовые ситуации, если все решается проще: Артавазд унаследовал титул от своего отца Тиграна Великого, в понтийской династии от Митридата титул перешел к сыну Фарнаку, у парфянских царей он тоже переходил по наследству от одного к другому. Равным образом не имеет силы возражение Т. Н. Смекаловой Варданяну, что с 86 по 61 г. никто не носил титула «ц. ц.»: исследовательница приняла на веру плохо обоснованное заключение Ю. Г. Виноградова, Е. А. Молева, В. П. Толстикова [1985, с. 597/8], что Митридат Евпатор владел титулом только между 88–85 гг. Также их утверждение, что в 66 г. Помпей отдал титул Фраату III, а в 64 г. вернул Тиграну, со ссылками на Диона Кассия и Плутарха, вводит читателя в заблуждение, ибо ни Дион, ни Плутарх ничего подобного не писали: Плутарх (Rom. 38) сообщает лишь, что Помпей в 64 г. опустил в ответном письме Фраату титул «ц. ц.». То же и со ссылкой на названных авторов на биографию Лукулла у Плутарха (§ 21): Лукулл в письме к Тиграну Великому назвал его просто «царем», а не «ц. ц.»; в § 14 Плутарх влагает в уста Лукулла речь, в которой римлянин всего лишь упоминает титул Тиграна «ц. ц.». Надо ли в угоду своим построениям настолько перевернуть источники?

¹ Собственно, μέγας ставится в титулатуре после βασιλεὺς (КБН 30, 31, 39, 40, 59, 953, 1049, 1254); только в указании, что царь является сыном «великого царя», μέγας ставится перед βασιλεὺς, т. е. в формуле υἱὸς μεγάλου βασιλέως (КБН 53, 55, 1134, 1242, 1243, 1245/8).

предоставил Фарнаку власть над Боспором, за исключением Фанагории». Однако «соответствие» приведенного свидетельства Аппиана частично, ибо сказано об автономии одной лишь Фанагории, а не всего азиатского Боспора. Комментаторы могли бы скорее усмотреть желаемое в известном сообщении Страбона (XI, 2, 11): «Часто боспорские владыки владели землями (азиатских меот — В. Я.) вплоть до Танаиса, в особенности последние — Фарнак, Асандр, Полемон», — оговорка Географа *πολλάκις* показывает, что эта власть не была постоянной и беспрерывной.

Полагаем, есть основания видеть в «великом царе царей» рассматриваемой надписи Митридата Евпатора. Из источников можно заключить, что с варварскими царьками азиатского Боспора у него были то даннические отношения — они выплачивали ему подать (*Strabo*, VII, 4, 6), то союзнические (*App. Mithr.* 15: приазовские племена — его φίλοι; *ib.* 102: в 66-65 г. он заключил с ними союз). По известию Плутарха (*Sulla*, 11, 4), Евпатор через одного из своих сыновей-наместников ок. 87 г. «владел старинным царством в Понте и на Боспоре вплоть до необитаемых местностей над Меотидой». Это сообщение о пределах царства Митридата на азиатском Боспоре ценно своей определенностью сравнительно с приведенными неоднозначными данными Страбона и Аппиана, которые могут быть поняты по-разному, и позволяет развить дополнение стк. 2-3 рассматриваемой надписи в том смысле, что титулатура царя содержала указание на его власть не только над европейским Боспором, но и над азиатским. Сказанное позволяет предложить следующее чтение документа:

[? Μιθριδάτης Εὐπάτωρ βασιλεὺς βασιλέων

[μέγας κρατεῖων Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην

[καὶ κατὰ τὴν Ἀσίαν ἀνέθηκεν] διὰ Γενάρχῃ

«Митридат Евпатор, великий царь царей, правящий Боспором, тем, что в Европе, и тем, что в Азии, посвятил Зевсу Родоначальнику». К выражению Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Ἀσίαν *ср.* у Страбона (XI, 2, 1) τοῦ Βοσπόρου τὰ κατὰ τὴν Ἀσίαν. Вообще, выражение κατὰ τὴν Εὐρώπην / κατὰ τὴν Ἀσίαν — фразеологизм, неоднократно фигурирующий, к примеру, у Диодора (XVII, 63, 5 *ср.*). Предложенное здесь восстановление титулатуры царя как владыки Боспора, того, что в Европе, и того, что в Азии» соответствует его пышному титулу «великий царь царей». Напротив, трудно представить себе, что этот «великий царь царей» довольствовался лишь европейской частью Боспора, что следует из дополнения Латышевым стк. 2-3. К дополнению причастия κρατεῖων *ср.* кратήσαν[τα] нимфейского декрета в честь того же Митридата (*см. выше*). Наконец, предложенное чтение [Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην [καὶ κατὰ τὴν Ἀσίαν] адекватно по смыслу выражению παντὸς Βοσπόρου титулатуры Аспурга (КБН 39, 40), в котором также акцентирована совокупность обеих частей царства, только принятая в КБН 29 их конкретизация отличается пышностью языка, вполне соответствующей пышности титула. Дополнение ἀνέθηκεν факультативно, почетные надписи обычно обходятся без него (КБН 24, 28 и *пр.*). Теоретически рассмотренное посвящение могло

быть сделано и Фарнаком (тогда в начале стк. 1 следует восстановить его имя), но, исходя из имеющихся на Боспоре надписей Митридата и Фарнака, следует отдать предпочтение Митридату — нимфейский декрет в его честь так же велеречив и пышен, как КБН 29: титул его βασιλεὺς βασιλέων μέγας Μιθριδάτης Εὐπάτωρ Διόνυσος, для нимфейцев он σωτήρ καὶ εὐεργέτης, они чествуют его как кратήσαν[τα *е. г.* Σκυθῶν διὰ μεγάλων (?) π]ραγμάτων «победившего скифов чрез великие деяния». Посвящение же Фарнака КБН 28 на этом фоне скудно по языку, титул царя краток — только «великий царь царей». Также отмеченная выше ясность указаний источников на то, что Митридат владел всем Боспором «вплоть до необитаемых местностей над Меотидой» соответствует формулировке «правящий Боспором, тем, что в Европе, и тем, что в Азии» КБН 29. Напротив, автономность от власти Фарнака второго по значимости города на Боспоре Фанагории выказывает территориальную неполноценность его царства, не вполне совместимую с определенностью выражения «правящий Боспором, тем, что в Европе, и тем, что в Азии».

С. Ю. Сапрыкин [1985, с. 77], руководствуясь текстом КБН, счел, что данная надпись относится к концу царствования Фарнака, правившего европейским Боспором, тогда как азиатским Боспором владел Асандр, ибо после поражения от Цезаря при Зеле Фарнак довольствовался Пантикапеем и Феодосией (*App. Mithr.* 120).¹ Критикуя это положение Сапрыкина, Виноградов дал свой текст рассматриваемой надписи: [Φαρνάκης (?) μέγας βασιλεὺς βασιλέων | ὑποτάξας βαρβάρους τοὺς κατὰ τὴν Εὐρώπην | [καὶ τὴν Ἀσίαν (?) ἀνέθηκεν] διὰ Γενάρχῃ [Vinogradov, 1990, p. 552, № 580]. Ни в одном пункте такое понимание надписи невозможно. Что элемент титулатуры μέγας должен стоять не перед титулом βασιλεὺς βασιλέων, а после него, показано выше. Дополнение ὑποτάξας βαρβάρους Виноградов дал со ссылкой на свое чтение в стк. 4 нимфейского декрета ὑποτάξαντα τοὺς βαρβάρους?, о неуместности которого для официальных боспорских эпиграфических документов также сказано выше. В контексте рассматриваемой надписи дополнение ὑποτάξας βαρβάρους вообще изумляет, ибо, если Фарнак «подчинил варваров, что в Европе и что в Азии», то получается, что варварские народы обеих сторон света, Европы и Азии, оказались под его властью! Эта нелепица проистекает из того, что в реконструкции Виноградова отсутствует территориальный ограничитель, именно название Боспор, абсолютно необходимое, если в тексте упоминаются Европа и Азия.²

¹ Позднее он принял нашу точку зрения, что эта надпись относится к Митридату [Сапрыкин, 2002, с. 35].

² Нелишне заметить и то, что дополнение [καὶ τὴν Ἀσίαν] Виноградов позаимствовал у меня, опять-таки, без ссылки («Материалы по боспорской эпиграфике» опубликованы в 1987 г. и экземпляр был передан мною ему через Л. С. Бакун). Он ни разу не упомянул эту 200-страничную работу ни в своих обширных обзорах отечественной литературы, помещенных в *Bulletin épigraphique* за 1990, 1995, 1997 гг., первый из которых мы цитировали здесь, хотя обязан был сделать это, так как редактор *Bull. ép.* Ф. Готье заказал ему обзоры русскоязычной историографии, ни

3. Посвящения за Митридата (?) и Фарнака из Танаиса

Рис. 10. Фрагменты надписей из Танаиса в честь Митридата и Фарнака (фото А. И. Иванчика, С. Р. Тохтасьева)

А. И. Иванчик и С. Р. Тохтасьев [2009] опубликовали 3 фрагмента известняковой плиты, которые сочли надписью в честь Динамии (рис. 10). По фото читаем во фр. А: ΕΡΒ | ΠΑΤΟΡΟΣ | ΟΛΛΩΝΟΣ | ΟΣΜΕΝΙ | ΤΙΑΙΟ; фр. В: ΩΣΦΑΡ | ΥΤΟΥ; фр. С: ΟΙΕΠ | ΚΑΙ | Φ/ΡΑΤΟΥ. Текст издателей: (фр. А+В) [Υπ]έρ βα[σιλέως] Δυναμείως φιλωμαίου τῆς ἐκ μεγάλου βασιλέως Фар[νάκου, τοῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιτριδάτου | Εὐπάτορος [Διονύσου ὁ δῆμος Ἐμπορ(ε)ῖτων τῶν κατὰ Βόσπορον ἑα]υτοῦ | [σωτείρας καὶ εὐεργετίδος εἰς τὸ ἱερὸν vel ναὸν τοῦ | Ἀπ]όλλωνος [--|--]ος Μειν[ί]ππου [--|--] Ἐστιαίου [--|--], (фр. С) [--]. vac. ? | οἱ ἐπ[ί] [--] καὶ Ω[?] [--].]ρατου [--|--]. Издатели сочли, что надпись поставил народ танаитов за Динамию, дочь Фарнака, сына Митридата, в этом они последовали за Ю. Г. Виноградовым,

который безосновательно увидел во фр. В с его буквами ΩΣΦΑΡ | ΥΤΟΥ посвящение за Динамию (критику его реконструкции см. выше, с. 000). Даже если принять объединение издателями 3 фрагментов (что сомнительно, см. ниже), то ничто не мешает простейшему чтению надписи как посвящения за Фарнака: (фр. А+В) [Υπ]έρ βα[σιλέως] Фар[νάκου υἱοῦ βασιλέως Μιτριδάτου | Εὐπάτορος [τοῦ α]υτοῦ [ἀρετῆς ἐνεκα καὶ εὐνοίας πρὸς τὸ ἱερὸν (ναὸν) τοῦ | Ἀπ]όλλωνος [--|--]ος Μειν[ί]ππου [--|--] Ἐστιαίου [--|--], (фр. С) e. g. οἱ ἐπ[ί]μελεται τοῦ ἔργου--]] καὶ [ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος --|--] e. g. Ἐπ[ί]κ[ρ]ατου [--] «(фр. А+В) за царя Фарнака, сына царя Митридата Евпатора, доблести его самого ради и благосклонности к святилищу (храму) Аполлона (посветили) -- имярек, сын

в бесчисленных письмах редактору SEG Г. Плекету, который, не имея понятия об эпиграфике Сев. Причерноморья, механически воспроизводил его поверхностные суждения; поверхностные потому, что при них нет никакой аргументации. Замалчивать большую работу оппонента (все равно, если бы я не ссылался на его *Republique Studien*) и в то же время выдергивать оттуда материал для своих зарубежных публикаций (см. также выше о молчаливо заимствованном у меня παῖτος Востόρου в нимфейском декрете) — не красящее покойного ученого занятие. См. также с. 18, добрую «деятельность» с присвоения моих наблюдений над анапской проксенией Селевкиа, о чем я написал довольно давно [Яйленко, 1985б, с. 158/9], но прямого опровержения со стороны Виноградова не последовало (см. выше, с. 71).

Мениппа, -- такой-то, сын Гестиея, -- (фр. С) -- e. g. этимелетя этой работы -- и -- такой-то, сын e. g. Эпикрата--». ¹ Однако, на мой взгляд, ряд не учтенных издателями обстоятельств препятствует соединению 3 обломков.

1) Хотя фр. А и В близки по характеру письма, они не составляют единства, так как буквы их разного формата: по крупному фото обломка В [Арсеньева, Бетгер, Виноградов, с. 65] видно, что его буквы пропорциональных, даже слегка квадратных очертаний, тогда как на фото Иванчика — Тохтасьева буквы фр. А имеют высотный формат (при этом формат букв на фр. В и С одинаков). ² 2) Буквы О и Ω обломков В, С крупнее этих же букв на фр. А; опять-таки в этом отношении фр. В и С составляют единство. ³ 3) Толщина обломков различна: А — 14, 2 см, В и С по 7, 3 см, так что и по этому параметру фр. А и В принадлежат к разным надписям, а В, С составляют одну надпись. 4) Издатели дополнили в стк. 1–2 по 92 буквы, но столь длинных боспорских надписей на плитах нет, самые пространственные КБН 39, 40 насчитывают до 77 букв в чтении КБН, в моем чтении до 61 (см. с. 493). Хотя посвящение КБН 942 насчитывает до 79 букв, они начерчены очень плотно, буквально напозая друг на друга; фр. А написан убористо, но в значительно меньшей степени, нежели КБН 942, текст же обломков В и С вовсе не уборист. ⁴ При этом ширина КБН 942 всего 1,35 м, тогда как по расчету издателей, танаисская плита была шириною в 2,5–3 м; двойное превышение практически предельно допустимой ширины показывает нереальность высчитанной ими ширины плиты, следовательно, и восстановления надписи.

Изложенное указывает, что фр. А и В принадлежат к разным надписям, откуда вытекает безосновательность усмотренной издателями связи реконструированного ими текста с Динамией, равно ошибочность их выводов исторического плана — что Танаис отстроился во время единоличного правления этой царицы, ⁵ что надпись располагалась на монументальном со-

¹ Если соединять фр. А и В, в стк. 1 между ними утрачено 4 буквы слова βα[σιλέ]ως (буквы ΣΙ слова βα[σιλέ]ως находятся еще на фр. А), столько же утрачено в стк. 2 — [τοῦ α]υτοῦ. В нашей реконструкции стк. 1 содержит 42 буквы, стк. 2 — 48, разницу можно сократить вводом слова βασιλέων в титулатуру Митридата. Однако буквы стк. 1 фр. А как заглавной строки всей надписи вырезаны крупнее букв остального текста (это обстоятельство издателями не отмечено), поэтому в стк. 2 сл. букв больше, чем в стк. 1.

² Ввиду мелких размеров их фото разница в формате букв сглажена. ³ Подлинника я не видел, поэтому мои замечания о соотношении букв (кроме очевидной разницы формата) точны лишь в случае, если масштаб фото всех 3 фр. у издателей одинаков. Если же масштаб разный, это предосудительно, так как вводит читателя в заблуждение относительно истинного соотношения обломков.

⁴ В посвящении дочери Скилура Ю. Г. Виноградов восстановил 81 букву, но его чтение безосновательно, о чем см. с. 193 сл. (к тому же это не плита, а край стола).

⁵ До них считалось, что город отстроился при Савромате I [Арсеньева, 1984, с. 93]).

оружении в ее честь и пр. Да и без приведенных аргументов атрибуция надписи Динамии неосновательна, ибо имена Фарнака и Евпатора сами по себе указывают, что это посвящения за того и другого царя.¹ Поскольку обломки А и В принадлежат двум разным надписям, одна относится к Митридату, другая к Фарнаку. Даем раздельную реконструкцию обломков А и В. Имя Евпатора на фр. А дает основание видеть в нем посвящение в честь Митридата, ввиду малой сохранности возможны различные компоновки текста, даем *exempli gratia* такой:

[ὑπὲρ βασιλέως βασιλέων Μιθραδάτου
Εὐπάτορος (εὐνοίας αὐτοῦ ἕνεκα πρὸς τὸν
Ἀπόλλωνος (ἱερὸν ἢ ἱερόν) —]ος Μενίπ-
που, ἱερεὺς, κτλ.]

«за царя царей Митридата
Евпатора благосклонности его к святилищу
Аполлона ради фиа (посвятил): имярек,
сын Мениппа, жрец, --».

В стк. 1 дополняем 30 букв, в стк. 2 больше — 33: так как стк. 1 заглавная, в ней должно быть меньше букв. В стк. 3 сл., как обычно, упоминаются авторы посвящения, принимаем вариант с фиа (синодом), далее перечислялись по именам-отчествам и должностям его руководители.² К конструкции нашего текста ср. посвящение из Омбоса в Египте за Птолемея VI и Клеопатру II: ὑπὲρ βασιλέως Πτολεμαίου... великому богу Ароеру, Аполлону и сохранным богам расквартированные в Омбите пехотинцы, всадники и прочие посвятили храм благосклонности к ним ради (εὐνοίας ἕνεκεν) [Michel, 1238].³ К формулировке о постановке танаисского посвящения «благосклонности его (царя) к святилищу Аполлона ради» ср. мотивировку делосской почетной надписи, поставленной царице Лаодике, жене македонского царя Персея (179–168) ἀρετῆς ἕνεκεν καὶ εὐσεβείας τῆς πρὸς τὸ ἱερόν «доблести ради и благосклонности к этому святилищу» [Ib. 1298].

¹ Виноградов, за ним Иванчик и Тохтасьев ориентировались на надписи КБН 30, 31 из Пантикапея, в которых Динамия названа дочерью Фарнака, внучкой Митридата. Однако для такого понимания танаисских обломков необходимы какие-либо текстуальные указания на связь их с Динамией — часть ее имени, термина βασιλίσσα или ее титулатуры. Ничего подобного нет, поэтому связь обломков с царицей неосновательна.

² Возможен также вариант с посвящением от имени демоса танаитов (либо всего танаитов) или их подразделения, в таком случае перечислялись городские, храмовые и прочие функционеры. Даем такой текст в надписи В+С. Ср. подобного рода аттические посвящения: «народ афинян посвятил Аполлону», далее имена гиеропеев; «оргеоны посвятили Асклепию», далее имена оргеонов [Michel, 1044, 1120].

³ Ср. также посвящение IIIa из Смирны: «Анубису за царицу Стратонику и за ее близких», далее список анубиастов; посвящение IIa из Гизы/Каира: «за царя Птолемея, сына бога Птолемея Эпифана и Евхаристы, Великой богине Исиде» маронеец Феон посвятил храм и пр. [Michel, 1223, 1235]. Указание ἕνεκα может стоять и в кон-

По ряду параметров, как сказано, фр. В и С составляют одну надпись, они не в контакте.¹ Ввиду малой сохранности даем текст тоже *e. g.*, с предыдущей мотивировкой εὐνοίας αὐτοῦ ἕνεκα πρὸς τὸν..., но от имени должностных лиц города:

[ὑπὲρ βασιλέως Φαρ-
[νάκου εὐνοίας αὐτοῦ
ἕνεκα πρὸς τὸν δῆμον
τῶν Ταναεϊτῶν ὁ

5 δεῖνα τοῦ δεῖνος
καὶ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος]
οἱ ἐπιμελετὰ ἔργου]
καὶ ὁ δεῖνα Ἐπι-
κράτου [--]

«за царя Фарнака
благосклонности его
ради к народу
танаитов (посвятили) имярек,
сын такого-то
и такой-то, сын такого-то,
эпимелеты сооружения,
а также имярек, сын
Эпикрата --».

Такая конструкция надписи свойственна эллинистическим вотивам: ὑπὲρ βασιλέως *noten* + мотивировка с ἕνεκα + постановщик вотива + указание на бога, коему принесено посвящение. Все элементы конструкции могут меняться местами, начальный элемент занимает первое или второе место.² Известны примеры посвящений Митридату и Фарнаку с формулой ὑπὲρ βασιλέως [Michel, 1160, 1228]. К формулировке о постановке вотива народом за благосклонность царя к нему ([εὐνοίας αὐτοῦ] [ἕνεκα πρὸς τὸν δῆμον] τῶν Ταναεϊτῶν) ср. ἀρετῆς ἕνεκεν... καὶ εὐνοίας [τῆς πρὸς τὸν δῆμον τὸν Δηλίων] «доблести ради... и благосклонности к народу делосцев» царицы Лаодики [Ib. 1298].³ Во фр. С Иванчик и Тохтасьев вычитали должность οἱ ἐπι[...], что

¹ По указанию издателей, фр. В сохранил верхнюю грань, фр. С левую, остальные оббиты.

² Ср., к примеру, упоминавшееся посвящение из Омбоса за Птолемея VI и Клеопатру II: ὑπὲρ βασιλέως Πτολεμαίου... «великому богу Ароеру, Аполлону и сохранным богам расквартированные в Омбите пехотинцы, всадники и прочие посвятили храм благосклонности к ним ради» (εὐνοίας ἕνεκεν τῆς εἰς αὐτοὺς). Вотив койнонии тармианцев (родосская Перея) IIa: ὑπὲρ Χρυσίππου Ἀπολλωνίδα... τὸ κοινὸν τὸ Ταρμιανῶν εὐνοίας ἕνεκεν τῆς εἰς αὐτὸν θεοῦ «за Хрисиппа, сына Аполлонида... койнония тармианцев посвятила богам благосклонности к нему ради» [Michel, 1188, 1238].

³ Возможен также вариант с постановкой посвящения за победу Фарнака: [ὑπὲρ βασιλέως Φαρ[νάκου καὶ νίκης αὐτοῦ] [πρὸς τοὺς ἐχθροὺς]. Конструкция ὑπὲρ τῆς νίκης τοῦ δεῖνος обычна в надписях разного свойства, ср.: ὑπὲρ τῆς νίκης καὶ τῆς ἡγεμονίας τοῦ δήμου τῶν Ῥωμαίων «за победу и предводительство римского народа»; ὑπὲρ σωτηρίας καὶ νείκης τῶν δεσπότην «за спасение и победу императоров»; ὑπὲρ τῆς νείκης καὶ αἰωνίου διαμονῆς «за победу и вечность» императоров (Syll.³ 747, 880, 908). Последняя формулировка представлена в посвящении аристопилитов за царя Тираниса КБН 36. В частности, «за царя Котиса... победу над скифами» (ὑπὲρ --] βασιλέως Β[οσπόρου Κότιος --] νείκης τῆς ἀπὸ τῶν Σκυθῶν) поставлены вотивы КБН 32, 33 (что в КБН 32 подразумевается Котис II, см. ниже, с. 505). К примерному чтению [καὶ νίκης αὐτοῦ] [πρὸς τοὺς ἐχθροὺς] танаисской надписи ср. в декрете

возможно (см. Syll.³, Index, p. 338/9), хотя на Боспоре известны обозначения должностей подобного рода только в ед. числе (КБН, с. 844). Можно догадаться и о $\epsilon\tau\iota\sigma\iota\sigma\tau\alpha\iota$?, — на Боспоре назначалось по одному эпимелету (КБН, с. 844), в Греции также по 2 и более (Syll.³, Index, p. 346/7). Ср. посвящения богам, сделанные разного рода эпимелетами [Michel, 1039, 1100, 1203]. По характеру письма надпись близка почетной надписи нимфейцев за Митридата (рис. 9).

4. Бирки от амфор с родосским вином для пантикапейского двора Митридата Евпатора и Фарнака.

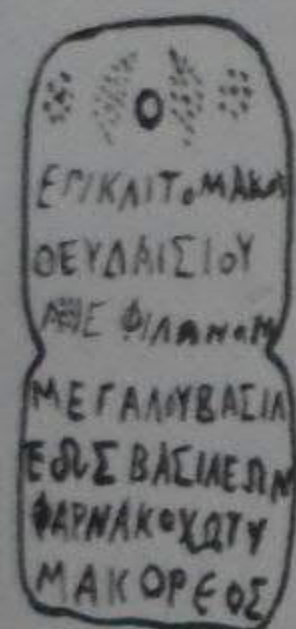

Рис. 11. Бирка для Фарнака

Рис. 12. Бирка для Митридата

В ГИМ'е хранятся две свинцовые пластинки с надписями, происходящие из собрания П. О. Бурачкова.¹ Первая пластинка размерами $4 \times 2,4 \times 0,1$ см, сохранившаяся целиком, прямоугольной формы с зазубринами посередине, края округлены (рис. 11). Вверху и внизу по отверстию для подвешивания бирки на бечевке (показаны на прориси сплошным кружком). В углах вверху две розетки и два виноградных листа, исполненные нагольчатой техникой. Под этой эмблемой вырезана семистрочная надпись (средняя высота букв 0,2 см). Стк. 1–2 отделены от последующего текста еще двумя розетками, также исполненными пуантилью, которые частично пришлись на буквы стк. 3. На оборотной стороне бирки помещено изображение Пегаса. Вторая пластинка с надписью в 4 строки сохранилась частично, выс. 1,7, шир. 2,3, толщ. 0,1 см (рис. 12). Судя по тексту, она обломана сверху и снизу. Поскольку ширина и толщина обоих ярлыков одинакова, можно полагать, что и высота второй бирки составляла примерно 4 см, т. е. утрачено ок. 3 строк текста. Посередине стк. 1 расположено круглое отверстие для бечевки. Обратная сторона чистая. Бирки содержат различные формы сигм — четырехчастную и лунарную, а также П — в № 1 правая гаста укорочена, в № 2 полочка выступает над вертикалями.

Сведения об условиях находки пластинок дал А. В. Орешниковым [ГИМ, 1893, с. 493]: «Две вотивные пластинки, найденные, по словам П. О. Бурачкова от 276а: [κ]αὶ τῆς νίκης τῆς γενομένης πρὸς τοὺς βαρβάρους «и победы, одержанной над варварами» (Syll.³ 402. 6). В танаисской надписи, однако, речь шла не о победе над врагом вообще ($\epsilon\chi\theta\rho\acute{o}\varsigma$), а над конкретным врагом, т. е. был назван этнический победенный враг, что свойственно узусу боспорских надписей (см. с. 201).

Этот раздел опубликован [Яйленко, 1985а, с. 619/26, 653/7], однако требует републикации ввиду необоснованных сомнений некоторых коллег в подлинности табличек, в связи с чем дополняем текст.

рачкова, в одной из могил на горе Митридата в Керчи, на груди костяка; на одной плохо сохранившаяся греческая надпись, частью разобранный В. В. Латышевым, значащая в переводе: «При Клитомахе, (месяца) Феодэсия... Филон (или Филона)... Великого царя царей Фарнака»; на другой пластинке другая, также не совсем ясная греческая надпись: «...дружественный дар (?) Митридата Евпатора». На задней стороне первой пластинки изображен Пегас». В библиотеке ИА РАН (Москва) есть письмо Латышева к Орешникову от 6 января 1888 г. об этих пластинках.¹ «Многоуважаемый Алексей Васильевич! Ваше письмо пришло сегодня как раз в ту минуту, когда пользуясь более светлым чем обыкновенно днем занялся окончательным разбором Ваших пластинок. К сожалению однако должен сознаться, что и сегодня мне не удалось добиться окончательного их восстановления. Я читаю их так (далее следуют прориси обеих пластинок — В. Я.). В № 1 на верхней половине ясно читается: $\epsilon\pi\iota$ Κλιτομά(χ)ου Θεουδαισίου т. е. «При Клитомахе, (месяца) Феодэсия». Далее три буквы принадлежат, по-видимому, к слову, написанному сокращенно, а потом следует $\phi\acute{\iota}\lambda\omega\nu$ или $\phi\acute{\iota}\lambda\omega\nu\acute{o}\varsigma$ (т. е. именит. или род. падеж имени собственного). На 2-й половине ясно читается $\mu\epsilon\gamma\acute{\alpha}\lambda\omicron\upsilon$ βασιλέως βασιλέων Фарνάκου т. е. «великого царя царей Фарнака», а далее трудно разобрать. На 2-й пластинке в 1-й строке может быть следует читать $\chi\epsilon\rho\sigma\omicron\nu$ (ή)σου (первые две буквы не умею объяснить), а далее $\mu\iota\tau\rho\acute{\alpha}\delta\alpha\tau\omicron\upsilon$ (τ)δ (?) φίλιον Εὐπάτορος т. е. «дружественный дар (?) Митридата Евпатора». Как видите, в надписях еще есть нечто загадочное. Теперь вопрос об их значении. Других примеров подобных пластинок я теперь не припоминаю, так что заключения по аналогии невозможны. Просверленные в пластинках дырочки очевидно служили или для продевания ниток, посредством которых можно было бы пластинки привесить к чему-нибудь, или для прибития гвоздями. Последнее предположение менее вероятно ввиду изображения Пегаса на обороте пластинки № 1, которое не было бы видно, если бы пластинка была к чему-нибудь прибита. Далее, надпись на первой половине № 1-го по содержанию своему невольно напоминает Родосские ручки амфор (очень может быть, что поискавши можно было бы найти между ними имя Клитомаха). В силу этих соображений и сопоставлений мне представляется довольно вероятным, что эти пластинки были привешены к амфорам, привезенным из Родоса с вином или другими продуктами, предназначенными для Митридата и Фарнака. Вот, вкратце, мое мнение о них...»

Итак, Латышев определил назначение пластинок — это бирки, прикреплявшиеся к амфорам с родосским вином (главная статья островного экспорта), как можно судить по нескольким десяткам родосских клейм с именем

¹ Приплетено к подборке оттисков статей Орешникова, сшитой одним корешком и озаглавленной «К нумизматике Босфора Киммерийского» (инв. № 9918). Принадлежность ему информации о пластинках в анонимном «Указателе памятников» ГИМ'а [ГИМ, 1893] явствует из этого письма Латышева.

магистрата Клитомеха.¹ Такие бирки служили для той же цели, что и современные наклейки на бутылках, т. е. для указания сорта, выдержки вина и производителя; поскольку бирка могла потеряться, надпись дублировалась посредством нанесения дипинто указанного содержания на горловину или плечики амфоры [Curtius, p. 210; Иванов, 2008, с. 99].² Что такие бирки употреблялись в римское время, свидетельствует «Сатирикон» Петрония (§ 34): на пир у Трималхиона принесли запечатанные гипсом стеклянные амфоры, на горлышках которых висели ярлыки (πιττάκια) с надписью «Опимиянский фалерн. Столетний». Как и в нашем случае, на бирках указывались имя отправителя и адрес получателя [Callender, p. 5–6].³

Латышев определил и основное содержание надписей, не дав, однако, связного текста. Перейдем к этому вопросу. В начале стк. 3 первой пластинки читаются буквы Α и Ε, разделенные точечной розеткой. Далее следует хорошо читаемое ΦΙΛΩΝ, что Латышев понял в качестве личного имени, далее следуют имя и титул Фарнака. В конце стк. 6 стоят буквы ΟΤΥ, а в последней строке надписи явственно читаемое μακρεος, род. падеж слова το μακρος, присутствующего в «Птицах» Аристофана (ст. 1131) в качестве эквивалента слова μήκος «длина, размеры, величина, количество» [LSJ, s. v. μήκος]. Предшествующие ему буквы ΟΤΥ конца стк. 6 могут быть поняты в качестве слова οτ(ο)ν (с ошибочно пропущенным омикроном), что равно ούτινος — род. падежу ср. рода относительного местоимения οτι «какое бы ни». В выражении οτον μακρεος, согласно обычному узусу слова μήκος, уместно усматривать значение «в каком бы то ни было количестве».⁴ Буквы ΑΕ стк. 3, согласно контексту, вполне читаются как императивная форма глагола ἄω «насыщаю»: ἄε «насыщай». В таком контексте имя Филон не находит подходящего места и, поскольку ἄω требует род. падежа, тут читается слово φίλων «друзей», а в целом стк. 3 значит «насыщай друзей». При Митридате, отце Фарнака, был кружок τῶν πρώτων φίλων — особо приближенных друзей царя, составлявших синклит τεταγμένων ἐπὶ ἀνακρίσεων, т. е. царский совет.⁵ Такие кружки друзей-ровесников были при многих правителях и их наследниках иранских и восточногреческих областей эллинистического и

¹ Придик, 1917, с. 12, 134; Pridik, S. 315; BCH. 1952. T. 76, p. 529; Hesperia. 1953. T. 22, p. 123; Шелов, 1975, с. 59, № 141] и др. издания.

² Ср. у Ювенала (V, 33–35): «выпьет какого-нибудь вина с Альбанских гор или севинского, чье происхождение и название (patriam titulumque) старостью стерты с вавсе законченной глинны сосудов».

³ Гораций (Сатт. II, 3, 8) называет их *notae*, Ювенал (V, 34) — *tituli*. На бирках указывались имя отправителя и адрес получателя [Callender, p. 5–6].

⁴ Во временном значении μήκος обычно употребляется со словом χρόνος.

⁵ Упоминается, к примеру, в почетном декрете в честь главного врача царя Митридата по имени Папий Менофил [Reinach, 1890, p. 459]. Синклит «первых друзей» был, к примеру, при Селевкидах и Птолемах [Michel, 1158, 1162] (Антиох VII, Птолемей IX, Делос, конец II в.).

римского времени. Из нашей надписи явствует, что такой кружок друзей состоял и при Фарнаке.¹

В целом текст этой бирки читается так:

ἐπὶ Κλιτομά(χ)ου,	«при магистрате Клитомехе,
Θευδαισίου·	в месяце Теодесии.
ἄε φίλων <μ>	Насыщай друзей
μεγάλου βασιλ-	великого царя
5 ἐως βασιλέων	царей
Φαρνάκου ὅτ(ο)ν	Фарнака в каком бы то ни было количестве».
μάκρεος	

Как видно, бирка имеет официально апробированную городским магистратом маркировку времени разлива вина, а также снабжена дружеской припиской поставщика царского двора с пожеланием пить присланное вино в любом количестве.

Текст второй пластинки фрагментирован в начале и конце. В стк. 1 вполне читается ἴσχει τὸν σοῦ (между *uotou* и *tau* — отверстие для бечевки), в стк. 2 — Μιθραδάτους с дважды написанной сигмой. В конце стк. 4 сохранились буквы ΔΑΝΑ, которые хорошо восстанавливаются в пандан к φίλων стк. 3 в качестве прилагательного δανα[ίον] «старый, давний». Доризмы обеих пластинок — δανα[ίον] (аттич. δηναίος), μακρεος, название месяца Θευδαίσιος — подтверждают их родосское происхождение. Текст:

[--] ἴσχει τὸν σου	«... имеет твое, Митридата, любимое
Μιθραδάτους <S>	со времени обретения титула (?) Евпатор
φίλιον Εὐπάτ-	старо(давнее)е вино(?)»
ορος δανα[ίον οἶνον?]	

Несмотря на утрату начала и конца, контекст надписи понятен, ибо это бирка от амфоры с вином: поставщик пишет Митридату о его любимом вине, чему вполне соответствует прилагательное δαναίος «старый, давний» (указания на старый возраст вина, παλαιός οἶνος — Od. II, 340; Pind. Ol. IX, 48 etc.). Поэтому предположительно дополняем при нем οἶνον «вино». Обращает на себя внимание синтаксис текста. Вместо обычной посессивной конструкции Μιθραδάτους Εὐπάτορος φίλιον δαναίον οἶνον «Митридата Евпатора любимое старо(давнее)е вино» между именем и титулом царя вставлено слово φίλιον, что породило две синтагмы *gen. nominis* + прилагательное: Μιθραδάτους φίλιον и Εὐπάτορος δαναίον, дословно «Митридата любимое Евпатора старо(давнее)е вино». Этот анаколуф наводит на мысль о разном значении род. падежей: первый с ἴσχει τὸν σοῦ определенно *gen. poss.* — «имеет твое, Митридата, любимое», второй, Εὐπάτορος, может быть *gen. temporis*: «когда стал Евпатором», «со времени обретения титула Евпатор».

¹ В конце стк. 3 находятся плохо различимые прочерки, которые представляют собой, вероятно, букву Μ следующего слова, дважды написанную.

ошибочно — на монетах представлена точная официальная формулировка βασιλεὺς βασιλέων μεγας, тогда как на пластинке μεγας βασιλεὺς βασιλέων — не более чем бытовая трактовка официального титула частным лицом.¹ Это, напротив, свидетельство подлинности данной бирки, так как производители поддельных надписей копировали куски текста разных подлинных надписей, лишь комбинируя их. Кстати, подделка надписей производилась во времена Латышева крайне редко, так как не находила широкого спроса, известно всего несколько экземпляров [Латышев, 1909, с. 185 сл.; Штерн, 1895, с. 65 сл.]. Отсутствие изображений Пегаса на монетах Фарнака не аргумент, ибо памятников этого царя у нас очень мало.² Напротив, памятников времени Асандра гораздо больше и на них есть изображение Пегаса — на монетах царя и пантикапейской меди [Анохин, 1986, с. 79, 148, № 250], что указывает на сохранение официальной митридатовской эмблематики и в послемитридатовское время. Обратил внимание Виноградов и на форму Μιτράδατος, видимо, указывая пометкой sic! на необычность написания через Т при обычном Μιτράδης. В принципе это так, но у Геродота и Ктесия представлена также форма с тау, есть у Свида и Μιτράδατης [РВ, 918, 933]; вообще, теоним Митра нередко передается через тау в составе ряда личных

имен древностей, что абсурдно. По сведениям В. Н. Боровковой, в конечном счете коллекции братьев Люценко оказались в музеях Москвы и Петербурга, переход которых к государству, а не продажа в частные руки, на мой взгляд, тоже характеризует братьев с хорошей стороны. Положительную оценку их деятельности дала изучившая мир керченских коллекционеров и торговцев XIX в. В. Н. Боровкова. Есть 3 поддельные боспорские надписи. 1) В Таманском музее хранится «грубая подделка начала XX в.» надгробия КБН 1053 из Гермонассы (подлинник в Керченском музее) [Мацулевич, 1947, с. 137]; подлинник найден в 1910 г., так что скорее всего подделка изготовлена между 1910-1914 гг. 2) Текст эпитафии КБН 681 (известна с 1901 г. — была вделана в стену жилого дома на Митридате, в 1910 г. куплена музеем и помещена в Царский курган), перенесен на крышку каменного ведра (IOSPE II, 236, хранится в Херсонском музее). 3) Иудейская эпитафия КБН 1225, на наш взгляд [Яценко, 2010, комм. к № 15], подделана ок. 1890-1892 г. с рисунка Люценко, к чему причастен нечистый на руку торговец древностями Букзель (он при торговывал сазоновскими монетами). Латышев [1895, с. 16] упомянул купленную в Керчи древнюю плиту с подложной надписью, но поскольку в ней использованы слова и фразы из более чем десятка ольвийских и херсонесских надписей, она изготовлена не в Керчи, а в Очакове или Одессе, где производились подделки разного рода, в том числе в 1890-х годах стелы с надписями. Этих фальшивых надписей 8 (они стоят поныне в лапидарии ОАМ), что указывает на незначительные масштабы производства эпиграфических подделок ввиду коммерческой несостоятельности.

См. с. 205 о посвящении КБН 29, в лакуне стк. 1 которой Латышев произвольно поставил μεγας перед βασιλεὺς βασιλέων. Частные лица употребляли официальный титул царей в посвящениях за них (к примеру, OGIS, 346, КБН 30 сл.). Известны 5 выпусков золотых статеров [Анохин, 1986, с. 146] да 1 лапидарное посвящение КБН 28 (КБН 29 вряд ли относится к нему, см. выше), два раза он упо-

мянут в титулатуре Динамии (КБН 31, 979).

имен [РВ, 933]. Как видно, ни один пункт аргументации Ю. Г. Виноградова не дает оснований для сомнений в подлинности бирок.

Вернемся к аргументам Д. Б. Шелова. Письмо Латышева к Орешникову датировано 6 января 1888 г. Между тем первое и единственное до этого времени родосское клеймо с именем магистрата Клитомаха, найденное в Керчи, было опубликовано в ОАК за 1867 г. [с. 206]. Следующие клейма этого магистрата опубликованы Е. М. Придилом в 1917 г. [Придик, 1917, с. 12, 134]. Следовательно, предполагаемый фальсификатор должен был пользоваться Отчетами Археологической комиссии для своей «работы», но такому допущению противоречит упоминание в надписи месяца Теодесия, сопровождающее имя магистрата Клитомаха, поскольку оно отсутствует в клейме, опубликованном в ОАК за 1867 г. Далее, Шелов отметил, что деятельность Клитомаха датируется по пергамскому комплексу 220-180 гг., что не соответствует времени Фарнака. Однако, во-первых, в этом комплексе найдено всего одно клеймо Клитомаха, во-вторых, на Родосе в разные времена могло быть два разных магистрата по имени Клитомах — один времени пергамского комплекса, другой времени Фарнака. Ю. С. Бадалян [1980] выявил большое количество соименных магистратов Родоса, функционировавших в разное время. Теперь в их число следует ввести и двух Клитомахов.

Неопровержимым свидетельством подлинности наших пластинок служит слово τὸ μακρὸς (№ 1, стк. 7). Как сказано, это эквивалент слова μήκος, он крайне редок — в LSJ дан лишь один пример из «Птиц» Аристофана (ст. 1131).¹ Невероятно, чтобы это слово было использовано фальсификатором, который нашел его у Аристофана, читанного им по-гречески. Из статьи Латышева [1895] мы знаем, как подделывались надписи и что уровень образованности фальсификаторов был невысок — они использовали подлинные эпиграфические образцы, но, обладая небольшим знанием греческого языка, не всегда удачно складывали их разнородные куски.² В наших бирках засвидетельствованы 2 доризма (θευδαίστος, δαυα[ίος]) и редчайшее поэтическое слово τὸ μακρὸς. Все, что известно об уровне знаний южнорусских

¹ Тут μακρὸς имеет значение «размеры, масштабы»: ὦ Ποσειδῶν, τοῦ μακροῦς, τίς ἐς ὧκοδόμησεν αὐτὸ τῆλικούτοι; «о Посейдон, что за размеры, кто соорудил ее (стену) столь большой?» В предыдущей строке 1130 фигурирует и слово μήκος: τὸ δὲ μήκος ἐστὶ καὶ γὰρ ἐμέτρησ' αὐτ' ἐγὼ «а величина стены, я же сам измерил ее!». Через него Гесихий поясняет интересующее нас слово: μήκος μακρὸς [Blaydes, 1882, p. 122] (тут Гесихий поясняет интересующее нас слово: μήκος μακρὸς). Таким образом, μακρὸς выражает понятия величины, размеров чего-либо, так что в контексте с вином надписи № 1 ὅτ(ο)υ μακροῦς означает «в каком бы то ни было размере, количестве».

² Латышев [1895, с. 6-7, 15] заключил, что к производству фальшивых надписей было подключено лицо, «мараковавшее по-гречески»; фальсификатор механически соединял тексты из разных надписей, но смысл их понимал, он ловко выхватывал фразы из Латышевского сборника надписей и связно склеивал их. Э. Р. Штерн [1895, с. 80/5] отметил, что автор поддельного письма ольвиополитов к царю Сай-тафарну обладал достаточным образовательным цензом, он учил греческий язык в гимназии, но подзабыл его.

фальсификаторов, не позволяет приписать им знание дорического диалекта и чтение Аристофана по-гречески. Следовательно, с лексической точки зрения исследуемые бирки безусловно подлинны.

Наконец, обратим внимание на указание первого владельца пластинок Бурачкова, что они найдены при костяке на пантикапейском некрополе. Оно верно потому, что пластинки заизвесткованы от пребывания в земле, а также ввиду органичности для надписей на свинце: изделия из свинца употреблялись в черной магии, суть которой заключалась в том, что ночью в любую могилу закапывался предмет из свинца с написанным на нем проклятием. Надписи подобного рода найдены в разных областях античного мира и собраны в сводах Р. Вюнша и А. Одолана. К такому волхвованию прибегали и неграмотные люди, которым для совершения магического акта достаточно было просто зарыть в любую могилу свинцовое изделие безотносительно к тому, что на нем написано, либо вообще анэпиграфное. Подобного рода действия свойственны и белой магии (подробности [Яйленко, 2005, с. 468/71]). В Сев. Причерноморье известно несколько случаев закладки в могилу проклятий и оберегов на свинце [Ib., с. 469/78, 481]. Органичность нахождения исследуемых пластинок в погребении свидетельствует об их подлинности, в противоположность бездоказательному предположению Виноградова об их фальсификации Е. Е. Люценко.

Если суммировать все знания, необходимые для подделки исследуемых надписей, то оказывается, что фальсификатор хорошо знал символику изображений Родоса (розетки) и митридатовского круга (Пегас), читал ОАК за 1867 г., откуда почерпнул уникальное родосское клеймо с именем Клитомеха, с какого-то Родосского клейма позаимствовал название месяца Теодесия, штудировал греческий текст «Птиц» Аристофана, откуда позаимствовал опять-таки редчайшее слово, был знаком с дорическим диалектом,¹ обладал знаниями в области античной магии, сочинив легенду об обнаружении пластинок при костяке. Поскольку подобного рода бирки для амфор с вином были неизвестны в XIX в., то получается, что фальсификатор не копировал известные образцы, как обычно работали южнорусские мастера подделок, а творил по вдохновению — создал неизвестный его времени вид эпиграфических памятников. В сумме получается, что предполагаемый фальсификатор был большим ученым — заключение, разумеется, абсурдное. Полагаясь на приведенных аргументов достаточно для подтверждения подлинности обсуждаемых пластинок, тем более, что ни одного безусловного свидетельства их неподлинности, кроме голого сомнения, критики не привели.²

¹ Будто специально для Ю. Г. Виноградова Э. Р. Штерн [1895, с. 85] отметил, что фальсификатор надписей диалектов не знает.
² Ср. аналогичное решение подобного рода сомнений в подлинности ольвийского перстня царя Инисмея [Архипов, Симоненко, 2004, с. 289/90].

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БОСПОРА ОТ МИТРИДАТА ЕВПАТОРА ДО КОТИСА I

«Трагедия последнего года жизни Митридата Евпатора, кончившаяся его смертью, открыла собой вековой период почти непрерывной борьбы за власть на Боспоре. Потомки Митридата и местного царя Асандра, пришельцы Полемон и Пифодорида, истинные, но как бы в стороне стоящие владыки страны — римляне, все это спутывалось в таком клубке родства и союзов, измен и убийств, войн и восстаний, что можно приметить лишь смутные очертания, а для возможного понимания целого приходится ставить разные догадки. Начало этого периода — время Фарнака и Асандра; последний эпизод борьбы — время Митридата II и Котиса I; и то и другое, хотя и далеко неполно, но все же могут опереться на свидетельства древних. Вся середина периода зиждется исключительно на данных нумизматики и эпиграфики, которые хотя и очень медленно, но все более и более уясняют положение дел». Этими словами А. Л. Бертье-Делагарда [1911, с. 193] точно охарактеризованы содержание и хронология обширного круга вопросов династической истории Боспора в I в. до н. э. — I в. н. э. Данной теме посвящены многочисленные исследования отечественных и зарубежных ученых, в первую очередь нумизматов, и в ее разработке достигнут значительный прогресс, но еще остается много неясного и спорного, прежде всего последовательность и хронология правлений отдельных царей. Целью данной статьи является исследование указанных вопросов, и сразу оговоримся, что некоторые из них не могут быть решены окончательно ввиду скудости источников¹.

Во II в. до н. э., с инфильтрацией новых варварских племен, значительно усилившей удельный вес негреческого населения, боспорская форма государственности, основывавшаяся на равновесии полисного архонтата и

¹ Это переработанный вариант статьи [Яйленко, 1990б]. Казалось бы, после выхода в свет обстоятельной книги С. Ю. Сапрыкина [2002], где рассмотрены эти же сюжеты, перепечатка статьи излишня, однако трактовка источников инвариантна, отсюда проистекает разнообразие мнений. Поскольку литература обильна, далее обычно даем ссылку на первого автора, высказавшего ту или иную мысль. Пользуемся случаем поблагодарить С. Ю. Сапрыкина за ряд полезных замечаний.

племенной царской власти (ἀρχὴν и βασιλείαν титулатуры Спартокидов) оказалась дестабилизированной. С притоком новых племен скифо-сарматской мир получил на Боспоре решительное преобладание над городским — греческим — компонентом царства. На исходе II в. до н. э. активность скифо-сарматских племен могла закончиться деэллинизацией Боспора (захват Пантикапея и Феодосии скифами во главе с Савмаком — IOSPE I² 352. 34/5, 40/1; Strabo, VII, 4, 4), но своевременное вмешательство Митридата Евпатора приостановило этот процесс и придало ему эллинистическую форму развития местной государственности с последнего десятилетия II в. Боспор стал частью большой позднеэллинистической монархии, пусть недолговечной, но все же несколько стабилизовавшей его в политическом отношении и более того, оказавшей значительное влияние на его дальнейший политический строй. Митридат сначала, до непосредственного правления на Боспоре в 65–63 гг., опирался равно на греческие города Сев. Причерноморья [Жебелев, с. 275 сл.; Шелов, 1978, с. 56, 61/3] и его варварский мир, поставлявший ему воинские контингенты (App. Mithr. 15, 57, 69). Греческие города Боспора и зависимый тогда от него Херсонес выплачивали ему в качестве дани 200 талантов серебра и 180 000 медимнов хлеба.¹

В 90–80-х гг. Митридат управлял Боспором через одного из своих сыновей, который «удерживал в Понте и на Боспоре старинное царство» (τὴν παλαιὰν ... ἀρχήν) вплоть до необитаемых местностей над Меотидой» (Plut. Sull. XI, 4). Это сообщение Плутарха, приуроченное к событиям 87 г., вовсе не означает ни территориального, ни политического возрождения Боспора Спартокидов. Это было уже не автономное государство, а часть владений понтийского царя, объединенная с какими-то понтийскими владениями (с Колхидой, как при Полемоне I?, ср. [Шелов, 1980, с. 39–40]), управляемая его наместником. Политическое единство здесь осуществлялось не в форме общности местных греческих городов и туземных народов, как было при Спартокидах, а в виде верховной власти понтийского царя (в лице его наместника) над греческим полисным и варварским племенным компонентами Боспора. Иначе говоря, политической связи между греческим и туземным мирами здесь более не было и это обстоятельство, вызванное не столько ослаблением греческих городов, сколько усилением племенного мира, сыграло существенную роль в складывании дальнейшей местной формы государственности. На отсутствие бывшей связи указывает и разрыв в политических интересах варварского населения европейского и азиатского Боспора, на что могут указывать следующие данные. Во-первых, есть основания думать о неодинаковом поли-

¹ Strabo, VII 4, 6. Это был большой налог: к примеру, готовясь к войне 74 г. с римлянами, Митридат за один сезон собрал в разных местах 2 млн. медимнов хлеба (App. Mithr. 69), следовательно, налог на боспорян сравним с суммой чрезвычайного налога со всего царства. Не пришел к однозначному выводу по вопросу об обременительности налога К. А. Гуленков [2002], более определенно заключение А. В. Куликова [2008, с. 155]: 200 талантов серебра в пересчете на чеканную монету составляет 1 млн 200 тыс. драхм — годовое содержание войска примерно в 5500 чел.

тическом положении разных частей Боспора при Евпаторе. Из сообщения Страбона (VII, 4, 6) о плативших Митридату подать наряду с европейским Боспором «азиатских местностях страны около Синдики» (ὅν τοῖς Ἀσιαῖς χωρίοις τοῖς περὶ τὴν Σινδικήν) явствует, что Синдика не платила подати, т. е. политически «была автономной в составе Боспора» (Страбон различает на азиатском Боспоре Синдику и «азиатские местности Боспора» — ср. XI, 2, 2; XII 3, 29). Во-вторых, отношения Митридата с туземным миром Боспора были неоднозначны. Если с азиатским Боспором и таврами у него были традиционно дружеские связи [Olbricht, 2008], то скифское царство Крыма было его антагонистом. С победы над скифами Скилура началось подчинение Сев. Причерноморья Митридату (Strabo, VII, 4, 7; 7).¹ Династия таврических скифов подразумеваются скорее всего в пассаже Мемнона (30, 2), сообщающем о предъявленном Митридату требовании римлян возвратить «отеческие владения» царям скифов, что было выполнено в 89–88 гг. Инициаторами отпадения Боспора от Митридата тогда были, видимо, те же таврические скифы, судя по театру военных действий — у Керченского пролива, естественной границе дружественного понтийскому царю азиатского Боспора и враждебной ему скифской массы Таврики (здесь полководец Митридата Неоптолем дважды разбил варваров, Strabo, II, 1, 16; VII 3, 18; App. Mithr. 64, 67).² По окончании второй войны с Римом (83–82 гг.) Митридат назначил сюда правителем другого своего сына, Махара (App. Mithr. 67). Опять-таки, оппозицией таврических скифов может быть объяснено то, что Махар управлял Боспором не из Пантикапея, традиционной столицы царства, а с азиатского Боспора, скорее всего из Фанагории (это может явствовать из бегства Махара с азиатского Боспора на европейский по приближении Митридата, а также из пребывания сыновей и дочерей царя в Фанагории — Ib. 102, 108).

В событиях 83–80 гг. некий антагонизм к понтийскому царю проявили, видимо, и греческие города Боспора. Аппиан (Mithr. 64) сообщает о восставших боспорцах, под которыми, по-видимому, подразумевались как таврические скифы, так и греческие города: не случайно после этих событий прекращен выпуск автономной монеты Пантикапеем, Фанагорией и Горгиппией, осуществлявшийся до того ок. 90–60 гг. [Шелов, 1978, с. 63/4]. Вновь греческие города восстали в 65 г. во время прибытия разбитого в очередной раз римлянами неудачливого воителя, Евпатора, на Боспор (App. Mithr. 108). Обосновавшись на Боспоре, Митридат наряду с основной задачей — под-

¹ По мнению Х. Хайнена [1993, с. 25 сл.; Heinen, 1991, S. 153 f.], промитрида-товская пропаганда раздула успехи Митридата в войне со скифами до уровня побед Александра Македонского. Но в декрете Херсонеса в честь Диофанта, который никак не отнести к порождениям «промитрида-товской пропаганды», выражено не-поддельное удивление — непобедимые доселе скифы подчинены!

² Это сообщение Страбона толковалось по-разному, предлагались и разные даты (Лит. [Ю. А. Виноградов, 2001, с. 65/9]), см. выше, с. 204.

готовкой новой войны с Римом — занимался и устройством внутренних дел, о чем свидетельствует упоминавшийся в рескрипте А царя Аспурга закон Евпатора о наследовании имущества ближайшими родственниками. Но все же очевидно, что Митридат в период своего непосредственного правления на Боспоре ориентировался главным образом на связи с племенным миром азиатской части царства. С многочисленными племенными царями региона Митридат заключил союзные договоры, которые, надо думать, предоставляли племенной верхушке еще большую автономию в обмен на воинские контингенты. Для закрепления договоров Митридат отдал за наиболее могущественных племенных владык своих дочерей (*App. Mithr.* 105). Еще раз аналогичная акция была предпринята им в 64 или 63 г., когда с целью расширения круга своих союзников он отправил в жены скифским царям несколько своих дочерей, испрашивая скорейшей присылки войск (однако сопровождавшие кортеж воины препроводили их к Помпею, — *Ib.* 108).¹

В результате деятельности Митридата на Боспоре проявились следующие факторы, оказавшие прямое или косвенное влияние на дальнейшее развитие государственного устройства страны, превращение его в чистую монархию. 1. Ликвидация власти Спартокидов, превращение Боспора в часть Понтийского царства. Непосредственным правлением Митридата здесь в 65–63 гг. заложены основания царской власти в чистом виде — монархии, опиравшейся в дальнейшем не столько на эллинские полисы, сколько на тесный военно-политический союз с местными царями и племенной знатью. 2. Появление Ахеменидской династии на Боспоре. 3. Распад бывшего политического единства греческого и варварского племенного миров Боспора. 4. Неодинаковое положение различных частей страны в державе Митридата, переход ведущей роли в развитии местного исторического процесса к племенному миру азиатского Боспора, на котором в дальнейшем по сути дела вершились судьбы всей страны (что до скифского царства Крыма, после Митридата только Аспургу удалось подчинить его, — КБН 40. 4). 5. Династические браки дочерей Митридата с царями наиболее могущественных племен азиатского Боспора значительно увеличили число обретавшихся здесь Ахеменидов, в силу своего происхождения имевших право претендовать на боспорский престол.

По смерти Митридата в 63 г. здесь воцарился его сын Фарнак, получивший престол от римлян за измену отцу. Под властью Фарнака были различные племена Боспора, в союзнических отношениях с ним состояло мо-

¹ Агафон и его жена Аполлония, поставившие в *Ib* надгробие сыну Горгию, подчеркивают, что все они принадлежат к роду Ахеменидов (τῶν Ἀχαμένειδων, КБН 331); видимо, это и есть одно из многочисленных ахеменидских ответвлений на Боспоре. На присутствие таковых явно или имплицитно указывает и распространенность имени Ахеменид здесь (КБН 76, 84 и *пр.*). Согласно Юстину (X, 1, 1), у Артаксеркса было 115 сыновей от наложниц, но только 3 от законного брака. Понятно, что от этих 115 сыновей произошло немереное число квази-ахеменидов.

густественное племя аорсов, поставивших ему 200 000 воинов (*Strabo* XI, 5, 8; о правлении Фарнака см. [Сапрыкин, 1985; Анохин, 1999, с. 110/7; Молев, 2002]). Но говорить о прочной стабилизации Боспора в первые годы его правления не приходится [Голубцова, 1951, с. 58]. В частности, известно, что Фарнак незадолго до 50 г. воевал с Фанагорией [Цветаева, 1965, с. 234/6], что бывшие некогда данниками Спартокидов дандарии находились во враждебных отношениях с ним (*App. Mithr.* 120; *Strabo* XI, 2, 11). Неустойчивая позиция Фарнака на Боспоре в первые годы проявляется и в отсутствии чекана царской монеты, лишь десятилетие спустя он выпустил датированные 247–243 гг. понт. э. (= 55/4–51/50 гг.) золотые с титулом «великий царь царей», в чем проявилась несомненная стабилизация его позиций на Боспоре. Титул «великий царь царей» он воспринял от отца (с. 203, 278). Последний золотой Фарнака от 51/50 г. указывает, что в следующем, 50/49 году, его уже не было на Боспоре и причина этого очевидна: по сообщению Аппиана (*Mithr.* 120) и Диона Кассия (XLII, 9, 2), узнав о борьбе между Цезарем и Помпеем, Фарнак стал возвращать себе земли отца, отнятые римлянами. Собственно, ослабление римской власти в Сирии и М. Азии началось после поражения Красса от парфян в 53 г. и еще больше усугубилось раздором между Помпеем и Цезарем, который начался в 52–51 г. и принял характер вооруженной борьбы с января 49 г., когда Цезарь перешел Рубикон. Уже с 53 г. сложились условия, благоприятствовавшие замыслам Фарнака по реставрации царства его отца. Он отвоевал Синопу, Армению, Колхиду, часть Каппадокии и Понта, Амис (*Dio Cass.* XLII, 45, 48).

После удаления Фарнака в Понт Боспором стал править в должности блюстителя (ἐπίτροπος — *Dio Cass.* XLII, 46, 4) Асандр, его приближенный (φίλος — *Ib.* XLII, 48, 4).¹ Асандр был этнархом, т. е. племенным вождем, не имевшим титула царя, и выпускал поэтому в первые 3–4 года золото с титулом ἄρχοντας Ἀσάνδρου Βοσπόρου.² Разбитый Цезарем в сражении при Зеле 2 августа 47 г., Фарнак бежал на Боспор. Асандр выступил против него, Фарнак захватил Феодосию, Пантикапей (*App. Mithr.* 120), но Асандр разбил его.³ Фар-

¹ Обзор литературы и проблематика правления Асандра [Сопова, 1986; Сапрыкин, 2002, с. 55 *сл.*].

² *Dio Cass.* XLII 46, 4; 47, 5; 48, 4. *App. Mithr.* 120. *Strabo*, XIII, 4, 3. Этнархом, племенным вождем, называет Асандра Пс.-Лукиан (Маск. 17). Ср. OGIS II, 616, где в качестве этнарха, вождя кочевого племени, выступает один из арабских шейхов. Этнархом, вождем иудеев, был и Авраам (*Philo Jud.* I, 513 М). Лишь на лондонском золотом статере читается Δ = 4 год правления Асандра-архонта [Карышковский, Фролова, с. 104]. Анохин [1986, с. 146, № 221] усмотрел тут А, первый год правления.

³ По мнению А. А. Масленникова [1990, с. 161/2], на стороне Асандра было и городское население, тогда как А. Р. Панов считал, что полисный титул Асандра архонт свидетельствует о распространении его власти только на городское население; чтобы добиться царского титула, ему надо было подчинить варварские племена. Панов

нак умер от полученной в бою раны.¹ В 46 или 45 г. Асандр убил явившегося на Боспор Митридата Пергамского, которому Цезарь отдал царство разбитого им Фарнака (подробней [Heinen, 1994; Панов, 2008]). Аксию Асандра Цезарь оставил без последствий, ибо срочные дела призывали его в Италию и Африку, куда он отбыл после победы при Зеле (*App. Mithr.* 120/1; *Dio Cass.* XLII, 47, 48). Асандр правил долго; по свидетельству Пс.-Лукиана (*Maec.* 12), он уморил себя голодом на 93 году жизни после перехода своих приближенных на сторону нового претендента на боспорский престол Скрибония.² По КБН 30, Асандр правил в ранге «великого царя», в конце правления жену Динамию он сделал соправительницей, возведя в ранг «великой царицы». Рассмотрим эту надпись.

Текст и пер. по КБН: Βα[σιλεύοντος βασιλέως βασιλέων] | μεγάλου Ἀσάνδρου [φιλ]ερμαίου σωτῆ[ρος] καὶ βασιλίσσης Δυνάμεως Παν|ταλέων ναύαρχος Ποσειδῶνι Σωσινέ[ι] καὶ Ἀφροδίτῃ Ναυαρχίδι «в царствование царя царей, великого Асандра, друга римлян, спасителя, и царицы Динамии наварх Панталеонт (посвятил) Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде». Текст хорошей сохранности, за исключением стк. 1 с эпонимной датировкой по правлению Асандра. Восстановление титула Βα[σιλεύοντος βασιλέως βασιλέων] заимствовано из IOSPE II, 25, а Латышев — у Стефани [ОАК. 1881, с. 134], который ничем не обосновал его, как и сам Латышев, комментаторы КБН, Б. Функ [Funk, 1985, S. 274 f.; 1986, S. 30]. Однако для наделения Асандра титулом βασιλεὺς βασιλέων оснований нет. Он не был связан кровным родством с Митридатом Евпатором и Фарнаком, от которых мог унаследовать данный титул, который появляется вновь на Боспоре лишь полтора столетия спустя у Савромата I (о наследственном характере принятия титула Фарнаком от отца см. с. 278). Примечательно в этом отношении и то, что Асандр отказался от введенной Митридатом и Фарнаком датировки монетных эмиссий по понт. эре, заменив ее датировкой по годам своего правления. Не случайно именно дочь Фарнака Динамия вернулась к датировке своей монеты по этой эре. Происхождение Асандра поясняется сообщением Пс.-Лукиана, что он был этнархом, т. е. вождем одного из боспорских племен, и это тоже делает крайне проблематичной принадлежность ему титула «царь царей».

не учел, что Асандр изначально был этнархом, т. е. правил варварским племенем; но он прав в том, что титулы архонта и царя Асандр присваивал без оглядки на римлян. Боспор в титуле «архонт Боспора» — Пантикапей и так как архонт городской должности, видимо, Асандр был племенным вождем обретавшихся поблизости скифов Восточной Таврики.

По Аппиану, Фарнак правил 15 лет; отсчитав их от 63/2 г. (начало правления после смерти Митридата), получаем 48/7 г., т. е. умер Фарнак в августе или сентябре 47 г. (вифинско-понтский год начинается 15 октября 297 г. по юлианскому календарю или 28 окт. по грегорианскому).

Версия о 93-летнем возрасте Асандра вполне правдоподобна, *ср.* 110-летний возраст царя готов Германариха, умершего ок. 375 г. н. э. от ран (*Jord.* 130).

В свете изложенного из принятого в КБН дополнения стк. 1 следует исключить слово βασιλέων. При этом оказывается, что стк. 1 Βα[σιλεύοντος βασιλέως] насчитывает 20 букв при 27-30 в стк. 2/3. Нет оснований предполагать, что начальная стк. 1 содержала меньше букв, чем последующие, как иногда бывает (КБН 1048, почетная надпись в честь Митридата из Нимфея и *пр.*): хотя стк. 1 почти целиком утрачена, вполне читаемые остатки первых двух букв ΒΑ стоят на том же старте, что и остальные строки, размеры этих букв и промежутки между ними те же, что и в остальных строках. Поэтому в стк. 1 содержался еще какой-то текст помимо Βα[σιλεύοντος βασιλέως]. В связи с этим обращает на себя внимание очень необычное обстоятельство — надпись имеет эпонимную датировку не только по «великому царю Асандру», но и по «царице Динамии». Это не может означать ничего иного, кроме факта соправления Асандра и Динамии.¹ Долгий выпуск монеты от имени одного «царя Асандра» указывает, что это соправление было установлено в последние годы правления престарелого царя, почему оно и не отразилось в устоявшейся легенде монет. Асандр умер на 93 г. жизни, что делает вполне вероятным предположение о введении Динамии в ранг соправительницы царя ввиду его преклонного возраста и отсутствия наследника у этой царской четы.

Соправление Асандра и Динамии, вытекающее из эпонимной датировки КБН 30, указывает, что в стк. 1 следует восстанавливать *pl.* Βα[σιλευόντων], а не *sg.* Βα[σιλεύοντος]. Однако логически следующее отсюда дополнение Βα[σιλευόντων βασιλέων] плохо согласуется с μεγάλου Ἀσάνδρου -- καὶ βασιλίσσης Δυνάμεως стк. 2/3, поскольку из титулатуры Асандра исчезает титул βασιλεὺς, обязательный при μέγας. Следовательно, лакуна стк. 1 должна дополняться как Βα[σιλευόντων -- са. 7/10 -- βασιλέως] | μεγάλου κτλ. Необходимое звено в 7/10 букв предоставляет титулатура монет Асандра βασιλέως Ἀσάνδρου Βοσπόρου, которая дает искомое звено — Βοσπόρου. Отсюда дополняем в стк. 1 Βα[σιλευόντων Βοσπόρου βασιλέως] | μεγάλου Ἀσάνδρου ... καὶ βασιλίσσης Δυνάμεως «при царствующих на Боспоре великом царе Асandre... и царице Динамии». Такое дополнение соответствует всем необходимым условиям: стк. 1 должна отражать факт соправления Асандра и Динамии, прилагательному μεγάλου и титулу βασιλίσσης стк. 2-3 должно соответствовать в стк. 1 слово βασιλέως, наконец, стк. 1 должна содержать 27-30 букв. Элемент βασιλέων παντὸς Βοσπόρου занимает в титулатуре Аспурга второе место по позиции после βασιλεὺς μέγας κтл., в предложенном же дополнении рассматриваемой надписи он естественно перемещается на первую позицию, поскольку является здесь элементом эпонимной датировки, тогда как надпись

¹ В надписях боспорские царицы фигурируют наряду с боспорскими царями в посвящениях КБН 36, 75: ὑπὲρ βασιλέως ἡμετέρου καὶ βασιλίσσης, а также в титулатуре почетной надписи КБН 1118 при указании происхождения Рескупориды от царя Котиса и царицы Евники.

КБН 39 — посвящение самому Аспургу — имеет не эпонимную датировку, а календарную, по понт. эре.¹

В. А. Анохин [1986, с. 77/8] с учетом 29 лет правления Асандра, обозначенных на его золотых статерах, и выпуска золота от имени Динамии в 21/20 г. отнес начало его правления к 50/49 г. П. О. Карышковский и Н. А. Фролова [1990, с. 97 сл.] отметили, что последняя эмиссия Асандра могла быть принята в том же 277 г. б. э. = 21/20 г., когда Динамия выпустила свое золото, и это относит начало его правления к 49/8 г. (отметим, что и Гепепирия выпустила первое золото в том же 334 г. б. э., когда в последний раз биты статеры ее мужа Аспурга). Уязвимое место этих датировок состоит в том, что выпуск золота осуществлялся Асандром-архонтом при действовавшем еще царе Понта и Боспора Фарнаке, тем более, что по Диону Кассию, Асандр был эпитропом. По идее, эмиссию золота он мог начать только после победы над законным царем, поэтому А. И. Болтунова [1989, с. 88/9], С. Ю. Сапрыкин [2002, с. 70 сл.], Д. Браунд [Braund, 2004, р. 84] склонились к омоложению даты. Болтунова отнесла начало эмиссии Асандра-архонта ко вт. пол. 44 г., после смерти Цезаря, последний выпуск Асандра-царя к 17/6 г.; по ее мнению, Динамия как внучка Митридата Евпатора обладала полными царскими правами наряду с Асандром, потому и выпустила статер 21/20 г. лишь от своего имени; Асандр же умер в 17/6 г., вверив ей единоличное правление. Сапрыкин и Браунд развили положения Болтуновой. Первый связал выпуск золота Асандром с победой над Митридатом Пергамским в 46 и смертью Цезаря в 44, так что последняя его монета бита в том же 281 г. б. э. = 17/6 г., когда Динамия выпустила свое золото. К 281 г. отнес кончину Асандра и Браунд, счел, что престарелый царь незадолго до смерти назначил Динамию блюстительницей (ἐπίτροπος) и та выпустила редкое золото 21/20 г. только от своего имени. Казалось бы, все это подтверждается

¹ Казалось бы, формально возможен еще один вариант понимания начала исследуемой надписи: по аналогии с декретом КБН 1118 можно предположить, что титулы μεγάλου Ἀσάνδρου - - καὶ βασιλέως Ποντικῆς стк. 2-3 представляют собой часть титулатуры некоего монарха, сына Асандра и Динамии, имя и титул которого содержались в стк. 1, т. е. βασιλεύοντος βασιλέως τοῦ δεῖνος υἱοῦ μεγάλου κτλ. «при царствующем царе имярек, сыне великого Асандра...». Такой вариант многое упростил бы (например, он снимает вывод о соправлении Асандра и Динамии), но следует отметить, что по своему содержанию данное посвящение наварха Панталеонта Посейдону Сосинею («Спасавшему корабли») и Афродите Навархиде находит хорошее соответствие в эмблематике монет Асандра, включающей изображения проры корабля и Ники и свидетельствующей о морских сражениях и победах, которыми отмечено его правление [Гайдукевич, 1949, с. 314]. Основным же недостатком данного варианта состоит в том, что в лакуне стк. 1 не остается места для указания на царский ранг, необходимый к μεγάλου, т. е. [-βασιλέως] μεγάλου. Маловероятно и чтение Ю. Г. Виноградова βασιλεύοντων ε. г. Εὐρυεῶν βασιλέως μεγάλου [Vinogradov, 1990, р. 552, № 580], ибо выражение «цари-благодетели» не представлено в боспорских датировочных формулах по правящему царю.

нашим выводом о совместном правлении Асандра и Динамии в ранге «великих царей», однако в данной конструкции весьма уязвим чекан царицей монеты 21/20 г. только от своего имени при живом еще Асandre, который по-прежнему выпускал царское золото от своего имени в 21/20, 19/8, 18/7, 17/6 гг.¹

С. Ю. Сапрыкин [2002, с. 93 сл.] попытался преодолеть это затруднение историей со Скрибонием. Он обратил внимание на разницу в 3 года в рассказе Пс.-Лукиана (Маск. 12) о том, что в 90-летнем возрасте Асандр никому не уступал в пешей и конной битве, но уморил себя голодом на 93 году жизни после того, как его приближенные перешли на сторону Скрибония. Отсюда он заключил, что под нажимом Рима в 21/20 г. Асандр уступил трон Динамии, но еще 3 года вел войну со Скрибонием и, проиграв битву на 93 г., уморил себя голодом; Динамия, вероятно, поддерживала Скрибония; трехлетней войне соответствует промежуток между чеканом Динамии в 21/20 и 17/6 гг. Если называть вещи своими именами, то версия Сапрыкина говорит о междоусобной войне между Динамией и Скрибонием с одной стороны, и Асандром с другой. Но ведь сам Сапрыкин писал на с. 87 о военных успехах Асандра, а это показатель прочности его власти. А что было с Динамией и Скрибонием и между 21/20 и 17/6 гг., когда Асандр в свете положений Сапрыкина еще выпускал свою монету? Считаем резонным объяснение, данное Анохиным в публикации этого статера Динамии — Асандр умер в 21/20 г. и тогда же царица выпустила золото от своего имени. Таким образом, на одной чаше весов конструкция, соотносящая смерть Асандра с чеканом Динамии в 21/20 г., на другой версия с его смертью в 17/6 г. Вторая версия приводит к 5-летней междоусобной войне и ставит обязательным условием альянс Динамии со Скрибонием, первой версии требуется лишь предположение, что Асандр по уходе Фарнака в Понт объявил себя архонтом и выпускал золото от своего имени. Конечно, это меньшая трудность — сошлемся на выпуск во II в. золота, серебра и меди архонтом Гигиенонтом, имя которого, нетрадиционное для Спартокидов, указывает на его иное происхождение; до него и после него правили Спартокиды, так что Гигиенонт заполнил своим редким

¹ В. Н. Парфенов [1997, с. 128] привел примеры выпуска царицами монет от своего имени при здравствующих мужьях-царях или соправителях, однако все они из рода Птолемеев с его египетской особенностью внутрисемейных браков, так что все эти царицы — сестры, дочери, матери правящих царей, что не соответствует случаю с Асандром и Динамией. Единственный неегипетский пример — с женой Гиерона II Сиракузского Филистидой, сама уникальность которого указывает на родство супругов или мемориальный характер выпуска, так что объяснение эмиссии Динамией могла выпустить свои монеты в любое время, вне связи с концом правления Асандра. Однако боспорская нумизматика показывает традицию иного рода — смена правителя обозначается выпуском новой монеты. Трактровка Парфенова нитесна, однако по указанным причинам недостаточно убедительна.

выпуском какую-то недолгую паузу между двумя очередными Перисадами [Молев, 1994, с. 22; Анохин, 1999, с. 89]. Таким образом, по отбытии Фарнака ок. 50 г. в Понт Асандр обрел статус архонта и выпускал 3-4 года золото с легендой ἀρχὼν Ἀσάνδρου Βοσπόρου, а после победы над Фарнаком с легендой βασιλεὺς Ἀσάνδρου Βοσπόρου.¹ Выпуск золота Асандром-архонтом не обязательно предполагает конфронтацию с Фарнаком — если б Асандр объявил себя царем, это была бы узурпация власти Фарнака, а как архонт он формально не соперник царя, выпуск золота им мог быть продиктован и экономической потребностью Боспора ввиду недолгой эмиссии Фарнака.

Переход власти от Асандра к Динамии (Dio Cass. LIV, 24, 4) означал, что у царской четы не было наследника, способного занять престол.² Сообщение Диона Кассия подтверждается выпуском Динамией в 21/20 и 17/6 гг. золотых статеров. В претендентах на руку вдовы, сидевшей на богатом престоле, недостатка не было и, как обычно считают, вскоре на Динамии женился некий ближе нам не известный Скрибоний, выдававший себя за внука Митридата Евпатора и утверждавший, что получил права на престол от Августа (Dio Cass. LIV, 24, 4). Воцарение пришедшего Скрибония вызвало возмущение боспорцев и он был убит (Ib. LIV, 24, 5). Эпизод со Скрибонием не очень ясен ввиду скудости источников. Вряд ли стоит считать его авантюристом — он носил родовое имя второй жены Октавиана Скрибонии, поэтому скорее был действительно ставленником Августа, к чему все более склоняется современная историография.³ Когда Скрибоний был убит боспорцами, лис Август, дабы не поднимать большого шума там, где это необязательно, мог откеститься от своего агента и послать на Боспор более сильную личность.⁴ То ли воцарение Скрибония, то ли убийство его боспорянами, если он действительно был римским ставленником, вызвало оперативное вмешательство Агриппы в боспорские дела (Dio Cass. LIV, 24; Jos. Flavii Ant. Jud. XVI, 2, 2; реконструкция событий [Reinhold, p. 114/5]). Проведя зиму 14 г. в Митилеене, вице-цезарь Востока назначил царем Боспора Полемона, сына Зе-

¹ Если не считать сообщение Пс.-Лукиана (Masc. 17) о получении Асандром царского титула от Августа целиком ошибочным, а попытаться найти в нем рациональное зерно, следует понимать это как признание его *de jure* Августом в качестве царя Боспора (которым Асандр уже был *de facto*) много лет спустя по смерти Цезаря, после победы при Акциуме, когда Октавиан обрел полную власть. Подробнее о мятеже Асандра [Сапрыкин, 2002, с. 60 сл.].

² [Устинова, 1969, с. 61/2]. Согласно сохраненной Константином Багрянородным легенде, у Асандра был сын, но он погиб в Херсонесе [De adm. 53 = Конст. Багр. 1989, с. 271, 455; Сапрыкин, 1987, с. 48 сл.]. Сапрыкин [2002, с. 78] отметил, что нет сведений о его рождении от Динамии, сыном Асандра и Динамии он считает Аспурга.

³ [Парфенов, 1992, с. 214]. О Скрибониях в Риме и на Самосе, стемме рода в третьей четв. I в. см. [PIR. 1898, III, № 206; Syme, p. 608; Kienast, Hallof, S. 205 f., 212 f.; Braund, 2004, p. 85/6].

⁴ Эту мысль внушил мне В. Д. Блаватский. Как заметил Х. Дессау, Скрибоний в любом случае демонстрировал верноподданничество Риму [Dessau, S. 620].

нона, властителя каппадокийского Понта, целиком преданного Риму. Для подтверждения полномочий Полемона ранней весной 14 г. Агриппа прибыл в Синопу с эскадрой, но его вооруженное вмешательство не потребовалось. Пребывавший уже несколько лет без твердой царской руки, Боспор, видимо, отдался центробежным силам и был ослаблен, о чем свидетельствует захват Скрибонием местного престола силой (*διὰ χειρός*). Посланный против Скрибония Полемон уже не застал узурпатора, убитого боспорянами, но натолкнулся на их же сопротивление. Полемон победил их в сражении, но подчинить страну смог лишь по прибытии Агриппы в Синопу: не имея намерений противоборствовать римлянам, теперь четко подтвердившим личность своего протектора, боспоряне подчинились новому царю (Dio Cass. LIV, 24, 5-6). В выступлении боспорян против Скрибония и Полемона следует видеть скорее всего стремление местной знати к избранию царя из своей среды, но события 47 г., когда Асандр сумел захватить престол и устранить римского ставленника Митридата Пергамского, не повторились: судьбы Боспора в это время решались Римом. По явно выраженной воле Августа Динамия вышла замуж за Полемона (Ib. LIV, 24, 6) и положение понтийского царя на боспорском престоле было полностью легализовано.

Рассмотрим хронологию упомянутых событий. В рассказе Диона Кассия воцарение Скрибония, убийство его боспорянами, прибытие Полемона и экспедиция Агриппы изложены как взаимообусловленные и следующие одно за другим события. Весь рассказ помещен под 740 г. от основания Рима (14a). В «Хронике» Евсевия подчинение Боспора Агриппой дано под 2003 г. эры Авраама, т. е. под тем же 14 г., в обеих версиях Хроники — Иеронима (*Hier.*, p. 167 Helm) и армянской (*Euseb.* II, p. 142 Shōne). Отсюда, судя по Диону, убийство Скрибония приходится на конец 15 — начало 14 г.; Полемон прибыл на Боспор в начале 14 г., а синопская экспедиция Агриппы и последовавшее воцарение Полемона на боспорском престоле произошли ранней весной 14 г. [Magie, p. 478; Reinhold, p. 114]. Эпизод со Скрибонием в соответствии с версией Диона Кассия следует помещать на время не ранее поздней осени 15 г., поскольку в период навигации Агриппа сразу же мог бы принять меры по его устранению. Этим, однако, вопрос о времени воцарения Скрибония не исчерпывается. Дело в том, что согласно Псевдо-лукиановскому трактату «Долговечные», Асандр потерпел поражение в битве со Скрибонием и уморил себя голодом на 93 году жизни (Masc. 17). Этот анонимный трактат составлен во времена Тиберия [Christ, S. 621], т. е. спустя небольшое время после упомянутого события, что заставляет отнести к излагаемой в нем версии с большим вниманием, нежели к последовательности событий в рассказе Диона Кассия, отделенного двумя столетиями и несвободного от хронологических aberrаций. Сообщаемые трактатом сведения позволяют заключить, что поражение Асандра в битве со Скрибонием и приход к власти последнего повлекли за собой смерть Асандра. Поскольку конец Асандра приходится на 22/1 г., правление Динамии вместе со Скрибонием началось тогда же или в 21/20 г.

и давалось до убийства последнего в конце 15 или начале 14 г.¹ По воцарении на Боспоре Полемона в 14 г. Динамия тогда же вышла за него замуж.² Дальнейшая династическая история между воцарением Полемона и началом царствования Аспурга (14а — 14р) полна еще больших неясностей и лакун, нам в точности не известны даты конца правления Полемона и Динамии, неясно, кого заменил на престоле Аспург и откуда он взялся. На основе немногих, прежде всего нумизматических данных (литературные источники систематизировала В. А. Латышева [1991]), по этому кругу вопросов были высказаны различные точки зрения.³ Согласно Б. Кёне [1857, с. 174/6], Полемон правил на Боспоре еще во 2 г. до н. э., так как он принял

мнение А. Бека о том, что именно царь Понта и Боспора упоминается как жрец храма Августа и в надписи из малоазийской Кимы, датированной временем между 2 г. до н. э. (получение Октавианом титула «отец отечества») — 14 г. н. э. (смерть Августа).⁴ Вместе с тем выпуск золота от 289–304 гг. б. э. (9/8а–7/8р) с монограммой ДМ,⁵ согласно Кёне, показывает, что еще до смерти Полемона племенные вожди Боспора признавались Римом в качестве ца-

¹ В. А. Анохин [1986, с. 80] отнес правление Скрибония к 16/5–15/4 гг. Вопреки Браунду и др. Скрибоний не имел царского титула — он был у Динамии, которая и выпускала монету от своего имени. Скрибоний был при ней тем же, кем, к примеру, Разумовский при Елизавете или Орлов и Потемкин при Екатерине II. Поскольку эпизод со Скрибонием приходится на 20–15 гг. (диапазон всех возможных датировок), нет противоречия между версией Пс.-Лукиана и эмиссией Динамии 17/6 г., которую усматривал, например, В. В. Латышев [1909, с. 100]. Противоречие существует только между версиями Пс.-Лукиана и Диона Кассия.

² В. Н. Парфенов [1997, с. 131] и С. И. Болдырев [2000, с. 13/4] сочли, что этот брак не состоялся.

³ Разработка темы до второй пол. XIX в. носила предварительный характер, поскольку на основе еще плохо систематизированного материала делались самые произвольные построения. Не откажем читателю в удовольствии ознакомиться с освещением указанного периода в одном из трудов князя Сибирского [1877, с. 74], известного своим архаическим слогом: «С 14-м годом пред Р. Х. окончилось самодержавное поприще Динамии. Окончилось оно вместе с независимостью Боспора. Конец обрисовывал картину мрачную, безотрадную. Свершилось отступление в Пантикапее сурового Агриппы, на челе сирийских легионов и с порешенным замыслом включить Боспор в римские владения. Навстречу покорителям шла трепетная царица, во вдовьем облачении, и за нею на втором плане виднелись два гроба и две бледные тени — умертвившего себя голодом Асандра и умерщвленного разъяренной толпой Скрибония. А вслед за римлянами плелся новый пятидесятилетний претендент на руку Динамиссы (Полемон — В. Я.), тот самый, которому предстояло вскоре скоротить злуполучную дочь Фарнака».

⁴ IGR IV, 1302 = SIG II, 3524. Упоминаемый тут лаодикеец Полемон, сын Зенона, не идентичен нашему Полемону, поскольку трудно представить себе превращение царя Понта и Боспора в кимейского городского магистрата — притана и Ким. р. 91/2]. Этот Полемон был братом понтийско-боспорского Полемона [Ceylan,

Формы этой и упоминаемых далее монограмм см. на рис. 13.

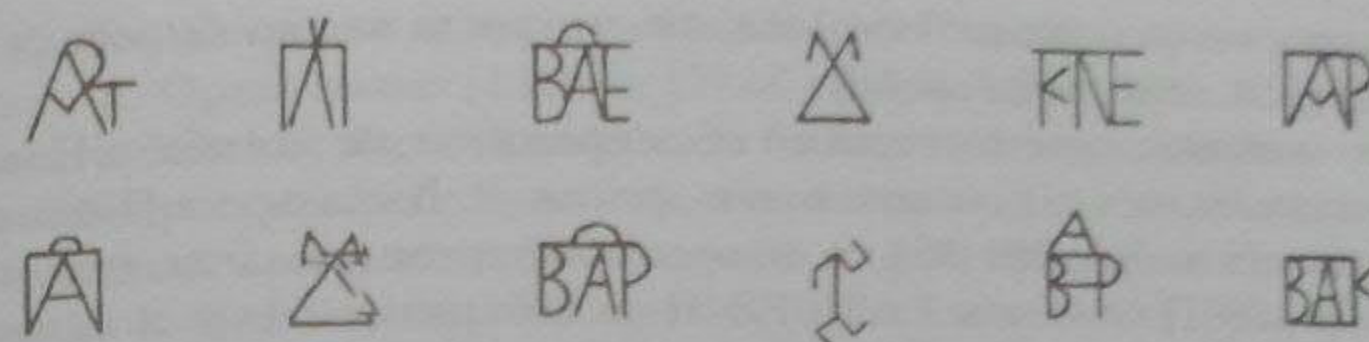

Рис. 13. Монограммы на монетах боспорских царей от Динамии до Аспурга (профиси В. А. Анохина)

рей, так как Полемон, не происходивший из Ахеменидского дома, не имел права употреблять понт. эру. (В действительности ее употребляли не только Ахемениды — введшие ее вифинские цари были местного происхождения [Габелко, 2005]). Т. Моммзен поначалу связал эмиссию 289–304 гг. п. эры с Полемоном, откуда могло следовать, что последний правил по 6 г. н. э., а Динамия, по его мнению, умерла еще до его брака с Пифодоридой; гибель Полемона датирована 1 г. до н. э. [Mommsen, 1860, S. 702, 711]. Монограмму ДМ Моммзен читал под вопросом как Δύ(ναμις) и Μ(ιθριδάτης), но отметил сомнительность увязывания второго имени с Митридатом Евпатором, равно маловероятно и принятие этого имени Полемоном по восшествии на боспорский престол. С некоторыми колебаниями Моммзена поддержал А. Заллет, как и Б. Кёне, связывавший упомянутую надпись из Кимы с Полемоном, царем Понта и Боспора [Sallet, 1866, S. 35 f., 49 f., 66/7]. Моммзену и Заллету возразил У. Ваддингтон, как и Кёне, он связывал выпуск статеров 289–304 гг. п. эры с воцарением туземного правителя, основавшего новую династию по смерти Полемона, которая, стало быть, приходится на 289 г. (=8а) [Waddington, p. 115 sq.]. Он указал, что Полемон, царь Понта и Боспора, не идентичен упомянутому в надписи из Кимы Полемону, это разные, хотя, видимо, и родственные лица, поскольку последний известен как жрец храма Зевса в Лаодикее фригийской, на монетах которой помещалось его изображение вместе с изображениями Августа, Калигулы, Клавдия и Нерона. Предложенная Ваддингтоном датировка конца правления Полемона получила широкое признание в последующей литературе. К ней склонился через несколько лет и Т. Моммзен в статье о Пифодориде [Mommsen, 1872 = 1913, S. 266/7, 308]. Особой была лишь точка зрения К. Брандиса, согласно которому назначение Германиком сына Полемона Зенона царем Армении в 18р (Strabo, XII, 3, 29; Tac. An. II, 56) является опорной датой для определения времени гибели Полемона [Brandis, Sp. 779/80]. Если он умер в 8а, как принято думать, то как Страбон (XI, 2, 3) мог употребить в сообщении о разрушении Танаиса Полемоном слово ιεωστί «недавно», — спросил Брандис и пояснил: это было свежее событие и гибель царя следует относить ко времени, близкому к 18 г. н. э. Аргумент о ιεωστί уязвим¹ и несколько не поколе-

¹ Это слово имеет относительное временное значение и им могло обозначаться как недавнее, так и давно прошедшее событие. Например, Геродот (II, 15) в рас-

был точки зрения о гибели Полемона в 8а, что тогда же апробировали Роден и Дессау [PIR. 1898. Vol. 3, p. 58].

В дальнейшем, с учетом ставшей общепринятой датой гибели Полемона в 8а, высказывались следующие точки зрения. В. В. Латышев [1909, с. 104] связал выпуск монет 289–304 гг. н. эры с Аспургом, полагая, что он царствовал между Полемоном I и II. Близкую позицию занял и Э. Миннз, по мнению которого монеты с монограммой ДМ принадлежали Динамии, но, возможно, и Аспургу; золото с монограммами КНЕ от 8/9 и 9/10 гг. н. э., вероятно, также чеканилось Аспургом; в монограмме ПАР на золоте от 10/11р Миннз вычитывал имя Аспурга, так же, как и в ВАР, которая представляла собой, по его мнению, ту же монограмму ПАР, но с добавленной *бетой* титула βασιλεύς (Minns, p. 600). Большие заслуги в исследовании династической истории Боспора принадлежат А. Л. Бертье [1911, с. 117 сл.] и М. И. Ростовцеву. Бертье согласился с Моммзенем, что женитьба на Пифодориде и рождение троих детей (Strabo, XII, 3, 29) случились лет за 5 до гибели Полемона в 8 г. до н. э. [Mommesen, 1913, S. 267] (этой точки зрения придерживался и Брандис), но, по его мнению, Пифодорида и после этого продолжала править в Понте и на Боспоре. Бертье непреложно установил, что эмиссии меди с монограммами ВАЕ и ВАМ относились к концу Ia — началу Ip, откуда заключил, что по смерти Полемона власть на Боспоре была территориально или в смысле ее политической полноты поделена между Пифодоридой и царями Е и М, происходившими от Ахеменидов или Асандра. Согласно Бертье, золото с монограммами ДМ, КНЕ, ПАР, ПА чеканилось не от имени царей, скрывших в них свои имена, а под наблюдением римских чиновников, которым эти монограммы принадлежат. Только с Аспурга начинается «присокровенный» выпуск золота с монограммой царя ВАР.

Столь же новую, нетрадиционную трактовку хода исторических событий на Боспоре в рассматриваемое время дал М. И. Ростовцев [1914, с. 12 сл.; 1918, с. 146/8; Rostovtzeff, 1919, p. 104 f.], который указал, что надпись IOSPE II, 356 (КБН 979) поставлена в честь Динамии после переименования Фанагории в Агриппию, но после разрыва ее с Полемоном, так как «демос агриппейцев» чествует одну царицу. Судя по наличию троих детей у Пифодориды и Полемона, а также гибели последнего в 8а, разрыв между Динамией и Полемоном приходится на 13–12 гг. до н. э. Это и другие наблюдения дали ему основание полагать, что Динамия правила единолично и во второй раз вплоть до 8 г. н. э. Выпуску золота Динамией в указанное время соответствовала ее же эмиссия меди с монограммой ВАЕ, в которой содержался намек на ее деда Евпатора. Эту медь чеканили также ее приемники — неизвестный царь КНЕ и Аспург, который с 14р заменил ее медью со своим портретом и своей царской монограммой ВАР [Ростовцев, 1917,

статья о вильской дельте отмечает, что это наносная земля и возникла она недавно. Здесь явление многовекового плана соотносено с геологическими масштабами, что и сделало возможным употребление слова νεωστί.

с. 47–53]. Что до меди с монограммой ВАМ, то Ростовцев примкнул к точке зрения А. В. Орешникова [1892, с. 17] об ее принадлежности сыну Аспурга Митридату. Мнение Ростовцева о ходе боспорской династической истории широко распространено в западной литературе.

В последнее время тезис Ростовцева о втором правлении Динамии был поддержан К. В. Голенко [1971, с. 41/4], В. А. Латышевой [1981], В. А. Анохиным [1986, с. 82; 1999, с. 129], но отвергнут Е. С. Голубцовой [1951, с. 110], Н. А. Фроловой [1978, с. 56/8], С. Ю. Сапрыкиным [2002, с. 98 сл.] (у Сапрыкина см. дополнительную лит.). По мнению Фроловой, данные о времени переименования Фанагории в Агриппию и ее эмиссии меди противоречат подобному предположению. Она считает, что переименование боспорских городов весьма вероятно произошло в начале периода растущего авторитета и власти Агриппы между 17–12 гг. до н. э., до назначения им Полемоном царем Боспора в 14 г., что монеты с этником агриппейцев и кесарейцев могли быть чеканены в 13–12 гг. и это косвенно подтверждается общим у них и римских монет с именем Агриппы изображением проры. Отсюда она заключила, что городская медь не могла чеканиться позже 12а, так как даже в самом Риме позже этого года монеты с именем Агриппы неизвестны [Фролова, 1989, с. 4–5] (ср. [Kunisz, 1976, s. 130, 152]). Из этого Фролова заключила, что надписи КБН 38, 978, 979, 1046 относятся ко времени единоличного правления Динамии после смерти Асандра и до брака с Полемоном, как считали некоторые ученые и ранее.¹

Резюмируем: вопрос о датировке упоминающих Динамию надписей, так же, как и монет Кесарии, Агриппии и в конечном счете конца правления Динамии, во многом упирается в вопрос о времени переименования Фанагории в Агриппию и Гермонассы в Кесарию. Установленная нами дата переименования Фанагории в Агриппию в 12–11 г. до н. э. (ниже, с. 282) показывает, что надпись КБН 979 поставлена агриппейцами не ранее этих лет и что в указанные годы и позднее Динамия была жива.

Перейдем к вопросу о времени брака Полемона с Пифодоридой, что позволит яснее определить хронологию последнего периода правления Динамии, судьбу ее брака с Полемоном и время его гибели. По этому вопросу сложились две точки зрения. Согласно почти общепризнанному мнению, брак Полемона с Пифодоридой случился после разрыва с Динамией или ее смерти, что с учетом гибели царя в 9–8 г. до н. э. и рождения 3 детей должно приходиться на 13–12 гг. до н. э. [Brandis, Sp. 779; Орешников, 1902, с. 4; Бертье, с. 191; Mommesen, 1913, S. 267; Ростовцев, 1914, с. 13; Macurdy, p. 30/31; Голубцова, 1951, с. 110; Hoffmann, 1952, Sp. 1284; Ceylan, Ritti, p. 86;

¹ Спорен вывод С. И. Болдырева [1999] о правлении Полемона год-другой на Боспоре — этому противоречит количество связанных с ним памятников (см. ниже). Соответственно, спорно и вытекающее отсюда заключение, что не было первого и второго правлений Динамии — она, по его мнению, правила непрерывно после смерти Асандра до 8р (критика [Сапрыкин, 2002, с. 103/4]).

Болтунова, 1989, с. 89/91; Сапрыкин, 2002, с. 116]. Согласно же Х. Дессау, поддержанному Д. Мэйджи и С. И. Болдыревым, брак Пифодориды и Полемона совершился до его политического брака с Динамией, заключенного по указанию Августа. Дессау полагал, что после эпизода с Динамией брак Полемона с Пифодоридой был либо возобновлен, либо вообще не расторгался [Dessau, S. 619; Magie, p. 1341; Болдырев, 1999, с. 35].

Что касается второй точки зрения, то в принципе, имея в виду, что Полемон родился ок. 65 г. [Hoffmann, 1952, Sp. 1281], замечание Мэйджи («трудно думать, будто до женитьбы на Динамии в 50-летнем возрасте энергичный Полемон оставался холостым») выглядит вполне резонным, однако Страбон (XII, 3, 29) ясно указал, что власть Полемона наследовала Пифодорида, и это обстоятельство может быть объяснено только несовершеннолетием их сыновей. Если женитьба Полемона на Пифодориде имела место до брака с Динамией в 14 г., как думали Дессау, Мэйджи, Салливэн и Болдырев, то только незадолго до этого времени и кончины Полемона вообще, поскольку в 12-20 гг. н. э. дети царской четы были еще молоды. Их дочь Антония Трифена была ок. 12-19 г. замужем за Котисом III Сапеем, а сын Зенон поставлен в 18 г. царем Армении (Тас. Ап. II, 56, 67). Далее, очень вероятно, что монеты малоазийской Ольбы времен Тиберия с именем Полемона выпускал сын Полемона I Полемон как верховный жрец местного храма Зевса [Macurdy, p. 38/41; Ceylan, Ritti, p. 88, лит.]. Эти даты указывают, что дети Полемона жили уже в последнем десятилетии I в. до н. э. и были тогда малолетними.¹ Мать Пифодориды Антония, дочь Марка Антония, выдана замуж за Пифодора из Тралл в 34 г., откуда заключают, что Пифодорида родилась ок. 30 г. и вышла замуж за Полемона ок. 13-12 г. [Groebe, Sp. 2613, 2640; Gundel, Sp. 413; Schmitt, 1972, Sp. 1278].

Комбинация приведенных, логически взаимосвязанных данных (Пифодорида унаследовала царство Полемона после 14а — последней твердой даты в его жизни, и наследование Понтийского царства ею обусловлено малолетством детей, которые жили уже в последнем десятилетии I в. до н. э.), позволяет заключить, что брак Полемона с Пифодоридой заключен год-другой спустя после 14а. Поскольку в 12-11а или позднее Динамия была жива, то либо ее брак с Полемоном был расторгнут, как думал Ростовцев и что нам представляется более вероятным, либо она пребывала в браке с Полемоном до его смерти. В этом случае брак с Пифодоридой и рождение 3 детей предшествовали браку Полемона с Динамией, как думал Дессау, и после смерти Полемона Пифодорида воцарилась в Понте, а Динамия на Боспоре. Более предпочтительной представляется версия Ростовцева. Причина разрыва Полемона с Динамией вполне поясняется его последующей женить-

¹ Согласно нашей реконструкции второй надписи Пифодориды, у нее был титул царицы Понта еще при жизни Полемона на Боспоре, однако сохранившийся текст надписи настолько мал, что определенные выводы невозможны (см. Приложение в конце этого очерка).

бой — у немолодых уже партнеров по политическому браку детей не было и Полемон связал свою судьбу с внучкой Марка Антония Пифодоридой, которая родила ему 3 детей.¹ Почетная надпись Пифодориды: [Πυ]θορίδης Λεοντίαν τῇν [ἑαυ]τῆς ἐβεργέτιν «Пифодорида Ливию (ее изображение), свою благодетельницу поставила», по мысли А. И. Болтуновой [1989, с. 91], поставлена Пифодоридой после смерти Полемона и Динамии и указывает, что вдова царя добивалась боспорского престола. Однако надпись вовсе не свидетельствует, что Полемон и Динамия уже умерли — она вполне могла быть поставлена Пифодоридой еще при жизни мужа (и Динамии тоже) в качестве благодарности за какое-то благодеяние (к примеру, Ливия могла быть причастна к устройству ее брака). Болтунова не уделила внимания важному обстоятельству — у Пифодориды отсутствует титул царицы (тогда как в аналогичном посвящении той же Ливии от лица Динамии КБН 978 царский титул последней указан).² Согласно же Страбону (XII, 3, 29), Пифодорида правила (συμβασίλευσεν) вместе с Полемоном (правда, без уточнения — в

¹ С. И. Болдырев [1999, с. 35] обратил внимание в сообщении Страбона о Пифодориде, что старший сын Полемон помогал ей в управлении Понтийским царством в качестве частного лица; таковым он мог быть лишь в том случае, если родился до получения Полемоном царского титула в 37 г. С. Ю. Сапрыкин [2002, с. 104] заметил по этому поводу, что Антоний отдал свою дочь за Пифодора в начале 30-х гг., так что у родившейся в результате этого брака Пифодориды первый сын появился позднее. Иные — политические — причины разрыва между Полемоном и Динамией усматривала Э. Даброва: оставаясь лояльной к Риму, Динамия стремилась сохранить ахеменидскую тенденцию к суверенности Боспора, римский же ставленник Полемон целиком был проводником римских интересов тут [Dabrova, p. 80]. Однако Полемон как раз продолжал митридатовскую традицию объединения Понта и Боспора, и в его лице эту традицию поддерживал Рим, так что, если разрыв Динамии и Полемона был следствием особых политических причин, то не этой. Отметим также в связи с принятым нами объяснением разрыва между Полемоном и Динамией, т. е. бездетностью их брака, предположение Сапрыкина [1984, с. 151/2], что у них была дочь по имени Пифодорида, но он сам признает, что это нуждается в дополнительной аргументации.

² Вопреки Ю. Г. Виноградову [SEG 44, 658; Bull. ép. 1996, 289], титул [Βασίλισσα Βοσπόρου (?)] не может быть дополнен перед именем Пифодориды, так как старт обеих строк надписи был одинаков, на что указывает типовая формула τῇν (τὸν) ἑαυτῆς ἐβεργέτιν (masc. вариант: αὐτῆρα καὶ ἐβεργέτην) почетных надписей Динамии КБН 38, 978, 979, 1046, без каких-либо включений в формулу вроде предложенного Виноградовым τῇν [τοῦ Σεβαστοῦ γυναικα ἑαυτῆς ἐβεργέτιν. Дополнение А. И. Болтуновой выверено в соответствии с формульным узусом надписей Динамии, реконструкция Виноградова противоречит ему и вызвана лишь удивлением, что Пифодорида не названа царицей. На отсутствие царского титула в надписи Пифодориды обратил внимание также С. И. Болдырев [1999, с. 35], который счел, что она была на Боспор для развода с Полемоном, которого Август принудил жениться на Динамии. Хотя возражения С. Ю. Сапрыкина [2002, с. 104] носят общий характер (в случае прибытия за разводом, Пифодорида теряла достоинство), в таком случае трудно объяснить постановку ею в Гермонассе статуи Ливии.

Понте или на Боспоре), а когда он умер, унаследовала его власть. Вторая надпись Пифодориды, видимо, содержит ее царский титул, так что в период пребывания на Боспоре, а скорее всего и ранее в Понте у нее был титул царицы (см. Приложение в конце этого очерка). Следовательно, отсутствие царского титула в гермонасской надписи Пифодориды обусловлено некими расчетами, нам не известными. В целом ее посвящение Ливии было сугубо частным по характеру и было воздвигнуто в гермонасском Кесареоне (храме цезаря) в те несколько лет после 14а, в течение которых Пифодорида состояла в браке с Полемоном. Динамия же, как мы видели, была жива после 14а. Число упоминающих ее эпиграфических памятников, на наш взгляд, подтверждает мысль М. И. Ростовцева о втором ее единоличном правлении.

Всего таких надписей 7, причем заметим, что от 30 лет брака с Асандром дошла лишь 1 надпись, упоминающая Динамию и Асандра (КБН 30), тогда как 7 поставлены от имени одной Динамии или в ее честь.¹ Одно это обстоятельство, при обилии надписей, связанных с одной Динамией, может указывать на длительный срок ее единоличного правления после смерти Асандра и эпизода со Скрибонием, т. е. с 17/6а. Для сравнения, от 29 лет правления Асандра до нас дошли всего 2-3 упоминающие его надписи,² тогда как число надписей Динамии равно надписям деятельного Аспурга, дошедшим до нас от его 24-летнего царствования. Правда, 3 из этих 7 памятников единообразны в жанровом отношении (почетные надписи Динамии в честь Августа и Ливии), что свидетельствует об 1-2 связанных с ними эпизодах жизни Динамии — скорее всего с утверждением ее царицей Августом (надписи 38, 1046 чествуют Августа, надпись 978 одну Ливию, что, возможно, имело отдельную мотивировку). Не случайно эти надписи найдены в разных местах Боспора — Динамия воздала благодарность благодетелям в основных центрах своего царства Пантикапее, Гермонассе, Фанагории.

Если повод для постановки этих надписей ясен, то их временная дистрибуция менее определена. Поскольку они найдены на европейской и азиатской частях Боспора, очевидно, что поставившая их Динамия была единоличной правительницей всего царства, что имело место в первый раз с 17/6а, до выхода замуж за Полемона в 14 г. Догадка В. В. Латышева [1909, с. 101], что все 3 надписи в честь Августа и Ливии поставлены Динамией в благодарность за сохранивший ей титул царицы брак с Полемоном не представляется правомочной, поскольку в таком случае ожидалась бы совместная постановка почетных надписей от лица Динамии и Полемона. Второе единоличное правление Динамии последовало за смертью Полемона и длилось какое-то время. Таким образом, надписи Динамии в честь Августа и Ливии

¹ КБН 31, 38, 978, 979, 1046, IOSPE I² 354, надгробие Матиана (ниже, с. 239); таинственное посвящение за Динамию, созданное воображением Ю. Г. Виноградова и подхваченное А. И. Иванчиком, С. Р. Тохтасьевым [2009], неприемлемо, см. с. 208-213.
² КБН 30, надпись Хрисалиска [Сокольский, 1976, с. 40] и, возможно, КБН 913.

могли быть поставлены как в 21/20 — 15/4а, так и после 12-11а, подобно надписи агриппейцев в честь Динамии КБН 979. Сказанное справедливо и относительно пантикапейского посвящения за Динамию КБН 31, а также почетного декрета херсонеситов в ее честь (I² 354).

В. А. Латышева [1981, с. 104/6] выдвинула идею о раздельном правлении — Динамия правила с согласия Рима азиатским Боспором, Полемон же владел европейским Боспором. В принципе этому противоречит нахождение надписей Динамии по обе стороны пролива, на что обратила внимание сама Латышева, но можно предположить, что пантикапейские надписи поставлены в иное время, нежели таманские. Латышева справедливо отметила, что большинство связанных с Динамией надписей сосредоточено на азиатском Боспоре близ Фанагории, что может указывать на пребывание ее там в ранге царицы во времена Полемона. Напомнив, что Полемон нашел гибель на азиатском Боспоре, она пришла к выводу о поддержке ее местным племенным миром. Ее идея вполне вероятна, и мы обратим внимание на поставленное Динамией надгробие всадника Матиана: βασιλίσσα Δίναμις | Μαθιάνῃν Ζαϊδάρου | [μνή]μης χάριν «царица Динамия поставила изображение Матиана, сына Заидара, памяти ради» (подробности ниже, с. 670). На рельефе представлен всадник в защитном панцире и с длинным копьем. Сам факт постановки надгробия воина царицей уникален, что свидетельствует об экстраординарных обстоятельствах этого события. Хотя точное место находки стелы неизвестно (в пределах Темрюкского района), она найдена на территории аспургиан, с иранским характером имени которых (ниже, с. 252) вполне согласуется иранская же принадлежность имени и патронимика покойного. Это указывает на принадлежность Матиана к аспургианам, а увековечение его кончины царицей свидетельствует о его высоком ранге — он мог быть вождем аспургианской дружины.¹ Изображение его в воинском снаряжении наводит на мысль о гибели в бою. Безусловно высокий ранг Матиана и смерть его в военных обстоятельствах хорошо согласуется с гипотезой Ростовцева о разрыве Динамии с Полемоном и уходе ее на азиатский Боспор, где она подняла на борьбу с соперником местных аспургиан, которые в конце-концов убили его и Динамия вновь стала единоличной правительницей страны.

Таким образом, нет оснований относить все связанные с Динамией надписи к короткому отрезку в 2-3 года между смертью Асандра и замужеством за Полемоном. У нас нет аналогий подобному эпиграфическому «взрыву» в связи с каким-либо боспорским владыкой, и поскольку надпись КБН 979 чествует Динамию после 12-11 гг. до н. э., поскольку она здесь названа царицей и притом признанной римлянами (φιλορῶμενος), тезис М. И. Ростовцева

¹ К нашему заключению еще 1987 г. о Матиане как вожде аспургиан [МБЭ, с. 82; Яйленко, 1995, с. 224] присоединился В. А. Горончаровский [2000, с. 56/7; 2003а, с. 159], А. И. Иванчик и С. Р. Тохтасьев [2009, с. 103] приписали эту мысль ему.

о втором ее правлении представляется основательным.¹ Вопрос заключается лишь в определении его хронологических границ. Начало логично связывать со смертью Полемона, и в этом плане второе правление Динамии в какие-то годы после 12–11 г. само по себе указывает, что время гибели царя следует искать в пределах последнего десятилетия I в. до н. э.

Как указывалось, после работы У. Ваддингтона мнение о том, что выпуск золота с монограммой ДМ с 9/8 г. до н. э. означает конец правления Полемона в связи с убийством его аспургянами и воцарением нового владыки, прочно вошло в литературу.² Тем не менее, поскольку высказано сомнение в правомерности связи даты гибели Полемона и выпуском указанных монет [Magie, p. 1341], проанализируем относящиеся к этому вопросу данные. Малолетство детей Полемона в последнем десятилетии I в. до н. э. предполагает его брак с Пифодоридой до 14 г. до н. э. или год-другой спустя, но не предопределяет его обязательной смерти тогда же — она могла иметь место и в первом десятилетии I в. н. э., когда его дети еще не достигли совершеннолетия. В сущности мы располагаем одной непреложной датой для установления времени гибели Полемона — 14/5 г. н. э. как его *terminus ante quem* по монетам Аспурга с монограммой ВАР, первый выпуск которых да-

¹ Признавая единоличное правление Динамии, В. Н. Парфенов [1997, с. 129] счел, что комплекс связанных с нею надписей недатируем. Однако сама постановка надписей от лица одной царицы свидетельствует об их связи с временем ее единоличного правления. С. Ю. Сапрыкин [1990, с. 212; 2002, с. 106], не вняв доводам В. А. Латышевой [1981, с. 103] и нашим, отнес комплекс связанных с Динамией надписей к 20–14 гг., что невозможно, во-первых, ввиду аргументированного нами выше сопоставления ее с Асандром в 21/20–17/6 гг., вследствие которого в надписях этих лет Динамия должна упоминаться вместе с Асандром, как в КБН 30; во-вторых, надпись КБН 979 поставлена за Динамию после 12–11а (ниже, с. 282).

² Плодотворную попытку расширить круг источников по проблеме за счет привлечения археологических данных предпринял А. А. Масленников [1995, с. 158 сл.]. Он связал разрушения на пограничных крепостях и поселениях европейского Боспора последней четв. I в. до н. э. с военными действиями Полемона. Отсюда, по его мнению, возможны два варианта хода дел. 1) Полемон прибывает морем из Понта в Феодосию и где-то в окрестностях Пантикапея побеждает боспорцев; для предстоящей осады Пантикапея он запрашивает помощь у Агриппы. 2) Военного столкновения боспорцев и Полемона на европейском Боспоре могло и не быть, так что отмеченные разрушения на поселениях и крепостях связаны с другими событиями. Тем не менее, сокровище монетных кладов на европейском и азиатском Боспоре (Полянка, Фонталовский клад 1870 г.) указывает, что при Полемоне военные действия охватили весь Боспор, видимо, против него выступило все население царства. Полагаем, отмеченное А. А. Масленниковым отсутствие в слоях разрушений меди Агриппии и Кесарии, а также известное хождение ее вместе с монетой ВАЕ, вопреки мнению С. Ю. Сапрыкина [2002, с. 105], что городская медь запаздывала в обращении ввиду обилия обращавшейся еще митридатовой меди, означает, что слои разрушений следует датировать до переименования городов, т. е. 12 г. С. И. Болдырев [2002, с. 59] думает об изъятии после 14 г. монет с титулом и именем боспорских царей.

тирован 311 г. б. э.¹ К сожалению, последнее десятилетие 1а — первая декада 1р плохо освещены твердо датированными надписями или сообщениями письменных источников, мы располагаем немногими точно или удовлетворительно датированными данными: 1) надпись агриппейцев в честь Динамии, поставленная не ранее 12–11а; 2) упоминание в латинской надписи из писидийской Антиохии «когорты боспорян» (ISL III, 9503 от 8–7а. [Reinhold, p. 114]); 3) начало в 9/8а золотого чикана боспорскими правителями после 7-летнего перерыва; 4) эмиссия городской меди Агриппии и Кесарии после 12–11а; 5) царская эмиссия меди с монограммами ВАЕ и ВАМ.

Если действовавшая в Малой Азии Боспорская когорта служит свидетельством зависимости от Рима, которому Боспор должен был поставлять воинские контингенты, то выпуск золота после семилетнего перерыва, вызванного указом Августа 16 г. о римской монополии на чекан ценной монеты, указывает на привилегированное положение боспорских правителей и в первую очередь царя, начавшего эмиссию золота в 9/8 г. до н. э. [Бертье, с. 154/5; Sands, p. 135]. Это боспорское золото, однако, не содержит имени выпускавших его царей вплоть до Митридата, сына Аспурга. Имена царей предоставляет боспорская медь. Асандр выпускал медь только в первые годы своего правления, когда именовался архонтом, затем при нем чеканилась городская медь Пантикапея и Фанагории [Зограф, с. 190; Анохин, 1986, с. 79–80; 1999, с. 117 сл.]. Эмиссия меди в период от Динамии до Аспурга была определена в блестящем исследовании А. Л. Бертье о монетах с монограммами [1911, с. 158]. По ряду непреложных признаков он доказал, что царская медь с монограммами ВАЕ и ВАМ выпускалась в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э., причем первые чеканились до монет ВАМ, которые унаследовали систему их номиналов. С другой стороны, один из типов монет ВАМ полностью сходен с типом меди Аспурга с головой Ареса в шлеме, трофеем и монограммой ВАР. Это определяет следующую последовательность эмиссий царской меди: ВАЕ, ВАМ, ВАР. В историческом плане это означает, что в указанное время до Аспурга на Боспоре правили цари Е и М. Положения Бертье уточнил и развил А. Н. Зограф [1951, с. 194/6], который в согласии с ним также полагал, что монеты ВАЕ ввиду их фактурного и стилистического разнообразия нельзя втиснуть в короткий промежуток времени. Он выделил 3 группы этих монет, расположив их в порядке вероятной хронологической последовательности. Первая группа имеет монограмму во все поле реверса и, вероятно, связана с первым правлением Динамии, предшествуя городской меди Агриппии и Кесарии. Вторая группа включает монеты с 6 типами различных изображений на обеих сторонах. Третья группа по фактуре монет близка предыдущей, но отличается более мелочным стилем изображений, а главным образом цифровыми обозначениями номиналов. Эта

¹ Монограмма бесспорно принадлежит Аспургу, поскольку имеются синхронные ей датированные надписи (рескрипты Аспурга и манумиссия КБН 985 от 16р, посвящение за царя от 23 г. КБН 39).

группа включает две серии: серия 1 состоит из 8 типов, соответствующих 8 номиналам, серия 2 включает один, но наиболее распространенный тип особого номинала с изображением головы Персея и гермы. Сопоставление стилистики второй и третьей групп с золотом от 9/8a - 7/8p указывает на одновременность выпуска обоих сортов монеты. По его выводу, выпуск и обращение меди ВАН «занимает конец I в. до н. э. и начало второго десятилетия I в. н. э., т. е. второе единоличное правление Динамии и первые годы правления Аспурга, если ему же принадлежат монограммы ПАР и ПА» (в датировке и атрибуции этой меди Зограф следовал Ростовцеву, см. выше).

По мнению В. А. Анохина [1986, с. 81 сл.], выделенные Зографом подгруппы лучше считать отдельными пятью группами, которые следовали от времени Полемона до первых лет правления Аспурга, т. е. с 14а по 14р. Согласно Н. А. Фроловой [1989, с. 3–5], эмиссия меди Кесарии и Агриппии имела место в 18–12 гг. до н. э., которую сменила медь ВАЕ, продолжавшаяся до появления меди ВАМ (12а–14р). Существенную роль в решении вопроса играют клады. К. В. Голенко [1971, с. 45/7] на основании керченского клада 1961 г. с монетами ВАЕ, а также Агриппии и Кесареи, констатировал, что они обращались совместно (первые выпускались в ограниченном количестве сравнительно с городской медью). Клад включал в основном монеты ВАЕ второй группы и первой серии 3 группы по классификации Зографа. Отсутствие в кладе монет второй серии 3 группы подтвердило мнение Зографа о выпуске их после чекана Агриппии и Кесареи, причем такое отсутствие не может быть случайным, поскольку этот тип — самый распространенный среди монет ВАЕ в целом. Принимая за начало эмиссии городской меди 14 г. до н. э., когда, по его мнению, Фанагория была переименована в Агриппию, Голенко датировал эмиссию монет ВАЕ правлением Динамии и Полемона, 19–8 гг. до н. э. В целом статья Голенко содержит много ценных наблюдений, но предложенные им хронологические уточнения не могут быть приняты полностью, поскольку основаны на двух допущениях — переименование городов в Агриппию и Кесарею в 14 г. и хронологический приоритет меди ВАЕ перед городской медью. Первое допущение очевидным образом неточно — переименования состоялись в 12 или 11 г. Что же касается связанной с первым допущением мысли К. В. Голенко о выпуске городской меди сразу вслед за переименованием городов в Агриппию и Кесарею, то она вполне вероятна: города получают в 12 г. новые названия в честь Августа и покойного вице-цезаря, что и знаменуется эмиссией меди, покрывавшей нужды населения в монете этого сорта. Отмеченное Н. А. Фроловой [1978, с. 58; 1989, с. 5] сходство изображений проры на городской меди и римских монетах с именем Агриппы, отнесенных Г. Маттингли к 13а, хорошо подтверждает это предположение. Что касается второго допущения — о хронологическом приоритете меди ВАЕ перед городской медью, то оно малообосновано. Совместное обращение в какой-то промежуток времени после 12 г. до н. э. монет ВАЕ и городской меди показывает не хронологический приоритет первых, а лишь то, что часть эмиссии

меди ВАЕ была синхронна городской меди. Сам Голенко отметил, что помещение основной массы монет ВАЕ в промежуток между 19-8 гг. до н. э. «несколько неожиданно для монет многих типов и неодинаковой фрактуры» и пытался подкрепить свою завышенную датировку монет ВАЕ двумя видами надчеканок на них (собственно, эти надчеканки я являются единственным его аргументом в пользу датировки начала эмиссии 19 г. до н. э.). Одна из них — звезда и полумесяц, по мнению Голенко, является эмблемой Ахеменидов и может быть связана только со статером Динамии, где это изображение составляет реверсный тип. Встречается она только на типе монет ВАЕ первой группы с изображением льва, другая надчеканка — протома козерога — встречается только на монетах третьей группы с изображением Посейдона и, по мнению Голенко, повторяет реверсный тип многих римских серебряных и золотых монет, чеканившихся от 27-20 до 12-11а, не позже. Что до первой надчеканки, то мне несколько сомнительно хронологическое первенство I группы, так как в кладе 1961 г. она отсутствует. Если это все же случайность и данная группа была первой по времени, то звезда и полумесяц настолько общий для монетной эмблематики мотив, что он встречается в разных местностях помимо Боспора, а на боспорской почве и на более поздней меди ВАМ ([Бертье, табл. I, 17] — здесь, как и на статере Динамии, звезда и полумесяц целиком составляют реверс монеты). Что же касается римских аналогий с протомой козерога, то последний, как известно, является элементом эмблематики Августа, родившегося под этим созвездием, так что изображение козерога встречается, например, в конце его правления на монетах Пифодориды, выходивших и при Тиберии [Орешников, 1902, с. 8 сл.]. Таким образом, приведенные Голенко аргументы в пользу начала эмиссии монет ВАЕ в первое единоличное правление Динамии не имеют решающего характера. Длительность эмиссии меди ВАЕ, на чем настаивали Бертье, Зограф, Фролова, Анохин, лучше согласуется с мнением Ростовцева, что она сопровождала эмиссию золота от 9/8а до начала правления Аспурга. Соотношение царской и городской меди в конце I в. до н. э. — начале I в. н. э. имело тот же характер, что и при Асandre — царь выпускал регулярное золото ДМ и ограничивался эпизодической эмиссией своей меди ВАЕ, так что нужда населения в мелкой монете покрывалась в основном городским чеканом Агриппии и Кесареи. Сосуществование этой царской и городской меди длилось на протяжении последнего десятилетия Ia — двух первых десятилетий Ib, до тех пор, пока регулярная медь Аспурга не вытеснила городскую окончательно, как можно судить по комплексу монет при погребении на горе Митридат, содержащем 2 монеты Агриппии, 1 Кесареи, 1 ВАЕ и 1 Аспурга [Шкорпил, 1913, с. 45; Ростовцев, 1925, с. 226]. В. А. Анохин [1986, с. 81/2] обратил внимание на уникальный золотой статер из зарубежной коллекции с изображениями голов Августа, Агриппы и монограммой ВАЕ. Если лекции с изображениями голов Августа, Агриппы и монограммой ВАЕ. Если б не сомнения в подлинности монеты, можно полагать, что и медь ВАЕ начала выходить при Полемоне.

Из нашего экскурса в эмиссию меди конца I в. до н. э. — начала I в. н. э. следует, что помимо Динамии и Полемона в указанное время до Аспурга правили также цари Е и М, что и предполагал Бертье (он считал, что правление Динамии и Полемона завершилось в 9а). Следовательно, в промежутке между 14а (воцарение Полемона) — 14р (воцарение Аспурга) мы должны поместить правление Полемона, второе единоличное правление Динамии, относительно длительное правление царя Е и, наконец, царствование преемника М. Распределить правления названных царей в указанном промежутке помогает синхронная эмиссия золота.

Нередко считалось, что за царем ΔМ, чеканившим золотые ауреусы с 9/8а по 7/8р, правил неизвестный KNE в 8/9 - 9/10 гг. (Анохин [1986, с. 89] предпочел чтение KAE), за ним Аспург, скрывавший свое имя в монограммах ПАР и ПА. Однако Бертье выступил против подобного истолкования этих монограмм и приписал их римским чиновникам, ведавшим эмиссией золота на Боспоре (его поддержала Фролова [1979], против Анохин [1986, с. 90 сл.]). Действительно, монограммы ПАР и ПА нередко встречаются на различных предметах (граффити, гири, судейские пинаки и др.) и в каждом конкретном случае раскрываются по-разному (к примеру, в КБН 652 монограмма ПАР раскрывается как имя Απατοῦριος). Нередки они и на монетах, в том числе царских, причем имена царей помещены на тех же монетах и никак не связаны с указанными монограммами (желающий найдет примеры в таблицах супплемента к компендиуму Т. Мионе [Mionnet, t. 1-9], в каталогах монет Британского музея, SNG и других подборках). Монограмме KNE прямых синхронных аналогий нет, но есть близкие сокращения вроде BNE на монетах галатской Евсевии-Кесареи рассматриваемого времени [Imhoof-Blumer, р. 5 оттиска]. Монограмма ΔМ имеет прямые аналогии, но о них речь пойдет далее. Бывают и совпадающие с царским именем монограммы на монетах царей (например, среди монет Митридата Евпатора есть серии, обозначенные полным именем и титулом, а также снабженные монограммами его имени [Recueil général, р. 14/9], таковы и монеты с монограммой галатского царя Аминты [BMC Galatia, р. 3]). Однако по общему правилу монограммы обычно принадлежат чиновникам-монетариям или монетным мастерским. Под это общее правило, как справедливо указал А. Л. Бертье, подпадают и указанные монограммы на царских боспорских монетах. На наш взгляд, однако, из этого ряда выпадает монограмма ΔМ. Дело в том, что монограммы монетариев характеризуются частой сменяемостью, что мы и видим на примере KNE, ПАР, ПА, помещавшихся на монетах соответственно в течение 1-2 или 2-3 лет (монеты с монограммой ПАР известны только от 307 г. б. эры, ПА — от 310 г.) в шестилетнем промежутке между 8/9 - 13/14 гг. н. э. Обычно монограммы на царских монетах либо меняются от выпуска к выпуску, либо повторяются 2-3 года, реже — в течение нескольких лет подряд (к примеру, на серебряных тетрадрахмах Митридата Евпатора, датированных по понт. или пергамской эре [Recueil général, р. 14/9]). Между тем несоглас-

но с общим правилом монограмма ΔМ помещается на монетах в течение 16 лет подряд и это постоянство заставляет считать ее такой же монограммой правителя, как ВАР Аспурга, ВАР Котиса и др., которые помещены на их монетах всех лет царствования.

Таким образом, чье-то правление в промежутке между 14а-14р (Полемон, Динамия, предполагаемые цари Е и М) должно совпасть с 16-летним чеканом золота с монограммой ΔМ. Долгота эмиссии меди ВАР, при указанном 28-летнем периоде, делает неизбежным совмещение ее с золотом ΔМ, тем более, что стиль этой медной и золотой монеты, как отмечали А. Л. Бертье и А. Н. Зограф, близок по ряду признаков. Поскольку мы еще не установили время гибели Полемона, чеканившаяся с 12 или 9/8 г. до н. э. медь ВАР должна совпасть либо с царствованием Полемона, либо со вторым правлением Динамии, либо с тем и другим. Иначе говоря, это означает, что так называемый царь Е неизбежно должен идентифицироваться либо с Полемоном, либо с Динамией, либо с ними обоими. В монограмме ВАР, по давней догадке Орешникова [Oreschnikow, 1883, S. 13/5; Reinach, 1888, р. 203; Gardthausen, 1924, № 91], усматривали сокращение βα(σιλέως) Ε(ὐπάτορος) и относили эту эмиссию к Митридату Евпатору. Когда же Бертье уточнил датировку этой меди, Ростовцев [1917, с. 51/2] и за ним Зограф [с. 196] пытались объяснить «появление подобной монограммы, указывающей на Митридата Евпатора, мемориальными устремлениями» его внуки Динамии, хотя тот же Зограф отметил маловероятный характер подобного предположения: «Плохо верится даже и в то, что римская центральная власть позволяла снабжать этой неизбежно одиозной для нее монограммой медную монету». Что касается терпимости Рима к промитридатовской пропаганде через полвека после смерти понтийского царя, то это вопрос открытый. Существенней другое — недоказуемость мемориального характера монограммы, тем более, что вопрос может быть решен гораздо проще. Поскольку монограмма ВАР по хронологическим признакам неизбежно должна быть идентифицирована с Динамией и (или) Полемоном, а имена обоих правителей не согласуются с буквой Ε (или АЕ) монограммы, вопрос решается предположением П. О. Карышковского (у Фроловой [1989, с. 3]), что это сокращение не имени, а титула правителя: βα(σιλέως) или βα(σιλίσσης) Ε(ὕσεβους), каковое имели и Динамия и Полемон.¹ Сокращение титула, а не имени царя, на боспорской

¹ IOSPE I² 854. 3 (Динамия), 704 (Полемон), а также легенда на понтийских серебряных монетах Полемона [Recueil général, р. 19]. Подобную расшифровку монограммы ВАР, правда, по иному, ошибочному поводу, предлагал уже П. Сестини [Sestini, р. 364]. Не исключено, что монограмма ВАР может быть понята и иным образом. Аппиан (Mithr. 108) в рассказе о событиях 63 г. до н. э. упоминает в числе детей Митридата Евпатора, осажденных в Фанагории, дочь по имени Εὐπάτρα. Согласно Аппиану, из этих детей только Артаферну ок. 40 лет, остальные еще παῖδες, «красивые дети». Таким образом, эта Евпатра родилась не ранее 80 г., может быть, около 75 г. Она шла в числе пленников на триумфе Помпея в Риме (App. Mithr. 117). Дальнейшая ее судьба неизвестна и не исключено, что в 9/8а власть

почве логично объясняется имеющимися случаями употребления не имени, а одного из элементов царского титула, проще говоря, прозвища. Например, на статере Митридата Евпатора, чеканенного, как полагают, для Боспора, присутствует одно лишь прозвище царя и титул: βασιλέως Εὐπάτορος [SNG. Sammlung Aulock. Bd. 1, Taf. 1, 5; Загинайло, с. 113 сл.]. На драхме того же Митридата легенда сведена к одному прозвищу — Εὐπάτορος [Reinach, 1888a, tab. XI]. На Боспоре Митридат обозначался не только своим полным титулом, как в нимфейском декрете (с. 199), но и одним прозвищем Евпатор (рескрипт Аспурга [Блаватская, 1965, с. 198]). Царь рангом поменьше тоже мог называться одним прозвищем: так, в метрической строительной надписи КБН 958 Котис I обозначен именем и прозвищем из его титулатуры εὐσεβῆς. Возвращаясь к меди ВAE, отметим, что боспорские цари от Митридата до Аспурга не жаловали медь своими полными именами, ограничиваясь помещением монограммы своего имени или, как в этом случае, титула.

Поскольку взаимоотношения Динамии и Полемона могли иметь не только конфликтный характер (после женитьбы на Пифодориде), но, как указывалось выше, и согласный (до Пифодориды), приписать медь ВAE можно не только одному из них, но и обоим царственным супругам. На это может указывать, с одной стороны, длительность эмиссии этой меди, с другой, уникальный золотой статер с изображением головы Августа на лицевой стороне, головы Агриппы, монограммы ВAE и дифферента А (первый год правления или номинал), который Анохин [1986, с. 148, № 255] с полным основанием приписал Полемону.¹ Связь этого статера с Полемоном верифицируется изображением Агриппы, которое указывает и на выпуск монеты до 12а и на чествование ею вице-цезаря, решительными действиями доставившего боспорский престол и руку Динамии Полемону (о них [Горончаровский, 2003а, с. 155]). Обладая титулом царицы Динамия имела такие же права, как Полемон, поэтому можно предположить, что оба царственных супруга подразумевались под монограммой βασιλέων εὐσεβῶν «Благочестивых царей». Подразумевать обоих приходится потому, что эмиссия меди ВAE была длительной, она не втискивается в 2-3 года их супружества, стало быть, продолжалась также после разрыва супругов и во второе единоличное

перешла к этой 65-70-летней дочери Митридата, которой и принадлежит в таком случае монограмма ВAE, т. е. βασιλίσσης Εὐπάτρας).

По Сапрыкину [2002, с. 146, 154/5], монета не может принадлежать Полемону, так как чекан золота был возобновлен после его смерти, поэтому портреты Августа, Агриппы могли появиться на золоте не ранее 9-8а, когда Август возобновил консульство и imperium proconsulare на 10 лет (со ссылкой на Res gestae Divi Augusti; монету он приписал Аспургу). Это не так, ибо запрет на выпуск золота к Боспору как формально суверенному государству неприложим — в любом случае золото ВAE по совмещению с медью ВAE располагается между выпуском Динамии 17/6 г. и ΔМ 9/8 г. до н. э.: ошибочна и ссылка на Res gestae, ибо 6 консульство Августа и Агриппы пришлось на 28 г. до н. э., а не 9-8 г. [Бикерман, с. 223].

правление Динамии. Сохранение монограммы вызвано тем, что она равным образом подразумевает и ед. число — βασιλέως εὐσεβούς «Благочестивого царя» при Полемоне и Пифодориде, βασιλίσσης εὐσεβούς «Благочестивой царицы» в период второго единоличного правления Динамии с 9/8 г. до н. э. по 7/8 г. н. э., судя по эмиссии золота с монограммой ΔМ. Полемон, стало быть, погиб перед 9/8 г. до н. э. и такая датировка вполне согласуется с сообщением Тацита (Ан. II, 56) о том, что его сын Зенон, назначенный царем Армении в 18р, с раннего детства (prima ab infantia) хорошо усвоил обычаи армян, иначе говоря, сызмальства проживал не на Боспоре, а в сопредельном с Малой Арменией Понте. Отсюда сообщение Страбона (XII, 3, 29) о наследовании царства (или власти — ἀρχήν) по смерти Полемона Пифодоридой, которое Бертье понимал как относящееся к Понту и Боспору, недвусмысленно подразумевает удаление Зенонидов с Боспора. По смерти Полемона Динамия во второй раз правила единолично до 7/8 г. н. э.

Правление царя М следует совмещать с эмиссией золота под монограммой KNE, в таком случае он правил 2 года (8/9-9/10р), что кажется достаточным для эмиссии редкой меди ВAM. Она насчитывает 3 типа (аверс: Арей, Асклепий, Гелиос, реверс: змея, полумесяц со звездой, трофеем, цифровое обозначение номинала); давно отмечено единство номинала и полное сходство типа ВAM с головой Аррея в шлеме и трофеем с тем же типом меди Аспурга, помеченным его монограммой ВАР, что, по заключению Бертье, указывает на эмиссию меди ВAM непосредственно перед медью Аспурга [Бертье, с. 157/8; Зограф, табл. XLVI, 2-3]. Расположение меди ВAM по времени между ВAE и аспурговой медью ВАР [Фролова, 1989, с. 4] означает ее совмещение с золотом KNE от 8/9-9/10 гг. Кратковременность последнего позволяет приписать монограмму римскому чиновнику, наблюдавшему 2 года за выпуском золота после правления царя ΔМ и перед правлением Аспурга.¹ В монограммах на золотых монетах от 10/11 и 13/4 гг. н. э., обычно раскрываемых как ПАР и ПА (рис. 11), начиная с Гиля, вычитывали также имя Аспурга, что позволяет связывать их с ним [Анохин, 1986, с. 90]. Таким образом, правление Аспурга началось в 10/11 г., но в 14/5 г., женившись на Гепеппии, он принимает тронное имя ее отца Реметалка I (см. ниже).²

Монограмма ВAM включает не просто букву М, а комбинацию М с вертикальной гостой (срединный угол продлен книзу прямой чертой), что обычно читается как МI, редко МY (вроде монограммы Аминты [BMC Galatia, p. 3]). В сокращении МI давно усматривали имя Μι(θριδάτης) [Reinach, 1888a,

¹ Раскрытие монограммы KNE Сапрыкиным [2002, с. 155] в καίσαρ(ος) νε(ω)κ(ό)ρ(ος) «храмоблудитель Августа» маловероятно, ибо: 1) если уж читать монограмму так, то надо показать реальные буквы — κ(αίσαρ)ος) νε(ω)κ(ό)ρ(ος), 2) слово νεωκóρος известно в сокращении νεωκ [Avi-Yonah, p. 88], не менее, 3) перевод «храмоблудитель Цезаря», не Августа, 4) титул «первосвященник Августа» получил только Котис I, а не Аспург, которому Сапрыкин приписал монограмму KNE.

² Этим исключается догадка Э. Миниза, что монограмма Аспурга ВАР образована из монограммы ПАР посредством включения в нее буквы В (βασιλέως).

р. 454; BMC Parthia, p. 50, cf. p. LXXXV и 46; Gardthausen, 1924, № 88 etc.], что позволило А. Н. Зографу [с. 197] заключить, что монограмму ВМ «едва ли можно читать иначе, как βασιλέως Μιθριδάτου». В подборке монет У. Ваддингтона есть образец с монограммой ВМ и тут же она раскрыта в легенде βασιλέως Μιθριδάτου. Именем Евпатора Митридат назван и сын Аспурга, что указывает на сохранение традиций Евпатора на Боспоре еще во 2 десятилетия I в. н. э. (о времени рождения Митридата, сына Аспурга, см. ниже).¹ Обратим внимание, что монограмма на золоте Динамии ΔМ включает ту же букву М монограммы ВМ. Это позволило бы читать в монограмме ΔМ начальные буквы имен Динамии и возможного Митридата II, но в таком случае их пришлось бы считать соправителями, что противоречит упоминанию в рассмотренных выше надписях одной Динамии. Следовательно, монограмма ΔМ не содержит намека на правившего за нею предполагаемого Митридата II.² Интерпретация этой монограммы затруднительна и пока могут быть предложены 3 более или менее вероятных способа ее объяснения. Наиболее рациональное понимание, видимо, состоит в признании не случайным соответствия дельты в монограмме и ΔМ с начальной буквой имени Динамии, помещавшей это сокращение на своих золотых. Если это так, то и букву М должно понимать в качестве начальной буквы имени, что в совокупности может быть трактовано как Δ(ύναμις ἢ ἐκ) Μ(ιθριδάτου) «Динамия, происходящая от Митридата», как думал Т. Моммзен. До Динамии на Боспоре был лишь один Митридат — ее дед Евпатор, популярная здесь личность, далее у нас еще пойдет речь о живучести его внутри- и внешнеполитических традиций, продолженных Фарнаком, Динамией, Аспургом, Митридатом III. Такое генеалогическое понимание монограммы ΔМ находит соответствие в титулатуре Динамии Δύναμις ἢ ἐκ βασιλέως μεγάλου Φαρνάκου τοῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων Μιθριδάτου (КБН 31, 979).³ Если все же монограмма ΔМ принадлежит не правителю, а монетарию, как думал Бертье, то по длительности употребления следует связывать ее скорее не с отдельным чиновником,⁴ а с монетной мастерской: это знак того же порядка, что попу-

¹ Для преодоления разнобоя в порядковом обозначении царей с именем Митридат (сын Аспурга именуется в литературе Митридатом II, III, VII, VIII) целесообразно ввести для Боспора унифицированное обозначение местных соименных правителей: Митридат I (Евпатор), Митридат II — предполагаемый монограммой ВМ царь, Митридат III — сын Аспурга; далее мы придерживаемся этой нумерации; Митридата Пергамского, явившегося на Боспор только за тем, чтобы пасть от руки Асандра, можно не принимать в расчет.

² В монограмме ΔМ вычитывают и имя Δύναμις при учете, что в первые 2-3 года в середине Δ помещалась ломаная поперечная гаша альфы, что Бертье, однако, объяснил сдвигом металла.

³ В. А. Анохин [1986, с. 150; 1999, с. 131] обратил внимание на уникальный золотой статер от 13/4 г. и приписал его третьему правлению Динамией.

⁴ Ср. монограмму ΔΑΜ, сопровождающую амфорное клеймо [Ἀγ]ασικλέος [Δατ]ρίων Δατρίων на ручке, найденной в Керчи [Придик, 1917, с. 103, № 243]. Эта монограмма представляет собой сокращение имени астинома Δαμ.

лярные в Парфии и Малой Азии монетные марки «митридатовских» *officina*, в которых вычитывается сокращение имени Митридат, подразумевающее какого-либо из великих царей Ахеменидского дома, носивших такое имя, как предполагал еще Роуз [BMC Parthia, p. LXXXV; Recueil général, p. 14/9].

Структурно монограмма ΔМ стоит в ряду сочетаний различных букв с дельтой: ΔΔ, ΔΚ, ΔΟ, ΔΡ, ΔΥ etc., известных на различных греческих монетах. Есть и близкие сочетания букв ΔМ столь же неясного значения (на монете фракийского правителя Саратока [Sallet, 1874, S. 163] (ссылка Бертье); также [Mionnet, Suppl. ad t. 7. 1835, t. I, 674]). Ближайшая аналогия — монограмма ΔМ на тетрадрахмах Антиоха I (280-261), сопровождаемая монограммой из букв ΜΙ (как на меди ВМ) и полным именем царя [SNG. Vol. IV, pt. 8. L. 1971, Pl. CXVIII, 5524, cf. 5527] (последняя с дополнительной монограммой ΠΑ; cf. также [Newell, p. 36, 409]). Если учесть указание Юстина (XXXVIII, 7, 1) о происхождении Митридата Евпатора по матери от Селевка I,¹ монограмма ΔМ на монетах его внучки обретает опять-таки генеалогическое содержание. Монограмма настолько коротка, что позволяет связывать себя и с другими царями — по Анохину [1999, с. 128], монеты с нею выпускал Полемон. Еще один путь объяснения монограммы ΔМ представляет ее сходство с сарматскими тамгами — и точно такой же формы, и с дополнительными элементами [Драчук, т. IX, XII, XIII]; в перспективе этот путь представляется продуктивным (к такому решению склонялись Э. И. Соломоник, В. С. Драчук, С. А. Яценко [2001, с. 46/7, лит.]), сейчас же в силу отсутствия датированных тамг такой формы вопрос может быть только поставлен. Этот вариант тем более интересен, что путь Динамии к престолу расчистило сарматское племя аспургиан, которые взяли в плен и убили Полемона (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29).²

¹ Т. Рейнак счел матерью Митридата Лаодику, дочь Антиоха Епифана [Reinach, 1890, p. 50], против чего возражают [Stehelin, Sp. 709].

² Эту идею развил в интересной заметке О. В. Шаров [1998, с. 16], увидевший параллель ей на монетах греко-бактрийского царя Евкратиды. К сожалению, сама по себе эта параллель ничего не дает, так как монограмма ΔМ настолько распространена, что фигурирует и поныне, например, в числе знаков собственности у эстонских недорыбаков [Одрес, с. 29]. И сходства тамги Асандра с правителями Матхуры недостаточно для подтверждения заманчивой идеи Шарова: «Не мог ли этнарх Асандр привести свои племена оттуда или быть в родстве с этими правителями?» Причина простоте этих знаков собственности, так что мы не в состоянии уточнить, принадлежала она владельцем или позаимствована у соседей. К примеру, скифо-сарматским тамгам близки тамги северо-кавказских адыгов XIX в. [Фелицын, 1889], но нет оснований утверждать или отрицать, что за этим стоят исторические связи. Обоснований скептицизм Н. В. Завойкиной [2003] по поводу характера боспорских царских тамг, см. также [Яценко, 2001, с. 46/7]. С. А. Яценко привел интересное свидетельство Тацита (An. II, 68, ок. 12 г. н. э.) о родстве парфянского царя Вонона с царем скифов (оно восходит к представлениям античной историографии о родстве скифов и парфян — Trogus, fr. 36 Seel = Just. II, 3 + Jord. 47-48), которое поощряет поиски параллелей боспорским тамгам во всем иранском мире.

Перейдем к вопросу об аспургианах и их роли в династических перипетиях Боспора, для понимания которой существенно выяснение истории и значения этнонима. Помимо Страбона (а также повторяющих его сведения Элия Геродиана и Стефана Византийского) это название известно в надписях II–III вв. н. э. из Пантикапея и Танаиса (КБН 36, 1248, новонайденные *laudatio* из Пантикапея и фрагмент из Фанагории, см. с. 319). По Страбону, аспургиане — одно из меотских племен; между тем в выражении указанных надписей $\delta\epsilon\epsilon\pi\iota\tau\omega\nu\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$, отметил К. Брандис, одинаково могут подразумеваться как $\delta\epsilon\epsilon\pi\iota\tau\omega\nu\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$, так и $\tau\alpha\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\alpha$ [Brandis, Sp. 780]. Рассмотрим эту посылку. В основе названия $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$, бесспорно, лежит имя $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$, так что отнюдь не случайно оно впервые засвидетельствовано на Боспоре именно в связи с Фанагорией,¹ в окрестностях которой, по Страбону и Певтингеровой таблице, обитали аспургиане. По мнению И. И. Толстого [1955, с. 12], это название образовано от имени $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ при помощи латинского суффикса *-ian* (по типу *Christus-Christiani*) с вытекающим отсюда значением «сторонники Аспурга». Но это суждение ошибочно, если проследить способы образования названий на *-ianoi* в целом и определить их семантическую сферу.² Этноконы на *-ianoi* делятся на две группы, одна из которых включает многочисленные дериваты от топонимов, другая, менее численная, состоит из производных от личных имен [Hansen, 1958, S. 84]. Если держаться точки зрения Толстого, то все этноконы второй группы — латинизированные прилагательные (с последующей субстантивацией). Однако ряд этих этноконов, образованных от греческих или латинских имен, возник на чисто греческой почве — через гентильный суффикс *-an* (у основ на *-i-*) или через прилагательные на *-ios*, *-a*, *-on* с тем же гентильным суффиксом. Например, от латинского имени $\Phi\iota\mu\beta\rho\iota\alpha\varsigma$ известно прилагательное $\Phi\iota\mu\beta\rho\iota\alpha\nu\omega\nu$ (Phl. Luc. 34, 2), в том числе и в субстантивированной форме $\delta\epsilon\epsilon\pi\iota\tau\omega\nu\text{'}\Phi\iota\mu\beta\rho\iota\alpha\nu\omega\nu$ «солдаты Фимбрии» (Ib. 7, 1 и др.). Ко второму способу образования ср. этноконы $\text{'}\Lambda\rho\epsilon\iota\alpha\nu\omega\nu$, $\text{'}\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\theta\iota\alpha\nu\omega\nu$, образованные от имен $\text{'}\Lambda\rho\iota\alpha\varsigma$, $\text{'}\epsilon\upsilon\sigma\tau\alpha\theta\iota\alpha\varsigma$, которые сами являются прилагательными на *-ios*. Таким образом, этноконы на *-ianoi*, образованные от личных имен, происходят как от чисто греческих основ на *-i-* и прилагательных, так и от латинских

¹ [Morelli, 1972, № 567] — надгробие посла фанагорийцев Гедика и переводчика сарматов Аспурга, сына Биомаса, найденное в императорском колумбарии первой трети I в. н. э.

² Иранский характер суффиксации этнонима маловероятен: О. Н. Трубачев любезно указал мне, что для этой языковой среды обычен суффикс *-aina*, и хотя форма *-ian* ей известна, она нехарактерна. Для предпринятого Н. Я. Марром сопоставления названий с армянскими материалами (приложение к [Ростовцев, 1914, с. 27–31]) сначала надо доказать взаимосвязь кубанских аспургиан с армянской языковой средой. С лингвистической стороны сближение арм. *aspuṛ-vaspuṛ* ~ *seruḥ* с авест. *višarūna* «царевич, боярский сын», вследствие чего аспургиане понимались Марром как «дружинники царевича, войско наследника престола», было отвергнуто А. Мейе и др. (Ib., с. 29).

основ (например, $\text{'}\chi\rho\iota\tau\iota\alpha\nu\omega\nu$ — заимствование из латинского *Christiani*). Самое существенное заключается в том, что все эти этноконы имеют лишь две семантические сферы: они означают либо сторонников какого-нибудь лица ($\text{'}\Lambda\omega\kappa\iota\lambda\lambda\iota\alpha\nu\omega\nu$, $\text{'}\eta\rho\omega\delta\iota\alpha\nu\omega\nu$ и др.), но никогда племя или народ. Между тем $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ — это бесспорный этноним, название племени, что засвидетельствовано Страбоном (XI, 2, 11), Птолемеем (Geogr. V, 88) и Певтингеровой таблицей.¹ Следовательно, нет оснований ни относить название аспургиане к числу латинизированных этноконов, ни включать его в группу производных от личных имен. По своей семантической сфере оно принадлежит к дериватам от топонимов, на что указывает и его структура.

Название $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ образовано от основы с исходом на *-i-*; согласная основа имени $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ указывает, что данный этноним образован не непосредственно от имени, а от промежуточного прилагательного на *-i-*, т. е. $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ (в любом роде и числе), как $\text{'}\beta\omicron\sigma\pi\omega\rho\iota\alpha\nu\omega\nu$ (Strabo, VII, 4, 4 etc.) от $\text{'}\beta\omicron\sigma\pi\omega\rho\alpha\varsigma$ через прилагательное $\text{'}\beta\omicron\sigma\pi\omega\rho\iota\alpha\varsigma$ (Soph. Aj. 884), $\text{'}\kappa\alpha\upsilon\kappa\alpha\sigma\iota\alpha\nu\omega\nu$ — от $\text{'}\kappa\alpha\upsilon\kappa\alpha\sigma\alpha\varsigma$ через прилагательное $\text{'}\kappa\alpha\upsilon\kappa\alpha\sigma\iota\alpha\varsigma$ (Herod. I, 104) и т. д. Это указывает, что название аспургиане произошло от топонима, образованного от имени $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$.² Понять характер топонима в некоторой степени помогают данные Страбона (XI, 2, 11): аспургиане — одно из меотских племен, обитавшее на территории длиной в 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией, что составляет примерное действительное расстояние между названными городами (сейчас по шоссе — 65 км). Между этими городами обитали не только аспургиане, но и синды, жившие, согласно Страбону, вплоть до Горгиппии (XI, 2, 10; Фанагория тоже лежала в области синдов — Scyl. 72). В другом месте (XII, 3, 29) Страбон уточняет взаиморасположение синдов и аспургиан: последние живут περὶ τὴν Σινδικὴν «около Синдики» (напомним, что Географ различает Синдику и «азиатские части Боспора» — см. VII, 4, 6; XI, 2, 2). Между тем в районе Фанагории перешеек между Азовским и Черным морями настолько узок, что тут вряд ли возможно реальное разграничение синдов и аспургиан. Стало быть, здесь синды и аспургиане каким-то образом наложился друг на друга в сведениях Страбона. У других авторов,

¹ Под астуриками Птолемея (Geogr. V 8, 17), нигде более не упоминающимися, подразумевается испорченный в рукописной традиции этноним аспургиане [Müller, 1901, comm. ad l. c.]. Здесь они также перечислены среди народов и племен, обитающих у Меотиды (некоторые другие названия племен азиатского Боспора в данном пассаже Птолемея также испорчены [SC, I, с. 239, лемма]. На Певтингеро-вой таблице, восходящей к римским итинерариям II–III вв. н. э., *Aspurgiani* занимают область между Фанагорией и Меотидой [segm. IX A, Scheyb; Подосинов, 2002, илл. 8, 9].

² А. А. Белецкий склонялся к мысли, что $\text{'}\Lambda\sigma\pi\omega\rho\gamma\iota\alpha\nu\omega\nu$ не этноним, а обозначение сторонников Аспурга; если же это этноним, мы не можем уяснить первичный характер его соотношения с личным именем [Белецкий, с. 83]. Это грамматическое обстоятельство не заметил Е. А. Молев [1995б, с. 61], отрицающий происхождение имени аспургиан от топонима по той причине, что он не засвидетельствован.

оставивших в той или иной мере подробное описание племен азиатского Боспора, наблюдается любопытная картина. Ряд авторов римского времени, в том числе Дионисий, Мела, знают синдов, но не упоминают аспургиан. Птолемей же и Певтингерова таблица, напротив, упоминают аспургиан, но не знают синдов как народ, хотя первому известны Синдская гавань и поселок Синда (Geogr. V, 8, 4), а второй — город или поселок *Sindicae* (segm. IX A Scheyb). Таким образом, в источниках наблюдается известная взаимозаменимость названий синды и аспургиане. Решительное преобладание первоначальных названий в источниках при спорадичности второго указывает, что этноним аспургиане склонялся на этноним синды. Это может быть объяснено двояко: аспургиане либо часть синдов, либо пришельцы. Имена аспургиан преимущественно иранские, что указывает на их иранское происхождение.¹

Итак, аспургиане по не зависимым друг от друга, а потому прочным сведениям Страбона, Птолемея и Певтингеровой таблицы представляли собой племя, занимавшее часть Синдики.² С другой стороны, *Ἀσπουργίανοι* — не изначальное название племени, поскольку оно образовано на основе топонима, возникшего на азиатском Боспоре от имени *Ἀσπουργός*. Оба факта надежны и в сопоставлении указывают, что какое-то племя заняло часть Синдики, причем это событие или какой-либо другой эпизод их бытования здесь связан с царем (?) Аспургом, по имени которого подвластная пришельцам территория стала называться чем-то вроде *ὁ Ἀσπουργίος χώρος* или *ἡ Ἀσπουργία γῆ*, либо *τὸ Ἀσπουργίον χωρίον*, словом, *τὰ Ἀσπουργιανά*. С течением времени обитавшее на ней население стало называться *οἱ Ἀσπουργίανοι*, и этникон, таким образом, стал этнонимом.³ Новообразованный характер этнонима явственно звучит в страбоновском определении *οἱ Ἀσπουργίανοι καλοῦντο ... Βάρβαροι* «варвары... называемые аспургианами» (XII, 3, 29).⁴

¹ У имени *Ἀσπουργός* иранская этимология: *aspa-*, *ugra-* < *urga-* (?) «мощноконный» [Zgusta, 1955, S. 35, 75], подтверждаемая его тамгой [Сапрыкин, 2002а, с. 207]. Иранские также имена Матиан, Заидар, с. 670–671.

² [Голубцова, 1951, с. 112]. По мнению В. В. Латышева, Э. Миниза, М. И. Ростовцева, С. Ю. Сапрыкина [1985а, с. 65 сл., лит.], аспургиане — военные поселенцы, которых селили на Тамани боспорские цари, начиная с Митридата Евпатора; ср. сомнения Е. А. Молева [1995б]. Ранее мы считали аспургиан сарматами [Яйленко, 1990а, с. 162], однако А. А. Масленников [1990, с. 81/2] и Е. А. Молев [1995б, с. 62] с основанием указали на отсутствие сарматских памятников на территории аспургиан.

³ Примечание С. Ю. Сапрыкина: приведенные мною [Сапрыкин, 1985а, с. 88] материалы о названии аспургиан я взял из рукописи данной статьи Яйленко, однако по настоянию редакции «Советской археологии» были сняты ссылки на эту не опубликованную тогда работу.

⁴ В фанаторийской надписи 151 г. н. э. КБН 976 упоминаются земли с пелатами, подаренные храму неким Летофором. Эти земли находились в Фананеях — окрестности Фанатории. Если это территория аспургиан, что может явствовать из обитания их около этого города, видимо, на захваченной ими территории были установлены даннические отношения, с прикреплением к земле пелатов — корен-

убийство Полемона аспургианами весьма повлияло на дальнейшую династическую историю Боспора: с правления Аспурга оно положило начало новой, аспургианской династии, надолго воцарившейся здесь. В эпизоде с Полемоном повторились события 50–47 гг., когда вождь одного из боспорских племен Асандр захватил власть в стране, убив законного владыку государства Фарнака и римского ставленника Митридата Пергамского. Таким образом, поход Полемона на азиатский Боспор вызван оппозицией местной знати, а умерщвление его, взятого в плен живым (*ζωρῆα ληφθεὶς ἀπέθανε*, Strabo, XI, 2, 11) — закономерным результатом ее стремления видеть на престоле своего представителя.¹ И в этом смысле связь между названием племени аспургиан и именем позднейшего царя Аспурга (14–38р) несомненна, тем более, что она подразумевается в рескрипте А из Горгииппии: в неспокойное время начала правления Аспурга, конкретно, во время поездки его в Рим город остался верным ему [Блаватская, 1965, с. 198, стк. 6/7; 1965а, с. 35/6; Блаватский, 1976, с. 59–60]. Если вспомнить указание Страбона об обитании аспургиан около Горгииппии, приверженность ее Аспургу становится вполне понятной. Создается даже впечатление, что само название племени стоит в связи с его именем (Латышев, Ростовцев производили их название от имени Аспурга), ибо первое упоминание о них дает Страбон, труд которого закончен во втором десятилетии I в., когда Аспург, видимо, был еще племенным вождем (см. ниже). Это известие Страбона прочно, так как известия о Полемоне Географ почерпнул из бесед с Пифодоридой [Braund, 2005, p. 254 f.].

Заметим попутно, что пленение Полемона вряд ли было результатом разбойничьего нападения аспургиан. Позиции Полемона были крепки на европейском Боспоре, судя по тому, что он мог оказывать помощь Херсонесу (IOSPE I² 704, *ср.* 419) и подавить Танаис (Strabo, XI, 2, 3). Убийство Полемона на азиатском Боспоре свидетельствует о слабости его позиции здесь. Вряд ли стоит полагать, что он выступил в поход на азиатский Боспор без крупных военных сил: по Страбону (XI, 2, 11), Полемон под прикрытием заключенного союзного договора с аспургианами хотел напасть на них, но был упрежден ими (*ср.* [Сокольский, 1976, с. 91, 93, 97] — разрушения и пожарища в слоях этого времени на таманских памятниках). Неудача его предприятия свидетельствует о сильной оппозиции племенной знати азиатского Боспора пришлому царю. *Vice versa* это означает, что местная племенная знать хотела видеть на престоле своего человека и устранение ею чужака Полемона, естественно, предполагает переход боспорского престола к ее

местного населения (синдов). Не исключено, что эти земли с пелатами были предоставлены аспургианам боспорскими царями наряду с другими привилегиями за их роль в династическом перевороте.

¹ Д. Браунд обратил внимание на бескомпромиссность аспургиан в отношении Полемона: парфяне взяли его в плен в 36 г. и отпустили. Лисимах попал в плен к варварам и был отпущен, тогда как аспургиане убили своего царственного пленника [Braund, 2005, p. 262].

ставленнику, каковой была Динамия. Яркое свидетельство ее связи с местной иранской средой, как сказано — ее эпитафия военачальнику Матриану. Аспургинская династия и Ахемениды каким-то образом были родственны: Митридат III по отцу был аспургинянин и ахеменид — по Диону Кассию (LX, 8, 2), он вел свой род от Евпатора (по матери Гепепирии он родственник фракийскому царскому дому). Ахемениды правили на Боспоре в лице Митридата Евпатора, Фарнака, Динамии (Асандр не был ахеменидом). Очень вероятно, что к этому дому принадлежал и Митридат II. Если считать изображения полумесяца и звезды, присутствующие на монетах парфянских царей, Митридата Евпатора, на отдельных монетах его понтийских предшественников и синхронной понтийской меди, эмблемой Ахеменидов, что вопреки А. Л. Бертье весьма вероятно [Голенко, 1969, с. 143], то, судя по типу меди ВАН со звездой и полумесяцем во все поле реверса, как на золотом Динамии 17/6 г. и монетах Орода II (ок. 57–37а), можно определенно считать Митридата II ахеменидом, который подчеркивал своей монетной эмблематикой родственную связь с Динамией. Ввиду отсутствия мужского потомства у Динамии по смерти царицы на престол взошел Митридат II, видимо, в качестве ее ближайшего родственника. Правление его было недолгим и основные вопросы дальнейшей династической истории Боспора группируются вокруг Аспурга.

Принадлежность этого царя к аспургинянам более чем вероятна: еще В. Н. Юргевич и В. В. Латышев справедливо указывали, что связь имени Аспурга с этнонимом аспургиня не случайна. Решающая роль аспургиня в возвращении престола Динамии (если даже она и не конфликтовала с Полемоном) поставила это племя в привилегированное положение, как кажется, царской гвардии: еще в III в. н. э. вторым должностным лицом в боспорской придворной иерархии был начальник аспургиня, хилиарх.¹ В почетной надписи в честь Аспурга КБН 40 и его вотиве из Фанагории [Кузнецов, 2006, с. 157] сказано, что он сын «царя Асандроха». Давно думают, что этот Асандрох и Асандр — одно и то же лицо (лит. [Гайдукевич, 1949, с. 540; Сапрыкин, 1985а, с. 66]). В таком случае Аспург приходился бы сыном Асандру: выражение КБН 40 Ἀσπούργος ὁ ἐκ Ἀσανδρόχου эквивалентно выражению Ἀσπούργος ὁ Ἀσανδρόχου (ср. КБН 31, 979: Δύναμις ἡ ἐκ Φαριάκου).²

¹ КБН 36. 16–17; в танаисской надписи 1248 времени Рескупорида III (210–226) начальник аспургиня следует в эпонимной датировке за царем. Свидетельства о «начальнике аспургиня» относятся к III в. — может быть, это случайность, но пока более ранних упоминаний данной должности нет.

² По мнению комментаторов КБН 40, выражение Ἀσπούργος ὁ ἐκ Ἀσανδρόχου однозначно может означать, что Аспург приходился сыном или потомком Асандроха, в подтверждение чего ссылаются на надписи КБН 44, 55 и др., в которых, однако, выражение ὁ ἐκ всегда стоит при прогнуме βασιλέω, т. е. указание на предков вытекает не из конструкции ὁ ἐκ, а из слова πρόγονοι «предки». Указание на предков вообще, а не отца или мать, передается предлогом ἀπό [LSJ, s. v., III, 1] (примеры в LSJ, s. v. ex, III, 2 при указании конкретного персонажа имеют в виду только прямых родителей). По Ю. Г. Виноградову [1994], выражение Ἀσπούργος ὁ ἐκ Ἀσανδρόχου указыва-

Между тем ряд обстоятельств заставил еще Бертье [1911, с. 196] и Кисслинга [Kiessling, Sp. 1628] усомниться в идентичности Асандра и Асандроха (поэтому неточно утверждение В. Д. Кузнецова [2006, с. 160], что в Асандрохе «все специалисты единодушно видят боспорского царя Асандра»). А. Л. Бертье указал, что погоня за рукой Динамии обусловлена бездетностью ее брака с Асандром. По аналогичному наблюдению В. А. Устиновой [1969, с. 61/2], единоличное правление Динамии после смерти Асандра свидетельствует об отсутствии наследника у царской четы. Полагаем, на это указывают и некоторые цифровые выкладки, частью сделанные уже Бертье. Поскольку Асандр умер в возрасте 93 лет, Аспург мог родиться самое позднее ок. 50–45а, ибо у мужчин способность к воспроизведению потомства исчерпывается к 60–70 годам.¹ Таким образом, Аспург умер бы в 38р в возрасте 80–90 лет. Хотя его портретные изображения на медных монетах не позволяют говорить о старческом возрасте царя, предположим, этот аргумент уязвим — на монетах Асандра, например, в течение четверти века портретное изображение царя оставалось неизменным [Зограф, с. 189]. Пойдем дальше и предположим, что сообщение Пс.-Лукиана о возрасте Асандра недостоверно. В таком случае существенней другой аргумент — к моменту смерти Аспурга в 38р сын его Котис был мальчиком не старше 10 лет: говоря о событиях 49р, Тацит (An. XII, 15) называет его iuventa rudem, т. е. в это время Котис был еще молодым человеком не старше 20 лет; следовательно, в данном случае пришлось бы предполагать его рождение на 50–60 году жизни Аспурга. Указанные обстоятельства приводят к заключению, что Аспург физически не мог быть сыном Асандра, откуда следует, что Асандрох, отец Аспурга, и Асандр — разные лица.² Не случайно, поэтому, другие надписи, поставленные царем, упоминают имя в форме Асандр, а не Асандрох (КБН 30, возможно, 913).

Имена Ἀσανδρος, Ἀσανδρος, Ἀσανδροχος различаются и этимологически.³

ет, что Аспург был приемным сыном Асандра, но не обосновал это и не случайно — этому противоречит аналогичное обозначение родных отца и деда Динамии.

¹ Аристотель (Pol. VIII, 14, 3) округлил до 70 лет; Тиберий добавил к одному из законов статью, впрочем, отмененную Клавдием, что 60-летний человек к воспроизведению потомства неспособен (Svet. Claud. 23).

² Ср. сомнение В. А. Анохина [1999, с. 117] в наших цифровых выкладках о возрасте.

³ Форму Ἀσανδρος в надписи из толоса Хрисалиска [Соколовский, 1976, с. 40] следует принимать такой, как она есть, а не исправлять на Ἀσ(ο)ανδρος, несмотря на ошибку в написании слова βασιλέως (к примеру, на одной из серий монет Селевка I в слове βασιλέως вместо эсилонна написана сигма [Голенко В. К., 1985, с. 51]). Имя Асандр греческое, имя Асандрох Л. Згуста неправомерно пытался объяснить как сложение греч. Ἀσανδρος и иран. vahu- «добрый», но предусмотрел и вариант с иранской основой, адаптированной к греч. Ἀσανδρος [Zgusta, 1955, S. 363/4]. Второе восприняли Ф. Хейзе [Huise, S. 178], С. Р. Тохтасьев [1994/5, с. 138/9]; верно сочтя Ἀσανδρος гречизированной передачей негреческого имени, последний усмотрел ее в имени Ἀσανδροχος: Ἀσανδρος + иран. vahu- «добрый» (это вариант этимоло-

Итак, царь Асандрох не идентичен Асандру. По мнению Кисслинга и Эндерсона, Асандрох был царем аспургиан [Kissling, Sp. 1628; Anderson, p. 268], согласно Е. С. Голубцовой [1951, с. 116] — царем Боспора, выпустившим золотые 9/8a — 7/8p. Аргумент Голубцовой — монограмма ΔМ, в которой она полностью вычитала имя Ασαδροχος, усмотрев в середине дель-ломаную альфу. Однако, как указал Бертье, бывшие в его распоряжении золотые монеты превосходной сохранности показывают, что следов перечной ломаной галсту альфы в треугольнике нет, это случайный сдвиг металла. Но если допустить все же, что в монограмме ΔМ первых 2-3 лет выпуска присутствует альфа, то в последующие 13-14 лет ее нет, что лишает возможности чтение Голубцовой. Этим, однако, вопрос о масштабах власти Асандроха не решается — он мог быть как племенным царем, так и царем всего Боспора, если связывать с царем, выпускавшим медь с монограммой ΒΑΜ, только эмиссию золота ΚΝΕ, а с Асандрохом, скажем, эмиссии с монограммами ΠΑΡ и ΠΑ. Точку зрения Кисслинга можно было бы поддержать тем, что Асандрох в надписи ΚΒΗ 40 назван просто царем, а не великим царем, как именовали себя боспорские правители от Асандра до Рескупорида, отца Савромата I. Однако отсутствие эпитета μέγας не служит аргументом в пользу племенного характера власти Асандроха — в генеалогической части титулатуры боспорских правителей он нередко опускался: например, в надписи ΚΒΗ 31 имевший титул «великий царь царей» Митридат Евпатор (ΚΒΗ 979) в генеалогической части титула Динамии назван просто «царем». Прояснить вопрос о масштабах власти Асандроха помогают некоторые обстоятельства воцарения Аспурга и его начальный чекан.

В горгиппийском рескрипте Α упоминается поездка Аспурга в Рим (стк. 7/8) [Heinen, 1998, S. 346 f.], результатом которой, по справедливому заключению Т. В. Блаватской [1965, с. 204/5], было утверждение его Тиберием в ка-

логии Згусты). Позднее С. Р. Тохтасьев дал хорошую иранскую этимологию — из *ālvandara- [Иванчик, Тохтасьев, 2009, с. 97, прим.]. Возможно объяснение имени Ασαδροχος и на основе хорошо аргументированного, на наш взгляд, мнения П. Кречмера [Kretschmer, 1944] и О. Н. Трубачева [1999, с. 15 сл.] об индоарийском характере языка синдгов (по крайней мере их части) — из санскр. asanā-dhāra «несущий (державший) стрелу ~ стрелодержец, стрелоносец» (это семантическое соответствие персидскому aštābāra «копье-носитель, стрелоносец», возможно, известному на Боспоре, см. с. 407). Имя Ασαδροχος выводим из санскр. āśva- «конь», vantaḥ «владелец, обладатель» = «обладатель коней, коневладелец» (семантический эквивалент греч. ἵπποκράτης). Греческая транскрипция древнеиндийской фонетики равнозначна записи иранских звуков ввиду индоиранского родства. Греч. -ο- тут передает санскр. -va- (как и иранское [Zgusta, 1955, S. 230]), интервокальное -v- элидируется, как в иранском [Расторгуева, Молчанова, с. 51]; санскр. ś (сходное с русским мягким ш) естественно транскрибируется через греч. σ: Σαρμᾶνα (Clem. Alex. Strom. I, 15, 71) = санскр. śarmāṇa «шраман, монах». Если все это так, синдское имя *Āśva-vantaḥ на Тамани употреблялось в прямой транслитерации Ασαδροχος и в форме, адаптированной к греческому имени *Ασαδρος (понятно, что на грекоязычном Боспоре последняя преобладала).

честве царя Боспора. Рескрипты датированы июлем 16p, но еще на первом золотом ауреусе Аспурга, датированном 311 г. б. э. (14p) и содержащем его монограмму ΒΑΡ, помещено изображение Тиберия. Таким образом, поездка Аспурга к Тиберию и утверждение его царем Боспора, как справедливо заключила Блаватская, должна быть датирована второй пол. 14-15 г. н. э. Приход Аспурга к верховной власти на Боспоре не был беспрепятственным. Из рескрипта Α явствует, что положение его на троне не было особенно прочным, ибо Горгиппия отмечается как город, оставшийся спокойным во время поездки Аспурга в Рим. Vice versa это означает, что какие-то другие области или города Боспора стали в оппозицию к нему [Блаватская, 1965а, с. 35/6]. Это обстоятельство само по себе может указывать, что переход власти на Боспоре не носил наследственного характера, о чем говорит и сама поездка за царским титулом в Рим (по мнению Б. Функа [1992, с. 85], Аспург захватил власть). Аналогичный вывод предполагает и начальный чекан царя. Первому золотому 14/15 г. н. э. с портретом Тиберия и монограммой ΒΑΡ соответствует недатированная медь с портретом того же императора, сопровождаемая легендой с его именем, и портретом Аспурга с той же монограммой ΒΑΡ. Но, как указал Бертье [1911, с. 157/8], этой регулярной меди Аспурга, оставшейся почти неизменной на протяжении всего его царствования при Тиберии, предшествует особый тип меди с головой Арея, трофеем и монограммой Аспурга ΒΑΡ. Ее хронологическое первенство перед регулярной медью Аспурга вытекает из редкости монеты, отсутствия царского изображения или надписи с именем Аспурга. Отсутствие портрета Тиберия указывает на выпуск ее перед началом правления указанного императора. Далее, почти полное сходство этой монеты с аналогичным типом меди с монограммой ΒΑΜ указывает, что Аспург пришел к власти непосредственно после выпускавшего ее царя М и незадолго до поездки в Рим, судя по большой редкости его первой эмиссии, которую помещаем поэтому в пределах 14 г.¹ Поскольку же Асандрох никак не идентифицируется с царем, выпускавшим медь ΒΑΜ, следует заключить, что отец Аспурга не был царем Боспора. Если учесть, что лояльность Горгиппии к Аспургу обуславливалась подписанием ее аспургианами, можно считать справедливым мнение Кисслинга, что Асандрох был царем аспургиан.

Мы отмечали, что со второго правления Динамии первостепенную роль в царстве стали играть аспургиане, а по смерти, вероятно, родственного ей ахеменида Митридата II целиком взяли власть в лице своего племенного царя Аспурга (если Митридат II не был аспургианином, Аспург мог ориентироваться своим первым выпуском меди на медь своего предшественника

¹ Тиберий пришел к власти в августе 14 г. На начало правления Аспурга в 14 г., а не 10/11 г. н. э., как часто считают, справедливо указала Н. А. Фролова [1979, с. 143]: поскольку в монетной практике Боспора I в. н. э. монограммы правителей одинаковы на золоте и на меди, воцарение Аспурга должно определяться выпуском золотых с его монограммой ΒΑΡ, тождественной на меди и золоте.

как ахеменид на ахеменида). Так как сын его Митридат III был аспургианско-ахеменидского происхождения, то и сам Аспург был аспургианином и ахеменидом. Ахеменидское происхождение Аспурга подтверждается его внутренней и внешней политикой, которая следует Митридату Евпатору: подтверждение закона последнего о наследования (рескрипт Б), поддержка традиционных связей с Херсонесом (IOSPE I² 573) и борьба со скифами европейского Боспора (подчинение скифов, тавров, явствующее из его титулатуры в надписи КБН 40). Разумеется, Аспург был ахеменидом через отца Асандра или мать, и здесь уместно вновь вспомнить о браках дочерей Митридата Евпатора с племенными вождями азиатского Боспора, которые умножили сонм обретающихся здесь Ахеменидов. В числе этих племенных вождей мог быть и царь аспургиан, предшественник Асандра и Аспурга, так что, вероятно, поддержка этим племенем Динамии, промитридатовские традиции деятельности Аспурга и в еще большей степени Митридата III восходят к родственным связям их предка, некоего царя аспургиан, с Митридатом Евпатором. Таким образом, правившая на Боспоре 3 века аспургианская династия была местным ответвлением ахеменидского дома. Но генеалогические связи аспургианских владык не ограничивались одними Ахеменидами — они породнились и с фракийским царским домом, инициатором этого важного династического акта был Аспург. Лет за 15 до смерти (судя по возрасту его сыновей Митридата III и Котиса I, см. ниже) Аспург женился на представительнице фракийского царского дома Гепеирии (обязательность ее царского происхождения вытекает из царского сана Аспурга; кроме того, имена их потомков — Котис, Рескупорид, Реметалк — даны по употребительному во фракийском царском доме именику). Из какой бы ветви этого дома не происходила Гепеирия, ее имя, как и имена ее сына Котиса и внука Рескупорида I, обнаруживают фракийскую направленность этой династической связи Аспурга.¹ Причины такой ориентации раскрывает титулатура правнука Аспурга Савромата I, воцарившегося всего лишь через полвека. Почетная надпись из Гермонассы КБН 1048 называет Савро-

мата «происходящим от Посейдона и Геракла».¹ В переводе на династическую генеалогию это означает, что Савромат по одной линии происходил от ахеменидов (Геракл — правнук Персея, его человеческий отец Амфитрион и мать Алкмена были внуком и внучкой Персея, родоначальника персов), а по другой — из фракийского царского дома (Посейдон — отец Евмолпа, родоначальника фракийцев, упомянутого в качестве божественного предка в титулатуре Рескупорида III КБН 53). Если в надписях мифические предки боспорских царей I-III вв. впервые упоминаются у Савромата I, то нумизматические данные и клейма показывают, что эта генеалогия была принята еще Митридатом III и даже Спартокидами в плане их происхождения от Посейдона. На меди Митридата III помещалось изображение палицы с львиной шкурой и трезубца, указывавшие на его происхождение от Геракла и Посейдона.² Это генеалогическая эмблема, поясняющая родственные связи Митридата III с ахеменидами и фракийскими царями. Всего интересней то, что боспорские Спартокиды возводили свой род к тому же Посейдону (изображение трезубца и дельфина на клеймах царской черепицы IIIa [Шкорпил, 1911, с. 41; Гайдукевич, 1933, с. 278; 1949, с. 55/6; Анохин, 1999, с. 208, № 140]). Удивительным образом спартокидский культ надолго пережил на Боспоре эту царскую династию — еще в надписи царя Тираниса (275-278 г.) упоминается попечитель святилища Перисада (ниже, с. 585). Причиной отправления культа обожествленного Перисада I (Strabo, VII, 4, 4) еще в III в. н. э. служила налаженная Аспургом через фракийский царский дом родственная связь аспургианско-ахеменидской боспорской династии со Спартокидами. Женитьбой на Гепеирии Аспург породнился с фракийским царским домом и тем самым дотянулся рукой до спартокидской боспорской ветви генеалогического древа фракийских царей.³ В результате этого акта аспургиане-ахемениды стали законными наследниками старинной царской династии Боспора — Спартокидов.⁴ Так, Геракл и Евмолп, происходившие

¹ Почетная фанагорийская надпись КБН 980, упоминающая в качестве божественного предка чествуемого царя Посейдона и в несохранившейся части Геракла, относится к Савромату I, см. с. 313.

² [Зограф, с. 197]. Атрибуты Геракла (палица с львиной шкурой) и Посейдона (трезубец, дельфин) присутствуют и на меди ВАЕ, но здесь такое разнообразие изображений на все вкусы [Бертъе, с. 135/9; Зограф, с. 195], что вряд ли стоит усматривать в них генеалогические намеки.

³ Аспурга связывал со Спартокидами и князь Сибирский [1877, с. 61/4], который полагал, что он был сыном Асандра. Его единственный аргумент в пользу спартокидского происхождения Аспурга: 93-летний Асандр родился в конце II в. до н. э. и мог принадлежать к еще правившим на Боспоре Спартокидам.

⁴ Тем не менее заслуживает внимания догадка Б. Функа [1992, с. 86], что принятием тронного имени Рескупорид (см. ниже) Аспург подчеркнул местное происхождение своей династии. Эта догадка подразумевает, что Аспург официально возобновил фракийский компонент Спартокидской династии. Удаление С. Р. Тохтаевым [1992] фракийского субстрата из Сев. Причерноморья несостоятельно ввиду наличия там древнего пласта фракийской гидронимии — Борисфен, Гипанис, Гипалия.

⁵ Гепеирия — фракийское по происхождению и узусу имя [Detschew, S. 106]. Ростовцев [1914, с. 21/2] предположил, что Гепеирия была внучкой Полемона I, дочь Антонию Трифены и Котиса III Сапея (это принимается поныне [Sullivan, 1979, p. 192; Seylan, Riti, p. 87; Тацева, 1995, p. 467]). У Трифены и Котиса были 3 сына — Реметалк III, Полемон II, Котис IV и дочь Пифодорида младшая (IGB I², p. 368, см. в конце очерка нашу стемму; другие стеммы рода [Сапрыкин, 1984, с. 148; Sullivan, 1979, p. 192; 1980, p. 928; Тацева, 1995, p. 466/7; PIR, VI, 232/3; PIR, G 168]). Мы согласны с Сапрыкиным [2000, с. 26] (к нему присоединился И. А. Макаров [2007, с. 68/9]), что Гепеирия — сестра Котиса III Сапея, дочь Реметалка I, но не потому, что монограммы Реметалка и Гепеирии сходны (как раз этого мы не видим), а по счету поколений: брак Трифены и Котиса имел место ок. 12-19 гг. н. э., тогда же и Аспург женился на Гепеирии; будь она их дочь, достигла бы брачного возраста ок. 30 г. Как раз монограмма ВАР на золоте и меди Аспурга, начиная с 14/5 г., полностью воспроизводит монограмму Реметалка I.

от разных богов — Зевса и Посейдона, но объединенные общей мифологией (Евмоли учил Геракла музыке, — *Theocr.* 24, 110), вновь встретились несколько веков спустя в монетной эмблематике Митридата III, в титулатуре Савромата I и Рескупорида II.

Женитьба Аспурга на представительнице фракийского царского дома не имела целью одно лишь, так сказать, облагораживание аспургинской родословной, она решала и актуальную политическую задачу: дети Полемона и Пифодориды могли претендовать на Боспор как удел их отца и поскольку такие права теоретически имела и Гепеирия как внучка Пифодориды, женитьбой на ней Аспург снял эту проблему [Сапрыкин, 1984, с. 152]. Однако решение вопроса о претензиях потомков Полемона I на боспорский трон, полагаем, еще раньше было условием воцарения Аспурга, на что указывает монограмма ВАР на всех его золотых статерах от 14/5 до 37/8 гг., также на меди. П. О. Бурачков [1884, с. 238] понял ее как βα(σιλέως) Ρ(οικυπτορίδος).¹ Это позволило считать, что имя Рескупорид (на наш взгляд, Реметалк, см. ниже) стало тронным именем царя, принятым уже в 14 г. Основной частью Фракии в это время правил Котис III Сапей, женившийся в 12-13 г. на дочери Полемона I и Пифодориды старшей Антонии Трифене, в связи с чем получил возможность претендовать на боспорский престол. Ничто, однако, не указывает на его претензии в этом отношении, но то, что уже в 14/5 г. Аспург принял тронное имя, начинавшееся на Ρ (его монограмма ВАР), свидетельствует, что такие претензии были у представителя фракийского царского дома по имени Ρ(--). Претендент на эту роль очевиден — Реметалк II (ок. 12-26), женатый на Пифодориде младшей, дочери Полемона и Пифодориды старшей [Граков, № 44] и потому потенциальный боспорский владыка. Отсюда можно заключить, что в 13/4 или 14/5 г. Аспург каким-то образом уладил с ним этот вопрос, а поездкой в Рим в 15 г. добивается и там признания своих прав на престол. Очевидно, что одним из условий предполагаемого соглашения Аспурга и Реметалка II была его женитьба на Гепеирии (возможно, сестре Реметалка II), через которую он породнился с фракийским царским домом и принял тронное имя Реметалк, отдав тем самым дань потенциальным Реметалка II в отношении боспорского

павириис, Пантикап и др. [Яйленко, 1991а, б, ср. Трубачев, 1968, с. 279]. Посвящение Аспургом статуи Эрота в фанагорийский храм Афродиты Апатуры [Кузнецов, 2006, с. 157] очень вероятно связано с его женитьбой на Гепеирии (на это может указывать то, что Афродита-Апатура была покровительницей боспорских царей [Яйленко, 1995, с. 236 сл.]) и тем самым свидетельствовать, сколь большое значение царь придавал этому браку.

Предположение Латышева [1909, с. 106], что в монограмме можно вычитать имя Аспурга, неправомерно, так как в это имя не вписывается буква В, и ее нельзя принять за сокращение слова βα(σιλέως), ибо на меди Аспурга есть легенда βασιλέως ВАР [Анохин, 1986, с. 151, № 321].

трона.¹ Поскольку царем Боспора оказался Реметалк, у Тиберия не могло быть возражений против интронизации Аспурга-Реметалка. Так как монограмма ВАР = βα(σιλέως) Ρ(οικυπτορίδου) установилась с 14/5 г., монограммы на золоте ПАР от 10/11 г. и ПА от 13/4 г., как обычно считают [Анохин, 1986, с. 90], раскрываются как ἀρχοντος. Ἀσπουργου.

Полагаем, с этим связан еще один существенный династический акт — появление у следующих за Аспургом боспорских царей имени Тиберий Юлий. В литературе по этому поводу высказывались две точки зрения: Аспург (или Котис I) принял имя Таберий Юлий либо в честь правящего императора, либо ввиду перехода в римское гражданство, что также влекло за собой принятие имени императора ([Ростовцев, 1989, с. 185] и лит. в комм. к КБН 50). Что касается Котиса, то сам он не мог сделать на первого, ни второго потому, что правил после смерти Тиберия. Для Аспурга подобный акт логично ожидался бы в связи с его поездкой к Тиберию, однако в рескриптах 15 г. и КБН 39, 985 от 16 и 23 гг. н. э. он не именуется Тиберием Юлием. Как наречение сына Аспурга и Гепеирии фракийским династическим именем Котис обусловлено фракийским происхождением матери, так и прибавленные к нему римский *nomen* и *praenomen* Тиберий Юлий обязаны ее влиянию, ибо фракийские цари носили имя Гая Юлия Цезаря — Гай Юлий Реметалк II, Юлий Реметалк III [Collart, p. 202/6; ISL 849] (первый двоюродный брат, второй сын Котиса III Сапея, предполагаемого отца или брата Гепеирии). Таким образом, Котис I мог получить личное имя (*praenomen*) Тиберий по правящему императору, а по матери родовое имя (*nomen*) Юлиев. По мнению А. А. Масленникова [1990, с. 163], дело обстоит проще — Аспург назвал Котиса Тиберием Юлием в честь правящего императора. С Котиса оно и переходило от наследника к наследнику на боспорском престоле.

Начало и конец правления Аспурга удивительным образом совпали с приходом к власти и смертью Тиберия. Как указывалось, судя по эмиссии меди с изображением Арея в шлеме, трофеем и монограммой ВАР, Аспург пришел к власти незадолго до начала правления Тиберия, вероятно, еще в том же 14 г. Ненадолго Аспург и пережил своего римского сюзерена — на его последних золотых от 334 г. б. э. = 37/38 г., т. е. чеканенных уже после смерти Тиберия 16 марта 37 г., по-прежнему помещался портрет Тиберия, хотя уже с 18 марта 37 г. правил Калигула [Бертье, с. 223/4, № 27-29; Анохин, 1986, с. 150, № 317]. Ко времени смерти Аспурга в 37/8 г. у него были два сына — Митридат III и Котис I. Эмиссия статеров с монограммой Гепеирии в год смерти Аспурга и следующий (334-335 гг. б. эры, 37/8-38/9 гг. н. э.), а также меди с легендой βασιλέως Γηπατιρέως может означать, что

¹ По мнению С. Ю. Сапрыкина [1984, с. 152], брак Аспурга и Гепеирии устроен Римом, который таким образом решил устранить претензии предполагаемой им дочери Динамии и Полемона I на боспорский трон. Догадка об этой дочери малообоснована и потому отвергнута Л. Петерсеном и К. Вахтелем [PIR, VI, p. 232/3, adn. 2 к стемме 22].

либо Аспургу наследовала его жена, поспешившая сразу по смерти мужа ознаменовать это собственным выпуском монеты [Фролова, 1977, с. 169; Анохин, 1986, с. 96], т. е. по примеру Пифодориды она оттеснила Митридата от власти, либо, по догадке Э. Миннза, Митридат и Котис не достигли совершеннолетия и Гепеирия была при старшем сыне регентшей [Minns, р. 601].¹ Второй вариант можно аргументировать следующими соображениями: Митридат представлен на своей меди молодым человеком [Анохин, 1986, табл. 12, № 330, 331], Котис же, по словам Тацита (Ап. 12, 15) в рассказе о событиях 49 г. н. э., был еще *iuventa rudem*, т. е. молодым человеком не старше 20 лет, родившимся, стало быть, лет за 10 до смерти Аспурга. На статус Гепеирии как регентши при Митридате указывает и кратковременность ее правления, а также медь с портретами обоих и легендами βασιλέως Μιθριδάτου, βασιλίσσης Γηπαίουρας.

Золотые монеты Гепеирии от 37/8-38/9 отличаются неординарной странностью — изображением Тиберия, хотя на троне уже год-другой сидел Калигула. Если помещение портрета Тиберия на золотых Аспурга от 37/8 г. еще можно бы объяснить выпуском их в самом начале календарного 334 г. б. э., т. е. осенью 37 г., то к золоту Гепеирии это неприменимо. Видимо, размещение портрета Тиберия было ее демаршем, поскольку в 37/8 г. Калигула передал Боспорское царство Полемону II (см. ниже). Скорее всего она продолжила демарш Аспурга, который демонстративно поместил на своем последнем золоте 37/8 г. портрет Тиберия, хотя трон уже не менее полугода был за Калигулой. Если принять вместе с В. А. Анохиным [1986, с. 94, 151, № 321] медь с портретом Аспурга и головой Афродиты Апатуры за последний выпуск Аспурга 37/8 г., это будет означать, что Аспург изображением богини-покровительницы царской власти на Боспоре (Афродита Апатура ввиду иранского происхождения боспорских царей — это Ардвисура Анахита, участница сцен инвеституры [Яйленко, 1995, с. 249]) подчеркнул тем самым свои права на престол независимо от решения римских властей. Ориентация меди Гепеирии на этот же тип [Анохин, 1986, с. 151, № 326], в свете отмеченной особенности ее золота, укрепляет догадку о демонстративном характере ее монетных эмблем. Вероятно, продолжая линию мужа на obstruction решению Калигулы, но опасаясь «подставить» сына в рискованном предприятии, регентша год-другой выпускала медь лишь от своего имени.² Если это так, первые золотые Митридата от 336 г. б. э. (39/40 г.) указывают на его совершеннолетие и разрешение вопроса с претензиями Полемона II.³ Гепеирия же и далее оставалась в полном здравии, поскольку

¹ Обстоятельства воцарения Гепеирии и ее положение на троне трактуются по-разному [Бертье, с. 162/3; Фролова, 1977, с. 166 сл.; Анохин, 1986, с. 95/6; Сапрыкин, 2002, с. 234 сл.].

² Асси со своим портретом и легендой βασιλίσσης Γηπαίουρας [Абрамзон, 1997а, с. 177, 182]; иначе В. А. Анохин [1999, с. 134].

³ Если Гепеирия была регентшей при несовершеннолетнем Митридате III, датой его рождения будет примерно 20 г. н. э.

ку в 45–46 гг. приняла деятельное участие в устройстве на боспорском троне другого своего сына Котиса.

Обоснуем сказанное хронологическими выкладками. Наделение Реметалка, Полемона и Котиса царствами (см. ниже) помещено у Диона Кассия (LIX, 12, 2) под 38 г., что подтверждается раскрытой Т. Рейнаком эрой правления Полемона II: монеты с 17 годом его правления известны с портретами Клавдия и Нерона, т. е. датируются октябрем 54 (смерть Клавдия) — 55 г., откуда явствует, что отправной точкой эры Полемона был 37/8 г. [Reinach, 1902, р. 147]. Первый год правления Полемона соответствует 334 г. б. э. (37/8 г.), т. е. октябрю — декабрю 37 г. и январю — сентябрю 38 г. (год вифинско — понт. — босп. эры начинался после сентябрьского солнцеворота, обобщенно считая, в октябре [Перл, 1969, с. 40]). Смерть Тиберия 16 марта 37 г. приходится на 333 г. б. э., так что монеты Аспурга от 334 г. с портретом Тиберия биты как минимум через полгода после его кончины, откуда следуют два важных хронологических вывода. Во-первых, Аспург скончался в окт.-дек. 37 или янв.-сент. 38 г. Во-вторых, поскольку как минимум уже полгода на троне сидел Калигула, это демарш Аспурга, и так как по времени он в точности совпадает с воцарением в Понте Полемона II, демарш связан с передачей последнему, по словам Диона, «отцовского царства», т. е. с Боспором включительно. Размещение Гепеирией портрета Тиберия на золотых и 335 г. показывает, что еще в 38/9 г. конфликт не был исчерпан, его завершение знаменует золото Митридата от 336 г. = 39/40 г. с портретом Калигулы.

Митридат III, судя по его родству с фракийским царским домом, что он, подобно своему брату Котису, афишировал изображением трезубца на меди, был сыном Гепеирии. Как брат Котиса, он считается сыном Аспурга (нет достаточных оснований сомневаться вместе с А. Л. Бертье [1911, с. 195] в известиях Диона Кассия (через Петра Парикия, см. ниже) и Тацита (Ап. XII, 18) о Митридате III и Котисе I как братьях). В этой связи обращает на себя внимание ольвийский почетный декрет IOSPE I² 38, в сткк. 3-5 которого Латышев восстановил имя Котиса I: [- Κότιν 'Ασπ]ουρου βα[σιλέα] μέγαν Βοσπόρου φιλοκαίσαρα καὶ φιλόπατριν «... Котиса, сына Аспурга, великого царя Боспора, друга цезаря и любящего отчизну». В титулатуре Котиса I, однако, эпитета φιλόπατρις не было — он унаследовал аспурговскую формулировку φιλοκαίσαρ καὶ φιλοῤῥμαῖος (КБН 69 etc.). В то же время Митридат III единственный из боспорских владык включал в свою титулатуру эпитет φιλόπατρις (КБН 1123). Следовательно, в указанном ольвийском декрете речь идет о Митридате III и в сткк. 3-4 нужно восстановить его имя: [- Μιθριδάτην 'Ασπ]ουρου, что указывает нам имя его отца.¹

¹ С. Ю. Сапрыкин [1988] ошибочно счел этот декрет изданным в честь частного лица, а не боспорского царя, о чем см. с. 279 и [Яйленко, 1987, с. 84/5, 9].

С 39/40 г. Митридат полностью берет власть в свои руки и выпускает от своего имени золотые статеры с изображением Калигулы на лицевой стороне и Ники на обороте. По примеру статеров Гепеирии золото Митридата снабжено надписью βασιλέως Μιθριδάτου. Известна и медь Митридата с его портретом на лицевой стороне и генеалогической эмблемой — лук в горите (старый спартокидский символ власти), палица Геракла с наброшенной на нее львиной шкурой (принадлежность к ахеменидскому дому) и трезубец (родство с фракийским царским домом). Другой тип его меди имеет на лицевой стороне портрет Митридата, на оборотной — Гепеирии, оба с подписями. Он может указывать на естественный переход власти к Митридату по достижении совершеннолетия. Другая серия меди с легендами βασιλέως Μιθριδάτου и βασιλίσσης Γηπαίριως указывает, что Гепеирия по-прежнему оставалась при власти, так что не исключено, что она прибегла к обычной хитрости полемонидских женщин — добилась частичной власти посредством «помощи» в управлении.¹

На годы правления Митридата III и Гепеирии обычно помещается эпизод династической истории, связанный с Полемоном II. В литературе встречаются указания, что этот Полемон был царем Боспора в 38–41 гг.² Однако Полемон II не только никогда не был царем Боспора, но и не претендовал на него. Рассмотрим связанные с ним источники. После убийства Котиса III Сапея в 19 г. н. э. его дядей Рескупоридом II Тиберий назначил царями котисового удела Фракии его малолетних сыновей Реметалка, Полемона и Котиса, к которым были приставлены римские регенты, фактически управлявшие страной (*Tac. An.* II, 67; III, 38; IV, 5). Сами дети воспитывались в Риме вместе с их сверстником и родственником Калигулой и практически до смерти Тиберия оставались не у дел. Лишь Калигула поставил их на царства, подарив, по словам нашего основного источника Диона Кассия (LIX, 12, 2), Котису Малую Армению, Реметалку фракийский удел Котиса III, По-

¹ Так, Пифодорида-старшая отгеснила от власти своего старшего сына; другому, Зенону, удалось лишь с помощью Германика взойти на армянский престол, но и тут мать ограничила его власть «помощью» в управлении (*Strabo*, XII, 3, 29). Третье чадо Полемона I и Пифодориды — Антония Трифена — пошла в матушку и добилась соучастия в управлении Понтом вместе со средним своим сыном Полемоном II, от чего уклонился старший сын, Реметалк, царь Фракии с 38 г., где Трифена и должна была по сути дела пребывать как вдовствующая царица-мать в уделе своего покойного мужа Котиса III.

² *PIR*, 1898, 3, р. 59. Обычно высказываются осторожней, что Полемон II получил наряду с Понтом и Боспор, но не утвердился здесь (например [Hoffmann, 1952, Sp. 1286]). По мнению Х. Вильриха, Калигула отдал Полемону Понт и азиатский Боспор, в то время как на европейском Боспоре правил Митридат [Willrich, S. 302/3]. Предположение о раздельном правлении Митридата и Полемона на разных берегах Керченского пролива восходит к Латышеву [*IOSPE* II, р. XLIII]. Другие мнения и лит. [Виноградов, 1992, с. 133/4; Анохин, 1999, с. 124/5].

лемону II царство его отца (πατρίαν ἀρχήν). В следующей книге Дион (LX, 8, 2) отмечает, что в 41 г. Клавдий подарил Митридату III Боспор, а Полемону II дал взамен некую часть Киликии. После обнаружения кизикского декрета в честь сыновей Трифены Реметалка, Полемона и Котиса уточнилось происхождение Полемона II — он оказался не сыном Полемона I, как сообщал Дион, а внуком (*Syll.*³ 798 = Граков, № 46).¹ В этом декрете пожалованные Калигулой сверстники названы владыками царств своих отцов и предков, т. е. Полемон II уже с 37/8 г. владел наследством деда, Полемона I. Последующая надпись (*Syll.*³ 799 = Граков, № 47), примыкающая к кизикским же декретам в честь сыновей Трифены и ее самой (*Syll.*³ 798; *IGR* IV 145, 147) называет Полемона II царем Понта (также *Tac. Hist.* III, 47), причем в декрете *Syll.*³ 798 сообщается о прибытии Реметалка и Полемона на празднество в Кизик, который Трифена избрала местом своего жительства. Все это свидетельствует о постоянном пребывании Полемона II в Малой Азии, тем более, что в 38–39 гг. на Боспоре правила Гепеирия, а в 39/40 г. Митридат III выпускает свои золотые с портретом Калигулы. Таким образом, о реальном правлении Полемона II на Боспоре не может быть и речи, о чем справедливо догадывался ряд исследователей. Но, может быть, Полемон мыслился в кизикском декрете *Syll.*³ 798 как царь Понта и номинальный царь Боспора: в соответствии с версией Диона Калигула отдал ему то и другое, однако наследники Аспурга не допустили его до правления у себя. Такая версия предполагает, говоря словами В. Ф. Гайдукевича [1949, с. 326], что «Митридат III, вопреки решению Калигулы, объявил себя царем Боспора». Однако изображение Калигулы на золоте Митридата материально противоречит подобной версии и следует признать, что Дион напутал не только с происхождением Полемона II, но и счел некую часть Киликии, полученную Полемоном от Клавдия, компенсацией за Боспор. Ошибся Дион и в сообщении о даровании Клавдием в 41 г. Боспора Митридату III: последний был здесь царем уже не менее полутора лет [Орешников, 1921, с. 2].²

¹ Первый кизикский декрет датируется тем же 37/8 г., см. *adn.* 6, 13 ad *Syll.*³ 798.

² [Яйленко, 1996, с. 218]: в почетной надписи из Херсонеса *IOSPE* I² 419 в честь Полемона I Ю. Г. Виноградов [1992; Vinogradov, 1997, S. 572] вычитал в последней строке по неясным очертаниям вершков 2–3 букв над изломом название провинции *Μυσίας* и вывел отсюда, что это не Полемон I, как обычно считали, а Полемон II. Ибо провинция образована в правление Тиберия. Отсюда он заключил, что, видимо, в правление Митридата III этот Полемон пытался овладеть боспорским престолом, в правление Митридата III этот Полемон пытался овладеть боспорским престолом при помощи соединенных сил провинции Мёзии и Херсонеса. Однако на камне нет не только букв, показанных Виноградовым фрагментированными, определенно не читаются даже буквы, показанные им целыми. Не помогает прочтению утраченной строки и приложенная им архивная копия. Достаточно сравнить его фотопрорись надписи [Vinogradov, 1997, Taf. 36, 2–3], чтобы убедиться, что показанные на прориси верхушки букв больше дорисованы, нежели имеются в наличии. Тем не менее домыслы Виноградова о Полемоне II попали в [PIR, VI, S. 230], хотя С. Ю. Сапрыкин [1993, с. 34, 2002, с. 239] резонно отверг их, указав в числе про-

Изложение эпизода с Полемоном II завершим объяснением той путаницы, которую допустил Дион Кассий в рассказе о нем (со времени Т. Моммзена констатировалась лишь сама ошибка, попыток же объяснить ее не было). Дело в том, что Клавдий предоставил в 41 г. Полемону II в дополнение к Понту часть Киликии (*Dio Cass. LX, 8, 2, cf. Jos. Phl. Ant. Jud. 20, 145*), некогда бывшую во владении Полемона I (*App. B. civ. 5, 75*), и такая комбинация свидетельств Иосифа Флавия и Аппиана, на наш взгляд, позволяет объяснить, почему Дион принял передачу Полемону II части Киликии Клавдием компенсацией за Боспор. Диону было известно, что Полемон II владел Понтом, а поскольку это был удел Полемона I, историк принял первого за его сына и на этом основании счел передачу Полемону II Понта Калигулой возвращением «отцовского царства» (*LIX, 12, 2*). Так как в удел Полемона I входил и Боспор, Дион принял передачу Полемону II Клавдием части Киликии, некогда принадлежавшей его деду (а по Диону — отцу) компенсацией за якобы отданный Митридату III Боспор, хотя в действительности Клавдий по приходе к власти в 41 г. лишь подтвердил права Митридата на боспорский престол, который он занимал еще при Калигуле, с 39/40 г.

Возвращаясь, таким образом, на Боспор. Митридат III был потомком Митридата Евпатора (*Tac. An. XII, 8; Dio Cass. LX, 8, 2*). Данные указанных авторов точны, так как все, что известно о Митридате III, обнаруживает преемственность с деятельностью Евпатора и Фарнака. Это не только общая антиримская направленность их внешней политики, но и одинаковая ориентация — дружеская или враждебная — в отношении одних и тех же этнических групп Боспора. Приведем случаи подобных совпадений. Фарнак вел враждебные действия против дандариев: он отвел русло Гипаниса и затопил их страну (*Strabo, XI, 2, 11*). Также Митридат III враждовал с этим племенем: он изгнал их царя и укрепился в тамошнем городе, население которого было настроено неблагоприятно к нему (*Tac. An. XII, 15/6*). Фарнак был в дружественных отношениях с царями сираков и аорсов, которые выставили ему соответственно 20 и 200 тысяч воинов (*Strabo, XI, 5, 8*). Митридат III в борьбе с римлянами опирался на тех же сираков во главе с царем Зорсином, а царь аорсов Евнон, хоть и воевал с Митридатом, сохранил с ним личные дружественные связи и спас его в конце концов от гибели (*Tac. An. XII, 18/9*). И вне Боспора имеются случаи сохранения политических традиций. Митридат Евпатор известен своими дружескими связями с Ольвией и Херсонесом, которым оказывал содействие различного рода вплоть до военной помощи (*IOSPE I², 35, 352*). Эти связи сохранены Фарнаком (см. ниже), Динамией (*I² 354*) и возобновлены Митридатом III (в ольвийском декрете *I² 38*, как сказано, речь идет о нем). Упоминание в почетных надписях в честь Динамии, поставленных боспорянами (*КБН 31*,

что, что размещение на золоте Митридата III портрета Калигулы свидетельствует о его официальном признании царем Боспора со стороны Рима; см. также критику В. А. Анохина [1999, с. 135/6].

979), ее происхождения от Фарнака и Митридата Евпатора указывает, что возобновление Митридатом III их политики не было реставрацией старины столетней давности — это была живая традиция Митридата Евпатора, перешедшая от Фарнака к Динамии, от нее к Аспургу и Митридату III (ср. в этом отношении последовательно сохранявшиеся Евпатором, Динамией и Аспургом дружеские сношения с Херсонесом, — *I² 352, 354, 573*).

Попутно разъясним вопрос о степени родственных связей Динамии и Митридата III. Встречающееся в литературе предположение, что Митридат III был сыном Динамии [Ростовцев, 1914, с. 25; Macurdy, p. 32] невозможно по хронологическим обстоятельствам. Асандр женился на Динамии либо до прихода к власти (см. выше), либо после этого с целью легализации своего положения, т. е. в любом случае ок. 50–47 г. до н. э. (возможно, как полагают, что именно ее Фарнак предлагал в 48 г. в жены Юлию Цезарю, — *App. B. civ. II, 91*). Иными словами в это время Динамия уже была в брачном возрасте. Портретное изображение на ее золотом статере 17/6 г. до н. э. указывает на ее немолодой уже возраст (по замечанию Н. А. Фроловой, это неопределенный возраст Монны Лизы). В целом эти данные согласно свидетельствуют, что Динамия родилась ок. 65 г. до н. э., примерно перед началом царствования Фарнака.¹ Следовательно, она вторично вышла замуж за Скрибония, а в 14 г. до н. э. за своего сверстника Полемона уже примерно в 50-летнем возрасте. Митридат же родился, как сказано ранее, ок. 20 г. н. э., откуда явствует, что он никак не мог приходиться Динамии сыном.

Митридату III принадлежат две эмиссии золота от 39/40 и 41/42 гг. и два типа меди [Анохин, 1986, с. 151; 1999, с. 137]. Следующая эмиссия золота была предпринята уже новым царем Котисом I в 45/6 г. На промежуток между этими выпусками приходится драматический эпизод династической истории Боспора, связанный с отложением Митридата от Рима, предательством и воцарением Котиса. Утеря части «Анналов» Тацита, в которой рассказывалось об этом эпизоде лишь отчасти восполняется кратким сообщением Диона Кассия, так что основной наш источник — вторая часть рассказа Тацита, повествующая о столкновении беглого царя Боспора с римлянами в восточном Приазовье (*An. XII, 15–21*). Причины восстания Митридата III против Рима кроются скорее всего не столько в стремлении боспорцев к полной автономии — уже вековая зависимость от «вечного города» сопро-

¹ [Голубцова, 1951, с. 100]. Носительниц этого имени известно немного. Одна из них встречена на Теосе, так что не исключено, что Динамия родилась в Фанагории, колонии Теоса и ставке митридатовских наместников, где ей было дано характерное для этого города имя. В любом случае показательное, что 3 из 7 боспорских надписей, связанных с Динамией, относятся к Фанагории (в Пантикапее их тоже 3, но одна из них связана и с Асандром).

XII, 19; 21) и, видимо, подобно Фарнаку, примкнувшему к Ороду II в его небезуспешной борьбе с Римом (наблюдение К. В. Голенко и П. О. Карышковского), он действовал с оглядкой на противостоявшего Риму парфянского царя Вардана (ср. *Tac. An.* II, 9–10). Прямым поводом для конфронтации послужили выпады личного характера со стороны Митридата против Клавдия (Ib. XII, 20).¹

В своих антиримских устремлениях Митридат столкнулся с противодействием Гепепирии и Котиса, как можно заключить на основании фрагмента Диона Кассия (LX, 28, 7), сохраненного в эксцерпте из «Истории» Петра Патрикия, автора VI в. н. э.² Данный фрагмент сообщает следующее: «Царь иберов³ Митридат задумал повернуть дело и стал готовиться к войне против римлян. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть задуманное, но продолжая свои приготовления, посылает брата Котиса послом к Клавдию с дружескими изъявлениями. Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем Иберии вместо Митридата». Мать этого рассказа — Гепепирия. Имея в виду официозно-боспорский характер источника данного сообщения Диона, можно сомневаться в том, что Митридат послал Котиса в Рим в качестве посла с целью прикрыть словесными заверениями свои приготовления к войне. Скорее всего, хотя на этом настаивать нельзя,

¹ В. А. Анохин [1999, с. 138/41] не без оснований счел, что римляне использовали амбиции Митридата как предлог для активного вмешательства в дела Зап. и Сев. Причерноморья. Подробно исследовал вопрос о римско-боспорском конфликте В. А. Горончаровский [2003; 2003а, с. 169 сл.], мы же дадим тут краткий синопсис источников.

² О принадлежности эксцерптов из Петра «Римской истории» Диона см. [Boissevain, р. XIX]. Дион уделял большое внимание войнам Митридата Евпатора и Фарнака с Римом (36–37 и 42 книги), упоминал и последующие события, происходившие на Боспоре при участии римлян. В 60 книге, излагающей события времени Клавдия (до 46 г. н. э.), упоминается между прочим передача Митридату III власти на Боспоре (под чем следует подразумевать подтверждение его прав на престол). Последующие эпизоды борьбы Митридата с Римом также нашли отражение на страницах «Истории» Диона, но они не сохранились, за исключением указанного фрагмента. Дион Кассий, естественно, пользовался более ранним источником для освещения боспорских дел, но определить последний ближе не представляется возможным. Ясно лишь одно — этот источник имел безусловно проримский характер и отражал официальную боспорскую версию, сфабрикованную в царствование Котиса I с целью придать благовидность его предательским действиям по отношению к брату. Тацит же, напротив, пользовался источником, лишенным официозного боспорского налета, что просматривается в его словах о Котисе как предателе и враге Митридата (*An.* XII, 18).

³ Еще Момизен отметил, что в данном случае Патрикий спутал иберийского Митридата с боспорским — все последующее изложение событий не оставляет сомнений на этот счет [Mommsen, 1894, S. 291]. В. Буассевен в комментарии к данному фрагменту указал, что это ошибка скорее самого Петра, нежели эпитоматора.

Котис был послан в Рим матерью, поскольку было очевидно, что раскрытие антиримских замыслов Митридата Клавдию влекло за собой передачу боспорского престола Котису (не сочлась ли таким образом Гепепирия со своим старшим сыном?) В данном эпизоде привлекает внимание ярко выраженный антагонизм между Митридатом и Гепепирией — Котисом. На одном полюсе — возрождение традиций Митридата Евпатора, борьба против римского господства, на другом — ярко выраженная верноподданническая ориентация на Рим, вынесенная Гепепирией из фракийского царского дома. В любом случае, можно говорить о двух тенденциях в династической истории Боспора, начиная с Аспурга: иранской антиримской и фракийской проримской.

На основании сообщений Диона Кассия и Тацита падение Митридата происходило следующим образом. Котис выезжает в Рим и раскрывает враждебные римской власти приготовления брата; Клавдий назначает его царем Боспора (*Dio Cass.* LX, 28, 7), а наместник Мезии Авл Дидий с войском является на Боспор. Митридат, по-видимому, терпит поражение и скрывается в Восточном Приазовье, царская власть полностью переходит к Гепепирии и Котису, находившемуся еще в юношеских летах, который ознаменовывает свое воцарение эмиссией золотых статеров с монограммой ВАК, датированных 342 г. б. э. = 45/6 г. Следовательно, Котис ездил в Рим между 42–45 гг.¹

Хотя Митридат был низложен, его антиримская деятельность продолжалась еще несколько лет. Ближайшая его цель состояла в возвращении боспорского престола силами племен азиатского Боспора. Бежав к савроматам Восточного Приазовья, родственным мидянам (*Plinii* Н. п. VI, 5; *Solini* 15, 18), Митридат, видимо, становится царем этого племени (иначе объяснить возникновение названия *Μιθριδάτου χῆρα* у *Ptol.* V, 8, 3 не могу; по К. Мюллеру, это Дандария [Müller, 1901, *comm. ad l. c.*]). Собрав войско, Митридат низложил царя дандариев, пребывавших на границе азиатского Боспора, но Котису и начальнику оставленных на Боспоре небольших римских сил удалось поднять против него мощное племя аорсов (*Tac. An.* XII, 15), видимо, враждовавших в это время с верными Митридату сираками. В совместном походе римлян, боспорцев и аорсов была разгромлена основная база Митридата Сиракена (Ib. XII, 16–17). Столь же неудачливый полководец, Митридат после разгрома своих сил, сколько и его предки Евпатор да Фарнак, Митридат после разгрома своих сил препоручил себя царю аорсов Евнону, который выговорил у Клавдия пощаду изгнаннику и отправил затем в Рим (Ib. XII, 18–21). Там через 23 года по низложению Митридат участвовал в заговоре Нимфидия и казнен в 68 г. (*Plut. Galba*, 15).

¹ Это промежуток между последними золотыми Митридата и первыми Котиса. С. Ю. Сапрыкин [2002, с. 247] принимает 41–42 г. и полагает, что Митридат отправил Котиса в Рим. По нашему мнению, мать и брат вряд ли могли не знать о замыслах Митридата и пытались бы его отговорить, поэтому Митридату была известна позиция Котиса, так что возможность его предательства была очевидной.

Так закончилась последняя попытка боспорских Ахеменидов освободиться от римского господства. Воссевший на престоле ценою предательства Котис во всем демонстрировал свою верность Риму и был за это отличен почётными (и вместе с тем стандартными) дарами римского сената, которые он изображал на своих монетах — курульное кресло, венок, скипетр, бюст императора. Однако конец его погружен во тьму: последний выпущенный им золотой статер датирован 359 г. б. э. = 62/3 г., тогда как сын его Рескупорид вступил на царство лишь в 68/9 г. Мы видели, что предательство Фарнака по отношению к своему отцу было отмщено судьбой. Не исключено, что подобная участь постигла и Котиса I, предавшего брата.

Изложенные данные позволяют составить нижеследующую хронологическую таблицу правлений боспорских царей рассматриваемого времени с сопутствовавшими им монетными эмиссиями, а также родословную стемму.

Хронологическая таблица правлений боспорских царей, монетные эмиссии

Время	Царь	Золото	Медь
Послед. десятилетие II в. до н.э. — 63 г. до н.э.	Митридат Евпатор	Статеры после 88 г. до н. э. [SNG, Sammlung Aulock. Bd. I, т. I, 5]	—
? Конец II в. — 83 г. до н.э.	Наместничество одного из сыновей Митридата	—	Наместническая медь [Зограф, с. 187/8]
79–65 г. до н.э.	Наместничество Махара	—	то же
65–63 г. до н.э.	Непосредственное правление Митридата на Боспоре	—	—
63–49/8 г. до н.э.	Фарнак	Статеры 55/4–51/50 [Golenko, Karyszkowski, p. 26; Анохин, 1986, с. 76/7]	—
49/8–22/1 г. до н.э.	Асандр (первые 3 года архонт, 26 лет царь)	Статеры 29 лет правления	Медь архонтского периода
21/20 — весна 14 г. до н.э.	Динамия в ранге великой царицы (муж Скрибоний) ¹	Статеры 21/20 и 17/6 гг.	—
14–9 г. до н.э.	Полемон I (жена Динамия, примерно с 13 г. Пифодорида)	Статер ?	BAE ?

¹ В. А. Анохин [1986, с. 80] выделил правление Скрибония в 16/5–15/4 г.

Время	Царь	Золото	Медь
9/8 г. до н.э. — 7/8 г. н.э.	Динамия (второе правление в ранге царицы)	ΔΜ	BAE
8/9–9/10 г. н.э.	Митридат II (царь М?) ¹	KNE	BAM ?
?10/11–37/8 г. н.э.	Аспург (тронное имя с 14/5 г. Реметалк)	ΠΑΡ, ΠΑ, ΒΑΡ	ΒΑΡ
37/8–38/9 г. н.э.	Гепеирия как регентша	Монограмма имени	βασιλεύς Γηπειρίας
39/40–45/6 г. н.э.	Митридат III	βασιλέως Μιθριδάτου	βασιλέως Μιθριδάτου
45/6 — между 62/3–67/8	Котис I	ΒΑΚ	ΒΑΚ

Стемма²

Ахемениды:

Митридат I Евпатор

Махар Фарнак

Аспургиане:

Асандр — — — Динамия — — — Полемон I — — — — — Пифодорида старшая

Митридат II (Царь М)

Асандрох

Аспург — — — Гепеирия

Митридат III Котис I

Зенониды:

Полемон εὐσεβής, династ Ольбы времени Тиберия, царь Армении в 38–40 гг. [Яйленко, 1981a]

Зенон, царь Малой Армении (13 – ок. 35 гг.)

Антония Трифена — — — Котис III Сапей, царь части Фракии ок. 12–19 гг.

Реметалк III, царь Фракии, 38–46 гг.

Полемон II, царь Понта с 38 г., царь Ольбы с 63 г.

Котис IV, царь Малой Армении с 38 г.

Пифодорида младшая

Приложение. Вторая надпись Пифодорида.

С. Ю. Сапрыкин и Н. Ф. Федосеев [2009, с. 138–147] опубликовали фрагмент надписи, в которой ясно читается лишь имя Пифодорида и дважды слово βασιλεύς. Они дали фото, прорись, реконструировали текст, на основе

¹ На 8/9–9/10 гг. В. А. Анохин [1986, с. 89 сл.; 1999, с. 129/31] поместил правление царя KNE (KAE ?), на 10/11–13/4 гг. первое правление Аспурга, на 13/4 г. третье правление Динамии.

² Условные обозначения: — родители, дети; — — — брачная связь

которого построили исторические выводы, однако данное ими восстановление текста надписи возможно лишь отчасти, а усмотренное ими историческое содержание странно. Это фр. мрам. плиты, оббитый со всех сторон, выс. 15, шир. 16, толщ. 5,5 см (рис. 14, 14а). Сохранившиеся буквы: ΣΙΛΕ- | ΧΛΟΥ ΚΑ | Γ/ΤΟΥ ΒΑΣ | ΥΦΟΔΩΡ | ΑΥ. Текст и пер. издателей:

[Ἐπερ τοῦ ἐκ βασιλέως βασιλέων μεγάλου Ἀσανδρόχου καὶ βασιλισσῆς Δυναμίας Ἀσπούργου βασιλέως τοῦ Βοσπόρου, Φιλομήτωρ, Πυφωδωρὶς Φιλομήτωρ, βασίλισσα τοῦ Πόντου], Αὐτοκράτορα Τιβέριον Καίσαρα Θεοῦ Σεβαστοῦ υἱὸν Θεοῦ Σεβαστὸν τὸν ἑαυτῆς σωτῆρα καὶ εὐεργέτην]

«(За происходящего от) царя (царей Великого) Асандроха и (царицы Динамии) Аспурга, царя (Боспора, друга римлян), Пифодорида (Филометора, царица) Понта, статую Автократора (Тиберия Цезаря, сына бога Августа, Бога, Августа, своего спасителя и благодетеля поставила)».

Рис. 14. Вторая надпись Пифодорида (фото С. Ю. Сапрыкина, Н. Ф. Федосеева)

ΣΙΛΕ
ΧΛΟΥ ΚΑ
Γ/ΤΟΥ ΒΑΣ
ΥΦΟΔΩΡ
ΑΥ

Рис. 14а. Вторая надпись Пифодорида (пропись С. Ю. Сапрыкина, Н. Ф. Федосеева)

Издатели отметили [с. 144/6], что после гибели Полемона в 8/7 г. Пифодорида осталась вдовой с 3 детьми, владея доставшимся ей огромным доменом, который включал Боспор, Колхиду и Понт. Она пребывала в Гермонассе, где поставила надпись в честь супруги Августа Ливии (выше, с. 237), чем надеялась снискать благосклонность императорской четы в утверждении ее правительницей этих обширных земель. Однако Август не спешил с утверждением ее боспорской царицей, так как популярностью на Боспоре пользовался Аспург, победивший Полемона и имевший законные права на престол как сын Асандра и Динамии. В конце концов он нашел компромисс: в 3/2 г. санкционировал брак Пифодорида с царем Каппадокии Архелаем, на Боспоре же правил Аспург. Переходя к новой надписи, издатели сочли,

что она поставлена царицей Понта Пифодоридой в столице Боспора Пантикапее после прихода к власти Тиберия в связи с постановкой ею его или Августа статуи в ознаменование утверждения римлянами Аспурга царем в 13 или 14 г. н. э. Это произошло, очевидно, в 13–15 г., когда понтийская царица вновь посетила Боспор уже в качестве правительницы соседнего государства. Ее визит и постановка статуи знаменовали окончательный отказ Полемонидов в лице царицы Понта и ее детей от притязаний на власть над Боспором. «Это означало признание Аспурга законным царем, несмотря на то, что ранее он сместил и убил Полемона I, добившись изгнания с Боспора его вдовы Пифодориды и ее детей. Таким образом, Пифодорида сделала примирительный жест, означавший поддержку политики Рима в Причерноморье, где Тиберий создавал стабильную сеть вассальных государств». Посещение Пифодоридой Пантикапея могло быть связано со свадьбой Аспурга и Гепепирии.

На мой взгляд, интерпретация надписи глубокоуважаемыми коллегами ошибочна в ряде отношений. Сначала рассмотрим эпиграфическую сторону вопроса. По их мнению [с. 139], надпись «относится к числу почетных... Для этого обычно использовалась традиционная для римского времени формула ὑπερ τοῦ ἐκ + gen. или ἐπὶ τοῦ ἐκ + gen.» (пример первой формулы они увидели в посвящении фиаса КБН 75). В приведенной цитате все неточно. На самом деле формула ὑπερ τοῦ + gen. свойственна посвященным надписям, каковой и является КБН 75 (кстати в ней нет предлога ἐκ), тогда как почетные надписи строятся по аккузативной конструкции. Формула ἐπὶ τοῦ (ἐκ) + gen. вообще не имеет отношения к посвящениям — это элемент эпонимной датировки по правящему царю [Доватур, 1965, с. 828 § 4]. Странна и возникшая из этого ситуация — посвящение сделано за Аспурга, а ставится статуя Тиберия, тогда как в эпиграфической практике, в том числе боспорской, вотивы ставятся за то лицо, которому сделана посвященная надпись (например, Динамия поставила вотив за Августа, — КБН 38).¹ Стк. 1–5 в чтении издателей посвятельная надпись, стк. 5–7 почетная; поскольку текст стк. 5–7 на 99 % дополнен (лишь в стк. 5 сохранились левые усики двух инсилонов да альфа), его надо полностью удалить, если считать их понимание и дополнение стк. 1–5 резонным. Иначе говоря, надпись должна заканчиваться эпитетом Φιλομήτωρ в стк. 4, и она по типу посвятельная — Пифодорида ставит вотив за Аспурга, сына Асандра и Динамии. Однако и в этом случае возникают проблемы: такому пониманию документа противоречит здравый смысл — Пифодорида делает посвящение за Аспурга, который убил ее мужа Полемона и завладел его царским титулом, добился изгнания самой Пифодориды и ее детей, по существу отнял у нее большую часть мужского наследства, а у детей отцовского. По удалении с Боспора Пифодориде достались Колхида, понтийские города Трапезунт, Фарнакия и прилегаю-

¹ Если надпись почетная, ставится статуя этого же лица: так, Динамия (КБН 978) и Пифодорида (ее первая надпись, см. с. 237) поставили статуи Ливии.

щие земли тибаренов и халдеев; старший сын остался без ничего, помогая матери управлять, а младший лишь спустя много лет получил Великую Армению (Strabo, XI, 2, 18; XII, 3, 29). Согласно же концепции издателей, все это Пифодорида простила Аспургу и ради чего — она поддержала де-строительство Тиберием стабильной сети вассальных государств. Конечно, все бывает в жизни, жены порой выходят замуж за убийц своих мужей, но это крайние ситуации и для допущения их следует иметь более определенные доказательства, нежели реконструированный текст надписи.

В реконструкции издателей ряд элементов невозможен. В посвящениях и почетных надписях сначала упоминается имя лица, за которого оно делается, затем упоминается его отец или оба родителя (к примеру, в посвящении за Динамию КБН 31 сначала указано ее имя, затем имена и титулы отца и деда), издатели же дополнили наоборот — сначала имена и титулы родителей царя, затем его имя Аспург. У Асандра не было пышного титула «царь царей» («царь царей Великий Асандрох» у издателей), см. с. 226. Недоказуема и давняя идея С. Ю. Сапрыкина, что Аспург был сыном Асандра и Динамии (см. с. 255). Сохранившийся текст слишком мал для исторической реконструкции издателей. Если придерживаться реалий, то царицы ставят посвященные или почетные надписи в честь своих мужей, императоров да их жен как благодетелей. Так, Динамия чествовала Августа и Ливию (КБН 38, 978). Откуда появились Асандрох и Аспург понятно — издатели увидели эти имена за остатками ΧΟΥ стк. 2 и ΓΟΥ ΒΑΣ стк. 3. Такое понимание текста возможно при ряде условий: 1) царь Асандрох идентичен царю Асандру, соответственно Аспург — сын царя Асандра; 2) имея права на престол, Аспург тем не менее согласился с решением Августа поставить царем на Боспоре Полемона; 3) брак 50-летнего Полемона с пожилой Динамией был фиктивным, имея целью лишь легитимизировать положение Полемона на Боспоре; фактически супруги образовали два враждебных лагеря; его реальной женой на Боспоре была молодая Пифодорида; 4) в сложившейся ситуации противоборства Полемона и Динамии Аспург поддержал первого, за что и был почтен посвящением в храм от лица Пифодориды. Условие 1 спорно,¹ условие 3 вероятно,² условия 2, 4 могут вытекать из второй надписи Пифодориды, но не имеют поддержки со стороны внешних данных. Как видим, и с этой стороны понимание издателями надписи не имеет хороших оснований. В связи с этим, полагаем, следует отказаться от усмотренной ими экзотики в виде имен Асандроха и Аспурга, и понимать надпись в качестве обычного для эпиграфики посвящения, для чего существуют все основания. В стк. 2, как отметили сами издатели [с. 141], можно читать не только ΧΟΥ, но и ΔΟΥ; со своей стороны заметим, что возможно и ΚΟΥ, а в стк. 3 читается не только ΓΟΥ, но и ΤΟΥ — часть горизонтали Т видна и слева от вертикали (о чтении стк. 5 см. выше). На основании этих остатков можно понять посвя-

щение Пифодориды естественным образом — царица ставит посвящение за своего мужа, царя Полемона. И это все, что определенно следует из ее надписи, так как вследствие скудости сохранившегося текста он может быть дополнен разными лексическими средствами, употребительными в вотивах. Иначе говоря, вся текстуальная «начинка» дается исключительно *exempli gratia*. С этой оговоркой восстанавливаем надпись так:

[ὑπὲρ βα]σιλέ[ως Πολέμονος ἐκ τοῦ
στό]λου κα[ταγωγῆς εὐδαίμονος
ἡ Πόν]του βασ[ίλισσα καὶ γυνὴ αὐ-
τοῦ Π]υθοδώρ[ις ἀνέθηκεν τὴν εἰ-
κόνα τοῦ αὐ[τοῦ πο]θεν δει[ν]

«за счастливое возвращение царя Полемона
из военного похода царица
Понта и жена его
Пифодорида посвятила изображение
его самого такому-то (богу)».

Дополняем в строке по 25–26 букв. Конструкция посвященных боспорских надписей Ia — Ip включает такие элементы: за кого посвящен вотив (ὑπὲρ τοῦ δεῖνος), мотивация (за победу и пр.), кто поставил, какому боже-ству (иногда посвяtitель упоминается на первом или последнем месте, имя божества на первом или втором месте). Из близких по времени боспорских памятников таково посвящение за Динамию КБН 31. Если вотив поставлен за царя, обычна формула ὑπὲρ βασιλέως τοῦ δεῖνος. Текст стк. 2 Χ / ΔΟΥ ΚΑ дает нам повод дополнить в качестве мотивации постановки вотива [στό]λου κα[ταγωγῆς εὐδαίμονος] «за счастливое возвращение из военного похода». Подобную лексику дает надпись Птолемея III (246–222), в которой в числе прочего говорится о его походе во владения Селевкидов и возвращении в Египет: ἐξεστράτευσεν... στόλον... καὶ καταγαγόντες [Michel, 1239]. Страбон (XI, 2, 3) упоминает поход Полемона на Танаис, завершившийся разгромом города; если наше дополнение верно, возвращение из этого похода могло быть причиной постановки вотива Пифодоридой. К ее титулу [ἡ Πόν]του βασ[ίλισσα] ср. указание Страбона (XII, 3, 29), что она царствовала (συνεβασίλευσεν) вместе с Полемоном.¹ Хотя Географ не уточняет, в Понте или на Боспоре, ранее 13–12 г., когда она вышла замуж за Полемона (выше, с. 235), царского титула у нее не было. На первый взгляд, в ее царском титуле фигурировал и Боспор, т. е. следовало бы дополнить [ἡ Πόν]του βασ[ίλισσα καὶ Βοσπό]ρου Π]υθοδώρ[ις], однако с этим у нее были какие-то проблемы, судя по отсутствию царского титула в ее гермонасском вотиве. Скорее всего это было связано с тем, что титул царицы Боспора был у Динамии, поэтому Пифодорида обходилась лишь титулом царицы Понта. Этими соображениями и вызвано наше ни к чему не обязывающее в историческом плане дополнение βασ[ίλισσα καὶ γυνὴ αὐτοῦ] «царица и жена его». Такое выражение обычно (например, в посвящении Птолемея III и жены его Береники: βασίλισσα Βερεῖκη ἡ ἀδελφὴ

¹ Что Асандр и Асандрох не идентичны, см. с. 255.

² См. подробней, с. 234 сл. и Сапрыкин, 2002, с. 90–136].

¹ Источником этих и прочих сведений Страбона о Полемоне была Пифодорида [Braund, 2005, p. 254 f.].

καὶ ὑπὲρ αὐτοῦ [Michel, 1234]).¹ Обычна и постановака вотива женой за мужа.² В посвящениях, как правило, упоминается имя божества, которому принесен дар, оно ставится в дат. падеже (например, Ἀφροδίτῃ КБН 31), реже употребляется выражение ἐν τῷ ἱερῷ (ἱερῶν) + gen. имени бога; у нас возможны оба варианта.

Все изложенное имеет в основном предположительный характер ввиду небольшой сохранности текста надписи.³ Предложенным чтением я хотел показать прежде всего, что для ее понимания есть иные возможности сравнительно с неприемлемой в ряде основных положений интерпретацией почтенных издателей. В заключение обратим внимание на странное обстоятельство — камень для надписи царицы изначально был дефектным, с поврежденной лицевой поверхностью: в слове стк. 1 [βα]σιλέ[ως] разрыв между иотой и ламбдой на 1 букву, также в стк. 2 между λου и κα, показывает, что тут до нанесения надписи проходил скол. Вряд ли под вотив царицы в Пантикапее не нашлось небольшой целой мраморной плиты — может быть, за этим стоит негативное отношение мастеров к пришедшей царской чете.

¹ Все вопросы с титулом «царица Понта» сняло бы чтение в стк. 3 τοῦ βα[σιλέως], но это требует перекомпоновки текста в целом.
² Например, [Michel, 1201] (Кария, ок. 200а), ср. [Ib. 1097]: царь Лисимах ставит статую Адеи, жены брата.
³ Например, возможен вариант с постановкой вотива «за всецелую победу царя Полемона: ὑπὲρ βα[σιλέως] Πολέμονος νείκης τῆς | καθόλου καὶ —, на Боспоре такковы вотивы КБН 32, 33 за Котиса II (о постановке КБН 32 за Котиса II, а не Савромата I, см. с. 504), 36 за Тираниса. Еще один такой вариант: ὑπὲρ βα[σιλέως] Πολέμονος | στόλου καὶ τῆς νείκης | ἡ Πόντου βασίλισσα κтл.].

ТИТУЛАТУРА БОСПОРСКИХ ЦАРЕЙ

I в. до н. э. — I в. н. э.

Титулатура Митридата Евпатора открывалась пышной ахеменидской формулой βασιλεὺς βασιλέων μέγας и на Боспоре представлена в нимфейском декрете в его честь (с. 199): βασιλεὺς βασιλέων μέγας Μιθριδάτης Εὐπάτωρ Διόνυσος, вероятно, с факультативными титулами местного значения Σωτήρ καὶ Εὐεργέτης.¹ О титулатуре Фарнака К. В. Голенко и П. О. Карышковский высказали мнение, что легенда «великий царь царей» на его монетах 55/54–51/50а обязана кратковременному стечению политических обстоятельств. Они сочли, что Фарнак не унаследовал титул от отца, но позаимствовал его сразу после смерти носителя титула «великий царь царей» Тиграна Великого, своего родственника. Через несколько лет этот титул стал собственностью парфянского царя Орода II, и в силу общих интересов Парфии и Боспора в борьбе против Рима, в которой Ород достиг серьезных успехов, Фарнак после 51/50 г. отказался от своих притязаний на титул «великого царя царей».² Мы полагаем, что Голенко и Карышковский правильно подметили ориентацию Фарнака на действия Орода, но получение титула «в. ц. ц.» Фарнака не было связано с наличием титула у Тиграна: еще П. Сэндс увязал наличие данного титула у боспорских царей с их властью над местными племенными царями [Sands, p. 73], так что Фарнак унаследовал его от своего отца, который, как показывает новонайденная нимфейская надпись, именовался этим титулом и на Боспоре, вследствие чего у нас нет оснований искать источник получения титула Фарнаком не на Боспоре, а в другом месте. Сменивший же на боспорском престоле Фарнака Асандр не был связан происхождением ни с ним, ни с Евпатором и потому ограничивался титулом «великий царь» (с. 226). Помимо монет, есть еще один документ — бирка от сосуда с вином, именующая Фарнака «великим царем царей».³ Ес-

¹ Краткий обзор титулатуры царей от Митридата Евпатора до Савромата I [Nawotka, 1989].

² [Golenko, Karyszkowski, p. 31/4; Карышковский, 1985, с. 572 сл.]. Дальнейшее развитие этой идеи [Виноградов, Молев, Толстиков, 1985, с. 595 сл.].

³ Выше, с. 215 и [Яйленко, 1985а, с. 624 сл.]. Пользуюсь случаем отметить две опечатки в указанной книге: на с. 658, стк. 16 сверху вместо «дополнительно» следует читать «доподлинно», а на с. 659, стк. 14 сверху вместо «царя» читай «отца».

ли принять точку зрения Голенко и Карышковского, то и надпись Фарнака КБН 28 (возможно, также 29) и указанную бирку, словом, все дошедшее до нас от этого царя, нужно относить к пятилетию его правления между 55/54–51/50 гг. Поскольку иных оснований для этого нет, полагаем в связи с вышеизложенным, что Фарнак унаследовал вместе с действительно широкой властью Митридата над племенным миром Боспора и его титул «в. ц. ц.». Нельзя вместе с Голенко и Карышковским понимать этот титул в качестве «вещи», существующей в единственном экземпляре и переходящей из рук в руки между парфянскими, армянскими и боспорскими царями, поскольку в III в. н. э. им обладали в одно и то же время парфянские Сасаниды и пальмирские цари [Шифман, 1977, с. 288]; ок. 77 г. наряду с Митридатом Евпатором этот титул имели Тигран Великий и греко-бактрийский царь Мауэс [Тагн, р. 322] (подробней выше, с. 203/4). Хотя Помпей дал Фарнаку звание «друга и союзника римлян» (*Arp. Mithr. 113: φίλον καὶ σύμμαχον Ῥωμαίοις*) [Функ, 1992, с. 80], последний ввиду антиримских убеждений не пожелал включить эпитет *φιλωρῳμαῖος* или *φιλοσύμμαχος* в свой титул. После Фарнака титул «в. ц. ц.» надолго исчез из титулатуры боспорских владык, вплоть до Савромата I (КБН 45, 1048).¹ Связь между его иранским, вновь появившимся после Митридата III, именем, прервавшим ряд фракийских имен предшествующих царей (Котис I, Рескупорид I), и восстановлением титула «в. ц. ц.» не случайна, хотя основная причина его возрождения крылась в больших успехах Савромата в борьбе с врагами Боспора.

Правивший после Фарнака Асандр сначала был по примеру Спартокидов архонтом Боспора, но после получения царской власти принял титул *βασιλεὺς μέγας Ἀσανδρος φιλωρῳμαῖος* (монеты, КБН 30 и с. 227). Прибавление эпитета *φιλωρῳμαῖος* говорило не только о лояльности Асандра к римским властям, но и о зависимом от них политическом положении Боспора.² Динамия дополнила свой титул эпитетами *εὐσεβής* «благочестивая» и *μεγίστη* «величайшая» (КБН 38; IOSPE I² 354). Эпиграфические памятники Полемона из Боспора еще не найдены, в херсонесских надписях он поименован своим понтийским титулом *βασιλεὺς Πολέμων εὐσεβής* (IOSPE I² 704, *ср.* 419), что говорит о перерыве в развитии боспорской титулатуры, вызванном появлением пришедшего царя. Аспург, а может быть уже Митридат II,³ продолжили линию Динамии и Асандра. В надписях времени Аспурга происходит постепенное наращивание элементов титулатуры царя. Начальная стадия отражена в новонайденном вотиве Аспурга из Фанагории [Кузнецов, 2006, с. 157]: *βασιλεὺς Ἀσπούργος φιλωρῳμαῖος, ὁ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου*, в рескриптах 16р и манумиссии КБН 985 отсутствует указание на царя-отца, что обусловлено харак-

¹ Также в надписи КБН 980 речь идет о Савромате I (см. с. 313).

² По Б. Функу [1992, с. 82 сл.], этот титул, напротив, указывает на известную самостоятельность Боспора.

³ Предположительно, подразумеваем под ним царя, бывшего монету с легендой ВАР, см. с. 248.

тером документов, но представлен эпитет *μέγας βασιλεὺς μέγας Ἀσπούργος φιλωρῳμαῖος*. Этот титул был у Аспурга, судя по его рескриптам 16 г., около этого времени. В посвящении КБН 39 от 23 г. указание на царя-отца скорее всего присутствует (см. с. 493) и титулатура расширена титулом *βασιλεύων* + топонимы и этнонимы. Эта титулатура была у Аспурга между 16–22 гг. При Аспурге возрождается спартокидская традиция перечисления подчиненных местностей и племен, что указывает на прочную внутреннюю политическую стабилизацию Боспора, впервые утвердившуюся после потрясений конца II–I вв. до н. э. Ок. 22 г. титулатура дополняется элементом *φιλόκαισαρ* и приобретает окончательный вид: *βασιλεὺς Ἀσπούργος φιλωρῳμαῖος, ὁ ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῳμαῖος, βασιλεύων* + топонимы и этнонимы (КБН 40, близость ее вотиву КБН 39 указывает на дату ок. 22 г., см. с. 492).

В титулатуре Митридата III, как и всей его деятельности, резко просматриваются антиримские тенденции. Устоявшаяся в правление Асандра, Динамии и Аспурга царская титулатура резко преобразуется. Митридат отказался от неприемлемого для него титула *φιλωρῳμαῖος* и заменил его менее одиозным *φιλοσύμμαχος* в паре с почетным *φιλόпатρις* — *βασιλεὺς Μιθριδάτης φιλοσύμμαχος (?) καὶ φιλόпатρις* (КБН 1123; IOSPE I² 38, стк. 3–5).¹ В противоположность Митридату Котис, поставленный на трон римским оружием, не только сохранил в своей титулатуре прежнюю формулу *φιλόκαισαρ καὶ φιλωρῳμαῖος*, но, учредив на Боспоре культ Августов, становится его пожизненным первосвященником [Nawotka, p. 335]. Без начальной части титул

¹ Так, в копии А. В. Орешникова с горгиппийского камня из рыбницкого собрания князя Сибирского (сейчас копия находится у меня — Орешников вклеил ее в свой экземпляр IOSPE II). Латышев в этой надписи (IOSPE II, 400 = КБН 1123) от 338 г. 6. э. = 41/2р читал *βασιλέως [Πολέμωνος] φιλογεμα[ι]κοῦ καὶ φιλοπατρίδος*. Вопрос о существовании надписи в двух разнящихся по титулатуре Митридата копиях рассмотрела А. И. Болтунова [1954, с. 168 сл.], которая усмотрела на камне два текста — первоначальный (он отражен в рыбницкой копии) и подновленный, сделанный после того, как его опубликовал А. Стефани в 1860 г., но до осмотра Латышевым в 1880-х. И. А. Левинская и С. Р. Тохтасьев [2005, с. 185] также сочли, что надпись подновлена. Не видев подлинника, не беремся определенно судить о состоянии текста, но само поновление надписи странно, так как это могли сделать только в Эрмитаже, где она хранится с 1859 г., чего с другими надписями не случилось. Латышев пишет, что камень поступил в Эрмитаж в 1859 г. из собрания князя Сибирского, но Орешников (1855–1933) списал надпись в Рыбницах. Вся эта темная история требует нового специального изучения. У меня сложилось впечатление, что надпись существовала в двух копиях (подобно КБН 1246 и 1248, одна из которых *ἀντίγραφοι*), в которых титулатура Митридата, находившаяся в 41 г. еще *in statu nascendi*, различалась, отражая реальные ее изменения. Изготовление копии манумиссионного акта обычно в делопроизводстве римского времени [Calderini, p. 259 f.], поэтому нельзя согласиться с Б. Надалем [1958, с. 144], что в установлении текстологии этой надписи надо исходить лишь из эрмитажного камня. О содержании титула *φιλόпатρις* [Функ, 1992, с. 87 сл.].

его звали так: βασιλεὺς Τιβερίος Ἰούλιος Κότις φιλόκαισαρ καὶ φιλορώμαιος, εὐσεβὴς (КБН 69, 1124), ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου (КБН 41). Титулатуру Котиса целиком восприняли последующие боспорские цари, которые варьируют лишь начальную часть. К сожалению, начало титулатуры Котиса не засвидетельствовано (надписи КБН 69, 1124 — манумиссии, имеющие свою вводную эпонимную формулировку, почетная надпись КБН 41 фрагментирована). Тем не менее, можно определенно полагать, что Котис носил традиционный для царей Боспора от Митридата Евпатора до Аспурга титул «великий царь» (с. 495). Носил его, видимо, и сын Котиса I Рескупорид I,¹ а со времени его внука Савромата I, документированного большим количеством надписей, он встречается постоянно. Таким образом, поскольку титул βασιλεὺς μέγας со времени Митридата Евпатора является неизменным элементом титулатуры боспорских владык I в. до н. э. — II в. н. э., его следует восстанавливать также в титулатуре Котиса I.

АГРИППИЯ, КЕСАРИЯ И ДРУГИЕ АВТОНОМНЫЕ ПОЛИСЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

1. О времени переименования Фанагории в Агриппию и Гермонассы в Кесарею

В двух фанагорийских надписях упоминается ὁ δῆμος ὁ Ἀγριππέων «народ агриппейцев», который поставил почетные надписи в честь Динамии и Савромата I или Котиса II (КБН 979, 983); с полной уверенностью этникон ὁ Ἀγριππέων дополняется при τῇ βουλῇ καὶ ὁ δῆ[μος] в почетной надписи в честь Котиса II КБН 982 от 130 г. Наконец, эпитафия КБН 1051 от 307 г. н. э. из Гермонассы поставлена «Алексарту, лохагу агриппейцев» от имени «архонтов кесарей» (о такой интерпретации ее стк. 7 см. ниже). Также есть серии медных монет с легендами Ἀγριππέων и Καισαρέων, давно увязанные с этниконами указанных надписей. Немаловажный вопрос о времени переименования городов до последнего времени подробно не разбирался в нашей литературе, в результате чего даже констатировалось некое «единодушное мнение исследователей, согласно которому переименование городов и начало чекана городской меди относится к 14 г. до н. э., когда Август назначил царем Боспора понтийского царя Полемона I» [Голенко, 1971, с. 44]. По мнению Н. А. Фроловой [1978, с. 56/8], переименование боспорских городов весьма вероятно имело место в начале периода растущего авторитета и власти Агриппы меж 17–12 гг., до назначения им Полемона царем Боспора в 14 г., а монеты с этниконом агриппейцев и кесарейцев могли чеканить в 13–12 гг., что косвенно подтверждается общим у них и римских монет с именем Агриппы изображением проры; эта городская медь не выпускалась позднее 12а, так как даже в самом Риме позже сего года монеты с именем Агриппы неизвестны.¹

¹ Переименованию боспорских городов посвящены недавние специальные заметки С. И. Болдырева [1999] и В. И. Денисовой [2000]. По справедливому мнению Болдырева, переименования состоялись не ранее 13 г. и не позднее марта 12а, но его вывод, что это случилось уже после смерти Полемона спорен. Болдырев пересчитал клады с монетами Агриппии и Кесарей и пришел к известному уже выводу [Зограф, с. 194/6], что они поступили в обращение не ранее меди ВАН (она самая ранняя в кладах). Но медь ВАН обычно связывается с Полемоном, явившимся на Боспор в 14 г. (выше, с. 245), так что это обстоятельство — лишь *terminus post quem* для переименования городов. Два других аргумента Болдырева: Страбон, труд ко-

¹ В надписи КБН 1118 в честь Рескупорида I восстановление βασιλέα μέγαν довольно уверенно, в КБН 980, как сказано, речь идет не о нем, а о Савромате I.

Как же в действительности обстоит этот вопрос? Ввиду отсутствия прямых свидетельств время переименования Фанагории в Агриппию справедливо ставится в связь с переименованием других городов в честь Марка Випсания Агриппы. В старых работах В. Отто, Ю. Ассмана, в том числе и таком монументальном труде, как «Август и его время» В. Гартхаузена, высказывалось мнение, что переименование иудейского города Анфедона в Агриппию (Агриппиаду) и фригийского Амория в Випсанию произошло еще при жизни Агриппы как свидетельство признания его выдающихся деяний на Востоке. Однако в 1933 г. М. Рейнхольд четко показал, что переименование городов в Агриппию имело место только после смерти Агриппы. Об Анфедоне Иосиф Флавий несколько раз сообщил, что он был отстроен и переименован в честь Агриппы Геродом, но даты этого события не привел (Bell. Jud. I, 87, 118, 416; Ant. Jud. XIII, 357). Ее указал Евсевий — 11 г. до н. э. (Euseb. Hist. Chron. p. 167 Helm). В армянской версии хроники Евсевия речь идет о восстановлении Анфедона в 13а, но о переименовании не упоминается (Euseb. Chron. Vol. II, p. 142 Schöne). Поскольку под этим же годом в армянской версии отмечено, что Август стал Великим понтификом, ее указание о восстановлении Анфедона следует относить к 12а, когда принцепс получил названный титул. Также «Пасхальная хроника», восходящая частью к IV, частью к VII в. н. э., датирует переименование Анфедона в Агриппию годом смерти Агриппы — 12а (Chronicon paschale, p. 367: консульство Валерия Мессалы и Сульпиция Квинрина). Что касается фригийской Випсании, то Рейнхольд указал, что обитатели Амория в период ранней империи не называли себя Οἰψάνιοι вопреки У. Ваддингтону и В. Гартхаузену, которые сделали это заключение на основании некоторых монет города [Gardthausen,

того же завершено во втором десятилетии I в. н. э. 8 раз упоминает Фанагорию и не знает ее как Агриппию; происходящее из римского колумбария первой трети I в. н. э. надгробие посла Гедика [Moretti, 1972, № 567] тоже называет его фанагорийцем. Эти соображения интересны, но могут показывать лишь то, что новое название города Агриппия применялось только в официальных документах (КБН 983, 1051) и на монетах, а в остальном Фанагория удержала свое историческое название. Заметка Денисовой направлена на опровержение ряда устоявшихся в литературе положений и как раз малая обоснованность ее критики показала правильность оных. Неоправданно большое место в ее аргументации занимает ошибочная привязка Стемпковским надписи КБН 1051, упоминающей архонтов Агриппии и Кесареи, к Фанагории — давно признано, что надпись гермонасская, а вопрос об архонтах решается иначе (см. ниже). Неверно, что в надписи КБН 983 сомнительно прочтение ст. 6 буквы ΑΓΡΙΠ без каких-либо утрат. Апелляция к поздней дате монет Агриппии и Кесареи В. А. Анохина игнорирует совместное их нахождение в кладах с монетами ВАС, которые тем же Анохиным соотнесены с датированным золотом 9-10 вв. Предложенному Денисовой решению — монеты могли быть средством выплаты Боспору в первой пол. I в. н. э. — противоречит дата почетной надписи КБН 979, поставленной агриппейцами в честь Динамии, т. е. не позднее 8 г. н. э.

S. 739/40; Reinhold, p. 134]. Другие монеты свидетельствуют, что это была одна из групп населения — члены рода Випсаниев (не вольноотпущенники), утвердившиеся в Амории, так что толкование монетной легенды как этника ошибочно: город назывался Аморией, а не Випсанией [Reinhold, p. 134; Head, p. 665]. Был еще город Agrippenses в Вифинии (Plin. N. h. V, 149), но кроме названия о нем ничего не известно.

Эти материалы показывают, что нет данных о прижизненных переименованиях городов в честь Агриппы. Напротив, имеется точное указание хроник на мемориальное переименование Анфедона в Агриппию близким другом покойного иудейским царем Геродом в 12-11 г. до н. э. [Hanslik, Sp. 1269]. Агриппа умер в марте 12а [Reinhold, p. 126], так что переименования скорее всего имели место в год смерти полководца. Это обстоятельство позволяет отнести переименование Фанагории в Агриппию Полемоном, получившим власть на Боспоре из рук Агриппы, к тому же времени, и любая другая датировка этого события (к примеру, [Roddaz, p. 463 f.]: до 13а) беспочвенна. Совместное обращение монет с легендами 'Αγριππέων и Καισαρέων показывает, что одновременно с Фанагорией новое название Καισαρεία получил и другой боспорский город, согласно распространенному в литературе мнению, Пантикапей (напр. [Гайдукевич, 1949, с. 317, 458; Heinen, 1996, p. 86]). Мы думаем, Кесареей стала Гермонасса, что рассмотрим далее.

2. Фанагория-Агриппия и Гермонасса-Кесарея

Эпитафию КБН 1051 от 307р из Гермонассы поставили бывшему управителю царских земель Андронику и сыну его лохагу Алексарту (полный текст ее см. ниже). Выражение стк. 7/8 'Αγριππέων Καισαρέων ἀρχόντες в соответствии с догадкой А. В. Орешникова, что между этниками гаплографически опущено καί, обычно понимается как «архонты Агриппии (и) Кесареи» (перевод КБН; комментаторы приняли вставку, поэтому должны были ввести его в текст надписи: 'Αγριππέων (καί) Καισαρέων). По нашему мнению, вставка излишня. Прежде всего представляется правильным мнение Э. Дилля, что находка надписи в Гермонассе свидетельствует о связи этника Кесареян именно с этим городом, т. е. в Кесарею была переименована Гермонасса, а именно Агриппия Фанагория [Diehl, 1940, S. 349]. Диллю возразил А. Н. Зограф [1951, с. 193]: «Пантикапей и Фанагория выступают параллельно в чеканке монеты, часто одного и того же типа, в течение всего I в. до н. э., со стороны же Гермонассы такое первое выступление на нумизматическом горизонте в это время было бы совершенно неожиданно». Мнение Зографа основательно и с нумизматической стороны логично увязать монету Καισαρέων с Пантикапеем, но ничто не исключает возможности эмиссии меди от имени Гермонассы — это «неожиданно», но возможно по причине следующего. Никто, кроме В. А. Анохина и В. И. Денисовой, не сомневается в том, что эмиссия меди с легендами 'Αγριππέων и Καισαρέων стоит в связи с предпри-

нятым в 124 (см. выше) переименованием двух городов Боспора в Агриппию и Кесарею. Это означает, что выпуск данных монет имеет мемориальный характер (что обычно в нумизматике) и, следовательно, мог быть связан с любым боспорским городом, получившим новое название Кесарея. Мемориальный по своему характеру, чекан Кесарей-Гермонассы по всей видимости был связан с общиной гермонасситов лишь формально — идентичность этой меди Агриппии и Кесарей («стиль и фактура обеих групп совершенно тождественны», как и номинал [Зограф, с. 193]) позволяет предполагать, что все они чеканились на фанагорийском монетном дворе. Эпизодическое выступление Гермонассы на «нумизматическом горизонте» имеет прецеденты в кратковременной чеканке монеты Нимфеем (все одного типа, но разных номиналов), монет с легендой $\Sigma\upsilon\delta\omega\nu$, причем в последнем случае также скорее всего наблюдается использование синдской городской общиной иногороднего монетного двора (ср. [Зограф, с. 169; Грач, 1972, с. 136 сл.]). Известны и другие случаи пользования иногородним монетным двором: например, скифские цари Фарзой и Инисмей били свою монету в Ольвии, а фракийские династы прибегали к услугам греческих городов Фракии.

Обратимся теперь к эпиграфическим данным. В интересующем нас плане любопытна дистрибуция почетных надписей в честь римских императоров на Боспоре: 5 найдены в Пантикапее (КБН 38, 41, 47, 48, 52), 1 в Фанагории и 2 в Гермонассе (КБН 978, 1046, 1047). Что касается Фанагории, то присутствие здесь почетной надписи Динамии в честь Ливии хорошо объясняется особой близостью дочери Фарнака к этому городу [Латышева, 1981, с. 104 сл.]. Вероятно, даже ее имя связано с Фанагорией: аналог редкого женского имени $\Delta\iota\mu\alpha\tau\iota\varsigma$ засвидетельствован в метрополии Фанагории Теосе, где так называлось место заседаний магистратов (DGE 710 B, ср. 726. 29 сл.). Итак, культ римских императоров отправлялся боспорскими царями в Пантикапее и Гермонассе, в столице и провинциальном городе, особая роль которого в этом культе определялась тем, что в нем находился Καίσαρεϊον «храм Цезаря» (КБН 1050).¹ Хотя Кесареон упоминается не ранее II в. н. э., присутствие в Гермонассе почетных надписей в честь Августа и Беспасиана, поставленных Динамией и гермонасситами при Рескупориде II (КБН 1046, 1047), дает основание отнести время его возникновения к правлению Динамии. Важно наблюдение Н. А. Машкина [1949, с. 533], что титул Августа в надписи Динамии $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma\ \gamma\eta\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ [\pi\alpha\tau\epsilon\rho\varsigma]\ \theta\alpha\lambda\acute{\alpha}\sigma\sigma\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu$ носит «литургический» характер, он употреблялся только в надписях неофициальных, связанных с частным культом Августа. Стало быть, отправлявшийся в гермонасском Кесареоне при Динамии культ Августа и Ливии имел приватный характер (в дальнейшем он видоизменился, см. ниже). В Пантикапее же,

¹ Храм упоминается и в найденной в пос. Тамань надписи 590 г., поставленной Евпаторием, который перестроил «этот знаменитый на Боспоре Кесарион» ($\tau\acute{o}\delta\epsilon\ \tau\acute{o}\ \kappa\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu\ \epsilon\nu\ \text{Βοσπορῷ}\ \text{Κεσάρειον}$). У В. В. Латышева [1896, с. 109; 1909, с. 211]) чтение $\kappa\alpha\iota\ \gamma\epsilon\acute{\alpha}\rho\iota\omega\nu$ и пер. «славное на Боспоре кесарское здание».

на наш взгляд, был свой Кесареон — храм, в котором отправлялся официальный культ римских императоров (ср. [Блаватский, 1985, с. 192/3]). В источниках он не упоминается, но его существование вытекает из того факта, что все 5 пантикапейских надписей в честь императоров (КБН 38, 41, 47, 48, 52) найдены на одном месте — в пределах снесенной в 1827/9 гг. гурецкой крепости.¹ Концентрация надписей в одном месте (в античное время здесь был расположен порт Пантикапея) указывает, что в древности базы с надписями и статуями Августа, Нерона, Адриана и Марка Аврелия стояли рядом в посвященном им храме. Изображенный на монетах Котиса I пятиколонный храм на подиуме, с легендой $\text{Κατ}\epsilon\ (\tau\acute{o}\lambda\iota\omega\nu)$ [Блаватский, 1964, с. 161/3], видимо, и есть искомый Кесареон, средоточие официального культа римских императоров в столице Боспорского царства (лит. [Назаров, с. 158 сл.]). Эта идентификация тем более вероятна, что на римском Капитолии происходили народные собрания; также и в Пантикапее первых веков н. э. рядом с Кесареоном — Капитолием располагалась агора, место народных собраний (в районе Предтеченской площади [Сазанов, 1985, с. 172]). Также наличие Кесареона в Пантикапее явствует из титула боспорских царей «пожизненный первосвященник Августов».² Первым титул $\acute{\alpha}\rho\chi\iota\epsilon\rho\epsilon\upsilon\varsigma\ \tau\acute{o}\nu\ \Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\acute{o}\nu\ \delta\iota\alpha\ \beta\iota\omicron\upsilon$ включил в свою титулатуру Котис I (КБН 41), на монетах которого и появляется упомянутый Капитолий, строителем которого, стало быть, он и был. Однако наличие в комплексе эпиграфических памятников отсюда статуи Августа с надписью Динамии, как и в случае с гермонасским Кесареоном, позволяет думать, что и пантикапейский Кесареон был основан ею, а расширен Котисом. Таким образом, Динамия ставит статуи Августа в Пантикапее и Гермонассе в основанных ею храмах для отправления культа римского принцепса — в Пантикапее официального, в Гермонассе приватного; культ его жены Ливии царица отправляет в своем родном городе Фанагории. Поставить эти статуи она могла как в первый период своего правления в 17/16–15а, так и во второй, после смерти Полемона в 9/8а. В пользу гипотезы М. И. Ростовцева о втором правлении Динамии говорит, помимо прочего (с. 234 сл.), и тот факт, что от ее единоличного правления до нас дошло 7 надписей (КБН 31, 38, 978, 979, 1046; IOSPE I² 354, также надгробие Матиана, с. 239), которые никак нельзя вместить в краткий период ее первого правления. Это обстоятельство склоняет к мысли, что деятельное участие царицы в основании культа Августа и его жены на Боспоре — а возведение храма требует времени большего, чем полтора года — приходится на второй период ее правления, т. е. имело место года 2–3 спустя после переименования в 12–11а двух боспорских городов в Агриппию и Кесарею. Этот комплекс со-

¹ Она включала в себя церковь Иоанна Предтечи и место будущего дома Месаксудии, см. план этой крепости 1771 г. в Москве, Военно-исторический архив, фонд 349, опись 18, дело 15.

² Ср. [Цветева, 1979, с. 131]; об обязанностях первосвященника [Millet, 2000, S. 519 f.].

бытий — переименование городов в честь Августа и его зятя, эмиссия монет Агриппии и Кесарии по этому случаю, наконец, постройка статуй Августа и его жены в Пантикапее, Гермонассе и Фанагории — определенно указывают, что в Кесареях Пантикапея и Гермонасса отправлялся культ Цезаря Августа. Таким образом, по наличию храма Цезаря Августа и Пантикапей и Гермонасса одинаково могут претендовать на переименование в Кесарею (Цезарею). Рассмотрим свидетельства надписей на этот счет.

Гипотеза о переименовании Пантикапея в Кесарею не находит подтверждения в надписях и это обстоятельство само по себе свидетельствует против нее — в эпиграфике боспорской столицы не засвидетельствованы ни название *Καισαρεία*, -ον, ни этникон *Καισαρείς*. Более того, гермонасская надпись в честь Савромата I КБН 1048 поставлена от имени лица, именующего себя *Παντικαπαιεύς*, и это означает, что Пантикапей либо вообще не переименовывался в Кесарею, либо это его новое название не удержалось и уже в конце I — начале II в. н. э. предано забвению. Между тем имеющиеся примеры утраты городом своего нового проримского названия показывают, что на это уходили столетия [Ранович, с. 140]. Иная картина вырисовывается из гермонасской надписи КБН 1051.¹ По мнению ее комментаторов, «из упоминания в надписи архонтов Агриппии (и) Кесарии отнюдь не следует, что они имели какое-либо прямое отношение к городу Гермонассе. Согласно объяснению Гайдукевича, надпись свидетельствует лишь о том, что в Гермонассе были похоронены бывший наместник царской резиденции и его сын-лохаг; можно думать, что они были уроженцами этого города. О сооружении здесь надгробного памятника крупным сановникам Боспорского царства, видимо, позаботились власти двух столиц Боспора — Агриппии и Кесарии, т. е. Фанагории и Пантикапея». Конечно, в соответствии с мыслью Гайдукевича, бывшему управляющему царских земель и его сыну лохагу могла быть оказана почать быть похороненными на общественный счет, но странно, что, по его интерпретации, стелу ставили архонты Пантикапея и Фанагории, а не Гермонассы, где покойные погребены. Нет необходимости считать вместе с комментаторами КБН, что этот монумент поставлен архонтами двух городов — Агриппии и Кесарей: это необычный для Боспора и редкий для греческой эпиграфики случай. На наш взгляд, достаточно поставить в стк. 6/9 запятую между *Ἀγρίππειων* *Καισαρείων*, чтобы получить удовлетворительное чтение: *Ἀλεξάρτης* *λοχαγῶς* *Ἀγρίππειων*, *Καισαρείων* *ἄρχοντες* *τῆν* *στήλην* *κτλ.* «Алексарту, лохагу агриппейцев, архонты кесарейцев поставили стелу», т. е. Алексарт был лохагом агриппейцев, стелу же поставили архонты кесарейян.² Нет ничего удивительного в том, что гермонасситы оказали почести офи-

¹ Предварительно заметим, что надпись Ia КБН 495 с этниконом *Ερμωνασεῖτης* находит аналогии также в датированных надписях вт. пол. Ia КБН 31, 913, т. е. времени до предполагаемого переименования Гермонассы.

² К должности *λοχαγῶς* *Ἀγρίππειων* ср. *λοχαγῶς* *Ταναε[ιτων]* надписи IIIp КБН 1251a; ср. также *στратηγῶς* *Τικανβε[ιτων]* КБН 382 и *κεντοურიων* *ὁ* *καὶ* *πρίνκιπ* *Θραῶν* КБН 666.

церу фанагорийцев — отряды этих расположенных рядом, в 10 км друг от друга, городов могли действовать сообща. Можно также думать о симполии Фанагории и Гермонассы. Итак, стела поставлена архонтами Кесарей и этим вопрос о ее идентификации с Пантикапеем или Гермонассой решается в пользу последней.

3. Автономные боспорские города

Рассмотрим вопрос о статусе боспорских городов — Фанагории, Гермонассы, Пантикапея, Горгииппии и Танаиса в римское время.¹ Что касается Фанагории, то известно, что за противодействие Митридату Евпатору римляне предоставили ей в 63–62 г. статус свободного города (*Аφρ. Μιθρ. 113*). Однако декрет фанагорийского буле и демоса (*Φαναγορίτων ἡ βουλὴ καὶ ὁ δῆμος* от 88 г. до н. э. [Виноградов, 1991]) показал, что этот статус Фанагория получила от Митридата, а римляне лишь подтвердили его в 63–62 г.² Следующее свидетельство о полисном статусе Фанагории относится ко времени после 12–11 г. до н. э.: «демос агриппейцев» ставит статую Динамии (КБН 979). Эта лакуна в полстолетия неясна — то ли Фарнак, фактически продолжавший дело отца, препятствовал реорганизации Фанагории в независимый от него город, то ли это случайное отсутствие свидетельств. По аналогии с рядом городов Малой Азии, получивших автономию за проримскую позицию в войнах Рима с Митридатом Евпатором, но вскоре утратившими ее [Ранович, с. 44], можно думать, что в подобном положении оказалась и Фанагория, с переименованием которой в честь умершего зятя Август подтвердил ее свободный статус. В дальнейшем по меньшей мере еще два столетия Агриппия оставалась *civitas libera*, о чем свидетельствует упоминание демоса, буле и должности политарха в надписях II в. н. э. (КБН 982, 983, 1000).

Близкая картина наблюдается и в Гермонассе. Упоминание «архонтов кесарейян» в надписи КБН 1051 от 307 г. н. э. и буле в надписях II в. КБН 1096, 1100 (см. с. 283, 293) — двух традиционно полисных институтов, бесспорно свидетельствует об автономии этого города. Время обретения Гермонассой автономного статуса определяется ее эмиссией меди с легендой *Καισαρέων* после переименования города в 12–11 г. до н. э. в Кесарею. Право чекана мелкой меди в римской империи имели автономные города [Mommsen, 1887, S. 709/10]. Получение такого статуса Кесареей обусловлено прежде всего наличием в ней храма Августа, хотя вероятна и обратная мотивировка — с обретением автономии в городе был введен культ Августа. Предоставление автономии городам было одной из характерных черт его политики [Машкин, с. 503/4], оно зависело от его воли и нередко увязыва-

¹ О полисном статусе боспорских городов в предшествующее время [Цецхладзе, 1999, с. 193 сл.] (лит.); общий обзор темы [Завойкина, 2009a].

² По О. А. Габелко [2005a, с. 150], надпись может быть датирована 210 г. «эры Кимнатены» = 105 или 104 г.

лось с культом принцепса. Например, Кизик был лишен свободы Тибери-ем за небрежение к культу Августа, храм которого в этом городе оставался недостроенным (*Dio Cass.* LVII, 24, 6). Предоставление автономии городам широко практиковалось Римом в восточных областях империи; например, в провинции Азия было около 30 свободных городов [Ранович, с. 44]. Поэтому, исходя из этого принципа римской политики, мы вправе полагать, что и на Боспоре крупнейшие города были автономными. Свидетельства свободного статуса просматриваются и в эпиграфике Пантикапея, Горгиппии, Танаиса. Упоминание в пантикапейской надписи 275–278р КБН 36 должности политарха позволяет думать, что и архонт, упоминающийся в разрушенном контексте царского рескрипта III в. н. э. КБН 836 (ниже, с. 305), был магистратом Пантикапея. Поэтому следует признать справедливым мнение К. М. Колобовой [1953, с. 55; 1954, с. 85], что декрет КБН 432 Б, найденный в Керчи и изданный в I в. н. э. от имени «совета и народа», связан с Пантикапеем, который, стало быть, также имел статус автономного города [Завойкина, 2009а, с. 150]. Известную роль и в данном случае играло наличие в Пантикапее храма Цезаря, что мы постулировали выше. Декрет КБН 432 Б стоит особняком среди пантикапейских надписей — других документов, изданных от имени «совета и народа», здесь нет (что и заставило В. В. Латышева считать его декретом другого города). Пожалуй, это можно объяснить, тем, что декрет относится к первым годам или десятилетиям автономного существования Пантикапея (скорее всего, при Августе), когда боспорские цари еще не лишили их прерогативы предоставления почестей частным лицам и издания соответствующих документов. В числе боспорских почетных надписей лишь несколько изданы в честь лиц не царского дома (КБН 57, 432 Б, 823, 1050 и, возможно, 835, см. с. 541), да и то в двух из них, более или менее сохранившихся (КБН 57, 1050, а 823 и 835 — незначительные фрагменты), упоминаются августейшие владыки. Это обстоятельство свидетельствует о том, что на Боспоре почетные надписи, как правило, ставились в честь августейших особ и только в крайнем случае в честь отличившихся перед ними лиц, так что декрет «совета и народа» КБН 432 Б — из разряда исключений, подтверждающих правило. Мнению Латышева и комментаторов КБН о привозном характере камня с этой надписью противоречит тот же шрифт сделанной на нем позднейшей надгробной надписи (не лишено значения и наблюдение Г. Кизерицкого и К. Ватцингера о принадлежности рельефа пантикапейской мастерской, см. [Колобова, 1958, с. 193]).

Свойства автономных городов, проявляются и в надписях Горгиппии, Танаиса [Колобова, 1953, с. 55/6; Завойкина, 2004, с. 177; 2009а, с. 152/3; Иванчик, Тохтасьев, с. 101]. Почетную надпись в честь Рескупорида II поставил ο δήμος Горгиππέω[υ] (КБН 1118). В Танаисе времени Савромата II и Рескупорида III засвидетельствована должность ἀρχων Ταναϊτῶν (КБН 1237, 1242, 1245). Интересно, что и в районе Танаиса отправлялся культ Августа — Птолемей (*Geogr.* III, 5, 12) упоминает здесь Καίσαρος βωμόν. Каждый свободный город в обязательном порядке отправлял культ того императо-

ра, который предоставил ему автономию. Как мы видели, применительно к 4 свободным городам Боспора имеются реалии, указывающие на культ Августа: в Гермонассе это Καίσαρεῖον, в Фанагории и Пантикапее — статуи Августа и Ливии, в районе Танаиса — «алтари Кесаря». Это позволяет думать, что Пантикапею, Гермонассе и, может быть, Танаису автономия была предоставлена Августом, подобно Фанагории, автономию которой он подтвердил с переименованием ее в Агриппию. Горгиппия могла получить автономию при Флавиях (упомянутая надпись в честь Рескупорида II).

Не подлежит сомнению, что на Боспоре права автономных городов были уже, чем в городах восточных римских провинций — об этом свидетельствует крайняя редкость полисных надписей. Однако нет оснований утверждать, что здесь, как в других регионах, свободные города создавались римской властью в противовес местным царям. Полагаем, на Боспоре интересы городов настолько зависели от прочности царской власти, которая одна и могла объединить все силы в один кулак для защиты региона от варваров, что противоречий между царями и автономными городами по большому счету не было. Боспорские цари I–III вв. сосредоточили в своих руках важнейшие функции — оборону, внешнюю и внутреннюю политику и *пр.*, а ведение местных дел предоставили городским властям. Этим они отличались от Спартокидов, титул которых «архонт» свидетельствует о сосредоточении в их руках также полисной власти, что указывает на силу городов классического и эллинистического времени, их больший сравнительно с римским временем военно-политический и экономический потенциал. Суть же этой разницы определяется тем, что в классическую и раннеэллинистическую эпохи полисный строй был таков, что экономические ресурсы работали главным образом на интересы всего коллектива граждан, тогда как с III–II вв. до н. э. превалировали частные интересы и сложившийся слой богатой олигархии был заинтересован в сильной надполисной власти, которая обеспечивала бы их политико-экономическое господство над трудовым народом. Отчасти эти процессы иллюстрируются нынешней российской действительностью — в 1990-х годах партийно-хозяйственная номенклатура присвоила себе общенародную собственность, для чего нужна была слабая ельцинская государственная власть, а для упрочения результатов грандиозного разворовывания общенародного достояния установилась авторитарная государственная власть, опирающаяся на полицию (внутренние войска боеспособней армии, на Украине они даже численно преобладают), на штампуемый нужное законодательство псевдопарламент и на обеспечивающие информационное прикрытие скупленные нуворишами средства массовой информации, точнее, дезинформации. Вот три кита, на которых покоится олигархическое государство. Эта современная параллель подсказывает нам направления, в которых следует вести исследование политических, экономических и социальных процессов, проходивших в Сев. Причерноморье в позднеэллинистическое и римское время: частные состояния, полиция, пропаганда. Если Херсонес и Ольвия трансформировались в

олигархические полисы, то Боспор с его огромным внутренним варварским компонентом, как и при Спартокидах, пошел по пути укрепления царской власти, обеспечивавшей власть столичной и местной олигархии. Сугубо олигархический характер боспорских полисов римского времени показывает Гермонасса, буле которой включало представителей двух родов — Юлиев и Понтиков (с. 519). Как обычно, полисные магистратуры были выборными, но это псевдодемократический фарс — во всех полисах востока Римской империи власть безраздельно находилась в руках богатых горожан. На наш взгляд, как раз общность интересов олигархии и царской власти обеспечила многовековое существование Боспорского царства. Показательно в этом отношении посвящение аристократов — всей нынешней и бывшей номенклатуры царства, объединившейся вокруг царя Тираниса и оставившей вдохновенный эпиграфический памятник этого единения — КБН 36: держава агонизирует, тот же Тиранис усидел на троне всего 3-4 года, но олигархическая верхушка поет осанну царю и себе. Историк Боспора, как и любой другой страны, должен понимать, что как раз олигархия была и есть причиной постепенного упадка любого государства, так как в ее интересах по определению превалирует собственный карман, а не потребности державы. Вся кровавая история последних двух тысячелетий и особенно последнего столетия, а также наших дней показывает, что *крупный частный собственник, олигарх — проклятие человеческого рода*.

4. Полисные декреты Кесареи

КБН 1047.

Почетная надпись в честь Веспасиана (68–78 гг.), текст и пер. КБН:

αὐτοκράτορα Οὐέσπασιανὸν καίσαρα Σε[βαστόν, ἀρχιερέα μέγιστον,
αὐτοκράτορα τὸ σ', πατέρα πατρίδος, ὑπάτου τὸ γ', ἀποδεδειγμένον τὸ δ'),
κ[ύρι]ον τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου ----- [βασιλεύοντος
βασιλέως <ως> εὐσεβῶς τοῦ ἐκ προ[γόνων] βασιλέων Τιβερίου'Ιουλίου]
5 Ρησκοῦ[φι]δος βασιλέως'Ιουλίου [Κότυος καὶ βασιλίσσης Εὐνείκης (?)]
υἱοῦ, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ[μαίου, εὐσεβοῦς, ἀρχιερέως τῶν Σεβαστῶν]
διὰ βίου καὶ εὐεργέτου τῆς πατρ[ίδος]

«императора Веспасиана (*его изображение*), цезаря, августа, верховного первосвященника, императора в шестой раз, отца отечества, консула в третий раз, избранного в консулы в четвертый раз, господина всего Боспора... в благочестивое царствование потомка царей Тиберия Юлия Рескупорида, сына Юлия Котиса и царицы Эвники (?), друга цезаря и друга римлян, благочестивого, пожизненного первосвященника августов и благодетеля отечества». Рассмотрим сложные для понимания стк. 3-4, в которых чтение А. И. Болтуновой, развивающее дополнение Латышева, [βασιλεύοντος βασιλέως <ως> εὐσεβῶς по существу правильно, но нуждается в обосновании, которого авторы не дали. Кроме того, следует выяснить, что еще содержалось в стк. 3 и кто поставил надпись. Полагаем, оставшуюся лакуну стк. 3 следу-

ет заполнить почти обязательным для почетных надписей в честь римских императоров титулом τὸν εὐεργέτην (КБН 38, 41, 48, 52, 1046). Необходимость дополнения обязательного в почетных надписях указания на поставившее ее лицо видел В. В. Латышев (Архив), который восстановил в стк. 3 [ἀνέστησεν'Αγριππέων ὁ δῆμος βασι[λεύοντος] «поставил народ агриппейцев при правящем». Точное по мысли, это дополнение страдает двумя недостатками. Во-первых, в стк. 3 нет места для упоминания постановщика надписи, ибо вслед за словом βασιλεύοντος, как правильно сочла А. И. Болтунова, должно следовать обязательное βασιλέως эпонимной датировки, вследствие чего βασι[λεύοντος] без переноса остается в стк. 3. Отсюда следует, что указание на постановщика надписи содержалось в лакуне последней строки. Во-вторых, Латышев напрасно приписал надпись агриппейцам — комментаторы КБН справедливо указали, что камень происходит из окрестностей Гермонассы, а не Фанагории. Принимая во внимание, что длину строки надписи примерно в 54 буквы показывают стк. 1-2 и что в римское время Гермонасса официально именовалась Кесареей (см. выше), читаем стк. 3-7:

κ[ύρι]ον τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου, [τὸν αὐτοῦ εὐεργέτην βασιλεύοντος
βασιλ]έως <ως> εὐσεβῶς τοῦ ἐκ προ[γόνων] βασιλέων Τιβερίου'Ιουλίου]
5 Ρησκοῦ[φι]δος βασιλέως'Ιουλίου [Κότυος καὶ βασιλίσσης Εὐνείκης (?)]
υἱοῦ, φιλοκαίσαρος καὶ φιλωρ[μαίου, εὐσεβοῦς, ἀρχιερέως τῶν Σεβαστῶν]
διὰ βίου καὶ εὐεργέτου τῆς πατρ[ίδος ἀνέστησεν ὁ δῆμος ὁ Καισαρέων]

«... владыку всего Боспора, своего благодетеля при правящем благочестивом царе, происходящем от предков царей Тиберия Юлии Рескупориде, сыне Юлия Котиса и царицы Евники (?), друге цезаря и друге римлян, благочестивом, пожизненном первосвященнике августов и благодетеле отечества поставил народ кесареян». В чтении Латышева — Болтуновой [βασιλεύοντος βασιλ]έως <ως> εὐσεβῶς требуют разъяснения два обстоятельства. Первое: в эпонимной датировке после формулы βασιλεύοντος βασιλέως обязательно следует имя царя, в указанном же чтении на его месте сначала следует описка <ως>, затем титул εὐσεβῶς. Можно думать, что опущение имени царя вызвано заминкой с диттографическим <ως>, тогда как присутствие титула εὐσεβῶς находит аналогию в титуле Котиса I, отца нашего Рескупорида, в стихотворной строительной надписи КБН 958: υἱός' Ασπούργου, εὐσεβέος Κότυος. Еще одно затруднение чтения [βασιλεύοντος βασιλ]έως <ως> εὐσεβῶς заключается в форме род. падежа титула εὐσεβῶς, так как в титулатуре боспорских царей употребляется только нормативная форма εὐσεβοῦς. Видимо, на нее повлияла все та же описка — вслед за диттографическим <ως> появилась и форма εὐσεβῶς, однако, не нарушившая грамматической правильности текста, поскольку в римское время заменительное или растяженное ου иногда заменялось омегой, в том числе в окончании род. падежа [Доватур, 1965, с. 801, § 7, 8].¹ В за-

¹ Все эти вопросы снимает предложенное нами ранее дополнение стк. 3: κ[ύρι]ον τοῦ σύμπαντος Βοοσπόρου, [τὸν τιμήσαντα τὰ ἱερὰ τῆς Καισαρέων | πόλ]εως ὡς εὐσεβῶς «владыку всего Боспора, (?) почтившего святилища города кесареян так благочестиво».

можно понять смысл обрывков исследуемого текста. Так, аттические клерухи на Саламине избрали из своей среды Феодота для ежегодного занятия этой должности и в почетном декрете в его честь от 131а перечислили его различные траты на общественные нужды из собственных средств — на спортивные, религиозные мероприятия и постройку стои (Michel, 159 = Syll.³ 691). Подлинный клад информации для нас — декрет г. Сеста ок. 125а в честь местного богатея Менаса, который помимо прочего дважды исполнял должность гимнасиарха, за что был отмечен большим и содержательным почетным декретом (Michel, 327). С молодости он проявил себя активным общественным деятелем, участвовал в военных операциях и посольствах, занимал различные должности и нес литургии; избранный гимнасиархом, потратил много собственных средств на гимнасий, устройство спортивных состязаний, закупку оружия, на всевозможные празднества и жертвоприношения, уделял внимание снабжению города хлебом и т. д. Опираясь на этот документ, обратимся к пантикапейской надписи. Под руководством Менаса введение в городе собственной медной монеты осуществлено $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\omega\varsigma$ τε καὶ δικάως «благочестиво и справедливо» (стк. 46), с чем сопоставимо стк. 1 --καυς-- нашей надписи: чествуемое лицо действовало [$-\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omega\varsigma$ τε] καὺσ[εβῶς].¹ В стк. 3 можно читать известное на Боспоре имя $\Sigma\epsilon\upsilon\theta\eta\varsigma$, но более вероятен элемент лексики почетных декретов [$-\varsigma$ $\epsilon\upsilon\theta\eta[\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma]$] — *cp.* $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\upsilon\theta\eta\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\sigma\iota\tau\omega\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ «для достаточной закупки хлеба городом» почетного декрета мантинейцев в честь Евфросина (Syll.³ 783. 16) или $\epsilon\upsilon\theta\eta\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\epsilon\pi\mu\epsilon\lambda\epsilon\tau\eta\varsigma$ — о должностном лице, ведавшем достатком продуктов (IG IV, 795); *cp.* также [Le Bas, Waddington, III, 107; OGIS 90, 669, 705]. Напомним, что и Менас, будучи гимнасиархом, занимался вопросами снабжения города хлебом, когда поля из-за военных действий стали бесплодными (стк. 56 сл.). Это позволяет думать, что наряду с должностью гимнасиарха чествуемое нашим декретом лицо исполняло должность, связанную с анноной. Соответственно и в стк. 2 можно читать что-либо вроде обычного в почетных декретах $\epsilon\dot{\epsilon}\delta\omega\kappa$ εν δρ[αχμᾶς], и, возможно, речь идет о пожертвовании средств на закупку хлеба городом, если соединить по смыслу стк. 2 и 3. Ольвийский Протоген $\epsilon\iota\varsigma$ τὴν $\sigma\iota\tau\omega\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ χρυσοὺς χιλίους... $\epsilon\dot{\epsilon}\delta\omega\kappa$ «на снабжение города хлебом дал тысячу золотых» (IOSPE I² 32 A. 69; о внесении эвергетами денег на ситонию в тех же словах говорится также в почетных декретах Syll.³ 304. 12; 671 B. 6). Предположим, что и наш благодетель расщедрился на такую сумму: [$-\epsilon\dot{\epsilon}\delta\omega\kappa$] εν δρ[αχμᾶς *e. g.* χιλίας] -- $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\upsilon\theta\eta[\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\sigma\iota\tau\omega\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma]$ «дал для достаточной закупки хлеба городом тысячу драхм». В стк. 4 слово χρῆσι указывает на какое-то отношение чествуемого к оракулу — в почетных надписях иногда сообщается о поездке его за оракулом в почитаемое общегреческое святилище (к примеру, афиняне послали Питаида за оракулом в Дельфы — Syll.³ 698. 5), или что-либо исполняется κατὰ χρῆσιν (например, того же Питаида афиняне отправляют в Дельфы

¹ Возможна и распространенная в почетных декретах констатация его благочестия: καὺσ[εβῶς] «и благочестивый», либо чтение окончания одного слова --κα и начало другого --

κατὰ τ[οῦ θεοῦ] χρῆσιν (Ib. 698. 3). Фрагмент КБН 1217 из Горгиппии открывается формулировкой κατὰ χρῆσιν, затем следует эпонимная датировка по царствующему Тиберию Юлию, т. е. этот документ II в. составлен по случаю какого-то оракула, имевшего общественное значение для города. Однако нам представляется правильным иное чтение: в копии Ф. Дюбуа между Σ и Μ снизу показан вертикальный штрих, который принадлежит утраченной *иоте*, так что читать тут надо банальное в почетных декретах выражение χρῆσιμος γίνεσθαι «быть полезным», как в том же декрете о Менасе (стк. 15). Может быть, последняя строка нашего декрета сообщает об исполнении чествуемым лицом также должности секретаря, как думал Бёк, дополняя причастие [γρ]αμματεῦ[σας--], но почетные декреты нередко завершаются предписанием об увенчании чествуемого лица и распоряжением секретарю написать данное постановление на каменной стеле. К примеру, об этом говорится в декрете о гимнасиархе Феодоте: στεφανῶσαι αὐτόν... ἀναγράψαι τόδε τὸ ψήφισμα τὸν γραμματέα κтл. (Syll.³ 691. 28 sq.). Изложенное позволяет предложить примерный текст рассмотренного декрета:

[--] καὺσ[εβῶς? --

-- $\epsilon\dot{\epsilon}\delta\omega\kappa$] εν δρ[αχμᾶς *e. g.* χιλίας --

-- $\epsilon\iota\varsigma$ $\epsilon\upsilon\theta\eta[\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\sigma\iota\tau\omega\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\epsilon\pi\epsilon\iota\delta\eta$ ὁ δεῖνα τοῦ δεῖνος τῇ πόλει] χρῆσ[ι]μ[ος] ἐγένετο, στεφανῶσάτω μὲν ὁ ἀρχων αὐ-

5 τὸν διὰ βίου γυμ[ασιάρχοντα] χρυσῷ στεφάνῳ, ὁ δὲ γρ[αμματεῦ]ς ἀναγράψάτω τόδε ψήφισμα εἰς στήλην λιθίνην κтл.]

«--и благочестивый --, дал для достаточной закупки хлеба городом (*e. g.*) тысячу драхм. Поскольку имярек, сын такого-то -- оказался полезным городу, пусть архонт увенчает его, пожизненно исполняющего должность гимнасиарха, золотым венцом, а секретарь пусть напишет это постановление на каменной стеле --». Завершаются декреты в честь гимнасиархов предписанием установить стелу в гимнасии (Michel, 159. 34; 327. 98; 552. 24), так что и данный декрет стоял в гимнасии Пантикапея. В новой пантикапейской надписи [Сапрыкин, Чевелев, 1996] упоминается еще один местный гимнасиарх, вместе с неанискархом занимавшийся воспитанием молодежи в одном из тамошних синодов.

б) КБН 51.

Обломок тонкой мраморной плиты, текст и пер. КБН: --| στήσ[αι]--| ἐν τῷ [ἱερῷ (или ἐπιστήμῳ τόπῳ) τε]λα]]μῶνα «Поставить... в храме или на видном месте памятник». Комментатор Т. Н. Книпович правильно сочла, что это «постановление об установке памятника в каком-либо общественном месте», но ошибочно причислила вслед за В. В. Латышевым в разряд почетных надписей — по тексту это обычная концовка полисных декретов, предписывающих поставить стелу с декретом на видном месте. Частые в полисах, декреты подобного рода по понятным причинам редки в Боспорском царстве. Эту надпись II в. н. э. следует отнести в разряд полисных декретов Кесареи вместе с пантикапейскими КБН 432 Б, 823, 830, 835 (подробней см. с. 288).

4625-529

Валерий Петрович Яйленко

**ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ
БОСПОРСКИЙ РЕЙХ**
ИСТОРИЯ И ЭПИГРАФИКА БОСПОРА
VI в. до н. э. — V в. н. э.

Подписано в печать 08.12.2010 г.
Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 46,25. Заказ № 355. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: (4872) 47-08-71, тел./факс: (4872) 49-76-96
E-mail: grif-tula@mail.ru, <http://www.grif-tula.ru>